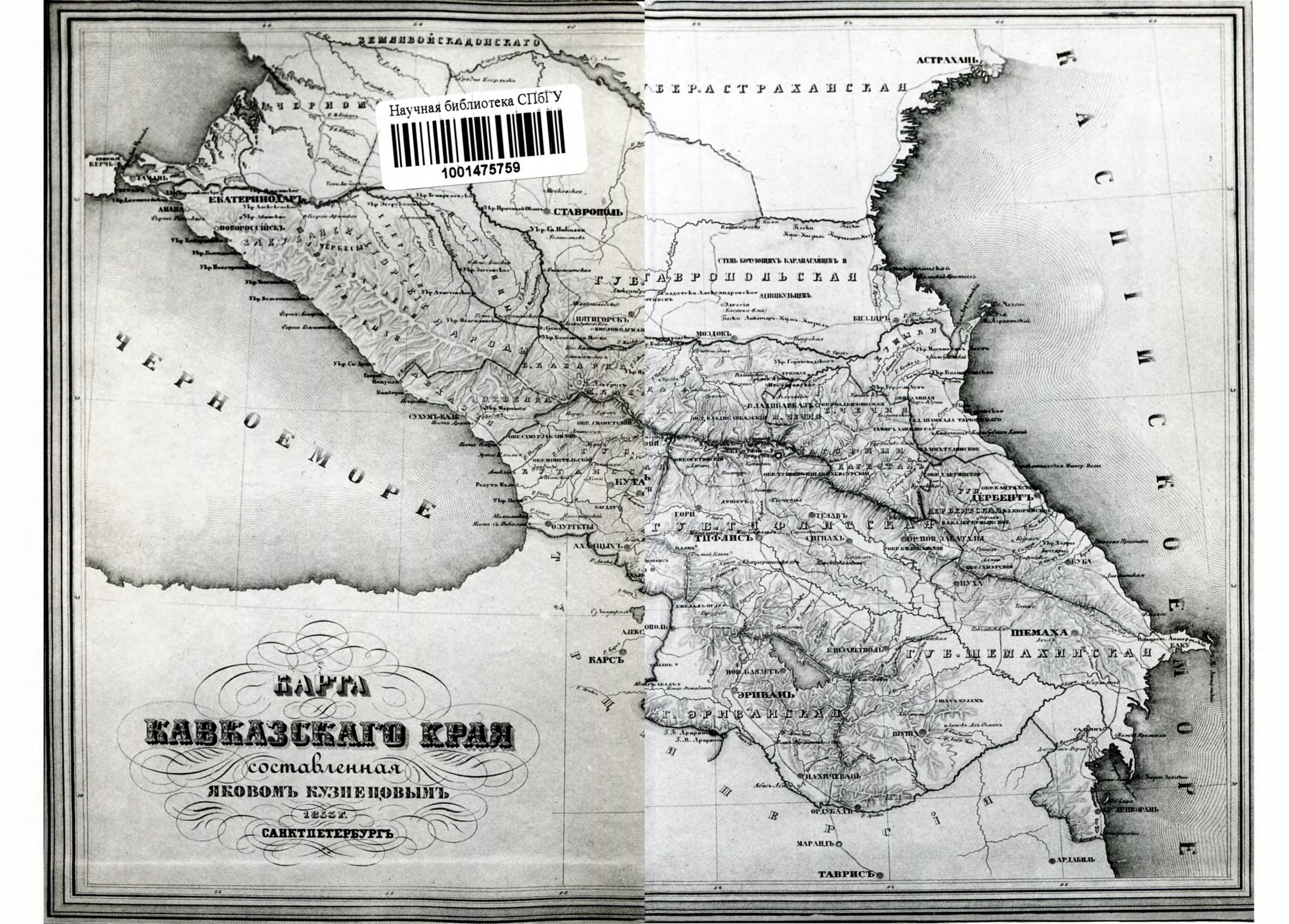
Д.А. Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

1856 – 1860


КАРТА
КАВКАЗСКАГО КРАЯ
составленная
ЯКОВОМЪ КУЗНЕЦОВЫМЪ
САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
ЗЕМЛЯ ВОЙСКА ДОНСКАГО
АСТРАХАНЬ
ГУБ. АСТРАХАНСКАЯ
ГУБ. СТАВРОПОЛЬСКАЯ
СТАВРОПОЛЬ
ЕКАТЕРИНОДАРЪ
НОВОРОССИЙСКЪ
АНАПА
КЕРЧЬ
ПЯТИГОРСКЪ
КИСЛОВОДСКЪ
МОЗДОКЪ
КИЗЛЯРЪ
ВЛАДИКАВКАЗЪ
СУХУМЪ-КАЛЕ
КУТАИС
ОЗУРГЕТЫ
АХАЛЦЫХЪ
КАРСЪ
ГОРИ
ТИФЛИСЪ
ГУБ. ТИФЛИССКАЯ
ДЕРБЕНТЪ
КУБА
ШЕМАХА
ГУБ. ШЕМАХИНСКАЯ
БАКУ
ЭРИВАНЬ
НАХИЧЕВАНЬ
ОРДУБАДЪ
ШУША
ЛЕНКОРАНЬ
АРДАБИЛЬ
ТАВРИСЪ
МАРАНДЪ
ПЕРСІЯ

Д.А. Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

Д.А. Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

генерал-фельдмаршала
графа
Дмитрия Алексеевича
Милютина

1856–1860

Под редакцией
доктора исторических наук
профессора
Л.Г. ЗАХАРОВОЙ

Москва
РОССПЭН
2004

ББК 63.3(2)51
М 60

This work was supported by the Research Support Scheme of the Higher Education Support Programme, grant № 772/1995.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 03-01-00287

Предисловие *Л.Г. Захаровой*

Подготовка текста
Т.А. Медовичевой, Л.И. Тютюнник

Комментарии и указатели
Л.Г. Захаровой, Л.И. Тютюнник, М.А. Чепелкина

Подбор иллюстраций *А.В. Мамонова*

Милютин Д.А.

М 60 **Воспоминания. 1856—1860** / Под ред. Л.Г. Захаровой. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 560 с., ил., карты.

Воспоминания «На Кавказе» генерал-фельдмаршала, военного историка, профессора Военной академии, выдающегося государственного деятеля и реформатора, военного министра императора Александра II графа Д.А. Милютина являются частью впервые осуществляемого семитомного издания его мемуаров, которые охватывают период с 1816 по 1873 г. Том «На Кавказе. 1856—1860» выделяется среди других особой темой, цельностью, завершенностью изложения и потому воспринимается как отдельная самостоятельная книга. В публикуемом томе отражается время, когда Милютин был начальником Главного штаба Кавказской армии при наместнике князе А.И. Барятинском, — время решающего этапа Кавказской войны, покорения Дагестана, Чечни, всего Восточного Кавказа, пленения Шамиля. В детальных и ежедневных подробностях мемуарист описывает картину военных действий, стратегию и тактику российского командования, характер сопротивления горцев, место Кавказа в геополитических рассчетах разных стран. Параллельно с военной развивается и другая сюжетная линия — обустройство Кавказа: строительство дорог, речного пароходства, портов, школ, создание новой администрации на местах, подготовка и проведение реформ (военной, земельной и др.), распространение православия и отношение власти к иноверцам, трагическое по своим последствиям переселение горцев на равнины.

Книга удивительно современна. Она нужна не только историкам, но и политологам, государственным деятелям и широкому кругу любознательных читателей в России и за ее пределами. Публикуется впервые. Издание богато иллюстрировано, снабжено комментариями, указателями имен и географических названий, картами.

ISBN 5 — 8243 — 0350 — 9
ISBN 5 — 8243 — 0543 — 9

РОССИЯ И КАВКАЗ: ВЗГЛЯД ИЗ XIX ВЕКА

25 августа 1859 г., в день 3-й годовщины назначения кн. А.И. Барятинского наместником Кавказа и главнокомандующим и за день до 3-й годовщины коронации Александра II, под Гунибом Шамиль сдался в плен[1]. После первого обмена мыслей и впечатлений Барятинский вдруг обратился к сопровождавшему его начальнику Главного штаба Кавказской армии Д.А. Милютину: «Знаете ли, Дм[итрий] Ал[ексеевич], о чем думал я теперь? Я вообразил себе, как со временем, лет через 50, через 100, будет представляться то, что произошло сегодня, какой это богатый сюжет для исторического романа, для драмы, даже для оперы! Нас всех выведут на сцену в блестящих костюмах; я буду, конечно, главным героем пьесы — первый тенор в латах, в золотой каске с красным плюмажем; Вы будете моим наперсником, вторым тенором; Шамиль — basso profundo*»[2]. Сегодня, 140 лет спустя, мы видели войну в Чечне не на подмостках театров, а в жестокой и кровавой реальности. Тем важнее вновь обратиться к истории многолетней Кавказской войны XIX века. Расхожая фраза, что история никого не учит, конъюнктурна и прикрывает поверхностность, некомпетентность политиков. Она перечеркивается блестящим афоризмом В.О. Ключевского: «Прошлое надо изучать не потому, что оно уходит, а потому, что уходя, оно оставляет свои последствия».

Здесь нет необходимости касаться запутанной и чрезмерно политизированной историографии Кавказской войны. Тем более, что есть специальные работы профессиональных кавказоведов, хотя бы недавно вышедшая статья В.В. Дегоева об итогах изучения Кавказской войны[3]. Задача этого предисловия — привлечь внимание к уникальному, но еще далеко не изученному источнику: воспоминаниям генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютина.

Мемуары Милютина, хранящиеся в его фонде в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, охватывают период с 1816 по апрель 1873 г., что по проекту их издания составит 7 томов, и во всех есть материал о Кавказе. В трех из них Милютин выступает как очевидец и участник Кавказской войны. Это вышедший в 1997 г. первый

* глубокий бас — итал.

том, в котором отразились события 1839—1840 гг., когда Милютин был на Кавказе, затем второй том (М., 2000 г.), отразивший еще одно пребывание Милютина на Кавказе — 1843—1845 гг. и третий, данный тематический том «На Кавказе. 1856—1860». В остальных четырех томах, два из которых вышли[4], мемуарист выступает уже не как участник, но как военный министр, владеющий всей информацией о завершении войны и послевоенном обустройстве Кавказа.

Публикуемый специальный том «На Кавказе. 1856—1860» отражает время, когда Милютин был начальником Главного штаба действующей Кавказской армии при наместнике А.И. Барятинском, время решающего этапа Кавказской войны, покорения Чечни, всего Восточного Кавказа, пленения Шамиля, определивших перелом и в продолжавшейся войне на Западном Кавказе. Эта часть мемуаров писалась в 1889—1892 гг., в Симеизе, куда в свой «крымский скит» после отставки в 1881 г. удалился Милютин, в возрасте 73—76 лет[5]. Насколько работоспособен и энергичен был в эти годы бывший военный министр можно судить по воспоминаниям профессора генерал-лейтенанта Г.Г. Христиани, который посетил его во главе депутации Военной академии в ноябре 1911 г., т. е. спустя четверть века после написания мемуаров. Вот портрет 95-летнего Милютина: «Не успела депутация войти в небольшую гостиную, как из двери кабинета бодрою, быстрою походкою, без палки, немного лишь согнувшись, вышел граф. С замечательно приветливою улыбкою, с редким радушием подал он руки членам депутации <...>. Депутация была поражена его внешним видом: бодрый, веселый, с быстрыми движениями, со светлым ясным взглядом своих необыкновенно добрых глаз, он казался стариком лет 70—75, не более, т. е. лет на 20 моложе действительного своего возраста». Членов депутации поразила «ясность ума графа, его правильные взгляды как на давно прошедшее, так и на настоящие события, его интерес положительно ко всем явлениям современной жизни, его необыкновенная память, позволявшая ему так здраво говорить и судить, как о лицах и делах давно прошедших, так и о событиях ближайшей нам эпохи»[6].

Но мемуары, в частности о Кавказе, написаны не только на основе прекрасной памяти. Милютин располагал богатейшим архивом, который вывез в Симеиз, и свои воспоминания он подкреплял документальными материалами — рапортами, записками, проектами, приказами по армии, а главное — письмами. Множеством писем, приходящим ему лично (А.В. Головнина, А.П. Карцова, П.Д. Киселёва) и А.И. Барятинскому (императора Александра II, вел. кн. Константина Николаевича, военного министра Н.О. Сухозанета, государственного секретаря В.П. Буткова, командующих Кавказскими войсками генералов Н.И. Евдокимова, Г.И. Филипсона и др.). Это многократно усиливает впечатление и повышает ценность мемуаров.

И еще одна особенность мемуаров Милютина. Дмитрий Алексеевич любил Кавказ. «Земля обетованная», «благодатный край» — частые и

обычные определения Кавказа. Он восторгался «чистым горным воздухом», «чудным небом», суровой и величественной красотой Кавказского хребта. С тоской и неохотой он покидал Кавказ осенью 1860 г., получив назначение в Военное министерство. Эта любовь делала его душу, сердце, ум открытыми, восприимчивыми для всего достойного и заслуживающего внимания на Кавказе. Он проехал верхом и в экипажах по дорогам — Военно-Грузинской, Военно-Осетинской, Военно-Имеретинской; пешком и на лошадях по узким тропам Чечни, Ичкерии, Дагестана, по висячим мостикам в горах; проплыл на паромах по рекам. Он знал обычаи горцев (множества народностей и племен) и грузин (разных ветвей — кахетинцев, имеретинцев, сванов и т. д.); был хорошим рисовальщиком и делал зарисовки колоритных национальных типов, аулов, домов, саклей, пейзажей. Он писал не только о военных действиях, но и о мирном строительстве: дорог, портов, школ, об осушении болот; о духовенстве и религии православных и мусульман, о празднествах — с перечислением угощений, сортов вин и произнесенных тостов. И потому этот том назван мемуаристом не «Кавказская война», а «На Кавказе». Воспоминания Милютина о Кавказе, помимо богатства содержания, особенно ценны тем, что они помогают понять и почувствовать безвозвратно ушедшее время, найти верную тональность для исследования и адекватного воспроизведения событий XIX века на рубеже XX/XXI веков.

Том мемуаров Милютина «На Кавказе» неисчерпаемо богат по своему содержанию. В детальных и ежедневных подробностях мемуарист рисует картину военных действий и обустройство мирной жизни в течение четырех лет. Не претендуя на всестороннюю, исчерпывающую характеристику публикуемого тома, здесь можно осветить только отдельные вопросы, недостаточно изученные в литературе. Одни — относятся к истории Кавказской войны, другие — к обустройству Кавказа.

Интересна мотивировка необходимости решительных военных действий во второй половине 1850-х гг., после назначения Барятинского и Милютина, их понимания роли Кавказа для России. Главнокомандующий и наместник ставил перед правительством вопрос категорически: «Нужен ли Кавказ для будущего блага России или нет, — писал Барятинский великому князю Константину Николаевичу 30 июня 1857 г. — Сообразно решению этого вопроса следует одно из двух: или употребить на этот край усиленные средства, или бросить его навсегда. Полумерами мы образуем только язву, истощающую лучшие силы государства». Хотя «прямого ответа» не последовало, но А.В. Головнин извещал Барятинского, что Его Высочество «очень благодарен за это сообщение, выяснившее ему многое»[7]. Возвращаясь к этой животрепещущей теме уже в письме к Милютину, находившемуся в октябре 1857 г. в Петербурге, Барятинский писал: «Если Государь желает воспользоваться теперешними обстоятельствами (т. е. восстанием в Индии, ослаблением Турции, дружественным расположением к нам Франции и

Персии), то все-таки первым делом должно быть прочное утверждение наше на Кавказе. Когда эта цель будет достигнута, тогда явится само собою и преобладание наше на Востоке. Добиваться же того, минуя Кавказ, или перешагнув через него, так же безрассудно и нелепо, как и естественно невозможно»[8]. Отстаивая интересы своего региона, Барятинский ставил перед Морским и Военным министерствами и вообще перед высшей властью более широкие и перспективные задачи. «По его мнению, — пишет Милютин, — никакие финансовые затруднения настоящего дня не оправдывают добровольного отречения великой державы от своего политического значения и веса относительно других государств. Утрата, вследствие неудачной войны, нашего положения на Черном море заставляла ли нас обречь себя на бессилие и на всех других морях? Напротив того, она вызывает на возможно энергичные усилия, чтобы наверстать сколько-нибудь понесенную утрату, усилением Балтийского флота, Каспийской и Тихоокеанской флотилий». Полностью разделяя взгляды и позицию главнокомандующего, Милютин добавляет от себя: «Став на такую точку зрения, не мог он сочувствовать, преобладавшему в то время в наших высших правительственных сферах чрезмерному стремлению к уменьшению расходов. В Петербурге только и слышно было об отмене, упразднении, сокращении. Эти заботы о сокращении сделались почти манией <...>. Один князь Барятинский считал еще в себе силы, чтобы плыть против течения»[9].

Действительно, оппозиция политической линии и действиям Барятинского в «верхах» была сильная. Даже в Кавказском комитете его поддерживал только председатель А.Ф. Орлов. Однако Барятинскому удалось убедить в реальности и осуществимости своих планов самого императора, подкрепляя свои всеподданнейшие проекты, записки, письма сообщениями о победах «несравненных Кавказских войск». Поддержка и одобрение самодержца обеспечили самостоятельность и свободу действий наместника Кавказа. Но случалось, хотя и редко, что Александр II не выдерживал натиска критиков наместника. Так, 4 марта 1859 г. генерал А.П. Карцов писал Милютину, что «в Военном министерстве и в публике есть много противников Кавказа». По выражению Карцова, «нужен блестящий успех, чтобы зажать рты». Однако и «такие блестящие успехи, каковы одержанные Евдокимовым в Аргунских долинах и затем взятие шамилева гнезда (т. е. Веденя — *Л.З.*), не вполне успокоили враждебные толки»[10].

В собственноручном письме Александра II Барятинскому высказывалась мысль: «Не следует ли воспользоваться одержанным важным успехом, чтобы войти в переговоры с Шамилем». Милютин дает категорическую оценку подобной постановке вопроса: «Возможно ли помышлять о переговорах с заклятым врагом, когда рука, так сказать, занесена уже для решительного его поражения? Не значит ли это добровольно отказаться от приобретенного дорогою ценой выгодного положения, и вместо окончательного водворения русской власти в горах Кавказа,

удовольствоваться сомнительным, непрочным перемирием?»[11]. Барятинский мгновенно отреагировал. Он испросил разрешения Александра II отправиться в Петербург для личных объяснений. За неимением телеграфного сообщения Кавказа с Петербургом, Барятинский просил, чтобы высочайшее разрешение было передано по телеграфу в Симферополь и оттуда переслано с нарочным в Ставрополь, куда он и выехал, не дожидаясь ответа императора, так как оставалось очень мало времени (только месяц) до начала намеченных военных действий. В самом конце мая Барятинский был уже в Царском Селе; 4 и 5, а затем 15 и 16 июня имел доклады у Александра II. «Успех полный, — писал он из Петербурга о результатах Милютину, — поездка моя оказалась совершенно необходимою». Барятинскому удалось отговорить Александра II от переброски части Кавказских войск (до 300 тыс. чел.) на западную границу России и получить согласие на продолжение военных действий по плану, принятому еще в 1858 году[12].

Сведения об этом плане, приведенные Милютиным, освещают еще неизвестные, но очень важные, страницы истории Кавказской войны. Общий план действий на 1859 г., представленный по заведенному порядку Главным штабом Кавказской армии в Петербург, «был изложен в самых неопределенных чертах» и оставлял широкий простор местному военному начальству. Он был конкретизирован, детально разработан командующим Левого крыла генералом Н.И. Евдокимовым в письме к главнокомандующему Барятинскому от 28 сентября 1858 г. Во-первых, он настаивал на необходимости решительных и незамедлительных действий: «Если правительство наше желало покорить когда-либо Кавказ, то лучшего момента для этой цели до сей поры не было, да и едва ли и будет в скором времени, если мы не воспользуемся настоящим». Затем он доказывал необходимость концентрации всех частей войск, расположенных в восточной части Кавказа, которые должны «исполнять одну волю». Причем личное присутствие главнокомандующего при войсках он считал обязательным: «Оно устранит многие непредвидимые препятствия, возбудит энергию в войсках и частных начальниках, направит их силы к одной общей цели и произведет сильное влияние на умы горцев». И далее утверждал, что «горцы сами облегчат нам покорение гор, как скоро увидят, что русские пришли не для набега, что они водворяются прочно и ведут войну не против народонаселения, а против власти, их же угнетающей». Без тени колебания Евдокимов заключал: «Момент для решительных предприятий настал именно теперь; не должно жалеть средств, ибо они положат конец войне, столько лет истощавшей государство и стоившей ему сотни тысяч жертв и сотни миллионов денег»[13]. Этими словами кончалось письмо Евдокимова, посланное Барятинскому с нарочным из Хасав-Юрта в Боржом. Ввиду крайней секретности оно не было передано в Главный штаб, а должно было оставаться у Милютина лично. И стратегия, и тщательно разработанная Евдокимовым тактика были приняты главнокомандую-

щим и начальником Главного штаба и успешно претворены. Овладением Гуниба и пленением Шамиля 25 августа 1859 г. завершилось покорение восточной части Кавказа.

С присущей Милютину-мемуаристу взвешенностью оценок, душевной щедростью и чистотой он дает следующую характеристику этим знаменательным и переломным в ходе Кавказской войны событиям: «За Евдокимовым остается великая заслуга, что он первый положительно заявил о наступившем критическом моменте для нанесения решительного удара нашему врагу, что он первый указал и самый способ нанесения этого удара, направлением сосредоточенно наибольших сил с разных сторон в долину Андийского Койсу под общим предводительством самого главнокомандующего»[14].

Приведенные здесь отдельные факты, события, характеристики дают только приблизительное представление о богатстве мемуаров Милютина для изучения истории Кавказской войны. Не менее, а быть может и более, ценны они для понимания той колоссальной деятельности по обустройству Кавказа, которая велась параллельно с ходом военных действий, не дожидаясь окончания войны. Остановимся на отдельных направлениях и примерах.

Для осуществления конкретно-практических и отдаленно-перспективных планов и замыслов наместника и его сподвижников первостепенное значение имела финансовая база. Интересный случай, приведенный в мемуарах, характеризует относительную финансовую самодеятельность Барятинского. Когда министр народного просвещения в смете на 1857 г. урезал расходы на Кавказский учебный округ на 15 тыс. руб., не спросив мнения Барятинского, тот подал жалобу Александру II. Последовало Высочайшее повеление: «Подтвердить, чтобы министры не делали никаких распоряжений по делам кавказским ни от себя, ни через Государственный совет, а все вносили в Кавказский комитет»[15]. А по Положению 22 ноября 1858 г. произошло обособление кавказской финансовой сметы и наместник получил обширные права по употреблению доходов края.

На первое место выдвигалась проблема устройства путей сообщения: сухопутных, речных, морских. Наместник и начальник Главного штаба лично знакомились с реальным положением дел, чтобы определить наиболее насущные потребности края. В августе 1858 г. Барятинский проехал верхом через Сурамский перевал и остался доволен произведенными работами «новой Военно-Имеретинской дороги». В мае 1859 г. по дороге в Петербург он верхом проехал от Пасакауры через перевал до Коби, «чтобы осмотреть начатые работы Военно-Грузинской дороги». В декабре 1859 г. Милютин вместе с М.Т. Лорис-Меликовым предпринял поездку в долину Ардона, по которой предположено было провести новую дорогу — Военно-Осетинскую, для кратчайшего сообщения Северного Кавказа с Рионской долиной. Одновременно обследовалась река Риони на предмет возможной организации судоходст-

ва, что и было осуществлено к удивлению местных жителей; сам Милютин оказался в числе пассажиров парохода первого пробного рейса. Заветной мечтой наместника было строительство Закавказской железной дороги, сначала от Тифлиса до Баку, затем от Тифлиса до Поти. Для предварительных работ он выписал в 1858 г. бельгийского инженера Беля и несколько английских инженеров, подтвердивших возможность реализации этого плана.

Вместе с путями сообщения обустраивались города и порты. В 1858 г. поднят вопрос «о возведении на степень города» Владикавказа; ставился вопрос о Каспийской флотилии и Бакинской станции-порте; о восстановлении города и порта Поти (а «пока это ни город и ни деревня, а малярийное место»). Милютин лично убедился, что порт надо делать в Поти, а не в Редут-Кале, как это предполагалось ранее, осмотрел укрепление Гагры. Для строительства новых крепостей вызван в Тифлис Э.И. Тотлебен и назначен директором инженерного департамента. В мае 1859 г. из Петербурга прибыл на Кавказ инженер Фалькенгаген с проектом постройки гавани в Петровске на Каспийском море.

Руководство Кавказа осознавало задачу «поднять экономическое благосостояние народа», для чего особенно стремилось провести наделение землей во вновь присоединенных аулах и селениях Восточного Кавказа. Для этого учреждались местные поземельные комиссии, однако недостаток подготовленных кадров и финансовых средств ограничивали и замедляли их деятельность. Вместе с тем параллельно с подготовкой отмены крепостного права в России предполагалось проведение крестьянской реформы и в Закавказье на тех же основаниях, но при более сложных условиях. Предпринимались меры по развитию торговли и промышленности. Милютин посетил Алагарский горный завод, основанный в 1853 г. при свинцово-серебряных рудниках, который именно в годы наместничества Барятинского существенно расширил свое производство и в 1859 г. давал 31 $^1/_2$ пуд серебра и 9630 пуд. свинца.

Наряду с развитием экономики, устройством путей сообщения Барятинский и Милютин придавали огромное значение распространению христианства на всей территории Кавказа. Милютин даже считал, что строительство железных дорог и распространение христианства «поведут к перевороту во всем крае». 11 октября 1858 г. Барятинский писал великому князю Константину Николаевичу: «Восстановление христианства в Кавказских горах должно составить важное орудие к умиротворению страны. Чтобы установить и упрочить действия наши в этом деле необходимо образовать особое Общество с большими материальными средствами...»[16] За год до того как Милютин был в Петербурге и имел доклады у Александра II, в числе других вопросов был поставлен и конфессиональный. Как пишет Милютин, после длительных объяснений о ходе военных действий и состоянии войск «император изволил сам спросить, нет ли еще каких-либо дел по гражданской части. Я по-

спешил высказать Ваши мысли о компании Каспийского пароходства, о компании Азиатской торговли, о предположениях насчет железной дороги и орошения безводных степей, о колонизации на помещичьих землях и установлении отношений между помещиками и поселенными на их землях крестьянами, о раскольниках, о распространении христианства посредством особой общины, о Лицее, ... и проч.». Все это было выслушано с большим вниманием и одобрением, а вошедшая в конце доклада императрица проявила особый интерес к вопросу о распространении христианства и «полную готовность принять общину под высокое свое покровительство»[17]. Барятинский, инициатор создания Общества восстановления христианства на Кавказе, вскоре представил об этом специальную записку императору, а 9 июня 1860 г. императрица приняла Общество под свое покровительство. Общество преследовало духовно-нравственные и политические цели: укрепление позиций России в завоеванных районах. Управление делами Общества сосредоточивалось во временном комитете под председательством наместника. Первоначально Общество распространяло свою деятельность лишь на те районы Кавказа, где население исторически исповедовало христианство. Вместе с тем целью Общества было распространение грамотности среди горцев, составление для горских племен азбук и грамматик, если они их не имели, перевод священно-церковных и учебных книг на местные языки, улучшение быта горского духовенства и «снабжение его инструкциями для деятельности», сооружение и поддержание церквей в горских приходах, учреждение школ.

Военные успехи Кавказских войск и постепенное освобождение подвластных Шамилю и другим местным властителям территорий выдвигали на первый план проблему организации административного управления. «Основная идея» Барятинского заключалась в установке «по мере возможности заменять в крае отжившие азиатские формы управления (ханства и др. — *Л.З.*) общею русскою администрацией»[18]. Однако осуществление этой задачи проводилось не всегда прямолинейно и однотипно.

Там, где русская власть встречала отчаянное сопротивление (например, на Лезгинской линии), с гор на равнину было выселено 4 тыс. душ горского населения. Летом 1857 г. около 2 тыс. чеченских семейств были переселены с гор на указанные им открытые места. Многие горцы предпочитали такому переселению выселение в Турцию. Эта ситуация вызывала беспокойство и разногласия в российском правительстве. Так что уже после взятия Гуниба и пленения Шамиля в конце 1859 г. Барятинский был вынужден отправиться в Петербург для объяснений с министром иностранных дел, а потом и доклада Александру II, а весной 1860 г. М.Т. Лорис-Меликов командирован в Константинополь, чтобы уладить этот вопрос в русском посольстве. Одновременно Барятинский добивался и переселения казаков на Кавказ, что неоднозначно воспринималось и властью, и казачьим начальством.

Не всегда и не во всех случаях Барятинский проводил жесткую линию. Там, где местные народы и племена проявляли покорность, он, вопреки своим убеждениям, шел на сохранение старой власти, например, в Шатое оставлен местный хан. Также в Кюринском ханстве, где доживал в очень преклонных годах прежний владетель Юсуф-хан. После занятия Аварии летом 1859 г. с высочайшего согласия разрешено восстановить ханство с назначением ханом Ибрагим-хан-Мехтулинского, а затем его младшего брата Рашида.

Но гораздо чаще Барятинский поступал иначе: в 1857 г. он писал Евдокимову относительно Кумыкского владения (по смерти старшего князя) о введении русского управления; то же произошло в 1858 г. в Мингрелии и Абхазии с удалением прежних владетелей — Дадиани и Шервашидзе; также и в Дагестане после смерти правителя одного из ханств учреждена русская администрация.

После падения власти Шамиля вводилось новое военно-административное деление: взамен Правого крыла, Левого крыла и Прикаспийского края образованы области Кубанская, Терская и Дагестанская. В каждой воедино слиты в одних руках все части управления: военное, казачье, гражданское, горское (военно-народное). Области делились на округа вместо прежних ханств, кроме отдельных случаев, когда ханства на какое-то время сохранялись. В округах учреждалось военно-народное управление: во главе российские офицеры (в том числе много грузин, армян и др.), которым подчинены низшие должностные лица из местного населения под привычными народу наименованиями — наиб, старшина, кадий. Среди них были и прежние наибы Шамиля. С той же целью из местного населения формировалась милиция или стража. «Такая форма управления обеспечивала интересы русской власти, вместе с тем приходилась по душе и самому населению, — пишет Милютин. — <...> В новом устройстве администрации и суда имелось в виду согласовать по возможности виды русской власти с обычаями и нравами туземного населения, устраняя притом систематически влияние мусульманского духовенства, в руках которого сосредоточивалась враждебная нам власть над горским населением»[19].

Несмотря на все эти нововведения и стремление к совершенствованию механизма управления, Милютин признавал, что русская администрация далеко не всегда справляется со своими задачами. По поводу мятежа мирного населения под Владикавказом в 1858 г. он писал: «Не должны ли мы с прискорбием сознаться, что мы удачнее справляемся с врагами, чем правим подвластными?» Самое большое затруднение он видел в недостатке подготовленных людей. Позже, уже после проведенных преобразований, весной 1860 г., когда в ряде чеченских аулов вспыхнуло недовольство, Милютин вновь вернулся к своим размышлениям. Он не разделял мнение генерала Евдокимова, что волнение произошло внезапно, «только от какого-нибудь внешнего подстрекательства», и пришел к другому заключению: «Нет ли тут более существенной

причины, кроющейся в нашей администрации? <...> Вообще мы не могли похвалиться разумною, искусною и строго бескорыстною администрацией»[20]. Однако его деятельная натура не поддавалась этим мрачным раздумьям, он искал и находил выход в преобразованиях, в новых людях, в беспрерывном движении к благоустройству этого столь важного для России и полюбившегося ему края. Именно здесь он осуществил свой первый опыт военных преобразований накануне назначения в Военное министерство и подготовки общероссийских военных реформ 60—70-х годов.

Бесконечно много сюжетов, событий, людей, зарисовок проходит перед читателем в этом томе Воспоминаний Милютина «На Кавказе», и история Кавказской войны, и весь этот край воспринимаются более многогранно, сложно, многоцветно, совсем не в привычных черно-белых тонах. Даже незначительные факты или просто штрихи (например, приглашение Барятинским талантливого немецкого художника-живописца Т. Горшельта для «воспроизведения» на полотне «кавказских типов и кавказской местности» или запрет пить к тостам шампанское, а не кахетинское вино, как показатель почитания наместником местных обычаев), разбросанные по всему тóму, ненавязчиво и естественно переносят читателя и историка в ту эпоху. Другие же факты свидетельствуют об органической связи Кавказа с Россией; так, начавшееся после Парижского мира в Петербурге и Москве обновление, выразившееся в первую очередь в гласности, коснулось и Кавказа. 16 апреля 1857 г. разрешено публиковать в печати сведения о военных действиях. А 14 января 1858 г. военный министр Н.О. Сухозанет писал Барятинскому по поводу того, что в газете «Кавказ» умалчиваются некоторые маленькие неудачи: «"Полагаю полезнее и соответственнее достоинству правительства писать правду, заставить этим верить безусловно нашим показаниям и тем предупредить неприязненные вести журналистики иностранной" <...>. Не верилось глазам, — продолжает Милютин от себя, — читая эти строки, давно ли строго преследовалось нарушение тайны обо всем, происходившем на Кавказе»[21]. Вслед за Милютиным современный читатель может поразиться, но уже другому: как политическая культура прошлого отражается в дне сегодняшнем. Тем более интересно нам мемуарное наследие Милютина.

Л.Г. Захарова,
доктор исторических наук.

[1] См. публикацию Л.Г. Захаровой «Гуниб. Пленение Шамиля (9—28 августа 1859 г.)» — фрагмент Воспоминаний Д.А. Милютина // Родина. 2000. № 1—2. С. 124—134.

[2] С. 398 настоящего издания.

[3] *Дегоев В.В.* Проблема Кавказской войны XIX века: Историографические итоги // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150): Россия и Северный Кавказ. М., 2000. С. 225—250; см. также: *Дегоев В.* Большая игра на Кавказе: История и современность. М., 2001. С. 254—308.

[4] *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860—1862 / Под ред. проф. Л.Г. Захаровой. М., 1999; *Его же.* Воспоминания. 1863—1864 / Под ред. проф. Л.Г. Захаровой. М., 2003.

[5] *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816—1843 / Под ред. проф. Л.Г. Захаровой. М., 1997. С. 34—38.

[6] Там же. С. 467—470.

[7] С. 98 настоящего издания.

[8] Там же. С. 168.

[9] Там же. С. 66—68.

[10] Там же. С. 327.

[11] Там же.

[12] Там же. С. 331.

[13] Там же. С. 303.

[14] Там же.

[15] Там же. С. 170.

[16] РА. 1889. Кн. 1. С. 326.

[17] С. 144 настоящего издания.

[18] Там же. С. 256.

[19] Там же. С. 415—416.

[20] Там же. С. 459.

[21] Там же. С. 203.

ОТ РЕДАКТОРА

Мемуарное наследие Д.А. Милютина, как и весь его архив, хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ. Ф. 169). Незадолго до смерти, в ноябре 1911 г., Д.А. Милютин завещал свой богатый архив императорской Николаевской военной академии, в которой учился, а потом преподавал. Подробное описание этой истории читатель найдет в его книге «Воспоминания Милютина. 1816—1843»*.

Текст рукописи Д.А. Милютина «Мои старческие воспоминания» готовился к возможной публикации им самим, затем был переписан под его личным наблюдением в 1900-х гг. (большая часть А.М. Перцовой). Этот список с автографа и положен в основу предлагаемого читателю издания. Сравнение обоих текстов обнаруживает, что при редактировании Милютин вносил в оригинал главным образом литературно-стилистическую правку отдельных слов, реже предложений. Эта правка автора, которой немного и которая не несет смысловой нагрузки, специально в издании не оговаривается. Напротив, те редкие случаи, когда Милютин вычеркивал в оригинале отдельные абзацы, содержащие дополнительные сведения о людях и событиях, специально отмечены и воспроизведены в подстрочных примечаниях. Список выполнен очень качественно, полностью соответствует отредактированному Милютиным оригиналу, описки единичны.

Список, с которого сделана эта публикация, составил две объемистые тетради-книги (28 см х 22 см) под № VII—VIII в переплете из материи болотно-зеленого цвета с кожаным черным корешком. Оглавление к книгам написано рукой Милютина. В фонде Милютина (169) это две единицы хранения — картон 13, ед. хр. 2, 3. Соответствующий им текст оригинала заключается в 18 тетрадях с самодельными обложками из плотной бумаги. Почерк Милютина аккуратен, разборчив и тверд, но чернила потускнели. В том же фонде это картон 9, ед. хр. 3—14.

В «Предварительном объяснении для читателя, в руки которого когда-нибудь попадут мои записки», Милютин сообщает, что писал свои Воспоминания сразу после отставки и переселения в Крым, т. е. с

* *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816—1843. М., 1997. С. 469—478.

1881 г. Публикуемый том «На Кавказе. 1856—1860» писался по времени последним, в 1889—1892 годах*.

Воспоминания Д.А. Милютина публикуются без каких-либо сокращений. Текст приведен в соответствие с современными правилами орфографии, однако сохранены стилистические и языковые особенности написания некоторых слов. Сохранена по оригиналу и авторская транскрипция имен собственных и названий географических. Авторские подчеркивания отдельных мест или слов выделены курсивом. Пропущенные и недописанные слова, за исключением общепринятых сокращений, воспроизведены в прямых скобках. Абзацы даются по оригиналу.

В подстрочных сносках звездочками приводятся авторские примечания, перевод иностранных текстов, смысловые расхождения выправленного автором текста с первоначальным вариантом, смысловые неисправности текста. Авторская правка стилистического и грамматического характера в подстрочных примечаниях не оговорена. Орфографические ошибки и описки устранены в тексте публикаторами без оговорок. Цифровые сноски относятся к комментариям в конце книги.

Фамилии лиц, упомянутых в «Воспоминаниях», не поясняются в комментариях, а аннотируются в указателе имен. В указателе имен в скобках приведена авторская транскрипция либо разные варианты написания некоторых фамилий, сохраненные в тексте. В аннотациях фамилий гражданских чиновников гражданского ведомства даны только гражданские чины высших классов, как правило, связанные со службой в конкретном учреждении. Помимо указателя имен дается и указатель географических названий. Редкие случаи некоторых неточностей и разночтений в датировке отдельных писем, допущенные Милютиным, отмечены в комментариях.

* * *

Составители этого издания приносят глубокую благодарность всем, кто оказал содействие и помощь в подготовке публикации: кандидату исторических наук В.М. Безотосному, А.Ю. Володину, кандидату исторических наук Л.С. Гатаговой, Н.Г. Меняйло, доктору исторических наук С.В. Мироненко, И.Н. Мухину, Т.Г. Сабуровой, И.С. Тихонову, М.О. Филиппову, И.К. Фоменко и особенно сотрудникам и руководству ОР РГБ.

* См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. С. 34—38.

Рисунки, представляющіе эпизоды
изъ взятія Гуниба и украшаю-
щіе адрессъ поднесенный Госпо-
дину Намѣстнику Кавказскому
Князю Александру Ивановичу
БАРЯТИНСКОМУ
Тифлисскимъ Дворянствомъ,
по возвращеніи Его Сіятель-
ства изъ покореннаго имъ
Дагестана.
Лѣвая половина адреса, рисунки на подлинникѣ исполнены съ натуры
художникомъ Т. Горшельтомъ

Д. А. Милютин

МОИ СТАРЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Книги VII – VIII

1856–1860

Тифлис в конце 1856 и начале 1857 года

Первые мои служебные занятия и работы

Положение дел в разных частях края в зиму 1856/1857 годов

Поездка на Линию. Лето в Коджорах

Отношения князя Барятинского к великому князю генерал-адмиралу и к военному министру

Положение дел в разных частях края летом 1857 года

Вести из Петербурга за 1857 год

Моя поездка в Петербург осенью 1857 года

Происшествия на Кавказе осенью 1857 года

Продолжение и конец моего пребывания в Петербурге

Начало 1858 года

Зимние военные действия. Занятие Аргунского ущелья

Моя поездка на Черноморское побережье. Май — июнь 1858 года

Лето 1858 года в Боржоме и Коджорах

Военные действия летом 1858 года. Блестящие успехи генерала Евдокимова

ТИФЛИС В КОНЦЕ 1856 И НАЧАЛЕ 1857 ГОДА

После долгого, тяжелого пути в глубокую осень с малолетними детьми отрадно было наконец добраться до обетованной земли и почувствовать себя дома. Доехав до Тифлиса 20 ноября, утомленная моя семья могла отдохнуть со всем желанным комфортом в удобном и пространном казенном доме, назначенном для помещения начальника штаба. Дом этот (занимаемый ныне помощником главнокомандующего) находится на спуске от Головинского проспекта к Михайловскому мосту на Куре. Перед фасадом его, по другую сторону улицы, простиралось в те времена довольно обширное, весьма невзрачное пустопорожнее место, обращенное впоследствии в сквер или городской сад. Позади дома был маленький садик, или вернее дворик, — любимое место детей, где они могли круглый год проводить большую часть дня. Дом был частью двухэтажный, а частью одноэтажный. В верхнем этаже разместились дети с их гувернанткой и нянькой; нижний состоял из просторных комнат, в числе которых одна небольшая гостиная, изящно отделанная в восточном вкусе князем А.И. Барятинским, обитавшем в этом доме в бытность его начальником штаба[1]. В промежутке между домом начальника штаба и стоявшим ниже на той же улице большим строением инженерного ведомства, где помещались начальник инженеров с его управлением, корпусный обер-квартирмейстер и некоторые другие должностные лица, навалены были груды камней начатой и остановленной постройки предполагавшегося собора всех кавказских войск.

На другой день по приезде явился я, разумеется, к своему начальству. Князь Барятинский принял меня чрезвычайно любезно; видимо, был обрадован моим прибытием. Первые наши с ним свидания и беседы были весьма продолжительны и ожив-

ленны. По целым часам приходилось мне слушать его рассказы о недавнем приезде его в край, о торжественных встречах, о первых впечатлениях, о видах и планах по самым разнообразным предметам. Вместе с тем расспрашивал он меня о петербургских новостях за последнее время, о лицах, которых имел он в виду привлечь на службу в Кавказском крае. Решено было, что я буду ежедневно каждое утро являться с докладом.

22 ноября вступил я в должность. В здании корпусного штаба происходило общее представление новых моих подчиненных. Я был поражен громадным составом штаба. Целые анфилады зал в трех этажах главного здания и флигелей его едва вмещали в себя массу должностных лиц военных и гражданских, писарей штатных и нештатных (прикомандированных от разных полков), топографов, граверов и т. д. Некоторые же части штаба помещались в отдельных домах.

Кроме двух главных отделов, из которых состояли в те времена все корпусные штабы, — дежурства и части Генерального штаба, в кавказском штабе, по особым местным требованиям службы, существовало несколько особых, вспомогательных частей, и сверх того состояли в подчинении начальнику штаба некоторые части, вовсе военному ведомству не принадлежащие, как-то: военно-народное управление мирными горцами и округ путей сообщения.

Дежурным штаб-офицером был полковник Илья Кузмич Кузмин — почтенный старичок, выслужившийся из писарей, малообразованный, но опытный в делопроизводстве. Во главе части Генерального штаба, то есть обер-квартирмейстером состоял генерал-майор Николай Иванович Карлгоф — также человек немолодой, офицер основательный, образованный, хорошо владевший пером, но болезненный и вовсе не боевой.

Дежурство состояло из восьми отделений, считая в том числе одно, носившее название «Временного», и другое — «Особое», которое в сущности было «наградное». Часть Генерального штаба состояла из трех отделений, из которых одно — по части устройства кордонных линий и казачьих поселений. Сверх того подведомы были: дежурному штаб-офицеру — отделение военно-судное, части казначейская и журнальная, архив, типография, полевой почтмейстер, обер-гевальдигер, обер-вагенмейстер и смотритель штабных зданий; а обер-квартирмейстеру — особое отделение по делам военно-народного управления и военно-

О.И. Ходзко

топографическая часть. Еще существовало отделение «инженерное», почему-то считавшееся при Дежурстве, хотя в действительности начальник этого отделения имел прямые доклады у начальника штаба и вовсе не относился к дежурному штаб-офицеру.

Точно так же и некоторые другие из названных отделений находились в исключительном, самостоятельном положении, а именно: «особое» (или наградное), «военно-судное» и военно-топографическая часть. Начальники их имели прямые доклады у начальника штаба. По части же военно-судной дела, подлежавшие конфирмации главнокомандующего, докладывались ему лично полевым аудитором в присутствии начальника штаба. Должность полевого аудитора занимал коллежский советник Андрей Фёдорович Невский. Во главе топографической части стоял старый полковник Генерального штаба Осип Иванович Ходзко — ученый геодезист, с любовью преданный своей специ-

альности. При топографической части состоял астроном Мориц*.

Кроме поименованных составных частей штаба, состояли при нем: корпусной штаб-доктор Эдуард Романович Гольмблат — личность бесцветная, русский немец, плохой врач, и священник-протоиерей Гумилевский — вкрадчивый и лицемерный. Представителем Государственного контроля при кавказском военном управлении был статский советник Александр Иванович Вастен — человек дельный, способный и симпатичный; он вскоре оказал мне весьма полезную помощь в работе, предпринятой по преобразованию военного управления на Кавказе.

Самой оригинальной личностью из моих подчиненных был полевой почтмейстер статский советник Константин Петрович Ермолаев. Начав службу по почтовой части на Кавказе еще во времена ермоловские[2], он так сжился со своею должностью, что предпочитал оставаться бесконечно в том же чине, чем переменить место, для приобретения права на производство в действительные статские советники. Это был кругленький старичок, рябой, скрывавший лысину под безобразным рыжим париком, своеобразный до крайности во всех приемах, аккуратный до педантизма и безусловно честный. Будучи вдовцом, он с трогательною любовью заботился о воспитании своих двух сыновей гимназистов, которых называл своими «утешителями». Каждое утро Ермолаев первый являлся ко мне с полученною по почте корреспонденцией.

Рядом с корпусным штабом состояли управления начальника артиллерии, начальника инженеров и полевого интенданта.

---

* Далее в автографе зачеркнут абзац:

«Из числа лиц, занимавших должности начальников отделений, припомню здесь некоторых, более выдававшихся по своим способностям: майора Егора Ивановича Быкова (начальника 1-го отделения Дежурства, впоследствии служившего в интендантстве в чине генерал-майора), капитана Телесницкого (начальника 4-го отделения Дежурства), подполковника Вербицкого (5-го отделения Дежурства по делам Казачьих войск), майора Красюченко (особого или наградного отделения). Начальником инженерного отделения (в котором производилась переписка по делам, восходившим от начальника инженеров к главнокомандующему) был инженер-полковник Карганов, вскоре умерший. Из офицеров Генерального штаба остались у меня в памяти: подполковник Дмитрий Ильич Романовский, о котором уже не раз приходилось мне упоминать в моих воспоминаниях, капитан Павел Павлович Кравченко, Николай Андреевич Окольничий, Павел Васильевич Кузьминский, Симонов, Рудницкий и другие» (*примеч. публ.*).

Должности эти занимали: первую — генерал-лейтенант Карл Карлович Мейер — человек уже преклонных лет и старого покроя; вторую — генерал-лейтенант Карл Петрович Ганзен — также пожилой, бездарный; третью — полковник (вскоре потом генерал-майор) Иван Григорьевич Колосовский — умный, дельный, ловкий, пользовавшийся личным расположением князя Барятинского. Все эти три управления, хотя и не были формально подчинены начальнику штаба, но и не имели прямых докладов у главнокомандующего. Все представления их докладывались последнему начальником штаба, почему и существовали в составе штаба отделения по всем трем этим ведомствам. Начальник артиллерии, начальник инженеров и полевой интендант находились в такой зависимости от начальника штаба, что относились к нему почти как подчиненные, приезжали к нему с личными докладами, испрашивая у него на все предварительное согласие. Часть интендантская устроена была по-старому: полевой интендант заведовал только провиантским довольствием войск, действуя через «полевые провиантские комиссии», существовавшие в Тифлисе, Ставрополе и Петровске. Вещевое же снабжение войск было возложено на «комиссариатские комиссии», Тифлисскую и Ставропольскую, состоявшие в прямом подчинении Комиссариатскому департаменту Военного министерства. Председателями этих комиссий были старые полковники Щербов-Нефёдович и Росетер.

Наконец, в ведении начальника штаба, как уже сказано, состояло правление VIII-го округа путей сообщения. Доклады по этой части наместнику, или вернее главнокомандующему, шли через начальника штаба. Во главе этой части стоял полковник путей сообщения (вскоре потом генерал-майор) Альбрант — дельный инженер* и человек симпатичный, с которым я скоро сошелся и был в лучших отношениях**. Собственно при штабе, для переписки по части путей сообщения, состоял отличный офицер того же корпуса — капитан Владимир Антонович Лимановский — замечательно способный, дельный, знакомый с военной администрацией. С первого же с ним знакомства, при-

* В автографе зачеркнуто: «ретивый и — как мне показалось — бескорыстный» (*примеч. публ.*).

** В автографе зачеркнуто: «В числе подчиненных ему офицеров путей сообщения выдавались: полковник Бликса, капитан Белепольский, Статковский и др.» (*примеч. публ.*).

шла мне мысль — дать этому офицеру более широкий круг действий при предположенном преобразовании кавказского военного управления[3]. Вскоре он и принял деятельное участие в самой разработке проекта этого преобразования.

Сверх перечисленного личного состава военных управлений, искони вошло в обычай держать при главном начальстве кавказском множество лиц в генеральских и штаб-офицерских чинах, без должностей, частью даже без содержания. Этот бесполезный для службы балласт делился на несколько категорий: одни считались состоящими собственно при главнокомандующем «для поручений», другие — при корпусе, а некоторые значились «состоящими по политическим видам». В эту последнюю категорию зачислялись почти исключительно старые генералы и штаб-офицеры из туземцев. Тут встречались имена местной влиятельной аристократии, как-то князей Орбельяни, Багратион-Мухранских, Дадианов, Андрониковых и т. д.

Адъютантами главнокомандующего состояли: полковник Тромповский — старый кавалерист, добродушный и простой человек (прежде бывший адъютантом графа Ридигера); князь Суворов — сын князя Александра Аркадьевича, записной кутила; князь Гагарин, женатый на прелестной графине Настасье Александровне Стенбок-Фермор, внучке богача Яковлева; Николаев — сын бывшего атамана Кавказского линейного казачьего войска; князь Александр Грузинский — один из потомков царской фамилии Грузинской* и еще некоторые другие. Наконец, не следует позабыть неотлучно находившегося при князе Барятинском прапорщика Кузнецова, выслужившегося из писарей: этот скромный труженик постоянно сидел в соседней с княжеским кабинетом маленькой комнатке, прибегал по звонку, докладывал о приезжавших, переписывал русские письма князя и сделался самым необходимым для него человеком. Благодаря своей скромности и такту, Кузнецов умел мало-помалу стать в такое положение, что впоследствии был переименован в адъютанты князя Барятинского, а после смерти его получил звание флигель-адъютанта**.

---

* Другой потомок грузинской царской фамилии — князь Ираклий — был в числе состоящих при главнокомандующем для поручений.

** Позже, с производством в генерал-майоры, занимал место начальника Московского дворцового управления.

Вот тот громадный состав военного ведомства, с которым пришлось мне с первых же дней пребывания в Тифлисе войти в ближайшие служебные отношения. Как ни длинен этот перечень, он все-таки далеко не полон. Следовало бы добавить находившихся в Тифлисе и в ближайших его окрестностях строевых начальников (преимущественно Кавказской гренадерской дивизии), атамана состоявших на службе в Кавказском крае донских казачьих полков генерал-майора Хрещатицкого* и других, временно приезжавших в Тифлис военных начальников разных частей края. Ограничусь здесь воспоминанием о почтенном коменданте тифлисском генерал-лейтенанте Роте — храбром защитнике укрепления Ахты[4], добродушнейшем старике, занимавшемся более садоводством, чем должностью комендантской, на которую смотрел он с патриархальной точки зрения. Зато с любовью разводил розы и фруктовые деревья в своем маленьком саду в Кукахе и хвалился тем, что у него ранее, чем у кого-либо распускаются цветы и созревают плоды.

Знакомиться приходилось мне не с одним лишь ведомством военным; немало было лиц в составе гражданского управления и в обществе тифлисском, которым должен я был сделать визиты в первое же время по приезде в Тифлис. Прежде всего следовало посетить председательствовавшего в Совете наместника генерал-лейтенанта кн. Бебутова, затем экзарха грузинского Исидора и армянского патриарха (католикоса) Нерсеса: это были три лица, пользовавшиеся в крае большим авторитетом. Князь Василий Осипович Бебутов имел репутацию человека очень умного и честного; держал себя с большим тактом, не раз исправлял временно обязанности наместника, иногда весьма продолжительно, как, например, в минувшую войну, во все время отсутствия генерала Муравьёва[5]. Князь Бебутов был высокого роста, худощав, с очень длинным армянским носом, вообще наружности некрасивой; но обворожал своим приветливым обхождением, умным разговором и замечательным даром слова. Также и высокопреосвященный Исидор при наружности весьма непривлекательной (почти безбородый) располагал в свою пользу простотою, естественностью своего разговора и обращения; в нем не было ни малейшей фальши, а это именно те качества, которые наиболее ценились на Кавказе. В то время экзарх был еще

* На место Хрещатицкого вскоре назначен был генерал-майор Бакланов.

В.О. Бебутов

не старый человек, бодр, подвижен и не чуждался света. Напротив того, престарелый патриарх Нерсес вел жизнь замкнутую; в беседе его не было прямодушия, — как по крайней мере показалось мне при единственном с ним свидании*. Это впрочем в натуре восточного человека.

Гражданское управление краем сосредоточивалось тогда в Канцелярии и Совете наместника. Директором Канцелярии был действительный статский советник Алексей Фёдорович Крузенштерн, пользовавшийся с давнего времени расположением и доверием князя Барятинского. Начав службу в гвардии (в Семеновском полку), Крузенштерн должен был перейти на гражданское поприще по причине перелома ноги; уже с начала 40-х годов служил он на Кавказе, ознакомился с местною админи-

* Патриарх Нерсес скончался скоропостижно 14 февраля 1857 года.

А.Ф. Крузенштерн

страцией, приобрел общее в крае уважение и любовь своею обходительностью, благородным и симпатичным характером.

Совет наместника под председательством князя В.О. Бебутова состоял из лиц, начальствовавших некоторыми специальными отделами управления. Старший из членов, тайный советник Андрей Михайлович Фадеев, заведовал государственными имуществами; это был старый, опытный делец, умный человек, отец многочисленной семьи*. Действительные статские советники:

* Кроме сына Ростислава Андреевича, артиллерийского офицера, получившего позже такую известность, у Андрея Михайловича были три дочери: старшая Елена, по мужу Ган, известная писательница, под псевдонимом Зинаиды Р-вой; вторая Екатерина, за действительным статским советником Витте, отцом будущего министра финансов, занявшим позже место своего тестя; третья Надежда, жившая в Одессе. Супруга Андрея Михайловича, Елена Павловна, очень старая и больная, славилась умом и обширным образованием. Известная своими эксцентричностями Елена Петровна Блавацкая была дочь Елены Андреевны Ган, внучка Андрея Михайловича.

А.А. Харитонов

Коцебу (Фёдор Евстафьевич), Даспик-Дюкруаси (Ипполит Александрович) и барон Николаи (Александр Павлович) управляли почтовым, карантинно-таможенным и учебным округами: с первым из них как-то не случилось мне познакомиться лично; притом он вскоре оставил Кавказ. Второй — И.А. Дюкруаси — был одним из самых любезных и приятных членов общества тифлисского. Попечитель же Кавказского учебного округа барон Николаи — товарищ А.В. Головнина по Царскосельскому лицею, человек образованный, но чопорный, напыщенный, с баронскими замашками*. Из прочих членов Совета назову Андрея Францевича Десимона и Алексея Александровича Харитонова, считавшегося специалистом по финансовой части**. Имена

* В автографе зачеркнуто: «показался мне очень несимпатичным» (*примеч. публ.*).

** Работы по разным новым вопросам и реформам, задуманным князем Барятинским, возлагались преимущественно на Харитонова. Уже в начале

Н.П. Колюбакин

остальных встретятся в дальнейшей последовательности моего рассказа.

При управлении наместника состоял в качестве представителя Государственного контроля действительный статский советник Валериян Иванович Хрысцинич (так писалось его имя в официальных списках, в частном же обиходе произносилось просто Христинич). Это был один из той категории поляков, которые умеют ладить со всеми, всем угождать, со всеми сближаться. Страстный охотник до всяких новостей и сплетен, он

1857 г. родилась мысль об учреждении для работ такого рода особого отделения «законодательного». Мысль эту князь Барятинский сообщил В.П. Буткову, который в ответе своем отозвался о Харитонове, как о чиновнике весьма способном и к предназначаемым ему работам вполне подготовленным. В кружке товарищей и близких знакомых Харитонову дали прозвище «Ministre du progrès» (выдуманное второю Французскою республикой 1848 года). Впоследствии это прозвище унаследовал В.А. Инсарский.

спешил разносить их по всему городу, а потому был желанным гостем во всех домах, приятным собеседником и в дамском, и в холостом обществе. Христинич был дружен с Крузенштерном и жил вместе с ним. Третьим сожителем их был Осип Иванович Ходзко.

Существовала еще при наместнике кавказском «Дипломатическая канцелярия», во главе которой был действительный статский советник Конст[антин] Фёд[орович] Лелли — старый, изворотливый грек, наторевший в делах восточной дипломатии*. При нем в качестве секретаря состоял Рис — молодой, красивой наружности чиновник. Через дипломатическую канцелярию проходила переписка между русским поверенным в делах в Тегеране (Ник[олаем] Андр[еевичем] Аничковым) и Министерством иностранных дел, для сведения наместника; в той же канцелярии велись дела по вопросам пограничным. В Тифлисе находились консулы персидский, турецкий и французский. Последний, по имени M-r le baron Finot, занимал видное место в обществе тифлисском: это был любезнейший собеседник, дамский угодник, со всеми приятель, в душе легитимист, не сочувствовавший тогдашнему наполеоновскому режиму во Франции.

Остается упомянуть еще о III (впоследствии VI) округе Корпуса жандармов[7]. Начальствовал им генерал-майор Юлий Фёдорович Минквиц, бывший некогда адъютантом министра финансов графа Канкрина, старший брат моего товарища по Гвардейскому генеральному штабу. Трудно было найти человека, менее подходящего к такой должности, с точки зрения высшего жандармского начальства. Это был старый дерптский бурш, bon vivant**, благородный, откровенный, приятный и всеми любимый собеседник. Все это не вязалось с чопорностью и чванством жены его, истой прибалтийской аристократки, рожденной баронессы Мейендорф. Наш добродушный, веселый Минквиц в дружеском кружке был совсем иным человеком, чем в своей парадной гостиной, в присутствии супруги. По этому поводу ходило немало комичных анекдотов; издевались также над манией Минквица декорировать с изяществом свою грудь массою орденских знаков. Надобно заметить, что должность начальника

* Еще во времена управления графа П.Д. Киселёва княжествами дунайскими[6] Лелли состоял при нем дипломатическим чиновником.

** Любитель пожить (*фр.*).

Жандармского округа на Кавказе была при князе Барятинском почти синекурой.

Указав личный состав высшего управления на Кавказе в момент вступления князя Барятинского в должность наместника, я далеко не перечислил всех лиц, имевших значение в тогдашнем тифлисском официальном и общественном мире. Добавлю тифлисского губернатора — старого генерал-майора Николая Евгеньевича Лукаша. Из числа же множества лиц, занимавших должности второстепенные или состоявших при наместнике без должностей, назову лишь немногих, выдававшихся из массы: управлявшего горною частью на Кавказе полковника Александра Борисовича Иваницкого, человека умного, развитого, острого на язык и слывшего передовым; братьев Колюбакиных, особенно Николая Петровича, прозванного «немирным», о котором я имел уже случай упоминать в моих воспоминаниях о прежних пребываниях на Кавказе[8] как о редком типе человека, вспыльчивого и несдержанного; полковника Ивана Алексеевича Бартоломея, начавшего службу в гвардии, человека образованного, ученого специалиста по восточным языкам, нумизматике и энтомологии; молодых юристов, воспитанников Училища правоведения князя Георгия Константиновича Багратиона-Мухранского и Барановского. О некоторых других припомню в дальнейшем рассказе. Впрочем, и приведенного мною перечня имен достаточно для того, чтобы убедиться, что Тифлис и в описываемую эпоху мог похваляться своим обществом перед всеми другими нашими провинциальными центрами. При огромном составе управлений военного и гражданского, при заманчивости кавказской службы и жизни, немудрено, что в Тифлисе с давних времен общество было не только многочисленное, но можно сказать, и отборное, весьма оживленное. Припоминаю, как в первый свой приезд на Кавказ (1839—1840 гг.) был я удивлен, найдя в Тифлисе такое общество. Еще блестящее и многочисленнее было оно потом, в эпоху князя М.С. Воронцова[9], и хотя в последнее время, в продолжение войны, большая часть привлеченных князем Воронцовым лиц разбежалась от тяжелого гнета генерала Муравьёва, однако же и к прибытию в край князя Барятинского оставался еще от прежнего общества солидный кадр, который вскоре пополнился еще многими приезжими, приглашенными на Кавказ новым, молодым наместником.

Некоторые из этих лиц уже прибыли вместе с князем Барятинским, совершив в блестящей его свите все путешествие по Волге, Каспийскому морю, Дагестану и Закавказью. Сверх адъютантов главнокомандующего, сопровождали его*: флигель-адъютант полковник светлейший князь Эмилий Людвикович Зейн-Витгенштейн с молодою, красивою женой, рожденной княжной Кантакузен; также известный писатель граф Владимир Александрович Соллогуб и другие. Это путешествие князя Барятинского напоминало отжившие нравы екатерининских времен, какие-нибудь поездки князя Потемкина-Таврического. В свите наместника были и поэты, и живописцы (француз Бланшар). В течение зимы постепенно прибывали новые лица: командированный на время В.П. Бутковым чиновник Кавказского комитета князь Михаил Сергеевич Волконский (ныне товарищ министра народного просвещения), бывший дежурный штаб-офицер Гвардейского резервного корпуса генерал-майор Иван Михайлович Старицкий, позже статский советник Василий Антонович Инсарский и т. д. и т. д.

О двух последних лицах скажу несколько слов. Генерал Старицкий за расформированием Гвардейского резервного корпуса остался за штатом. Временно командовавший этим корпусом князь Барятинский, получив высокое назначение на Кавказ, предложил своему бывшему дежурному штаб-офицеру ехать туда же, чтобы получить там подобающее новому его чину место; но такого места не оказалось: Старицкий, ехавший на Кавказ с надеждою играть там важную роль при прежнем своем начальнике, очутился в числе множества состоявших при нем лиц без должностей и, разумеется, счел себя обиженным. Только изредка, при своих поездках по краю, князь Барятинский брал с собою Старицкого, который тогда разыгрывал роль управляющего военно-походною канцелярией главнокомандующего; но честолюбие его не было удовлетворено, и вообще вся обстановка кавказская не подходила к узким его гвардейским понятиям и привычкам. Старицкий так и остался недовольным и раздраженным.

Вас[илий] Ант[онович] Инсарский — человек уже не молодой, семейный, был лично известен князю Барятинскому по

---

* В автографе зачеркнута начальная фраза: «Так, находились уже в Тифлисе до моего приезда туда» (*примеч. публ.*).

частным его делам и приглашен им на Кавказ как чиновник способный, особенно для работ редакционных. Инсарский принадлежал к особому типу петербургских дельцов, которые набив руку в канцелярской стряпне, умеют совокуплять в себе чиновничью самодовольную важность с шутливым отношением к делу и не прочь при случае развлекаться с кутящею молодежью* Князь Барятинский широко пользовался работою дельца, обращая в шутку легкое поведение пожилого шалуна. Вскоре Инсарский занял видное место в гражданском управлении края.

О многих других лицах, постепенно прибывавших на службу кавказскую, буду иметь случай упоминать в своем месте. Здесь же замечу, что сверх перечисленных должностных лиц военного и гражданского ведомства, семейных и холостых, существовало в Тифлисе и туземное общество, то есть грузинское и армянское. В числе почетных стариков грузинской аристократии первое место занимал князь Георгий Евсеевич Эристов, генерал от инфантерии и сенатор. Затем многочисленные представители древних княжеских фамилий: Орбельяни и Багратионов-Мухранских. Особым почетом пользовались: старая вдовствующая царица грузинская**, княгиня Манана Орбельяни, вдовствующая княгиня Елена Эристова, сохранявшая еще следы прежней красоты, правительница Мингрелии вдовствующая княгиня Екатерина Александровна Дадиан (рожденная княжна Чавчавадзе). К той же местной аристократии принадлежала и супруга князя Василия Осиповича Бебутова, княгиня Мария Соломоновна; но женщина эта, хотя уже и пожилая и очень некрасивая, вела себя так легкомысленно, что в общественном мнении не пользовалась уважением. Немало было туземных семейств, уже вполне усвоивших себе нравы и понятия европейские, не выделявшиеся ничем из русского образованного общества. В среде их были замечательные красавицы, которые украшали бы самое блестящее собрание.

Князь А.И. Барятинский делал все от него зависевшее, чтобы поддерживать общественную жизнь, соединяя разные кружки и слои тифлисского общества и устраняя всякую рознь. Каждую неделю, по четвергам, давал он танцевальные вечера, очень

---

* Высшим идеалом этого типа был сам управляющий делами Кавказского комитета[10] В.П. Бутков.

** Далее в автографе зачеркнуто: «мать полковника князя Александра Грузинского» (*примеч. публ.*).

Сад в окрестностях Тифлиса. Рис. Г.Г. Гагарина

многолюдные; в другие дни приглашалось к обеду известное число лиц, в том числе и дамы. В подражание английскому обычаю, иногда приглашенные на вечер съезжались к тому самому времени, когда приглашенные к обеду выходили из-за стола.

Наместник поддерживал щедрыми субсидиями тифлисский театр, который был устроен внутри обширного здания каравансарая на Эриванской площади*. В нем давались оперы хорошею итальянскою труппою. Изящная зала театра почти всегда была полна.

Князь Барятинский, так же как и князь Воронцов, выказывал расположение и покровительствовал туземной аристократии, особенно баловал грузин и грузинок. Приписать ли это заискиванию популярности в крае по видам политическим, или просто личной склонности, или наконец национальным свойствам

* Все это здание впоследствии было истреблено пожаром.

самих туземцев, одаренных способностью сочетать в себе наивное добродушие с азиатскою льстивостью и вкрадчивостью, — во всяком случае проявление со стороны наместника и главнокомандующего пристрастия к туземцам вызывало упреки и ропот в среде русского служащего люда. Случалось и мне, при замещении должностей по военному ведомству, оспаривать выбор князя Барятинского, выпадавший иногда на любимца из туземцев, наименее пригодного из всех кандидатов.

Для служащих и просителей назначен был прием два раза в неделю: в определенные дни, к полудню, собирались в большой зале возле кабинета князя высшие должностные лица гражданского и военного ведомств и те из служащих, которые имели какие-либо служебные отношения непосредственно к наместнику. По окончании моего доклада, он выходил обыкновенно в залу, и поговорив с тем и другим из собравшихся лиц, переходил в соседнюю с залой и передней маленькую комнату, где происходил прием просителей. Среди комнаты стоял стол, за который садился князь; по сторонам его — начальник Главного штаба и управляющий Канцелярией наместника, а насупротив чиновник, исправлявший обязанности секретаря. Дежурный адъютант вводил в это quasi-присутствие просителей, одного за другим; выслушав объяснения каждого из них, часто при посредстве переводчика, наместник принимал письменное прошение и передавал его по принадлежности в военное или гражданское управление, на рассмотрение и заключение.

Покончив свои утренние занятия служебные, князь Барятинский обыкновенно (когда не страдал подагрой) делал прогулку в экипаже, а иногда верхом, за город, в сопровождении адъютантов и состоявших в роли преданных телохранителей нескольких урядников из туземцев и линейных казаков.

* * *

Моя семья, по приезде в Тифлис, скоро освоилась с новою средой и была очарована чудным климатом. Несмотря на зимнее время, дети проводили большую часть дня на воздухе: то в маленьком садике при доме, то в обширном саду наместниковского дворца. Зима в этом году была необыкновенно мягкая. В день 6 января вместо «крещенских морозов» было так тепло, что в крестном ходе на Иордан (т. е. на Куру) мы следовали в мундирах с открытыми головами и должны были прикрываться от

А.Д. Милютин на лошади

солнечных лучей. Домашняя наша обстановка устроилась совершенно удовлетворительно. Для детей нашлись учителя: преподаватель гимназии (Прокофьев) приходил давать уроки русского языка и истории; выслужившийся из штабных писарей офицер (прапорщик Кучин) учил чистописанию, а топограф — арифметике; жившая в доме гувернантка (Александра Дмитриевна Дружинина) занималась немецким языком, а по-французски дети учились у матери. Для сына, 11-летнего мальчика, достали маленькую лошадку, на которой начал он ездить верхом, и скоро так вошел во вкус, что сделался записным спортсменом.

Как мне, так и жене моей приходилось в первое время отбывать нелегкую обязанность — знакомиться с обществом. В самое короткое время круг нашего знакомства принял почтенные размеры, но сблизились мы с немногими семьями. Ближайшими соседями нашими была чета Карлгоф — Николай Иванович и Мария Христофоровна, обитавшие почти рядом с нами, в казен-

Н.М. Милютина

ном инженерном доме. И муж и жена были личности, достойные полного уважения, спокойные, разумные, но, к сожалению, болезненные. Будучи бездетными, они приютили у себя малолетнюю племянницу Сонечку Махову, которая сделалась приятельницею моих старших дочерей*. Из дамского круга самыми симпатичными знакомыми были: княгиня Гагарина (рожденная графиня Стенбок-Фермор) и княгиня Витгенштейн; к сожалению, последняя не долго украшала тифлисское общество: расстроенное ее здоровье скоро заставило князя Эмиля Витгенштейн уехать за границу. К числу других приятных знакомств жены моей принадлежали: княгиня Голицына, жена полковника, состоявшего при главнокомандующем (сына бывшего на-

* Впоследствии Софья Николаевна Махова вышла замуж за своего двоюродного брата Ипполита Александровича Прянишникова, морского офицера, сделавшегося потом знаменитым оперным певцом.

чальника центра Кавказской линии), Харитонова, директриса Института Св. Нины[11] почтенная старушка Книпер и дочь ее Жульчинская. Круг дамского знакомства постепенно расширялся по мере приезда новых семейных лиц, привлеченных князем Барятинским на кавказскую службу: генерал-майора Старицкого, лейтенанта Обезьянинова, подполковника Фохта, позже — генерал-майора Кеслера (заменившего генерала Ганзена в должности начальника инженеров) и барона Ник[олая] Егор[овича] Торнау (двоюродного брата моего товарища по Генеральному штабу). В особенности сблизилась моя жена с Людмилою Николаевной Фохт, с Евгенией Фёдоровною Кеслер, соседкою нашей (в инженерном доме) и с баронессою Торнау — умной, образованной и талантливой женщиной. У нее были две прекрасно воспитанные дочери, сверстницы моей старшей. Были также дети в большей части перечисленных семей, так что для моих детей не было недостатка в подругах.

Из мужского знакомства самыми частыми посетителями нашего дома были: французский консул Фино, Валерьян Иванович Христинич, А.И. Вастен, О.И. Ходзко, Булатов (чиновник канцелярии наместника), Вл. А. Лимановский и некоторые из офицеров Генерального штаба, в особенности Д.И. Романовский и П.П. Кравченко, а позже П.Д. Зотов. Само собою разумеется, что адъютанты мои были почти домашними людьми. Первоначально имел я одного только адъютанта, Александра Михайловича Фогеля, унаследованного от моего предместника; вскоре поступили два новых: князь Ник[олай] Влад[имирович] Гагарин, по рекомендации князя Григ[ория] Дм[итриевича] Орбельяни, и граф Дм[итрий] Александр[ович] Гендриков, по настоятельной просьбе отца его. Позже поступил четвертым адъютантом достойнейший Дм[итрий] Сем[ёнович] Старосельский, рекомендованный мне бароном Александром Евстафьевичем Врангелем.

В небольшом кружке наших близких знакомых установились добродушные отношения, присущие тогдашней жизни кавказской. Жена моя, сверх своих домашних забот, приняла участие в дамском кружке покровительниц Института Св. Нины, в качестве председательницы. Помощницами ее были княгиня Голицына и Жульчинская, а секретарем — Александр Иванович Папаригопуло.

В начале 1857 г. последовало новое приращение в моей семье: 16 февраля родилась пятая дочь, получившая имя Елены.

ПЕРВЫЕ МОИ СЛУЖЕБНЫЕ ЗАНЯТИЯ И РАБОТЫ

С первых же дней по вступлении в должность погрузился я в бездну служебных дел. Приходилось зараз знакомиться и с новыми лицами, и с текущими делами, приниматься за разработку множества вопросов, поднятых как князем А.И. Барятинским, так и мною самим. Ежедневные мои доклады главнокомандующему продолжались целые часы и занимали почти все утро, до полудня. Много времени отнимали они у меня, но я не мог на это сетовать; так называемые доклады были более похожи на интимные беседы, чем на служебную работу. Большая часть времени проходила в разговорах самых разнообразных. Князь Барятинский принадлежал к числу тех широких натур, одаренных богатым воображением, которые не любят замыкаться в кругу собственных своих идеалов. Он чувствовал потребность изливать внаружу* непрерывное течение своих мыслей, делиться ими с кем-либо, кого считал он способным воспринять его воззрения, часто весьма своеобразные. Во мне видел он именно такой объект, перед которым мог высказываться без стеснения, с полным доверием, почти с уверенностью встретить сочувствие. Уже из наших бесед в Петербурге он мог убедиться в том, что я не заражен духом петербургской бюрократии, к которому чувствовал он положительное отвращение; он знал, что я не принадлежу к числу тупых чиновников, которые пугаются всякой новой смелой мысли. Читанные им мои прежние записки о разных предположениях и преобразованиях[12] указывали ему на меня как на орудие, пригодное для осуществления на Кавказе обширных его замыслов, о которых уже не раз имели мы беседы в Петербурге и Москве. И теперь, когда я сделался официально ближайшим его помощником по военной части, главною темой наших ежедневных бесед были, разумеется, те же предположения о реформах, о новых предприятиях, о будущности края, которым он призван управлять с самыми обширными полномочиями. Не ограничиваясь одними утренними докладами, князь Барятинский приглашал меня иногда на прогулку с ним верхом за город, и во все продолжение нашей езды, беседа большею частию вращалась опять около тех же тем. Могу сказать, что

* Так в тексте (*примеч. публ.*).

Князь А.И. Барятинский

мои отношения к князю Александру Ивановичу были самые приятные, почти дружеские. Во всем его со мною обхождении не было и тени начальнического тона. Он охотно говорил и о предметах, совершенно выходивших из круга моих служебных занятий, касался вопросов гражданского управления, откровенно высказывал свои мнения и виды о разных лицах. Нередко слышал я от него весьма интересные рассказы о прежней его жизни при Дворе.

Еще до приезда в Тифлис, первоначально в Петербурге, а потом в пути, постепенно набрасывал я заметки о предстоящих мне на Кавказе задачах[13]. Таким образом составилась у меня готовая программа работ, которую еще пополнил в Тифлисе, когда осмотрелся в своем новом круге действий и после первых бесед с князем Барятинским. В программу эту вошли вопросы по всем разнообразным частям, входившим в состав подведомственного мне управления.

Одною из ближайших моих задач было переустройство самого штаба, в составе которого нашел я много недостатков и неудобств, затруднявших и замедлявших течение дел. Некоторые из этих недостатков и неудобств могли быть исправлены немедленно, так сказать, домашним образом, не отлагая до предположенного общего преобразования военных управлений на Кавказе, центральных и местных. Таковы были перемены в распределении делопроизводства по отделам штаба, улучшения в его помещении, меры к сокращению текущей переписки, к приготовлению хороших писарей, к улучшению их обстановки и т. д. Многие из этих мер и приводились в исполнение в течение зимы 1856/1857 годов. Инженерное отделение было изъято из состава Дежурства и причислено к части Генерального штаба; но по-прежнему начальник этого отделения имел личный доклад у меня, иногда в присутствии обер-квартирмейстера. Начальником Инженерного отделения, по случаю смерти занимавшего эту должность полковника Карганова, назначен инженер-капитан Хаджиминасов — родом армянин, но офицер дельный и способный*. По части Генерального штаба требовалось усиление личного состава и материальных средств. Во всех отделах Кавказского края ощущался большой недостаток в офицерах Ге-

* Вместо последних трех слов в автографе зачеркнуто: «вполне подготовленный к делу» (*примеч. публ.*).

нерального штаба, тогда как внутри России состоявшие при войсках офицеры оставались большею частию без дела. Я счел необходимым просить генерал-квартирмейстера (генерал-адъютанта барона Ливена) о присылке офицеров на Кавказ; но просьбы мои имели мало успеха*. Только гораздо позже прибыло несколько молодых офицеров нового выпуска из Академии. На первое же время (в начале 1857 г.) Кавказ приобрел одного весьма полезного офицера Генерального штаба — подполковника Зотова, который перешел по собственному желанию из Гвардейского генерального штаба, как кажется, вследствие семейных обстоятельств.

Военно-топографическую часть нашел я очень бедною и в личном составе, и в материальных средствах; а работ по этой части было чрезвычайно много. Приходилось и в этом отношении прибегнуть к помощи барона Ливена, которого я просил о присылке топографов и граверов. Кроме того обратился я с просьбою к нашему военному агенту в Вене, бывшему моему товарищу генерал-майору барону Торнау, о приискании и найме искусного литографа, что и было исполнено: венский мастер прибыл в Тифлис в течение лета 1857 года.

Имелось в виду устроить при штабе некоторые ученые работы: в своем месте были уже приведены мои прежние предположения об издании материалов для истории Кавказа[15]; другое же предположение состояло в организации статистических исследований в крае. К этой работе предполагалось привлечь Влад[имира] Павл[овича] Безобразова (будущего члена Академии наук), с которым и вошел я в переписку. Но за множеством других, более необходимых, можно сказать, насущных задач, обе задуманные ученые работы не удалось мне осуществить.

Большое значение имели на Кавказе межевые работы как в гражданском ведомстве для решения множества поземельных вопросов, так и в военном для наделения землями казачьих станиц и мирных аулов. Но работы межевые шли тихо за недостаточным числом рук. Существовавшая в гражданском ведомстве школа межевщиков плохо выполняла свое назначение. Князь

* А.П. Карцов писал мне (7 апреля 1857 г.), что личные его объяснения с генерал-квартирмейстером относительно моих ходатайств не привели ни к чему благодаря тому, что вице-директор департамента Генерального штаба генерал Скалон почему-то не благоволит Кавказу, а сам барон Ливен совершенно безгласное лицо[14].

Барятинский решил передать эту школу в военное ведомство и предоставил мне привести ее в должный порядок по моим соображениям. Приняв школу в свое ведение, я нашел необходимым капитально переустроить ее, а для этого первым условием было приискание способного человека, подготовленного к должности начальника такого специального учебного заведения. Заведовавший школой полковник Корпуса топографов Петухов был человек почтенный и опытный в деле топографа, но малообразованный и с учебным делом вовсе незнакомый. Вскоре сама судьба послала мне готового кандидата на должность начальника школы: это был капитан Генерального штаба Павел Иванович Носович, рекомендованный мне К.Д. Кавелиным, занимавшим тогда место начальника Учебного отделения в Штабе военно-учебных заведений. Носович незадолго кончил с большим успехом курс Академии Генерального штаба и прикомандирован был к названному штабу; но вследствие какого-то тайного доноса (по поводу неосторожных слов, будто бы сказанных им в частном доме), вынужден был оставить службу по военно-учебным заведениям, в то самое время, когда только что состоялась его женитьба на прелестной девице Мертваго — свояченице названного выше Владимира Павловича Безобразова. Кавелин просил меня как-нибудь пристроить Носовича, отзываясь о нем с большими похвалами как о молодом офицере, знающем топографическую часть и вместе с тем уже знакомом с учебным и воспитательным делом. Прибытие Носовича в Тифлис в начале 1857 г. пришлось весьма кстати. После непродолжительного испытания, убедившись в его способностях, решился я представить его к назначению начальником школы межевщиков. Он оправдал вполне мои ожидания: по указаниям моим, он умел в короткое время поставить эту школу совершенно на новый лад, и с каждым моим посещением заведения, все более находил я в нем успехов. Впоследствии П.И. Носович сделался одним из лучших директоров военных гимназий (сперва Нижегородской, а потом 1-й петербургской).

Кроме всех поименованных частей управления, начальнику Главного штаба был еще подчинен «Учебный батальон», в состав которого командировались ежегодно по нескольку офицеров и нижних чинов из всех кавказских полков для приведения в единообразие их строевого образования и устройства. Батальон этот был расположен в отдельной казарме в «Куках» —

П.Н. Шатилов

предместии Тифлиса за р. Курой. Командиром его был полковник Павел Николаевич Шатилов (будущий командир 15-го армейского корпуса). При батальоне состояла особая команда, называвшаяся «дворянскою» и состоявшая из молодых людей, поступавших в полки юнкерами, почти без всякого образования, в значительной части из туземцев, совсем безграмотных. Команда эта служила школою для самого элементарного обучения искавших офицерства молодых людей.

В Военном министерстве в то время главною заботой было сокращение расходов; для этого придумывались всевозможные меры, беспощадно сокращались и упразднялись части войск и учреждения. В том числе поднят был вопрос и об упразднении Кавказского учебного батальона. Но князь Барятинский отстаивал этот батальон, домогаясь отмены командирования офицеров и нижних чинов из кавказских войск в тогдашние «образцовые полки», пехотный и кавалерийский. Это ежегодное отправление

команд с Кавказа в Петербург и обратно, по мнению князя Барятинского, причиняло значительный расход, а войскам кавказским приносило не пользу, а вред. Он находил более полезным и выгодным командировать из Петербурга на Кавказ одного или нескольких знающих дело офицеров, которые передавали бы кавказским войскам все утонченные требования и порядки образцовых войск. Однако ж в виде уступки требованию министерства придуман был компромисс: применяясь к возникшему в последнее время учреждению стрелковой офицерской школы в Царском Селе, предложено было обратить и Кавказский учебный батальон так же в «стрелковую школу» для специального образования офицеров по стрелковой части, сохранив, однако же, при ней от прежнего учебного батальона одну строевую роту.

Командир учебного батальона полковник Шатилов был отличный строевой офицер, но для создания офицерской школы и направления ее к новому назначению необходим был иного рода человек. Для приискания такого лица, обратился я с просьбою к А.П. Карцову, который и рекомендовал капитана лейб-гвардии Финляндского полка фон Фохта, одного из достойнейших и образованных офицеров*, хорошо знакомого с делом стрелковым. Вследствие недавней женитьбы, он (так же как и Носович) искал перемены службы и приехал в Тифлис как раз к тому времени, когда полковник Шатилов получил новое назначение — командиром лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка. Заместивший его в должности командира учебного батальона подполковник Фохт вполне оправдал рекомендацию генерала Карцова и повел дело переустройства батальона в школу с полным успехом.

К огромному составу кавказского Главного штаба вскоре прибавилось еще новое отделение — по морской части. В обширные планы и предположения князя Барятинского входило создание на обоих морях, омывающих Кавказский перешеек, береговых флотилий, подчиненных кавказскому главнокомандующему**. Для заведования морской частью на Кавказе положено было назначить морского офицера и первоначально был в виду

* Далее в автографе зачеркнуто: «получившего специальное образование в Царскосельской стрелковой школе» (*примеч. публ.*).

** Далее в автографе зачеркнуто: «которому присвоен был поэтому особый орден» (*примеч. публ.*).

на эту должность младший брат князя Александра Ивановича Барятинского капитан 2-го ранга князь Виктор Иванович Барятинский, но за отказом его служить под прямым начальством родного брата великий князь генерал-адмирал* предложил кавказскому главнокомандующему на выбор двух кандидатов: адъютанта Его Высочества капитана 2-го ранга Стеценко или состоявшего во время последней войны при главнокомандующем Южною армией князе Горчакове капитана 1-го ранга Граве. Выбор князя Барятинского остановился на первом. Капитан Стеценко прибыл в Тифлис в начале марта 1857 г. с честолюбивою мечтой стать самостоятельным начальником обеих названных флотилий; он был крайне разочарован, увидев, что в действительности ему приходится быть не более как начальником отделения в подчинении начальнику Главного штаба. Несмотря на все мои старания сойтиться с ним, выказывая ему при всяком случае внимание как специалисту по морской части, он не мог примириться со своим положением, не хотел понять, как неуместно его притязание на роль командира морских сил, состоящих из каких-нибудь двух, трех старых судов, едва державшихся на море и предназначенных лишь для поддержания сообщений вдоль кавказских берегов. Я убедился, что Стеценко не тот человек, который нам нужен, да и сам он искал перемены назначения, а пока предпочитал исполнять кое-какие случайные поручения в приморских пунктах, вместо того чтобы заниматься канцелярским делопроизводством. Обязанность эту исполнял другой морской офицер, командированный Морским министерством в распоряжение кавказского главнокомандующего — лейтенант Обезьянинов — офицер скромный, исполнительный, чуждый всяких честолюбивых притязаний, притом человек семейный и потому дороживший местом, которое доставляло ему оседлость, так редкую для моряка.

Еще прибыл на Кавказ третий морской офицер-капитан 2-го ранга Савинич. В то время Морское министерство, имея на руках множество офицеров, остававшихся без дела, искало всяких случаев, чтобы пристраивать тех из них, которых желало удержать на службе. В этих видах великий князь Константин Николаевич испросил Высочайшее повеление о замещении исключительно морскими офицерами комендантских мест во всех

* т. е. Константин Николаевич (*примеч. публ.*).

приморских пунктах. Савинич мечтал о месте коменданта в Петровске (в Северном Дагестане). На первое же время ему было поручено произвести изыскания по Тереку, чтобы разъяснить, возможно ли устройство на этой реке судоходства.

Все части штаба и связанные с ним особые отделы были страшно завалены работой. Ныне, по прошествии более тридцати пяти лет, не имею возможности перечислить всю массу поднятых тогда разнообразных вопросов. По необходимости, ограничусь только более важными.

На первой очереди стоял вопрос о точнейшем разграничении новых военно-административных отделов Кавказского края. Эта задача была скоро решена по соглашению с главными начальниками отделов, но затем предстояла другая, самая крупная работа: организовать управления в отделах и в их подразделениях. Для этого необходимо было коренное переустройство всей военной администрации, представлявшей в то время полный хаос. Можно сказать, что не существовало никакой общей, систематичной организации: с самого начала водворения в крае русской власти и по мере постепенного ее утверждения в течение полувека образовывались округа или местные отделы, крупные и мелкие, без общего плана; начальствующим в этих подразделениях края для управления ими давались самые недостаточные средства; каждый из них устраивал себе по возможности канцелярию или штаб из офицеров, временно взятых из строя, даже из казаков. Правда, обязанности, отношения начальствующих лиц не были точно распределены. Войска находились в двойственной зависимости — и от своего строевого начальства (бригадных командиров и начальников дивизий), и от местного начальства. От этого часто выходили столкновения и недоразумения. Специальные роды оружия и материальная часть были подчинены своему высшему начальству по принадлежности, помимо местного военного начальства.

Главная идея, положенная в основание предположенного князем Барятинским нового разделения края на пять главных отделов, в том именно и состояла, чтобы каждому из местных начальников дать полную самостоятельность, сосредоточив в его руках и местное управление населением, и начальствование расположенными в том же районе войсками и всеми военными средствами. Но чтобы достигнуть практически этой цели, предстояло придать каждому начальнику и соответствующие органы

действий; образовать в каждом отделе и в каждом подразделении его правильно устроенные управления, упразднив затем многие из прежних органов военного управления, несовместимые с новою стройною системой.

Вот для решения этой-то задачи и приступлено было в подведомственном мне штабе к разработке целой реформы военного управления, начиная от главных или центральных учреждений (в Тифлисе) и до мелких подразделений отделов; нужно было составить новые штаты и положения по всем частям: строевой, артиллерийской, инженерной, провиантской, госпитальной и т. д. Работа эта не только была обширна и сложна, но вместе с тем требовала соучастия представителей всех ведомств. Мне приходилось входить в личные сношения и соглашения со множеством лиц, улаживать взаимно-противоположные интересы и домогательства. Притом следовало принимать в расчет соображения финансовые и вести дело так, чтобы новые штаты управлений не требовали увеличения расходов. Понятно, что такая работа не могла быть исполнена в короткое время; при всем усердии моих сотрудников, дело это затянулось на целый год*.

Биограф князя А.И. Барятинского**, говоря о преобразовании военного управления на Кавказе в 1857 г., упоминает о какой-то записке, составленной по этому предмету князем Александром Ивановичем еще в 1852 г. и будто бы послужившей основанием означенной работы. При этом автор рассказывает целую историю, как эта записка, с воцарением императора Александра II, была передана на рассмотрение военному министру князю Долгорукову, как последний сначала опровергал мысли князя Барятинского, а потом согласился с ними, прямо сознавшись, что поддался моему влиянию, и как я в свою очередь, после личного объяснения с князем Александром Ивановичем, также согласился с ним, сознавшись, что возражения против его записки были внушены мне генерал-майором Вольфом. Весь этот рассказ — чистый вымысел. О полемике, возникшей в 1855 г. по поводу разных предположений о плане действий на Кавказе, изложено было в моих воспоминаниях за тот

* Вместо последних трех слов в автографе зачеркнуто: «до осени 1857 года» (*примеч. публ.*).

** *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский. М., 1890—1891. Т. II. С. 87—88.

год с полным беспристрастием, согласно истинным фактам[16]; никаких препирательств с князем А.И. Барятинским у меня не было; Ник[олай] Ив[анович] Вольф никакого влияния на меня не имел ни в то время, ни прежде, когда мы были с ним близки*.

В связи с организацией управлений в военных отделах края, разрабатывалась и другая важная задача — устройство ближайшего управления мирным туземным населением. Предмет этот требовал чрезвычайной осторожности. В основание проекта по этой части положена была мысль, которую неоднократно князь Барятинский выражал в своих беседах: что в мусульманском населении самый враждебный нам и опасный элемент есть духовенство, достигшее в последнее время чрезвычайно сильного влияния на толпу, порабощенную суровою теократическою властью Шамиля. В этих видах признавалось более выгодным для нас давать адату перевес над шариатом, т. е. праву обычному над судом духовным; поддерживать местную аристократию, где она еще существует, и для этого в организации местных народных управлений привлекать к участию в них влиятельных туземцев, под руководством русской военной власти. Имелось в виду формировать туземные милиции для полицейской службы и для содействия войскам, с тою целью, чтобы обратить на пользу множество людей бездомных и праздных, составляющих в среде

* Точно так же совершенно неосновательно говорится в выноске на той же странице, будто и в позднейшее время, по случаю введения военно-окружной системы, я ссылался на мнение князя Барятинского, выраженное в той же записке 1852 г., относительно упразднения деления войск на корпуса, причем поясняется, что князь Александр Иванович, предлагая упразднить корпуса, не имел в виду «упразднять главнокомандующего». В этих строках целый ряд недоразумений и ошибочных сопоставлений. С одной стороны, упразднение корпусов не имело существенной связи с учреждением военных округов; оно было предложено преимущественно в видах сокращения расходов; в позднейшее же время корпусное деление было восстановлено и при существовании округов. С другой стороны, ни у кого не было мысли об упразднении главнокомандующих армиями в военное время; напротив того, в самой организации военных округов заключаются готовые кадры для формирования, в случае войны, полевых управлений армий — чего прежде не было. Оговорка, сделанная автором биографии, что он «повторяет слова собственноручной заметки фельдмаршала», к сожалению, может только поколебать доверие к правдивости всех вообще его заметок, писанных, вероятно, в последние годы его жизни, под влиянием непонятного его раздражения против меня. Приводимые в биографии фельдмаршала подобного рода заметки его составляют как бы запоздалый отзвук давно уже сданной в архив полемики, возбужденной в семидесятых годах против военных реформ того времени[17].

горского населения самый неудобный и беспокойный элемент. Для распространения между туземцами знания русского языка и в противовес духовным школам при мечетях (медресе), полагалось улучшить и расширить по возможности существовавшие при кавказских полках школы, привлекая в них и детей туземцев.

Весьма важные вопросы были подняты по части путей сообщения. Полувековой опыт кавказской войны привел к тому убеждению, что покорение и умиротворение края не достигаются самыми кровопролитными экспедициями, что действительнейшее для того средство заключается в открытии свободных доступов в горные и местные трущобы, рубкою просек и проложением дорог. Почти все войска кавказские, — эти превосходные, боевые войска, — теперь взялись за топор и заступ. Рядом с настоятельными заботами о скорейшем вооружении этих войск новыми нарезными ружьями (6-линейными), возникла новая забота — о снабжении войск в возможном обилии хорошим рабочим инструментом, в замене тогдашнего, так называемого «шанцового» инструмента, никуда не годного и крайне недостаточного числом. Топоры изготовлялись по американскому образцу; для точения и исправления инструмента заводились в полках мастерские, для заведования которыми назначались особые офицеры. Рубка просек и проложение дорог сделались главною задачей отрядов, остававшихся в сборе почти круглый год во всех отделах края.

Помимо этих военно-дорожных работ, подняты были вопросы относительно некоторых больших линий сообщения, имевших важное значение в общих видах государственных и политических. Первою и существеннейшею необходимостью было — обеспечить сообщение Кавказа с империей. Тогдашняя Военно-Грузинская дорога представляла путь чрезвычайно неудобный, подверженный случайностям, часто прерывавшим вовсе сообщение. Положено было устроить через Главный хребет кавказский хороший шоссейный путь. Двое из числа лучших офицеров Корпуса путей сообщения (Статковский и другой, которого имени не припомню) были командированы за границу для изучения горных дорог и для разработки потом проекта Военно-Грузинской дороги от Владикавказа до Тифлиса. Кроме того, предполагалось проложить другую дорогу через Главный хребет несколько западнее, именно по р. Ардону, через Алагирский свин-

цово-серебряный рудник в долину Лиахвы к Гори или в бассейн Риона к Кутаису. Этой дороге (Военно-Осетинской) придавалось значение стратегическое — как кратчайшему пути с Северного Кавказа в Пририонский край; вместе с тем считалось полезным иметь запасной путь для сообщения с Закавказьем на случай перерыва сообщения по Военно-Грузинской дороге. Затем было настоятельно нужно обеспечить сообщение с главным пунктом на Черноморском берегу — Сухумом, с одной стороны — от Тифлиса посредством дороги через Имеретию, Мингрелию и Самурзахань, а с другой — с Северного Кавказа, проложением дороги, хотя бы вьючной, через Главный хребет, по долине Лабы. Последняя война выказала наглядно критическое положение наших войск в Абхазии, когда Сухуму отрезано неприятелем всякое сообщение и с Закавказьем, и с северною стороною Кавказа[18]. По всем указанным путям требовалось еще производить обширные изыскания, к которым и было приступлено в 1857 году.

В планах князя Барятинского уже в то время зародилась мечта и о железных дорогах. На первую очередь ставил он соединение Тифлиса с берегом Каспийского моря, именно — линию на Баку, в том соображении, что при тогдашних обстоятельствах, мы уже не могли, в случае войны, пользоваться судоходством на Черном море и что единственным обеспеченным сообщением Закавказья с внутренними частями империи могло служить море Каспийское[19]. Поэтому проложение железной дороги от Тифлиса к западу, к Черному морю составило бы впоследствии продолжение восточной линии. Затем имелась еще в виду ветвь к Персидской границе на Мингечаур.

Вопрос о железных дорогах очень интересовал лично наместника. Он приискивал лиц, посредством которых можно бы собрать капиталы на такие крупные предприятия. Впоследствии, как будет в своем месте рассказано, он вошел по этому делу в сношение с известным московским коммерческим тузом Кокоревым, находившимся в то время за границей, в Париже. Горячее желание князя Барятинского — прорезать Кавказский перешеек рельсовою линией, которая должна была дать жизнь всему краю и сделать его звеном обширных международных интересов — не легко было осуществить. При тогдашнем положении дел оно даже казалось преждевременною затеей: ведь во всей России тогда было открыто рельсовое сообщение только между

двумя столицами; только что учреждалось русско-французское общество, названное «Главным обществом российских железных дорог»[20], принимавшее на себя сооружение линии от Петербурга до Варшавы. Тифлис еще не был соединен со столицами даже и телеграфной проволокой: спешные известия отправлялись с курьерами в Симферополь или в Новочеркасск для передачи по телеграфу. Замечательно, что сам князь Барятинский, домогавшийся железных дорог в Закавказье и решивший приступить к устройству телеграфных линий от Тифлиса до некоторых пунктов Кавказского края, отклонял соединение Тифлиса с существовавшею уже в России телеграфною сетью, из-за того только, — как он открыто сознавался, — чтобы не быть связанным в действиях телеграммами из Петербурга.

По моему убеждению, железные дороги в то время были для Кавказа делом будущего. Переписка с Кокоревым велась помимо меня; я не придавал этим сношениям серьезного значения и заботился об осуществлении других, более исполнимых предположений, между прочим об устройстве судоходства по большим кавказским рекам: Риону, Кубани, Тереку, Куре. Относительно Риона вошел я в сношение с Н.А. Новосельским — главным деятелем во вновь образовавшемся «Русском обществе пароходства и торговли на Черном море»[21]. На Кубани предварительные расследования предоставлены были распоряжению генерала Филипсона, который принялся усердно за это дело. На Тереке, как уже было упомянуто, изыскания поручены были флотскому офицеру Савиничу. Наконец один из офицеров путей сообщения был послан на Куру. Новосельский, выказывавший необыкновенную энергию в самых смелых коммерческих предприятиях, откликнулся немедленно на приглашение кавказского начальства и прямо, даже до расследования реки Риона, изъявил полную готовность взяться за устройство пароходных рейсов от Поти до Марани или Самтреди, т. е. от устья Риона до впадения в него Цхенискале, на протяжении около 60 верст. Задача была нелегкая: Рион представлял большие затруднения для судоходства по своему быстрому течению среди лесной чащи, по своим крутым извилинам и карчам. Главное же неудобство сообщения по Риону заключалось в отмели или баре перед устьем реки. Морские суда должны были останавливаться на рейде, открытом всем ветрам, и потому предпочитали идти к турецкому порту Батуму и там сдавать почту и грузы приходившему из Поти легко-

му судну. Пока Новосельский приготовлял для плавания по Риону соответствующий условиям пароход малого размера и мелкосидящий, инженерный офицер путей сообщения Богушевич изучал местные условия для разработки проекта искусственных сооружений в устьях Риона, с целью возможного улучшения прохода судов через бар.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В РАЗНЫХ ЧАСТЯХ КРАЯ В ЗИМУ 1856/1857 ГОДОВ

В планах и предположениях князя Барятинского занимали видное место соображения относительно обоих морей, омывающих с запада и с востока Кавказский перешеек.

Что касается Черного моря, то в своем месте уже было упомянуто о принятом еще в Петербурге решении не восстановлять в прежнем виде всей «береговой линии», а занять только обе оконечности ее, удободоступные с сухого пути, именно: в северной части — возобновить Анапу и возвести укрепление на месте прежнего Новороссийска (на берегу Цемесской бухты), а в южной (в Абхазии) — Сухум и Гагры[22]. На промежуточном же протяжении берега, обитаемом непокорными племенами шапсугов, убыхов и другими, ограничиться крейсерством, насколько будет возможно установить его при остававшихся у нас на Черном море скудных средствах. Крейсерство имело целью препятствовать сношениям непокорных горцев с Турцией и европейскими нашими врагами[23].

В исполнение постановленного в Петербурге решения, еще до приезда на Кавказ нового наместника, уже заняты были Анапа и Сухум; первая — генералом Филипсоном, второй — владетелем Абхазии князем Михаилом Шервашидзе. Занятие обоих пунктов исполнено без выстрела; но в том и другом пришлось, взамен прежних, разрушенных турками построек устраивать заново помещения для гарнизонов и служащих лиц, — что и было исполнено наскоро к осени 1856 года. Занятие же Новороссийска и Гагр отложено на следующий год по докладу военного министра без предварительного соглашения с наместником, что было одним из первых поводов к пререканиям князя Барятинского с генералом Сухозанетом.

Труднее было справиться с учреждением крейсерства. Из остатков бывшего нашего Черноморского флота оказалось воз-

можным употребить только 3 плохих парохода, в дополнение к которым приобретено покупкою 5 паровых шхун и заказано еще 5 пароходов на заграничных верфях. Собственно же в распоряжение кавказского начальства, для береговой службы, предоставлено было 4 паровых шхуны и 2 транспорта. Сверх того имелись для службы: в северном отделе (между Анапой и Новороссийском) Азовские казачьи баркасы, а в южной (вдоль берега Абхазии) Рионская гребная флотилия. Все эти средства на море были слишком ничтожны для действительной блокады берега на протяжении 360 верст, занятого враждебным горским населением, и притом без всякого убежища для судов от непогоды.

Еще более серьезное препятствие к устройству крейсерства явилось совершенно неожиданно со стороны нашего Министерства иностранных дел. После заключения Парижского мира британский флот, под разными предлогами долго еще не покидал Черного моря, а войска австрийские не очищали княжеств Дунайских даже и после подписания 19 декабря 1856 г. протокола Парижской конференции, обсуждавшей этот вопрос[24]. Британские военные суда нахально разгуливали вдоль русских берегов, входили даже в Керченский пролив и явно поддерживали сообщение с кавказскими горцами. В самом Константинополе под покровительством английского посла лорда Редклифа организовалась экспедиция для доставления на кавказский берег оружия и военных запасов. В английских газетах, а за ними и в австрийских опять поднялась такая же враждебная нам агитация, как в 1853 г.; высказывалась мысль, что Англия должна завести в Черном море новую Мальту[25]. Само правительство великобританское позволяло себе беспрестанно самые наглые нарушения международного права, и по самым пустым поводам делало нам дерзкие придирки. Так, распущен был ложный слух, будто в персидском лагере под Гератом находились два русских батальона, и это признавалось достаточным предлогом для занятия английскими войсками Бендер-бушира в Персидском заливе[26]. Имея в руках этот опорный пункт, англичане назойливее вели переговоры в Тегеране о заключении с Персиею союза против России. Такой вызывающий образ действий Англии тревожил не на шутку наше Министерство иностранных дел, которое было так запугано англичанами, что закрывало глаза на все их вопиющие нарушения международного права, избегало всего,

Англичанин (Э. Спенсер) в черкесском костюме

что могло послужить им предлогом к новым придиркам. Поэтому князь А.М. Горчаков упорно противился установлению серьезного крейсерства вдоль восточного берега Черного моря для прекращения враждебных нам сношений с горцами. Он думал задобрить вечных наших врагов, могущественных торгашей, обещанием открыть на кавказском берегу *несколько* пунктов, где могли бы производиться легально торговые сношения иностранных купцов с прибрежными горцами. Фантастическая эта выдумка повела к продолжительным пререканиям между наместником кавказским и Министерством иностранных дел: требовалось определить, какие именно пункты будут открыты иностранцам для означенных сношений[27]. Точь-в-точь проделки англичан в Китае, Японии, на берегах Африки!

Пока велась у нас переписка об установлении крейсерства, замыслы наших врагов приводились в исполнение: сношения их с горцами кавказского прибрежья продолжались беспрепятственно. В ноябре 1856 г. наказный атаман Черноморского казачьего войска генерал Филипсон (в ведении которого состояла и северная часть морского прибрежья), узнав о прибытии подозрительных судов в Цемесскую (Новороссийскую) бухту, немедленно отправил туда состоявшую в его распоряжении шхуну и несколько азовских баркасов, чтобы захватить контрабандные суда. Арестование их подало повод к жалобам со стороны Порты, и было предметом дипломатических объяснений. Но вслед за тем, в начале 1857 г., дошло до сведения нашего посольства, что в самом порте Константинопольском снаряжается судно («Аслан») с военными запасами и оружием для доставления на кавказский берег; что готовятся другие еще суда, английские и турецкие, с партиею вооруженных волонтеров, польских, венгерских и других, на помощь черкесам. Об этой экспедиции флибустьеров открыто печаталось в иностранных газетах («Independance Belge». № 58)[28], в которых прямо указывалось, что во главе предположенного десанта стоит венгерский ренегат Баниа, известный под именем Мехмет-бея. Посланник наш Бутенёв и первый драгоман посольства Аргиропуло имели не раз объяснения по этому предмету с великим визирем Решид-пашой и с другими министрами; все они прикинулись ничего не ведающими и удивленными, а Решид-паша даже успокаивал нашего посланника, обещая немедленно расследовать дело и принять меры против всякого подобного нарушения международного права. Вместо того никаких мер не принималось, и впоследствии положительно выяснилось, что задуманная экспедиция к кавказскому берегу готовилась с ведома и даже под прямым покровительством турецких министров: почтового — Измаила-паши, родом убыха, и морского — Мехмет-Али-паши. Оказалось, что обещание Решида-паши послать в турецкие порты строгие приказания о воспрепятствовании выходу каких-либо судов к кавказскому берегу — вовсе не было исполнено; что снаряжавшееся перед самым домом Измаила-паши судно вышло из порта; что кроме того прошел другой английский пароход «Кенгуру» с партией флибустьеров через Синоп и Трапезонд, где оно брало уголь. Были сведения еще о другом пароходе, пришедшем из Англии с тою же целью. Бутенёв, видя со стороны

турецких министров только притворство и обман, испросил личную аудиенцию у султана, последствием которой было назначение следственной комиссии, объявление султанского фирмана о воспрещении турецким подданным сношений с кавказскими горцами и т. д. Но все это было слишком поздно и делалось лишь для виду. Точно так же и объяснения нашего министра иностранных дел с английским послом в Петербурге лордом Водгус привели только к заявлению со стороны британского правительства неодобрения происходивших тайно враждебных нам предприятий на кавказском берегу, тогда как не было сомнения в том, что предприятия эти совершались под покровительством отъявленного нашего врага британского посла в Константинополе лорда Редклифа и находили поддержку в самом Лондоне*.

В исходе февраля 1857 г. генерал Филипсон получил от лазутчиков сведение о прибытии (26 февраля) в устье Туапсе (где прежде находилось наше укрепление Вельяминовское) иностранных судов с людьми, орудиями, оружием и запасами. Первоначальное известие было крайне преувеличено: говорилось о 6-тысячном отряде; оказалось же потом, что вся партия флибустьеров не превышала 400 человек и состояла преимущественно из поляков и венгерцев, под предводительством упомянутого выше венгерского авантюриста Баниа (Мехмета-бея) и поляка Лапинского, называвшего себя полковником, но имевшего в турецкой армии чин майора. Оба они в последнюю войну принимали деятельное участие в разных против нас предприятиях. Прибыли они на пароходе «Кенгуру», а вслед за их высадкой подошло и другое судно «Аслан» с военными запасами, оружием и орудиями[29]. Избранный для высадки пункт был центральный среди непокорных племен; из долины Туапсе ведет лучшая дорога на северный скат хребта Кавказского в долину Пшиша. Несколько позже получено также кутаисским военным губернатором князем Гагариным сведение из Батума об отбытии тех же судов из Трапезонда. Часть высаженных авантюристов была перевезена в Геленджик. О планах и намерениях их ничего не было известно, кроме только того, что они вошли в сношение с Сефер-беем (или Сефер-пашой, как называли его турки) и с Мехмет-Эмином — обоими враждовавшими между собою пред-

* Были даже известия о тайном соучастии австрийского интернунция в Константинополе Прокеш-Остена.

водителями непокорных горцев западной части Кавказа. Сефер-бей немедленно прибыл на Туапсе с убыхскими старшинами, но Магомет*-Эмин не принял приглашения флибустьеров, избегая встречи со своим соперником Сефер-беем. Владетель же Абхазии князь Шервашидзе, в письмах от 20 и 21 марта, сообщал мне, что «горцы не доверяют шайке и ее россказням», и что «добросовестные старшины убыхские держат себя в отношении к нашим врагам с осторожностью». Генерал Филипсон, через своих лазутчиков, узнал, что некоторые из высаженных в Туапсе иностранцев прибыли в Геленджик, где полагают укрепиться. Были также сведения о разных затеях их, как, например, о добывании в горах золота, о чеканке монеты и проч. Известие князя Шервашидзе о недоверии к ним горцев подтверждалось: было известие о происшедших враждебных столкновениях; дошло даже до серьезной драки, когда авантюристы вздумали раскапывать чтимые горцами древние могилы. Генерал Филипсон писал, что флибустьеры пока еще не удаляются от морского берега в глубь страны, но что подвоз запасов на берег продолжается, благодаря «отсутствию всякого крейсерства»[30].

* * *

Не забегая вперед в своем рассказе о наших делах на Черном море, обращусь теперь в другую сторону — к Каспийскому морю, которое не менее занимало внимание князя Барятинского. Выше уже упомянуто о значении, которое он придавал этому морю в отношении сообщений Закавказья с внутренними частями империи; но этою одною целью не ограничивались виды молодого наместника: Каспийское море занимало видное место в широких его соображениях о нашей общей политике на Востоке. Его озабочивали тогдашние враждебные нам проделки англичан в Персии; он опасался, что они, имея в руках такой опорный пункт, как Бендер-бушир, могли без особенных затруднений подчинить себе беззащитную Персию, проникнуть до Гиляна и Мазендерана, и подняв британский флаг на Каспийском море, поставить нас в крайне критическое положение и в Дагестане, и в степях Закаспийских. Страшный этот призрак постоянно преследовал воображение наместника. Ему казалось необ-

* Так в тексте (*примеч. публ.*).

ходимым неотлагательно принять серьезные меры к утверждению нашего исключительного господства на Каспии, для успешной борьбы с Англией на востоке. В этих видах признавал он нужным привести в порядок и усилить нашу жалкую флотилию Каспийскую, развить торговое мореходство, устроить укрепленные порты в Петровске и Баку, занять какой-либо пункт на восточном берегу моря, с тем, чтобы оттуда открыть путь к Аральскому морю и судоходство по Сырдарье, а со временем даже проложить железную дорогу. Для успешного осуществления всего этого обширного плана, князь Барятинский считал нужным подчинить наместнику кавказскому Астраханскую губернию и восточный берег Каспийского моря.

Об этих предположениях князь Барятинский помышлял еще в бытность свою в Москве; даже высказывал их предварительно Государю и великому князю Константину Николаевичу. Последний был весьма благосклонно расположен к князю Барятинскому и обещал свое деятельное содействие широким его видам. В продолжение плавания по Волге планы наместника все более развивались. В Астрахани вошел он в личные совещания с тамошним военным губернатором и главным командиром порта и Каспийской флотилии вице-адмиралом Васильевым, который отнесся с таким сочувствием к предположениям князя Барятинского, что совершенно обворожил его и сделался усерднейшим его сторонником. Васильев сопровождал наместника в плавании по Каспийскому морю до Петровска, чтобы сговориться обстоятельнее о подробностях и дальнейшем ведении дела. Еще не доезжая до Тифлиса, из Шемахи (25 октября), князь Барятинский отправил к великому князю Константину Николаевичу письмо, в котором изложил результаты своих совещаний с вице-адмиралом Васильевым, свои мысли о подчинении ему Ново-Петровского укрепления (единственного тогда пункта, занятого нами на восточном берегу Каспийского моря), о снаряжении экспедиции для исследования путей от Мертвого Култука через Усть-Урт к Аральскому морю, с тем, чтобы потом проложить в этом направлении железную дорогу; об открытии судоходства по Сырдарье и Амударье; об укреплении Петровска и Баку, и тут же высказал предположение о передаче заведования судоходным путем по Волге из Главного управления путей сообщения в Морское министерство[31].

По приезде в Тифлис князь Барятинский изложил свои предположения в письме к Государю от 9 декабря[32] и с нетерпением ожидал решения. При ежедневных моих докладах почти каждый раз возвращался он к этому предмету. Вице-адмирал Васильев взялся разработать проекты устройства Петровского и Бакинского укрепленных портов с содействием инженера Морского министерства полковника Тизенгаузена. С предполагаемым присоединением Астраханской губернии к району управления наместника кавказского, ожидалась между прочим и та выгода, что существовавший в Астрахани особый «Провиантский комитет», заведовавший заготовлениями и доставкою провианта для кавказских войск, войдет в состав Кавказского интендантства.

Для благоприятного решения представленных предположений, князь Барятинский рассчитывал на поддержку великого князя Константина Николаевича, а потому с большим прискорбием узнал о том, что Его Высочество, вместе с великою княгиней Александрой Иосифовной, выехал 25 декабря из Петербурга за границу, на всю зиму[33]. Ал[ександр] Вас[ильевич] Головнин, поддерживавший усердно переписку с князем Барятинским и со мною, писал нам 7 (19) января из Ганновера и 20 января (1 февраля) из Альтенбурга*, что великий князь намеревается пожить некоторое время в Альтенбурге, в семье великой княгини, затем ехать в Италию и в Париж; по возвращении же из-за границы в июне месяце, провести лето в Стрельне, а в августе предпринять путешествие в Нижний и оттуда по Волге на Кавказ. В письме ко мне, отвечая на мое письмо от 28 ноября, Головнин писал: «Ваше письмо я читал великому князю; его очень порадовало все, что Вы говорите о князе Барятинском, которого он любит и уважает. Мы надеемся быть к Вам в сентябре»[34]. Сам великий князь известил князя Барятинского о предполагаемом путешествии своем и просил составить маршрут по Кавказскому краю. Отвечая Его Высочеству письмом от 21 января, князь Александр Иванович послал ему два проекта маршрута: один — на 3-недельную поездку, другой — на целый месяц[35].

Намерение великого князя посетить Кавказ очень улыбалось князю Барятинскому; но между тем вести из Петербурга весьма

* Головнин уехал за границу еще летом 1856 г. для поправления здоровья и там съехался с великим князем.

огорчили его: проекты об Астраханской губернии, о дороге к Аральскому морю и проч., по Высочайшему повелению, подвергнуты были обсуждению в Особом совещании из министров: иностранных дел, военного, управляющего Морским министерством адмирала барона Врангеля, главноуправляющего путями сообщения генерал-адъютанта Чевкина, директора Азиатского департамента генерал-майора Егора Петр[овича] Ковалевского и генерал-квартирмейстера генерал-адъютанта барона Ливена. В заседании 27 января почти все участвовавшие в совещании высказались против проектов. В особенности же восстал князь А.М. Горчаков, который, ссылаясь на депеши барона Бруннова, считал опасным всякий наш шаг на востоке, сколько-нибудь задевающий интересы Англии или даже могущий подать предлог к придиркам со стороны британского кабинета. С другой стороны, и генерал-губернатор Оренбургский генерал-адъютант Перовский (Василий Алексеевич) признавал предположения князя Барятинского несвоевременными, ввиду происходивших в степи волнений[36]. Совещание пришло к заключению, что предположения эти следует отложить до более благоприятных обстоятельств. Заключение это было утверждено Государем.

Нельзя отвергать основательность многих соображений совещания. Между прочим весьма дельное замечание высказано в письме венного министра от 27 февраля относительно предположенной железной дороги от восточного берега Каспийского моря через Усть-Урт к Аральскому морю: выставив местные неудобства этого направления, генерал Сухозанет прибавил: «Быть может, в скором времени будет возможно осуществить вашу мысль южнее Усть-Урта, в южную часть Аральского моря»[37]. Действительно, мечта князя Барятинского осуществилась в позднейшее время и еще гораздо южнее, чем предсказывал генерал Сухозанет, в 1857 году[38]. Но князь Барятинский не убедился соображениями совещания и в письме к великому князю Константину Николаевичу изложил свои возражения. Возражения эти были довольно слабы; тем не менее наместник кавказский не отступился от своих проектов и продолжал с обычною своею настойчивостью добиваться осуществления их.

В довершение испытанной неудачи князь Барятинский начал замечать некоторое охлаждение к его проектам со стороны великого князя Константина Николаевича. В письмах Его Высочест-

ва, так же как и Головнина (в марте месяце)*, велась речь преимущественно о крайнем расстройстве наших финансов и о безусловной необходимости во чтобы то ни стало сокращать расходы, отлагая до другого времени всякие новые предприятия, хотя бы и очевидно полезные. Головнин, упоминая о предвидимом на 1857 г. дефиците по государственной росписи в 64 млн руб., ставил в пример Министерство морское, которое беспрекословно согласилось на убавку в своей смете 5 млн руб. из предполагавшихся 19 миллионов[39]. Для достижения такого, сравнительно крупного сокращения расходов по морской части великий князь генерал-адмирал не остановился перед самыми чувствительными пожертвованиями: решено в предстоявшую навигацию отказаться вовсе от снаряжения каких-либо военных судов в плавание, упразднить многие морские учреждения, в том числе и Каспийскую флотилию, передав ее суда в руки частной компании, уволить массу служащих, распродать многие казенные здания и т. д. Великий князь даже отказался от получения своего личного содержания и сделал большие сокращения по собственному своему двору**[40].

В то же время и Вл[адимир] Петр[ович] Бутков, всячески угождавший князю Барятинскому, писал ему***: «Нельзя винить и Брока (министра финансов), если он отказывает в деньгах. У нас в 1857 г. дефицит простирается до 80 млн руб. сер. Такая же или почти такая сумма будет и в 1858 году. Поэтому все усилия употреблены к тому, чтобы сократить расходы. Думают более всего о сокращении числа войск сухопутных и морских. Бедный военный министр бьется как рыба об лед, не зная, что придумать. Чем все это кончится — право не знаю».

Но все эти назидательные письма, равно как и пример самоотвержения генерал-адмирала, не повлияли на взгляды наместника кавказского, который вовсе не признавал идеалом патриотизма принесение в жертву наших морских сил. По его мнению, никакие финансовые затруднения настоящего дня не оправдывают добровольного отречения великой державы от своего политического значения и веса относительно других государств. Ут-

---

* Великий князь со своим семейством провел март месяц в Ницце, где зимовала вдовствующая императрица Александра Фёдоровна. Позже Его Высочество посетил Геную, Тулон и Париж.

** Письмо А.В. Головнина от 24 марта (5 апреля) из Ниццы.

*** Письмо от 20 марта[41].

Рядовой Севастопольского полка. Рис. Т. Горшельта

рата, вследствие неудачной войны, нашего положения на Черном море заставляла ли нас обречь себя на бессилие и на всех других морях? Напротив того, она вызывает на возможно энергичные усилия, чтобы наверстать сколько-нибудь понесенную утрату усилением Балтийского флота, Каспийской и Тихоокеанской флотилий. У князя Барятинского мысль постоянно стремилась вперед, к идеалам будущего, которое в его глазах должно с лихвою вознаградить затраты в настоящем. Став на такую точку зрения, не мог он сочувствовать преобладавшему в то время в наших высших правительственных сферах чрезмерному стремлению к уменьшению расходов. В Петербурге только и слышно было об отмене, упразднении, сокращении. Эти заботы о сокращении сделались почти манией; не останавливались перед самыми прискорбными жертвами для достижения сравнительно

скудной экономии. Один князь Барятинский считал еще в себе силы, чтобы плыть против течения. Зато представления его, часто вызывавшие новые расходы, возбуждали в Петербурге большое неудовольствие. Министр финансов громко говорил: «...Все наместники, отправляясь на Кавказ, обещали быть экономны, и никто не сдержал слова; но никто из них не обещал столько, как князь Барятинский, и никто так страшно не сорил деньгами»*.

Таковы были в Петербурге толки о новом наместнике кавказском. Не прошло еще и четырех месяцев со вступления его в должность, и вот уже поднялись крики о его расточительности.

* * *

Пока у нас в Тифлисе кипела неустанная работа кабинетная, пока зарождалось и созревало множество самых разнообразных проектов, — в отделах края велась работа другого рода: согласно утвержденному плану зимних действий, собранные в разных пунктах отряды неутомимо рубили просеки в лесах, пролагали дороги, подготовляли предположенное на 1857 г. занятие новых пунктов под станицы, укрепления и штаб-квартиры[43].

К зиме войска на Кавказе были уже распределены, согласно предположению князя Барятинского, по новым отделам края: в каждом из отделов теперь состояло по одной дивизии пехоты с одним стрелковым батальоном и одним драгунским полком. На Правое крыло в распоряжение генерал-лейтенанта Козловского поступила 19-я пехотная дивизия, составившаяся из полков прежней 19-й (Крымского и Ставропольского) и двух новосформированных (Севастопольского и Кубанского) из 10 прежних Черноморских линейных батальонов. На Левое крыло в распоряжение генерал-лейтенанта Евдокимова поступила 20-я пехотная дивизия, образовавшаяся из двух полков прежней 19-й дивизии (Тенгинского и Навагинского) и двух прежней 20-й дивизии (Куринского и Кабардинского). В Прикаспийском крае в распоряжении генерал-лейтенанта князя Орбельяни образовалась 21-я пехотная дивизия из двух полков прежней 20-й (Апшеронского и Дагестанского) и двух прежней 21-й (Самурского и Ширванского). Остальные два полка прежней 21-й дивизии

* Письмо Д.П. Хрущова от 25 марта 1857 года[42].

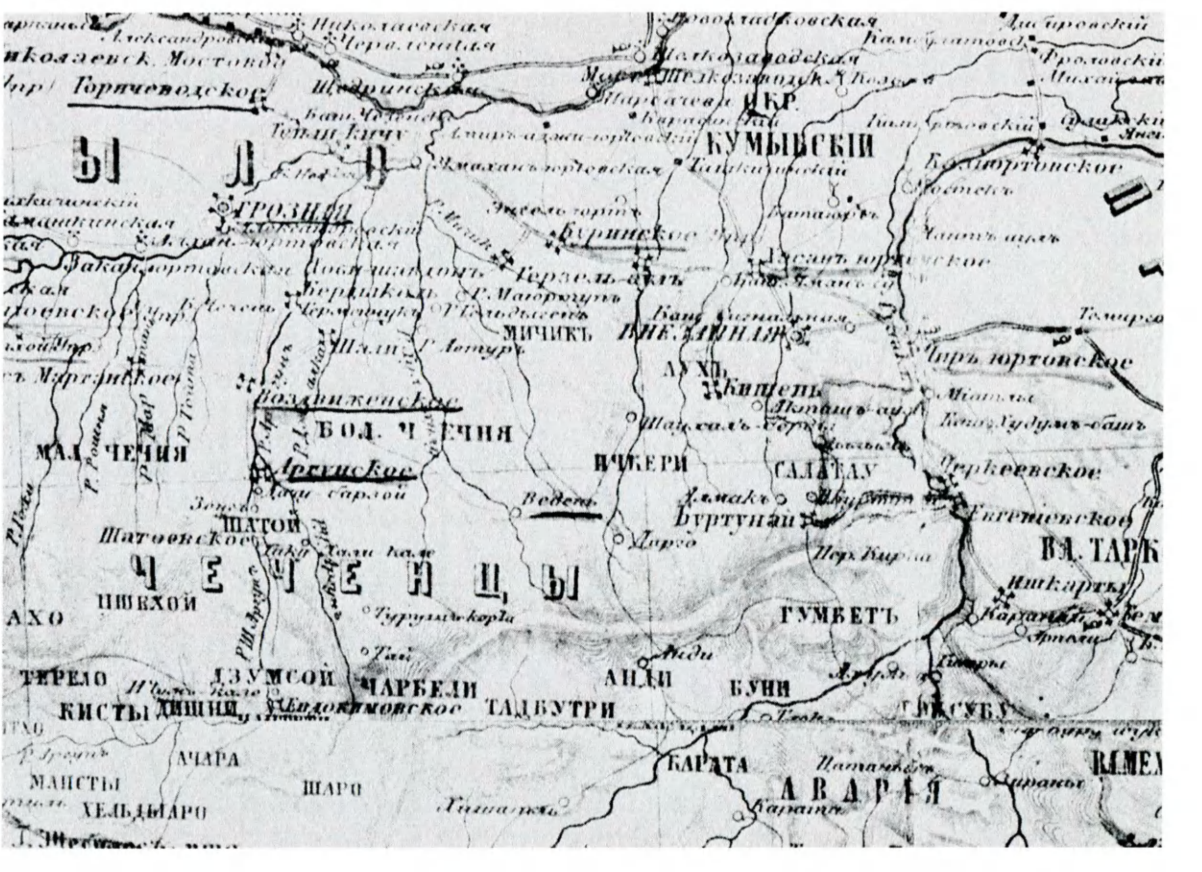
(Тифлисский и Мингрельский) обращены в гренадерские и вошли в состав новой Кавказской гренадерской дивизии, вместе с двумя полками прежней Кавказской гренадерской бригады (лейб-гренадерским Эриванским Его Величества и гренадерским Грузинским Его Высочества великого князя Константина Николаевича). Новая гренадерская дивизия поступила под прямое начальство командующего войсками на Лезгинской кордонной линии генерал-лейтенанта барона Вревского. Два полка (Тифлисский и Мингрельский) расположены на самой линии Лезгинской, охранявшей Закавказье со стороны Дагестана, а два другие (Эриванский и Грузинский) — в Тифлисе и окрестностях его (в штаб-квартирах Манглисе и Белом ключе). Полки всех четырех дивизий имели по-прежнему 5-батальонный состав (по 5 рот в батальоне). К постоянному составу войск каждого из четырех отделов следует еще добавить артиллерию, линейные батальоны, казаков (Черноморского, Линейного и Донского войск) и временно собираемые милиции из мирных туземцев.

В Рионском крае (с включением и Абхазии) расположено было всего 6 линейных батальонов (из числа прежних 16 черноморских).

Затем временно оставленные на Кавказе 13-я и 18-я пехотные дивизии были распределены следующим образом: 13-я поступила побригадно в подкрепление войск Правого и Левого крыла, а 18-я — оставлена в общем резерве в Закавказском крае и употреблена на некоторые большие дорожные работы. Кавказская же резервная дивизия (16 батальонов), расположенная в Ставропольской губернии и на Линии, не могла входить в расчет для военных целей, так как за укомплектованием действующих войск она состояла пока в кадровом составе.

При видимой равномерности распределения войск по четырем отделам, силы Правого крыла и Левого были гораздо значительнее, чем в двух других отделах: кроме упомянутого временного подкрепления их 13-ю пехотною дивизией побригадно, в распоряжении генералов Козловского и Евдокимова состояла масса казаков.

Еще до приезда на Кавказ князь Барятинский положил в основание своего плана — первоначально обратить главное внимание на восточную половину Северного Кавказа, т. е. на Левое крыло и Дагестан. Туда предположено направить самые энергические меры, чтобы сломить владычество Шамиля над горцами.



Генеральная карта Кавказского края. Издана при Военном сборнике. 1858 г. Фрагмент

Для этого необходимо было, по соображениям князя Александра Ивановича, прежде всего справиться с Чечней, вытеснить из нее Шамиля и тем приготовить путь к нанесению ему потом окончательного удара в Дагестане. Таким образом, главная роль в ближайших действиях предназначалась генералу Евдокимову, который уже доказал свои военные способности, большую опытность в Кавказской войне и полное знание края. Главнокомандующий имел полное основание считать Евдокимова самым способным из всех тогдашних генералов на Кавказе; успешнее кого-либо другого он мог осуществить планы князя Барятинского.

На совещании, происходившем в первые же дни по высадке нового наместника на кавказский берег, 13 октября, в Темир-Хан-Шуре, постановлено было, что в течение предстоявшей зимы генерал Евдокимов займется рубкою просеки с Кумыкской плоскости через Качкалыковский кряж к р. Мичику, стараясь предварительно отвлечь в другую сторону внимание Шамиля демонстрациями со стороны вновь возведенного на нижнем течении Аргуна укрепления Бердыкель. Открытие удобного доступа на Мичик должно было облегчить последующие действия в Большой Чечне, где предполагалось расположить отряд лагерем на Шалинской поляне и расчищать так называемую Русскую дорогу, т. е. путь вдоль подошв Черных гор от р. Аргуна (укрепления Воздвиженского) до Мичика, навстречу отряду генерал-майора барона Николаи, который должен был утвердиться на Мичике постройкою укрепления у Хоби-Шавдона. В течение же лета имелось в виду водворить две новые казачьи станицы на Сунже (в Умахан-Юрте и у Чертугая).

Со стороны Дагестана положено было князю Орбельяни принять в течение зимы все приготовительные меры к предположенному в 1857 г. занятию Салатавии войсками Прикаспийского края.

На Лезгинской линии положено было в зимнее время рубить просеки в лесистых местах для облегчения доступов в Нагорный Дагестан.

Таков был установленный на совещании в Темир-Хан-Шуре план первоначальных военных действий. Подробности исполнения предоставлялись усмотрению главных местных начальников.

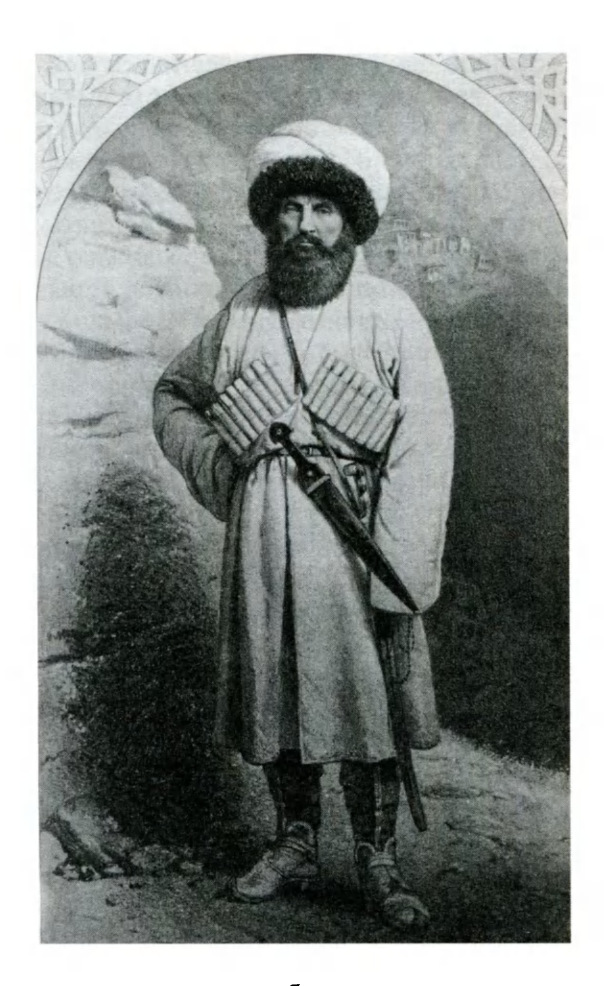
Что касается Правого крыла, то на первое время оставлен без изменения прежний, Высочайше утвержденный план действий. В зимнее время полагалось продолжать рубку леса, для устройства новой линии по р. Белой, просек, для доступа в верховья

Лабы и Андрюка, подготовлять водворение в будущее лето новых казачьих станиц как на Белореченской линии, так и на месте Анапы.

В исполнение установленного плана генерал Евдокимов к 5 декабря стянул на Кумыкской плоскости отряд в 15 тыс. человек, при 20 орудиях, немедленно двинулся в долину Мичика и приступил к рубке леса. Все распоряжения его были произведены в такой тайне и исполнены с такою быстротой, что неприятель был застигнут врасплох. Местное чеченское население, озабоченное спасанием семей и имущества, почти не оказало сопротивления. Рубка леса продолжалась до 18 числа; прорублена широкая просека, по которой войска могли следовать свободно. Собравшееся скопище шамилево ограничилось несколькими пушечными выстрелами на р. Гудермес и даже не преследовало отряда при обратном его движении. 21 декабря отряд уже распущен по квартирам.

Таким образом, несмотря на крайне дурную погоду, первая выпавшая на долю Евдокимова задача была выполнена успешно и почти без потерь. Главнокомандующий, выразив благодарность командующему войсками Левого крыла, в письме от 30 декабря, писал ему: «Успех чрезвычайный и тем более для меня приятный, что опытными распоряжениями вашими сбережено так много крови»[44].

Между тем в мыслях князя Барятинского уже зародились новые предположения о дальнейших действиях на Левом крыле с целью придать им более энергический характер и тем ускорить решение задачи в Чечне. В то время получены были любопытные сведения о положении дел Шамиля, по показаниям некоего выходца из гор Юсуфа-хаджи. Этот горец, получив воспитание в Константиновском кадетском корпусе, потом попал в число самых приближенных лиц у Шамиля, служил ему в качестве инженера (по его указаниям были укреплены Салты, Гергебиль, Чох и другие пункты); но летом 1856 г., поссорившись с имамом, бежал от него со своею семьей и явился в Грозную, откуда генерал Евдокимов отправил его в Тифлис. Показания Юсуфа подтверждали имевшиеся уже сведения о том, что в последнее время власть Шамиля в горах значительно пошатнулась; надежды, которыми он тешил себя и своих приверженцев в продолжение последней нашей войны с большею частию Европы — рушились с заключением мира[45]; обаяние, которым некогда поль-



Шамиль

зовался имам среди горского населения, было утрачено; народ тяготился суровым игом. Особенно выказывалось неудовольствие в ближайших к нашим линиям племенах, живших под постоянною угрозой разорения, как, например, в Чечне. В последнее время все чаще являлись выходцы из гор, покидавшие своего владыку. От некоторых обществ Малой Чечни даже была прислана к Евдокимову депутация с предложением условий покорности. Юсуф-хаджи, человек довольно развитой, давал советы, как нам действовать, чтобы вернее нанести Шамилю решительный удар; он указывал те пункты в ущельях гор, занятие которых нашими укреплениями, по мнению горского инженера,

заставило бы чеченцев отвернуться от Шамиля, причем он считал полезным, одновременно с действиями в Чечне, угрожать нашему врагу и со стороны Дагестана.

Показания Юсуфа-хаджи были сообщены генералу Евдокимову, по желанию которого и сам Юсуф отправлен в Грозную. Советы его, конечно, не были приняты; бесполезность и невыгоды множества укреплений были уже достаточно доказаны долговременным опытом. Евдокимов остался при прежнем предположении — ограничиться в Большой Чечне занятием только двух пунктов: одного — примерно около Автура, другого — на Мичике (Хоби-Шавдон); под прикрытием этих передовых пунктов полагалось приступить к предложенному водворению двух новых станиц на Сунже и заняться расселением покорного чеченского населения.

Еще до получения в Тифлисе этих соображений Евдокимова у князя Барятинского, как уже сказано, зародился новый план действий на Левом крыле. Полагалось: демонстрациями со стороны Мичика привлечь туда внимание неприятеля, а между тем скрытно собрать главный отряд у Воздвиженского укрепления, внезапно вторгнуться в Аргунское ущелье и утвердиться в горной котловине Шубута, расположив там до 14 батальонов во *временном укрепленном лагере*, откуда потом открыть новый путь действий к стороне тогдашнего гнезда шамилева в Ведене. Таким смелым и решительным шагом в горы, по предположению князя Барятинского, мы обойдем лесистую полосу Большой Чечни; Малая Чечня будет совсем отрезана и принуждена окончательно покориться, а Шамиль будет вынужден покинуть горную Чечню и удалиться в глубь Дагестана. Занятие Аргунского ущелья позволит упразднить несколько позади лежащих укрепленных пунктов.

Препровождая свой проект генералу Евдокимову при упомянутом письме от 30 декабря, главнокомандующий писал: «Теперь на ближайшее усмотрение Ваше передаю мысль, о которой прошу откровенно высказать мне Ваше мнение. Жду с нетерпением от Вас ответа». В плане князя Барятинского впервые была высказана мысль о расположении отрядов на продолжительное время во *временном укрепленном лагере*, в бараках, землянках или калмыкских кибитках, под защитою полевых укреплений и засек, с тем чтобы выждать в такой позиции разъяснения обстоятельств и тем избегнуть напрасной потери времени и расходов

на постройку укреплений в таких пунктах, которые в скором времени теряют свое значение и потом покидаются.

Евдокимов не замедлил ответом: в письме от 4 января он выразил сочувствие смелой мысли главнокомандующего, но вместе с тем высказал, что признает невозможным осуществить ее неотлагательно, без необходимых для того подготовительных мер, как-то заготовления сена и разных материальных средств. Распоряжения эти потребуют довольно продолжительного времени, а потому Евдокимов, ссылаясь на свою долговременную опытность в Кавказской войне, просил, чтобы ему предоставлено было вести дело с надлежащею последовательностью, заняться предварительно расчисткою дорог по разным направлениям, постройкою предположенного центрального укрепления в Большой Чечне, довершить устройство Сунженской линии и т. д., а между тем подготовлять исподволь все нужное для задуманной Аргунской экспедиции, которая, по мнению Евдокимова, совершится в свое время без особенных затруднений.

Князь Барятинский согласился с разумным мнением опытного знатока дела, о чем и сообщено мною Евдокимову в двух письмах — от 5 и 8 января[46], в которых было высказано, что главнокомандующий признает занятие Автура и Хоби-Шавдона весьма действительным средством для решения дела в Большой Чечне, что оно откроет возможность уменьшить число войск, необходимых для охранения остающегося позади пространства, но что решительного оборота дел все-таки ожидает лишь от вступления в Аргунское ущелье. Генералу Евдокимову предоставлено было вести дело к этой цели по собственному его соображению.

На основании этого разрешения, Евдокимов уже в начале января собрал вновь два отряда: главный или чеченский, под своим личным начальством, в составе $14^1/_2$ батальона, 4 эскадронов драгун, 15 сотен казаков, 5 сотен милиции, при 20 орудиях и 16 ракетных станках — у Бердыкеля (на Аргуне), для движения в Большую Чечню с западной стороны; другой отряд под начальством генерал-майора барона Николаи*, из $7^1/_2$ батальона, 13 сотен казаков и милиции, при 14 орудиях — на Кумыкской плоскости, для движения к Хоби-Шавдону и далее по новой Маюртупской просеке, навстречу главному отряду. Предполага-

* Барон Николаи (Леонтий Павлович) был командиром Кабардинского полка и командующим войсками на Кумыкской плоскости.

Л.П. Николаи

лось прорубать с двух сторон Гельдыгенский лес, а потом Автурский и расчищать Шалинскую просеку, а между тем заготовлять все нужное для постройки укрепления в Автуре. Сообщая мне этот план в письме от 15 января, генерал Евдокимов прибавил: «Если Бог поможет сладить со множеством предстоящего здесь дела, то можно, кажется, заблаговременно предвидеть возможность и скорого занятия Аргунского ущелья и Веденя»[47].

В тот же день 15 января Чеченский отряд собрался у Бердыкеля; на другой день двинулся к р. Джалке и в продолжение трех дней рубил просеки, несмотря на попытки неприятеля помешать этой работе. 20 января, оставив вагенбург на Джалке, Евдокимов двинулся к Гельдыгену. Дорога вследствие ростепели была очень трудная; скопище неприятельское, значительно усилившееся, беспокоило колонну, однако ж отряд к вечеру того же дня дошел до Гельдыгена, откуда были уже видны костры Ку-

мыкского отряда. Войдя в связь между собою, оба отряда рубили лес и истребляли ближайшие аулы. 31 января Чеченский отряд возвратился к Бердыкелю и затем распущен на отдых; Кумыкский же продолжал еще несколько дней рубку леса и после довольно горячего дела 3 февраля при ауле Гертме возвратился в Хасав-Юрт и укрепление Куринское. Во всю эту двухнедельную экспедицию потери в обоих отрядах были самые незначительные.

За успешные действия на Левом крыле в декабре и январе объявлено было Высочайшее благоволение генералу Евдокимову и всем начальствующим лицам, а нижним чинам пожаловано по 1 руб. на человека.

Отдых, данный войскам Левого крыла, продолжался не более месяца. В начале марта уже снова стягивались отряды для дальнейших действий в Чечне. По-прежнему главный отряд под личным начальством Евдокимова собрался опять у Бердыкеля, в составе 12 $^{1}/_{2}$ батальона, 4 эскадронов драгун, 20 $^{1}/_{2}$ сотен казаков и милиции, при 18 орудиях; другой — на Кумыкской плоскости, под начальством барона Николаи, из 7 батальонов, 13 сотен, при 13 орудиях. На этот раз главный отряд занялся устройством временного укрепления на Шалинской поляне (на р. Бассе) и рубкою леса в обе стороны: к Автуру и к Воздвиженскому; Кумыкский же — продолжал рубку просеки от Гертме к Герменчуку, навстречу главному отряду. Рубка продолжалась неутомимо, несмотря на крайне неблагоприятную погоду и на попытки неприятеля помешать работе[48].

18 марта Кумыкский отряд возвратился в Хасав-Юрт, как бы на отдых, но вместо того на другой же день барон Николаи быстро двинулся в Аух и внезапным нападением завладел, почти без потерь, известными «Гойтемировскими воротами» — проходом сквозь крепкие завалы, устроенные горцами поперек горного и лесистого кряжа, разделяющего долины рек Яман-Су и Ярык-Су. Занятие этого пункта и вырубка леса открыли свободный доступ в самые населенные и плодородные части обеих долин. Дойдя до Зандака и разрушив несколько Аухских аулов, барон Николаи возвратился 28 марта в Хасав-Юрт и распустил отряд.

Главнокомандующий остался не совсем довольным последними действиями Евдокимова и в письме от 23 марта упрекнул его в том, что он отступил от предположенного плана, устроив укрепленный лагерь на Шалинской поляне, всего в 14 верстах

от Воздвиженского и в 24 верстах от Мичика, вместо назначенного прежде пункта около Автура, лежащего совершенно в центре Большой Чечни и против главного ущелья Черных гор по р. Хулкулау. Генерал Евдокимов в ответном письме от 28 марта изложил свои соображения и планы: признавая, что наступило время перенести наши действия за лесистую полосу, в Нагорную Чечню, Евдокимов предполагал одновременно наступать как фронтально, по одному из ущелий Черных гор, так и в обход этих ущелий, для чего выгоднейшее направление, по его мнению, было со стороны Салатавии, через Аух. Это кратчайший и удобнейший путь для нанесения Шамилю решительного удара в самое средоточие его сил. В этих видах Евдокимов находил весьма желательным предположенное занятие Салатавии войсками Прикаспийского края, дабы тем прикрыть всю Кумыкскую плоскость и Северный Дагестан, так что все лежащие позади укрепления (Внезапная, Чир-Юрт, Евгениевское и др.) утратят всякое значение; из Салатавии же откроются удобнейшие пути и в Нагорную Чечню[49].

В этих соображениях Евдокимова вовсе обойден вопрос о Шалинском укрепленном лагере и, судя по позднейшим действиям дальновидного начальника Левого крыла, можно думать, что он не хотел преждевременно высказать затаенную мысль о будущем пути наступления к Веденю. В рассуждениях же его о выгодах занятия Салатавии можно было заподозрить желание косвенно отклонить мысль главнокомандующего относительно Аргунского ущелья. Князь Барятинский, прочитав записку Евдокимова, поручил мне сообщить ему, что решение вопроса о дальнейших действиях отлагает до личного свидания, имея в виду вслед за тем прибыть на Левое крыло и потом объехать всю линию.

ПОЕЗДКА НА ЛИНИЮ. ЛЕТО В КОДЖОРАХ

12 апреля главнокомандующий выехал из Тифлиса для объезда Линии, т. е. Левого и Правого крыла. Я не мог выехать вместе с ним по случаю некоторых дел, не терпевших отлагательства, и потому должен был несколько позже съехаться с ним при проезде его с Левого крыла на Правое.

Князь Барятинский после трудного переезда через Крестовый перевал прибыл утром 13 числа в Коби, где встретил его ге-

нерал Евдокимов. В сопровождении его главнокомандующий проехал через Владикавказ, вдоль Сунжи до Грозной, затем, переправившись 22 апреля через Аргун у нового укрепления Бердыкеля, следовал через Шалинский укрепленный лагерь в Гельдиген. Здесь встретил его барон Николаи во главе Кумыкского отряда и депутации от кумыкского народа. Находившийся тут в полном составе Кабардинский полк приветствовал восторженно бывшего своего командира. Из Гельдыгена главнокомандующий проехал новыми просеками на укрепление Куринское и через Герзель-аул в Хасав-Юрт, где все напоминало ему былое время командования доблестным Кабардинским полком и Кумыкскою линией. Не только русские местные обыватели, но и чеченцы, недавно только покорившиеся и выселенные под защиту наших укреплений, встречали с неподдельною радостью знакомого им главнокомандующего. Вся эта поездка была совершена как приятная прогулка; везде устроены были встречи с овациями всякого рода. На одном только переезде случилась небольшая перестрелка, но вообще князь Барятинский нашел в крае огромный успех против прежнего времени, когда он сам был здесь ближайшим местным начальником.

Посетив Внезапную и Чир-Юрт, главнокомандующий возвратился в Хасав-Юрт, откуда 27 апреля выступил с отрядом (из 6 батальонов, 6 эскадронов, нескольких сотен казаков и милиции, при 10 орудиях) для осмотра вновь прорубленных или расчищенных путей в Аух. На р. Ярык-Су встретил его князь Григ[орий] Дм[итриевич] Орбельяни, прибывший туда с отрядом через Салатавию. На происходившем здесь новом совещании было постановлено (согласно мысли генерала Евдокимова, изложенной в его записке 28 марта) весьма важное решение: в течение предстоявшего лета перенести вперед, в горы, штаб-квартиры трех полков: Дагестанского — из Ишкартов в Салатавию, около Буртуная; Кабардинского — из Хасав-Юрта в Аух, около Кишень-ауха и Навагинского — из Владикавказа в Аргунское ущелье. Тут же положено и на Лезгинской линии перенести штаб-квартиру Тифлисского гренадерского полка из Царских Колодцев в Лагодехи. Ввиду этих новых предположений, все производившиеся в прежних штаб-квартирах строительные работы отменены.

Главнокомандующий, оставив Кумыкский отряд 28 апреля, проехал на Терек и через Екатериноград — в Ставрополь. Пред-

положив съехаться с ним в Екатеринограде, я выехал из Тифлиса 26 числа*, переночевал в Пасанауре, под гостеприимным кровом подполковника путей сообщения Гагемейстера, а на другой день выехал оттуда еще до свету, чтобы успеть осмотреть начатые работы на Военно-Грузинской дороге. От Квишета отправил я свой экипаж вперед, в Коби, и проехал весь путь до этой станции верхом в сопровождении полковника путей сообщения Каханова и других офицеров того же ведомства. Новая дорога пролагалась первоначально не во всю предположенную ширину, но с весьма ровным, едва заметным уклоном. На пути захватил нас проливной дождь, так что мы промокли до костей. От Коби доехал я в своем экипаже вместе с полковником Кахановым до Владикавказа, где остановился у него в доме к неудовольствию коменданта полковника Дистерло, приготовившего для меня помещение у себя. Вечером посетил я командира Тенгинского полка генерал-майора Алексея Петр[овича] Опочинина — старого артиллериста, добродушнейшего оригинала. Он был женат на грузинке, княжне Варваре Яковлевне Орбельяни, бывшей красавице, доброй и любезной женщине. Сверх ожидания, нашел я у Опочининых многочисленное общество, и вечер прошел очень оживленно.

Выехав из Владикавказа на другой день рано утром, прибыл я около 4 часов пополудни в Екатериноград. В приготовленной для меня квартире встретили меня местные начальствующие лица в полном сборе. В Екатеринограде пришлось мне ожидать целые сутки главнокомандующего, который приехал только вечером 29 числа и провел здесь два дня. Первый день, 30 число, прошел в приемах, угощениях, торжествах, закончившихся фейерверком; второй же (1 мая) был посвящен работе над массою привезенных из Тифлиса бумаг. Здесь обсуждались подробности предположенных действий на Левом крыле и в Дагестане, особенно относительно занятия Салатавии. Решено было подкрепить войска Прикаспийского края двумя батальонами с Лезгинской линии; Евдокимову предписано, чтобы он оказал содействие князю Орбельяни движением со стороны Чечни и даже, в случае настоятельной надобности, подкреплениями из войск Ле-

* Со мною должен был ехать адъютант Фогель, но семейные обстоятельства задержали его; он выехал несколько позже. Незадолго до того он женился на одной из красивых девиц Флавицких.

Э.Ф. Кеслер

вого крыла, хотя бы пришлось для этого прервать на время производившиеся строительные работы*. Для руководства предстоявшею постройкой штаб-квартиры у Буртуная назначен был в распоряжение князя Орбельяни бывший командир Дагестанско-

* Сообщая об этом генералу Евдокимову, я в письме своем невольно подал повод к неудовольствию его такою фразой: «Князь Александр Иванович вполне надеется, что Ваше Превосходительство пожертвуете охотно всеми частными целями для общего дела, от успеха которого в настоящее время зависит будущность и Левого крыла, и Дагестана». Выражение: «частные цели» Евдокимов принял в обидном для него смысле *личных* целей и впоследствии, в письме от 23 июня, писал мне: «Я вполне понимаю важность занятия Буртуная, готов содействовать успеху устройства там штаб-квартиры всеми зависящими от меня средствами и смею полагать, что *никогда частные цели не отклоняли меня от общего дела*». Само собою разумеется, что я не замедлил разъяснить Евдокимову истинный смысл употребленного мною выражения и кажется, успокоил его. Мы были с ним потом в самых лучших отношениях.

го пехотного полка генерал-майор Кеслер, только что назначенный на должность начальника инженеров, на место старика Ганзена. Эдуард Фёдорович Кеслер был одним из лучших наших инженеров и вместе с тем энергичный боевой офицер. Возложенное на него поручение отсрочило до осени вступление его в новую должность.

Во время трехдневного моего пребывания в Екатериноградской станице, воскресало в памяти печальное мое здесь заточение в 1843 г., с генералом Нейдгартом[50]. Какая разительная разность в положении дел и обстановке!

Из Екатеринограда главнокомандующий выехал 2 мая; присоединился и я к многочисленной его свите. На другой день, при въезде в Ставрополь, он был встречен толпою обывателей, в числе которых и несколькими городскими дамами в экипажах. Два дня, проведенные князем Барятинским в Ставрополе, были непрерывным рядом приемов, торжеств, иллюминаций. 4 числа происходил большой бал у командующего войсками Правого крыла Викентия Михайловича Козловского. Общество ставропольское показалось мне блестящим сравнительно с тем, какое было во время прежней моей службы на Линии, двенадцать лет назад.

Выехав из Ставрополя утром 5 мая, переночевали мы в Прочном Окопе, а на другой день прибыли в Екатеринодар. Здесь опять торжественные встречи, приемы, празднества. К сожалению, от самого Ставрополя преследовала нас ненастная, холодная погода, доставившая нам случай познакомиться с пресловутою екатеринодарскою грязью. Продолжая путь вдоль нижней Кубани, чтобы ознакомиться с ее устьями, ввиду предполагавшегося открытия пароходства по этой реке, осматривали местность у Темрюка* и Таманский полуостров с его грязевыми сопками; затем переправились через пролив в Керчь, где генерал Тотлебен приступал к сооружению большой крепости, предназначавшейся для преграждения на будущее время доступа неприятельскому флоту в Азовское море.

---

* Кем-то подан был главнокомандующему проект прорытия канала через узкий перешеек, разделяющий лиманы Ахтанизовский и Курчанский, где находится Темрюк, с тою целью, чтобы избегнуть плавания по мелководным устьям Кубани, все более и более засоряющимся, и чтобы вместо того открыть выход из Кубани в Азовское море.

10 мая, к вечеру, возвратились мы прежним путем в Екатеринодар, где провели весь следующий день. В честь главнокомандующего устроен был прекрасный праздник в городском саду: за большим роскошным обедом следовала иллюминация и, наконец, блестящий бал. На этот раз погода была прекрасная, и праздник удался вполне. 12 же числа рано утром выехали мы из Екатеринодара по прежней дороге, вдоль правого берега Кубани до станции Усть-Лабинской, переправились здесь на другую сторону реки и продолжали путь вдоль правого берега Лабы до станицы Лабинской. На этом пространстве конвоировали нас только казаки. В Лабинской же станице собран был небольшой отряд, с которым проехали мы уже верхом за Лабу, вдоль подошв Черных гор, в Майкоп. Этот пункт, на р. Белой был занят незадолго перед тем генералом Козловским и едва только начинал обстраиваться, для перенесения сюда штаб-квартиры Кубанского пехотного полка. Прежде чем въехать в самый Майкоп, князь Барятинский пожелал взглянуть на ущелье, из которого река Белая вырывается на равнину. Со всею своею многочисленною свитой ехал он впереди отряда, не обращая внимания на предостережения генерала Козловского, считавшего несколько рискованным для главнокомандующего въезжать прямо в ущелье, без предварительного его осмотра и занятия войсками. С приближением к ущелью, послано было вперед несколько конных милиционеров и казаков. С ними поскакал и я, увлеченный нетерпением увидеть пресловутое ущелье р. Белой, а вместе с тем считая долгом начальника штаба озаботиться о безопасности главнокомандующего. Князь Барятинский, как потом я узнал, нашел мой поступок неуместным, однако ж не высказал мне ни слова. Проехав версты две по ущелью, он поворотил коня, и мы направились обратно к укреплению, где разместили нас довольно комфортабельно в шатрах и палатках.

На другой день главнокомандующий со свитой выехал из крепости, верхом, на высоту, с которой можно было обозревать окрестную местность; затем принимал депутации от некоторых ближайших аулов и беседовал с генералом Козловским о предстоявших действиях на Правом крыле. Положено было на первое время, пока главные действия будут обращены на Левое крыло и Дагестан, продолжать за Кубанью постепенное подготовление края к водворению казачьего населения у подошв гор, для чего вести усиленно работы проложения дорог, рубки про-

Генеральная карта Кавказского края. Издана при Военном сборнике. 1858 г. Фрагмент

сек и занять некоторые передовые пункты у выходов из горных долин; между тем продолжать начатое устройство линии по долине Адагума, чтобы обеспечить кратчайшее сообщение от низовой Кубани к бывшему Новороссийску и отрезать от непокорных горских племен занятое натухайцами треугольное пространство между низовьями Кубани и морским берегом.

16 мая тронулись мы в обратный путь, опять верхом, до станицы Лабинской, а далее в экипажах до станицы Вознесенской, на р. Чамлыке (в промежутке между Большой Лабой и Урупом). Отсюда весь наш поезд потянулся к ближайшей на Кубани станице Невинномысской и далее на Кисловодск, куда прибыли 20 числа.

Таким образом, поездка за Кубань, продолжавшаяся ровно неделю, совершилась вполне удачно, без единого выстрела, при чудной погоде. Только на одном из последних переездов были мы застигнуты проливным дождем, последствием которого была страшная слякоть в станицах. В Кисловодске главнокомандующий провел два дня. Остановка эта была приятным отдыхом после беспрерывных переездов, но для меня это были дни усиленной кабинетной работы по случаю накопившихся во множестве бумаг из Тифлиса и Петербурга.

23 мая переехали мы в Пятигорск. Съезд на воды только что начинался. Город чествовал главнокомандующего большим парадным обедом. На другой день мы продолжали путь в Екатериноград, а 25-го — во Владикавказ. Здесь князь Барятинский остановился на три дня для окончательных совещаний с Евдокимовым и для осмотра Джераховского ущелья, по которому начата была еще при генерале Муравьёве разработка новой дороги к верховьям р. Ассы. Отправив большую часть своей свиты в Тифлис, главнокомандующий со мною и двумя адъютантами проехал верхом по упомянутой долине и, вернувшись в тот же день во Владикавказ, решил прекратить разработку дороги, признав ее бесполезною ввиду нового плана действий в этой части края*. На

* В записке генерала Евдокимова от 28 марта 1857 г. «О покорении Черных гор» высказано было соображение, что в прежнее время «при существовании Владикавказского округа[51] действия войск, бывших в распоряжении начальника оного, *за неимением другого поприща для действий* и сверх того в видах обеспечения Военно-Грузинской дороги уже начали покорение Черных гор» в том смысле, как было предлагаемо и генералом Евдокимовым, т. е. подвигались рубкою просек и проложением дорог по долинам, в обход лесистого хребта. Началом такого плана действий и было тогда начатое проложение дороги по Джераховскому ущелью. Теперь же, по мнению Евдокимова, когда в ближайших к Военно-Грузинской дороге горах

такое решение, быть может, имела влияние в некоторой доле и личная враждебность князя Барятинского к своему предместнику и ко всему, что было при нем начато на Кавказе; однако ж нельзя не признать, что и в самом деле имелось тогда в виду столько существенно необходимых работ в крае, что продолжение Джераховской дороги вполне могло быть отложено.

Из Владикавказа князь Барятинский проехал на Тионеты и возвратился в Тифлис 1 июня; я уже прибыл туда двумя днями ранее, чтобы до приезда главнокомандующего успеть разобраться с накопившеюся в мое отсутствие массою дел.

* * *

С мая месяца в Тифлисе уже становится жарко и душно; большая часть городского общества бежит от раскаленных стен и пыльных улиц в окрестные возвышенные и прохладные местности. Ближайшее из таких местных убежищ — Коджоры, верстах в 15 от Тифлиса к югу. Там обыкновенно проводили летние месяцы наместник и главные должностные лица военного и гражданского управления; туда перемещались и части корпусного штаба, канцелярии наместника, также Институт Св. Нины и некоторые другие учреждения.

По возвращении своем из поездки на Линию я нашел свою семью уже в Коджорах. Жене моей посчастливилось заранее приискать там довольно удобную дачу, в нескольких шагах от нанятой для наместника. Я переселился в Коджоры одновременно с князем Барятинским, по приезде его из Кахетии.

Местоположение Коджор отличается чистым горным воздухом, прохладою, простором, но для жизни мало было удобств. Из Тифлиса вела туда довольно тяжелая, каменистая дорога; немногочисленные жилые дома или дачи разбросаны в живописном беспорядке по крутым высотам; все жизненные припасы привозились из города. Самое обширное строение и на самом видном месте было помещение Института; в центральной же части местечка лучший дом был нанят для наместника. Местность вокруг Коджор не отличается богатою растительностью;

водворены спокойствие и безопасность, а между тем имеется в виду занять Салатавию, выгоднее для нас обходить хребет Черных гор не с запада, а с востока, то есть из Салатавии через Аух, а следовательно, проложение начатой Джераховской дороги утратило свою цель.

горы большею частию обнажены, каменисты, только кое-где разбросаны группы тощих деревьев или кустарника. Несравненно лучше расположены и обстроены Манглис и Белый ключ — штаб-квартиры гренадерских полков, Эриванского и Грузинского; дороги, ведущие туда из Коджор, очень живописны, зато расстояние от Тифлиса до названных пунктов гораздо значительнее — до 50 верст.

В Коджорах служебные мои занятия продолжались тем же порядком, как и в Тифлисе; для текущих дел все нужные средства имелись под рукой, только в редких случаях оказывались необходимыми поездки в город, для каких-либо личных объяснений или совещаний, между прочим, для присутствования при торгах, ежегодно производившихся в Тифлисской казенной палате на заготовление для войск провианта. Поездки эти вызывались и главною занимавшею меня работою — составлением Положения и штатов новых военных управлений. В этой работе должны были принимать участие начальствующие лица и представители всех отделов военного ведомства. Ближайшими же моими помощниками в работе были: Влад[имир] Ант[онович] Лимановский, Александр Ив[анович] Вастен, чиновник интендантства Чаплин и некоторые другие, специально занимавшиеся этим делом под непосредственным моим руководством.

Жизнь в Коджорах была тихая и однообразная, хотя князь Барятинский старался и здесь оживлять малочисленное общество, приглашая к обеду то одних, то других из обитателей Коджор, а также приезжих из Тифлиса и окрестностей. Иногда затевались дальние прогулки, вроде пикников, в Манглис, на Белый ключ, в колонию Елизаветталь и другие местности, более или менее живописные. Так, в начале августа самим наместником была задумана поездка в имение барона Александра Павловича Николаи, находившееся верстах в 10 от Коджор, у древнего монастыря Бетани, в глубокой, лесистой, весьма живописной балке истоков речки Веры (впадающей в Куру у самого Тифлиса). Собралось общество многочисленное, до 60 лиц мужчин и дам; ехали кто в экипажах, кто верхом. Перевалив через небольшой кряж высот, дорога спускается круто на дно балки к усадьбе барона Николаи. Там приготовлены были роскошное угощение и разнообразные развлечения; все шло как нельзя удачнее, все были в веселом настроении, — но вот, на беду нашу, неожиданно небо заволоклось черными тучами, полил как из ведра сильный дождь с грозой. Веселое общество беззаботно остава-

лось на дне долины, выжидая прекращения ливня, а между тем смерклось и пришлось возвращаться уже в темноту, по размытой дождем дороге, круто поднимающейся в гору. Не обошлось, конечно, без приключений: тут застрял тяжелый рыдван в какой-нибудь рытвине, там стали заморенные лошади, те сбились с дороги, зовут на помощь. Вереница экипажей загромоздила весь путь и тянулась чуть не до рассвета. Тем не менее никто не сетовал на такой неудачный эпилог веселого пикника, и в памяти у всех этот день оставил приятное впечатление.

ОТНОШЕНИЯ КНЯЗЯ БАРЯТИНСКОГО К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ГЕНЕРАЛ-АДМИРАЛУ И К ВОЕННОМУ МИНИСТРУ

С увлечением стремясь к скорейшему осуществлению задуманных обширных планов и встречая нередко возражения и отказы со стороны петербургских властей, князь Барятинский, со свойственными ему самоуверенностью и настойчивостью*, решался иногда приступать к исполнению таких предположений, на которые не было еще испрошено Высочайшее соизволение и не было ассигновано потребных денежных средств. Так, например, в апреле 1857 г., прежде утверждения составленного вице-адмиралом Васильевым проекта устройства Бакинского военного порта, даже без предварительного сношения с Морским министерством, приступлено было к постройке морских мастерских на Баиловом мысу (к югу от Баку). Об этом распоряжении своем князь Барятинский уведомил великого князя генерал-адмирала 19 апреля из Грозной, но без доставления самого проекта на рассмотрение в Морском министерстве. Об этом упущении впоследствии пришлось князю Барятинскому просить извинения у Его Высочества (в январе 1858 г.). Впрочем, начатые на Баиловом мысу постройки ограничились самыми ничтожными размерами, насколько позволяли имевшиеся в распоряжении главнокомандующего небольшие денежные средства, а вскоре работы были совсем приостановлены, так как при тогдашнем нашем финансовом положении не было никакой возможности рассчитывать на ассигнование таких крупных сумм, какие потребовались бы на сооружение нового военного порта.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «не скрывая своего раздражения» (*примеч. публ.*).

Я уже говорил, что в то время преобладающею заботой нашего правительства было сокращение расходов. Сметы на 1857 г. по всем ведомствам были урезаны до последней крайности; всякие новые ассигнования сумм положительно отклонялись. Наибольшего сокращения расходов, естественно, требовалось от Военного министерства. Даже учреждена была особая комиссия из генерал-адъютантов князя Меншикова, князя Горчакова (Мих[аила] Дм[итриевича]) и Анненкова (Ник[олая] Ник[олаевича]), для пересмотра военной сметы и для изыскания в ней новых, крупных сокращений. В.П. Бутков, извещая об этом князя Барятинского письмом от 27 апреля 1857 г., выразился, что комиссия эта более всего «напирает на Кавказ», указывая, что именно там слишком много войск, особенно если взять цифру всех людей, состоящих на интендантском довольствии[52].

Отказы в ассигновании сумм на новые расходы по Кавказу раздражали* князя Барятинского. Часто приходилось мне выслушивать его сетования на встречаемое в Петербурге противодействие его широким замыслам. В том же смысле высказывал он свое неудовольствие в письмах к военному министру и к В.П. Буткову. Последний, в приведенном уже письме от 27 апреля, заверял в своем рвении к охранению интересов Кавказа, но скорбел о том, что при тогдашнем составе Кавказского комитета ничего не может сделать в пользу того края. «Один князь Орлов (председатель Комитета) за Вас; во всех же прочих членах я замечаю какое-то неблаговоление к краю, и не будь князя Алексея Фёдоровича (т. е. князя Орлова), ни одно дело при этом составе Комитета не прошло бы благополучно. Теперь к этому составу прибавился Муравьёв как министр государственных имуществ, с которым сладить чрезвычайно трудно по его особому взгляду на дела и теперешнее управление Кавказом».

Последняя строка — явный намек на враждебность, которую Михаил Николаевич Муравьёв питал лично к князю Барятинскому за своего брата Муравьёва-Карсского[53].

Оставался еще нерешенным один из крупных вопросов, наиболее интересовавших князя Барятинского, — предположение

* Вместо этого слова в автографе зачеркнуто: «парализовали горячее стремление князя Барятинского к улучшениям по всем частям вверенного ему управления, к развитию благосостояния края, к благоустройству войск, к преобразованиям и новым предприятиям» (*примеч. публ.*).

Князь А.Ф. Орлов

его о подчинении наместнику кавказскому Астраханской губернии. В этом вопросе встретил он самое упорное сопротивление со стороны всех министров. Бутков, в том же письме от 27 апреля, предварял князя Барятинского о малом вероятии успешного решения его проекта. Все члены Кавказского комитета (за исключением отсутствовавшего великого князя Константина Николаевича) дали заключение в отрицательном смысле. Председатель Комитета князь Орлов не мог идти наперекор общему, единогласному мнению. Рассчитывать же на предполагавшуюся поездку великого князя генерал-адмирала на Каспийское море и на Кавказ было бы напрасно. По мнению опытного дельца (Буткова), нельзя ожидать, чтобы личные впечатления, которые Его Высочество вынесет из своего беглого проезда, могли переве-

сить доводы всех министров; а притом уже в то время (в апреле) можно было сомневаться в том, состоится ли самая поездка великого князя на Кавказ. Вот что писал тогда Бутков по этому предмету: «На днях императрица должна родить; через шесть недель после того она едет за границу лечиться и не будет на свадьбе*. Великий князь Константин Николаевич до свадьбы не выедет из Петербурга, а после свадьбы Государь поедет за границу, поручив решение дел особой комиссии, где будет и великий князь. Таким образом до октября Его Высочество будет здесь».

Догадки и соображения Буткова вполне подтвердились. 29 апреля императрица Мария Александровна разрешилась от бремени великим князем Сергеем Александровичем, а 11 июня отправилась в сопровождении Государя за границу морем. На время отсутствия Его Величества высшее государственное управление было возложено на особую секретную комиссию из трех лиц: великого князя Константина Николаевича, князя А.Ф. Орлова и графа Д.Н. Блудова.

Великий князь Константин Николаевич возвратился в Петербург в первых числах июня и поселился в Стрельне. В это же время он был назначен членом Секретного комитета по крестьянскому делу[54]. Государь предполагал возвратиться в Петербург к 15 июля, но с тем, чтобы во второй половине августа снова ехать за границу и оставаться там до октября. Великий князь Константин Николаевич, имея в виду, что ему придется вторично участвовать в будущей секретной комиссии на время осеннего отсутствия Государя, должен был, разумеется, отказаться от предполагавшегося в этом году путешествия на юг, о чем и уведомил князя Барятинского письмом от 24 июня, в котором выразил сожаление о несбывшейся надежде свидеться с кавказским наместником и переговорить с ним о многих, занимавших их обоих, важных вопросах; причем, однако же, высказал надежду, что предполагавшееся путешествие только отсрочено до следующего года[55].

В это время последовала также отмена и прежнего предположения великого князя ехать осенью в Крым по случаю предпо-

---

* Здесь разумеется свадьба великого князя Михаила Николаевича с принцессой Баденской, будущей великой княгиней Ольгой Федоровной. Свадьба эта совершилась 16 августа 1857 года.

лагавшегося на зиму пребывания там вдовствующей императрицы Александры Фёдоровны с великою княгиней Александрою Иосифовной. Как императрица, так и великая княгиня решили оставаться зимой в Петербурге.

Таким образом, надежды, которые князь Барятинский возлагал на приезд великого князя и на личные с ним объяснения, не осуществились. Это было большим разочарованием. К тому же весьма неприятны были для князя Александра Ивановича возникшие нарекания на вице-адмирала Васильева, которого он принял так доверчиво под особенное свое покровительство. В астраханском управлении, как по морской части, так и по Провиантскому комитету открыты были беспорядки и злоупотребления[56]. Несмотря на заступничество наместника кавказского, из Петербурга командированы были доверенные лица, чтобы произвести дознание: от Морского министерства — юрисконсульт Варронд, от Военного — адъютант министра полковник Толстой. Еще в письме от 27 апреля Бутков предварял князя Барятинского, что Варронд, восставая против присоединения Астраханской губернии, «сильно хулит и чернит Васильева. Многие из близких великому князю разделяют это и будут стараться вооружить его против проекта». Три месяца спустя, 29 июля Бутков снова писал, что обвинения и «интриги» против Васильева привели к тому, что и сам великий князь Константин Николаевич по прибытии в Петербург восстал против Васильева; что последовало Высочайшее повеление вызвать его в Петербург и что, вероятно, будет ему приказано оставить службу; также положено уволить от службы несколько чиновников; управление же губерниею возложить временно на вице-губернатора статского советника Бернгарда Вас[ильевича] Струве, а заведование морскою и военною частию — на старших начальников по принадлежности. В заключение Бутков выразил мнение, что «считает астраханское дело потерянным»[57].

Другие предположения князя Барятинского относительно восточного берега Каспийского моря, Средней Азии, Персии, как уже сказано, еще в начале года были признаны несвоевременными и оставлены без последствий. Однако ж высказанные наместником кавказским соображения не совсем прошли бесследно. Министерства иностранных дел и финансов приняли весьма благосклонно проект, представленный Кокоревым и бароном Н.Е. Торнау, об учреждении товарищества для торговли с

Великий князь Константин Николаевич

Персией и Среднею Азией, и внесли это дело в Комитет министров с такою поспешностью, что не успели даже по заведенному порядку снестись предварительно с наместником кавказским. Бутков, зная, как ревниво князь Барятинский отстаивал свои права, требуя, чтобы никакое касающееся Кавказа дело не проходило помимо его, в письме от 12 июня, объяснял торопливость Брока и князя Горчакова желанием их покончить дело до отъезда Государя за границу из опасения, чтобы англичане, проведав об этом деле, не расстроили его[58]. Комитет министров в заседании 7 июня одобрил представленный проект устава товарищества, но утверждение его последовало гораздо позже[59].

Огорчала князя Барятинского замечаемая перемена в тоне писем великого князя Константина Николаевича. В них почти исключительно повторялись сетования на плачевное состояние

наших финансов и убеждения в необходимости крайней экономии, отсрочки всяких предприятий, не вызываемых неотлагательною надобностью. В письмах этих князь Барятинский видел косвенные упреки, прикрываемые дружескими выражениями. В особенности затронуло его написанное вскоре по возвращении великого князя в Петербург письмо от 24 июня. Указав на жизненные вопросы внутренней администрации, стоявшие в то время на первой очереди (дело крестьянское, раскольничье, судопроизводство, полиция), Его Высочество писал:

«Необходимо изыскать новые и притом колоссальные источники народного богатства, дабы Россия сравнялась в этом отношении с другими государствами, ибо мы не можем долее себя обманывать и должны сказать, что мы и слабее, и беднее первостепенных держав, и что притом беднее не только материальными способами, но и силами умственными, особенно в деле администрации. Ты, любезнейший князь, управляешь как наместник Государя целым царством; мне предоставлено доверием Государя создать России флот, ибо нет у нас флота. Соображая важность той и другой исторической роли, мне кажется, что первая обязанность наша должна состоять в том, чтобы отбросить всякое личное славолюбие и сказать, что наша жизнь должна пройти в скромном, неблестящем труде, не в подвигах, которые могли бы в настоящем возвысить наше имя, но в работе для будущего, чтобы дети наши получили плоды с той земли, которую мы, при благословении Божьем, можем вспахать, удобрить и засеять. Посему не о морских победах и не о завоеваниях на Кавказе и сопредельных странах следует думать, не о создании вдруг большого числа судов, при больших пожертвованиях, и не о содержании на Кавказе многочисленной армии, на которую мы решительно не имеем денежных средств, но о том, чтобы беспрерывным плаванием небольшого числа хороших судов приготовить целое поколение будущих опытных и страстных моряков, и о том, чтобы усовершенствованием внутреннего управления вводить на Кавказе порядок и довольство, не издерживая на то больших сумм и стараясь сделать из управления кавказского образец бережливости и благоустройства. На это нужна не армия, не громкие экспедиции в горы, не пышный двор падишаха, но выбор дельных людей и скромный образ действий. Конечно, блестящий наместник обратится тогда в губернатора, но этот губернатор оставит по себе имя в истории народов, тогда

как первый присоединится к ряду тех предместников, которых имена сохранились только в звании улиц...»[60]

Такое письмо, разумеется, должно было затронуть заживо самолюбие князя Барятинского, оно было не только наставление ему, но и прямое осуждение его деятельности, даже образа домашней его жизни. Однако ж он выказал по этому случаю много сдержанности и самообладания; в ответном своем письме от 31 июня он оправдывался и возражал на укоры великого князя в форме чрезвычайно вежливой и мягкой, с некоторым оттенком церемонности. Письмо это так полно и отчетливо выражает точку зрения князя Барятинского на тогдашнее стремление к сокращению расходов в применении к Кавказскому краю и вообще на государственную задачу, за которую он горячо взялся, что здесь стоило бы выписать содержание этого письма целиком, но так как оно уже напечатано в биографии князя Барятинского*, то ограничусь только несколькими наиболее рельефными строками. В начале письма он прямо говорит, что «глубоко огорчен» содержанием письма, «ибо в благосклонных советах Ваших явно выражаются тяжкие и — смею сказать — незаслуженные упреки. ... Что же могло подать повод к подобным упрекам? Кто осмелился явиться перед Вашим Высочеством с подобными клеветами? Я слишком дорожу милостивым вниманием, которым Ваше Высочество удостаивали меня до сих пор, чтобы не скорбеть всем сердцем, видя перемену в мнении Вашем обо мне». Затем объясняет, почему безусловное сокращение расходов, требуемое при тогдашних обстоятельствах России после тяжкой войны, неприменимо к Кавказу — «краю, состоящему постоянно на военном положении». «Обезоружиться может тот, кто не имеет перед собой вооруженного врага, но как требовать этого от человека, ежеминутно ожидающего вражеского удара?» Наместник при этом не отвергал вовсе возможности сбережений и в этом крае; «напротив того, — пишет он, — я надеюсь по некоторым отраслям управления предложить такие реформы, которые поведут к значительной экономии, но я стараюсь достигнуть этого, не расстраивая части, не урезывая настоящих средств, не останавливая развития, а напротив того, вводя

---

* *Зиссерман А.Л.* Генерал-фельдмаршал князь А.И. Барятинский. Т. II. С. 404—410[61].

лучшую организацию, заменяя орудия бездейственные другими, более выгодными».

В пример таких сбережений указывается на предположенные в то время меры, относительно морских сил: князь Барятинский находил возможным и более экономичным не иметь на Черном море особой Кавказской флотилии, а включить суда этой флотилии в общий состав Черноморского флота, от которого командировать поочередно суда для службы при кавказских берегах. Об этом предположении велась тогда переписка с заведовавшим морскою частию в Николаеве контр-адмиралом Бутаковым (Григорий Иванович). Также и на Каспийском море князь Барятинский находил возможным обойтись без военной флотилии, но стараясь взамен ее развить торговый флот. Далее писал он: «Не знаю, чем я заслужил упрек в славолюбии, где эти громкие экспедиции в горы, которыми я будто бы хочу прославить себя? Только разве в иностранных газетах. Все, что до сих пор делается на Кавказе со времени моего прибытия, есть ничто иное, как работа, рассчитанная вперед на многие годы и производимая по общему плану, с целью прочно утвердиться в здешнем крае. Всякий, кто видел здесь на месте ход дел, засвидетельствует, что я нимало не ищу блестящих битв и побед». Князь Барятинский опровергал также приписываемые ему «какие-то романические стремления к завоеванию Индии», но указывал на другого рода завоевания — развитие торговли, открытие новых путей, и в этом отношении признавал тогдашнее время самым благоприятным. «Непримиримая вражда, которую Персия питает против англичан, еще более усилилась постыдным для нее миром*. Война Англии с Китаем и восстание в Индии[63] развлекают ее силы, лишают ее возможности продолжать теперь усиленные действия против нас в этой части света, а нам указывают очевидную необходимость воспользоваться именно настоящим временем, чтобы приобрести здесь наибольшие успехи и устранить будущие затруднения, которые может нам представить война на Востоке, война неминуемая и только по случайным обстоятельствам отсроченная».

Последние слова можно назвать пророческими; указание же на благоприятный момент для развития наших торговых и политических видов в Азии, как можно полагать, произвело на вели-

* Подписанный в Париже 21 февраля (5 марта) 1857 года[62].

кого князя впечатление; по всем вероятиям, они-то и зародили мысль о предположенных вслед за тем, по инициативе Его Высочества, двух «ученых» экспедициях: полковника Игнатьева в Среднюю Азию (Хиву и Бухару) и Ник[олая] Яков[левича]* Ханыкова в Персию и Хорасан[64].

Об этих экспедициях буду говорить в своем месте; теперь же возвращусь к той части ответного письма князя Барятинского, которая касалась домашней его жизни. Вот его возражения на намеки великого князя по этому предмету:

«Что же касается до пышности и блеска, о которых Вашему Высочеству угодно было упомянуть, то я должен полагать, что до В. В. дошли какие-нибудь преувеличенные и даже ложные известия. Если дело идет об образе частной моей жизни, то я должен, конечно, подчиняться некоторым условиям, налагаемым на меня самым положением наместника царского в азиатском городе; но я стараюсь только в мере крайней необходимости поддержать тот сан, в который я облечен, нисколько не соревнуя блеску и великолепию падишаха. Все мои издержки покрываются назначенным мне содержанием и собственным моим доходом, а потому для государственной экономии ни малейшего обременения они причинять не могут».

Стараясь угадать, что именно могло подать повод к толкам об излишестве в расходах, князь Барятинский останавливается на театре. «Однако ж и в этом случае, — пишет он, — смею уверить, я руководствовался не стремлением к великолепию или забавам, а соображениями весьма достойными внимания. На Кавказе нет тех разнообразных развлечений, которых так много в столицах и даже в большей части губернских городов, и, следовательно, одною из первых здесь общественных потребностей — было бы восстановить благородный центр, который, привлекая к себе общество, устранял бы другие, менее благородные, а иногда и вредные развлечения. С этою целью я вынужден открывать свой собственный дом для слияния здешнего разнородного общества, русского и туземного; та же цель, весьма важная в видах правительства, достигается хорошим театром, который вместе с тем имеет самое благотворное влияние на нравственное образование народа, с трудом складывающего с себя азиатскую кору».

---

* Здесь у автора описка, надо — Владимировича (*примеч. публ.*).

В заключение письма князь Барятинский ставил вопрос: нужен ли Кавказ для будущего блага России или нет? Сообразно решению этого вопроса следует одно из двух: или употребить на этот край усиленные средства, или бросить его навсегда. «Полумерами, — по выражению князя, — мы образуем только язву, истощающую лучшие соки государства».

На приведенное длинное и ловкое письмо князя Барятинского («тетрадь-письмо» — по выражению Головнина), не было прямого ответа; но Головнин писал (13 августа), что Его Высочество «очень благодарен за это сообщение, выяснившее ему многое»[65]. Однако ж тут же прибавляет: «Но я должен Вас предупредить, что многие личности, очень высоко поставленные, не понимают здесь, чтобы невозможно было, при плачевном состоянии наших финансов, сделать на Кавказе несколько сокращений расходов в крупных размерах», — и затем продолжает все те же иеремиады на тему плачевного положения финансов. И после того повторялись время от времени увещания кавказскому начальству и ставилось ему в образец самоотвержение великого князя генерал-адмирала в отношении расходов по морской части. По сообщению А.В. Головнина, положено устроение Балтийского флота рассрочить на 20-летний период. В упомянутом письме от 13 августа Головнин писал: «Государь питает большую дружбу к своему брату и расширяет круг его административной деятельности. Великий князь председательствует уже в Главном финансовом комитете, в Комитете по делам раскольников[66] и числится членом Комитета, которому поручено столь важное дело, как освобождение крестьян».

Таким образом, личные отношения между князем Барятинским и великим князем, столь дружественные и сочувственные за несколько месяцев ранее, постепенно все более охлаждались из-за различия во взглядах на финансовые вопросы. Хотя переписка между ними продолжалась и потом, но уже гораздо реже и в другом диапазоне. В.П. Бутков намекал не раз в своих письмах к князю Барятинскому о перемене в расположении к нему великого князя.

То же различие во взглядах на финансовые вопросы давало часто повод к неудовольствию наместника кавказского на Военное министерство. Как уже было сказано, генерал Сухозанет доведен был до крайности настоятельными требованиями Финансового комитета, Департамента экономии и министра финансов.

Н.О. Сухозанет

Вынуждаемый к самым прискорбным пожертвованиям в ущерб военной силе государства для достижения сравнительно ничтожного сокращения расходов, военный министр, разумеется, не находил возможности удовлетворять все требования главнокомандующего на Кавказе, а каждый отказ в разрешении нового расхода раздражал князя Барятинского. Трудно было избегнуть частых столкновений при совершенной противоположности принципиальных воззрений: министр заявлял, что «достигнуть значительного сокращения войск на Кавказе будет заслугою выше славных побед»*, а главнокомандующий был убежден в необходимости решиться на одно из двух: или употребить все

* Письмо генерала Сухозанета от 29 июня 1857 года.

усилия, чтобы справиться с Кавказом, или бросить его навсегда*.

Впрочем, встречались и многие другие поводы к недоразумениям и пререканиям между министром и главнокомандующим. Пререкания эти начались с самого прибытия князя Барятинского в Тифлис, иногда по самым пустым случаям. Скажу откровенно, что причиною тому была не столько угловатость в тоне и речи генерала Сухозанета, сколько чрезмерная щекотливость князя Барятинского, ревниво охранявшего прерогативы своего высокого звания и свое полновластие. Малейшее со стороны министерства прикосновение к делам кавказским было, в глазах князя Барятинского, вмешательством, нарушением прав главнокомандующего и наместника; всякий отказ на его ходатайство или изменение в его представлении, хотя бы Высочайшим именем, принимались за личное оскорбление, за противодействие его видам и распоряжениям, за подрыв обаяния, которым должна быть облечена его личность во вверенном ему крае. В письмах генерала Сухозанета к князю Барятинскому, при топорном, почти безграмотном языке, не замечалось недоброжелательства, даже высказывалось некоторое добродушие; в письмах же князя Барятинского проглядывало большею частию предубеждение против министерства, подозрение в его враждебности к Кавказу. Желание сколько можно обособиться, приобрести полную самостоятельность и независимость от петербургских властей проглядывало во всех притязаниях князя Барятинского (вспомним нежелание его связать Кавказ с Петербургом телеграфным проводом). Еще в конце 1856 г. по настоянию его последовало Высочайшее повеление, объявленное через Сенат, о воспрещении кому бы то ни было входить, помимо наместника кавказского, в сношение с подведомственными ему местами и лицами.

Одним из первых поводов к неудовольствию князя Барятинского послужило письмо генерала Сухозанета от 4 ноября 1856 г., в котором сообщались дошедшие до министерства сведения о злоупотреблениях в Астраханском провиантском комитете. Военный министр признавал нужным расследовать дело, но князь Барятинский, желая с первого же раза устранить вмешательство министерства и основавшись на одном лишь докладе корпусного интенданта (генерал-майора Колосовского), принял

* Письмо князя Барятинского от 31 июля 1857 года[67].

Астраханский комитет и председателя его контр-адмирала Васильева под свою защиту, препроводив к военному министру (9 декабря) записку в опровержение возникших подозрений[68].

Вслед за тем военным министром возвращено было на заключение главнокомандующего сделанное еще до прибытия его в Тифлис представление к наградам; число испрашиваемых наград было признано чрезмерным и требовалось сокращение их. Князь Барятинский ответил, что в означенном представлении князя Бебутова скопились многочисленные ходатайства, которым генерал Муравьёв не успел дать ход до своего выезда из края. При этом главнокомандующий просил, чтобы и на будущее время, в случае отказа в утверждении всех испрашиваемых им наград, не делать в Петербурге произвольных изменений, а возвращать все представление, с предоставлением на усмотрение кавказского начальства окончательной оценки достойнейших награждения.

В письме от 16 ноября 1856 г.[69] военный министр сообщал о замечаемых нередко неправильностях в делах военно-судных по Кавказу и, приписывая эти неправильности недостатку юридического образования полевого аудитора коллежского советника Невского, выслужившегося из писарей, предлагал свое содействие к замещению его другим, более сведущим чиновником. Князь Барятинский принял это указание генерала Сухозанета за личное оскорбление и в письме от 15 декабря 1856 г.[70] ответил, что приговоры полевого аудиториата утверждаются самим главнокомандующим, на котором и должна лежать ответственность за правильность решений. В приложенной к письму подробной записке изложены были объяснения по всем делам, указанным военным министром в примере замеченных неправильностей. Относительно же личности обер-аудитора князь Барятинский отозвался о Невском вполне одобрительно и заметил притом, что судить о способностях и пригодности служащих может только прямой их начальник, удостоенный Высочайшего доверия.

Около того же времени (в декабре и январе) получены от военного министра два неприятных для главнокомандующего сообщения по вопросам денежным: одно — об уменьшении суммы на экстраординарные расходы до 140 тыс. рублей в год вместо предполагавшейся в 200 тыс., другое — об отказе на ходатайство о выдаче кормовых денег солдатским женам и детям, проживающим отдельно от мужей в таких местностях, где се-

мейства эти не имеют возможности зарабатывать средства для своего существования. Князь Барятинский доказывал (в письме от 11 января)[71] невозможность уменьшения экстраординарных расходов при исключительных условиях края и притом после так недавно кончившейся войны; настаивал и на своем ходатайстве о солдатских семьях и сетовал на невнимание к его представлениям со стороны Военного министерства. На это генерал Сухозанет ответил письмом от 27 февраля, в котором писал: «Представления Вашего Сиятельства, даже самые тяжкие, т. е. удовлетворение деньгами, по мере возможности исполняются. Его Величество на кормовые деньги женам и детям согласился только на сей единственный раз, в виде особого изъятия, опасаясь подобного примера, могущего дать такое же право и другим отдаленным частям войск, а это повлекло бы в большие издержки. Вообще, сколь ни тяжко отказывать необходимого пособия заслуженным воинам, столько же необходимо оказывать правительству услугу, ограничивая его по мере возможности в невыносимых расходах»[72].

Между тем (в феврале 1857 г.) новый, в сущности пустой случай, снова возбудил неудовольствие князя Барятинского: какой-то офицер (кажется, гвардейский) был переведен в один из кавказских полков без предварительного сношения с кавказским начальством. Главнокомандующий пишет (22 февраля)[73] военному министру, что сам держится строго правила не переводить офицеров в полки иначе, как по представлению или с согласия полкового командира, а потому просит поставить Инспекторскому департаменту в обязанность отнюдь не делать никаких распоряжений по кавказским войскам без предварительного сношения с ним, главнокомандующим. Но два месяца спустя опять подобный же случай: какой-то кавказский офицер *с разрешения военного министра* прикомандирован к Николаевскому инженерному училищу. Князь Барятинский снова пишет генералу Сухозанету (19 апреля): «Вашему Высокопревосходительству не безызвестно, что по званию главнокомандующего, я получаю разрешения касательно чинов вверенных мне войск только от Государя императора». В том же письме упрекает генерала Сухозанета, что он посягает даже и на права *наместника* (т. е. по гражданской части), испросив Высочайшее соизволение на сложение с вдовы генерала Ермолова долга в суммы, ассигнованные в распоряжение наместника «на полезные для края

предприятия». В заключение князь Барятинский пишет: «Вполне уверен, что такое откровенное объяснение устранит подобные случаи, и что Ваше Высокопревосходительство, вникнув в права и власть, данные мне Государем, удержите общий порядок служебных отношений и избавите меня также от необходимости просить Его Величество поставить нас в границы им предоставленной каждому власти»[74].

На этот раз и Сухозанет стал на дыбы. В длинном письме от 15 мая писал он: «Всякое дело, которое военный министр, по убеждению или совести, почитает себя в обязанности подвергнуть рассмотрению и обсуждению, принимается Вашим Сиятельством в виде недоброжелательности или оппозиции ... Я Вам дал слово (и никогда не изменю оному) содействовать успеху дела; надеюсь, что Вы меня довольно знаете, чтобы не допустить мысли о противном». Затем перечисляется целый ряд дел, по которым возникали разномыслия и пререкания: 1) предположение о железной дороге к Аральскому морю, признанное преждевременным; 2) экспедиция в Среднюю Азию, которая также признана несвоевременною вслед за разорительною войной; 3) испрошенное военным министром Высочайшее повеление об отмене предполагавшегося занятия прежних пунктов бывшей Черноморской береговой линии: Новороссийска, форта Раевский и Гастагая и об устройстве вместо того на Адагуме штаб-квартиры Крымского пехотного полка; 4) неправильное распоряжение главнокомандующего об отпуске, без испрошения Высочайшего разрешения, 80 тыс. рублей на устройство временного порта в Поти; 5) оставление князем Барятинским без внимания указаний военного министра на беспорядки в Астраханском провиантском комитете; 6) неутверждение в некоторых случаях представлений главнокомандующего о наградах, испрашиваемых вопреки установленных правил, или в чрезмерно большом числе; 7) распоряжения военного министра о переводе офицеров в кавказские войска, или о прикомандировании молодых кавказских офицеров (до чина поручика) к училищу или другой части войск. По всем приведенным пунктам генерал Сухозанет выставлял свою правоту, оправдывал свои действия установленными по военному ведомству общими порядками и выводил отсюда заключение, что исполняя свою обязанность по долгу и совести, не может всегда и во всем разделять мнения князя Барятинского, который, с своей стороны, считает всякое

несогласное с ним мнение за нарушение его прав. «С полною, характеризующею нас откровенностью, — писал военный министр, — вынужден я прямо сказать, что не я нарушаю права, Вам данные, а Вы предполагаете подчинить действия министра Вашим требованиям, и хотя признаю пользу и необходимость неограниченной власти во вверенном Вам отдаленном управлении, никак не могу согласиться, чтоб она могла простираться на распоряжения лиц, облеченных здесь доверием Его Величества». С большим достоинством и твердостью Сухозанет высказал желание устранить на будущее время всякие недоразумения, а для этого считал необходимым, чтобы князь Барятинский держался трех правил: 1) елико возможно соблюдать бережливость, допуская только расходы совершенно необходимые; 2) терпеливо, исподволь подготовлять «способы к будущей, вероятно, предстоящей ему роли, дабы, — по выражению Сухозанета, — мы успели устроиться, а на западе — порасстроиться» и 3) снисходительно принимать взаимные конфиденциальные сообщения. Если же сообщенные объяснения все-таки окажутся неубедительными, то генерал Сухозанет предоставлял князю Барятинскому, по собственному его предложению, повергнуть все возникшие между ними разномыслия на благоусмотрение Государя, который установит ясные границы данной обоим власти[75].

Одновременно с письмом генерала Сухозанета получено в Тифлисе и собственноручное письмо самого Государя, который по докладу министра о возникшем конфликте, взял сторону министра и напомнил князю Барятинскому, в дружеских выражениях, чтоб он не забывал, что Кавказ составляет лишь часть империи: «N'oubliez pas dans la haute position ou ma confiance Vous a placé, que le pays et les troupes qui sont sous vos ordres font partie de la grande patrie, et en ayant en vue leur bien-être, ne perdez pas de vue le bien-être général»*[76].

Это царское внушение подействовало, конечно, гораздо сильнее, чем вразумления Сухозанета. Князь Барятинский отвечал 4 июня, как на письмо Государя, так и военному министру[77]. К последнему он отнесся уже в примирительном тоне, высказав, что после откровенных его объяснений они оба пой-

* «Не забудьте на высоком посту, куда назначило Вас мое доверие, что вверенные Вам край и войска являются частью великой родины и, стремясь к их благополучию, не упустите из виду благополучия общего» (фр.).

дут рука в руку для пользы дела и общего блага. Сделав несколько разъяснений относительно указанных Сухозанетом поводов к бывшим разномыслиям, князь Барятинский писал: «Убеждаю Вас не относить к личному моему самолюбию или излишней щекотливости просьбу мою касательно перевода офицеров: тут вопрос об основаниях дисциплины и иерархии ... Не могло быть у меня мысли о подчинении действий министра, но с другой стороны, согласитесь, нельзя же и подчинить главнокомандующего министру. Каждый должен действовать в своем кругу». Перейдя затем к вопросу об экономии, князь Барятинский высказал, как он ее понимает: «Сущность этого важного дела состоит в том, чтобы не делать ничего бесполезного, но где предвидится выгода в будущем, там нечего бояться класть капитал». На этом основании, все что делается для скорейшего окончания войны на Кавказе было, по мнению князя Барятинского, чистою экономией. Кроме того, указал он на два рода дел, по которым отказы на его представления принимает он особенно близко к сердцу: во-первых — о наградах и личных назначениях, во-вторых — об улучшениях в устройстве и составе управлений. При этом князь Барятинский предварил военного министра о предпринятой в кавказском штабе большой работе — составлении новых штатов, которые соответствовали бы кругу действий и обширности работ каждого управления. Выразив сожаление о полученном отказе на представление его о восстановлении существовавших в прежнее время (при начальнике штаба генерале Коцебу) должностей помощника начальника штаба и дежурного при нем штаб-офицера, князь Барятинский просил, чтобы это необходимое, по его мнению, добавление к штату имелось в виду при первой возможности. (Замечу, что с моей стороны об этой необходимости не было никогда заявляемо, так что означенные должности не были включены и в проектированный новый штат.) В заключение своего письма, князь Барятинский предложил Сухозанету для устранения на будущее время столкновений сообщать друг другу в конфиденциальных письмах о могущих случаться в официальных бумагах неумышленных с той и другой стороны неправильностях.

Генерал Сухозанет принял с благодарностью предложение*, и, казалось, мир был заключен, хотя по некоторым пунктам

---

* Письмо от 29 июня[78].

Князь Г.Д. Орбельяни

последнего письма князя Барятинского снова были высказаны военным министром дельные замечания. Вместе с тем главнокомандующему было сообщено, что на ходатайство его* об оставлении на Кавказе находившихся там временно 13-й и 18-й пехотных дивизий последовало Высочайшее соизволение, но только до весны следующего года и с тем, чтобы потом с каждым годом число войск на Кавказе постепенно сокращалось. В письме от 4 июня генерал Сухозанет убеждал князя Барятинского в крайней необходимости уменьшения численности войск на Кавказе для облегчения финансового положения России.

Высочайшее соизволение на оставление 13-й и 18-й дивизий не очень обрадовало князя Барятинского, слишком короткий срок до весны сильно расстраивал его расчеты и планы дальнейших военных действий. Вообще мировая, заключенная между

* Отзыв главнокомандующего от 19 июня.

министром и главнокомандующим, мало изменила их отношения. Смягчился только тон их переписки; в сущности же, остались прежнее взаимное недоверие и натянутость. Сухозанет, как и большая часть петербургских сановников, продолжал смотреть на князя Барятинского как на честолюбца, который, пользуясь личным расположением царя, присваивает себе самовластие сатрапа и для своей славы готов разорить государство. Со своей стороны, князь Барятинский видел в каждом слове Сухозанета, как и других министров, попытку помешать ему в обширных его государственных видах ради узкой чиновничьей рутины. Таким образом, при всем старании с обеих сторон избегать новых столкновений неизбежно должны были часто встречаться новые и новые поводы к взаимному неудовольствию.

Поводы эти бывали большею частию маловажные, даже иногда мелочные. Так, например, в июне месяце князь Барятинский вошел с представлением о назначении в число состоящих при нем генералов Грамотина, князя Дм[итрия] Фом[ича] Орбельяни, князя Андронникова и Лорис-Меликова (Мих[аила] Тар[иэловича]). Военный министр в письме от 4 июля[79] ответил, что при главнокомандующем по штату полагается только 4 генерала; состоит же действительно уже 12, следовательно, с назначением еще вновь представленных четырех будет уже 12 сверхкомплектных. Вместе с тем повторен отказ на восстановление должностей помощника начальника Главного штаба и дежурного штаб-офицера. Однако ж князь Барятинский, в письме от 10 июля, настойчиво возобновил ходатайство о назначении названных выше четырех генералов.

Позже (осенью того же года) новым поводом к пререканию послужило командирование из Петербурга артиллерийских офицеров для осмотра оружия в кавказских войсках. В инструкции этим офицерам ставилось в обязанность ежегодно, по осмотре оружия в зимнее время, представлять подробный отчет военному министру. Князь Барятинский нашел этот порядок несогласным с его понятиями о полновластии главнокомандующего и требовал, чтобы означенные офицеры были вполне подчинены ему и доносили о результате осмотра не министру, а главнокомандующему.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В РАЗНЫХ ЧАСТЯХ КРАЯ ЛЕТОМ 1857 ГОДА

С каждым приезжавшим из Петербурга курьером князь Барятинский ожидал какой-нибудь новой неприятности, и каждая неприятная ему бумага приводила его в раздражение. Мне часто приходилось выслушивать его сетования на петербургское рутинное чиновничество, на бездарность и узкий взгляд сановников, стоявших во главе нашей администрации. Успокоительное действие на его расположение духа производили благоприятные известия из разных отделов Кавказского края об успешном начале предначертанного плана военных действий. Следя с живым участием за распоряжениями главных начальников отделов, он давал им новые указания, не стесняя, впрочем, их действий в подробностях исполнения.

В то время соблюдалась еще установившаяся в царствование императора Николая и при военном министре князе Чернышёве[80] система хранения в строгой тайне всего, что происходило на Кавказе. Не допускалось в русской печати ни единого известия о военных действиях. Упорным нашим молчанием, конечно, пользовались наши враги, распуская в иностранных газетах всякие ложные и нелепые сведения о мнимых неудачах наших, о жестокостях относительно туземного населения, к которому старались возбудить сочувствие в европейской публике. В нашей же печати никто не смел поднять голос в опровержение лжи и клеветы. Настало, наконец, время, когда поняли у нас невыгоду и даже странность такой системы замалчивания. 16 апреля 1857 г. генерал-квартирмейстер барон Ливен сообщил мне, что сам Государь, обратив внимание на неудобства и бесцельность существовавшей системы, приказал напечатать в нашей официальной военной газете («Русском инвалиде»)[81] обзор происходивших в течение прошлого 1856 г. военных действий и впредь публиковать известия с Кавказа как в «Русском инвалиде», так и в брюссельской французской газете «Le Nord»[82]. Ближайшим поводом к такой перемене во взгляде, по свидетельству барона Ливена, послужила появившаяся незадолго перед тем в немецкой «Аугсбургской газете» статья о последних действиях на Левом крыле[83]. Статья эта понравилась в Петербурге, признана дельною и подала повод к предположению, что доставлена в немецкую газету самим начальством кавказским. Барон Ливен

даже выразил желание, чтоб и впредь мы продолжали знакомить публику русскую и иностранную с событиями на Кавказе[84].

Итак, с этого времени снято прежнее строгое запрещение оглашать известия о военных действиях на Кавказе; заслуги кавказских начальников и подвиги несравненных войск кавказских перестали быть государственной тайной!

В прежнее время военные действия летом происходили почти исключительно в Дагестане, тогда как в Чечне и за Кубанью экспедиции предпринимались преимущественно зимой и ранней весной, пока леса не оделись еще листвой; в летнее же время войска занимались хозяйственными и строительными работами, в том числе заготовлением на зиму сена. Теперь условия значительно изменились: на плоскости чеченской лесная полоса уже настолько оголилась прорубленными в последние годы широкими просеками, что в течение всего лета высылались небольшие отряды для истребления остававшихся еще в Большой Чечне непокорных аулов и посевов их, дабы лишить враждебное нам горское население возможности пользоваться для своего пропитания средствами плодородных равнин. Около 2 тыс. чеченских семейств были вынуждены покинуть свои трущобы и переселиться на указанные им открытые места. В числе выходцев изъявил покорность один из значительных шамилевых наибов Эски с тремя другими мюридами.

Главные действия на это лето, как уже сказано, предназначены были войскам Прикаспийского края. Согласно плану, предположенному в совещании 27 апреля (на р. Ярык-Су) и предписаниям главнокомандующего от 1 мая (из Екатеринограда), князь Гр[игорий] Дм[итриевич] Орбельяни стянул к 15 июня, при укреплении Евгеньевском, отряд (из 10 $^1/_2$ батальона, 2 дивизионов драгун, 14 сотен казаков при 10 орудиях) и 16 числа быстро двинулся в Салатавию*. Ненастная погода и густой туман на возвышенном плоскогорье дали возможность перейти без боя пресловутую балку Теренгульскую. Застигнутое врасплох местное население большею частию укрылось в леса к стороне

* За несколько дней до сбора отряда, 4 июня, при следовании на сборный пункт 21-го стрелкового батальона, вблизи Б. Казанищ, в крае совсем мирном, шайка лезгин из засады бросилась внезапно на ехавшего впереди командира батальона подполковника Кобиева и увела его в горы в виду следовавших позади стрелков. Замечательная дерзость с одной стороны и оплошность — с другой!

Алмака и Дылыма. Князь Орбельяни, выбрав для будущей штаб-квартиры место около старого Буртуная, приступил к рубке леса кругом, к улучшению сообщения с Темир-Хан-Шурой и перевозке строительных материалов. 19 числа прибыл в Дагестанский отряд генерал Евдокимов для личного соглашения с князем Орбельяни относительно предписанного главнокомандующим содействия предприятию со стороны Левого крыла. Евдокимов предлагал своему соседу подкрепить его отряд одним или двумя батальонами, но князь Орбельяни счел возможным обойтиться без этого подкрепления. Евдокимов воспользовался своим пребыванием в Дагестанском отряде, чтобы ознакомиться ближе с путями, ведущими от Буртуная в Аух. Сделав 21 числа рекогносцировку этих путей, командующий войсками Левого крыла уехал в Грозную.

Шамиль с собранным поспешно скопищем пытался помешать работам Дагестанского отряда демонстрациею к укреплению Евгеньевскому. 23 июня горцы сделали засаду для нападения на следовавший большой транспорт, но князь Орбельяни, проведав своевременно об этом намерении, усилил прикрытие транспорта и послал на помощь ему особую колонну под начальством полковника Радецкого (начальника штаба войск Прикаспийского края). Неожиданно атакованное с двух сторон скопище Шамиля потерпело полное поражение и рассеялось по лесам. Однако ж несколько спустя Шамиль занял Новый Буртунай, где начал сильно укрепляться, продолжая тревожить Дагестанский отряд частыми нападениями на сообщения его и на мелкие команды, высылаемые на фуражировки. Все эти попытки оставались без последствий: подвоз запасов и строительных материалов продолжался безостановочно, хотя и медленно; приступлено к предварительным работам разбивки и постройки укреплений. 7 июля выдвинут авангард в сторону Нового Буртуная, а 14-го совершена торжественная закладка первых построек штаб-квартиры.

Шамиль задумал прибегнуть к диверсиям в других частях края. 27 июля Даниель-бек (бывший султан Элисуйский) с партиею лезгин вторгся в Южный Дагестан, а 30-го произведен набег в Мехтулинские владения, но оба предприятия кончились неудачно для горцев. В августе Шамиль лично покинул Салатавию, оставив часть своего скопища в укреплениях Нового Буртуная и в прилежащих лесах.

Работы в новой штаб-квартире задерживались медленною доставкою материалов из Астрахани. На беду в отряде появилась холера. Между тем, по отъезде Шамиля из Салатавии, в среде скрывавшегося в лесах населения возникло желание принести покорность и переселиться под русскую власть. В ночь на 30 августа выслана была из лагеря колонна, под прикрытием которой выбежали 116 душ бывших жителей разоренного Чиркея; во главе их явился и старый наш знакомец, бывший старшина чиркеевский Джемал*. Этому первому примеру последовали потом и многие другие салатавцы, которым удавалось скрытно бежать из-под надзора шамилевых мюридов[86].

В первой половине сентября на возвышенных плоскогорьях Салатавии уже выпал снег и наступила холодная погода. Однако ж Дагестанский отряд оставался в сборе и продолжал строительные работы. Князь Орбельяни счел только необходимым, по причине бескормицы в Салатавии, спустить из отряда большую часть конницы на Шалихальскую равнину. Отсутствие конницы ободрило горцев: они стали чаще тревожить наши войска. В начале октября князь Орбельяни счел необходимым отбросить неприятеля подальше от новой штаб-квартиры. В ночь на 5 число подступил он втихомолку к Новому Буртунаю, атаковал его с трех сторон и овладел укрепленным аулом. Этот успех стоил нам лишь весьма небольшого урона (всего 16 раненых нижних чинов). Присланный Шамилем сын его Казы-Магома со скопищем гумбетовцев и андийцев, заняв леса около Алмака и Дылыма, предпринимал нападения на передовой наш отряд в Новом Буртунае, но все попытки его оставались напрасными.

Одновременно с занятием Салатавии войсками Прикаспийского края, предприняты были действия и войсками Лезгинской линии против нагорных обществ Южного Дагестана. Генерал-лейтенант барон Вревский еще в апреле собрал отряд у подножия горного хребта при укреплении Натлис-Мцемели (впереди больших селений кахетинских Шильды и Сабуи). Пока верхний гребень гор был еще завален снегом, войска занимались рубкою просеки на южном скате хребта и проложением дороги вверх к Кодорскому перевалу. В ночь со 2 на 3 июля барон Вревский двинулся с отрядом через горы в Дидойское общество. Эта на-

* О нем упоминалось не раз в моих воспоминаниях об экспедиции 1839 года[85].

горная котловина, замыкающая истоки Андийского Койсу, обитаема полудиким племенем; часто беспокоившим своими хищническими набегами Кахетию. Войскам приходилось двигаться по чрезвычайно недоступной местности, по едва проходимым тропинкам. Подойдя 10 июля к главному дидойскому селению Хупро, барон Вревский произвел рекогносцировку и затем приступил к разработке дороги к селению; 16 числа атаковал его. Жители не выждали нападения: селение найдено пустым. В течение второй половины июля и всего августа барон Вревский истребил до 20 селений; горцы, при всех встречах с войсками, терпели поражение, а присланный Шамилем на помощь дидойцам Казы-Магома со скопищем лезгин был разбит наголову. После понесенного тяжкого погрома дидойцы не осмеливались более спускаться на Кахетинскую равнину[87].

Так прошло лето в восточной половине Кавказа. Перейду теперь к положению дел в западной половине.

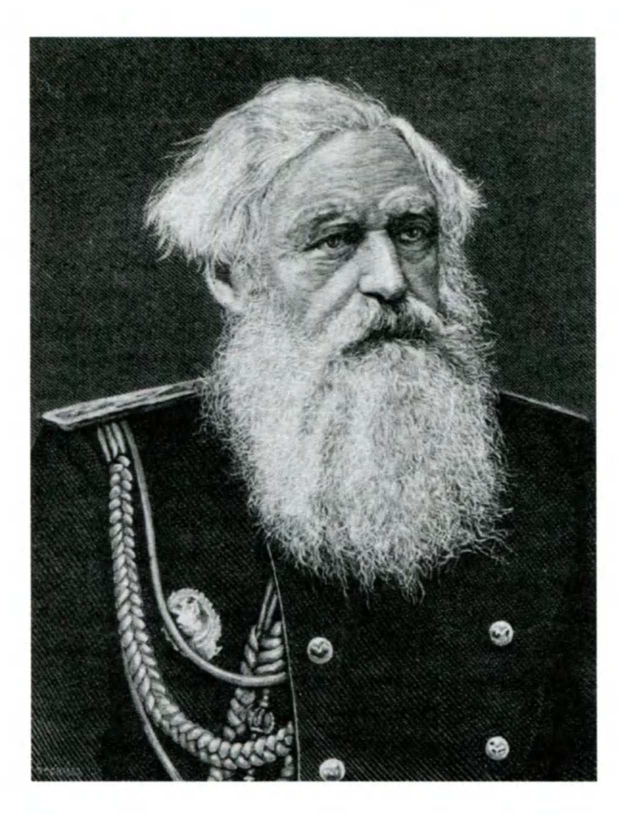
На Правом крыле, как уже сказано, войска обоих отрядов за Кубанью были заняты работами: Майкопский отряд продолжал устраивать штаб-квартиру Кубанского полка в Майкопе, куда и переместился полк; водворены были две новые казачьи станицы на Лабе и Урупе. Адагумский отряд строил Адагумское укрепление и посты на новой Адагумской линии. В начале августа было удачное дело с шайкою горцев под Анапой. К сожалению, в Адагумском отряде развилась довольно сильная болезненность, вероятно, по причине невыгодных условий местности[88].

На берегу Черного моря восстановлено Гагринское укрепление. В половине мая из Сухума отправлены морем 3 батальона, которые высадились беспрепятственно и приступили к постройке нового форта несколько южнее прежнего, в самом узком месте береговой дороги близ ущелья Гагрипша.

Назначенные для крейсерства 8 паровых судов были разделены на два отряда: северный, имевший стоянку в Цемесской (Новороссийской) бухте, должен был охранять протяжение берега от Анапы до р. Псезуане; южный — стоявший у Сухума, наблюдал за остальным протяжением. Но крейсерство было почти фиктивное. Князь Барятинский в своих письмах к военному министру и самому Государю продолжал сетовать на противодействие Министерства иностранных дел устройству действительной строгой блокады прибрежья, обитаемого непокорными племенами. Генерал Сухозанет (в письме от 4 июля) приводил в оправ-

дание князя А.М. Горчакова возникшее в среде дипломатов недоумение: имеем ли мы право вооружать те транспортные суда, которые нам предоставлено Парижским трактатом иметь на Черном море[89]. Чрезмерная наша осторожность открывала нашим противникам возможность вести втайне сношения с непокорными горцами и под видом торговли доставлять им военные средства для упорной с нами борьбы.

В исходе мая посланник наш в Лондоне граф Хрептович уведомил посланника в Константинополе Бутенёва об отправлении из Англии в Черное море нового судна «Африканец» с грузом военных запасов на имя венгерского эмигранта Тюрра, агента тайного общества, образовавшегося в Англии для поддержки черкесов[90]. Бутенёв снова обратился к Порте с требованием, чтобы приняты были действительные меры для воспрепятствования этому новому покушению. Затем относительно «Африканца» никаких сведений не получалось[91]. Что касается попытки авантюристов Лапинского и Баниа, о которой говорил я ранее, то она не имела таких результатов, каких ожидали от нее наши враги. Кроме встреченного со стороны горцев недоверия к пришельцам, главною причиной неудачи этой экспедиции были соперничество Сефер-бея с Магомет-Эмином и разлад между самими предводителями предприятия. Магомет-Эмин, видя установившееся сближение европейцев с Сефер-беем, опасался, что последний приобретет влияние на горские племена, над которыми сам Магомет-Эмин хотел властвовать. В то же время соперничали между собой поляк Лапинский с венгерцем Баниа. Оба честолюбивые пройдохи домогались главенства и интриговали друг против друга. Баниа (Мегмет-бей) выдавал себя между черкесами за уполномоченного от султана для управления черкесскими племенами; Лапинский, с своей стороны, всячески старался подорвать значение венгерского авантюриста и погубить его. Последствием такого двойного соперничества было то, что Магомет-Эмин решился в исходе мая отправиться в Константинополь, чтобы заручиться поддержкою Порты против Сефер-бея. В то же время высаженные в Туапсе и Геленджике поляки, разочарованные в своих легкомысленных ожиданиях, не предвидя ничего доброго от дальнейшего пребывания на Кавказском берегу, один за другим покидали этот берег, пользуясь всякою отходившею кочермой. Магомет-Эмин также разочаровался в Константинополе: посланник наш потребовал от Порты, чтобы



Г.И. Филипсон

приняты были меры, дабы не допустить возвращения на Кавказ враждебного нам агитатора. Порта, под видом арестования Магомета-Эмина, назначила ему помещение в Сераскериате, а несколько спустя отправила его в Дамаск, будто бы под надзор мушира Арабистанской армии. В действительности же Магомет-Эмину дана была полная возможность возвратиться на Кавказ.

С другой стороны, и Сефер-бей не извлек никаких выгод от поддержки его такими проходимцами, каковы были Лапинский и Баниа. Все наши враги, покровительствовавшие сумасбродной экспедиции, начиная с лорда Редклифа, Лонгворта и турецких министров и кончая заправилами польской и венгерской эмиграции, каковы Чарторижские, Замойские, Кошут, Тюрр и проч., и проч., убедились в полном фиаско.

В исходе августа генерал Филипсон, с предварительного разрешения главнокомандующего, предпринял решительную меру против дерзких флибустьеров. Посадив 2 сентября небольшой

отряд на имевшиеся в его распоряжении суда, он произвел внезапно высадку в Туапсе и разгромил весь притон авантюристов: склады запасов и товаров и 7 турецких судов истреблены, а 2 другие турецкие же судна уведены в Анапу. Сами флибустьеры, полагаясь на заверения горцев, никак не ожидали такого энергического с нашей стороны удара. Как и следовало ожидать, поднялся гвалт в дипломатии и во враждебных нам кружках. Британское министерство, разумеется, стало на дыбы, но дело было сделано, и распоряжение Филипсона вполне одобрено главнокомандующим. Впоследствии (уже в январе 1858 г.) князь Барятинский писал князю Горчакову: «Эти суровые меры наших военных прибрежных властей, меры, о разрешении которых я уже писал Вам в моих официальных депешах в июне месяце, сделались необходимыми, дабы избавить нас от ложного положения, в котором мы находились на Черном море, и положить предел невыгодным для нас последствиям такого плачевного положения дел». В заключение того же письма прибавил: «Еще раз уверяю Вас, что мы здесь вполне понимаем, как необходимо избегать столкновений, которые могли бы служить предлогом для австро-английских придирок, и что я с своей стороны наблюдаю, чтобы все поступали так, но дерзость иностранных авантюристов и контрабандистов крайне затрудняет эту задачу»[92]. Дипломатическая тревога улеглась, но флибустьеры оставались еще некоторое время в долине Адерби, близ Геленджика, и в ожидании случая, чтобы убраться, окончательно перессорились между собой.

Остается мне сказать несколько слов о положении дел в Кутаисском генерал-губернаторстве.

Начальствовал здесь генерал-лейтенант князь Александр Иванович Гагарин — личность в высшей степени симпатичная. При нем состоял в качестве начальника штаба столь же достойный уважения и сочувствия полковник Генерального штаба Петр Карлович Услар, известный в ученом мире своими лингвистическими трудами о кавказских народностях. В Рионском крае не предвиделось никаких военных действий, но последняя война и неприятельское вторжение оставили здесь прискорбные следы[93]. Поэтому в этой части края требовалась особенно усиленная деятельность административная для исправления причиненного войною расстройства как в материальном, так и в нравственном отношении. В особенности озабочивало наместника положение дел в Сванетии и Мингрелии.

Сванетия — замкнутая со всех сторон горная котловина к северу от Имеретии, дающая начало реке Ингуру, есть страна крайне недоступная, суровая, с полудиким населением, частью подвластным князьям Дадешкильяни, частью «вольным». С давнего времени непрерывные раздоры между членами княжеской семьи причиняли стране неурядицу, доходившую часто до кровавой расправы. В исходе июля 1857 г. наместник предписал князю Гагарину вызвать в Кутаис старшего из братьев Дадешкильянов Константина, а между тем в Тифлисе образована под председательством князя В.О. Бебутова комиссия для разбора междоусобий между братьями Дадешкильянами и для обсуждения мер к установлению на будущее время порядка и спокойствия в стране. В состав этой комиссии был назначен и я; вызван в Тифлис и полковник Услар как эксперт в деле. Предполагалось водворить в одном из главных пунктов Сванетии русского пристава под охраною небольшого военного конвоя; на первый же раз направить в Сванетию отряд для рекогносцировки этой страны, в которую до того времени никогда еще не проникали русские войска[94].

О дальнейшем ходе Сванетского дела и трагической его развязке расскажу в своем месте, чтобы не нарушать хронологического порядка. Здесь же объясню сущность дела Мингрельского.

Мингрелия со времени кончины последнего владетельного князя Давыда Дадиан за малолетством сына его Николая находилась под управлением вдовствующей княгини Екатерины Александровны (рожденной княгини Чавчавадзе), с участием в правлении ближайших родственников покойного князя Давыда. Безотчетное и бестолковое это управление при частых распрях семейных давало много поводов к неудовольствию в населении. Неудовольствие это разразилось в 1856 г. открытым бунтом в отсутствие правительницы, которая в то время находилась в Москве и разыгрывала на торжествах коронации[95] роль царицы отдаленного, малоизвестного царства. Для успокоения края пришлось послать войска и учредить временную правительственную комиссию. Распоряжения эти были сделаны еще до приезда нового наместника. Князь Барятинский не только одобрил принятые меры, но пошел далее: он признал необходимым окончательно установить в Мингрелии русскую администрацию, удалив из края княгиню-правительницу и других членов семейства Дадиан[96]. На первое время для управления Мингрелией учреж-

Княгиня Е.А. Дадиан

ден Совет под председательством действительного статского советника Дюкруаси, а в начале сентября 1857 г. последовало назначение губернатором Мингрелии генерал-майора Колюбакина (Мих[аила] Петр[овича], так называемого «мирного»)*[97]. О сделанных распоряжениях князь Барятинский донес Государю и в письме от 18 августа просил, чтобы княгиня-правительница

* В то же время назначен губернатором кутаисским генерал-майор Иванов (Николай Агапович).

М.П. Колюбакин

была приглашена в Петербург под предлогом воспитания сына, с назначением ей средств для приличного существования и с обеспечением всего семейства, утверждением за членами его всех имений, принадлежавших им на правах частной собственности. Вместе с тем, для управления имениями малолетнего князя Николая положено учредить опеку[98].

Письмо князя Барятинского к Государю было отправлено в Петербург с флигель-адъютантом Чертковым (Мих[аилом] Ив[ановичем]), которому доставлен был случай ознакомиться на месте с положением дел в Мингрелии. С ним же отправлены разные бумаги и письма; между прочим, вторичное ходатайство о назначении в число состоящих при главнокомандующем генералов Лорис-Меликова, на которого князь Барятинский имел в виду возложить начальство в Абхазии.

Чертков, приехав в Петербург 28 августа, уже не застал там Государя, выехавшего за 6 дней перед тем через Варшаву за гра-

М.И. Чертков

ницу. Великий князь Константин Николаевич, председательствовавший в секретной правительственной комиссии, учрежденной на время отсутствия Государя, а также и военный министр посоветовали Черткову ехать в Варшаву, где, по их расчету, он мог еще застать Его Величество. Однако ж и туда он опоздал, так что письмо князя Барятинского представил Государю только в Берлине. Его Величество принял все представления наместника кавказского с всегдашнею к нему благосклонностью; Черткова удержал при себе, так что он сопровождал Государя в Стутгард, где происходило известное свидание Его Величества с Наполеоном III[99], и оставался при Государе до возвращения его 11 октября в Петербург.

Сделанные князем Барятинским распоряжения относительно Мингрелии были Высочайше утверждены[100]; на все его пред-

ставления последовало соизволение. Уведомив его об этом письмом из Дармштадта[101], Государь, вместе с тем, препроводил наместнику рескрипт на имя княгини Екатерины Александровны Дадиан с приглашением ее в Петербург. Князь Барятинский 28 сентября послал этот рескрипт к князю Гагарину с поручением вручить его княгине и предложить ей все возможные облегчения к выезду тем путем, какой сама изберет. В распоряжение ее прислан был фельдъегерь, и вообще все было так сделано, чтобы она выехала из края с подобающим почетом. Княгиня беспрекословно подчинилась Высочайшему решению.

В отправленном с Чертковым письме к военному министру (от 18 августа) князь Барятинский предварил генерала Сухозанета о своем намерении командировать меня в Петербург для личного представления разных выработанных проектов по военному управлению на Кавказе, а также для разъяснения многих накопившихся вопросов вообще по Кавказскому краю. Чертков в письме от 7 (19) сентября из Дармштадта сообщил мне, что при личном представлении письма князя Барятинского военному министру последний, прочитав это письмо, тут же выразился весьма одобрительно о предположенной командировке меня в Петербург[102]. В таком же смысле генерал Сухозанет ответил князю Барятинскому.

Предположенная поездка в Петербург вовсе мне не улыбалась; очень не хотелось мне разлучаться даже и на короткое время с семьей, с занятиями своими и с краем, к которому привязался я всею душой. Но, сознавая пользу, даже необходимость этой поездки для того, чтобы лично провести задуманные преобразования в военном устройстве края, разъяснить поднятые новые вопросы петербургским дельцам и властям, так мало знакомым с местными условиями отдаленных окраин, я не счел возможным уклониться от поручения, как бы ни было оно тяжело и неприятно. Работы, которые я должен был вести в Петербург, были очень обширны, сложны и разнообразны. При всех моих усилиях ускорить приготовление многочисленных докладов, записок, ведомостей, при всем усердии тружеников, на которых лежали эти работы, довести их до конца успели мы лишь к началу октября.

Между тем в конце сентября становилось уже свежо на возвышенной местности Коджор. Со всею семьею перебрался я в

Тифлис, на зимние квартиры, а вскоре затем начал готовиться к отъезду в дальний путь.

ВЕСТИ ИЗ ПЕТЕРБУРГА ЗА 1857 ГОД

Прежде чем рассказывать о своей поездке в Петербург осенью 1857 г., уделю несколько страничек известиям, доходившим до меня оттуда в письмах от друзей, с того времени как покинул я северную столицу.

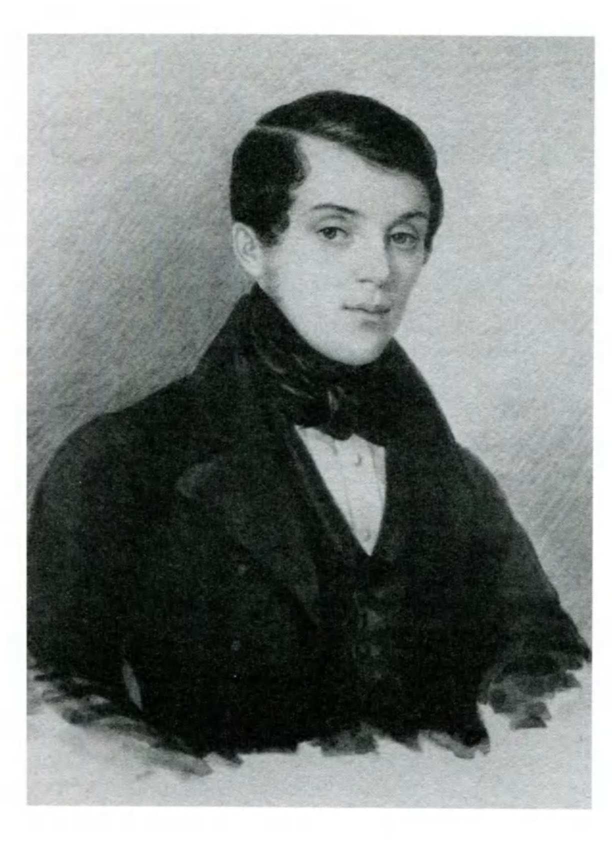
Начну с известий о самых близких мне: братьях и сестре.

Брат Николай, по-прежнему заваленный служебною работой, не мог, конечно, писать мне часто, но по временам получал я от него длинные письма, в которых он высказывал жалобы на тягость своей бюрократической деятельности[103]. Несмотря на то что он занимал уже самостоятельный пост директора департамента и пользовался большим влиянием в Министерстве внутренних дел, он все-таки признавал, что «результаты служебной деятельности не окупают постоянного напряжения сил, утомления нравственного и физического. Масса работ лишает возможности пользоваться не только удовольствиями жизни общественной, но и радостями семейными». В письме от 25 февраля 1857 г., извещая меня о рождении второго ребенка* — дочери Прасковьи (почти одновременно с появлением на свет моей младшей дочери Елены), он выразился так: «Поздно завелся я семьей, на 37 году жизни, и, может быть, оттого именно живее чувствую цену счастья, которое неожиданно мне выпало». В другом письме он высказывал сожаление о том, что «с отъездом Павла Дмитриевича Киселёва и великой княгини Елены Павловны у него разорвались все прежние связи с большим светом... Кое-что узнаю только через Хрущова, который уже четыре месяца управляет министерством» (государственных имуществ, по случаю скоропостижной смерти В.А. Шереметьева)[104].

В то время в Петербурге ходили слухи о разных переменах в личном составе высшего управления и в том числе о смене министра внутренних дел. По этому поводу брат (в приведенном уже письме от 25 февраля) писал: «Все это мне до крайности опротивело. Уж если суждено вечно быть ломовою лошадью, то хотя бы дали привыкнуть к одному хозяину. Мерным и тихим

---

* Первым был сын Юрий, родившийся 26 марта 1856 года.



Н.А. Милютин (1840-е годы)

шагом телега подвигалась бы все-таки скорее, чем с этими беспрерывными переменами возниц, которые вновь всегда сворачивают с дороги для того, чтобы потом опять выбраться на большую дорогу, истощив напрасно силы тощих кляченок».

Семья брата Николая провела лето 1857 г. опять в любимой подмосковной Райках (Богородицкого уезда); он сам не мог вырваться из Петербурга ранее 20 июня. Отдохнув около месяца в деревенской тиши, в начале августа выехал он из Райков по делам службы для осмотра подведомственных Министерству внутренних дел учреждений в Москве, Владимире и Нижнем. Чрезвычайно заняла его ярмарка Нижегородская, которую он изучил в подробности. Собранные им интересные сведения об этом колоссальном торжище на рубеже Европы и Азии изданы потом (в 1858 г.) отдельною брошюрой. Возвратившись 17 августа в Райки, он составил обстоятельный отчет для министра о

найденных на ярмарке примитивных порядках. Письмо его ко мне от 14 сентября, писанное перед самым выездом из Райков в Петербург, так любопытно, что мне хотелось бы привести его целиком, но ограничусь довольно пространною выпиской:

«И вот приходится опять стать за машину, где держать какую-нибудь кромку вместе с сотнею других подобных рабочих и смотреть на ее нескончаемое движение в вечной стукотне, суматохе, вони и смраде, не зная и не видя, что именно вырабатывается этою неуклюжею машиною и какие произведения выходят из нее на божий свет ... Наша, можно сказать, отвлеченная деятельность (не говоря уже о ее бюрократической мелочности) подчас тяготит бедностью результатов. То, что я видел в губерниях, поколебало много *последних* иллюзий. Если справедливо, что в науке большое знание приводит к убеждению в его недостаточности, то в администрации подобное разочарование гораздо понятнее. Чем более практикуешься в этом деле, тем менее остается веры в пользу стольких усилий. Я пожил на ярмарке, которую недаром называют всемирным торгом, где устанавливаются цены на целый год, где решаются экономические интересы чуть ли не целой России. И что же? Миллионные дела решаются точно так же, как мелкое барышничество на "конной". Все предано случаю, взаимному надуванию, кулачеству. Понятно, что такой системы держатся какие-нибудь заезжие бухарцы; при мне, например, эти почтенные джентльмены требовали за привезенную бирюзу 60 тыс. рублей серебром, а русские купцы давали за нее, — как ты думаешь? — 3 тыс. рублей, и в этих пределах начался торг, который, разумеется, продолжался несколько недель. Поле для негоциаций было обширное и понятно, что победа должна была остаться за тою стороной, у которой больше досуга, терпения и меньше неотложных долгов. Я привел этот мелкий пример для того, чтобы пояснить торговую процедуру, которая такова же и в самых обширных торгах. Чайные торговцы, ведущие дела на миллионы, не далеко отстают от бухарцев и т. д. Отсюда отсутствие всякой гласности, всякой правильности, всех удобств, которые считаются первою потребностью рынка. Заведена биржа — и она a la lettre* пустая; есть биржевые маклера, но посредниками никто их не берет; есть коммерческий банк, но кредит совершается помимо его; прейску-

* буквально (*фр.*).

рантов не существует; никто не знает настоящих цен, пока они не превратятся в fait accompli*. Новому торговцу, особенно иностранцу, преграждены все пути войти в дела, если он не подчинится общему обычаю; были примеры, что это останавливало многих иностранных негоциантов...»[105]

В приведенном письме обрисовывается высокая добросовестность человека, чистосердечно сознающегося в ошибочности прежних своих кабинетных взглядов. Изучение дела на месте во многом открыло ему глаза, — и вот он прямо заявляет министру, что убедился воочию в непригодности к практическому применению только что приготовленного к внесению в Государственный совет проекта переустройства ярмарки; берет назад свою работу для переделки, в смысле упрощения его и приспособления к реальному состоянию дела. Поучительный пример для петербургской бюрократии!

По возвращении в Петербург в половине сентября со всею семьей брат снова принялся за работу. «Теперь, — писал он мне, — обращаюсь к своим обычным занятиям с меньшими иллюзиями и с самыми скромными надеждами».

Около того же времени, т. е. в половине сентября, возвратилась в Петербург и сестра Мордвинова после продолжительного пребывания за границей и лета, проведенного в псковской деревне. О младшем брате Борисе получил я известия благоприятные: по словам нашего друга И.П. Арапетова, юноша занимался усердно службой в Министерстве юстиции и выказывал способность к работе. Ему предлагал новый министр государственных имуществ М.Н. Муравьёв** перейти в это министерство, но по совету брата Николая, предложение это было отклонено, ввиду другого назначения на должность в Главном управлении Восточной Сибири.

* * *

Начало 1857 г. было омрачено смертью двух молодых кузин моих: Софьи Алексеевны Пушкевич, дочери тетки моей Варвары Дмитриевны Полторацкой, и Софьи Сергеевны Ребиндер, дочери дяди Сергея Дмитриевича Киселёва. Почти в то же

---

* свершившийся факт (*фр.*).

** Назначенный министром после смерти В.А. Шереметьева, случившейся 13 апреля 1857 г. от удара (ошибка автора; Шереметьев умер 11.4.1862. — *Примеч. публ.*).

Е.М. Понсе

время овдовел мой шурин Евгений Михайлович Понсе, на первом же году своей брачной жизни. Жена его скончалась в родах; новорожденная дочь Анна осталась на руках отца.

Как только дошло до нас это печальное известие, первым нашим движением было — предложить Евгению Михайловичу передать своего новорожденного ребенка на попечение моей жены, чтобы взрастить его вместе с нашими детьми. Ему самому советовали мы переменить род службы и перейти на Кавказ, где он уже прежде служил и оставил по себе хорошую память[106]. Князь Барятинский, знавший его лично, обещал предоставить ему первое вакантное место в числе положенных при главнокомандующем штаб-офицеров для поручений. Еще до получения письма жены моей Евгений Михайлович почти согласился уже отдать своего ребенка на воспитание крестной его матери баронессы Екатерины Александровны Торнау, жившей тогда в Вене, где муж ее занимал должность русского военного агента. Но

умная и добродушная эта женщина не могла не признать очевидного преимущества воспитания ребенка в родной семье, вместе с кузинами-однолетками, перед воспитанием одиночным за границей; она сама склонила Евгения Михайловича принять наше предложение. Казалось, что не встречалось более никаких затруднений в исполнении этого предложения как относительно ребенка, так и перехода Евгения Михайловича на Кавказ. Тем не менее дело тянулось. Шурин мой отличался своею медлительностью; нелегок был на подъем и всегда находил тысячи предлогов к проволочке. Пропустив все лето, решился он переехать в Тифлис и привезти ребенка только в конце года, в самую распутицу и непогоду.

* * *

Постоянными корреспондентами моими в Петербурге были: Александр Васильевич Головнин, Александр Петрович Карцов и Иван Павлович Арапетов. Первый из них писал мне довольно часто как из Петербурга, так из-за границы*, преимущественно о государственной деятельности великого князя Константина Николаевича и текущих вопросах, занимавших наше высшее правительство. С своей стороны А.П. Карцов, занимавший в то время должность обер-квартирмейстера Гвардейского корпуса, сообщал мне новости по военному ведомству, а также о ходе работ по второму изданию моей «Справочной книжки для офицеров»**[108]. От И.П. Арапетова получал я по временам петербургские новости, преимущественно из сферы административной.

Служебное положение нашего друга Арапетова пошатнулось со смертью министра уделов графа Льва Алексеевича Перовского***. Занимая должность директора канцелярии Министерства

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «в то время, когда я выехал из Петербурга; в письме из Дрездена от 2 (14) октября он высказал свое удовольствие по поводу полученного мною назначения на Кавказ»[107] (*примеч. публ.*).

** Далее в автографе зачеркнуто: «В то время он отказался от профессорской кафедры в Академии Генерального штаба, передав ее полковнику Лебедеву. Карцов был в числе нескольких лиц, которым предлагалось место вице-директора канцелярий Военного министерства; другому товарищу нашему, капитану Зотову, также предлагалось место начальника первого отделения той же [канцелярии]» (*примеч. публ.*).

*** Далее в автографе зачеркнуто: «случившейся 10 октября» (*примеч. публ.*).

уделов, Арапетов пользовался расположением министра и был доволен своим положением. По смерти графа Перовского министерство это вошло в состав Министерства двора; председателем Департамента уделов назначен Мих[аил] Ник[олаевич] Муравьёв (переименованный при этом в военный чин генерала от инфантерии). Бывшая канцелярия Министерства уделов упразднена, и потому Арапетов остался без места. Министр двора граф Владимир Фёдорович Адлерберг принял участие в его положении и вскоре назначил его членом во вновь учрежденную в Министерстве двора «Строительную комиссию» под председательством тайного советника Прокоповича-Антонского. Назначение это было совсем не по вкусу моему другу. Он мечтал о месте директора департамента в Министерстве государственных имуществ, которым в то время управлял, — как уже упомянуто, — товарищ министра, наш общий хороший приятель, Дмитрий Петрович Хрущов. Но тут новое разочарование: по смерти Шереметьева, на место его назначен тот же Мих[аил] Ник[олаевич] Муравьёв с оставлением и председателем Департамента уделов, и управляющим Межевым корпусом. Надежды Арапетова разлетелись в прах. Сам Хрущов счел невозможным продолжать службу под начальством Муравьёва, который с первых же шагов открыто стал вразрез с направлением, данным министерству основателем его графом П.Д. Киселёвым[109]. Хрущов покинул место, и хотя получил звания сенатора и гофмейстера, однако ж не вынес удара, нанесенного его честолюбию: вскоре с ним приключилось душевное расстройство, которое свело его в могилу (в 1864 году).

На место Хрущова товарищем нового министра государственных имуществ назначен генерал-майор Александр Алексеевич Зелёный, на место которого помощником Муравьёва по Межевому корпусу поступил генерал-майор Иван Мих[айлович] Гедеонов, бывший некогда моим адъюнктом по военной статистике в Военной академии. Другой офицер Генерального штаба (о котором я упоминал, говоря о полезной деятельности графа Ридигера за последние его годы) полковник Лошкарёв занял место директора Константиновского межевого училища. М.Н. Муравьёв, забрав три высокие должности, из которых каждая требовала обширной деятельности, должен был отказаться от вице-председательского места в Географическом обществе. Назначено было общее собрание членов Общества для выбора

нового вице-председателя. В то время в Географическом обществе прежний наш «русский» кружок уже стушевался; большая часть прежних горячих противников «немецкого» авторитета отшатнулась от Общества, и потому в общем собрании взяла верх прежняя немецкая партия[110]. Вице-председателем опять выбран граф Фёд[ор] Петр[ович] Литке.

———————————*

С переселением своим на Кавказ я старался поддержать, по крайней мере, посредством переписки те хорошие отношения, которые установились в последние годы с дядей графом П.Д. Киселёвым. В начале 1857 г. я напомнил ему о себе письмом, в котором коснулся положения дел на Кавказе и моей служебной деятельности. Граф Павел Дмитриевич ответил мне весьма любезным, длинным письмом, начатым в Кисингене 20 июля (1 августа)[111] и доконченным в Вильдбаде четыре дня спустя. Письмо это касалось таких любопытных и разнообразных предметов, от современной политики до мелочей домашней жизни, что стоит привести его целиком:

Кисинген. 1 августа (20 июля) 1857 г.

«С отменным удовольствием прочитал я твое письмо, любезный друг и племянник. В последние дни моего пребывания в Париже столько было дел к довершению, что не мог и думать приступить к составлению ответа. Отправляясь к водам для подкрепления изнуренных сил на новом моем поприще, я предположил воспользоваться вакантным временем, чтобы написать ответ, благодарный за воспоминание о дряхлом старике, который умеет тебя ценить и потому любить и уважать. Но здесь я получил приказание дождаться прибытия Государя императора, который вскоре и прибыл в Кисинген, где лечение должно было

* После авторской черты следует зачеркнутый лист: «Ноябрь 1856 г. был месяц роковой для наших государственных людей. Кроме смерти графа Перовского и удара паралича В.А. Шереметьева, кончил жизнь (6-го числа) фельдмаршал князь Михаил Семёнович Воронцов, а затем скончался товарищ министра внутренних дел Михаил Иванович Лекс. Кончина этого последнего, так же как и графа Перовского, огорчила моего брата Николая, который начал службу под непосредственным руководством, а позже под начальством графа Льва Алексеевича Перовского пользовался самым...» (лист обрывается. — *Примеч. публ.*).

П.Д. Киселёв

занять второе место и продлить курс, который, наконец, с нынешнего дня прекратился. Кроме многих лиц Высочайшего двора и русских дипломатов, я имел удовольствие встретить здесь брата Николая*, с которым я провожу избыток времени и наслаждаюсь его милым гумором**. О толпе равнодушных не упоминаю: она везде и всегда бесцветного свойства и потому без влияния на мой быт. Нынешним днем мы отправляемся в Баден, а потом я поеду в Остенде и полагаю возвратиться к 15 сентября в Париж. Если аккуратное мое лечение и не произведет желанной пользы, то, по крайней мере, даст некоторый отдых в отношении мало мне привычных занятий, которые нередко утомляют меня до последней крайности. В особенности светские посольские обязанности столь обширны и тягостны, что не знаю, долго ли буду в состоянии с ними бороться. Хоро-

* Николай Дмитриевич Киселёв тогдашний посланник в Риме.
** юмором (*Даль. — Примеч. публ.*).

шая сторона моего пребывания в Париже заключается в умеренном климате, коим пользуюсь с избытком и который поддерживает слабые мои силы.

На четвертой странице замечаю, что, писав ответ, говорю только о себе и своих похождениях. Извини этот признак старости. Но теперь я обращаюсь к тебе и твоим деяниям, любезный Дмитрий Алексеевич. Я уже слышал от приезжих из Петербурга и Тифлиса о твоих приемах, которые радуют меня, и тем более, что они подтверждаются твоим, хотя весьма скромным сознанием, но по которому убеждаюсь, что ты умел в короткое время снискать доброе расположение твоего начальника и тех, с которыми жить и трудиться обязан. Здесь я вижу залог успеха в будущем, ибо всегда полагал и полагаю, более чем когда-либо, что ***одному без пособия других творить не можно; мы*** а не ***я*** должно быть руководителем нашим, и доколе это правило на деле не окажется, дотоле все личные труды будут безуспешны. Заохотить подчиненных к достижению желаемой цели — есть необходимое условие для успеха. Но все это ты лучше меня знаешь, а потому — аминь; перейдем к делам современным.

На западе все помышления обращены к востоку. Индия имеет общее сочувствие всех и каждого. Вероятно, оно соразмеряется с негодованием, которое возбуждено нахальством англичан. Все желают успеха индийцам, но желание не есть ручательство в успехе. Вероятно, все это восстание вскоре будет ускромнено*, и Индия останется на многие лета покорною колониею англичан. Не менее того, призрак безусловного владычества исчезнет и заставит их менее считать на свою омнипотенцию**.

Всего страннее, что английские журналы на нас взваливают восстание сипаев и измены князей-царей и прочих, едва ли нам известных лиц[112]. Персидская война есть также наше дело[113], неудовольствие Ионических островов приписывается нашим интригам[114], а мы смиренно живем у себя, помышляем об устройстве железных дорог, об устройстве помещичьих крестьян, о нашей кредитной системе и о подобных домашних предметах, безвредных, кажется, для соседей наших. Но Россия, несмотря на Парижский трактат, остается ***пугалом*** для западных мечтателей, в числе коих везде и всегда являются англичане.

---

* Так в тексте (***примеч. публ.***).

** всемогущество (*лат.*).

В Европе все тихо и смирно. Железные дороги перевозят тысячами больных и здоровых от одних вод к другим. Все живут, и большая часть наслаждается жизнью. Во Франции, как в Германии, народное благосостояние во всем высказывается. Дай Бог, чтоб и у нас то же проявилось. Говорят, что этим пристально у нас занимаются; верю и ожидаю, но доживу ли до явного в том убеждения?

Устал и более продолжать не могу. Прошу поцеловать за меня добрую и милую твою жену и детей. Будешь ли иметь возможность дать желаемое воспитание последним? Трудно ожидать, чтобы учебная часть в Грузии была устроена по надлежащему, но в таком случае должно пожертвовать своими чувствами и отправить сыновей на север, где, по крайней мере, они изучат все то, что будущие товарищи их будут знать, — а это условие важнее прочих.

Напомни обо мне своему начальнику и скажи, что я душевно желаю ему всевозможные успехи и убежден, что с пылкою его любовью к отечеству, Бог ему поможет.

Разбирай мое писание, как сумеешь; худо вижу и рука не тверда, а что не разберешь — в том беды нет; лишь бы из письма моего ты, мой любезный друг, убедился в непреложных чувствах моих, основанных на личном и душевном уважении. Прощай, и когда минута будет свободная, пиши к дяде в Париж».

Приписка:

«J'ai commencé à vous écrire cette letter à Kissingen; je la termine et vous l'expedie de Wildbad, aujoud'hui 5 août.

Madame la Grande Duchesse Héléne me charge de vous dire mille bonnes choses de sa part.

Je vais demain rejoindre mon frére à Baden et puis à Ostende.

Adieu, cher ami, et portez vous bien»*.

На приведенное письмо дяди ответил я 23 сентября теплою благодарностью за все высказанные им любезности и сообщил о предстоящей мне поездке в Петербург по делам службы. «Еду со страхом и трепетом, — писал я; — везу целые кипы проектов и

---

* Я начал это письмо в Киссингене; заканчиваю его и посылаю вам в Вильдбад сегодня, 5 августа.
Великая княгиня Елена [Павловна] поручила мне передать Вам от нее множество добрых пожеланий.
Завтра я встречаюсь с моим братом в Бадене, а затем — в Остенде.
До свидания, мой друг, и желаю вам всего хорошего» (*фр.*).

предположений, между прочим, о преобразовании всех частей военного управления на Кавказе. Работа эта была тем труднее, что надобно улучшать и поправлять, стараясь в то же время не выходить из размера прежних расходов и даже сокращать их. Надеюсь, что составленный проект удостоится утверждения, потому что мы не просим прибавки, а предлагаем в общем итоге убавку. Дела на Кавказе, слава Богу, идут хорошо. Князь А.И. Барятинский был искренне тронут Вашим благосклонным о нем воспоминанием. В разговорах с ним я имел часто случаи видеть глубокое его к Вам уважение. Что касается до моих отношений с ним, то я не могу достаточно нахвалиться: нельзя желать лучшего и более приятного начальника; работа с ним идет легко и успешно. В течение десяти месяцев, что я здесь при нем, дело кипит; могу смело сказать, что сделано в это время более, чем прежде делалось в три года. Жаль только, что из Петербурга часто бывает противодействие. В особенности прискорбно будет, если станут настаивать на уменьшении теперь же числа войск, в тот именно момент, когда закипело дело, когда так быстро начали мы приближаться к цели. Кавказ есть пока поле сражения весьма продолжительного: расчетливо ли поступил бы тот полководец, который в самый разгар боя, когда надобно нанести решительный удар, отослал бы назад свои резервы? и для чего? Чтобы оставить их в бездействии по грязным квартирам! Надобно сперва разбить вконец противника, а затем можно, пожалуй, и распустить армию. Конечно, здесь нельзя достигнуть этого решительного конца сегодня или завтра, но можно надеяться, если только не произойдет какого-нибудь неожиданного оборота, что конец возможен и даже, может быть, близок. Останавливаться теперь — значит пойти назад, и быть может, навсегда отойти от этого желанного конца»[115].

Привожу эту длинную выписку в виде документального приложения (pièce justificative)* к моим воспоминаниям о давнопрошедшем времени. В тех же видах, в подмогу своей старческой памяти, прибегну к тогдашней переписке с петербургскими друзьями, передававшими мне по временам столичные новости.

* доказательной части (*фр.*).

* * *

Еще в начале года писали мне, что в Петербурге учреждено «бесчисленное множество разных комитетов, возбуждено множество разнообразнейших вопросов». В одном из писем замечалось, что, «к сожалению, в этой кипучей деятельности правительства незаметно точно определенного направления»*. В другом же письме, несколько позже, напротив того, высказывались самые светлые упования насчет результатов предпринятых в новое царствование преобразований, но вместе с тем выражалось негодование на «презренные личности, которые пытаются противодействовать благим стремлениям Государя»**.

Самый крупный из поднятых вопросов был, конечно, крестьянский. В начале года он был, так сказать, только в зародыше. Вот что писал мне о нем брат Николай 25 февраля: «В публике господствующий разговор — об устройстве помещичьих крестьян. Я должен сознаться, что в этом отношении общественное мнение, по крайней мере, здесь (т. е. в Петербурге) сделало невероятный шаг. Когда вспомнишь, что было ровно десять лет назад, то невольно изумляешься, каким образом совершился этот неожиданный переворот. По рукам ходят частные проекты, которые большею частью вращаются в одних общих идеях, но ищут разрешения, кажется, искренне и благонамеренно. По всему видно, что этому движению правительство не противится и даже как будто вызывает мнения заинтересованных лиц. *Говорят*, что есть большой комитет для рассмотрения этого вопроса[118], что из него составлена sous-commission*** для разработки; что это будет покрыто глубокою тайной (если только будет что-нибудь). Во всяком случае, вопрос, столь часто восстающий и возбуждаемый, очевидно, указывает на общественную потребность, и всякая нерешительность, шаткость и нетвердость грозит бедами. Это мнение слышишь беспрерывно. Будем надеяться, что оно возьмет верх».

Но вопрос крестьянский, о котором в начале года говорили только шепотом, выступил вслед затем открыто, под официальным флагом[119], так что в сентябре брат Николай уже писал мне:

---

* Письмо А.П. Карцова 11 ноября 1856 года[116].

** Письмо К.Д. Кавелина 12 мая 1857 года[117].

*** подкомиссия (*фр.*).

А.Д. Герстенцвейг

«Дай Бог, чтобы великодушные намерения Государя были поняты и перешли в факт. Мирное и разумное решение этого вопроса слишком важно для всех и каждого»[120]. Брат мой не предвидел тогда, что ему суждено стать впоследствии в число главных работников в этом великом деле.

После крестьянского вопроса важнейшею заботой правительства было восстановление финансового положения, поколебленного последнею несчастною войной. Этой стороны правительственной деятельности мне приходилось уже касаться не раз по поводу настойчивых требований сокращения расходов по Кавказу и впоследствии придется еще много раз говорить об этом.

Князь
В.И. Васильчиков

Что же касается до бесчисленных проектов и вопросов, поднятых в то время во всех министерствах, то перечислить их нет возможности. В этом отношении Военное министерство не отставало от других; оно было завалено разными проектами, но более всего изощряло свою изобретательность на изыскание всевозможных сокращений и упразднений.

В личном составе Военного министерства произошли в последнее время некоторые значительные перемены. С назначением бывшего дежурного генерала генерал-адъютанта Катенина оренбургским генерал-губернатором место его занял генерал-майор Свиты Александр Данилович Герстенцвейг — человек способный, работящий, энергичный и честолюбивый. В короткое время он приобрел большое влияние на старого министра. Дежурный генерал Герстенцвейг, с одной стороны, а директор Канцелярии Брискорн — с другой, ворочали всем министерством. Как я уже говорил, Брискорн не пользовался хорошею ре-

путацией; общее против него возбуждение все усиливалось. С самого начала 1857 г. заговорили в Петербурге о назначении генерал-адъютанта князя Виктора Илларионовича Васильчикова товарищем военного министра. Он только что закончил возложенную на него нелегкую работу — расследование злоупотреблений в полевом интендантстве бывшей Дунайской армии[121]. В конце марта 1857 г. князь Васильчиков прибыл с этим делом в Петербург и сам был так уверен в предполагавшемся назначении его товарищем министра, что предлагал уже некоторым лицам места в министерстве. Он заявил положительно, что не согласится ни единого дня служить с таким директором Канцелярии, каков М.М. Брискорн. Место это князь Васильчиков предлагал А.П. Карцову, который однако ж отклонил предложение. Претендентами на место директора Канцелярии были, кроме вице-директора графа Сумарокова-Эльстона, генерал-адъютант Огарёв, генерал-майоры Свиты Канкрин, Ахматов; кандидатом самого министра (в случае невозможности отстоять Брискорна) был генерал-майор Лихачёв, служивший некогда при Ник[олае] Онуфр[иевиче] Сухозанете в артиллерии. Все эти толки и домогательства разрешились 17 апреля, в день рождения Государя, назначением самого князя Васильчикова директором Канцелярии, а Брискорна — членом Военного совета.

МОЯ ПОЕЗДКА В ПЕТЕРБУРГ ОСЕНЬЮ 1857 ГОДА

Ровно год спустя после переезда с севера на юг, из Петербурга в Тифлис, пришлось мне снова пуститься в путь обратно, с юга на север, с тяжелым грузом разных проектов, представлений, ходатайств от имени наместника и главнокомандующего кавказского. На меня были возложены самые разнообразные поручения не только по военной части, но и по гражданскому управлению края. Главное место в этой массе дел занимал проект нового устройства и штатов всех военных управлений; затем преобразование кавказской артиллерии, полевой и крепостной; преобразование военных госпиталей, с изъятием их из комиссариатского ведомства; новое разделение Кавказских казачьих войск и др. Что касается до устройства морской части,

то полагалось окончательно выработать проект в Петербурге, по ближайшему соглашению с Морским министерством, а потому признал я полезным взять с собой, взамен адъютанта, лейтенанта Обезьянинова, уже знакомого с этим делом. Кроме того, возложено было на меня князем Барятинским хлопотать в Петербурге о благоприятном разрешении целого ряда вопросов, касавшихся разных министерств. Таковы были: по Военному министерству — об отмене ежегодного командирования с Кавказа в Петербург офицеров и нижних чинов в образцовые войска; об улучшении солдатской пищи усилением так называемых «категорических денег»; по Министерствам иностранных дел и Морскому — вопросы о крейсерстве и каботаже вдоль восточного берега Черного моря, о закрытии порта в Анапе и предполагавшихся ученых экспедициях на востоке; по Главному управлению путей сообщения — об устройстве Военно-Грузинской дороги и совместно с министерствами Морским и Военным — о постройке укрепленных портов в Баку, Петровске и Поти. Одним из капитальных вопросов, очень занимавших князя Барятинского, было сооружение Закавказской железной дороги, о которой, как уже было сказано, велись переговоры с Кокоревым. С ним же, в сообществе с Н.А. Новосельским, бароном Н.Е. Торнау и генералом Хрулёвым, велась переписка о пароходстве на Каспийском море, об учреждении Закавказской торговой компании и отдельно с Новосельским — о пароходстве по Риону и Кубани. Еще некоторые поручения были мне даны дополнительно уже в продолжение моего пребывания в Петербурге.

Только в первых числах октября были закончены все работы и приготовления к моему отъезду. Князь Барятинский, прощаясь со мною, вручил мне, для личного представления Государю, письмо, в котором писал: «Le grand ouvrage du projet des réformes pour l'administration militaire de l'armée du Caucase vient enfin d'etre achevé. Je l'expédie aujourd'hui avec le gen. Milutine au Ministre de la guerre, pour qu'il le soumette a V.M. J'ose espèrer qu'Elle en sera contente, puisque ces réformes, en réduisant les dépenses, régularisent en même temps à tel point cette administration, qu'elle formera un rouage consécutif, dont dépend, comme Vous le verrez, tout son ensemble. J'ai la conviction qu'il Vous sera agréable, Sire, de voir combien ce labeur a été consciencieusement exécuté et je ne peux assez répeter combien j'en dois de reconnaissance à l'intelligente

activité de Milutine, que V.M. voudra bien, si Elle agrée ce travail, recompenser d'une gracieuse parole»*[122].

Далее князь Барятинский в своем письме указывал на главные работы, которые мне было поручено представить на Высочайшее утверждение; ходатайствовал о милостивом внимании к двум братьям покойного владетеля Мингрельского, князьям Григорию и Константину Дадиан, которые были соправителями Мингрелии вместе с княгинею Екатериною Александровной и так же, как она, устранены от управления этою страной**. Наконец, князь Барятинский, поручив мне представить Государю список состоящих на Кавказе без должностей генералов с распределением их на три категории, просил Его Величество устроить по возможности их служебное положение или обеспечить их существование соответственно многолетней их службе и преклонным летам.

11 октября выехал я из Тифлиса с лейтенантом Обезьяниновым и камердинером Афанасием Лебедевым. Переезд через горы совершился весьма удобно; погода была прекрасная. Переночевав во Владикавказе у генерала Евдокимова, я имел случай лично переговорить с ним о многих делах, нас обоих в то время занимавших. На другой день выехал рано утром и продолжал путь довольно быстро, но, подъезжая к Ставрополю, в ночную темноту потерпели мы крушение, и хотя сами остались невредимы, однако ж опрокинутая наша коляска сильно пострадала, так что пришлось бросить ее в Ставрополе и приобрести там другой экипаж — простой тарантас, который и служил нам верно во все остальное путешествие.

---

* «Большая работа над проектом реформ военного управления Кавказом только что закончена. Сегодня я посылаю его с генералом Милютиным военному министру, который должен будет его представить на рассмотрение Вашего Величества. Смею надеяться, что Ваше Величество останетесь им довольны, поскольку эти реформы, сокращая расходы, одновременно тем самым упорядочивают управление, которое станет тем зубчатым колесом, от работы которого, как Вы увидите, зависит их согласованность. Я убежден, что Вам, Государь, будет приятно увидеть, насколько добросовестно выполнена работа, и я мог бы бесконечно повторять, насколько я этим обязан деятельному уму Милютина, которого, если этот труд понравится Вашему Величеству, Вы, возможно, пожелаете наградить одобрительным словом» (*фр.*).

** Генерал-майор князь Григорий Дадиан начал службу в Преображенском полку и хорошо служил в последнюю войну; полковник князь Константин числился в Лейб-атаманском казачьем полку и получил разрешение проводить княгиню Екатерину Александровну Дадиан в Петербург.

В Ставрополе не застал я генерала Козловского и пробыл там только несколько часов, сколько было необходимо для приискания упомянутого экипажа. Затем на пути останавливался только в Новочеркасске, чтобы повидаться с войсковым наказным атаманом генерал-адъютантом Хомутовым и переговорить с ним по некоторым поручениям князя Барятинского. Несмотря на всю торопливость нашей езды, добрались мы до Москвы только на девятый день путешествия, т. е. 19 октября. Опоздав к отходу в тот день единственного поезда Николаевской железной дороги, я был вынужден остаться в Москве до следующего дня. Вечер провел у своей тетки Александры Дмитриевны Нееловой; 20 же октября выехал из Москвы и 21 числа прибыл в Петербург — ровно через год по выезде оттуда.

В Петербурге поселился я в гостинице «Демут» на Мойке. Первым из петербургских друзей явился ко мне Ив[ан] Павл[ович] Арапетов: встреча наша была одинаково радостна для нас обоих. В тот же день, утром, посетил я брата Николая и сестру Мордвинову, а позже представился военному министру по возвращении его из ежедневной поездки в Царское Село с докладом. Генерал Сухозанет принял меня любезно и удержал к обеду, к которому были также приглашены несколько лиц: только что приехавший из Иркутска генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-лейтенант Ник[олай] Ник[олаевич] Муравьёв, генерал-квартирмейстер барон Ливен, дежурный генерал Герстенцвейг, виленский генерал-губернатор генерал-адъютант Назимов и еще кое-кто. Само собою разумеется, что разговор как за обедом, так и потом за чашкой кофе вращался преимущественно на вопросах, касавшихся Кавказа и Восточной Сибири. На вопрос военного министра о кавказской смете на будущий 1858 г. мною было заявлено, что предвидится сокращение до миллиона рублей против сметы текущего года; услышав это, генерал Сухозанет низко поклонился и поблагодарил, а затем, когда зашла речь о разных необходимых предприятиях и улучшениях как на Кавказе, так и в Сибири заметил полушуточно, полусерьезно, что все делать можно, лишь бы на свои местные средства, не требуя денег из государственной казны. В том же смысле высказался и генерал Герстенцвейг, с которым удалось мне иметь отдельный разговор. Пользуясь случаем, я ознакомил его с сущностью привезенных мною дел и предположений. С главными из них он выразил полное согласие и заверил меня,

*Император
Александр II*

что в Военном министерстве я не встречу затруднений, если только представления эти не вызывают лишних расходов. Таким образом, первое мое свидание с министром и с одним из главных столпов министерства показалось мне благоприятным для успеха возложенной на меня миссии. Также приятна мне была встреча и с бароном Ливеном и с Вл[адимиром] Ив[ановичем] Назимовым, а в особенности с Ник[олаем] Ник[олаевичем] Муравьёвым, с личностью которого связаны были воспоминания прежней моей службы на Кавказе. Военный министр при прощании объявил мне, что я должен завтра же представиться Государю в Царском Селе.

Закончив первый свой день в Петербурге у Карцовых, я на другой день (22 октября) отправился с первым поездом желез-

ной дороги в Царское Село. Когда вошел я в приемную Государя, мне сказали, что Его Величество уже спрашивал меня, и вслед за тем я был принят в кабинете. Подробности этого первого приема были изложены мною в тот же день в письме к князю Барятинскому, которому давал я постоянно, в течение всего моего пребывания в Петербурге, обстоятельный отчет обо всем ходе исполнения возложенных на меня поручений. Выписки из этой серии писем значительно помогут мне и в дальнейшем рассказе[123]. Вот что писал я в первом своем письме от 22 октября:

«Не умею выразить, как был я тронут милостивым приемом Государя. После первых приветствий и вопросов о здоровье Вашего Сиятельства, Его Величество изволил посадить меня, приказал раскрыть карту и рассказывать сущность всех Ваших предположений. Пока я раскладывал карту, Государь изволил прочитать Ваше письмо, большею частию вслух, требуя от меня пояснений по некоторым пунктам, и затем внимательно выслушал все, что предполагается делать в будущем году на Кавказе. По мере того, как я переходил от одного театра действий к другому, Государь изволил одобрять все предположения и присовокуплял свои собственные соображения. Между прочим было упомянуто о болезненности в Адагунском отряде, но я успокоил Его Величество некоторыми объяснениями. Говоря о Правом крыле, Государь изволил выразить удовольствие, что Ваше Сиятельство лично ознакомились с этим краем в последнее Ваше путешествие; при этом случае я развил Ваши мысли о заселении земель казаками, о пользе перемещения сюда в большой массе донских казаков (о чем предварительно я имел разговор в Новочеркасске с генерал-адъютантом Хомутовым). Государь одобрил мысль и предоставил мне войти в ближайшие объяснения с военным министром. Тут же разговор перешел на Ваши предположения о преобразовании Линейного казачьего войска. Государь несколько раз подтверждал, что все совершенно согласно с его собственными мыслями до самых последних подробностей, в том числе и касательно мундиров обоих казачьих войск. Особенно Государь изволил одобрить предположение, чтобы со временем атаманы были вместе с тем и командующими войсками. Предположенная перемена в распределении линейных батальонов по бригадам так же удостоилась Высочайшего одобрения. Государь выслушал со вниманием предположения относительно устройст-

Императрица Мария Александровна

ва пароходства по Риону и города Поти. При этом я успел высказать все, что Ваше Сиятельство поручили мне по делам Мингрелии и Сванетии. Относительно самой княгини Дадиан Высочайшие намерения совершенно согласуются с Вашими видами. Государь согласился оказать знак милости обоим князьям Дадиан, но тогда, когда княгиня прибудет в Петербург.

Относительно всех других предметов, о которых Ваше Сиятельство поручили мне доложить Государю, Его Величество изволил на все изъявить согласие и одобрение. Нарезное оружие предположено вводить постепенно во всей пехоте; но кажется, есть мысль заменить во всех войсках на западной границе калибр 7-линейный меньшим — 6-линейным; теперешние же нарезные ружья назначить исключительно кавказским войскам. О Владикавказе Государь изволил выразиться, что давно следовало бы обратить его в город и что Его Величество даже считал его

городом. Предполагаемую перестройку Военно-Грузинской дороги Государь изволил признать делом необходимым, на которое стоит положить деньги, но приказал обстоятельнее сообразить с генерал-адъютантом Чевкиным, чтобы не вышло ошибки в расчетах. Тут я имел случай упомянуть о значительных остатках интендантских сумм; Государь изволил отозваться, что не видит препятствия употреблять эти остатки заимообразно на полезные предприятия в крае, если только расчеты совершенно и несомненно верны, но поручил столь важное дело подробно обсудить с военным министром. При этом я удостоверил Его Величество в постоянных усилиях Ваших охранять выгоды казны и развил Ваш взгляд на настоящий способ бережливости в государственном хозяйстве. Казалось, Его Величество изволит вполне сознавать, что только успешные результаты настоящих наших усилий на Кавказе могут со временем повести к большим сокращениям и в числе войск, и в денежных средствах.

Тут представился случай упомянуть о некоторых неизбежных прибавках в расходах и в том числе об увеличении порционного довольствия войск в сравнении с новыми установленными в России «категориями». Его Величество изволил выразить искреннее желание сделать все возможное для улучшения благосостояния войск, столь блистательно заслуживающих право на попечительное внимание к их нуждам со стороны высшего начальства. Само собою разумеется, что окончательное решение вопроса должно быть предоставлено ближайшему обсуждению министерства.

После всех перечисленных предметов Государь император изволил сам спросить, нет ли еще каких-либо дел по гражданской части. Я поспешил высказать Ваши мысли о компании Каспийского пароходства, о компании Азиатской торговли, о предположениях насчет железной дороги и орошения безводных степей, о колонизации на помещичьих землях и установлении отношений между помещиками и поселенными на их землях крестьянами[124], о раскольниках[125], о распространении христианства посредством особой общины[126], о Лицее[127] и проч. Все это было выслушано со вниманием и частыми выражениями одобрения. Однако ж относительно компании Новосельского и Кокорева Государь изволил намекнуть о своих опасениях, чтобы эти господа не запутались в своих расчетах и не слишком затянулись в дела, несоразмерные с их силами. О раскольниках не было выражено окончательного и положительного мнения, но

мысль ваша о применении колонизации к постепенной эмансипации помещичьих крестьян в Грузии весьма понравилась Его Величеству. По всем предметам Государь будет ожидать Ваших представлений.

Таким образом, в продолжение трех часов я успел основательно и с полным успехом доложить Государю императору о всех без исключения предметах, входивших в данную мне Вашим Сиятельством инструкцию. Смею сказать, что милостивое внимание Его Величества и несомненное сочувствие ко всем Вашим предположениям превзошли мое ожидание. Отпуская меня, Государь изволил еще выразить свое удовольствие всем, мною доложенным.

В продолжение моего доклада в кабинет Его Величества изволила войти Государыня императрица и также милостиво осведомлялась о Вашем здоровье. Однако ж по выходе от Государя я счел долгом особо представиться Ее Величеству. Несмотря на свое утомление (после посещения какой-то школы), императрица удостоила принять меня и беседовать с полчаса до прихода самого Государя. Тут представился случай развить подробно Ваши мысли об учреждении общины для распространения христианства на Кавказе. Государыня приняла живейшее участие в этом деле, выразила полную готовность принять общину под высокое свое покровительство и будет ожидать письменного изложения Ваших соображений.

Затем я имел честь быть приглашенным к обеденному столу Их Величеств. За обедом и после обеда несколько раз разговор переходил на Кавказ. Я оставил Царское Село в 7 час. вечера, полный сердечного благоговения к Августейшей чете, которая милостивым ко мне вниманием хотела, без сомнения, выразить свое высокое благорасположение к Вашему Сиятельству».

Впоследствии я узнал, что Государь в письме к князю Барятинскому (от 2 ноября) по поводу моего доклада выразил свое удовольствие в самых лестных для меня строках:

«Merci, cher ami, pour votre interessante lettre par le gén. Milutine, ainsi que celle du 24 octobre reçue ce matin, pendant mon travail avec lui, en présence du ministre de la guerre, par lequel vous aurez tous les détails de ce qui aura été décidé ici à la suite de vos nombreuses présentations...

J'éspère que Milutine ne tardera pas à vous rapporter lui-même toutes les décisions nécéssaires. J'ai été entièrement content de la

manière lucide dont il a su developper toutes vos différentes idées sur les améliorations et réformes pour l'organisation militaire, et de la manière claire et précise avec laquelle il m'a répondu à toutes mes questions. J'éspère qu'il vous sera aussi à l'avenir un aide véritable pour la partie militaire»*[128].

По возвращении из Царского Села в Петербург я провел остальной вечер у брата Николая. В течение целого года отсутствия моего набралось у нас обоих немало предметов для передачи друг другу. Много наслышался я рассказов о переменах в петербургском официальном мире, о возникновении вопросов, совершенно для меня новых. Так много узнал я нового, что казалось, будто прошло уже несколько лет с тех пор, как я покинул Петербург. Брат как один из деятельнейших работников в Министерстве внутренних дел принимал живое участие в важнейших делах государственных и находился, так сказать, в самом центре того брожения, той борьбы и тех интриг, среди которых зарождалась тогда целая серия предстоявших великих реформ. Разговор наш с братом был прерван посещением А.В. Головнина, с которым я также рад был встретиться.

С 23 числа начались официальные мои представления, визиты и деловые свидания. Каждый день с 9 часов утра и до поздней ночи проводил я в разъездах по городу, в беспрерывных разговорах, совещаниях, спорах. Немало времени отнимали у меня представления членам Императорской фамилии; многие из них проживали еще в загородных своих дворцах и принимали не иначе, как по предварительному испрошению назначения дня и часа. 23 числа представился я великому князю Константину Николаевичу, великой княгине Екатерине Михайловне** и князю Алексею Фёдоровичу Орлову (председателю Государственного

---

* «Спасибо, дорогой друг, за Ваше интересное письмо, присланное с генералом Милютиным, а также за письмо от 24 октября, полученное этим утром во время моей работы с ним (Милютиным) в присутствии военного министра, от которого Вы узнаете обо всех деталях решения, которое будет принято здесь после Ваших многочисленных представлений...

Надеюсь, что Милютин не замедлит самолично доложить Вам все необходимые распоряжения. Я был вполне доволен тем, как здраво были развиты Ваши разнообразные идеи по поводу улучшений и реформ военной администрации, а также тем, как ясно и четко мне давались ответы на все вопросы. Надеюсь, что в дальнейшем у Вас будет настоящий помощник по военной части» (*фр.*).

** Великая княгиня Елена Павловна находилась еще за границей. Также и великий князь Николай Николаевич был в отсутствии.

совета, Комитета министров и других высших комитетов) и имел в два приема весьма продолжительный доклад у военного министра, который опять удержал меня у себя к обеду. Продолжительные разговоры, которые пришлось мне вести в этот день с названными лицами, были подробно изложены в моем письме к князю Барятинскому от того же числа:

«Великий князь был со мною милостив, как и в прежнее время, весьма благосклонно спрашивал о Вашем Сиятельстве и потом завел речь о последней своей переписке с Вами: "Сердит ли еще на меня князь Александр Иванович?" Я ответил, что не сердился и прежде, а был глубоко огорчен. Великий князь начал объяснять, что цель письма состояла только в том, чтобы дружески предупредить Вас о дошедших до Его Высочества враждебных Вам толках и тем исполнить данное при Вашем отъезде обещание. Затем был довольно продолжительный разговор о том, как разуметь настоящее сбережение казенного интереса, о Ваших видах на будущее сокращение сил на Кавказе, о различии в этом отношении положения Кавказского управления и Морского ведомства; а наконец я навел речь на намеки великого князя относительно частной Вашей жизни. Одним словом, здесь развито было на словах все то же, что Вы сами отвечали письменно великому князю. В результате я убедился, что Его Высочество не изменился в своем расположении к Вам и что письмо его было написано без неприязненного намерения. Притом я узнал от А.В. Головнина, что было уже заготовлено новое письмо, в ответ на Ваш ответ, что оно несколько раз переделывалось и наконец оставлено под сукном. Я мог заметить из разговоров, что великий князь был уже предупрежден А.В. Головниным о предмете предстоявшего разговора, так как я имел случай уже накануне видеться с Головниным и долго с ним беседовал. Это обстоятельство весьма облегчило мне дело. Его Высочество изволил сам завести речь об устройстве нашей морской части, о том, что «морское Дежурство» должно составлять часть штаба и что сам «старший офицер» морской должен быть подчинен начальнику Главного штаба, что капитан Стеценко, к сожалению, не так понял свое назначение и что можно переместить его с Кавказа, если Ваше Сиятельство находите это полезным. Я ответил, что действительно, для пользы службы и для блага самого капитана Стеценко, следует дать ему другое назначение, но что Ваше Сиятельство не желали бы отнюдь обидеть

такого офицера, а напротив того, просили бы сделать что-нибудь в его пользу. Великий князь обещал подумать об этом и сделать распоряжение. Его Высочество также объявил мне, что совершенно согласен не назначать морских офицеров комендантами в приморские города и крепости, если Ваше Сиятельство будете находить это неудобным. Кажется, и сам великий князь несколько изменил свой взгляд на моряков черноморских после нескольких бывших уже неудач в назначениях и жалоб на них со стороны графа Строганова*. Затем речь зашла о самой флотилии. Его Высочество решительно отвергает предположение о передаче кавказских судов на содержание Компании[129], находя это неприличным, но согласен на прежнее Ваше предположение о передаче их в Черноморский флот; Компании же полагал предоставить только транспортировку грузов. Великий князь обещал, что в Морском министерстве будет оказано лейтенанту Обезьянинову все нужное содействие для составления нового проекта на указанном Его Высочеством главном основании. Касательно же Каспийской флотилии и перенесения ее станции в Баку, великий князь сказал, что и сам был всегда того же мнения, но что теперь обстоятельства заставляют сколь можно уменьшить размер предполагавшихся в Баку сооружений, а также ограничить самый состав флотилии, стараясь взамен того более поощрять купеческое и компанейское пароходство. Вообще, по всем предметам, о которых было мне поручено доложить великому князю, я нашел со стороны Его Высочества самую благосклонную готовность содействовать видам Вашего Сиятельства. Великий князь обещал прислать за мною для вторичного совещания.

С князем Ал[ексеем] Фёд[оровичем] Орловым также говорено было обо всех делах, касающихся Кавказского комитета. Его Сиятельство говорил о Вас с видимым участием и расположением. Я воспользовался случаем, чтобы передать Вашу признательность за ту поддержку, которую находят в князе Орлове Ваши представления в Кавказский комитет. Он сам заговорил о делах мингрельских и судил о будущем положении княжеского дома совершенно сходно с Вашими видами.

Напротив того, я встретил горячую защиту прав бывшей правительницы в великой княгине Екатерине Михайловне. Ее Вы-

---

* Новороссийского генерал-губернатора.

сочество в полусерьезном, полушуточном тоне, изъявила сожаление о судьбе «d'une reine aussi intéressante et qui figurait si bien dans la céremonie du couronnement»*. Впрочем, этому разговору не следует придавать особенное значение.

С военным министром я виделся два раза в течение дня: утром с 10 $^1/_2$ до 1 $^1/_2$ часов и потом с 3 $^1/_2$ до 8 часов вечера (т. е. включая и обед). В продолжение этих двух длинных бесед я успел объяснить ему все то, что вчера докладывал Государю императору и даже с большими подробностями. Кажется, на все соглашается и все одобряет; очень внимательно пересматривал список генералов, распределенных Вами на три разряда, делал на нем свои отметки, согласно моим объяснениям, и спросил: может ли он, когда представится случай, немедленно распорядиться судьбою поименованных лиц? Я отвечал, что без особенной крайности все-таки лучше сперва спросить Ваше мнение. Точно так же и по некоторым другим делам, по которым министр спрашивал моего мнения, я советовал лучше запросить ближайшее местное начальство. В числе обещаний, данных мне генералом Сухозанетом, было и то, что в скором времени будут присланы на Кавказ еще 10 тыс. нарезных ружей для вооружения ими целых батальонов в полках по Вашему назначению; впоследствии же будут постепенно присылаться такие же ружья и на прочие части кавказских войск. Трудно было бы перечислить здесь весь ход продолжительных моих разговоров с военным министром; скажу только, что вообще я нашел в нем много доброй воли, ясное понимание дела и отсутствие всякого враждебного расположения к нашему краю; напротив того, он готов все сделать по Вашему желанию, лишь бы не требовать новых расходов. Даже увеличение порционного довольствия он не считает невозможным. Мне обещают, что порученные мне дела будут здесь ведены без малейшего замедления.

Из представленного длинного отчета Ваше Сиятельство изволите заметить, что до сих пор я весьма доволен ходом дел и понимаю вполне, что все знаки внимания, мне оказываемые, относятся не ко мне лично, а к Вашему лицу. Могу только желать, чтобы благоприятное это начало увенчалось столь же удачными результатами»[130].

---

* «столь интересной и столь значительное место занимавшей в церемонии коронации владычицы» (*фр*.).

Утомленный до крайности продолжавшимися почти целый день деловыми объяснениями, я отдохнул вечером в дружеском кружке у сестры Мордвиновой.

Не менее утомителен был и следующий день: 24 числа я продолжал свои официальные визиты и виделся со множеством лиц из числа тех, которым предстояло принять участие в рассмотрении и обсуждении привезенных мною проектов и представлений. Назову из них главноуправляющего путей сообщения генерал-адъютанта Чевкина, директора канцелярии Военного министерства князя В.И. Васильчикова, директора Артиллерийского департамента генерал-адъютанта Лутковского, начальника штаба генерал-фельдцейхмейстера генерала Баранцова, генерал-квартирмейстера генерал-адъютанта барона Ливена, начальника Управления иррегулярных войск генерала Веригина, управляющего Морским министерством вице-адмирала Метлина, А.В. Головнина. Самые продолжительные объяснения были с Конст[антином] Вл[адимировичем] Чевкиным в два приема, утром и вечером. Сначала он доказывал мне крайнюю необходимость сокращения расходов, а потом давал такие советы, которых приведение в исполнение потребовало бы новых расходов. Впрочем он убедился в необходимости некоторых мер по части путей сообщения на Кавказе и обещал выхлопотать до 300 тыс. рублей на дорожные работы; со вниманием рассматривал проекты Военно-Грузинской дороги и одобрил главную мысль нового устройства управления путями сообщения в том крае[131]. Вообще я встретил со стороны генерала Чевкина более сочувствия, чем противодействия, которого я прежде ожидал.

После целого дня деловых визитов и объяснений возвратился я домой к полуночи крайне утомленный, а на другой день, 25 числа с утра, должен был опять ехать в Царское Село для представления вдовствующей императрице и Наследнику Цесаревичу. Приглашенный к обеду у Ее Величества, я имел случай опять видеть за обедом Государя и молодую императрицу. Его Величество милостиво объявил мне, что им уже даны окончательно разрешения по некоторым из привезенных мною представлений, в том числе об усилении порционного довольствия кавказских войск (что должно было составить до 500 тыс. рублей прибавки к прежним «категорическим» деньгам). Также Высочайше одобрено перенесение во Владикавказ штаба Левого крыла, 20-го стрелкового и линейного 8-го батальонов, взамен

расположенного там прежде Навагинского пехотного полка, перемещенного на Сунжу.

В промежутке времени между представлением вдовствующей императрице и обедом, воспользовался я присутствием в Царском Селе военного министра и директора канцелярии князя Васильчикова, чтобы переговорить еще с ними обоими о кавказских делах. На этот раз генерал Сухозанет выразил полное согласие на предположенные преобразования в кавказской артиллерии, полевой и гарнизонной (крепостной), но впоследствии почему-то мнение его по этому вопросу круто повернулось[132].

Весь следующий день, 26 числа, опять я провел в деловых визитах и объяснениях: у великого князя Михаила Николаевича, приехавшего в этот день в Петербург из своего Стреленского дворца, у начальника штаба Гвардейского корпуса генерал-адъютанта графа Баранова, у шефа жандармов князя Вас[илия] Андр[еевича] Долгорукова, у управляющего делами Комитетов Кавказского и Сибирского статс-секретаря Буткова, у генерала Хрулёва и других. Великий князь Михаил Николаевич, выслушав весьма благосклонно мои объяснения о главных основаниях предположенных на Кавказе преобразований по артиллерийской части, обещал оказать со своей стороны содействие успешному и скорому утверждению проекта. Граф Баранов, особенно заботившийся в то время об усовершенствованиях по ружейной части, также изъявил готовность помогать кавказским войскам в этом важном деле. От него же услышал я впервые возникшую было мысль о присылке на Кавказ армейских стрелковых батальонов поочередно для боевой практики. С В.П. Бутковым познакомился я только в это время и нашел в нем самого усердного и преданного (по крайней мере на словах) радетеля об интересах Кавказа. Он высказывался в пользу всех предположений и стремлений князя Барятинского. Прежний мой начальник князь Вас[илий] Андр[еевич] Долгоруков принял меня очень любезно, но беседа его была, как всегда, сдержанная, бесцветная. Коснулись мы некоторых дел по Кавказскому жандармскому округу; преимущественно же завел я речь о распространенных в Петербурге нелепых слухах на счет самого князя Барятинского и его образа жизни. Он заверял, что и сам признает эти толки за клевету, не заслуживающую внимания.

Проводя таким образом целые дни в разъездах и деловых объяснениях, я мог только иногда, преимущественно за обедом,

видеться с близкими своими родными и друзьями. Так, 24 числа съехался я с братом Николаем, его женой и И.П. Арапетовым у сестры Мордвиновой, а 26-го — у брата Николая с Мордвиновыми и Арапетовым.

27 октября, воскресение, опять провел я весь день в Царском Селе: утром — на обычном по воскресениям «выходе», а вечером — на бале во дворце. День этот прошел не совсем бесплодно: и утренний «выход» и бал доставили мне случай встретиться со многими лицами, с которыми полезно было объясниться о наших делах. Каждого, кто только мог иметь какое-либо влияние на успешное их решение, старался я вразумить и расположить в пользу того или другого из множества привезенных мною проектов. На бале Государь несколько раз подходил ко мне и благосклонно беседовал. Между прочим, сказал он мне, что ответ свой на письмо князя Барятинского намеревается послать не с фельдъегерем, как прежде предполагал, а со мною. Очевидно, Государь полагал, что я уже покончил со всеми возложенными на меня поручениями, но, к сожалению, Его Величество в этом ошибался: всякие дела, особенно же по новым предположениям, требующим рассмотрения во многих инстанциях, проходят медленно по всем этим ступеням; ход их обставлен всяческими формальностями канцелярскими. Первоначально, после первых моих докладов и объяснений, казалось, что все привезенное мною не встретило никаких возражений, все одобрялось и утверждалось, а теперь оказываются тут и там какие-то помехи. Между прочим, узнаю, что по проекту новых штатов военных управлений главная оппозиция возникла в канцелярии Военного министерства и притом — оппозиция самая неожиданная: нашли, что предлагаемые изменения не довольно радикальны!!! Вот что писал я по этому предмету князю Барятинскому в письме от 28 октября:

«Здесь вообще нашел я поразительное явление: стремление к преобразованиям, к изобретению чего-то нового обуяло всех и каждого; хотят, чтобы все прежнее ломали теперь же, прежде чем обдумано новое. Не стану теперь объяснять, в чем именно желают здесь изменить существующий в управлении порядок, ибо ожидаю от военного министра назначения особой аудиенции для того, чтобы узнать положительнее, чего хотят и какой ход дадут нашему делу. Во всяком случае, вижу, что дело затянется»[133].

С бала возвратился я в Петербург в 4 часа утра с экстренным придворным поездом. Наступивший день 28 октября почти весь

опять провел в деловых объяснениях, но успел посетить нескольких старых знакомых, в том числе семью генерала Шуберта, обедал у Карцовых, вместе с почтенным К.Д. Кавелиным и некоторыми из прежних товарищей по службе.

Встреченная задержка в ходе дела о новых штатах сильно озабочивала меня, а потому 29 числа попытался я снова разъяснить дело военному министру, князю Васильчикову и Герстенцвейгу. От всех троих получил отзывы совершенно различные: первый успокаивал меня, считая дело решенным; второй говорил, что «вероятно» не будет надобности делать какие-либо изменения в проект (а между тем я застал князя Васильчикова за сочинением какой-то записки по этому делу); наконец, Герстенцвейг, недовольный тем, что его устранили от этого дела, предсказывал мне долгую проволочку и разные препятствия. Из этих трех заявлений последнее, к сожалению, казалось мне наиболее правдоподобным.

Между тем и по другим возложенным на меня поручениям дела подвигались туго. По вопросу о крейсерстве на Черном море и закрытии каботажа вдоль восточного берега не удавалось мне объясниться лично с министром иностранных дел, которого два раза не заставал дома. Мне было известно, что при обсуждении этих вопросов в совещании у великого князя Константина Николаевича, князь Горчаков восставал против предположения князя Барятинского, находя, что столь скорое изменение только что опубликованного указа (о судоходстве в Черном море)[134] покажет шаткость и необдуманность наших правительственных действий. Проектированная совместно министерствами Иностранных дел и Морским инструкция нашим крейсерам передавалась мне на рассмотрение; я нашел, что она написана как бы в видах облегчения контрабанды и крайнего стеснения нашего крейсерства. Об этом я заявил прямо великому князю генерал-адмиралу, который признал мое мнение справедливым, но находил невозможным сделать иначе по настоятельному требованию министра иностранных дел. Товарищ этого министра тайный советник Мальцов* также сказал мне, что изменить в чем-либо составленную инструкцию невозможно. По этому предмету я писал (29 октября) князю Барятинскому: «Таким образом, крейсерство у нас будет только номинальное, а существенная мера охранения берега будет заключаться в наших судах (т. е. Кавказ-

* Вскоре он был замещен Иваном Матв[еевичем] Толстым.

ской флотилии), которые необходимо будет употреблять по примеру действий генерала Филипсона в нынешнем году*. Составляя ныне проект устройства нашей флотилии, мы стараемся обеспечить наших береговых начальников в этом отношении, дав им средства к исполнению того, чего крейсерство не в состоянии выполнить. Весною будущего года, когда будет приступлено к упразднению Анапы, само собою окажется неизбежным сделать новую публикацию для изменения сделанных теперь распоряжений относительно ограничения свободного плавания торговых судов; тогда должен снова подняться и вопрос о каботажном плавании вдоль восточного берега, так что я смотрю на все теперешние меры по этому предмету только как на временные, до будущей весны. В таком смысле говорил я военному министру и буду говорить князю Горчакову»[136].

30 октября я был приглашен великим князем генерал-адмиралом на совещание о будущем устройстве морской части на Кавказе с участием вице-адмирала Метлина и контр-адмирала Краббе. Присутствовал также и лейтенант Обезьянинов как редактор составляемого проекта. Согласно нашему предложению, решено было принять в основание, чтобы кавказские суда в хозяйственном отношении считались в составе Черноморского флота и чтобы содержание их было отнесено на смету Морского министерства. Была также речь о Бакинской станции и отношениях главнокомандующего к Каспийской флотилии. Я воспользовался случаем, чтобы переговорить с великим князем о капитане Стеценко, который снова жаловался в письме ко мне на свое служебное положение. Его Высочество повторил обещание свое приискать для Стеценко новое назначение, о чем я и известил его.

В тот же день представился я великой княгине Марии Николаевне, с которою в первый раз имел я случай беседовать. Ее Высочество продержала меня довольно долго, расспрашивая о делах кавказских. С некоторым удивлением услышала она, что молодой наместник вовсе не замышляет громких и кровопролитных экспедиций, а довольствуется рубкою лесов, проложением дорог, постройкой укреплений и проч. Очевидно, она имела до того совсем иное представление об образе действий на Кавказе.

Военный министр снова поднял вопрос о злоупотреблениях, открытых адъютантом его капитаном Толстым (Мих[аилом]

---

* Здесь разумеется десант, произведенный 2 сентября на берег у Туапсе[135].

Великая княгиня Мария Николаевна

Ник[олаевичем]) в Астраханском провиантском комитете. При одном из свиданий со мною генерал Сухозанет сказал, что он из представленного Толстым донесения не только убедился вполне в незаконных действиях военного губернатора вице-адмирала Васильева, но имеет повод подозревать и участие кавказского интенданта в злоупотреблениях. Через несколько дней после этого (31 числа) военный министр прислал ко мне самого капитана Толстого, который прочел мне свое донесение по означенному делу и на словах прибавил, что касательно генерала Колосовского не счел себя вправе упомянуть в формальном донесении, но что лично убежден в прикосновенности его к открытым злоупотреблениям, на основании показаний жандармского штаб-офицера полковника Северюкова. Обо всем этом сообщил я князю Барятинскому, и зная, как прискорбно будет ему даже

одно подозрение, взводимое на генерала Колосовского, я советовал вызвать полковника Северюкова в Тифлис. Впоследствии узнал я, что так и было сделано, и что Северюков отрекся от слов, приписанных ему Толстым, тогда как этот последний настоятельно подтверждал показание жандармского штаб-офицера*. Так дело и осталось невыясненным. Вице-адмирал Васильев был сменен, но с назначением в число генералов, состоящих при главнокомандующем на Кавказе; управление Астраханскою губернией временно возложено на вице-губернатора статского советника Струве (Бернгарда Васильевича, одного из сыновей знаменитого астронома), а потом последовало назначение губернатором контр-адмирала Машина.

Сверх приводимых мною ежедневных деловых свиданий и объяснений с разными должностными лицами, приходилось мне видеться и с некоторыми частными лицами, к которым имел я поручения от наместника, как-то: по предположениям его о железной дороге, о пароходстве и торговом обществе — с Кокоревым, Новосельским, бароном Торнау, генералом Хрулёвым и другими. В промежутки деловых свиданий делал я визиты знакомым**, так что целые дни проводил в беспрерывных разъездах. Отдыхал я только в те часы дня (преимущественно обеденные), которые удавалось мне проводить в родственном и дружеском кругу у брата Николая, сестры Мордвиновой, у Карцовых, иногда у А.В. Головнина, И.П. Арапетова, К.Д. Кавелина.

1 ноября я был приглашен военным министром для объяснений относительно представленных главнокомандующим предположений о военных действиях на Кавказе в следующем 1858 году. В присутствии князя Васильчикова генерал Сухозанет высказал некоторые свои замечания на представленный проект, указывая с упреком, что все предположение так составлено, как будто 13-я и 18-я пехотные дивизии остаются на Кавказе на неопределенное время; в заключение объявил, что завтра будет об этом докладывать Государю и что Его Величеству угодно, чтобы

---

* Письма князя Барятинского к генералу Сухозанету от 31 декабря 1857 г. и от генерала Сухозанета к князю Барятинскому от 14 января 1858 года. В последнем говорится, что действительно к обвинению генерала Колосовского нет фактов, но что распоряжения его 1855—1856 гг. «навлекают сомнение»[137].

** В числе этих лиц счел я обязанностью посетить прежних своих начальников: генерала Граббе, генерала Ростовцева, старого учителя барона Медема, обоих Муравьёвых (Михаила и Николая Николаевичей).

я присутствовал при этом докладе. Вследствие такого приказания вечером того же дня отправился я в Царское Село; переночевал там в отведенном мне помещении во дворце, и на другой день (2 ноября) явился я вместе с военным министром в кабинет Государя. Его Величество приказал мне читать вслух представленное главнокомандующим предположение. Генерал Сухозанет по временам прерывал чтение своими замечаниями, на которые я давал объяснения. По всем спорным пунктам Государь одобрял предположения и в заключение объявил, что видит теперь все выгоды оставления на Кавказе означенных двух дивизий. На вопрос военного министра, на сколько же времени угодно Государю оставить еще эти дивизии, Его Величество назначил срок — до осени 1859 г., с тем, однако, чтобы не требовалось уже укомплектования этих дивизий и чтобы по мере убыли в них людей переформировывать полки в 3-й и 2-й батальонный состав. Низко поклонившись Государю, я доложил, что главнокомандующий будет обрадован этим милостивым решением вопроса, живо его заботившего. Затем, в моем же присутствии, военный министр докладывал Государю о предполагаемых в Тифлисе артиллерийских постройках (вне города, за р. Верой). Государь выслушал весьма благосклонно все мои объяснения, как по этому предмету, так и по другим вопросам, затронутым в продолжение доклада военного министра. Между прочим, была речь и о переселении в значительном размере донских казаков на Кавказ, а кавказских горцев — на Дон. Хотя я лично не сочувствовал этому предположению, находя его даже весьма рискованным, однако ж не считал себя вправе в чем-либо отступить от солидарности с начальником своим. Притом предполагавшаяся князем Барятинским крутая мера имелась в виду только на будущее время и никакого непосредственного решения пока не требовала. Вообще по всем затронутым вопросам высказано было Государем такое благосклонное сочувствие, что мне оставалось только радоваться результату этого утра; в особенности же был я доволен тем, что Его Величество в заключение сказал военному министру, что следует как можно поторопиться утверждением всех представлений князя Барятинского, дабы не задерживать меня лишнее время в Петербурге.

Когда военный министр и я собирались уже выйти из Государева кабинета, доложили о приезде фельдъегеря с Кавказа. Его Величество удержал нас у себя и в нашем присутствии про-

чел вслух привезенное фельдъегерем письмо князя Барятинского от 24 октября[138]. Оно заключало в себе известия о последних военных действиях князя Г.Д. Орбельяни в Салатавии и генерала Евдокимова в Чечне, а также о прискорбном обороте дел сванетских, развязкою которых была трагическая смерть кутаисского генерал-губернатора князя Гагарина, убитого 20 октября старшим князем Сванетским Константином Дадешкильяни. На сколько доставили удовольствия Государю известия о ходе военных действий, на столько же опечалило происшествие в Кутаисе. Со смертью князя Гагарина представилась необходимость неотлагательно заместить должность кутаисского генерал-губернатора. Князь Барятинский в своем письме просил Государя назначить на это место генерал-адъютанта барона Александра Евстафьевича Врангеля, занимавшего должность начальника 2-й гвардейской пехотной дивизии. По поводу этого выбора Государь заметил, что хотя и жаль лишить гвардию такого отличного генерала, однако ж нельзя и отказать в испрашиваемом назначении, если только сам барон Врангель изъявит на это согласие. Поручив мне переговорить с ним, Его Величество отпустил нас.

Прибывший фельдъегерь привез и мне письмо от князя Барятинского от 24 октября[139] и кипу других писем и бумаг. Из них узнал я о том, что делалось в Тифлисе после моего выезда оттуда, и какие получены там известия из разных отделов Кавказского края.

Поэтому я должен здесь прервать последовательность рассказа о своем пребывании в Петербурге, чтобы изложить полученные с Кавказа известия, а кстати, очертить вообще ход военных действий в течение всей осени.

ПРОИСШЕСТВИЯ НА КАВКАЗЕ ОСЕНЬЮ 1857 ГОДА*

В обзоре летних военных действий 1857 г., говоря о занятии Салатавии Дагестанским отрядом, я уже упомянул об удачном нападении, произведенном 5 октября на скопище неприятельское в укрепленном Новом Буртунае. Князь Барятинский в письме к Государю от 24 октября отозвался с большою похва-

---

* В автографе зачеркнут первоначальный вариант заголовка: «Происшествия на Кавказе во время моего пребывания в Петербурге (осень 1857 года)» (*примеч. публ.*).

лою об энергичном действии князя Орбельяни, и вследствие того почтенный князь Григорий Дмитриевич удостоился высшего знака Высочайшего внимания — звания генерал-адъютанта. Работы в Буртунае продолжались безостановочно, несмотря на все попытки Казы-Магома помешать им. К 20 октября постройки были уже в таком состоянии, что произведено торжественно освящение новой штаб-квартиры, в которой Дагестанский пехотный полк и водворился окончательно.

В том же письме к Государю князь Барятинский писал, что Дагестанский отряд после одержанного им успеха займется очищением лесистой местности Салатавии, где еще гнездятся непокорные аулы, а навстречу ему двинутся войска Левого крыла рубкою просек со стороны Ауха. «Действия эти уже начались, — писал наместник, — и будут продолжаться всю зиму с одною общею целью — перенести нашу передовую линию с плоскости на первый уступ главного хребта».

Во исполнение этого плана Дагестанский отряд приступил к рубке просек от Нового Буртуная к Дылыму и Алмаку. В ночь на 31 октября князь Орбельяни двинул часть отряда к этому последнему аулу. Неприятельский передовой пост, охранявший дорогу, выбит из редута. Казы-Магома ограничивался выстрелами из орудий с дальних расстояний. 7 ноября наши войска атаковали неприятеля в укрепленной его позиции и заставили поспешно отступить. Получив подкрепления, Казы-Магома начал укрепляться впереди Дылыма. Князь Орбельяни также усилил свой отряд и 13 ноября повел решительную атаку на неприятельскую позицию. Горцы были сбиты с огромным уроном; оставив на месте до 350 трупов, они бежали без оглядки. По пятам их войска в тот же день заняли Дылым и предали пламени этот мятежный аул, всегда выказывавший нам самую упорную вражду. Другие окрестные аулы также были разрушены, частью нашими милиционерами, а частью самими обывателями, бежавшими в горы. В то же время колонны, направленные к Сулаку, очищали тамошние леса от враждебных нам шаек; прежние аулы Зубут, Миатлы, Гуны и другие были истреблены. Покорявшиеся салатавцы селились на новых, указанных им местах. Задача Дагестанского отряда была решена с полным успехом, и в конце ноября отряд распущен по квартирам на отдых. В Буртунае оставлен гарнизон из 4 батальонов Дагестанского пехотного полка.

Осень 1857 г. не прошла бесследно и на Левом крыле. В действиях генерала Евдокимова в этот короткий период выказалось

Аул. Рис. Т. Горшельта

замечательное искусство его быстро стягивать войска и появляться там, где неприятель не ожидает нападения. Так ему удалось два раза обмануть Шамиля: первоначально, около половины октября, войска были расположены так, что Шамиль ожидал нового вторжения в Большую Чечню, вместо того Евдокимов 19 числа внезапно стянул на Гойте 10 $^{1}/_{2}$ батальона, 22 сотни конницы при 26 орудиях и на другой день с этим отрядом напал на самый враждебный нам и сильный аул Малой Чечни — Чижногой в верховьях названной реки. Горцы оборонялись отчаянно, но дело кончилось полным истреблением аула. Затем в течение недели истреблено еще до 20 аулов в долинах Черных гор, между реками Мартаном и Аргуном, с запасами и посевами; часть населения вынуждена была покориться и выселиться на указанные места на открытой равнине; другая — ушла в глубь гор. В то же время расчищалась просека вдоль подошв Черных гор и осмотрена местность горного отрога Мескен-дука, составляющего западную грань Аргунского ущелья. Цель движения вполне достигнута, и к 29 октября войска опять сгруппировались на прежних местах в Воздвиженском, Бердыкеле и на Сунже.

1 ноября снова все войска эти в движении. Имея в виду предписание главнокомандующего содействовать Дагестанскому

отряду, Евдокимов повторяет тот же маневр, который так удался ему незадолго перед тем. Войскам дано направление: несколькими колоннами в Большую Чечню, как бы для расчистки просек, и в то время, как Шамиль со своим скопищем внимательно следит за движением наших войск, держась однако ж поодаль и избегая открытого боя, Евдокимов незаметно изменяет направление колонн и внезапно стягивает сильный отряд (из 7 $^{1}/_{2}$ батальона, 4 эскадронов драгун, 15 сотен казаков при 28 орудиях) на Кумыкской плоскости, у Хасав-Юрта; 6 ноября быстро двигает этот отряд по долине Ярык-Су и через Гойтемировские ворота занимает Кишень-Аух и местность, где предположено возвести новое укрепление, затем принимается деятельно за рубку леса в разных направлениях. Шамиль, не поспев на защиту Ауха и считая эту часть Чечни окончательно для него потерянною, велит своим мюридам жечь ауховские аулы и истреблять в них запасы, чтобы понудить население уходить в глубь гор. Но значительная часть ауховцев предпочла покориться нам и выселиться на равнину. После нескольких неважных стычек с горцами отряд приступил 12 ноября к постройке впереди Кишень-Ауха укрепления, в котором предполагалось впоследствии устроить штаб-квартиру Кабардинского пехотного полка.

К началу декабря новое укрепление было уже в таком виде, что Евдокимов признал возможным оставить в нем гарнизон из 3 батальонов Кабардинского полка, а с остальным отрядом выступить из Ауха, чтобы довершить очищение* Чеченской равнины. Первоначально направил он часть войск к низовьям р. Хулхулау, где под прикрытием густого леса и болотистой местности гнездилось еще несколько непокорных аулов, а затем в течение первой половины декабря войска занимались очищением лесов в других частях Большой Чечни. Несмотря на все попытки шамилевых наибов с их шайками лезгин удержать под своею властью последние остатки непокорного нам чеченского населения, почти все скрывавшиеся еще в лесах аулы были истреблены. Жители их, покидая свои пепелища, охотно передавались под защиту наших войск. До 2 тыс. семейств переселилось на указанные места по Сунже и низовьям Аргуна. Успех достигнут замечательный. Евдокимов в донесении своем об этом периоде

* Вместо этого слова в автографе зачеркнуто: «устройство населения на [Чеченской равнине]» (*примеч. публ.*).

зимних военных действий писал: «Большая Чеченская плоскость покорна, ни одной сакли в ней не осталось. Немногие десятки упорных должны были уйти в горы. Так кончилась ожесточенная война на Чеченской плоскости, продолжавшаяся почти 18 лет и стоившая столько крови»[140].

Чеченский отряд после двух месяцев беспрерывных трудов в самое ненастное и суровое время года распущен 17 декабря по квартирам на отдых, впрочем, весьма непродолжительный.

* * *

Перейду теперь к событиям на противоположной стороне Кавказа — к делам сванетским, о которых генерал Карлгоф доставил мне обстоятельные сведения с приложением записки полковника Услара.

Уже прежде было упомянуто мною, что кутаисскому генерал-губернатору князю Гагарину предписано было наместником вызвать в Кутаис старшего из князей Сванетских, Константина Дадешкильяни, чтобы лично уладить происходившие в семье раздоры и восстановить спокойствие в стране. Предполагалось, как сказано, водворить в Сванетии русского пристава. Князь Константин явился, но принял объявление князя Гагарина с большим неудовольствием, хотел было сам ехать в Тифлис, даже в Петербург, но потом раздумал, заявив, что послал уже жалобу на Высочайшее имя и будет ожидать царского решения. Тогда князь Барятинский решился круто повернуть дело: совсем удалить князей Дадешкильянов из Сванетии и устроить там русское управление, для чего немедленно ввести в эту нагорную страну войска и построить там укрепление. Вопреки мнению осторожного князя Бебутова, отговаривавшего от такой решительной меры, князь Барятинский приказал генералу Карлгофу заготовить предписание князю Гагарину в упомянутом смысле, с положительным приказанием прислать князя Константина Дадешкильяни в Тифлис. 20 октября князь Гагарин пригласил к себе князя Константина и объявил ему приказание наместника. Сверх всякого ожидания, объявление это привело раздражительного владельца Сванетского в такую ярость, что он мгновенно выхватил кинжал, бросился на князя Гагарина и нанес ему смертельную рану, затем бросился на вбежавших в комнату и пытавшихся защитить князя Гагарина чиновника Ильина и переводчика, также нанес им смертельные раны, переранил еще

несколько человек и, выбежав, как бешеный, на улицу, заперся в первом попавшемся на глаза здании, стал обороняться, но прибывшими вооруженными людьми был схвачен и заключен под стражу, причем сам поранен.

Событие это произвело сильное впечатление в крае. Местное население любило и уважало князя Гагарина — человека доброго, обходительного, симпатичного. Князь Барятинский, по получении донесения о печальном происшествии, немедленно командировал в Кутаис презуса Тифлисской военно-судной комиссии генерал-майора Бектабекова с приказанием судить убийцу полевым военным судом в 24 часа. Убийство, очевидно, было произведено не преднамеренно; это был мгновенный порыв раздражения, столь обычный у дикого, необузданного горца. По выражению же полковника Услара, присмотревшегося к горским нравам, кровавая расправа была фамильной манией в роде Дадешкильянов. Военный суд, конечно, приговорил убийцу к смертной казни расстрелянием; приговор утвержден главнокомандующим 1 ноября, а 5 числа того же месяца приведен в исполнение в самом Кутаисе, в присутствии многочисленной толпы. Казнь владетельного князя, хотя и преступного, могла бы вызвать в местном населении некоторые проявления сочувствия к жертве правосудия, однако ж этого не случилось, может быть, благодаря выказанному князем Константином малодушию: приговор к смертной казни произвел на него такое удручающее впечатление, что он не имел сил держаться на ногах, и пришлось на ковре поднести его к позорному столбу.

У казненного князя был малолетний сын, учившийся в Кутаисской гимназии, и четыре брата, из которых один, князь Александр, состоял на службе в одной из кавалерийских дивизий, расположенных внутри России; остальные трое: Тенгиз, Ислам и Циох оставались в горах. Последние двое были еще очень молодые люди, особенно Циох — только подросток; старший же Тенгиз мог сделаться весьма вредным для спокойствия страны, оставаясь в Сванетии. Уже и тогда доходили известия, что он мутит дикое население, приводит его к присяге, стараясь привлечь к себе и так называемых вольных сванетов, т. е. не признававших над собой власти Дадешкильянов. Считалось необходимым принять меры для предупреждения новых преступных покушений со стороны остававшихся членов семьи, сроднившейся с понятиями и нравами дикого горского населения. В

этих видах наместник распорядился, чтобы сын казненного князя Константина был немедленно перевезен в Тифлис и поручил мне просить генерал-адъютанта Ростовцева об определении этого мальчика в один из отдаленных кадетских корпусов, преимущественно в Сибирский. Также и относительно старшего из остававшихся братьев Дадешкильян, князя Александра, следовало, по мнению князя Барятинского, перевести его на службу куда-либо подальше, установив строгий над ним надзор, о чем мне было поручено объясниться с военным министром. Прочих трех братьев предполагалось удалить из края, обеспечив сколько возможно их средства существования.

С кончиной князя Гагарина управление краем осталось разделенным между тремя отдельными местными начальниками: полковником Ивановым — губернатором кутаисским (в Имеретии), генерал-майором Колюбакиным, управлявшим Мингрелией, и генерал-майором Мироновым, командовавшим войсками в Абхазии. Полковник Услар, собиравшийся в отпуск, должен был отсрочить свой отъезд как офицер, наиболее знакомый с делами сванетскими. В поданной им записке указывалась необходимость подчинения всей Сванетии управляющему Мингрелией. Так и было решено наместником, вопреки мнению самого Колюбакина, не ладившего с Усларом и не желавшего принять на себя неприятную обузу[141]. Предполагавшееся движение войск в Сванетию пришлось отложить, так как удобное для того время было пропущено, а к тому же при тогдашнем настроении сванетского населения, взболомученного Дадешкильянами, занятие этих горных трущоб войсками требовало уже более сильного отряда, чем признавалось нужным за несколько месяцев ранее.

Кроме дел сванетских, наместника озабочивало и общее положение Пририонского края. Волнения, возникшие в населении Мингрелии, отразились и на соседних странах: в Имеретии и Абхазии. Крестьяне зашевелились, отказываясь повиноваться землевладельцам. Вынужденный выезд из Мингрелии княгини Екатерины Александровны Дадиан также подал ее приверженцам предлог, чтобы подстрекать народ к смуте*.

При таком положении края понятно, что князь Барятинский придавал большую важность скорейшему замещению должности

* Княгиня Дадиан выехала 25 октября морем, через Редут-Кале, со всею семьей в сопровождении князя Константина Дадиан и нескольких туземных дворян.

П.К. Услар

кутаисского генерал-губернатора и выбору лица на это место. В письме своем от 24 октября он поручал мне похлопотать о назначении генерал-адъютанта барона Врангеля и уговорить его не отказываться от предлагаемого места. Поэтому в тот же день, как получил я это письмо (2 ноября), немедленно по возвращении из Царского Села в Петербург, прямо с железнодорожной станции, заехал я к барону Врангелю, которого знал еще с первой моей поездки на Кавказ в 1839 г. (под Ахульго). Он был, видимо, польщен предложением и* сказал, что предоставляет решение на Высочайшую волю, что будет сам писать князю Барятинскому, и просил меня отправить его письмо с первым курьером.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «не отказываясь прямо» (*примеч. публ.*).

ПРОДОЛЖЕНИЕ И КОНЕЦ МОЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

В полученном мною 2 ноября письме князя Барятинского[142] заключался целый ряд указаний по возложенным на меня поручениям. Кроме кандидатуры на должность кутаисского генерал-губернатора, главными вопросами, занимавшими в то время наместника, были: Закавказская железная дорога, Общество, или «Братство», восстановления христианства на Кавказе и меры к утверждению русского влияния в Азии. По всем этим разнообразным поручениям я должен был иметь объяснения со многими лицами; о результатах каждого дня давались мною отчеты князю Барятинскому в письмах от 2, 4 и 5 ноября, отправленных 6 числа с назначенным вновь на службу на Кавказ офицером Генерального штаба Ризенкампфом. С ним же отправлено и присланное мне ответное письмо барона Врангеля.

К крайнему удивлению моему, оказалось, что после личного со мною свидания (2 числа) барон почему-то раздумал принять предложенное ему место в Кутаисе. Об отказе его, разумеется, сделалось сейчас же известно в городе, и явились многие претенденты на вакантное место. В числе их обратились лично ко мне: служивший в прежнее время на Черноморской береговой линии адмирал Серебряков (член Адмиралтейств-совета), начальник 10-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Семякин и старый мой сослуживец по Гвардейскому генеральному штабу и Военной академии генерал-адъютант Фролов, который сказал мне, что сам военный министр надоумил его выступить кандидатом. Чтобы отделаться от этих, вовсе не подходящих конкурентов, я объявлял каждому из них, что наместник, в предвидении отказа барона Врангеля, наметил уже других кандидатов. Но вот приезжает ко мне 6 числа вице-директор Канцелярии Военного министерства флигель-адъютант полковник граф Сумароков-Эльстон с поручением от генерала Сухозанета передать мне для доставления наместнику список предлагаемых самим министром кандидатов на место кутаисского генерал-губернатора. В списке этом стояли генерал-лейтенанты: Хрулёв, Шварц, Ганзен, Бельгард; генерал-майоры: Капгер, Рудановский, Дебу, Граматин и еще несколько других. Удивленный таким странным подбором имен, я заявил Сумарокову-Эльстону, что все эти

Ф.Н. Сумароков-Эльстон

лица близко известны самому князю Барятинскому и что он, имея у себя печатный список всего генералитета, не затруднится придумать, на ком остановить свой выбор. Пользуясь случаем, я высказал Эльстону, без всяких околичностей, что именно такого рода неуместные вмешательства военного министра в дела, непосредственно подлежащие инициативе главнокомандующего, чаще всего подают повод к неудовольствию и пререканиям. Я не сомневался, что мои откровенные слова будут переданы военному министру. К удивлению моему, граф Сумароков-Эльстон закончил разговор заявлением желания служить на Кавказе, командовать полком, из чего я заключил, что он недоволен своим служебным положением. Два дня спустя военный министр сам заговорил со мною о своих кандидатах на место кутаисского генерал-губернатора; я ответил ему в том же смысле, как и Сумарокову-Эльстону.

По вопросу о Закавказской железной дороге я не разделял оптимизма князя Барятинского, находя чрезмерными условия, заявленные Кокоревым и его компаньонами. Еще ранее получения письма наместника от 24 октября я откровенно писал ему, что в Петербурге смотрят на этих антрепренеров с недоверием, отзываются о них иронически и что правительство никак не согласится на требование их объявить porto-franco весь Закавказский край с предоставлением компании повсеместной в нем эксплуатации рудников. В том же смысле писал я и 2 ноября[143]. С удовольствием узнал я из письма князя Барятинского, что дальнейшее ведение дела по железной дороге поручается им особому лицу — действительному статскому советнику Харитонову, который и выехал из Тифлиса 10 ноября.

Что касается до учреждения Общества восстановления христианства на Кавказе (или «Общества Св. Нины», как первоначально предполагалось), то проект разрабатывался еще под непосредственным руководством самого князя Барятинского; мне же поручалось только «подготовлять пути» (préparer les voies) к благосклонному приему этого предположения в петербургских высших сферах. В письме от 1 ноября, при котором наместник доставил мне особую по этому делу записку, он снова просил меня позаботиться о нем, так же как и по вопросу о железной дороге. По его мнению, эти две меры, в связи с военными успехами, поведут к полному перевороту в крае. «Старайтесь, — писал он, — не выпускать из моих рук все, что предполагается теперь на востоке; я чрезвычайно опасаюсь совместительства петербургских бездельных умников»[144].

Вот с этой-то точки зрения и объясняется неудовольствие, с которым приняты были князем Барятинским предположения о готовившихся в то время двух «ученых» экспедициях: одной — в Среднюю Азию (в Хиву и Бухару) под начальством флигель-адъютанта полковника Игнатьева (Ник[олая] Пав[ловича]), другой — в Персию и Хорасан с Н[иколаем] Вл[адимировичем] Ханыковым во главе. Князь Барятинский, извещал меня (в письме от 24 октября), что полковник Игнатьев привез в Тифлис «чью-то» записку об утверждении русского преобладания на Востоке, отозвался неодобрительно о предположенных экспедициях и вообще обо всех проектах, составляемых в Петербурге людьми, мало знакомыми с делом, за которое берутся «из одного только желания следовать моде и выказать себя»[145]. По мнению на-

местника, только наш посланник в Тегеране Аничков да барон Торнау должны бы иметь голос в поднятом вопросе. «Если Государь желает воспользоваться теперешними обстоятельствами (т. е. восстанием в Индии, ослаблением Турции, дружественным расположением к нам Франции и Персии), то все-таки первым делом должно быть прочное утверждение наше на Кавказе. Когда эта цель будет достигнута, тогда явится само собою и преобладание наше на Востоке. Добиваться же того, минуя Кавказ или перешагнув через него, так же безрассудно и нелепо, как и естественно невозможно».

По восточным делам прямым путем для разъяснения вопросов казалось мне свидание с министром иностранных дел, с которым удалось мне, наконец, видеться 3 ноября. Но я нашел князя Горчакова в каком-то раздраженном настроении, он прямо завел речь о блокаде восточного берега Черного моря и с горячностью говорил, что ни за что не согласится на изменение только что объявленного дозволения иностранным судам приставать к нашему берегу в трех назначенных нами пунктах, что закрытие порта в Анапе произведет неприятное впечатление в Европе и может поссорить нас с нею; что в случае крайней необходимости такой меры, надобно непременно, взамен Анапы, открыть доступ в какой-либо другой пункт и т. д. Все мои возражения против опасений министра, все объяснения о праве каждого государства распоряжаться по-своему в пределах собственной территории, все соображения военные, — только более раздражали князя Горчакова. Мы расстались, не коснувшись даже дел азиатских.

Гораздо полезнее было мне для разъяснения этих дел свидание с А.В. Головниным и Н.В. Ханыковым. Оказалось, что упомянутая записка, привезенная Игнатьевым в Тифлис, была им же составлена и первоначально представлена Государю во время пребывания Его Величества в Варшаве; она была передана на рассмотрение великому князю Константину Николаевичу, который и предложил Ханыкову стать во главе экспедиции в Хорасан[146]. Министерство иностранных дел, обыкновенно избегавшее всякого шага в Азии, могущего подать повод к ревнивой подозрительности британского кабинета, на этот раз не противилось задуманным экспедициям. По-видимому, оно полагало, что при тогдашнем затруднительном положении Англии в Индии и Персии наступил благоприятный момент, чтобы под-

Князь А.М. Горчаков

нять, по крайней мере в Азии, обаяние русского имени, поколебленное в Европе последнею несчастною войной. Притом предположенным экспедициям придан был характер ученый; проект этих экспедиций подвергнут был гласному обсуждению в Географическом обществе. Великий князь Константин Николаевич поручил мне сообщить князю Барятинскому, что Его Высочество просит наместника принять экспедицию в Хорасане под свое покровительство и что Ханыков предварительно явится в Тифлис для получения инструкций.

В упомянутых письмах от 4 и 5 ноября я отдал отчет князю Барятинскому также о свиданиях моих с генерал-адъютантом Чевкиным, с В.П. Бутковым и другими лицами. О первом из них я писал: «Этот человек во всем старается отыскать какую-нибудь невыгодную сторону, чтобы затруднить ход дела. Одна-

ко ж после длинного разговора, прощаясь, он уверял, что и сам вполне убежден в важности устройства Военно-Грузинской дороги и Каспийского пароходства, что будет помогать успеху этих дел, сколько от него зависит, но считает теперешнее время самым невыгодным, чтобы пускать в ход подобные проекты, а потому советует не торопиться. Дело о новом штате Управления путями сообщения на Кавказе, несмотря на сделанные им письменно возражения, кажется, уладится. Генерал Чевкин сказал, что в основаниях проекта он совершенно согласен и даже желал бы применить ту же систему ко всей России».

О свидании же с В.П. Бутковым я сообщил: «Сейчас вышел от меня Бутков, который по-прежнему вполне предан пользам Кавказского края и работает усердно для успешного хода представлений Вашего Сиятельства. Если бы наши военные проекты шли через Кавказский комитет, то, наверное, все было бы уже решено»[147]. Между прочим, узнал я от Буткова о результате жалобы, принесенной князем Барятинским Государю (в письме от 20 октября) на неправильное распоряжение министра народного просвещения, который в финансовой смете на 1857 г. по Кавказскому учебному округу урезал расходы на 15 тыс. рублей, не спросив предварительно согласие наместника. Такое распоряжение князь Барятинский признал нарушением прав наместника и вместе с тем нашел совершенно несообразным, ради ничтожного денежного сбережения наносить ущерб местным средствам народного просвещения, особенно в таком крае, как Кавказский. По поводу этой жалобы наместника последовало Высочайшее повеление: «Подтвердить, чтобы министры не делали никаких распоряжений по делам кавказским ни от себя, ни через Государственный совет, а все вносили в Кавказский комитет».

В числе множества лиц, с которыми приходилось мне вести разговоры по кавказским делам, посетил меня давно знакомый мне известный художник И.К. Айвазовский с братом, епископом Бессарабским. С первых же слов они завели речь о делах Армянской церкви по поводу предстоявшего избрания католикоса на место умершего патриарха Нерсеса. Епископ Айвазовский заверял, что отклоняет от себя кандидатуру на это высокое звание, не желая отвлекаться от предпринятого им важного дела — устройства духовно-учебного заведения для армян в Феодосии. В заключение длинного разговора он просил меня от-

везти письмо его к князю Барятинскому и на словах подтвердить ему высказанное в том письме желание. Хотя дела Армянской церкви не входили вовсе в круг возложенных на меня поручений, однако ж я обещал передать все слышанное наместнику.

Так проходил день за днем в самых разнообразных свиданиях и переговорах, а между тем главное дело, которое составляло прямую цель моей поездки в Петербург, т. е. новые штаты военных управлений, почти не подвигалось вперед и угрожало задержать меня надолго на севере. Я уже говорил о встреченной мною оппозиции со стороны директора Канцелярии Военного министерства князя Васильчикова. Генерал Герстенцвейг, который первоначально показывал готовность поддерживать меня в этом деле, также восстал против предположенного образования на Кавказе Главного штаба применительно к Положению о Главном штабе действующей армии, под тем предлогом, что существовал проект более радикальных перемен и в Главном штабе 1-й армии. Такую перемену в расположении Герстенцвейга приписывал я тому, что мне удалось, вопреки его настояниям, добиться Высочайшего соизволения на отсрочку выступления с Кавказа 13-й и 18-й пехотных дивизий. По возвращении моем из последней поездки в Царское Село, когда я с радостью объявил Герстенцвейгу об этом решении Государя, он не мог даже скрыть своей досады.

8 ноября, присутствуя на параде лейб-гвардии Московского и Литовского полков (по случаю их полковых праздников), я имел случай видеться со многими лицами, с которыми полезно было объясниться по означенному заботившему меня делу. Великие князья Николай и Михаил Николаевичи оба подошли ко мне и заявили, что они, по рассмотрении проектированных на Кавказе новых штатов по частям инженерной и артиллерийской, остались ими очень довольны, нашли «все прекрасным» и сообщили уже свои отзывы военному министру. Наоборот, генерал Сухозанет на моих глазах укорял генерала Баранцова в том, что дан от имени Его Высочества генерал-фельдцейхмейстера ответ так поспешно, с безусловным одобрением. Я заметил, что военный министр объяснялся о том же с обоими великими князьями и затем, подойдя ко мне, стал было объяснять, почему привезенный мною проект не может быть утвержден. Заметно было, что он говорил чужими словами, не вникнув сам в дело. Я просил его дать мне случай выслушать все возражения на проект

и представить по ним объяснения. Возвратившись с парада домой в грустном настроении, я придумывал, как бы рассеять в уме военного министра превратные понятия, внушенные ему келейно его наушниками, и вывести дело на открытое, гласное обсуждение, и в тот же день писал князю Барятинскому: «Не могу угадать причину такого противодействия (со стороны влиятельных в министерстве лиц), ибо некоторые капитальные статьи проекта, против которых я наиболее ожидал возражений, приняты уже, даже с прибавками. Не надеются ли уступками на одном взять верх на другом»[148].

На параде 8 ноября еще удалось мне иметь разговор с великим князем Константином Николаевичем как о Ханыковской экспедиции, так и по другим вопросам, касающимся морской части. Между прочим, он объявил мне о своем намерении предпринять в следующем году поездку на Каспийское море и на Кавказ. Об этом предположении еще накануне сообщил мне А.В. Головнин, с просьбою от имени Его Высочества составить проект маршрута по Кавказскому краю. От исполнения такого поручения я, конечно, уклонился, зная, как путешествие великого князя интересовало князя Барятинского и как было бы ему неприятно, если бы не он сам, по своим личным соображениям, направил путь Его Высочества.

В тот же день имел я разговор с государственным контролером генерал-адъютантом Анненковым, который с обычным своим велеречием убеждал меня в необходимости точного соблюдения установленных контрольных правил и вместе с тем уверял в личном своем желании устранять всякие поводы к недоразумениям и пререканиям по делам кавказским. Он высказал мысль, что было бы всего лучше учредить на Кавказе независимый контроль, какой существовал в Царстве Польском[149]. Прощаясь, генерал Анненков приглашал меня посетить его на днях вечером, «чтобы еще поговорить».

После обеда у графа Сумарокова-Эльстона провел я вечер у Якова Ивановича Ростовцева, желавшего переговорить со мной по возникшему в то время вопросу относительно помещения детей кавказских горцев в кадетские корпуса. По поводу случившегося недавно побега в горы одного офицера из горцев, бывшего воспитанника кадетского корпуса (Пиркея), князь Барятинский вошел с представлением, чтобы часть сумм, издерживаемых на воспитание детей горцев в кадетских корпусах, обра-

тить на учреждение в самом крае Кавказском местных школ, где эти дети получали бы воспитание, более приспособленное к будущей их жизни и деятельности. Вследствие такого представления наместника генерал Ростовцев, по соглашению с Бутковым, приготовил было проект об ограничении тридцатью числа вакансий, уделяемых в кадетских корпусах для кавказских горцев, с тем чтобы все суммы, какие останутся свободными, предоставить в распоряжение кавказского начальства. Но прежде чем этот проект был пущен в ход, военным министром уже был представлен Государю и Высочайше утвержден составленный в Инспекторском департаменте доклад о совершенной отмене определения в кадетские корпуса детей кавказских горцев. Генерал Ростовцев, оскорбленный таким решением дела, помимо его, прямого начальника кадетских корпусов, устранился от всякого вмешательства в решение вопроса о назначении тех сумм, которые за принятием означенной меры будут оставаться свободными; об этом и поручил мне Я.И. Ростовцев сообщить наместнику.

Таким образом, в этот день (8 ноября) накопился громадный материал для обычного моего отчета в письме к князю Барятинскому вечером того же числа. В заключение этого письма я писал: «О несчастном происшествии в Кутаисе здесь говорят много, но перепутывая и искажая имена и весьма смутно понимая обстоятельства. Меня осыпают вопросами и мнениями о Кавказе, более или менее нелепыми и невежественными. Ваше Сиятельство, можете сами составить себе понятие о тех нравственных страданиях, которые я выношу ежедневно. Если пробуду здесь еще несколько недель, то чувствую, разольется у меня желчь»[150].

Единственный человек, с которым я мог иногда отвести душу в откровенном излиянии своих сетований, был А.П. Карцов, всегда относившийся ко мне с искреннею дружбой и хорошо знакомый с тою средой, в которой приходилось мне вести борьбу. К сожалению, он в это время занемог. 9 ноября провел я часть дня у его постели. В тот же день и сам я почувствовал признаки простуды. Однако ж на другой день, в воскресение, решился отправиться в Царское Село, рассчитывая, что, быть может, представится случай доложить Государю о положении порученных мне дел. И действительно, вечером, на бале во дворце, Его Величество подошел ко мне и с обычною своею

приветливостью выразил свое удовольствие по поводу полученных новых сведений об успешных действиях князя Орбельяни в Салатавии, за которые в тот самый день награжден он званием генерал-адъютанта. «Лестная эта награда, — сказал я Государю, — очень обрадует не только самого князя Орбельяни, но и князя Александра Ивановича». Затем Его Величество заговорил об отказе барона Врангеля от предложенного ему места в Кутаисе и при этом указал на другого кандидата — также барона Врангеля (Егора Петровича) — попечителя Виленского учебного округа, некогда служившего на бывшей Черноморской береговой линии, потом состоявшего директором одного из кадетских корпусов, человека, как узнал я позже, хилого, больного, уклонявшегося от всякой хлопотливой должности. И в этот раз Государь был со мною чрезвычайно милостив. К сожалению, разговор был непродолжителен, и мне не удалось высказать Его Величеству то, что лежало у меня на душе тяжелым камнем. Притом я чувствовал себя уже так худо, что должен был уйти с бала довольно рано, едва добрался до города и слег в постель.

Несколько дней пролежал я в лихорадочном состоянии, с головною болью, слабостью, даже иногда в полузабытье и, конечно, не мог ничем заниматься. Добрейший Обезьянинов ухаживал за мной, заботилась обо мне сестра Мордвинова, которая навещала меня по нескольку раз в день и ежедневно присылала мне пищу, более пригодную больному, чем трактирная. Брат Николай, хотя и заваленный служебною работой, также заезжал ко мне всякий день. Наведывались и многие другие с искренним участием. Но в то время весь город был похож на огромную больницу; в каждой семье переболели поочередно почти все члены. Не избегли общей участи и семья брата Николая, и семья Карцова, а на конец занемогла и сестра Мордвинова.

Болезнь моя приключилась весьма некстати, более десяти дней потеряно было бесплодно для дел. Уже на третий день болезни, когда едва я мог взять в руку перо, известил я князя Барятинского, что «дела мои сильно затянулись ... Проект штатов встречает в министерстве большое противодействие, которое до того раздражает меня, что я отчасти по этой причине слег в постель и не знаю, что теперь делается»[151]. Однако ж спустя три дня (16 числа) я уже мог сообщить князю Барятинскому[152], что военный министр решился наконец образовать комиссию для рассмотрения и обсуждения нашего проекта, назначив в состав

ее: генерал-адъютантов барона Ливена, князя Васильчикова, Баранцова, Лутковского, генерал-лейтенанта Вольфа, генерал-майора Герстенцвейга, Кауфмана (Конст[антина] Петр[овича]) и Непокойчицкого*. В заседания комиссии полагалось приглашать и меня, но болезнь помешала мне присутствовать в первом заседании. Я слышал стороной, что комиссия клонила к тому, чтобы возвратить проект для пополнения его, будто бы потому что в нем не довольно подробно определены отношения и круг действий разных должностных лиц. Одновременно с заседаниями комиссии продолжалась своим чередом разборка проекта по частям в разных инстанциях и отделах министерства, причем, разумеется, придумывались всевозможные канцелярские придирки. Во всяком случае, дело так затянулось, что я уже терял надежду дождаться конца в Петербурге.

Впрочем, я не оставался праздным во все продолжение своего десятидневного карантина: после первых трех дней я снова принялся за работу и должен был вести беспрерывные разговоры по делам с посещавшими меня лицами. В числе их — директор Азиатского департамента генерал-майор Егор Петрович Ковалевский приезжал, чтобы объясниться по вопросу о крейсерстве и каботаже вдоль восточного берега Черного моря. К сожалению, высказанные им виды и соображения Министерства иностранных дел по этому предмету по-прежнему совершенно расходились с взглядами кавказского наместника. С В.П. Бутковым обсуждали мы переданную в Кавказский комитет часть проекта военных штатов, относившуюся к народному горскому управлению, причем он также сетовал на инерцию и медленность ведения дел в Военном министерстве. В разговоре с Бутковым узнал я с большою радостью, что вопрос об отмене крепостного состояния выступил наконец на реальную почву. Бутков показал мне подписанный несколько дней перед тем Высочайший рескрипт на имя виленского генерал-губернатора Назимова относительно устройства быта крестьян в северо-западных губерниях[153]. Первое впечатление, произведенное на меня этою новостью, выразилось в письме к князю Барятинскому от 20 ноября: «Составление проекта условий освобождения крестьян

---

* Генерального штаба генерал-лейтенант Артур Адамович Непокойчицкий состоял в то время председателем комиссии «для рассмотрения предположений о сокращении штатов и упрощении форм и порядка делопроизводства по военному ведомству».

возлагается на самих помещиков, под руководством генерал-губернатора. Как ни слабо еще выражены в этом акте виды правительства, тем не менее, можно считать эту меру весьма важным шагом к исполнению задачи, о которой до сих пор только думали и судили без веры в успех. Кажется, теперь большинство поняло, что оставить это дело без движения невозможно. К сожалению, есть и доныне некоторые неблагонамеренные люди, которые пугают мнимыми опасностями, родившимися в их воображении, и через то причиняют некоторое колебание и задержки в благих намерениях высшего правительства»[154].

Во время моей болезни два раза приезжал ко мне директор Департамента иностранных исповеданий граф Эм[мануил] Карл[ович] Сиверс, для объяснений по делам армянским, но в те дни, когда я не был еще в состоянии кого-либо принимать и заниматься делами. Также не мог я по болезни воспользоваться приглашением министра внутренних дел Сергея Степановича Ланского на обед, данный в честь епископа Айвазовского. Впоследствии граф Сиверс передал мне от имени Ланского полное желание его согласовать свои действия по делам армянским с видами кавказского наместника, причем заявил, что в вопросе об избрании католикоса министр держится совершенно нейтрально, не поддерживая ни того, ни другого из имевшихся в виду кандидатов.

Приезжал ко мне обер-прокурор Синода генерал-лейтенант граф Александр Петрович Толстой по Высочайшему поручению, чтобы переговорить со мной о проекте учреждения православного «Братства Св. Нины», или «Воздвижения Св. Креста», на Кавказе. Не имея под рукой присланной мне копии с записки князя Барятинского по этому предположению*, я должен был на словах объяснить графу Толстому сущность проекта. Он отозвался о нем сочувственно, но заметил, что едва ли будет удобно открыть повсеместно сбор пожертвований на предположенное благое дело в то самое время, когда ведется негласно другое предположение — об учреждении общества для вспомоществования православным христианам на Востоке[155]. Вскоре после этого разговора с графом Толстым узнал я, что проект князя Барятинского о «Братстве Св. Нины», или «Воздвижения Св. Креста», передан по Высочайшему повелению в Кавказский ко-

* Записка эта была передана мною для прочтения генералу Сухозанету.

митет и что на записке наместника была положена Государем такая резолюция: «Предмет этот нахожу весьма важным, но мне кажется, что можно того же достигнуть без учреждения подобного братства, несовместного с нашими учреждениями. Записку эту можно внести в Кавказский комитет». В том же смысле выразился Государь и в собственноручном письме к князю Барятинскому от 22 ноября[156]. Впоследствии князь Александр Иванович, в письме ко мне (от 9 декабря), высказал сожаление о передаче дела в Кавказский комитет, который, по его мнению, «неспособен обсудить дело такого политического свойства». При этом писал он: «По-видимому, сам Государь против учреждения ордена» и, поясняя свою мысль об учреждении внешнего знака для членов братства, выразился, что имел при этом целью «действовать на человеческое тщеславие»*[157].

19 ноября прибыл в Петербург курьером из Тифлиса адъютант главнокомандующего Шереметев (Сергей Алексеевич) с разными бумагами и письмами. В письме ко мне (от 9 ноября) князь Барятинский повторил просьбу о скорейшем решении участи князей Дадешкильяни[158]. О том же писал он и военному министру. Желание это уже было исполнено: за князем Александром послан фельдъегерь для препровождения его в Иркутск; генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьёв изъявил желание взять князя Александра в адъютанты. Малолетнего сына казненного князя Константина Высочайше повелено определить в Сибирский кадетский корпус и немедленно отправить в Омск. Прочим князьям назначено место жительства во внутренних губерниях России и приличное содержание. Из присланной мне генералом Карлгофом весьма любопытной записки полковника Услара о последних происшествиях в Сванетии и Кутаисе поручено генерал-майору Неверовскому составить статью для напечатания в газетах, дабы предупредить превратные толки в нашей и заграничной публике[159].

Относительно устройства морской части на Кавказе работа лейтенанта Обезьянинова настолько подвинулась вперед, что я ожидал только выздоровления, чтобы составленный проект предварительно прочесть великому князю генерал-адмиралу.

---

* Позже, в пребывание свое в Петербурге, князь Барятинский в разговоре с императрицей по тому же предмету (об учреждении орденского знака Св. Нины), в шутку сказал: «Je veux tirer parti du diable pour le service de Dieu». — «Я хочу воспользоваться дьяволом, чтобы услужить Богу» (*фр.*).

Еще успел я во время болезни справить одно дело, которое осталось нерешенным при отъезде моем в прошлом году из Петербурга, — относительно лежавшей на мне работы по истории Кавказской войны. Тогда было мною обещано военному министру представить с Кавказа предположение о дальнейшем устройстве этой работы, а на первое время просил оставить за капитаном Бушеном поручение собирать материалы в архивах и библиотеках. При этом имел я в виду, что, быть может, найду возможность и на Кавказе продолжать начатый мною труд, с помощью нескольких сотрудников. Мысль эту не покидал я и по прибытии в Тифлис; замышлял образовать там историческую комиссию из некоторых находившихся на месте лиц, с привлечением к работе и капитана Бушена, но скоро убедился в совершенной невозможности осуществить такой план при чрезмерной массе лежавших на мне служебных занятий. Теперь, по прошествии ровно года, пришлось снова поднять отложенный вопрос: жаль было бы бросить без употребления собранный уже значительный запас материалов. Обсудив дело с Дм[итрием] Хр[истиановичем] Бушеном, мы пришли к такому заключению: отказавшись пока от составления *истории* Кавказской войны, приступить к постепенному изданию собранных уже и впредь поступающих материалов отдельными выпусками под заголовком: «Сборник материалов по истории Кавказа». Сам капитан Бушен охотно принимал на себя обязанности редактора. В таком смысле представлено мною предположение военному министру с ходатайством об отпуске денежных пособий на издание, по мере надобности. Предположение это было одобрено генералом Сухозанетом, о чем и получил я формальное уведомление (4 декабря). Почему предположение это не осуществилось — не знаю; быть может, потому, что полковник Бушен вскоре получил назначение по военно-учебным заведениям.

Перечислив разнообразные предметы моих тогдашних занятий и забот, упомяну еще о присланном мне на рассмотрение проекте преобразования Корпуса внутренней стражи, составленном начальником резервов генерал-лейтенантом Павлом Алексеевичем Тучковым (бывшим директором Военно-топографического депо). Военный министр требовал моего мнения об этом проекте по связи его с моими предположениями, изложенными еще в зиму с 1855 г. на 1856 г.: «О невыгодах нашей военной организации и средствах к устранению их»[160]. Имевшийся в

Инспекторском департаменте экземпляр этой записки был также прислан мне на случай надобности для справки. Поручение военного министра было исполнено немедленно: в представленном мною докладе было высказано, что в проекте генерала Тучкова, хотя и заимствовано кое-что из моих предположений, однако ж оставлена без разрешения поставленная мною главная задача: дать нашим военным силам такую организацию, которая позволяла бы в случае войны развивать силы вдвое и втрое против численности мирного времени. Предлагаемый генералом Тучковым порядок комплектования войск, сходствуя только отчасти с моими предположениями, приспособлен к существующим ныне составу и организации армии, а потому мог бы, по моему мнению, служить с пользою лишь в виде меры переходной. «Остановиться же на одном предполагаемом слиянии Корпуса внутренней стражи с резервами армии считаю невозможным, потому что Россия, уменьшив до крайнего предела свои силы в мирное время, осталась бы неприготовленною на случай войны». Военный министр, по прочтении моего доклада, выразил желание, чтобы я на возвратном пути на Кавказ повидался в Москве с генералом Тучковым и лично поговорил с ним об его проекте.

Наконец карантинное мое заключение было снято врачами; 19 ноября решился я на первый выезд из дому в закрытом экипаже, чтобы навестить больную сестру, брата Николая, который в свою очередь захворал, и семью Карцова, только что избавившуюся от лазаретного положения. На следующий день также ограничился я только немногими выездами со всеми предосторожностями; обедал у сестры, а вечер провел у брата Николая, но 21 числа уже отправился к военному министру в назначенный им час для личного доклада по некоторым присланным на мое заключение бумагам. К прискорбию своему, я нашел генерала Сухозанета более чем когда-либо предубежденным против проекта кавказских штатов. Несмотря на все мои объяснения, он повторял все одну и ту же фразу, что не может допустить «распадения министерства», «выделения Кавказа в особое государство». К тому же он торопился куда-то ехать, так что не было возможности переспорить его и опровергнуть ложные представления, которые он составил себе о проектах, не читав их, очевидно, с чужих слов. Однако ж в заключение он сказал, что

окончательное его мнение будет зависеть от приговора комиссии, о которой упомянуто выше.

Комиссия эта в тот же день вечером имела второе заседание, в котором и я принял участие. Мне пришлось разъяснять пункт за пунктом все статьи проекта, по которым заявлены были возражения в происходившем в мое отсутствие первом заседании. Мы поспорили горячо; однако ж я не заметил вообще резкой враждебности; прения имели более характер домашний, потому что со всеми почти членами комиссии я был в отношениях приятельских. Поддерживал меня сильнее всех А.А. Баранцов, что было для меня очень важно, так как военный министр до тех пор наиболее восставал на артиллерийскую часть проекта. Самым же опасным мне противником был Ник[олай] Ив[анович] Вольф, который один мог говорить о Кавказе авторитетно, с полным знанием дела; по некоторым дельным замечаниям его я сделал охотно уступки, он же поддержал меня в более важных, существенных пунктах спора. Замечания Герстенцвейга были большею частью неважные, мелочные. Председательствовавший в Комитете, как старший, барон Ливен, по своему обыкновению, соглашался со всеми поочередно, но вообще старался помогать мне. Непокойчицкий несколько раз вмешивался в прения, чаще неудачно; Лутковский и Вершин мало принимали участия в спорах, а князь Васильчиков, к удивлению моему, буквально не раскрывал рта во все заседание, продолжавшееся за полночь. Результатом его остался я доволен, по крайней мере, не было уже и речи о том, чтобы огульно отвергнуть проект, или отложить его до другого времени, или потребовать представления полного Положения, что также отдалило бы преобразование на годы. Комиссия признала, что предположенное преобразование *нужно* по всем частям (не исключая артиллерийской), что оно возможно при допускаемых мною уступках, которые сущности дела не изменяли. Одним словом, комиссия пришла к решению вполне удовлетворительному, но решение это не было еще концом дела: даже в случае согласия военного министра с заключениями комиссии предстояла еще обработка дела в департаментах, потом в канцелярии министерства и внесение в Военный совет. Надобно было готовиться к очень долгой проволочке. Поэтому, возвратившись ночью домой из заседания, я не смел еще радоваться успеху, а в особенности смущало меня загадочное молчание князя Васильчикова в заседании.

На другой день 22 числа имел я продолжительное свидание с военным министром. Когда я доложил ему о результате вчерашнего заседания, генерал Сухозанет заявил, что рад такому благоприятному ходу дела, поторопит сколько можно дальнейшую разработку его и с удовольствием представит проект на Высочайшее утверждение. Вообще он был на этот раз весьма любезен и уверял во всегдашней своей готовности поддерживать представления кавказского главнокомандующего. Беседа наша коснулась многих и разнообразных предметов. По поводу поступившей в Военное министерство сметы Кавказского интендантства на 1858 г. генерал Сухозанет упрекнул, что она составлена неясно и запутанно, так что пришлось затребовать из Тифлиса дополнительные пояснения. Я возразил, что смета составляется ежегодно по установленной форме, изменение которой не зависит от Кавказского интендантства, и что встреченные недоумения, вероятно, могли бы быть разъяснены мною лично, без потери времени. Привыкнув слышать от военного министра только сетования на чрезмерные издержки на Кавказе и проповедь о крайней необходимости экономии, я был немало удивлен, когда генерал Сухозанет стал развивать мысль, что Военное министерство, доставив в последнее время Министерству финансов громадные сбережения, имело бы право требовать теперь средств на многие настоятельные потребности, которые до сих пор приходилось оставлять без удовлетворения. К числу таких потребностей относил он и устройство портов на Каспийском море (Баку и Петровска). Военный министр выражал надежду, что Министерство финансов найдет возможным с будущего года уделять некоторые суммы на означенные существенные надобности. Далее разговор перешел на вопрос об употреблении на текущие расходы значительных сумм, накопившихся в запасе Кавказского интендантства. На эти суммы я указывал уже прежде генералу Сухозанету; пользуясь удобным случаем, я снова представил ему соображение об обращении означенного свободного капитала на те полезные по Кавказскому краю предприятия, о которых он сам завел речь. Предложение это понравилось ему, и по его требованию представлена была мною справка о тех суммах, простиравшихся до 3 миллионов рублей.

По поручению князя Барятинского поднял я тут же вопрос об отмене ежегодного командирования из дальних мест нижних чинов и офицеров в образцовые войска. Едва успел я высказать

мнение главнокомандующего на Кавказе о невыгодах установленного порядка, генерал Сухозанет прервал меня: «Ради Бога, пусть князь войдет с представлением и тем поддержит меня. Три раза докладывал я Государю об упразднении образцовых войск, что дало бы полумиллиона рублей ежегодного сбережения, но Его Величество каждый раз отказывал. Однако ж на днях Государь согласился на отмену присылки людей из Забайкальских войск для сокращения расхода на 18 тыс. рублей. Если князь Александр Иванович сделает со своей стороны представление по тому же предмету и вычислит, сколько получится сбережения в расходах, то, быть может, и будет успех». К этому военный министр прибавил, что учреждаемая стрелковая школа может с пользою заменить образцовый пехотный полк. В этом вопросе Военное министерство сходилось во взгляде с князем Барятинским.

Вообще я мог на этот раз быть вполне довольным приемом и беседою генерала Сухозанета. В тот же день я был приглашен на обед к генерал-адъютанту Лутковскому, у которого сошелся со многими из его сослуживцев по министерству. Все они относились ко мне любезно и приязненно. Во весь следующий день, 23 числа, заперся я в своем номере гостиницы, чтобы справиться с накопившеюся письменною работою, для отправления с фельдъегерем, отъезжавшим в Тифлис с письмом Государя к князю Барятинскому.

24 ноября, в Екатеринин день, я был дежурным при Государе по званию генерал-майора Свиты Его Величества. По заведенному порядку в этот день был назначен переезд царской фамилии из Царского Села в Зимний дворец. Поэтому дежурные — генерал-адъютант, генерал-майор Свиты и флигель-адъютант встретили Их Величества на станции Царскосельской железной дороги и вслед за ними поскакали во дворец великой княгини Елены Павловны, куда были приглашены на завтрак. Их Величества, равно как и обе великие княгини-хозяйки удостоили меня благосклонного внимания. На вопрос Государя: как идут мои дела, я позволил себе откровенно доложить, что они тянутся крайне туго и что ожидание решения их может задержать меня в Петербурге очень долго, в ущерб другим служебным обязанностям моим. Вечером опять имел я случай видеть Его Величество в театре (Михайловском). После представления провел я приятно остаток вечера у Карцовых, в кружке их родственников

и приятелей, собравшихся по случаю именин хозяйки. Вечер закончился танцами.

На следующий день (25 ноября) я был приглашен к обеду у великой княгини Елены Павловны. Предметом разговора, разумеется, были преимущественно дела кавказские. Вечером слушал русскую оперу в ложе Карцовых.

С этого дня мои дела в Военном министерстве принимают совершенно новый оборот. Несколько слов, сказанных мною накануне Государю, произвели магическое действие. Работа в департаментах и в канцелярии министерства закипела, со всех сторон выказывалось старание уладить дело. Сам министр несколько раз приглашал меня к себе; в пять-шесть дней все недоумения и сомнения разъяснены, все препоны устранены, составлены и переписаны набело обширные всеподданнейшие доклады и, по случайному стечению обстоятельств, в один и тот же день, 2 декабря, представлены на Высочайшее утверждение и проект штатов по всем отделам кавказского военного управления, и проект нового устройства морской части, а в Кавказском комитете обсуждались в моем присутствии четыре дела: учреждение православного «Братства Св. Нины», отмена свободного каботажа вдоль Кавказского берега, закрытие порта в Анапе и штаты управления мирными горцами. В тот же день получил я от военного министра извещение, что могу откланяться Государю 3 или 4 числа, с оговоркою, что это не помешает мне присутствовать на выходе 6 декабря.

3 декабря удостоился я приглашения к обеду у Их Величеств. Тут Государь лично объявил мне, что все представления кавказские по военному ведомству Высочайше утверждены; императрица выразила согласие принять предположенное православное «Братство Св. Нины» под свое непосредственное покровительство. Нужно ли говорить, какую радость доставил мне такой нежданно быстрый и успешный оборот дела после тех затруднений и того противодействия, которые перед тем доводили меня почти до отчаяния. Настроение мое было уже совершенно иное, когда дошли до меня ответы князя Барятинского на прежние мои жалобные письма. Вот что писал он мне 26 ноября: «Когда Кузминский (офицер Генерального штаба, прибывший в Петербург курьером) уезжал отсюда, то я, судя по Вашему последнему письму, надеялся, что он Вас уже не застанет более в Петербурге, и потому не писал с ним и отложил до личного свидания с

Вами, чтобы выразить Вам на словах чувства искренней моей благодарности, которыми сердце мое преисполнено к Вам за отчетливое и ясное понятие, которое Вы дали Государю императору о просимых мною преобразованиях. Его Величество остался, как Вы, вероятно, уже сами заметили, весьма доволен Вашим докладом и отзывается о Вас в самых лестных и для меня столь приятных выражениях. Но письмо Ваше 13 ноября, полученное мною вчера, огорчило меня до неимоверности. Я вижу все препятствия, которые Вы встречаете на каждом шагу, и до того сочувствую Вам, что ежели бы Вы и не писали мне о своей болезни, то я бы догадался, что Ваше здоровье должно было пострадать от того глупого и безотчетного противодействия, которое должны Вы встречать в нижних этажах Военного министерства. Я более чем когда-либо получил к ним отвращение. Жду с нетерпением дальнейших известий от Вас и в особенности о Вашем здоровье, которое меня сильно беспокоит. Кроме дружеских моих чувств к Вам и эгоизм мой страдает, ибо я убежден в той великой пользе, которую приносят вверенному мне краю просвещенные и неусыпные Ваши труды»[161].

В другом письме (от 9 декабря) князь Барятинский писал: «Сердце мое обливается кровью, когда слежу за Вашими трудами и за тем тупым и жалким противодействием, которое встречаете Вы на каждом шагу. Я вижу одно доброе в этом испытание для Вас — в том, что откроет Вам, может быть, еще более глаза на фальшивую нашу систему администрации и что по свойственному Вам глубокомыслию и знанию всех потаенных пружин нашей военной администрации Вы составите положительное заключение, как исправить это важное и подавляющее всякое преуспеяние зло»[162].

Последние три-четыре дня в Петербурге провел я исключительно в прощальных визитах; вторично должен был объехать все дворцы. Генерал Сухозанет распростился со мной весьма любезно, также расстался я дружелюбно и со всеми другими лицами, с которыми приходилось мне препираться и которым, в продолжение нескольких недель, я должен был порядком надоесть. 6 декабря в последний раз явился я во дворец, на выход. В этот же день объявлено в Высочайшем приказе о присвоении войскам на Кавказе наименования «Кавказской *армии*» (взамен «Отдельного Кавказского корпуса») с соответствующим переименованием всех должностных лиц военного управления. Со-

общая князю Барятинскому об этой новой царской «милости», я писал: «Переименование это называю милостию потому, что оно есть новое доказательство внимания Государя императора к важности и высокому значению Вашей армии. Никакие опровержения, предостережения, ни возражения не помешали Его Величеству дать кавказским войскам приличествующее им наименование и тем уже решить окончательно множество частных вопросов, возникавших от несообразности в наименовании. Утверждение меня в звании начальника Главного штаба армии также приписываю Высочайшему вниманию ко всем Вашим представлениям и приношу искреннюю признательность Вашему Сиятельству»[163].

В приказе 6 декабря, в числе разных новых назначений и милостей, последовали по Кавказу два приятные для князя Барятинского назначения: генерал-майора князя Григория Левановича Дадиана — в Свиту Его Величества и генерал-адъютанта барона Александра Евстафьевича Врангеля — кутаисским генерал-губернатором. Последнее это назначение было совершенно неожиданно для всех после заявленного бароном Врангелем отказа от предложенного ему места*. В том же приказе объявлено о назначении генерал-адъютантом Николая Николаевича Муравьёва (генерал-губернатора Восточной Сибири) и производстве директора Канцелярии Военного министерства князя В.И. Васильчикова в генерал-лейтенанты.

7 декабря выехал я из Петербурга. В Москве мне нужно было остановиться дня на два, чтобы познакомиться и сговориться с одним молодым человеком, рекомендованным мне знакомыми московскими профессорами в преподаватели моих детей. Это

---

* Оно было сюрпризом и для самого князя Барятинского, который в то время еще приискивал кандидатов на ту должность. В письме ко мне от 9 декабря он указывал на генерал-адъютантов Бетанкура, Огарёва и Тимашёва. Первого из них считал он способным, благородным и образованным, но сомневался в том, согласится ли он расстаться с привычками петербургской жизни; двух других сам признавал неподходящими к условиям кавказской жизни, однако ж поручал мне поговорить с ними, чтобы «пощупать их собственные взгляды». Письмо это, писанное после того, как состоялось уже назначение барона А.Е. Врангеля, не застало меня в Петербурге. Четырьмя днями позже, 13 декабря, князь Барятинский писал мне, что решается назначить в Кутаис князя Георгия Романовича Эристова, с производством в генерал-лейтенанты[164]. Что побудило генерал-адъютанта барона Врангеля переменить свое решение — осталось мне неизвестным.

был Александр Павлович Строев, недавно кончивший курс в университете, сын известного историка и племянник моего товарища по Московскому университетскому пансиону Сергея Михайловича Строева. Юноша этот мне понравился; мы с ним сошлись с первого же свидания и оставалось только снарядить его в дальний зимний путь, на что не потребовалось много времени. В Москве из прежнего моего многочисленного родства оставалось уже весьма немного в живых. Ближайшею была тетка по матери Александра Дмитриевна Неелова, и ту пришлось мне увидеть в последний раз: три месяца спустя (в марте 1858 г.) она скончалась. Москва производила на меня грустное впечатление старого кладбища.

10 декабря покинул я белокаменную вместе с новым моим знакомым Строевым. Несмотря на позднее время года, я должен был ехать в своем прежнем тарантасе, так как зимний путь еще не установился. Как ни торопился я, все-таки мы ехали целых шесть дней от Москвы до Ставрополя: задерживали нас то метели и вьюги, то страшная слякоть, то поломки экипажа. На одной из последних станций, застигнутый сильною метелью, я должен был бросить свой тарантас и пересесть в простые почтовые сани. В Ставрополе провел я день 16 числа, чтобы несколько отдохнуть, а еще более, чтобы дать отдохнуть моему спутнику, изломанному непривычным путешествием. Выехав из Ставрополя 17 числа, возвратился я наконец восвояси 21 декабря.

Нужно ли говорить, как радостна была встреча семьи, начинавшей уже терять надежу на мое возвращение к праздникам. В семье нашел я приращение: в детской прибавилась новая люлька с маленьким существом — дочерью моего шурина Евгения Михайловича Понсе, который, после непомерно долгой проволочки и трудного пути с ребенком, в самую распутицу, добрался только 17 ноября до Тифлиса и вручил своего птенца на попечение моей жены. В то время уже состоялось обещанное ему назначение в число состоящих при главнокомандующем штаб-офицеров, так что он поселился в Тифлисе на постоянное жительство. С другой стороны, мною представлен семье привезенный из Москвы молодой педагог, для которого уже приготовлено было помещение в нашем доме.

Первое свидание мое с князем Барятинским было продолжительным, неистощимым обменом рассказов и вопросов. Несколько раз он выражал свое удовольствие и благодарность за

успешное окончание моей миссии. В письме к военному министру (от 31 декабря) он писал: «Возвратившийся на днях из Петербурга генерал Милютин вручил мне Ваше письмо от 7 декабря и передал все данные ему словесные поручения. Я узнал с большим удовольствием, с каким радушием и добрым расположением он был Вами принят, и я душевно признателен за оказанное Вами содействие удовлетворительному решению всех дел, которые я поручал ему. С нетерпением ожидаю окончательного объявления новых Высочайше утвержденных штатов. В течение 1858 г. будут обрабатываться также и другие преобразования»[165].

В заключение приведу здесь некоторые выписки из письма А.В. Головнина к князю Барятинскому от 10 декабря, привезенного Н.В. Ханыковым вскоре по возвращении моем в Тифлис*. Препровождая при этом письме бумаги по разным государственным вопросам, Головнин писал: «Эти бумаги не были готовы к отправлению с моим уважаемым другом Милютиным. Нужно Вам сказать, что имеем причины жаловаться на генерала: он приехал сюда очарованный Кавказом, как двадцатилетний юноша, увлекающийся своею любовницей и требующий от своей бедной матери — Центральной России — больной, разоренной, пользуемой несведущими и неспособными врачами, невозможных трат на пожертвования в пользу этой прекрасной иностранки, которая его (Милютина) околдовала и которая, наверное, не раз ему изменит». Затем, возвращаясь к прежней проповеди о крайней необходимости сокращения расходов, Головнин выражает сожаление о том, что князь Барятинский не находится в центральном правлении государством, при особе императора: «Теперь, — пишет он, — Вы на краю Империи и Ваше влияние привлекает к той стране, счастливой иметь Вас своим вице-королем, большие средства, людьми и деньгами, но это влияние и этот административный гений непроизводительны собственно для России. Неоспоримые дарования Милютина также потеряны для большого круга деятельности, который он мог бы иметь здесь, — а он скажет Вам, имеем ли мы здесь избыток людей способных. Чем более он привязывается сердцем к

---

* Заимствую это письмо из биографии: «Фельдмаршал князь А.И. Барятинский» Зиссермана, поместившего его в переводе с французского. (Т. II. С. 115).

А.В. Головнин

Кавказу, тем это мне больней, так как в самом деле он мне кажется способным забыть немощную мать ради своенравной любовницы». Далее Головнин опасается, чтобы и сам великий князь генерал-адмирал «не вернулся с Кавказа с теми же мыслями, как Милютин, — что было бы крайне печально. За отъездом Милютина остается у нас Муравьёв, который старается заинтересовать Амуром и китайскими провинциями[166]. К счастью, он не обладает способностью убеждать в такой степени, как мой достойный друг Милютин, и я надеюсь, что он не достигнет такого успеха, каким увенчались поручения последнего. Если бы когда-нибудь мне пришлось тягаться в суде перед предубежденными против меня судьями, то я был бы счастлив иметь его своим адвокатом».

Я же на это скажу, что если бы меня судили за мнимый ущерб, будто бы причиняемый России настойчивыми хлопотами об интересах Кавказа, то я не желал бы иметь против себя такого предубежденного судью, каков достойный друг мой А.В. Головнин.

НАЧАЛО 1858 ГОДА

Несколько дней спустя, по возвращении моем в Тифлис, получено было печальное для моей семьи известие о смерти моей тещи Фредерики Петровны Понсэ. Она скончалась 20 декабря 1857 г. вследствие тяжкой болезни в своем бессарабском имении (Леонтьеве), на руках младшей дочери Доры Михайловны. Таким образом, наступивший новый год встретили мы в глубоком трауре.

В исходе 1857 г. и в начале 1858 г. произошли многие перемены в личном составе кавказского управления как гражданского, так и военного. Еще в отсутствие мое прибыл в Тифлис и вступил в должность новый начальник инженеров генерал-майор Эдуард Фёдорович Кеслер, о котором мне приходилось уже упоминать. Повторю, что это был один из лучших наших военных инженеров, соединявший в себе специальные познания с даровитостью и энергиею боевого офицера. Он был женат на очень милой женщине — Евгении Фёдоровне, которая сблизилась с моею женой и сделалась для нее самою приятною соседкой (инженерный дом, как уже сказано, находился почти рядом с домом начальника Главного штаба). В отсутствие же мое сделаны были князем Барятинским представления о новых назначениях на некоторые из главных должностей*, но состоялись эти назначения только 6 января 1858 года. Князь В.О. Бебутов назначен членом Государственного совета, на его место, председателем Совета наместника — генерал-адъютант князь Гр[игорий] Дм[итриевич] Орбельяни, вместо которого командующим войсками Прикаспийского края — генерал-адъютант барон Ал[ександр] Евст[афьевич] Врангель, а взамен этого последнего, кутаисским генерал-губернатором — князь Георгий Романович Эристов (с производством в генерал-лейтенанты).

---

* Об этих назначениях было сообщено мне князем Барятинским в письме от 13 декабря, которое не застало меня в Петербурге.

Г.Р. Эристов

Князь Вас[илий] Ос[ипович] Бебутов по болезни оставался в Тифлисе и недолго пережил новое свое почетное назначение: ровно через три месяца (7 апреля) он скончался*. Новый председатель Совета наместника князь Гр[игорий] Дм[итриевич] Орбельяни был человек замечательной доброты, обходительный, вполне симпатичный. В молодости он был поэтом (на грузинском языке) и замешан в каком-то безрассудном заговоре, затеянном в среде грузинской молодежи. Князь Г.Д. Орбельяни, как и большая часть участников в этой ребяческой затее, сделался с летами ревностнейшим и достойнейшим слугою правительства.

О бароне Врангеле я говорил уже не раз и считаю лишним повторять его характеристику. Что касается до нового кутаис-

* За пять дней до его смерти, 2 апреля, состоявший под его председательством Кавказский отдел Русского географического общества в общем собрании выбрал меня в свои председатели.

ского генерал-губернатора князя Георгия Романовича Эристова, то его я знал еще в молодости, когда он командовал Горским полком Линейного казачьего войска. И тогда он казался мне человеком тяжелым, «с претензиями»; держал себя серьезно, прикрывая натянутою сдержанностью ограниченность способностей и образования.

Сменились в Тифлисе и губернатор и комендант. Наместник, представив на место генерала Лукаша более молодого генерала Капгера, ходатайствовал о назначении первого из них сенатором, но назначение это состоялось только гораздо позже (в конце 1859 года). О генерале Капгере, бывшем начальнике штаба войск Правого крыла, упоминал я в числе прежних моих товарищей по Генеральному штабу на Кавказе. Это был офицер дельный, хотя и не выдающийся; держал себя с тактом; женат был на умной, образованной женщине — дочери нашего почтенного профессора барона Медема, Антонине Николаевне. С нею приехала в Тифлис и младшая ее сестра — Мария Николаевна, красивая и стройная барышня. Приезд обеих сестер был ценным приобретением для тифлисского общества. Впоследствии младшая сестра вышла замуж за служившего в кавказских войсках бывшего офицера Прусской гвардии Бюнтинга.

Прежний комендант Тифлисский старик Рот получил неожиданное назначение (вероятно, как страстный любитель садоводства) — заведующим сельским хозяйством и колониями в Закавказье. Комендантом же назначен командир Тенгинского полка генерал-майор Алексей Петрович Опочинин. Это была личность типичная: замечательно добродушный, соединявший в себе простоту с наивным самомнением. Женат он был на княжне Варваре Яковлевне Орбельяни, бывшей красавице, добрейшей и любезнейшей женщине. Дом его славился патриархальным гостеприимством; дверь их была открыта всему городу, за столом их всякий приезжий невзначай гость находил себе место. Были у них молоденькие дочки, которые сделались любимыми подругами моих дочерей. Впоследствии одна из них вышла за инженера путей сообщения Статковского, другая — за П.П. Кравченко (Генерального штаба).

Произошли многие перемены и в числе полковых командиров. Упоминаю об этих переменах не только потому, что князь Барятинский придавал особенную важность выбору полковых командиров, но и потому, что в тогдашней службе на Кавказе

А.П. Опочинин

командир полка имел весьма самостоятельное положение и важное значение по кругу своей деятельности. Еще в сентябре 1857 г. генерал-майор барон Николаи, сдав Кабардинский полк полковнику князю Святополк-Мирскому, остался командиром 2-й бригады 20-й пехотной дивизии и командующим войсками на Кумыкской плоскости. Такое служебное положение, по-видимому, не удовлетворяло его честолюбия; он взял отпуск на целый год и в декабре уехал за границу. Преемник его князь Дмитрий Ив[анович] Святополк-Мирский, начавший службу юнкером в том же Кабардинском полку в 1844 г., был в числе любимцев князя Барятинского. В 1855 г. по поводу написанного им анонимного возражения на известное письмо генерала Муравьёва к А.П. Ермолову (о чем в своем месте я упоминал)[167], князь Мирский должен был покинуть на время Кавказ, участвовал в боях под Севастополем, был вторично ранен, назначен флигель-адъютантом, командиром Черниговского пехотного полка, а вскоре потом начальником штаба 5-го пехотного кор-

Князь
Д.И. Святополк-Мирский

пуса. С назначением же князя Барятинского наместником кавказским, по его приглашению, князь Мирский возвратился на Кавказ и, как сказано, принял Кабардинский полк. Это был хороший боевой офицер, умный, даровитый и ловкий.

Затем состоялось еще, в мое отсутствие из Тифлиса, назначение полковника Кононовича командиром Ширванского полка (бывшего «Графского», т. е. графа Паскевича (Эриванского)) на место генерал-майора Свиты князя Васильчикова (Сергея Илларионовича), оставившего полк по болезни. Назначение Кононовича, к сожалению моему, подало повод к удалению с Кавказа одного из лучших офицеров Генерального штаба — полковника Романовского, который рассчитывал получить Ширванский полк, вследствие неверно понятых им слов главнокомандующе-

го. Романовский, пользовавшийся особенным расположением князя Барятинского, обратился к нему лично с неуместными объяснениями, после чего не мог оставаться на Кавказе. Он был отправлен курьером в Петербург с письмом к генерал-квартирмейстеру барону Ливену, которого главнокомандующий просил дать Романовскому назначение вне Кавказа.

Еще два полка получили новых командиров: на место Опочинина командиром Тенгинского полка назначен полковник Рихтер (будущий генерал-адъютант и командующий Императорской Главной квартиры), а Навагинский полк принял полковник Кауфман (Михаил Петрович) от полковника Кемпферта, предназначавшегося на вновь учрежденную (новыми штатами) должность помощника командующего войсками Левого крыла. Полковник Рихтер недолго командовал полком: вскоре последовало назначение его состоящим при Наследнике Цесаревиче Николае Александровиче, и тогда командиром Тенгинского полка назначен полковник Баженов.

С нетерпением ожидали мы формального утверждения и объявления новых штатов, которые еще в бытность мою в Петербурге, как казалось, были уже окончательно одобрены Государем. Оставалось только для соблюдения чистой формальности провести дело через Военный совет. Однако ж, сверх всякого ожидания, дело затянулось. 10 февраля барон Ливен писал мне, что оно не поспело к Новому году, несмотря на все старания генерала Герстенцвейга ускорить работу[168]. Князь Барятинский в письме к военному министру (от 7 февраля) высказывал свои сетования на такое замедление и просил разрешения на постепенное введение преобразований в управлении, не ожидая формального утверждения и опубликования новых штатов[169].

Окончательное объявление их последовало лишь на Пасху 23 марта и только с этого времени все должностные лица Главного штаба и других отделов кавказского военного управления получили новые звания с присвоенными им правами соответственно Положению о полевом управлении действующей армии. Ближайшие мои помощники генерал-майор Карлгоф и Ольшевский переименованы в генерал-квартирмейстера и дежурного генерала; бывший дежурный штаб-офицер корпусного штаба полковник Кузмин занял место генерал-гевальдигера армии; полковник Лимановский назначен начальником канцелярии Главного штаба. С этого времени Главный штаб армии вошел окончатель-

Я.П. Бакланов

но в свои новые, правильные рамки, хотя большая часть личного его состава осталась прежняя. Начальником учрежденного вновь Морского отделения назначен лейтенант Обезьянинов, а капитан Стеценко временно остался при главнокомандующем для поручений. Затем генерал-лейтенант Мейер, генерал-майоры Кеслер, Колосовский, статский советник Невский переименованы в начальника артиллерии, начальника инженеров, генерал-интенданта, генерал-аудитора ***армии*** и т. д. На должности начальников штаба по артиллерийской и по инженерной части вновь назначены: флигель-адъютанты полковник князь Шаховской (Александр Иванович) и полковник Свиридов. Донского казачьего войска генерал-майор Бакланов остался по-прежнему походным атаманом Донских казачьих полков на Кавказе.

В то же время и в отделах Кавказского края образовались военные управления в новой, стройной форме. Помощниками командующих войсками назначены: на Правом крыле — гене-

рал-майор Рудановский (бывший до того начальником штаба на Левом крыле), на Левом крыле — генерал-майор Кемпферт, в Прикаспийском крае — генерал-майор Манюкин, на Лезгинской линии — генерал-майор князь Андроников (Реваз Иванович). Места начальников штабов в отделах заняли: на Правом крыле — полковник Кроиерус, на Левом — полковник Зотов, исправлявший уже ранее эту должность. В Прикаспийском крае и на Лезгинской линии остались начальниками штабов: полковники Радецкий и Астафьев, а в Кутаисском генерал-губернаторстве — полковник Кузминский. В каждый из отделов назначены начальник артиллерии, начальник инженеров, инспектор линейных батальонов и т. д. Оставалось пока по-старому, т. е. не согласованным с новою организациею местного военного управления, только заведование кавказскими казачьими войсками: Черноморское, входившее в район Правого крыла, имело своего атамана в лице генерал-лейтенанта Филипсона, который вместе с тем был командующим войсками Северного отдела Черноморского прибрежья; Линейное же казачье войско, часть которого входила в район Правого крыла, а другая — в район Левого, имела атаманом генерал-майора Рудзевича. В каждом из двух казачьих войск общее управление сосредоточивалось в войсковом штабе. Начальниками этих штабов были: в Черноморском войске — генерал-майор Кусаков (который в былое время, в первое и вторичное мое пребывание на Кавказе, был дежурным штаб-офицером штаба войск Кавказской линии и Черномории), а в Линейном казачьем войске — генерал-майор Попандопуло. Преобразование управления в казачьих войсках соответственно общему разделению края было связано с существенными изменениями в самом составе и организации обоих войск, а потому требовало довольно сложной и продолжительной подготовительной работы, к которой и было приступлено.

* * *

В январе 1858 г. прибыл в Тифлис Н.В. Ханыков. Он привез письмо к князю Барятинскому от великого князя Константина Николаевича*, который просил наместника оказать покровительство предпринятой ученой экспедиции. «Я убежден, —

---

* В автографе далее зачеркнута дата: «от 10 декабря» (*примеч. публ.*).

писал великий князь, — что предприятие это принесет самые важные последствия, приготовив нам пути к дальнейшим действиям на Востоке, и потомство не будет вправе сказать, что мы сидели сложа руки в то время, когда несчастная Индия борется, чтобы свергнуть ненавистное иго англичан. Ханыков везет от меня письмо к Дост-Магомет-хану. Надеюсь, что ему удастся лично ему вручить его»[170]. Князь Барятинский принял Ханыкова благосклонно, но как уже сказано, мало сочувствовал его миссии, не ожидая от нее успеха. Ханыков пробыл в Тифлисе недолго, собирал кое-какие справки и сведения в штабе и дипломатической канцелярии. Мы с ним условились относительно переписки нашей на время его странствований, опасаясь, что сообщения его могли попадать в руки английских агентов, мы придумали особый шифр в форме метеорологических таблиц. Из Тифлиса отправился он в Баку и далее морем в Астрабад. К сожалению нашему, прежде чем успел он доехать даже до Хорасана, уже получены были известия, что в Индии англичанам удалось подавить мятеж и жестоко расправиться с несчастными инсургентами. Конец восстанию положен был взятием Лукнова английскими войсками 7 (19) марта[171].

Вследствие возникших снова предположений о приезде на Кавказ в предстоящее лето великого князя Константина Николаевича, князь Барятинский в письме от 27 января писал Его Высочеству, что готовит для него проекты маршрутов в таком предположении, что на весь объезд Кавказского края будет посвящено недели три или четыре[172]. И на этот раз князь Барятинский возлагал надежды на полезные последствия своего свидания с великим князем и личного его осмотра Каспийского моря, на котором наше судоходство находилось в самом жалком состоянии. В этом убедилось и Военное министерство по поводу предположенной в то время перевозки на Кавказ «маршевых» батальонов, назначенных на укомплектование Кавказской армии. Барон Ливен в письме от 10 февраля сетовал на недостаточность транспортных средств, так как по собранным данным, на перевозку означенных 6 батальонов с устий Волги в Петровск потребуется целый месяц. При таких условиях можно ли было помышлять о распространении нашего влияния в закаспийских странах? Между тем в Морском министерстве, в видах сокращения сметы, уже решено было упразднение Каспийской флотилии, оставалась одна надежда на образование частной компании

для развития судоходства на Каспийском море. Князь Барятинский горячо поддерживал проектированную компанию под наименованием «Кавказ», но немало нужно было времени, чтоб это дело прошло через все мытарства петербургской бюрократии[173].

Вскоре узнали мы, что предполагавшееся путешествие великого князя Константина Николаевича было опять отменено под предлогом ожидаемых родов великой княгини Александры Иосифовны и предположенного будущею осенью (!) дальнего путешествия Государя на север России, до Архангельска. Об этой перемене планов Его Высочества писал А.В. Головнин князю Барятинскому (еще 27 января) и мне (19 февраля)[174]. Но в самых этих письмах сквозили между строками намеки на иные причины перемены. Кажется, что сущность дела заключалась в происходившей тогда закулисной интриге против великого князя, который своими либеральными стремлениями и в особенности живым участием в деле освобождения крестьян из крепостного ига навлек на себя озлобление и ненависть закоренелых крепостников и ретроградов. А.В. Головнин, в письме к князю Барятинскому, упоминая о нападках «некоторых лиц» в Петербурге на образ действий великого князя, прямо указывал на враждебное ему «трио» из графа Влад[имира] Фёд[оровича] Адлерберга, графа Викт[ора] Ник[итича] Панина и Мих[аила] Ник[олаевича] Муравьёва. Партия ретроградов только того и желала, чтобы устранить великого князя от влияния на дела и для того удалить его из Петербурга. Вот почему все, сочувствовавшие ему и либеральному его направлению, отклоняли его от путешествия на Кавказ, не предвидя, конечно, что впоследствии удастся враждебной партии добиться удаления великого князя уже не на Кавказ и не на один только месяц, а на весьма продолжительное время, в дальнее странствование[175].

Переписка моя с Головниным продолжалась по-прежнему; он сообщал мне разные записки и проекты, ходившие тогда по рукам в Петербурге или поступавшие на обсуждение в высшие правительственные инстанции. По-прежнему чаще всего возвращался он к теме о положении наших финансов, о крайней необходимости сбережений и не переставал укорять кавказское начальство в расточительности. «Какое государство в мире, — писал он 14 марта, — в состоянии держать постоянно 300 тыс. войска на военном положении и терять в год постоянно по

В.П. Бутков

30 тыс. человек? Какое государство может уделять шестую часть всего дохода на одну область?!!»[176]

Дело об учреждении компании пароходства на Каспийском море разрешилось, наконец, в апреле месяце, о чем Бутков поспешил уведомить князя Барятинского письмом от 2 апреля[177]. В то же время Морским министерством внесен в Государственный совет проект преобразования портовых управлений[178]. Бутков задержал это дело и прислал его предварительно на заключение наместника, указав при этом в проекте Морского министерства нарушение особых прав кавказского наместника, так как предполагалось и кавказские порты подчинить наравне со всеми другими прямо министерству. В письме от 25 апреля Бутков советовал князю Барятинскому сделать на означенный проект

«сильные замечания»[179]. Вообще в письмах Буткова выказывалось явное желание угождать князю Барятинскому, выставляя себя ревностным охранителем прерогатив наместника. Только этою целью можно объяснить встречающиеся в его письмах наговоры на счет великого князя, похожие на желание поселить между ним и князем Барятинским рознь и недоверие, в чем, однако ж, едва ли можно заподозрить Буткова.

Впрочем, подобные же наговоры попадаются в письмах его и на других лиц, вероятно, все из того же желания выказать князю Барятинскому свою преданность. Так, например, в упомянутом уже письме от 2 апреля он писал на счет князя Ал[ександра] Мих[айловича] Горчакова: «Не знаю, что сделало ему Кавказское наместничество, только он беспрестанно толкует о необходимости, в видах политического слияния Кавказа с Империей, подчинить Вас министрам по принадлежности и уничтожить Кавказский комитет, внося Ваши дела в Государственный совет и Комитет министров. Конечно, его никто не слушает, но ведь и капли пробивают камень». Такие известия из Петербурга не могли не иметь влияния на расположение духа наместника кавказского и без того уже настроенного враждебно против всего петербургского синклита.

С князем Горчаковым продолжалась переписка относительно Черноморского берега, несмотря на то, что дело это казалось улаженным еще в бытность мою в Петербурге. Предложенный мною тогда компромисс — приостановить закрытие порта в Анапе до времени открытия нового порта в Поти, по-видимому, удовлетворило нашего министра иностранных дел. В ответе на письмо князя Барятинского от 1 января князь Горчаков выражал по этому поводу свое удовольствие и просил о своевременном извещении его об открытии Потийского порта, лишь только оно состоится, дабы можно было немедленно объявить об этом распоряжении для успокоения английских министров, которые уверяют, что вовсе не имеют намерения придираться к нам, но что вынуждены сообразоваться с общественным мнением английского народа, чрезвычайно чуткого ко всему, что касается торговых интересов. По выражению князя Горчакова, с объявлением об открытии нового порта в Поти мы дадим британскому министерству аргумент против оппозиции и доставим им случай доказать нам заявляемое ими доброжелательство. К этому князь Горчаков добавил: «Позже мы можем бросить цер-

беру несколько других кусков *последовательным открытием еще других маленьких портов на прибрежье*»[180]. Из этого письма видно, что князь Горчаков уже позабыл, что открытие Потийского порта было предложено взамен Анапского, который решено закрыть иностранным судам. Он даже упоминал, будто бы сам Государь успокоил его насчет Анапы, удостоверив, что закрытие его последует лишь по открытии порта Константиновского в Цемесской (Новороссийской) бухте.

В то же время и военный министр в письме к князю Барятинскому от 14 января писал: «Министр иностранных дел просит меня войти с Вами в сношение: не можете ли Вы весь 1858 г. и весну 1859 г. удержать еще существование Анапы, хотя бы Поти и мог быть открыт в навигацию 1858 года. Существование Анапы, пока как пункта береговой линии, по соображению князя Горчакова, весьма важно в дипломатических его сношениях»[181]. В ответе на это князь Барятинский (24 января) объяснял, в какое затруднительное положение ставится кавказское начальство дерзостью иностранных авантюристов, поддерживающих в горском населении враждебность к нам, и как трудно в борьбе с этими происками избегнуть боевых столкновений, которые еще более возбуждают жалоб и упреков против нас[182]. Примером таких столкновений указывались прошлогодние случаи под Геленджиком и Туапсе, подавшие повод к протестам со стороны англичан. Однако ж князь Горчаков и после того настаивал, чтобы на Кавказском берегу Черного моря был открыт сколь можно в большем числе пунктов доступ иностранной торговле.

Даже и в Поти открытие порта было не таким легким и простым делом, как могло казаться дипломатам. Устья Риона представляют такие естественные затруднения для судоходства, что устройство хотя бы и самого скромного порта требовало значительных работ, а прежде всего необходимо было произвести тщательные исследования течения Риона и местности при устьях реки, где предполагалось устраивать новый город. Следовало принять меры, чтобы осушением болот сколько-нибудь ослабить губительное действие климата. На все это нужны были и продолжительное время, и крупные денежные средства, и весьма искусные инженеры. Князь Барятинский, не имея слишком высокого мнения о наших инженерах, признал нужным вызвать французского техника Бельвалэ. Между тем относительно паро-

ходства по Риону состоялось соглашение с Н.А. Новосельским, который обязался к лету прислать для пробы маленький пароход, соответствующий местным условиям, выясненным прошлогодними изысканиями. Решено было произвести первое испытание в мае месяце.

Со своей стороны, генерал Филипсон еще в ноябре 1857 г. известил меня о результатах произведенных изысканий на Кубани. Он признавал возможность пароходства по этой реке, по крайней мере от устья до станицы Тифлисской, и просил разрешения заказать через посредство того же Новосельского особый пароход, приспособленный к свойствам Кубани. Генерал Филипсон еще недоумевал — передать ли дело в руки частной компании или оставить в казенном управлении. Вопрос о пароходстве на Кубани обсуждался в Петербурге. Только 5 мая последовало Высочайшее утверждение предположения с тем, чтобы оно было приведено в исполнение на местные средства. Военный министр, уведомляя об этом решении (в письме от 6 мая), указывал источник для покрытия расхода — капиталы Черноморского казачьего войска, добавив: «Хотя бы заимообразно»[183]. О дальнейшем ходе этого дела скажу в свое время.

ЗИМНИЕ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ. ЗАНЯТИЕ АРГУНСКОГО УЩЕЛЬЯ*

Представленные обычным порядком в Петербурге предположения о военных действиях на 1858 г. ограничивались перечислением работ, предстоявших во всех отделах края и большею частию составлявших продолжение прежней программы[184]. Новые предприятия заключались: на Правом крыле — в устройстве на р. Адагуме штаб-квартиры Крымского пехотного полка; на Лезгинской линии — в устройстве штаб-квартиры Тифлисского гренадерского полка в Лагодехах и перемещении Переяславского драгунского полка в Царские колодцы; на Левом крыле — в постройке центрального укрепления в Малой Чечне взамен предназначенных к упразднению нескольких малых и вскользь упоминалось о предположении овладеть *одним* из ущелий Черных гор, каким именно — держалось в тайне.

---

* В первоначальном варианте заголовка в конце значится: «Евдокимовым» (*примеч. публ.*).

На Правом крыле — после поражения, нанесенного Майкопским отрядом Магомет-Эмину 30 ноября 1857 г. в верховьях Ходзя, зимние действия заключались в поисках в долину Курджипса и в верховья р. Пшехи. *Многочисленная шайка* горцев предприняла смелый набег на Кубань и покушалась перейти реку по льду, но была прогнана с уроном. С другой стороны, в отряде полковника Лихутина две роты Кубанского пехотного полка были застигнуты врасплох нападением горцев и понесли значительную потерю. Несчастный этот случай подал повод военному министру сделать упрек кавказскому начальству в том, что в известиях, печатаемых в газетах «Кавказ», «умалчиваются некоторые маленькие неудачи». В письме от 14 января генерал Сухозанет писал князю Барятинскому: «Полагаю, полезнее и соответственнее достоинству правительства писать правду, заставить этим верить безусловно нашим показаниям и тем предупредить неприязненные вести журналистики иностранной. Так действовал в Крыму князь Меншиков, и единственно его сведениям Европа верила»[185]. Не верилось глазам, читая эти строки: давно ли строго преследовалось малейшее нарушение тайны обо всем, происходившем на Кавказе?

Генерал Козловский закончил зимнюю кампанию удачным наступательным движением за р. Белую в глубь Абадзехского населения. Князь Барятинский в письме к военному министру от 7 февраля[186] выставлял заслуги генерала Козловского, который, несмотря на свои преклонные лета и подорванное здоровье, провел большую часть зимы в действующем отряде. Главнокомандующий ходатайствовал о награждении почтенного кавказского ветерана орденом Св. Александра Невского с алмазами, а также о знаке Высочайшего внимания к трудам и боевым заслугам закубанских отрядов. Ценя и уважая генерала Козловского, князь Барятинский находил, однако же, что пора дать старику почетный отдых, и считал справедливым возмездием за его многолетнюю боевую службу назначение членом Военного совета. Об этом было мне поручено хлопотать в бытность мою в Петербурге, но военный министр тогда объявил мне наотрез, что желание князя Барятинского неисполнимо, прибавив, что возможно разве одно — назначение В.М. Козловского в Генерал-аудиториат, что впоследствии и состоялось.

Результатом зимних действий Майкопского отряда было устройство передовой кордонной линии вдоль р. Белой, расчистка

В.М. Козловский.
Рис. Е.Е. Лансере

мест для предположенного летом водворения новых казачьих станиц и проложение некоторых дорог через лесистые местности предгорий. Новая линия по р. Белой, примкнув своею левою оконечностью к самым горам, значительно сократила протяжение кордона и прикрыла обширное пространство плодородной равнины, предназначенной для казачьего населения. Но самое предположение о заселении обширной Закубанской равнины частью донскими казаками, частью вытесняемыми из гор туземными племенами оставалось еще вопросом нерешенным[187]. Выше упоминал я, что предположение это с самого начала было встречено в Петербурге несочувственно и вызвало много возражений[188]. Так, генерал Коцебу, которому записка моя по этому предмету была препровождена военным министром на заключение, доставил письменное мнение, с которого копию сообщил

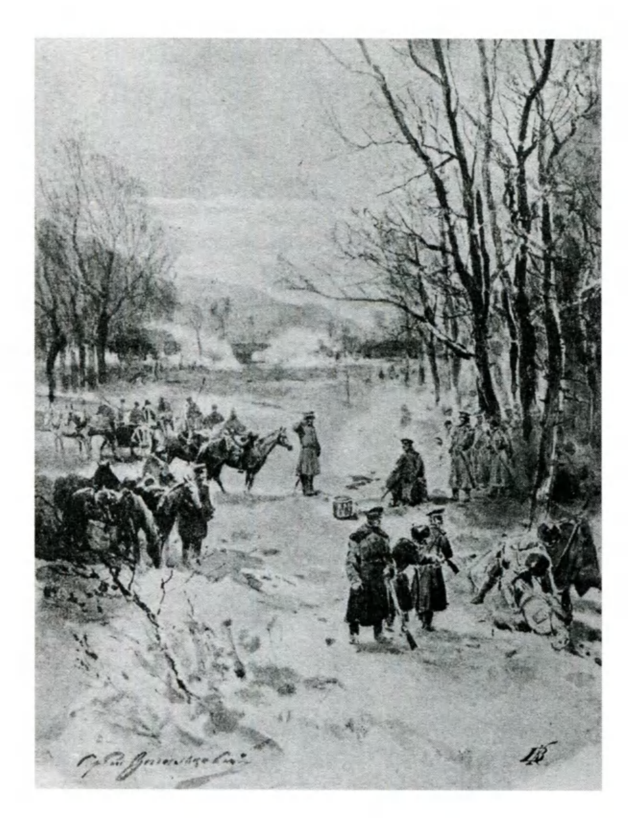
князю Барятинскому при письме от 1 января 1858 года. На замечания генерала Коцебу князь Барятинский сообщил свои возражения генералу Сухозанету при письме от 7 февраля[189]. До получения еще этих возражений, барон Ливен писал мне (10 февраля), что означенное предположение многими признается мерою опасною и что в подтверждение этих опасений указывается пример неудачной попытки генерала Муравьёва выселить некоторые аулы в Ставропольскую губернию; выселение же целого народа, по выражению барона Ливена, может вызвать катастрофу[190].

Князь Барятинский не настаивал на немедленном решении вопроса о заселении Закубанского края и вообще о системе действий на Правом крыле; это был пока вопрос будущего. Насущное же, первостепенное значение имели в то время действия на Левом крыле. Все внимание и заботы главнокомандующего были обращены на распоряжения генерала Евдокимова.

На Левом крыле войска почти круглый год не имели отдыха. После описанных выше осенних действий продолжалась зимой расчистка просек в Чечне, истребление посевов и запасов непокорных аулов. Доведенные до крайне бедственного состояния, чеченцы в то же время терпели суровый гнет Шамиля и его наибов. Значительная часть населения, еще подвластного имаму, начала сознавать неизбежность подчинения русской власти. Только боязнь жестокого со стороны Шамиля возмездия за измену удерживала еще чеченцев от поголовного изъявления покорности. Но там, где близость наших войск позволяла чеченцам безнаказанно ускользнуть из-под надзора шамилевых мюридов, целые аулы, сотни семейств с имуществом и скотом выбегали из лесных или горных трущоб с изъявлением покорности русскому падишаху.

Военный министр в письме от 14 января писал главнокомандующему: «Последними журналами генерала Евдокимова Государь был чрезвычайно доволен. Начальникам и офицерам объявлено Высочайшее благоволение, а нижним чинам пожаловано по рублю. Награждение самого Евдокимова отложено до окончания второго периода экспедиции»[191].

Князь Барятинский торопил Евдокимова приступить к важнейшему акту условленного плана действий — прорыву сквозь пресловутое Аргунское ущелье, считавшееся дотом недоступным и не видавшее еще никогда русского солдата. Отважное это предприятие и должно было составить второй период зимних



Зимняя чеченская экспедиция

действий; положено было исполнить его около половины января. Срок этот прошел, князь Барятинский был в нервном волнении. Вот что я писал 19 числа генералу Евдокимову: «Его Сиятельство с крайним нетерпением ожидает первого от Вас курьера с донесением об успехе предпринятого Вами движения. В настоящую минуту, вероятно, существенное дело уже решено. Дай Бог, чтобы оно совершилось успешно и сколь можно с меньшею потерей. Но Вам остается еще труднейшее дело — утвердиться в занятом крае и дать ему то значение, которое может изменить совершенно наше положение в целом крае. При всех трудах и заботах, которые Ваше Превосходительство теперь выносите, Вы имеете утешение — надеяться на великие результаты Ваших предприятий»[192].

Когда писано было это письмо, самый трудный шаг был уже сделан, и притом с полнейшею удачей, свыше всяких ожиданий.

Все приготовления к предстоявшему предприятию, как-то: подвоз запасов, распределение складов и самая группировка войск были соображены генералом Евдокимовым так искусно, что никто не подозревал настоящего намерения его. Шамиль, введенный в полное заблуждение, приготовился к защите Большой Чечни и стянул главные свои силы к Автуру. Аргунское ущелье предоставлено охране местного населения под предводительством шатоевского наиба Батока. Войска наши, собранные предварительно в трех пунктах: Грозной, Бердыкеле и Воздвиженском, быстрым движением стянулись 15 числа к этому последнему пункту, где составился сильный отряд в 19 $^1/_2$ батальона, 4 эскадрона драгун, 15 сотен казаков с 28 орудиями.

В ту же ночь с 15 на 16 января главная колонна под начальством генерал-майора Мищенко двинулась по левому берегу Аргуна; боковая генерал-майора Кемпферта — по правому. Последней пришлось пробираться без дороги, по глубокому снегу, большею частью лесом. На рассвете 16 числа голова главной колонны подошла совершенно неожиданно к завалу, устроенному горцами при входе в ущелье. Один батальон спустился влево к самому руслу реки, а с другой стороны, вправо направлена колонна полковника Рихтера из двух батальонов по крутому скату горы, в обход левого фланга неприятельской позиции. В то самое время, когда Рихтер, двигаясь с большим трудом, по колена в снегу, занял гору справа, показалась слева голова колонны Кемпферта, следовавшая вдоль правого берега Аргуна. Застигнутые внезапно, оторопелые защитники завала покинули свою крепкую позицию; вход в страшное ущелье занят почти без потерь (всего 1 убитый и 6 раненых нижних чинов).

На другой день 17 числа колонна Кемпферта заняла без сопротивления аул Дачу-Барзой, лежащий при слиянии обоих Аргунов: западного — Чанты-Аргуна и восточного — Шаро-Аргуна. Главная колонна также продвинулась вперед, и началась усиленная рубка леса как назад, для открытия удобного сообщения с Воздвиженским, так и вперед, для облегчения дальнейшего наступления отряда вверх по Чанты-Аргуну. Действуя всегда осторожно и предусмотрительно, Евдокимов, по занятии Дачу-Барзоя, приостановился, чтобы утвердиться тут постройкой укрепления и ознакомиться с лежащею впереди местностью. Укреплению дано название «Аргунское». Приступлено к постройке

П.И. Кемпферт

моста на Аргуне, для открытия сообщения между обеими колоннами.

Донесение об удачном исполнении рискованного предприятия получено в Тифлисе 25 января. Оно, конечно, чрезвычайно обрадовало князя Барятинского, который в письме от 26 числа писал Евдокимову: «Вы меня сколько обрадовали, столько же и удивили, почтеннейший и любезнейший Николай Иванович. Обрадовали занятием Аргунского ущелья, потому что всем и каждому на Кавказе известно, какое с этим словом связано прошедшее и будущее. Удивили — неимоверно малою потерей людей. Попытки проникнуть туда до сих пор были все неудачны и кровопролитны. Душевно Вас благодарю и вместе с тем отправляю сегодня же курьера к Государю императору со всеподданнейшею просьбой оценить Ваш подвиг. Его Величество в собственноручном письме ко мне от 14 января изъявляет особенное свое удовольствие за первый период Ваших действий и

жалует Вашему отряду по 1 рублю серебром на человека. Я же обнимаю Вас дружески, почтеннейший Николай Иванович, и желаю Вам счастья и успеха в нынешнем году, будучи уверен вперед, что с умением и опытностью Вашими Вы окажете вновь основательные услуги, которые приблизят падение Шамиля ... Ожидаю с нетерпением дальнейших Ваших известий и военных предположений касательно новых Ваших завоеваний»[193].

В том же письме князь Барятинский извещал Евдокимова о назначении барона Врангеля на место князя Орбельяни, прибавил, что он поедет в Дагестан через Грозную с тем, чтобы иметь свидание с Евдокимовым «может быть в Аргунском ущелье».

Весть о прорыве русских войск в Аргунское ущелье должна была, конечно, сильно озадачить Шамиля и всех его приверженцев. На первых порах он отрядил своего сына Казы-Магома с толпою лезгин в долину Шаро-Аргуна; небольшая партия горцев заняла вершину горы Дарген-Дук, замыкающей Аргунское ущелье с восточной стороны. Наиб Батока со всем сборищем, какое успел собрать из местного населения, преградил с фронта дальнейший путь нашим войскам по ущелью Чанты-Аргуна.

Толпы неприятельские начали тревожить войска, занятые работою на обоих берегах реки, особенно на правом. Евдокимов счел нужным отбросить беспокоивших его соседей. 3 февраля две колонны генерала Кемпферта и Рудановского двинулись по обоим берегам Шаро-Аргуна, выбили неприятеля из ближайших аулов, истребили эти последние, а 5 числа продолжая движение вверх по той же долине совсем прогнали скопище Казы-Магома, который сам едва спасся бегством. Затем приступлено к рубке широкой просеки по лесистому скату Дарген-Дука, и неприятель уже не мешал работе.

Для облегчения трудной задачи Евдокимова производились демонстрации со стороны Кумыкской плоскости. Движение полковника князя Святополк-Мирского в Аух к Зандаку, в верховья Ярык-Су, Яман-Су, Акташа имело последствием выселение из горских аулов еще многих семей, искавших только случая перейти под защиту русских войск. Принимавшее все большие размеры выселение чеченцев на нашу сторону служило явным признаком упадка власти Шамиля и обаяния его имени среди населения. Занятие же нашими войсками Аргунского ущелья нанесло ему весьма чувствительный удар: горная котловина обоих Аргунов разобщила Малую Чечню от Большой. По

сведениям из гор, имам назначил съезд главным своим наибам в Карате для совещания о мерах противодействия успехам русских. Дано было всем наибам приказание немедленно составить списки всех людей, годных к действию оружием, а также к работам, со включением в эту вторую категорию даже женщин. Разосланы во все стороны агенты для поддержания духа в племенах, наиболее подверженных опасности от наших нападений, и для возбуждения против нас мирного населения.

В начале февраля Евдокимов представил главнокомандующему свои предположения: он имел в виду по устройстве укрепления Аргунского (при слиянии двух Аргунов) и вырубке начатых просек предпринять движение в нагорную часть Малой Чечни, чтобы очистить это пространство от гнездившихся еще враждебных нам аулов и тем обеспечить свой тыл при дальнейшем движении в нагорную, безлесную часть Большой Чечни. Главнокомандующий утвердил этот план (7 февраля), но с подтверждением, чтобы «просека в направлении к Веденю была исполнена непременно теперь же, шириною не менее 500 сажень, с совершенным истреблением вырубленного леса».

В исполнение этого настойчивого указания главнокомандующего, Евдокимов усилил рубку леса на правой стороне Аргуна по скату горы Дарган-Дук. Работа к концу февраля настолько подвинулась, что он решился занять вершину этой горы, возвышающуюся футов на 6 тыс. над дном долины. Этому пункту придавалось особенное значение в том предположении, что отсюда тянется безлесный кряж, открывающий доступ в обход всей лесистой полосы Большой Чечни, в тыл Веденю — главному гнезду Шамиля. В ночь на 1 марта Евдокимов, стянув на правом берегу Аргуна до 13 $^1/_2$ батальона, двинул их на гору двумя колоннами под начальством Кемпферта и Мищенко. Сначала войска двигались свободно по разработанной просеке, но затем движение по глубокому снегу в чаще лесной становилось все труднее. Колонна растянулась, многие вьючные лошади обрывались в пропасти, и в том числе некоторые с горной артиллерией. Однако ж все препятствия были преодолены. Появление наших войск на вершине горы поразило своею неожиданностью горцев, которые считали этот пункт до того безопасным, что избрали его убежищем для семей из близлежащих аулов, с имуществом их. Охранявшая это сборище женщин, детей и стариков небольшая партия вооруженных горцев разбежалась. Ютившим-

ся тут в полуразвалившихся кутанах и шалашах семействам ничего другого не оставалось, как просить русского генерала принять их под свое попечение. Заняв вершину, Евдокимов приказал немедленно приступить к рубке леса кругом, вековые деревья валились на широком протяжении просеки, срубленные великаны и мелкая поросль сжигались, клубы дыма застилали небо, а по ночам долина освещалась на далекое пространство. По неимению корма на вершине горы и по затруднительности подвоза Евдокимов был вынужден спустить в долину сперва всех состоявших в отряде лошадей, а потом и самые войска, оставив на вершине горы только передовой пост при 2 орудиях. Горцы несколько раз по ночам тревожили этот пост выстрелами и даже предпринимали нападения на рабочих и на транспорты, посылаемые на гору с продовольствием, но во все разы были отражаемы с уроном.

Утомленный физически и нравственно непрерывными в продолжение двух месяцев военными действиями в зимнее время года, Евдокимов на шестой неделе Великого поста (9 марта) уехал из отряда в Грозную, чтобы говеть и хоть несколько отдохнуть. В это время было уже известно, как оценили в Петербурге новую блестящую заслугу Евдокимова. Даже малознакомые с Кавказом не могли не дивиться занятию страшного Аргунского ущелья. Барон Ливен в письме ко мне от 10 февраля, поздравляя с одержанным важным успехом, присовокупил, что «теперь можно уже предвидеть скорый конец на Левом крыле». Отряду объявлено Высочайшее благоволение, нижним чинам пожалована обычная денежная награда, главный же виновник одержанного блистательного успеха генерал Евдокимов получил орден Белого орла!!

По-видимому, он ожидал иной оценки оказанной им заслуги и был очень огорчен полученною «очередною» наградой. Исполнявший в то время при нем обязанности начальника штаба полковник Зотов писал мне (12 марта из Грозной), что Евдокимов «хандрит и толкует об отставке». Зотов приписывал это настроение между прочим неудовольствию на сделанные главнокомандующим изменения в представленном Евдокимовым плане действий, и будто бы на то, что «его заставляют делать то, что он считает преждевременным». К этому прибавил Зотов: «Бедные наши войска крайне изнурены и обносились, а отдыха иметь не будут; май и июнь будут заняты покосами»[194].

К сожалению, «хандра» Евдокимова могла быть вызвана еще другою, гораздо более вескою причиной. Не могла не доходить до него злая молва, распущенная на его счет относительно приписываемых ему корыстных действий. До сих пор подобные нарекания ограничивались сплетнями злоязычных болтунов в тесных границах местных кружков. Теперь же, быть может, именно вследствие громких успехов, возбуждавших зависть, наветы и подозрения начали разрастаться, раздаваться громче и дошли даже до высших петербургских сфер. Военный министр в письме к князю Барятинскому от 14 января уже прямо заявлял: «Так как Вы мне дозволяете доводить до Вашего сведения, хотя неофициальные, но сильно подтверждаемые мысли, — то с прискорбием должен сказать, что мнение о благонамеренности и бескорыстии Евдокимова сильно омрачает его военные достоинства»[195]. Сам Государь в собственноручном письме от того же 14 числа писал: «Malheureusement, tout en rendant pleine justice aux talents militaires de Евдокимов, je ne peux vous cacher qu'on reçoit des notions fort désagréables sur les malversations qu'il se permet de faire pour la partie pécuniaire de son resort. Je dois y porter toute votre attention pour que vous y mettiez le hola, si c'est possible sans esclandre. Si non, il faudra bien le sacrifier au bien général du service et penser a son remplaçant»*[196].

Понятно, как должны были огорчать князя Барятинского подобные подозрения на счет человека, на которого он возлагал все свои надежды, который один был в состоянии успешно выполнить задуманный план покорения Кавказа. В ответе своем Государю от 26 января князь Барятинский высказал это откровенно, заявив притом, что имев возможность близко следить за всеми действиями генерала Евдокимова, никогда не находил в них ничего, что давало бы основание к обвинению его в корыстных поступках. Князь Барятинский приписывал распускаемые на счет Евдокимова наветы некоторым лицам, интригующим против него и в пользу других генералов, составивших себе в крае партию приверженцев. В числе этих генералов указывал

* «К сожалению, продолжая воздавать полную справедливость военным талантам Евдокимова, не могу скрыть от Вас, что сюда доходят сильно разочаровывающие известия о растратах, которые он себе позволяет делать в пользу финансоввых интересов своей компетенции. Хочу обратить все Ваше внимание на то, чтобы положить этому конец, если это можно сделать без скандала. Если же нет, придется пожертвовать им во имя блага всей службы и подумать о том, кто его заменит» (*фр.*).

он на барона Николаи, Суслова, Бакланова, которые при всех своих военных достоинствах не имели в глазах князя Барятинского большого веса в деле управления краем[197].

В ответ на это письмо Государь, отдавая справедливость новой важной услуге Евдокимова, высказался, однако же, о нем в таких выражениях, которые явно показывали, что защита князя Барятинского не рассеяла возникших подозрений[198]. Толки и переписка по тому же предмету, как увидим, возобновились не далее, как в исходе того же года. Казалось, что соразмерно успехам Евдокимова росла и интрига против него.

Приведенная щекотливая переписка, конечно, велась в тайне, с обычными пометками «весьма секретно»; несмотря на то, отголоски ее, по всем вероятиям, достигли до Евдокимова. Быть может даже, что и сам князь Барятинский не скрыл от него прискорбных нареканий. Полагаю, что в них-то и заключалась главная причина того удрученного настроения, в которое он впал вслед за одержанным важным успехом. Он был в таком нервном состоянии, что все раздражало его, все принималось им в обидном смысле. Между прочим, к крайнему моему сожалению, находил он и в моих письмах поводы к неудовольствию, тогда как я со своей стороны постоянно относился к нему с полнейшим и искренним уважением. После упомянутого уже одного подобного случая снова показалось ему почему-то обидным, что в письме от 10 февраля по поводу известия об успешных делах на правом берегу Аргуна (3 и 5 февраля) высказано было мною пожелание ему новых успехов, «чтобы задать еще более острастки неприятелю». Безобидное это пожелание Евдокимов принял за упрек в излишней его осторожности и уклонении его от боя. В длинном письме от 14 марта он писал: «Уже не думаете ли Вы в самом деле, что я уклоняюсь от боя ради излишней осторожности? Выхожу из пределов постоянного моего правила молчать о собственных своих делах и постараюсь, в опровержение такого мнения, — если в самом деле есть, — привести здесь несколько фактов, совершенно достаточных для разрешения подобного обстоятельства». Затем идет длинный перечень одержанных в последнее время успехов, указывается на благоприятное изменение положения дел в крае. «Все это, — пишет он, — совершилось в такой короткий срок, который достаточен для засвидетельствования, что при исполнении не было упускаемо благоприятных обстоятельств, а, несмотря на

то, от меня требуют еще большего. Отчего это? Неужели я сделал меньше других?»* Высказав необходимость полной осторожности в наших действиях и опасность излишнего увлечения пренебрежением к врагу, Евдокимов заканчивает свое письмо просьбой — быть снисходительным «к простоте слога старого кавказского солдата, не посвященного в тайну дипломатической мудрости».

Крайне удивленный таким неожиданным письмом Евдокимова, я, разумеется, поспешил успокоить обидчивого генерала и в ответном письме от 22 марта писал ему: «Неужели в самом деле Ваше неудовольствие могло быть вызвано одною фразой моего письма, написанной без малейшего намека, в совершенной простоте души? Согласитесь сами, что всякий знающий, что такое Аргунское ущелье и что значит занятие такого пункта, был вправе выразить надежду, что теперь-то Вы и зададите неприятелю острастку». Закончил я письмо словами: «Убедительно прошу Вас, Николай Иванович, на будущее время не искать в моих письмах никаких изворотливых намеков, а принимать мои слова за чистосердечное выражение моего горячего соучастия в Ваших успехах, столь важных и для будущности края, и для Вашей собственной славы»[199].

В исходе марта Евдокимов возвратился в отряд и начал готовиться к предположенному движению в Малую Чечню. Укрепление Аргунское к тому времени было приведено в обеспеченное положение и снабжено запасами; сообщение с Воздвиженским устроено. К сожалению, наступившая распутица и половодье в реках сильно затруднили передвижение войск и транспортов. Устроенный на Чанты-Аргуне между укреплением Аргунским и Дачу-Барзоем временный мост снесло потоком, а дорога в самом тесном месте ущелья была на некоторое время преграждена обвалами. Несмотря на такие невыгодные условия, Евдокимов решился 31 марта двинуть значительную часть войск из Аргунского ущелья в верхние долины Энгелика и Гойты. На другой же день к нему явилась депутация от Гойтинского, Гехинского и других обществ Малой Чечни с изъявлением покорности. В продолжение двух недель (с 1 по 15 апреля) колонны обходили долины на пространстве между Аргуном и Ассой и выселя-

* Не было ли тут намека на генерал-адъютантство князя Григория Дмитриевича Орбельяни?

ли жителей горных аулов на равнину. Всего вышло из гор до 15 тыс. душ.

Между тем Шамиль, пользуясь удалением Евдокимова в Малую Чечню, появился со скопищем своим на равнине Большой Чечни, чтобы остановить выселение остававшихся еще под его властью аулов. Подступив к шалинскому укрепленному лагерю, он в продолжение двух дней обстреливал его из нескольких пушек, пока другая партия заняла Дарген-Дук и начала укрепляться. Попытки Шамиля были расстроены появлением войск со стороны Воздвиженского и с Мичика. Евдокимов, покончив с Малой Чечней, 16 апреля возвратился на Аргун и снова расположил свои силы таким образом, что мог в каждый момент быстро сосредоточить их в любом пункте Большой Чечни или в верхней долине Аргуна.

Главнокомандующий опять благодарил Евдокимова письмом от 25 апреля. Тогда же мною сообщено ему, по поручению князя Барятинского, «что действия и распоряжения его отнюдь не должны быть стесняемы несвоевременным испрашиванием разрешений», так как главнокомандующий имеет полное доверие к его опытности.

На донесении о последних успешных действиях Евдокимова Государем положена собственноручно отметка: «Весьма утешительные результаты, за что объявить мое благоволение в приказе генералу Евдокимову и всем начальникам, нижним чинам по $^1/_4$ руб. серебром»[200].

МОЯ ПОЕЗДКА НА ЧЕРНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ. МАЙ — ИЮНЬ* 1858 ГОДА

Из всех частей Кавказа наименее была знакома и князю Барятинскому и мне западная, прилежащая к Черноморскому берегу, а между тем именно относительно этого края предстояло решать многие важные вопросы: меры обороны, устройство путей сообщения, городов, портов и т. д. Все это требовало ближайших соображений на месте. Главнокомандующий, страдавший по временам подагрой, и притом весьма занятой в то время разработкою проекта нового устройства и штатов гражданского

* В автографе зачеркнуты даты: «24 мая — 10 июня» (*примеч. публ.*).

управления, выразил мне в начале мая желание, чтобы я объехал означенную часть края и совместно с местными начальниками выяснил на местах все нерешенные вопросы. Предложение это принял я с удовольствием; мне приятно было ознакомиться с новыми для меня странами и, хотя на короткое время, оторваться от поглощавшей меня кабинетной работы.

На первом шагу представлялся мне вопрос о пароходстве по Риону. Поэтому выезд свой из Тифлиса я определил с таким расчетом времени, чтобы прибыть на Рион в тот самый день, когда ожидался обещанный Н.А. Новосельским пароход, назначенный для первого опыта плавания по этой реке. Местные старожилы отрицали возможность пароходства на Рионе, указывая на чрезмерно извилистые берега, сплошь заросшие вековыми лесами, на мелководье, быстрое течение, корчи, наконец, на обмеление устья, замкнутого со стороны моря песчаным баром. Все эти затруднения действительно существовали, но тем интереснее был первый опыт, тем важнее было исследовать, в какой мере непреодолимы препятствия, прежде чем окончательно отказаться от дела, обещавшего огромную пользу для благоденствия страны. Затем предстоял не менее интересный вопрос — о возможности восстановления города и порта в Поти*[201].

Выехал я из Тифлиса 24 мая с адъютантом своим Фогелем в тарантасе, переночевал в местечке Сураме, а на другой день, рано утром, выехал оттуда верхом для осмотра Сурамского перевала. Погода была чудная, днем было жарко. На станции Белогорской встретил меня кутаисский губернатор генерал-майор Иванов, с которым и продолжал я путь уже в экипаже до Кутаиса. Генерал-губернатор князь Георгий Романович Эристов в то время был в отсутствии, мне приготовили помещение в генерал-губернаторском доме, в том самом кабинете, где за полгода перед тем совершилось убийство князя Гагарина. Дом находился на берегу Риона, окруженный густою, роскошною зеленью, с балкона его можно было любоваться живописным видом. Вечер прошел незаметно в разговорах с губернатором и другими служащими лицами, преимущественно о делах местных.

На следующий день, 26 числа, провел утро в осмотре города, разных учреждений, между прочим, женского учебного заведе-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «сравнительно с другим ближайшим к устью Риона приморским пунктом — Редут-Кале» (*примеч. публ.*).

Н.А. Иванов

ния Св. Нины и развалин древнего храма в окрестностях*. Отобедав у генерала Иванова, выехал я вместе с ним из Кутаиса около 6 часов вечера в его экипаже по дороге к Риону. Свой же экипаж отправил я в Ахалцих, где он должен был ожидать моего приезда. На пути любовались мы роскошною равниной Имеретии; везде поля и виноградники, лозы перекидываются с одного дерева на другое. Картина эта живо напомнила мне Ломбардию. Отъехав верст 20 от Кутаиса, остановились переночевать у одного имеретинского князя (имени которого не припомню), а на другой день (27 числа) рано утром доехали верхом до ближайшего пункта на берегу Риона, где сели в лодку и спустились по реке (верст 10) до Орпири. Здесь узнал я с радостью, что накануне присланному Новосельским маленькому пароходу «Голубчик»

* Далее в автографе зачеркнуто: «знаменитого древнего монастыря Гелатского, в котором уцелели храмы, построенные еще в XI столетии, со многими любопытными церковными достопримечательностями тех отдаленных времен» (*примеч. публ.*).

удалось преодолеть все трудности плавания по незнакомой реке и подняться благополучно до впадения в Рион многоводного притока Цхени-Цхале. Прежде чем отправиться на пароходе, осмотрел я странное поселение «Марань» — ссылочное место скопцов. Все население слободы состояло исключительно из таких жалких существ.

Вступив на пароход вместе с генералом Ивановым и Фогелем, я познакомился с командиром парохода капитаном Заболотным и расспросил его о совершенном им первом рейсе вверх по Риону. Не отрицая трудности плавания, он однако ж заявил, что надеется, ознакомившись ближе со свойствами реки, справиться с возложенною на него задачей. Не теряя времени, предприняли мы в тот же день испытание обратного рейса, вниз по течению. Нам предстояло пройти до Поти около сотни верст, считая причудливые изгибы реки, но при сильном ее течении и продолжительности дня в то время года мы рассчитывали дойти засветло. Действительно, миниатюрный наш пароход понесся очень быстро, так что рулевой едва успевал направлять его ход по крутым извилинам фарватера. Того и гляди наткнешься на берега. Но что это за дивные берега! Справа и слева — почти сплошной, роскошный, девственный лес; вековые деревья заглушены густою порослью вьющихся растений. Течение, подмывая берег то с одной стороны, то с другой, обнажает корни деревьев, которые тут и там валятся в реку и образуют массу плывущих карчей. Пароход то и дело сталкивается с ними, по возможности уклоняясь от неприятной встречи. Несмотря на то, весело и радостно подвигался вперед. Но вот на одном очень крутом колене реки усиленное течение несет нас с такою быстротой, что руль не успевает изменить направление хода, и пароход всею силою натыкается на левый берег; реи задевают за деревья, трещат, падают, такелаж обрывается. К счастью, никто из нас, стоявших на палубе, не затронут; борт парохода выдержал напор. С обломанными мачтами продолжали мы путь и дошли благополучно до Поти еще засветло.

Случившееся приключение нисколько нас не смутило, оно не должно было иметь никакого влияния на решение вопроса о возможности пароходства на Рионе. Это был первый опыт без предварительного изучения реки, без карты, и притом на плохом пароходике. Опыт этот мог только убедить в необходимости ближайшего изучения реки, замены «Голубчика» другим, более

сильным пароходом*, а вместе с тем принятия некоторых мер к улучшению самого фарватера Риона, расчисткою его от карчей и вырубкою леса там, где его подмывало течение.

В Поти отвели мне помещение в небольшом деревянном домике, занятом местным воинским начальником, или комендантом. В то время Поти было совсем заброшенное поселение, не город и не деревня. О нем говорили с ужасом, как о гнезде постоянной, злокачественной лихорадки, которой не избегали даже животные (собаки, куры и проч.). Тем не менее, здесь находилась небольшая военная команда, таможенный пост и очень немного обывателей, прикованных судьбою к этому обиженному природой уголку чудного края. На другой день по приезде, рано утром, пошел я осматривать местность. Рион впадает в море двумя рукавами. У самого устья, на левом берегу южного рукава, уцелела старинная турецкая крепостца, в виде небольшого квадрата, огражденного высокими каменными стенами, под защитою которых сохранилась как диковина роща лимонных деревьев, дававших еще плоды**. Несколько выше (по течению реки) полукруглая, довольно обширная поляна составляла как бы центральную площадь, обставленную полукружием редкими деревянными домиками и лачугами, за которыми непосредственно тянулся болотистый лес. Переправился я на лодке на остров, образуемый двумя рукавами Риона: и здесь почти сплошной, болотистый лес, среди которого несколько лачуг и казарма. После раннего обеда у коменданта отправился я с Н.А. Ивановым, Фогелем и комендантом на озеро Палеостом, отделенное от моря узкою, низменною полосой, поросшей лесом***. Вот эта стоячая вода, окруженная болотистым лесом, и должна быть главным очагом зловредных миазмов, зарождающих лихорадку. Объехав на лодке все озеро, возвратились мы к вечеру в домик коменданта. Из всего виденного легко было убедиться, что для оздоровления этой местности потребуется много работы и продолжительное время. Во всяком случае, для решения вопроса об устройстве здесь города и порта необходимо было прежде всего произвести тщательную нивелировку.

---

* Новосельский с обычною своею готовностью обещал выслать к 30 августа другой пароход «Тамань».

** Позже, как слышно, деревья эти пострадали от мороза и срублены.

*** Автором помечено на полях: «Самое название этого озера значит по-гречески: "древнее устье"» (*примеч. публ.*).

Генеральная карта Кавказского края, составленная Яковом Кузнецовым. 1853 г. Санкт-Петербург. Фрагмент

29 мая утром, распростившись с генералом Ивановым, покинул я Поти. Благодаря прекрасной, тихой погоде, без всякого затруднения подплыл на лодке к стоявшему за баром пароходу «Российского товарищества», на котором отправился в Сухум. На пути останавливался у Редут-Кале, высадился на берег, чтобы собственными глазами убедиться, представляет ли этот пункт какие-либо преимущества, сравнительно с Поти, для учреждения порта, как многие полагали. Я нашел тут плоский, песчаный и пустынный берег, вытянутый прямою линиею, без малейшего изгиба, и пришел к заключению, что устраивать тут порт, в 15 верстах в стороне от устья судоходной реки, было бы совершенно бесцельно.

Под вечер подошли мы к Сухуму. На пристани встретили меня местные начальствующие лица и во главе их генерал-майор Лорис-Меликов (Михаил Тариэлович), незадолго перед тем назначенный начальником войск в Абхазии и инспектором линейных батальонов Кутаисского генерал-губернаторства. К крайнему удивлению, тут же на пристани увидел я и самого владетеля Абхазского, князя Михаила Шервашидзе, в полной парадной генерал-адъютантской форме. Много наслышавшись о гордости и высокомерии этого человека, я не знал, чему приписать такой почет, оказанный мне — лицу, во всех отношениях гораздо младшему. Подойдя ко мне, князь любезно высказал, что нарочно приехал из своего летнего местопребывания Очемчир, чтобы со мною познакомиться. Конечно, я благодарил его за внимание и узнав, что жилище владетеля в Сухуме находилось поблизости, на пути к приготовленному для меня помещению, я счел долгом вежливости сделать ему немедленно визит. Прямо с пристани пошли мы вместе к нему; посидев у него с четверть часа, продолжал я путь с Лорис-Меликовым. Свидание мое с владетельным князем Абхазии было так непродолжительно и разговор наш так бесцветен, что новое это знакомство не произвело на меня никакого впечатления. Князь в тот же вечер уехал к себе в Очемчиры.

Помещение для меня было приготовлено в доме, занимаемом самим Лорис-Меликовым. Он представил мне всех своих подчиненных, и затем весь вечер провели мы вдвоем в беседе о местных делах. Уже прежде имел я случаи познакомиться с этим молодым генералом, умным, развитым, ловким и симпатичным. По своему воспитанию (в Петербурге) и первоначальной службе (в гвардейском Гродненском гусарском полку и потом адъютан-

М.Т. Лорис-Меликов

том у князя М.С. Воронцова) он был человек европейского образования, а как туземец по рождению и родству, отлично знал край и умел ладить с земляками. Для меня это был драгоценный советник при обсуждении вопросов, касавшихся устройства Сухумского отдела.

Важнейшими из этих вопросов были: 1) устройство удобного сухопутного сообщения Абхазии с Кутаисом и Тифлисом; 2) меры обороны Абхазии вообще, и в частности Сухума, с морской и сухопутной стороны; 3) утверждение русской власти в Цебельде, составляющей нагорную котловину верховья р. Кодора; 4) исследования путей из Абхазии на северную сторону Главного хребта Кавказского. По предварительном обмене мыслей касательно всех этих предметов в вечерней нашей беседе мы нашли нужным разъяснить некоторые вопросы на месте и для того предпринять небольшую поездку во внутрь края, но первый день посвятить осмотру самого Сухума и окрестностей его.

30 мая начали мы день смотром войск, расположенных в Сухуме, затем объехали самый город, а в заключение верхом поднялись на окружающие его высоты. Сухум в то время был мало похож на город. После недавнего в нем хозяйничанья турков он не успел еще обстроиться; число жителей было ничтожное, вдоль проложенных прямых, широких улиц тянулись заборы, и только кое-где стояли одиноко новенькие, одноэтажные дома. Одно, чем можно было любоваться, — это общественный сад (называемый ботаническим) с великолепною южною растительностью и высокою, со стороны улицы, стеною сплошных роз. На берегу моря уцелела еще наполовину старая турецкая крепостца. Лесистые скаты гор, у подошвы которых лежит Сухум, представляют живописный вид, но, к сожалению, и здесь, так же как на всем почти протяжении Кавказского берега, стекающие с гор речки и ручьи при выходе на прибрежную равнину образуют болота, а потому окрестности Сухума считаются лихорадочными, хотя далеко не в такой степени, как, например, Поти. По распоряжению местного начальства производились работы для возможного осушения болот; рыли канавы, насыпали дамбы и т. д. Для укрепления Сухума с сухого пути потребовалось бы занять укреплениями окрестные высоты весьма растянутым полукружием, несоразмерным с тем количеством войск, которое возможно когда-либо уделить на оборону этого пункта.

31 мая выехали мы из Сухума в Цебельду. Страна эта, как уже сказано, составляет довольно обширную возвышенную котловину верхнего Кодора, замкнутую со всех сторон высокими горами. Река прорывается сквозь эти горы к западу тесным ущельем у Наа, верстах в 20 от ее впадения в море. Известно было, что тут при самом выходе Кодора из ущелья всего удобнее устроить постоянный мост для сообщения Сухума с Кутаисом, тогда как в низовьях своих река по временам выходит из берегов и крайне затрудняет всякого рода переправу. От этого же урочища Наа открывается доступ в нагорную котловину Цебельды. На этих данных основали мы наш маршрут.

Выехав из Сухума рано утром верхом в сопровождении нескольких казаков и туземных всадников, направились мы сначала по большой дороге вдоль морского берега до села Келасуры, далее свернули влево в долину речки Мачары, по которой дорожка, нечувствительно поднимаясь среди богатой зелени, вывела нас к названному выше урочищу Наа. Мы убедились, что

пройденный нами путь весьма удобен для проложения будущей дороги; местность у Наа оказалась также вполне благоприятною для постройки моста. Довольные этим первым результатом нашей рекогносцировки, после небольшого привала у подошвы крутого кряжа, упирающегося в Кодор с правой стороны, мы снова двинулись в путь на гору по извилистой тропинке. Выбравшись на вершину, мы очутились среди великолепной луговой страны, везде яркая зелень, впереди и слева из-за ближайших лесистых гор высовываются местами снеговые вершины Главного Кавказского хребта. Путь наш кое-где пересекается крутыми оврагами. После зноя покинутой нами утром прибрежной равнины, здесь дышится свободно свежим, чистым горным воздухом. И лошади наши идут веселее. Одно казалось странным: пустынность этой благодатной страны — ни одного селения, ни одного жилья. Только паслись кое-где большие стада овец. Единственный источник доходов здешних землевладельцев заключается в сборе за пастбища по числу голов скота. На лето сюда пригоняется масса скота, преимущественно мелкого, не только с соседних южных равнин, выжигаемых палящим солнцем, но и с северной стороны Главного хребта.

Ближайшею моею задачей в Цебельде было избрать удобнейший пункт для постройки укрепления, которое предполагалось возвести в центре этой нагорной страны. Предположение это имело двойную цель: с одной стороны, иметь опорный пункт на случай необходимости движения войск в здешние труднодоступные горы, с другой, — чтобы в случае новой войны и занятия Абхазии неприятелем, обеспечить путь отступления расположенным там нашим войскам и безопасное убежище покинувшему Сухум населению*. Удобное для того место нашли мы близ впадения в Кодор одного из значительных его притоков** Амткаля. Однако ж мы не остановились на первом впечатлении прежде осмотра некоторых других впереди лежащих местностей, а так как солнце было уже довольно низко, когда переехали мы через Амткаль и поднялись на возвышенное урочище Пал, то нашли необходимым дальнейшую поездку отложить на завтра. С урочища Пал свернули мы в одну из долин, в которой находилась из-

---

* В автографе зачеркнуто: «русским семействам и части местного населения» (*примеч. публ.*).

** Далее зачеркнуто: «с главного Снегового хребта» (*примеч. публ.*).

бранная Лорис-Меликовым для нашего ночлега отдельная усадьба одного из значительных цебельдинских землевладельцев Бабиша Моргани.

Подъехали мы к этой усадьбе, когда уже совсем смерклось, так что я не мог разглядеть местность; заметил только, что жилище Бабиша стояло совсем особняком, среди густой зелени, на скате горы, довольно высоко над дном долины. Хозяин принял нас радушно, предупрежденный о нашем посещении, он приготовил нам ужин и, по-видимому, съехались к нему некоторые соседи из любопытства. Всех нас усадили под навесом на галерее (непременная принадлежность каждого жилого дома во всем Закавказье). Сидели мы, конечно, по-восточному, поджав ноги, на коврах и циновках. Конвой наш, прислугу и коней разместили во дворе и сарае. В ожидании ужина завязался разговор, конечно, при посредстве переводчика. Собеседники наши — в полной мере дети природы, большею частью не видали и не знали ничего, кроме своих диких ущелий. Вечер был дивный, дышалось легко свежим горным воздухом, но темь южной ночи была непроницаема для глаза, напрасно искавшего вдали хотя бы силуэта гор. Вместо того видели только над нашею галереей костер, на котором доморощенные кухмистеры готовили нам ужин, калякая между собой. Ужина этого, признаться, ожидали мы с нетерпением, проголодавшись в течение целого дня пути и желая пораньше уснуть, чтобы завтра подняться в путь с рассветом. Вот, наконец, приносят на галерею несколько лотков с разными горскими яствами и ставят их на низеньких подставочках, кругом их размещаются гости несколькими группами. Главное место в «меню», по обыкновению, занимает баранина в разнообразных видах: и поджаренная на вертеле (шашлык, кебаф), и вареная (в виде похлебки), и в пилаве (на курдючьем сале), с приправой чесноком, затем горский сыр (овечий), фрукты, а вместо хлеба и салфетки — чуреки. Кухня горская почти одинакова на всем протяжении Кавказа. Угощение продолжалось довольно долго. Еще дольше расходятся гости по разным углам. Наконец, удалось нам улечься на коврах, завернувшись в бурки, и заснуть крепким сном.

На другой день (1 июня) с рассветом, выпив по стакану чая (которым конечно сами запаслись) и поблагодарив хозяина за оказанное гостеприимство, сели мы опять на коней и направились к верховьям Кодора, в ущелье «Дал». Проехав верст 30,

мимо селения Лато, достигли урочища Чхалта, где оставались развалины старинной крепости, расположенной у слияния нескольких речек, спадающих с главного Снегового хребта и образующих реку Кодор. Здесь остановились мы для привала и обсудили вопрос, составлявший цель нашей поездки. Убедившись, что для занятия войсками Цебельды нет никакой надобности забираться слишком далеко в горы и что лучшим пунктом для укрепления остается избранный нами вчера близ впадения Амткаля в Кодор*, мы предприняли обратный путь по прежней дороге. Проводники показали нам место на Кодоре, где существует переправа через быстрый поток выше той, которую видели мы у Наа.

Вернулись мы в Сухум, когда уже совсем стемнело, очень утомленные, но довольные своею двухдневною, в высшей степени интересною поездкой. На другой день, 2 июня, с утра сели на пароход и пошли вдоль берега на север; выходили на берег у Пицунды и Гагр: в первом пункте — только из любознательности, чтобы взглянуть на уцелевший древний храм, а в Гаграх — для осмотра вновь построенного в прошлом году укрепления. Этот пункт имел неоспоримое значение по своему топографическому положению — у подошвы крутого хребта, упирающегося в море и замыкающего Абхазию со стороны соседних непокорных горских племен. Это такая застава, которую обойти сухопутно почти невозможно. Притом здесь очень хороший рейд, глубина позволяет морским судам подходить к самому берегу. Осмотрев укрепление и расположенную в нем часть войск, мы продолжали путь далее на север до Новороссийской, или Цемесской бухты. Пароход держался сколь возможно ближе к берегу, чтобы дать нам возможность разглядеть в бинокль интересовавшую нас прибрежную местность, где гнездились самые враждебные и воинственные нам горские племена — шапсуги и убыхи. Несомненно, предстояло нам не в дальнем будущем и в этом углу Кавказа порешить окончательно вековую задачу утверждения русской власти[202].

3 июня вышли мы на берег в Новороссийске, который только что начинал возникать от разорения в последнюю войну и пока имел очень жалкий вид. Прежнее укрепление «Кабардин-

---

* Здесь именно и построено было в том же 1858 г. укрепление, названное «Цебельдинским».

ское», на южной стороне бухты, оставалось в развалинах*. 4 числа пошли мы обратно к Сухуму и Поти; ни в том, ни в другом не сходил я на берег, но на сухумском рейде расстался со своим любезным и умным спутником М.Т. Лорис-Меликовым, а в Поти опять встретил меня генерал Иванов, в сопровождении которого и продолжал я путешествие. Утром 5 числа подошли мы к нашему пограничному посту Св. Николая, где я покинул пароход и высадился на берег. Жалкий этот пост не представлял ничего любопытного, а потому мы немедленно же отправились верхом по дороге к Озургети, уездному городу Гурии. На протяжении около 20 верст наш путь пролегал вдоль болотистой речки Натанеби, по низменной равнине, справа тянулся сплошной лес, слева — поля и сады**. Только с приближением к Озургети местность левого берега речки постепенно возвышается и принимает характер невысокого кряжа, заканчивающегося горою Экадия.

Подъезжая к городу, увидели мы разбитые правильными линиями палатки. Это был лагерь международной англо-русско-турецкой комиссии, назначенной на основании Парижского договора для проверки нашей азиатской границы с Турцией[203]. Нашим представителем в этой комиссии был старый полковник Корпуса топографов Петухов, опытный специалист по топографической части, но чрезвычайно скромный человек. С турецкой стороны был назначен еще более скромный офицер. При них обоих состояло несколько простых топографов. Британским же представителем в качестве посредника или вернее, прокурора, приставленного, чтобы отстаивать интересы турок, был молодой офицер Гордон, который первый и встретил меня у своего шатра, в блестящем красном мундире. Он любезно пригласил меня войти к нему отдохнуть. В шатре увидел я длинный обеденный стол, накрытый со всею прихотливою роскошью какого-нибудь званого дипломатического обеда. Это был вседневный обеденный стол британского комиссара на всех лиц, входивших в состав комиссии. Признаюсь, мне было крайне досадно, даже обидно увидеть этот резкий контраст между блестящею, роскошною обстановкою агента иностранной, совсем посторонней

* Далее в автографе зачеркнуто: «и не было восстановлено» (*примеч. публ.*).
** Далее в автографе зачеркнуто: «и вообще местность обработанная» (*примеч. публ.*).

державы и жалким, почти унизительным убожеством нашего русского уполномоченного на нашей русской территории. Мне представилось, что вижу богатого, высокомерного гостя у бедного, скромного хозяина. Поговорив недолго с Гордоном и Петуховым о ходе работ комиссии, посмотрев ее чертежи, я отклонил приглашение к обеду под тем предлогом, что меня ждут в Озургети и что я не желаю опоздать к условленному часу. Со стесненным сердцем сел я опять верхом и доехал до города, где остановился у молодого князя Гурьеля — сына последнего владетеля Гурии[204].

Озургети похоже более на селение, чем на город. Одноэтажные дома, большею частью деревянные, с неизбежными галереями и верандами, живописно разбросаны среди зелени садов. Таков же и дом князя Гурьеля. Хозяин, с обычным хлебосольством всех своих соплеменников, принял меня радушно, обильно угощал всякими яствами туземной кухни, разнообразными сластями и еще обильнейшими возлияниями местного вина; с наступлением же темноты предложил нам послушать песни и музыку гурийцев. Близ дома, в лесу, собрана была довольно многочисленная группа местных обывателей в живописной и оригинальной картине. Гурийцы, хотя и принадлежат к племени картвельскому, или грузинскому, однако ж весьма отличаются от всех других своих соплеменников и наружным видом, и костюмом, и нравами. Это типичный, своеобразный народец, составляющий как бы переход от картвельского племени к лазам — прибрежным их соседям в пределах Турции. Гурийцы носят короткую куртку, узорчато расшитую пестрыми шнурками, узкие (в обтяжку) панталоны, опоясаны широким кушаком, за который заткнуто по нескольку пистолетов и кинжалов. Гуриец обыкновенно обвешан множеством разнообразного оружия; голова искусно повязана башлыком, заменяющим шапку. Они необыкновенные пешеходы: конвоировавшие меня пешие гурийцы не отставали от лучших иноходцев, даже с ношею, и пробежав таким образом несколько десятков верст, готовы сейчас же пуститься в пляску. Пение их отличается странными горловыми звуками, несколько напоминающими тирольский йодль. Вид этих типичных людей и полудикие звуки их песен, притом в темноте среди леса, запечатлелись у меня в памяти. После национальной музыки добродушный хозяин вздумал угостить нас своим доморощенным оркестром, сформированным из туземцев

же, но по европейскому образцу, со скрипками, флейтами и проч. Разучив небольшое число очень знакомых пьес (оперных и плясовых), эти музыканты целый вечер немилосердно раздирали наши уши, повторяя иные номера, за скудостью репертуара.

В Озургетах мне нечего было делать и потому, переночевав у нашего гостеприимного хозяина, мы на следующий день рано утром собрались в дальнейший путь. Из всей программы моего путешествия оставался еще неисполненным один только пункт — Ахалцых. Мне предстояло ознакомиться с его топографическим положением, разъяснить его значение стратегическое и фортификационное и решить вопрос: какие меры следовало принять для обороны пути, ведущего из пределов Турции в долину Куры. Для переезда в Ахалцых избрал я кратчайший путь от низовий Риона через Аджарский хребет в долину Посхов-Чай, притока Куры. Горная тропа, пролегающая в этом направлении из ущелья Зикарского в Абас-Туманское, интересовала меня и в стратегическом отношении как кратчайшее сообщение между двумя театрами действий — из долины Риона в долину Куры.

6 июня выехали мы рано утром из Озургети верхом по дороге в Орпири (на Рионе). Приходилось проехать верхом верст 40. Дорога пролегает частью по равнине, частью через невысокие и отлогие кряжи, разделяющие долины Натанеби, Супса и Риона. На всем пути местность весьма живописная и населенная, погода была чудная. В Орпири ожидал нас экипаж (генерала Иванова), в котором проехали мы еще верст 45, сначала вдоль левого берега Риона, а потом несколько вправо, через лесистую местность, до большого имеретинского селения Багдад, лежащего при выходе из гор речки Хони-Цхале, одного из левых притоков Риона. Переночевав в Багдаде, на следующий день утром отправились опять верхом, вверх по красивой долине названной реки Хони-Цхале и далее по ее притоку Кершавета. Постепенно долина суживается в тесное ущелье, тропа становится все круче и извилистее. Поднявшись на самый перевал Аджарского хребта (Ркенис-Джвари) на высоту 7100 футов над уровнем моря, мы начали круто спускаться в долину Абас-Туманскую и вдоль ее до впадения в Посхов-Чай, по которой добрались до Ахалцыха, сделав в этот день опять верст 60.

Ахалцых расположен весьма живописно в долине, окаймленной высокими, крутыми горами. Самая крепость и старый ту-

рецкий город занимают господствующую высоту с левой стороны Посхов-Чая; новый же русский город расстилается на правом берегу. В этой части и поместился я*. На следующее утро 7 числа отправился верхом осматривать крепость, старый город, поле сражения 1854 г.[205] и окрестные высоты с целью разъяснить себе вопрос о том, предстоит ли действительная необходимость в укреплении этого пункта, и в случае утвердительного ответа, представляет ли местность благоприятные условия в фортификационном отношении? В рекогносцировке этой сопровождали меня, кроме генерала Иванова и адъютанта Фогеля, комендант полковник Костырко, артиллерийские и инженерные офицеры. Оказалось, что существующая турецкая крепость не имеет уже в настоящее время никакого значения для обороны в случае нового вторжения неприятеля; чтобы вновь укрепить этот пункт, пришлось бы раскинуть укрепления на весьма обширном пространстве, оборона которого потребовала бы значительных сил, а потому представлялся вопрос: если цель заключается собственно в преграждении неприятелю пути через ущелье Куры, то не предпочтительнее ли укрепить какой-либо пункт в самом этом ущелье, где небольшой даже отряд мог бы остановить или, по крайней мере, задержать наступление неприятеля? Вопрос этот и полагал я разъяснить на следующий день при проезде по ущелью Куры.

8 июня, простившись с генералом Ивановым, выехал я из Ахалцыха в своем тарантасе. Мне предстояло проехать до Боржома около 45 верст. Начиная от Ацхура р. Кура прорывается через горную массу, как бы между двумя гигантскими стенами, клубясь с пеною и ревом. На протяжении каких-нибудь 20 верст течение реки имеет падение на 537 футов. Скаты гор большею частью покрыты лесом. Во многих местах видны развалины древних замков или укреплений. Проехав довольно быстро по превосходной дороге, проложенной вдоль левого берега Куры, я мог только любоваться дикою природой ущелья; вопрос же о выборе пункта для преграждения пути неприятелю в случае нового вторжения требовал более основательной рекогносцировки при участии специалистов инженеров. Я спешил в Боржом, где ожидал меня главнокомандующий.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «в доме коменданта» (*примеч. публ.*).

Князь Барятинский переселился в Боржом только за неделю перед тем. При нем находились: подполковник Лимановский в качестве правителя военно-походной канцелярии, Вас[илий] Ант[онович] Инсарский — по части гражданской, неотлучный Кузнецов и несколько лиц обоего пола, составлявших обычный кружок приближенных князя; к этому кружку присоединялись попеременно приезжавшие временно гости из Тифлиса и других мест. Главнокомандующий занимал один из лучших частных домиков, из которых состояла тогда боржомская слободка, растянутая вдоль речки, впадающей в Куру. В долине той же речки находятся и минеральные источники, которыми славится Боржом. Для меня приготовлено было помещение в нескольких шагах от главнокомандующего.

Немедленно же по приезде в Боржом я был приглашен к князю. Он принял меня, как всегда, весьма любезно и уговорил провести с ним и весь следующий день. В течение двух недель накопился немалый запас материала для наших бесед, а вместе с тем из Тифлиса прислана была мне навстречу целая груда бумаг. Таким образом, я не оставался в праздности в те полтора дня, которые провел в Боржоме. 10 июня возвратился я в Тифлис и в тот же день отправился в Коджоры, где находилась моя семья.

Поездкою своею, продолжавшеюся всего 18 дней, остался я совершенно доволен: восхитительные страны, которые случилось мне видеть впервые, множество новых, интересных предметов, приятные спутники, чудная погода, — все это в совокупности оставило в моей памяти весьма приятное впечатление, а вместе с тем и в деловом отношении поездка эта доставила не бесполезные результаты. Сообщая об этих результатах в письме от 26 июня генерал-квартирмейстеру барону Ливену, я высказал ему вынесенное мною убеждение, что в наших мероприятиях относительно осмотренного мною края должно стоять на первом плане устройство сообщения и, прежде всего — пути из Кутаиса в Сухум[206]. По приказанию князя Барятинского напечатана была в газете «Кавказ» статья по поводу открытия пароходства на Рионе и объявлена от его имени благодарность командиру парохода Заболотному.

Государь в собственноручном письме к князю Барятинскому (французском, без числа) выразил свое удовольствие относительно результатов моего объезда края и открытия пароходства на Рионе[207].

ЛЕТО 1858 ГОДА В БОРЖОМЕ И КОДЖОРАХ

В продолжение летних месяцев, пока главнокомандующий жил в Боржоме, я поселился с семьей своей опять в Коджорах, на даче Мирзоева, стоявшей совершенно особняком на высоте, поблизости Института. По-прежнему находилась в Коджорах и часть штаба. С главнокомандующим вел я ежедневные сношения через курьеров; доклады мои возвращались на другой же или на третий день с резолюциями князя Барятинского. Сношения эти облегчались перепискою моею с полковником Лимановским. Приезжавших с разных сторон курьеров направлял я немедленно в Боржом, и наоборот, отправляемые оттуда курьеры являлись предварительно в Тифлис и Коджоры. Такой порядок сношений, конечно, замедлял несколько течение дел, зато доставлял мне лично большой выигрыш времени: освобожденный от ежедневных личных обязанностей в отношении главнокомандующего, я имел гораздо более досуга для серьезных занятий, и потому в это лето многие крупные штабные работы значительно подвинулись вперед.

Около половины июня возвратился Ал[ексей] Фёд[орович] Крузенштерн из отпуска, в котором находился почти с самого начала года. Целью поездки его в Прибалтийский край было свидание с престарелым и больным отцом, но он уже не застал последнего в живых. В проезд через Петербург Ал[ексей] Фёд[орович] Крузенштерн был принят Государем чрезвычайно милостиво и удостоен звания статс-секретаря с назначением «начальником гражданского управления Закавказского края». Место директора канцелярии наместника занял Вас[илий] Ант[онович] Инсарский. Несколько ранее возвратился также и Ал[ексей] Ал[ександрович] Харитонов из Петербурга, куда был командирован еще в конце 1857 г. с поручениями по финансовым делам. К удовольствию князя Барятинского, Харитонову удалось при энергической поддержке В.П. Буткова и, несмотря на противодействие министра финансов, выработать проект совершенного обособления кавказской финансовой сметы, что вполне развязывало руки наместнику в распоряжении всеми ресурсами края, для удовлетворения местных нужд*. Это был важ-

* Окончательное утверждение этого проекта последовало лишь 22 ноября 1858 года.

ный для князя Барятинского шаг в его стремлении к независимости от петербургской опеки.

По делам военного ведомства наступил временный перерыв в прямых сношениях главнокомандующего с военным министром по случаю поездки генерала Сухозанета за границу для глазной операции. На время отсутствия его управление министерством было возложено на генерал-адъютанта князя Виктора Илларионовича Васильчикова, назначенного незадолго перед тем (17 апреля) товарищем министра*. На место его директором канцелярии Военного министерства, как предвиделось, назначен генерал-майор Александр Фёдорович Лихачев. Перед выездом своим из Петербурга генерал Сухозанет известил об этом князя Барятинского письмом от 6 мая, в котором заверял его в своих постоянных стараниях удовлетворять все его желания и при этом писал: «Ежели иногда и возражал, то никогда не с другою целью, как в истинном желании лучшего и в особенности сбережения, столь необходимого ... Никогда ни в чем не противуречил единственно лишь для оппозиции»[209]. На это князь Барятинский ответил весьма любезным письмом (28 мая), в котором выразился: «Я никогда не сомневался в той рыцарской прямоте, в том возвышенном благородстве, которые знаменуют всегда все ваши дела и отношения»[210].

Что касается до князя Васильчикова, на которого почему-то возлагались большие надежды и которого прочили в преемники Сухозанету, то управление его министерством было слишком кратковременно и бесцветно, чтобы можно было сделать какую-нибудь оценку его способностей и направления, особенно заглазно, с дальней окраины. Отсутствие генерала Сухозанета продолжалось до половины сентября.

Ожидание приезда на Кавказ великого князя Константина Николаевича не состоялось и в этом году. Его Высочество проводил лето в Павловске и Стрельне. Приятель мой А.В. Головнин, пользуясь удобным временем, уехал в отпуск на все лето за границу на воды и оттуда продолжал вести переписку с князем Барятинским и со мною. В письмах своих из Парижа, Трувиля и Остенде он сообщал нам о своих встречах с разными высокими

* Об этом назначении, равно как и о предстоявшей поездке генерала Сухозанета за границу, Бутков предварил князя Барятинского еще письмом от 2 апреля[208].

особами, в том числе с великою княгиней Еленой Павловной (в Остенде) и с графом П.Д. Киселёвым. Головнин поспешил возвратиться в Петербург в первых числах сентября, получив извещение о предположенном отъезде великого князя Константина Николаевича в продолжительное морское плавание.

Князь Барятинский после стольких раз напрасного ожидания желанного им свидания с великим князем Константином Николаевичем окончательно отказался от своих надежд. Зато получено было известие о предположенном путешествии на Кавказ к концу лета молодых великих князей Николая и Михаила Николаевичей. По правде сказать, приезд их сулил только одни хлопоты для самого князя Барятинского и местных начальников, не обещая пользы ни для кого. С окончательною отменой поездки великого князя генерал-адмирала решено было, что вместо него поедет на Каспийское море управляющий Морским министерством вице-адмирал Метлин. Ему поручалось разъяснить на месте те вопросы, которые давно ожидали решения, как-то: о передаче судов Каспийской флотилии в руки частной компании, о продолжении начатых в Баку строительных работ по устройству порта и т. д. Адмирал Метлин со свитою из нескольких морских офицеров проехал в июне месяце через Астрахань и Баку, а 30 июня прибыл в Тифлис. Предупрежденный о его приезде и желая доставить гостю возможные удобства, я предложил для него помещение в моем доме, распорядился о встрече его смотрителем штабных зданий, сделал все распоряжения по домашнему хозяйству, так чтобы моряки прожили несколько дней на всем готовом и конечно даровом. По прибытии их на следующее утро отправился я в Тифлис верхом и представился управляющему Морским министерством в парадной форме. До этого времени Метлина я вовсе не знал. С первой с ним встречи меня несколько озадачило его сухое, неприветливое обхождение; после весьма непродолжительного разговора я распростился со своим гостем и уехал обратно в Коджоры. Вторично уже не счел нужным навещать его, узнав на другой день о бесцеремонности господ моряков, которые стали распоряжаться в моем доме, как в гостинице. 3 июля адмирал Метлин выехал из Тифлиса в Боржом, где пробыл два дня, и затем отправился по Военно-Грузинской дороге в Петербург. Обезьянинов сопровождал его до Егорлыка — границы Кавказского наместничества.

В конце июня навестил князя Александра Ивановича Барятинского в Боржоме брат его, генерал-майор Свиты князь Владимир Иванович, командированный на Кавказ для наблюдения за прибывавшими на пополнение Кавказской армии маршевыми батальонами. Около того же времени появлялись в Боржоме и Тифлисе один за другим несколько приезжих иностранцев: французский инженер Бельвалэ, приглашенный князем Барятинским для исследования местных условий устройства порта в устьях Риона, талантливый немецкий художник-живописец Горшельд, бельгийский оружейный мастер Таннер и другие. Приезд Бельвалэ оказался совершенно напрасным: бегло обозрев окрестности Поти, он пришел к очень странному предположению — обратить в гавань мелководное озеро Палеостом, прорыв песчаный перешеек, отделяющий его от моря. Фантастический этот проект, убедительно опровергнутый нашими инженерами, был оставлен без последствий. Для более основательного обсуждения вопроса о Потийском порте князь Барятинский решил пригласить английских инженеров, которым полагалось также поручить и местные изыскания для будущей железной дороги от Черного моря до Каспийского.

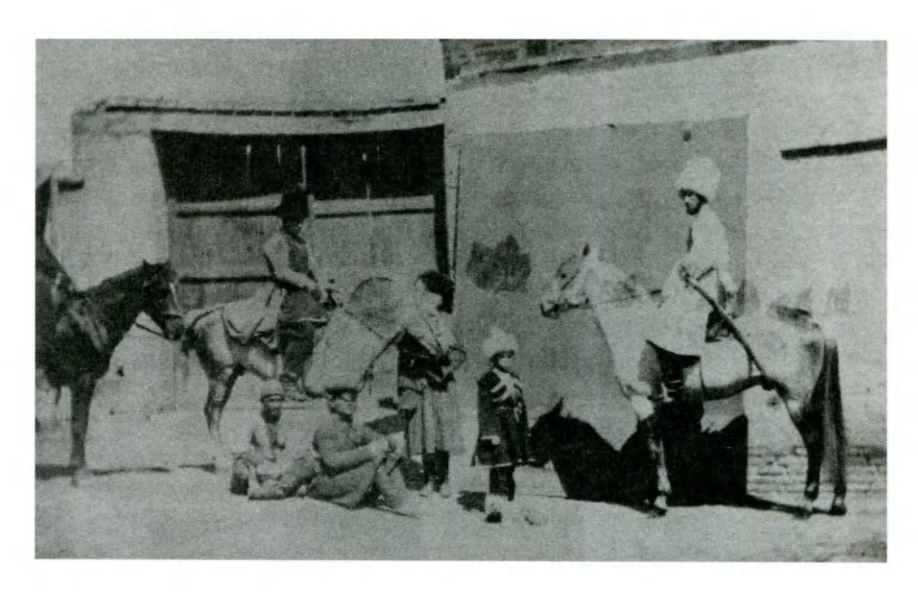
Что касается Горшельда, то цель его приезда на Кавказ была исключительно артистическая: он искал новых, оригинальных сюжетов для своих работ. Князь Барятинский принял художника весьма любезно и на первый раз направил его на Лезгинскую линию, снабдив его рекомендательным письмом к барону Вревскому; мне же поручил доставить Горшельду все удобства для проезда. Горшельд оказался не только даровитым рисовальщиком, но и приятным собеседником. Мастерски воспроизводил он пером и сепией кавказские типы и кавказскую местность. В короткое время он совсем освоился с краем и оставался у нас почти до самого выезда князя Барятинского с Кавказа.

Приезд Таннера имел цель коммерческую. Проведав, что князь Барятинский очень заботился о скорейшем перевооружении кавказских войск усовершенствованным ружьем, Таннер явился в качестве агента бельгийских заводчиков с предложением услуг. Предложением этим могли мы воспользоваться только для перевооружения казачьих войск, так как признавалось необходимым для казаков ружье специального образца. Князь Барятинский отнесся к этому предложению весьма сочувственно и поручил мне войти лично с Таннером в переговоры о заказе ка-

Боженюки. Рис. Т. Горшельта

зачьих винтовок. Вопрос о специальной казачьей винтовке в техническом отношении равно как о финансовых условиях снабжения кавказских казачьих войск новым оружием давно уже обсуждался у нас компетентными лицами. Полагалось взять за основание новое Высочайше утвержденное для пехоты 6-линейное нарезное ружье, приспособив к нему привычную казакам ложу и некоторые мелкие части прибора. Таннер брался за изготовление винтовок по какому бы ни было образцу в короткие сроки и по весьма умеренной цене (по 16 руб. 25 коп. за экземпляр), но так как в казачьих войсках оружие составляет личную собственность казака, то положено было на первый раз ограничить заказ числом 12 тыс. винтовок, с отнесением расхода частью на счет общих войсковых сумм, частью на счет тех казаков, которым новое оружие будет выдаваться на руки.

В том же июне месяце проезжал через Баку русский посланник в Персии действительный статский советник Ник[олай] Адриан[ович] Аничков, возвращавшийся из Петербурга к своему посту. Он почему-то пользовался особенным расположением князя Барятинского: навстречу ему командирован был в Баку



А.Д. Милютин среди кавказцев

наш ученый ориенталист полковник Бартоломей с приказанием сопровождать посланника, если не встретится с его стороны препятствия, до самого Тегерана, для разъяснения некоторых вопросов, занимавших тогда наместника.

Как в прошлом году в Коджорах, так и в настоящее пребывание свое в Боржоме князь Барятинский придумывал разные развлечения для окружавшего его небольшого общества. Предпринимались дальние прогулки верхом, пикники и т. п. К сожалению, здоровье князя было весьма непрочно: хронический его недуг — подагра — по временам напоминала о себе. Так в исходе июня и начале июля приступы этой болезни, хотя и не очень тяжкие, продержали его несколько недель в постели. Оправившись от болезни в начале августа, князь Барятинский предпринял поездку в Ахалцых и на Уравельские минеральные воды, оттуда через Хертвис возвратился в Боржом 6 августа. Поездка эта произвела на него приятное впечатление; всем, что видел, он остался весьма доволен. Исключение составляла только встреча ахалцыхского коменданта полковника Костырко, который явился главнокомандующему в нетрезвом виде. Об этой слабости кавказского ветерана уже были слухи и прежде. Князь Барятинский немедленно устранил полковника Костырко от должности

Фуражир.
Рис. Т. Горшельта

и вошел с представлением об увольнении его от службы, однако ж с производством в генерал-майоры, во внимание прежней его боевой службе, а также о назначении на его место полковника Кузмина, бывшего корпусного дежурного штаб-офицера. Последнему было приказано неотлагательно отправиться в Ахалцых и вступить в должность коменданта. Вместо него на должность генерал-гевальдигера представлен полковник Сагинов.

В исполнение приказания главнокомандующего полковник Кузмин выехал 19 августа из Тифлиса в Ахалцых и вступил в новую должность. Князь Барятинский никак не ожидал, что сделанное им представление могло встретить отказ и подать новый повод к неприятностям. Военный министр ответил, что на предположенное назначение полковника Кузмина не последовало Высочайшего соизволения на том основании, что на ко-

мендантские места *преимущественно* имеют право раненые генералы и штаб-офицеры. Князь Барятинский настаивал на своем выборе и писал генералу Сухозанету, что полковник Кузмин долговременною честною службою своею на Кавказе приобрел полное право на занятие предоставленной ему должности, что отмена сделанного главнокомандующим распоряжения компрометирует его значение и авторитет; в заключение просил, чтобы в случае окончательного отказа, полковник Кузмин по крайней мере временно продолжал исправлять должность коменданта до приискания ему другого подходящего назначения. На этом и уладилось дело: впоследствии Кузмин получил место жандармского штаб-офицера в Тифлисе, а комендантом в Ахалцых назначен полковник Голузевский.

Возвращусь к лету и скажу несколько слов о нашей жизни в Коджорах.

Это лето, в противоположность прошлогоднему, прошло у нас в невозмутимом спокойствии, без всяких стеснений и светских развлечений. Дети наслаждались деревенским привольем, делали большие прогулки, а сын мой, которому минуло уже 12 лет, разъезжал по окрестностям верхом, с кем-либо из адъютантов или один. Шурин мой Евгений Михайлович Понсэ жил то у нас в Коджорах, то в Тифлисе. Навещали нас немногие знакомые из летних обитателей Коджор, в числе их бывший лейб-гусар полковник Александр Алексеевич Свечин, недавно перешедший в Кавказские войска, и Тенгоборский — молодой чиновник дипломатической канцелярии наместника, заменивший впоследствии старика Лелли в должности управляющего этою канцелярией.

Для меня лично спокойная и уединенная жизнь в Коджорах имела особенную цену: в эти два летние месяца значительно подвинулись работы, требовавшие от меня усидчивого труда; я мог посвящать им все свое время, почти не покидая своего письменного стола. В начале августа схватил я лихорадку, вероятно, благодаря резким переменам температуры в горной местности Коджор; болезнь моя тянулась несколько недель, однако ж служебные мои занятия не прерывались ни на один день.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЛЕТОМ 1858 ГОДА. БЛЕСТЯЩИЕ УСПЕХИ ГЕНЕРАЛА ЕВДОКИМОВА

В военных действиях *на Левом крыле* наступил в мае месяце период затишья по случаю заготовления в войсках сена. Предполагалось возобновить наступательные действия в Аргунском ущелье в исходе июня.

После последних поисков Евдокимова в Малую Чечню и выселения из верхних ее долин остававшихся непокорных аулов, казалось, можно было считать эту часть края окончательно умиротворенною. Зато как поразило полученное в Тифлисе в мае месяце известие о волнениях, возникших в самом соседстве с Владикавказом, между давно уже покорными назрановцами, ингушами и карабулаками. Поводом к неудовольствию их послужили некоторые принятые в последнее время административные меры, особенно же предпринятое переселение мелких, разбросанных поселков (кутанов) в крупные селения. Неудовольствием населения воспользовались шнырявшие повсюду эмиссары шамилевы, которые подстрекнули недовольных к открытому мятежу. От них посланы к Шамилю гонцы с приглашением имама придти к ним на помощь. Собравшаяся толпа мятежников в числе до 6 тыс. вооруженных, не внимая никаким увещаниям местного начальства, угрожала разгромом форштадта Назрановского укрепления. Находившийся в то время во Владикавказе начальник штаба полковник Зотов поспешил на место происшествия и наскоро принял меры к обороне форштадта с имевшимися у него четырьмя слабыми ротами. 25 мая выдержал он настоящий штурм разъяренной толпы. Мятежники были отбиты, причем несколько человек ранено. Вскоре подоспели присланные Евдокимовым подкрепления, мятеж подавлен, и началось строгое расследование дела; главные виновники преданы суду, некоторые из них поплатились жизнью, другие подверглись ссылке в Сибирь[211].

Назрановское происшествие произвело тяжелое впечатление на бедного Зотова, который, уже гораздо позже, в письме ко мне (от 16 июля) писал: «Назрановское происшествие до сих пор лежит тяжелым камнем на моей совести. Я в этом деле обвиняю себя, потому что ближайшим поводом было то, что я оставил (т. е. задержал) четырех депутатов, но, с другой стороны, я совершенно прав и до той минуты, когда они бросились на ук-

П.Д. Зотов

репление, стоили того, чтобы их попотчевать картечью. Признаюсь, мне сильно хотелось пустить в народный сбор несколько гранат, когда они прислали мне дерзкий ответ, не приняли и даже грозились убить офицеров, которых я к ним послал»[212].

Зотов был в то время озабочен перемещением главной квартиры и штаба войск Левого крыла из Грозной во Владикавказ; на нем лежали все хлопоты по устройству и размещению управления на новоселье. Во всем встречал он большие затруднения, в особенности по недостатку помещений. Владикавказ в то время был еще жалким местечком, вроде прежних солдатских слободок. Только в это время был поднят вопрос о возведении Владикавказа на степень города. Для помещения самого командующего войсками имелось в виду приобрести в казну дом генерала Опочинина, лучший во Владикавказе, — что вскоре и состоялось. Но штаб и другие управления приходилось на первое время разбросать по разным тесным конурам, в ожидании постройки казенных домов. На беду случилось во Владикавказе несколько пожаров один за другим в короткое время. Зотов хло-

Чеченец

потал о замене тогдашнего коменданта полковника Дистерло другим, более молодым и деятельным офицером и прочил на это место майора Криницына, но получил положительный отказ от главнокомандующего, желавшего поднять должность коменданта во Владикавказе назначением лица в генеральском чине.

По поводу назрановских происшествий Государь в собственноручном письме к князю Барятинскому заметил, что этот случай должен нам служить предостережением на счет переселений горцев, которые нелегко поддаются такой мере[213]. Но как уже замечено, переселение было только предлогом к возмущению назрановцев; неудовольствие среди так называемого мирного населения Военно-Осетинского округа возбуждено было всеми вообще принятыми в то время административными мерами к водворению в крае порядка, к обузданию народа, привыкшего с давнего времени к своеволию и распущенности, при прежнем

Нижегородский драгун. Рис. Т. Горшельта

плохом управлении бывшего «Владикавказского» округа. Полковник Зотов, сообщая мне сведения о положении дел в крае, между прочим, высказывал подозрение, что в последних происшествиях назрановцы были слепым орудием кабардинской и осетинской аристократии, которая, по словам Зотова, «душевно ненавидит нас за то, что не имеет хода и пугается вводимых в России новых порядков относительно крестьян». Не знаю, в какой мере достоверно это предположение, но, во всяком случае, не подлежит сомнению, что мы не могли тогда полагаться на преданность ближайшего к Военно-Грузинской дороге населения и что в нем поддерживались тайные сношения с Шамилем. Иначе нельзя объяснить те отважные, рискованные набеги, которые имам решился вслед за тем предпринять.

В первых числах июня Шамиль с многочисленным скопищем, по слухам до 8 тыс. человек, двинулся через верховья

Рядовой Куринского полка. Рис. Т. Горшельта

обоих Аргунов в Малую Чечню. Евдокимов, находившийся тогда во Владикавказе и занятый расправой после только что подавленного мятежа, принял немедленно меры к охранению небольшими отрядами выходцев из гор на равнину. Шамиль, опоздав на помощь назрановцам, по-видимому, предполагал поспеть на выручку малочеченцев. Но появление его первоначально в долине Гойты было первым для него разочарованием: гойтинцы не спешили навстречу своему избавителю, а занимались спокойно, под прикрытием русских войск, водворением своим на новых местах, на равнине. Попробовал имам перейти в другие долины, к западу — то же самое. Выдвинувшись неосторожно на равнину по направлению к Ачхою 9 июня, наткнулся он на отряд полковника Алтухова, завязалось горячее дело, в котором главная роль выпала на долю нижегородских драгун. Ско-

пище шамилево потерпело полное поражение и укрылось под защиту лесистых гор. Расположившись в верховьях Ассы (у бывших аулов Алкун и Мужич), Шамиль, по-видимому, предполагал угрожать самому Владикавказу, но не решился ничего предпринять: назрановское возмущение было уже подавлено окончательно, везде ожидала его встреча русских войск. Разочарованный в своих замыслах, имам возвратился прежним путем, т. е. через верховья обоих Аргунов в Ведень, и распустил свое скопище впредь до нового сбора.

Когда тревога во Владикавказе и окрестной стране успокоилась, Евдокимов, закончив свои распоряжения, обратился снова к Аргунскому ущелью, чтобы продолжать начатое дело: утвердиться в обширной горной котловине обоих Аргунов и тем окончательно разобщить Малую и Большую Чечню. Предстоявшее войскам движение вверх по тесному, лесистому ущелью было делом крайне трудным и только при замечательной опытности Евдокимова могло быть исполнено без больших потерь. Первоначально, чтобы отвлечь внимание неприятеля от настоящего своего пути наступления, командующий войсками поручил своему начальнику штаба полковнику Зотову произвести 28 и 29 июня демонстрации в долину Шаро-Аргуна, к Дарген-Дуку, в ночь же с 30 числа на 1 июля двинул авангард, также под начальством Зотова, по левому берегу Чанты-Аргуна. Войскам предстояло перебираться под неприятельскими выстрелами через крутой и глубокий овраг (Яраш-Мардан), поодиночке перебежать по двум бревнам, переброшенным через пенящийся горный поток и овладеть лежавшим по другую сторону аулом (Соси-Ирзау). Все это было исполнено весьма удачно и без большой потери. Евдокимов приказал укрепить аул и восстановить полуразрушенный мост на реке, а вслед затем приступлено к рубке леса как в тылу отряда, так и вперед.

Избегая потери в людях, сопряженной с фронтальною атакой одной за другою сильно укрепленных неприятельских позиций в самом ущелье, Евдокимов предпочел овладеть ими обходным движением справа по скатам хребта Мескен-Дук. В ночь с 3 на 4 июля колонна полковника Баженова начала взбираться с чрезвычайным трудом на крутые скаты горы. На рассвете, заметив это движение, горцы стали также поспешно занимать уступы горы и встречали огнем передовые войска, взбиравшиеся с неимоверными усилиями с одного уступа на другой. Шедшие впе-

реди роты Куринского полка, едва переводя дух от утомления, молодецки выбивали неприятеля штыками и наконец заняли гребень хребта с потерею до 30 человек. В числе раненых был и полковник Зотов, который командовал авангардом обходной колонны и ранен пулею навылет в левую руку. Рана эта была неопасная, но заставила Зотова на время уехать из отряда во Владикавказ.

Обойденные слева наибы Шамиля отвели свое скопище к аулу Малые Варанды, но и тут не решились упорно держаться, увидев, что местное население долины не расположено драться против русских и склоняется к изъявлению покорности. Когда главные силы отряда подошли к краю глубокого и крутого оврага, преграждавшего доступ к Малой Варанде, послышались с противоположной стороны оврага усиленные крики жителей аула, призывавших к себе русские войска для освобождения от гнета мюридов. По приказанию Евдокимова полковник Чертков с двумя передовыми батальонами перебрался через крутой овраг и занял селение, а за ним и весь отряд беспрепятственно стянулся на Варандинской поляне.

В донесении своем главнокомандующему о деле 4 июля Евдокимов писал: «Чистосердечно должен донести, что в этот день испытанные войска Кавказской армии показались во всем блеске». С этим донесением послан был в Боржом поручик Нижегородского драгунского полка Коррадини — итальянец, служивший первоначально в папских войсках, потом переходивший на службу разных государств в поиске военных подвигов и, наконец, попавший на Кавказ, где только и удалось ему обрести то, чего искал. Каррадини — не столько боевой офицер, сколько художник в душе, отлично владел карандашом. Привезенное им известие о вступлении Евдокимова в Шубутовское общество было, конечно, принято с большим удовольствием князем Барятинским, который просил Государя наградить Николая Ивановича орденом Св. Александра Невского.

На другой день по занятии Мало-Варандинской позиции, 5 июля, Евдокимов поручил полковнику Кауфману с несколькими батальонами спуститься с высот к самому руслу Чанты-Аргуна, перейти на другую сторону реки, занять аул Зонах и приступить к постройке здесь укрепления и моста, а затем разработать путь назад по правому берегу реки для открытия более удобного сообщения с Аргунским укреплением. В главном

А.А. Баженов

отряде усиленно производилась рубка леса. 7 числа получено сведение о прибытии в Аргунскую долину (в Шубут) самого Шамиля. По слухам, ему удалось опять собрать до 9 тыс. вооруженных, с которыми он надеялся остановить дальнейшее наступательное движение русских вверх по Аргуну и удержать под своею властью колебавшееся местное население. Чтобы не дать времени Шамилю усилить укреплениями защиту ущелья, Евдокимов двинул 8 числа к аулу Большая Варанда колонну полковника Баженова. Неприятель, пользуясь выгодами местности, оказал упорное сопротивление. Однако ж полковник Баженов, заняв удобную площадку среди лесной теснины, расположил тут свой отряд, прикрывшись засеками, и занялся рубкою леса. Неприятель со своей стороны также работал усердно над укреплением позиции, прикрытой с фронта большим, труднодоступным оврагом.

Усиленная работа с обеих сторон продолжалась несколько дней, почти под выстрелами противников. 13 числа Баженов передвинул свою колонну несколько вперед, на другую поляну, в виду самого аула Большая Варанда. Неприятель по временам пытался нападениями мешать работе наших войск, но всякий раз был отражаем с уроном. Только 21 числа удалось горцам застигнуть врасплох одну прикрывавшую работы роту Тенгинского полка, изрубить и поранить несколько человек.

Между тем полковник Кауфман, оставаясь у Зонаха, исполнил с успехом возложенное на него поручение. Уже 10 июля пришел в отряд транспорт с запасами и инструментами из укрепления Аргунского по новой дороге, проложенной по правому берегу реки. Постройка укрепления продолжалась.

Евдокимов в донесении от 8 июля писал: «Мы вступили теперь в страну, никогда не видавшую русского с оружием в руках. Лесной пояс пройден и вместе с ним население, воспитанное в вечной войне и чувстве кровной вражды к нам. Вероятно также, пример прошлого и нынешнего годов, пример многочисленного населения, признавшего нашу власть и устраиваемого теперь к своему благу русским правительством, начинает действовать на горцев. По крайней мере, в Шатоевском обществе, в которое мы теперь вступили, жители не бежали в лес и не стреляют в нас; они остались в своих домах и завели уже некоторую торговлю с войсками. Не решаюсь еще говорить слишком много об этом обстоятельстве, но пример этот может распространиться далеко. В первый раз с тех пор, как начались кавказские походы, мы ведем войну в населенном крае и, подходя к горской деревне, видим жителей, спокойно ожидающих нас в своих домах»[214].

Действительно, население возвышенной горной полосы, в которую теперь проникли наши войска: шатоевцы, шубузы, чарбилойцы и другие, — вовсе не похожи на чеченское население, с которым приходилось до сих пор иметь дело войскам Левого крыла. Эти горцы и ранее выказывали мало сочувствия мюридизму и более других тяготились тираническим гнетом Шамиля. Еще в марте сам наиб шатоевский Батока завел тайные сношения с Евдокимовым о принесении покорности всем населением аргунских долин. Об это было мне сообщено Евдокимовым в письме от 15 марта, на которое ответил я 22 числа того же месяца, что главнокомандующий разрешает вести переговоры с ша-

тоевским наибом. В частном письме от того же числа я писал Евдокимову: «Князь Александр Иванович чрезвычайно обрадован этим результатом Вашей блестящей кампании ... Заранее поздравляю Вас с этим новым успехом»[215]. После того сношения с Батоком на некоторое время прервались за отъездом Евдокимова из Аргунского ущелья, а по возвращении его и возобновлении наступательного движения вверх по Аргуну обстоятельства не благоприятствовали тайным переговорам. Тем не менее местное население даже в присутствии многочисленных шамилевых скопищ не скрывало своего нежелания сопротивляться русским. Евдокимов со свойственною ему выдержкою выжидал благоприятного момента, чтобы закончить дело без напрасного пролития крови и продолжал рубку леса, улучшение сообщений в тылу, подвоз запасов и строительных материалов.

Расчет его оправдался вполне. Шамиль не мог долго оставаться в бездействии в своей укрепленной позиции; скопище его уже истребило все местные средства продовольствования; в голых, каменистых горах не было корма для лошадей; и вот он решается вторично предпринять весьма рискованную диверсию — к Владикавказу, чтобы отвлечь внимание Евдокимова от Аргунской долины и вместе с тем поднять поколебленное в горском населении обаяние.

В ночь с 24 на 25 июля Шамиль, оставив на своей позиции пешие толпы, со всею конницею в числе от 3 до 5 тыс. коней снова бросается в Галашки, т. е. в верховья Ассы, и останавливается у аула Мужич, чтобы дать подтянуться хвосту колонны. Во Владикавказе опять тревога: генерал Мищенко поспешно собирает все войска, какие были под рукой, и спешит навстречу неприятелю к Аки-Юрту. 30 июля скопище Шамиля, спускаясь с горы в долину Аки-Юртовскую, нежданно атаковано передовою конницей генерала Мищенко: полковник Алтухов с казаками, а капитан Федосеев с осетинскою и назрановскою милицией молодецки бросаются в атаку на головные части противника с двух сторон и приводят их в полное расстройство. Все горское скопище обращается в бегство, оставив на месте боя до 370 трупов, много оружия, лошадей; с нашей же стороны потеря весьма незначительная: 14 убитых и 16 раненых. Такая несоразмерность в уроне объясняется внезапностью удара, нанесенного растерянному противнику. В руках победителей осталась даже

шамилева палатка с постелью. В числе трофеев оказался ротный значок 2-й стрелковой роты Тенгинского полка, попавший в руки неприятеля при внезапном нападении горцев на эту роту 21 июля*.

Таким образом, и вторичный, безрассудно-рискованный набег Шамиля окончился совершенною неудачей, по выражению Зотова, это был «прощальный визит» Шамиля. Для нас же аки-юртовское дело было весьма счастливою случайностью: при указанном выше настроении окрестного населения малейшая наша неудача при встрече войск с шамилевым скопищем могла подорвать все достигнутые нами успехи. По убеждению Зотова, счастливым исходом аки-юртовского дела мы были обязаны исключительно молодецкой отваге и находчивости Алтухова и Федосеева. Неприятельское скопище было приведено в такое расстройство, что Шамиль должен был уходить без оглядки, тем более, что единственный путь отступления — опять через верховья Аргунов — становился для него с каждым днем менее безопасным. Набег его к Владикавказу не только не отвлек Евдокимова от Аргуна, но, напротив того, побудил его воспользоваться удалением Шамиля, чтобы скорее покончить дело в Шатое. 28 июля колонна Баженова выдвинута опять вправо на высоты, господствующие над Большой Варандой; 30 числа, в тот самый день, когда Шамиль понес поражение под Аки-Юртом, Евдокимов подступает к неприятельской позиции за оврагом (Ахк) и открывает артиллерийский огонь, а Баженов спускается с высот в тыл этой позиции. Наибы шамилевы вынуждены покинуть ее; ввиду враждебного к ним отношения населения, они поспешно уходят из долины Чанты-Аргуна. Войска наши беспрепятственно занимают эту обширную и открытую в обе стороны долину. Колонна Кемпферта направлена влево, на правую сторону реки для осмотра местности и очищения ее от могущих еще гнездиться враждебных шаек.

Донесение об аки-юртовском деле главнокомандующему было послано прямо из Владикавказа от генерала Мищенко с полковником Пистолькорсом, начальствовавшим в отряде конницею, а вслед затем послано с капитаном Фадеевым и донесение Евдокимова о занятии Варандинской позиции[216]. Оба по-

* Значок этот был собственноручное произведение супруги бывшего командира полка Варвары Яковлевны Опочининой.

Мюрид со значком

сланца немедленно по приезде в Тифлис были отправлены к князю Барятинскому, который в то время предпринял поездку в Ахалцых. Встревоженный первым известием о новом появлении Шамиля близ Владикавказа, главнокомандующий был, конечно, очень обрадован полученными донесениями о двух одновременно одержанных блестящих успехах. В то же время пришло и третье донесение, от барона Вревского, об успешном начале военных действий с Лезгинской линии[217] — о чем скажу вслед за сим. По приказанию главнокомандующего все три донесения отправлены мною в Петербург, а Евдокимову послан с капитаном Фадеевым немалый запас солдатских георгиевских крестов.

Князь Барятинский писал Евдокимову (17 августа): «Вы приводите меня в восторг Вашими делами».

Шамиль после понесенного поражения удалился в Ведень, передав начальство над остатками своего скопища сыну Казы-Магома — малоспособному военачальнику. Однако ж имам пытался еще поддержать бодрость среди подвластного ему горского населения, рассылал воззвания и распоряжения; партии мюридов рыскали везде, чтобы забирать аманатов с малонадежных аулов и не допускать их передаваться на сторону русских. Но никакие усилия не могли уже поправить проигранного дела мюридизма и остановить открытое восстание в населении аргунских долин. С 1 августа начали являться в лагерь Евдокимова депутации от разных аулов с изъявлением покорности и просьбами о присылке войск для избавления от гнета шамилевых мюридов. Сами горцы предлагали выдать заложников, между тем как в аулах вырывали силою из рук мюридов захваченных ими аманатов[218]. Дело доходило до кровавых драк; горцы прогоняли и даже убивали шамилевых наибов, истребляли их стражу, расхищали их склады запасов и имущество. По просьбе чарбилойцев, Евдокимов приказал генералу Кемпферту двинуться в долину Шаро-Аргуна; горские выходцы служили ему проводниками. Застигнутое неожиданно нашими войсками скопище Казы-Магома разбежалось. Вслед за тем (16 августа) явились жители чантийского аула Итум-Кале, также с приглашением к себе русских войск, чтобы избавить их от наиба Гамзата, который со своими мюридами заперся в сакле, приведенной в оборонительное состояние. Евдокимов воспользовался таким удобным случаем, чтобы занять этот аул, замыкающий вход в самое верхнее ущелье Чанты-Аргуна. Баженов с несколькими батальонами проник через теснину, которою река прорывается сквозь хребет Дзумсой-Лам, и вступил в аул Итум-Кале, у подошв Снегового хребта. В голове колонны шла милиция под начальством бывшего кадия[219] Шатоевского. Еще до прихода Баженова Гамзат бежал; почти все его мюриды перебиты обывателями; имущество их разграблено. Тогда же явился лично в лагерь и Батока со всею своею семьей; Евдокимов объявил ему, что оставляет его в прежней должности наиба в Шатое; общее же управление в новозанятом крае возложено на полковника Белика.

Казы-Магома со своими таблинцами (лезгинами) пытался еще нападать на покорившиеся нам племена и снова увлечь их

под власть Шамиля, но все его попытки кончались неудачно, везде встречал он отпор от самих обывателей или терпел поражения от подоспевавших на защиту их наших отрядов.

К концу августа вся котловина обоих Аргунов была очищена от неприятеля. Оставалось прочно закрепить новое завоевание. В этом отношении Евдокимовым были приняты все меры: с самого вступления своего в ущелье, по мере движения вперед, прорубались просеки, открывались удобные сообщения как в тылу с Воздвиженским, так и вперед по разным направлениям. Кроме возведенных уже двух укреплений, Аргунского и Зонаха, приступлено к постройке большого укрепления в том месте, где стал он лагерем, на самой открытой во все стороны части долины Чанты-Аргуна. Укрепление это названо «Шатоевским»; здесь положено устроить штаб-квартиру Навагинского пехотного полка. Выше Итум-Кале должен был составлять крайний укрепленный пункт: предположенному здесь передовому укреплению дано главнокомандующим наименование «Евдокимовского». Сообщение с ним должно было быть обеспечено башнею «Башин-Кале», в самой теснине хребта Дзумсой-Лам.

Пока производилась постройка названных укреплений и разработка дорог между ними, генерал Евдокимов с частью войск еще раз посетил (в сентябре месяце) нагорные долины Малой Чечни, чтобы расчистить пути в глухих, заросших лесом местностях и окончательно выжить из трущоб скрывавшихся еще абреков и беглых. Поиски с этою целью были возложены на милицию, составленную из новопокорившихся туземцев, под предводительством недавнего наиба шамилева Саибдула, который исполнил это поручение с примерным рвением, не щадя своих соплеменников. При этом освобождено из плена несколько русских. Спокойствие водворилось на всем пространстве от Военно-Грузинской дороги до Ичкерии. Таким образом задуманный князем Барятинским план (занятия Аргунского ущелья) увенчался полным успехом, благодаря разумному исполнению такого опытного мастера дела, каков был Евдокимов. Результаты превзошли даже ожидания главнокомандующего.

Но при всей важности одержанных успехов, последние происшествия под Владикавказом наводили на мысли довольно грустные: не должны ли мы с прискорбием сознаться, что мы удачнее справляемся с врагами, чем правим подвластными? Что, подвигаясь победоносно в завоевании края, мы оставляем в

тылу население, на покорность которого полагаться не можем? Когда народ, давно уже покорный, живущий позади наших кордонных линий, окруженный укреплениями, казачьими станицами, штаб-квартирами полков, призывает к себе на помощь отъявленного нашего врага и выдает ему заложников, то не есть ли это явный укор нашей администрации*? Озабоченный такою мыслью, я счел своею обязанностью обратить внимание генерала Евдокимова на меры к улучшению местного управления мирным населением, но зная крайнюю щекотливость его и опасаясь снова задеть его самолюбие**, я действовал через его начальника штаба полковника Зотова, успевшего уже заслужить его расположение и доверие. С Зотовым я вел частную переписку и не стесняясь сообщал ему свои замечания и соображения по делам Левого крыла. Сам Зотов, как новичок в крае, был сильно озадачен последними происшествиями, в которых ему пришлось быть действующим лицом. После укрощения мятежа, когда паника во Владикавказе улеглась, он писал мне: «Теперь предстоит нам задача — устроить Военно-Осетинский округ и уничтожить на будущее время возможность нового народного восстания ... Тут все дело в упорядочении нашей администрации, крайне запущенной в продолжение уже многих лет»[220]. Со своей стороны, я высказал Зотову свою точку зрения по этому предмету: «Надобно ясно определить отношения наши к тому или другому племени: если племя обнаруживает враждебное нам настроение, то лучше прямо признать его врагом и действовать решительно, как против врага; зато, если оно смирилось, укротилось, то хотя бы мы в душе и не доверяли ему, должны принять на себя обязанности правителей правосудных, попечительных и стремиться к тому, чтобы выгоды покорности наглядно отзывались на его благосостоянии... Думаю, что теперь более чем когда-либо и особенно на Левом крыле наши заботы должны заключаться не столько в покорении новых частей края, сколько в водворении лучшей администрации там, где уже властвуем. Давно мы

---

* Даже после подавления возмущения назрановцев и после поражения Шамиля под Аки-Юртом, именно 8 августа, в недальнем расстоянии от Владикавказа захвачен в плен занимавшийся съемкою топограф, а бывшие при нем в конвое казаки изрублены.

** Вот пример тому: он счел обидным для себя, что я обратил его внимание на чрезмерное число строевых нижних чинов, наряжаемых на службу по разным надобностям административным, как-то: вестовыми, сторожами и т. п.

говорим это, но к делу до сих пор не приступаем. Наделение землей, так давно обещанное туземцам, теперь опять осталось вопросом отложенным. Владикавказская ваша комиссия (межевая), как мне кажется, бессильна, чтобы сделать что-нибудь серьезное по этому предмету. Знаю вперед, что вы скажете на это: где взять людей? — Действительно, это самое существенное затруднение, встречаемое во всех наших административных действиях, но оно не оправдывает нашего бездействия. Мы, как Вечный жид, должны во что бы ни стало говорить себе: вперед, вечно вперед!»[221].

Зная давно Зотова за человека прямого, правдивого, добросовестного, я вполне надеялся, что он употребит все свое влияние на ближайшего начальника, чтобы достигнуть желаемого им самим «упорядочения» местной администрации на Левом крыле, а для этого необходимо было упорядочить личный состав служащих по «народному» управлению. Первостепенную важность, по моему мнению, имел выбор лиц на низшие должности, поставленные в непосредственное соприкосновение с народом. К сожалению, именно в выборе этих лиц мы часто и грешили.

* * *

Известия с Левого крыла до такой степени занимали общее внимание, что все происходившее в других отделах Кавказа в течение лета едва замечалось.

В Прикаспийском крае вновь прибывший главный начальник барон Врангель, собрав к 20 мая отряд на Хубарских высотах, производил рекогносцировки путей и расчистку просек между Миатлами, Дылымом и Буртунаем. Движения эти не обошлись без выстрелов. В то же время продолжались строительные работы в буртунайской штаб-квартире. В начале же июля барону Врангелю было предписано главнокомандующим произвести демонстрацию к Гумбету, дабы отвлечь внимание и силы Шамиля от Аргунского ущелья. Отряд из 5 батальонов, 1 роты сапер, 9 сотен конной милиции при 6 орудиях двинулся 17 июля от Буртуная по отлогому подъему горы Дюз-Тау и спустился по весьма крутому обрыву в горную котловину истоков Акташа-Мичикая. Горцы намеревались защищать устроенные ими сильные завалы на гребне хребта, замыкающего слева долину этой реки, но движение нескольких батальонов и милиции в обход

левого фланга неприятельской позиции через Арубецкое ущелье заставило горцев покинуть завалы, не дождавшись атаки.

Уничтожив завал и простояв двое суток, как бы угрожая вторжением в Гумбет, барон Врангель 19 числа выступил в обратный путь через урочище Анчи-Меер к перевалу Кырки (где в 1839 г. было устроено временное укрепление «Удачное») и возвратился в Буртунай.

В это время умер один из уцелевших в Дагестане владетелей — хан Казыкумухский генерал-майор Агалар-бек. Возник вопрос о дальнейшем положении этого ханства, давно уже признающего над собою верховную власть России: следует ли назначить преемника Агалар-хану или воспользоваться случаем, чтобы упразднить ханское правление и ввести в бывшем ханстве русскую администрацию. Князь Барятинский решил вопрос в последнем смысле, следуя выраженной им не раз основной идее: по мере возможности заменять в крае отжившие азиатские формы управления общею русскою администрацией*.

В то же время возникла между главнокомандующим и бароном Врангелем переписка о замене генерал-майора Манюкина в должности помощника командующего войсками другим лицом[222]. Барон Врангель желал иметь помощником князя Александра Мих[айловича] Дондукова-Корсакова, а князь Барятинский не соглашался на это назначение и предлагал барона Николаи. Кончилось это разномыслие тем, что Манюкин остался на своем месте.

На Правом крыле, так же как и в Прикаспийском крае, произошла перемена главного начальства: почтенный старик Викентий Михайлович Козловский, согласно ходатайству князя Барятинского, получил спокойное место члена генерал-аудиториата, и вместо него в должность командующего войсками вступил генерал Филипсон. Перемена эта не имела влияния на ход действий в том крае: в течение лета продолжалось только исполнение прежних задач. На равнине между Кубанью и Белою (по Урупу, Зеленчукам, Тегеням) водворено 6 новых казачьих станиц по 270 семейств в каждой и образована новая казачья бри-

---

* В таком смысле выразился князь Барятинский в прошлом году в письме к Евдокимову по случаю смерти старшего Кумыкского князя Муссы Уцмиева. Евдокимов вошел тогда с представлением о назначении ему преемником сына — Хасая Уцмиева, но главнокомандующий решил ввести в Кумыкском владении русское управление.

гада — «Урупская»; штаб-квартира Севастопольского пехотного полка переместилась в укрепление Псебойское. Предпринятое в мае месяце полковником Лихутиным движение в лесистые горы для наказания беспокойных мелких племен башильбаев, шахгиреев и других, к крайнему сожалению, не обошлось без значительных потерь. По поводу кровопролитного дела 13 мая Государь в собственноручном письме к князю Барятинскому заметил, что этот случай подтвердил еще раз, как мало пользы приносят экспедиции, вроде, например, Даргинской[223], и что принятый ныне образ действий на Левом крыле гораздо вернее ведет к цели[224].

Адагумский отряд и в это лето довершал устройство Адагумской линии: производились работы в укреплении «Крымском», новой штаб-квартире Крымского пехотного полка; часть отряда (3 батальона при 8 орудиях) перевезена морем, в исходе апреля, в Цемесскую бухту и приступила к постройке на месте бывшего Новороссийска укрепления, названного «Константиновским»; разрабатывалась дорога по долине Неберджай к перевалу через прибрежный хребет Маркотх и спуск к укреплению Константиновскому. Дорога эта также получила наименование Константиновской, и таким образом Адагумская линия примкнула к самому берегу морскому. К сожалению, войска Адагумского отряда и в этом году немало терпели от лихорадок.

Почти одновременно с мятежом, вспыхнувшим среди мирного населения Левого крыла (вблизи Владикавказа), произошла тревога и на Правом крыле, в такой части края, которая давно уже пользовалась миром и спокойствием, именно: между Георгиевском и Пятигорском, в многолюдном Бабуковском селении. Хотя бабуковцы с давнего времени жили спокойно среди русского населения, окруженные казачьими станицами, они все-таки не могли вполне отстать от нравов и привычек своих закубанских соплеменников, с которыми вели постоянно сношения и нередко служили пособниками в их хищнических набегах. Окрестное русское население жаловалось на такое неудобное соседство и обвиняло бабуковцев во всех случавшихся в крае злодеяниях. В особенности неудобна была близость Бабуковского аула от минеральных вод. В июне 1858 г. получено было от генерала Филипсона донесение об оказанном бабуковцами открытом неповиновении начальству, о последовавших потом беспорядках и буйствах. Донесение это отправил я в Боржом к глав-

нокомандующему, высказав при этом мнение, что было бы полезно воспользоваться случаем, чтобы принять относительно бабуковцев решительную меру — расселить их в другие места, где соседство их было бы менее неудобно. Князь Барятинский согласился было с этим предложением, только с оговоркой: оставить на месте до 300 наиболее благонадежных семейств, по выбору ближайшего начальства; мнение это разделял и Филипсон. Атаман же Линейного войска генерал Рудзевич почему-то взял бабуковцев под свое покровительство. По получении от него донесения о событиях в Бабуковском ауле главнокомандующий отступил от первоначального решения, признав достаточным для бабуковцев наказанием — выселить только те семейства, которые по расследовании дела окажутся виновными или прикосновенными к происшедшим беспорядкам. Расследование же возложено на генерала Рудзевича и благодаря ему дело было сведено к весьма скромным размерам: оно закончилось только ссылкою нескольких лиц, признанных главными виновниками, выселением нескольких семей и некоторыми частными административными мерами.

Остается сказать, что делалось в это лето на *Лезгинской линии.*

Как и в прошлом году, предпринято было наступательное движение на северную сторону Главного хребта в непокорные общества Дидо, Капуча, Анкратль. Отряд под начальством генерал-лейтенанта барона Вревского выступил с линии во вторую половину июня и, перевалив через хребет, вступил в дикую нагорную котловину дидойцев. Горцы на каждом шагу отчаянно сопротивлялись, приходилось выбивать их штыками из бесчисленных завалов, башен и сильно укрепленных каменных аулов. В течение августа и сентября взято приступом и разрушено до 40 селений. Истребительная эта экспедиция стоила нам немалых потерь в людях, но самою чувствительною и прискорбною потерей была смерть барона Вревского, смертельно раненного 4 сентября при штурме аула Китури[225].

Барон Ипполит Александрович Вревский продолжительною своею службой на Кавказе приобрел большую опытность боевую и репутацию храброго генерала. Князь Барятинский, получив в Кутаисе известие о печальном событии, сейчас же сам написал приказ, которым возвестил армии утрату «одного из доблестных ее генералов» и в заключение выразился так: «Столь завидная

И.А. Вревский

смерть да будет утешением его осиротевшему семейству, славою Кавказа и примером для всей армии, как ценить честь русского оружия». В тот же день, препровождая мне этот приказ, главнокомандующий писал мне, чтобы начальство войсками Лезгинской линии немедленно принял генерал-майор Леван Иванович Меликов[226]. Приказание это было исполнено; на другой же день князь Меликов отправился на линию и вступил в должность, в которой и был впоследствии утвержден*.

* Генерал Сухозанет на возвратном пути из-за границы, в Варшаве, узнав о смерти барона Вревского, рекомендовал на его место генерала Хрулёва (письмом от 18 сентября), но князь Барятинский отклонил решительно эту кандидатуру, указав (в своем ответном письме от 7 октября) на незнакомство Хрулёва с краем и на его небезукоризненный образ жизни[227].

Принявший по смерти Вревского начальство Лезгинским отрядом полковник Карганов вскоре закончил действия в горах и отвел войска на линию. Результат кровавой экспедиции ограничился выселением из гор на равнину Кахетии до 4 тыс. душ горского населения, доведенного до самого бедственного состояния двукратным разорением страны. В течение лета возведены на передовой линии четыре башни, разрабатывалась дорога через Хевсурию к перевалу в верховья Чанты-Аргуна, устраивалась в Лагодехах штаб-квартира Тифлисского гренадерского полка, и перемещена штаб-квартира Переяславского драгунского полка в Царские Колодцы.

Книга VIII

На Кавказе в третий и последний раз 1856 – 1860
Вторая часть

Посещение Кавказа великими князьями Николаем и Михаилом Николаевичами. Август — октябрь 1858 года

Вести из Петербурга за 1858 год

Последние месяцы 1858 года

Зимние военные действия 1858/1859 годов. Взятие Веденя

Поездка князя Барятинского в Петербург (май — июнь 1859 года)

Заметка «А»

Наступательное движение в глубь Дагестана. Июль — август 1859 года

Заметка «Б»

Заметка «В»

Торжественный проезд по Дагестану (август 1859 года)

Гуниб. Пленение Шамиля. Август 1859 года

Возвращение в Тифлис победоносного наместника

Поездка нового фельдмаршала в Петербург

Первые месяцы 1860 года

Моя поездка на Кубань и на Черноморское побережье. Лето 1860 года в Боржоме и Коджорах

Мое прощание с Кавказом

ПОСЕЩЕНИЕ КАВКАЗА ВЕЛИКИМИ КНЯЗЬЯМИ НИКОЛАЕМ И МИХАИЛОМ НИКОЛАЕВИЧАМИ. АВГУСТ – ОКТЯБРЬ 1858 ГОДА

Я уже упоминал о предположенном путешествии на Кавказ великих князей Николая и Михаила Николаевичей. В конце июня получен из Петербурга составленный для них маршрут. Князь Барятинский, недовольный тем, что не было предварительно спрошено его указание по этому предмету, поручил мне составить другой маршрут, исключив из петербургского поездку в Эриванскую губернию. Поездку эту князь Барятинский признавал неудобною в то время года по климатическим условиям и, кажется, еще по другим соображениям. Представленные мною на выбор три проекта были посланы молодым великим князьям, и 6 августа, по возвращении из поездки в Ахалцых, князь Барятинский нашел в Боржоме письмо от великого князя Николая Николаевича, извещавшего, что из трех посланных вариантов выбран им тот, в котором предполагавшаяся поездка в Эривань заменена поездкою в Александрополь.

Между тем начались приготовления к встрече и чествованию ожидаемых высоких гостей. Наместник поручил князю Гр[игорию] Дм[итриевичу] Орбельяни, вместе с А.Ф. Крузенштерном и со мною составить программу и принять все меры по главным указаниям из Боржома. 15 августа получены от князя Александра Ивановича подробные приказания о распределении времени в трехдневное пребывание великих князей в Тифлисе и затем о предположенной большой охоте на Караязской степи. Главным распорядителем на этой охоте назначен генерал-лейтенант князь Дмитрий Фомич Орбельяни (состоявший при армии Кавказской), а для наблюдения за внешним порядком, как бы в роли коменданта, полковник Едигаров. Устройство охоты в самых широких размерах очень занимало князя Александра Ивановича; он входил во все подробности. Положено устроить в степи обширный и нарядный лагерь, собрать блестящую туземную

конницу, привести гренадерские батальоны для содержания караулов и проч., и проч. Одно озабочивало наместника — что мало будет дам, так как многие из приглашенных заранее отказывались принять участие в предстоящих празднествах. Роль хозяек согласились принять на себя старая княгиня Варвара Багратьевна Орбельяни и молодая губернаторша Антонина Николаевна Капгер. Моя жена уклонилась вовсе от празднеств и решилась даже оставаться спокойно в Коджорах.

Что касается до меня лично, то на мой вопрос о том, должен ли буду сопровождать великих князей в их путешествии по Кавказу, князь Барятинский ответил, что это может оказаться нужным только в том случае, если ему самому болезнь воспрепятствует провожать Их Высочества. Ответ этот не вполне успокоил меня, потому что в то самое время здоровье князя было весьма ненадежное, а позже и я в свою очередь захворал.

С первого же известия о приезде великих князей местное начальство во всех частях края всполошилось и забрасывало меня мелочными вопросами. В особенности было озабочено начальство Левого крыла, где при тогдашних непрерывных военных действиях наиболее представлялось затруднений и неудобств для устройства подобающего приема Августейших путешественников, а еще более для проезда их. Все войска находились в действующих отрядах; выставлять полковых лошадей и наряжать конвои не было возможно без ослабления действий и работ. Бедный Зотов в самом Владикавказе недоумевал, откуда добыть все необходимое для обычных угощений и даже где поместить великих князей с их свитой. Многие из подробностей, серьезно озаботивших тогда местных хозяев в глухих углах Кавказа, покажутся теперь почти комичными. Приведу для примера такой оригинальный вопрос: допускается ли для тостов шампанское? Дело в том, что князь Барятинский преследовал потребление шампанского; у него за столом подавалось исключительно вино местного производства, т. е. так называемое кахетинское. Вопрос был решен категорическим приказанием наместника: шампанского отнюдь не допускать. Другой вопрос — относительно бала во Владикавказе, где не оказывалось налицо прекрасного пола. Решение из Боржома: балу не быть!

20 августа наместник выехал из Боржома навстречу великим князьям, ехавшим морем в Поти. Кроме некоторых лиц, находившихся при князе Барятинском в Боржоме, взял он с собой и

лейтенанта Обезьянинова. Проехав через Сурамский перевал верхом, наместник остался очень доволен произведенными работами новой «Военно-Имеретинской» дороги. В Кутаисе пробыл он сутки, посетил Гелатский монастырь и выехал вечером 23 числа в Усть-Цхеницкале, откуда на другой день отплыл на пароходе в Поти, далее посетил Сухум, Гурию и 31 августа возвратился в Поти. Туда же были высланы и дорожные экипажи для великих князей и свиты.

После весьма неприятного морского перехода великие князья высадились 1 сентября в Поти. На другой день отправились в сопровождении наместника в Кутаис, где пробыли два дня, затем проехали в Ахалцых и далее — в Александрополь. Здесь 9 числа князя Барятинского встретил фельдъегерь с письмом Государя, извещавшего наместника о пожаловании ему, в день 30 августа, ордена Св. Александра Невского с мечами и назначении его шефом Кабардинского полка. Последнею этою наградой в особенности был он тронут и возвестил доблестному полку о своем почетном назначении приказом от 13 сентября.

В числе пожалованных 30 же августа наград по Кавказской армии удостоился и я повышения в чине генерал-лейтенанта. Награда эта выходила из ряда обыкновенных, потому что в чине генерал-майора прослужил я только 4 года с небольшим, и старшинство в этом чине было мне дано также в виде особенной милости при самом назначении начальником штаба на Кавказе, то есть всего два года назад.

Приезд великих князей, разумеется, доставил значительный прирост к вседневным моим занятиям и заботам. 2 сентября, за неделю до назначенного дня приезда гостей, переселился я из Коджор в Тифлис, на первое время только один, без семьи. При мне находились адъютант князь Гагарин и Генерального штаба капитан Кравченко. Я не мог жаловаться на одиночество: в течение всего дня являлось ко мне множество лиц по делам, с вопросами и докладами. Некоторые из лиц свиты великих князей приехали ранее Их Высочеств прямо из Поти. В числе их был один из давнишних моих товарищей по гвардейской артиллерии — генерал-майор Григорий Григорьевич Вилламов, которому я предложил поселиться у меня в доме.

В это же время возвратился из Поти, после встречи великих князей, Н.П. Обезьянинов. Бедняк явился ко мне глубоко огор-

ченный семейным горем: в короткое время его отсутствия заболела и скончалась младшая из его двух маленьких дочерей.

По приказанию главнокомандующего я должен был накануне прибытия великих князей в Тифлис выехать на станцию Салооглы (где назначен был ночлег) для получения от князя Александра Ивановича последних распоряжений относительно предстоящего на завтра торжественного въезда. Такое же приказание получил потом и князь Гр[игорий] Дм[итриевич] Орбельяни, с которым великие князья пожелали познакомиться до въезда в Тифлис. Мы сговорились вместе ехать в Салооглы в моем тарантасе. К общей досаде, погода во все последние дни стояла холодная и дождливая, а я все еще чувствовал себя не совсем здоровым, беспокоила меня боль в ноге. Благодаря погоде и сам наместник простудился на переезде из Ахалцыха в Александрополь; опять почувствовал он приступы подагры, однако ж перемогался и продолжал путешествие с великими князьями, не отступая от маршрута.

Станция Салооглы находится в 75 верстах от Тифлиса, уже в пределах Елизаветпольской губернии, но недалеко от границы Тифлисской. Дорога туда на всем почти протяжении пролегает вдоль правого берега Куры. Приехав туда под вечер, мы представились наместнику и великим князьям и, получив от князя Барятинского приказания на завтрашний день, поспешили возвратиться в Тифлис. Проехав всю ночь, иззябли, устали и прибыли домой лишь на рассвете, а в 10 часов утра уже следовало быть на коне, готовыми к торжественной встрече.

К счастью, утром 11 числа погода поправилась, как по заказу. Встреча удалась вполне. Это было одно из тех блестящих, чарующих зрелищ, которые обычны только Тифлису, под лучами яркого солнца Грузии, при живописной, полуазиатской обстановке. Великие князья, наместник и свита их до въезда в город сели верхом в парадной форме и встреченные одушевленною массою народа проследовали торжественно в Сионский собор, где были собраны чины всех ведомств. Тем же порядком шествие продолжалось от собора ко дворцу наместника. По программе в этот день намечен был обед домашний, без приглашенных; вечером великие князья посетили театр, где давали оперу. Город и окрестные высоты были великолепно иллюминованы.

Князь Барятинский, обладавший замечательною силою воли, превозмогал свой недуг во весь первый день пребывания моло-

дых царевичей в Тифлисе, не давая заметить своих страданий, но в следующий день 12 числа, он уже слег в постель, никого не принимал и должен был отказаться от своего намерения сопровождать великих князей как на охоту в Караязе, так и в дальнейшем их путешествии. Прискорбное это обстоятельство признаться встревожило меня: как уже сказано, наместник имел в виду в таком случае поручить мне сопровождать Их Высочества, что причинило бы остановку и расстройство в делах, тем более ощутительную, что в это время накопилось дел более обыкновенного вследствие продолжительного перерыва в личных докладах моих главнокомандующему. Однако ж скоро я успокоился: князь Барятинский избавил меня от угрожавшей поездки, возложив сопровождение великих князей на князя Гр[игория] Дм[итриевича] Орбельяни.

Во второй день пребывания Их Высочеств в Тифлисе, 12 числа, исполнена была в точности предначертанная программа: утром — общее представление генералитета, членов Совета, членов артиллерийского и инженерного ведомств; затем смотр войскам Тифлисского гарнизона, осмотр достопримечательностей города; позже большой парадный обед, а вечером бал и снова блестящая иллюминация. Все прошло гладко и к общему удовольствию, хотя и чувствовалось отсутствие настоящего хозяина.

13 числа назначен был в час дня, после завтрака, выезд из Тифлиса в Караяз. Первоначально предполагалось всем приглашенным на охоту съехаться к означенному часу в дом наместника и оттуда подняться разом, общим поездом, но потом предположение это признано неудобным; великие князья выехали только со свитой своей и немногими из сопровождавших лиц. Я откланялся им при самом выезде из дворца наместника, пожелав им благополучного и приятного путешествия.

По отъезде Их Высочеств начались у меня в доме приготовления к переезду моей семьи из Коджор. С вечера отправлены туда лошади, волы, люди, а 14 сентября утром вся семья перебралась в город, кто в экипаже, кто верхом. У въезда в город, в Салалаках, ожидали городские экипажи, и к обеду семья была в полном сборе.

О путешествии великих князей получались почти ежедневно самые благоприятные известия. Натешившись на Караязской степи, они проехали через весь Дагестан в Темир-Хан-Шуру, от-

туда (2 октября) в Хасав-Юрт, где князь Святополк-Мирский чествовал их на славу целые сутки, затем 3 октября проехали на Хоби-Шавдон и через всю Большую Чечню в Аргунское ущелье. Всею поездкою они остались вполне довольны. С восхищением отзывались потом о крае и войсках. Находившийся в то время за границей (в Ганновере) великий князь Константин Николаевич в письме к князю Барятинскому (от 23 октября) писал, что младшие его братья в восхищении от Кавказа, и при этом поздравил с последними блестящими успехами на Левом крыле. Также писал мне А.П. Карцов (28 октября), что великие князья в восторге от кавказских войск и действий Евдокимова, что дивятся совершенным войсками громадным работам и достигнутым успехам[228].

ВЕСТИ ИЗ ПЕТЕРБУРГА ЗА 1858 ГОД

Проезд молодых великих князей был маленькою диверсией в обычном течении кавказской жизни. Воспользуюсь этим кратковременным перерывом в делах, работах, даже в военных действиях, чтобы несколько прервать и свой рассказ о Кавказе и заглянуть в Петербург.

С каждым годом службы на Кавказе все более втягивался я в местные интересы, и вместе с тем все более ослабевали прежние мои связи с Петербургом. Даже с ближайшими родными, с братом и сестрой, имел я только редкие сношения. Сестра провела это лето в псковской деревне (Никольском), а брат Николай — на даче, на Аптекарском острове. В его семье последовало новое приращение рождением второй дочери Марии. Более чем когдалибо он был поглощен служебными занятиями по случаю поднятых в то время важных вопросов государственных, в особенности — вопроса крестьянского, в котором принимал он живое участие. Сверх работ служебных, ему была поручена великою княгинею Еленой Павловной разработка проекта задуманного ею освобождения крестьян частного ее имения «Карловки» (в Константиноградском уезде Полтавской губернии). Великая княгиня пожелала, чтобы ей принадлежал первый почин в благом деле отмены крепостного состояния, прежде еще общего, формального разрешения этого великого вопроса. Брат мой с содействием некоторых других близких лиц с любовью занялся этою работой[229].

Великая княгиня
Елена Павловна

Таким образом, мы оба, и брат Николай и я, каждый в своем круге действия, не имели досугов для поддержания между собою частых сношений перепискою. В течение всего 1858 г. я получил от него только одно письмо от 19 апреля, которое и было последним: после того он не писал мне ни разу в течение двух-трех лет; узнавал я о нем только стороной. В означенном письме от 19 апреля, впрочем, очень длинном, он заявил мне вперед: «При нашем образе жизни мы принуждены отказаться от постоянной переписки, но мне горько думать, что *судьба* (?) почти разорвала наши взаимные сношения»[230]. Конечно, и мне было это горько, тем более что, на мой взгляд, никакая служебная работа, самая напряженная, не оправдывала совершенного прекращения переписки. Как не найти минуты, чтобы дать, хотя изредка, весть о себе брату и другу! И наш товарищ детства, друг всей семьи

И.П. Арапетов

нашей И.П. Арапетов, в письмах ко мне, с горечью жаловался на перемену в отношениях его с братом Николаем. «От старинной нашей связи почти и следов не осталось, — писал он в одном из писем, прибавив, что никаких столкновений, ни неприятностей между ними не было. — Так само собою все расползлось, и остались мы на положении взаимно учтивых знакомых»[231]. Такое охлаждение между старыми друзьями ничему другому не могу приписать, как временному поглощению брата тою средой, в которую втянула его тогдашняя деятельность. Такие увлечения были в характере его. В подтверждение моего предположения приведу, что дружеские его отношения к Арапетову впоследствии восстановились и удержались до самой кончины брата.

Что касается самого Арапетова, то он состоял в это время делопроизводителем в Комитете, учрежденном под председатель-

ством графа Влад[имира] Фёд[оровича] Адлерберга, для составления Положения об устройстве быта разных особых разрядов крестьянского населения: государственных, удельных, дворцовых, заводских и проч.[232] Дело это интересовало нашего друга, который в письмах своих по временам сообщал мне сведения о работах Комитета, так же, как и вообще о ходе крестьянской реформы.

Вопрос этот в то время занимал почти исключительно всех — и в Петербурге, и во всей России. С начала года Комитет по крестьянскому делу перестал уже называться «секретным»; сам Государь принял в нем председательство[233]. Но это не уменьшило числа противников дела, явных и скрытых. Столько было затронуто личных, жизненных интересов, что противодействие было неизбежно. Рядом с официальным ходом дела поднялась отчаянная агитация против предположенной реформы, велись козни, интриги, клеветы. Приведу по этому поводу несколько любопытных выписок из упомянутого письма брата Николая от 19 апреля:

«В публичной жизни главную роль играет, как само собою разумеется, крестьянское дело. Свирепые страсти, которые бушевали в первое время, как будто приутихли, но они сосредоточились и работают втихомолку. Горько сказать, — но в последнее время реакция начинает проявляться во многом, и конечно, не остановится на одном начале. Вопрос о земле есть корень раздора ... Кроме того, пущена в ход идея — предоставления помещикам каких-то droits seigneuriaux* (чего даже по-русски перевести не могут). Странный будет результат, если так называемая эмансипация создаст у нас то, что везде она уничтожала прежде всего. Здешний Комитет обнаруживает особенные способности к этой помещичьей метафизике (благодаря бывшему профессору Рейцу, разным другим немцам и самому предводителю графу Шувалову, которые сидят в Комитете и велегласно воспевают прелести феодальной аристократии). Трудно сказать, что из всего этого выйдет, но хороших надежд мало. Двадцать миллионов народа едва ли удовлетворятся фразами, за которые наложат на них новые оброки и юридические притеснения. Не знаешь, чему более удивляться: неразумию или недобросовестности? В высшем правительстве гласно заявляют антипатию к

* владельческих прав (*фр.*).

делу: одни — по собственному интересу, другие — из популярности. Всего прискорбнее, что всем положением завладели Муравьёв, Ростовцев и даже (как нимфа Эгерия) Позен, который появляется здесь на горизонте, мелькнет и всегда оставит по себе темный след[234]. Последние назначения довольно ясно свидетельствуют, что честная репутация не считается необходимостью для государственных мужей. Княжевич натурально примкнул к Роберам-Макерам, и кредитный вопрос (о котором я так мечтал) более чем когда-либо в загоне[235]. Сила вещей его вызовет, но без приготовлений; кроме глупости, ничего не выйдет. Скороспелки теперь более в моде, чем даже в старину. Когда позволили печатать о крепостном вопросе, можно было возлагать много упований на нашу прессу, как ни хромает она, но кажется, и ей не долго будет пировать. Всякая статья (помимо содержания) коробит добрых помещиков. Возгласам нет конца и, кажется, первою жертвой будет наш бедный Кавелин. В 4 номере «Современника» он поместил неподписанную статью, далеко не радикальную, но ее умели выставить в таком неблагоприятном свете, что ему несдобровать*[236] ... Реаки**, конечно, не остановятся на первой жертве. Достаточно сказать, что теперь перемены в Министерстве народного просвещения получают положительно характер реакционерный[237]. Нашему Министерству*** также грозило. Смешно сказать, но оказывается, что Ланской и Левшин признаются людьми неблагонадежными в помещичьем смысле. Они имеют неосторожность собирать по разным вопросам крепостного дела импровизированные комитеты из помещиков и нашей братьи. На одном я присутствовал вместе с Самариным****; приглашались и другие, так называемые *красные*. Хотя ни в суждениях, ни в писаниях не проявлялось и тени посягательства на помещичьи интересы (тем

---

* Опасение это вскоре оправдалось на деле самым прискорбным образом: не только Кавелин был устранен от преподавания Наследнику Цесаревичу, но и сам Влад[имир] Павл[ович] Титов, руководитель образования Его Высочества был удален. Другой преподаватель — Бабст — сам просил об увольнении. Титов не ладил с генерал-адъютантом Ник[олаем] Вас[ильевичем] Зиновьевым — главным воспитателем Наследника; интриганы воспользовались удобным случаем, чтобы оттолкнуть от Двора людей, которые были им не по сердцу.

** т. е. реакционеры.

*** внутренних дел.

**** Юрий Фёдорович.

более что Самарин сам помещик 1200 душ, а мне с седыми волосами уже поздно либеральничать), но эти невинные собрания показались чем-то чудовищным. Но это, разумеется, не главное: Министерство внутренних дел по простоте ли, или по другой причине, не сумело сочинять циркуляры, программы и т. п. с теми канцелярскими ухищрениями, которые удовлетворяют людей самых противоположных мнений. Явное доказательство неспособности! Притом места в Министерстве внутренних дел довольно заманчивы! Отсюда родилось неслыханное ополчение против нашего улья. Целый месяц город занимался личными комбинациями. Но 17-е прошло и гроза миновала[238]. Надолго ли? ... Ты не поверишь, любезный друг, как все это бескуражит меня. Интриги, нелепости, необдуманности, незрелость и скороспелство везде и во всем, а главное — Робер-Макерство завладело позицией. Чую много недоброго. А вырваться из этой среды нет никакой возможности».

Таким образом, брат мой видел тогдашнее положение дел в темном цвете. С более светлыми надеждами относился к предпринятым тогда широким реформам другой корреспондент мой, А.В. Головнин, который, по своему служебному положению при особе великого князя Константина Николаевича, находился в самом центре важнейших государственных дел. Однако же в течение описываемого 1858 г. оптимизм моего друга несколько поколебался и уступил место тревожным опасениям за успешный ход предпринятых реформ, когда злобные нападки реакционеров на всех усердных сподвижников великого дела, отмеченных кличкою «красных», обратились в особенности против брата царского — великого князя Константина Николаевича. Поднялись против него всякие интриги, наветы, сплетни, доходившие, конечно, до ушей царских. Чтобы положить им конец или, по крайней мере, заглушить их, решено было в семейном совете, чтобы великий князь удалился из Петербурга на продолжительное время, и придумано было для того морское плавание по Средиземному морю. 8 сентября Его Высочество выехал морем в Киль вместе с великою княгиней Александрой Иосифовной и старшим сыном Николаем. Из Киля они проехали в Ганновер, где пробыли несколько недель, а потом отправились в Ниццу. А.В. Головнин выехал из Петербурга гораздо позже сухим путем прямо в Ганновер. Из Ниццы великий князь съездил в декабре месяце в Париж, а затем отправился в плавание с

эскадрой из 6 судов, посетил некоторые порты Средиземного моря и вернулся в Россию через Константинополь только летом следующего 1859 года.

* * *

От А.П. Карцова продолжал я получать по-прежнему известия, преимущественно по военной части*. В то время штаб Отдельного гвардейского корпуса был главным центром, из которого истекала инициатива военных нововведений. Учрежденная, по мысли покойного графа Ридигера, «Комиссия для улучшений по военной части»[239] с кончиною его состояла под председательством командира Гвардейского корпуса генерал-адъютанта Плаутина, который относился к делу довольно пассивно, предоставляя полный простор ближайшим своим помощникам: начальнику штаба графу Эдуарду Трофимовичу Баранову и обер-квартирмейстеру генерал-майору Карцову. Последний и сделался, таким образом, деятельнейшим орудием в работах Комиссии.

Одною из полезных мер, принятых в начале 1858 г. по почину Комиссии, было учреждение в Царском Селе офицерской стрелковой школы, по образцу которой предложено было преобразовать и нам Кавказский учебный батальон. Начальником Царскосельской школы назначен был полковник Ванновский (будущий военный министр). По словам Карцова, учреждение это принялось успешно: первые годичные экзамены (в октябре 1858 г.) оказались вполне удачными.

В этом же году осуществилось давнишнее предположение — об учреждении должности дивизионных начальников штаба. Нововведение это открыло широкий путь для служебной деятельности Корпуса офицеров Генерального штаба как в военное, так и в мирное время. Значительное увеличение числа офицеров этой службы пополнилось без затруднения благодаря последним весьма обильным выпускам из Николаевской академии Генерального штаба**.

---

* Прежняя переписка моя с А.П. Карцовым касательно издания «Справочной книжки для офицеров» прекратилась за распродажею всего второго издания. Права свои на последующие издания этой книжки передал я самому Карцову.

** В 1858 г. начальником Академии, на место генерала Стефана, назначен генерал-майор Александр Карлович Баумгартен.

Еще в прошлом году А.П. Карцов сообщил мне приятную новость, что ему удалось, после долгих хлопот, добиться согласия высшего начальства на издание военного журнала, о чем возбудил я вопрос еще в 1856 г., в тех видах чтобы поднять уровень военного образования в офицерской среде и вместе с тем чтобы распространять сведения о принимаемых в военном ведомстве нововведениях и улучшениях. Высочайшее соизволение на такое издание под названием «Военного сборника» последовало 6 января 1858 г., и на другой же день Карцов поспешил порадовать меня этим известием. Он просил вместе с тем моего согласия на помещение в новом журнале статьи о Кавказе, составленной по моим запискам для Академии[240]. Редакторами «Военного сборника» первоначально были назначены: Генерального штаба подполковник Аничков и Гвардейского генерального штаба капитан Обручев — оба профессора Николаевской академии Генерального штаба, а по литературной части — известный писатель Чернышевский. Но первый вскоре оставил редакцию по случаю назначения его вице-директором Комиссариатского департамента; на место его назначен в редакцию капитан Гвардейского генерального штаба Окерблом. Выбор Чернышевского в состав редакции специального военного журнала был крайне неудачен и, как оказалось впоследствии, сильно повредил изданию. С первого же шага редакция встретила большие затруднения со стороны цензуры, так что первый номер выпущен только к маю месяцу. Карцов сетовал на придирки военного цензора полковника Штюрмера и на враждебное отношение к изданию самого министра Сухозанета; в войсках же журнал встречен весьма сочувственно, и число подписчиков, достигавшее с самого начала цифры 4500, все еще возрастало. Редакция, задавшись, по-видимому, благою целью — ратовать против укоренившихся в войсках и военных управлениях стародавних злоупотреблений и беззаконий, к сожалению, увлеклась слишком неосторожно на этом скользком пути и впала в резкий обличительный тон. Само собою разумеется, что такое направление «Военного сборника» должно было вызвать настоящий гвалт в среде начальствующих лиц и старых служак, которые с ужасом вопили о подрыве дисциплины, даже о революционной пропаганде в войсках. Дошло до того, что после выхода 7 книжки, издание было приостановлено; редакторы получили выговор и сменены; сам Карцов от огорчения заболел. Несколько спустя издание было возобновле-

но, но уже под непосредственным руководством военного министра, который назначил новым редактором генерал-майора Генерального штаба Петра Кононовича Менькова.

Уведомляя меня о таком печальном обороте полезного дела, А.П. Карцов приписывал неудачу поданному военным цензором Штюрмером доносу, а также интригам, начавшимся еще до выхода 1 номера, не столько против самого издания, сколько лично против графа Баранова. Однако ж позже сам же Карцов писал мне*, что «дело было подстроено Лихачёвым**, ярым противником всех нововведений»[241]. Таким образом, Карцов не допускал, что преследование «Военного сборника» могло быть вызвано действительно направлением издания, мало соответствовавшим официальному, издаваемому на казенный счет ***военному*** журналу, тогда как он же сам, говоря о последовавшем в то же время прекращении Аксаковского издания «Парус» (за статью Погодина), заметил: «и поделом»[242].

Неприятности, причиненные моему достойному приятелю и товарищу прискорбною катастрофою «Военного сборника», возбудили в нем сожаление о том, что два года тому назад не воспользовался он приглашением князя А.И. Барятинского перейти на Кавказ. Тогда он не хотел покинуть наторенного пути службы в Гвардейском генеральном штабе, имея в виду, что генерал Плаутин и граф Баранов станут во главе предпринимавшихся по военной части обширных преобразований. Убедившись теперь в неспособности того и другого к такой роли, Карцов вспомнил о прежнем предложении князя Барятинского и в одном письме ко мне, в исходе 1858 г.[243], завел речь о желании переменить службу. Но, имея большую семью, не мог он переброситься, так сказать, очертя голову, на новую дорогу, пока не имел в виду служебного положения, столь же обеспеченного, как то, которого достиг он в Петербурге. К тому же в исходе 1858 г. он был приглашен давать уроки тактики Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу. Итак, мысль о переходе на Кавказ была отложена, она осуществилась лишь два года спустя.

---

* Письмо от 30 января 1859 года.

** Александр Фёдорович Лихачёв — генерал-майор, директор Канцелярии Военного министерства.

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ 1858 ГОДА

После проезда молодых великих князей через Тифлис князь Барятинский долго еще страдал сильными приступами подагры. Были дни, когда не мог он никого принимать и ничем не занимался, но при малейшем облегчении, даже еще в постели, принимался за дела, выслушивал доклады и с оживлением говорил о своих новых предположениях.

Более всего занимало его в это время составление проекта нового устройства гражданского управления на Кавказе. Проект этот вырабатывался под непосредственным руководством наместника чрезвычайно в широких рамках. Каждое из пяти отделений существовавшей Канцелярии наместника обращалось в целый департамент с директором превосходительного чина. Создавалась новая должность «начальника Главного управления»*, как бы в pendant** начальнику Главного штаба в военном управлении. На новую эту должность предназначался статс-секретарь А.Ф. Крузенштерн, который вместе с тем должен был управлять и «Департаментом общих дел». На должности директоров других департаментов имелись в виду: действительный статский советник Харитонов — Департамента финансового, действительный статский советник Юлий Фёдорович Витте — Департамента государственных имуществ (на смену его тестя Андрея Михайловича Фадеева, перемещенного в члены Совета наместника), действительный статский советник князь Георгий Константинович Багратион-Мухранский — Департамента судебного, наконец, действительный статский советник Хрысцинич — Департамента контрольного. Управления округов карантинно-таможенного, почтового, учебного оставлялись в прежнем положении и с теми же начальствующими лицами. Генерал Рот преобразился в «начальника управления сельского хозяйства и колоний иностранных поселенцев на Кавказе и за Кавказом», помощником ему назначался полковник Вас[илий] Вас[ильевич] Зиновьев.

---

* Взамен прежнего звания начальника гражданского управления Закавказского края.

** соответственно (*фр.*).

Кроме названных департаментов учреждалось «Временное отделение по делам гражданского устройства края». Под этим названием разумелась та лаборатория, в которой стряпались все новые проекты, возникавшие один за другим по собственной инициативе наместника. Управляющим этим отделением, то есть главным редактором всех подобных работ, предназначался действительный статский советник Инсарский, который таким образом унаследовал прежнее прозвище Харитонова — «ministre du progrès».

Проектированное новое гражданское управление предположено было ввести в действие в следующем 1859 г. в виде опыта на двухлетний срок. Еще до окончания разработки проекта князь Барятинский задумал устроить для князя Григория Дмитриевича Орбельяни, председательствовавшего в Совете наместника, новое почетное положение вне предположенной новой организации главного гражданского управления. С этою целью предположил он создать должность *военного* генерал-губернатора Тифлисского с заменою притом тогдашнего губернатора генерал-майора Капгера лицом гражданским, именно: тогдашним вице-губернатором действительным статским советником Орловским. Относительно Капгера князь Александр Иванович имел в виду сенаторство. Обо всех этих предположениях сообщил он предварительно В.П. Буткову в частном письме (23 октября), которое, однако же, было представлено Государю. Предположение наместника об учреждении должности *военного* генерал-губернатора встретило положительный отказ: на письме князя Барятинского положена была Государем такая резолюция: «На учреждение тифлисского военного генерал-губернатора я решительно не согласен, ибо не вижу в том ни пользы, ни необходимости. На назначение генерал-майора Капгера в сенаторы я также не согласен, ибо сенаторов у нас и без него слишком много». Бутков, сообщив эту резолюцию наместнику с комментариями своими (в письме от 15 ноября), советовал лучше просить об учреждении в Тифлисе должности градоначальника, по примеру Одессы[244]. Предположение князя Барятинского действительно трудно было оправдать, но и предложение Буткова не было основательнее и притом вовсе не удовлетворяло побудительной цели предложения. Однако ж, несмотря на «решительный» отказ Государя, князь Барятинский не отступился от своего намерения и впоследствии добился своего: князь Григорий

Дмитриевич был потом облечен титулом тифлисского генерал-губернатора, только не *«военного»*; Капгер также получил звание сенатора, а *гражданским* губернатором назначен действительный статский советник Орловский.

Из всех нововведений и преобразований князя Барятинского ни одно не возбуждало в Петербурге таких злобных нападок, как введенное им в 1859 г. новое гражданское управление. Впрочем, оно осуждалось многими и в самом Тифлисе. Нельзя отрицать, что действительно организации этого управления даны были размеры чрезвычайно широкие, свыше того, чего требовала цель князя Барятинского, но самая цель была вполне рациональная. Он находил, что прежнее сосредоточение всего делопроизводства по гражданскому управлению наместника в одной Канцелярии его придавало этому управлению характер бюрократический, не доставляя средств для фактического направления каждой отрасли администрации. Он желал поставить во главе каждой специальности лицо самостоятельное, которое, не ограничиваясь канцелярскою отпискою, имело бы возможность вести свою часть к совершенствованию. В сущности, главная перемена против прежнего в новом управлении состояла лишь в том, что из круга делопроизводства прежней Канцелярии наместника (обратившейся в Департамент общих дел) были выделены дела финансовые и судебные. Обе эти части несомненно имели не меньше права на обособление, чем, например, части карантинно-таможенная или почтовая и другие, подлежавшие и прежде ведению специальных начальников «округов». Работы по финансовой части значительно усложнились с введением Высочайше утвержденного 22 ноября 1858 г. нового Положения, которым Закавказский край получил свой независимый бюджет и наместнику предоставлены обширные права по употреблению доходов края[245]. По части судебной необходимо было наместнику при тех местных особенностях и разнообразии, которые присущи Кавказскому краю, иметь докладчика и советника из специалистов судебного ведомства. Таким образом, можно смело сказать, что нападки на новое управление вызывались не столько существом дела, сколько формою: не будь громких названий департаментов, директоров (напоминавших министров или статс-секретарей в Царстве Польском), не будь некоторого излишества в

штатном составе управлений, — не было бы, вероятно, ни критики, ни глумления*,**.

* * *

После проекта новой организации гражданского управления на Кавказе внимание наместника в конце 1858 г. было занято еще несколькими другими значительными вопросами. Первое место занимало предстоящее освобождение крестьянского населения в Закавказье от существовавшего искони, близкого к русскому, крепостного состояния. Вопрос этот в том крае усложнялся своеобразными, глубоко вкоренившимися в народе местными обычаями. Дело требовало здесь еще большей осторожности, чем в русских губерниях. Предварительное обсуждение основных начал освобождения было возложено на совещания местного дворянства[247].

В Мингрелии, кроме того, решался вопрос о правах и положении членов бывшего владетельного дома Дадианов. Следовало выделить принадлежащие им на частном праве имения и определить размер вознаграждения за утрачиваемые владетельские права. Из переписки, которую вел наместник с статс-секретарем Бутковым по этому щекотливому вопросу, видно, что князя Барятинского озабочивало опасение происков в Петербурге князей Дадиан и в особенности бывшей правительницы княгини Екатерины Александровны, разыгрывавшей в петербургском обществе и при Дворе роль сверженной царицы. Бутков успокаивал в этом отношении наместника, заявляя, что княгиня не имеет ни-

---

* Любопытно, что великий князь Константин Николаевич в одном из позднейших своих писем к князю Барятинскому (от 2 (14) апреля 1859 г. из Неаполя) не только одобрил вводимое им на Кавказе новое гражданское управление, но и высказал при этом мнение о необходимости для того края такой же самостоятельной организации, какая существовала тогда в Финляндии, даже с двумя департаментами Сената[246].

** Далее в автографе зачеркнуто: «Вообще можно сказать, что в деятельности административной князь Барятинский не был счастлив; ему, как говорится, не везло. Прошло уже более двух лет со времени его прибытия на Кавказ, и ни одно еще из задуманных им, по цели весьма полезных для края, предприятий не осуществлялось по его желанию. Некоторые же из них даже окончились неудачно, как, например, учреждение пароходства на Кубани. Дело это, как уже сказано, было поручено генералу Филипсону, который принялся за него очень ретиво, распорядился приобретением английского парохода, чтобы произвести ответное плавание по реке» (*примеч. публ.*).

каких сношений с кем-либо из членов Кавказского комитета, что сам он, Бутков, почти не видится с нею, а чиновники его, как он выразился, даже «ненавидят» княгиню*.

Князь Барятинский продолжал настойчиво проводить свой проект Общества восстановления православия на Кавказе. Составленный устав находился на рассмотрении в разных инстанциях петербургских. Затем наместник по-прежнему заботился о железной дороге. Вызванный им бельгийский инженер Бель произвел уже изыскания от Тифлиса до Баку, той именно части Закавказской линии, которой князь Барятинский придавал более важное значение, чем остальной части — от Тифлиса к Поти, на том основании, что в случае войны не Черное море, а Каспийское будет служить главным путем сообщения России с Закавказьем. К концу 1858 г. Бель, окончив свои работы, пришел к заключению вполне благоприятному о местных условиях для осуществления предположенной линии, что было весьма приятно наместнику. Оставалась однако же существенная задача — найти финансовые средства: об этом он входил в переговоры с разными лицами, но все попытки оставались безуспешными.

Также не посчастливилось князю Барятинскому осуществить и некоторые другие, задуманные им с самого приезда на Кавказ, бесспорно, полезные предприятия. Так, судоходство по Риону, несмотря на видимую успешность первых испытаний, затормозилось встреченными затруднениями в предполагавшемся устройстве Потийского порта. Вызванные из-за границы иностранные специалисты — бельгиец Бель и англичанин Габб, производившие изыскания в устьях Риона, пришли к двум различным и несколько странным заключениям: один из них предлагал выдвинуть в открытое море за бар сквозное жетэ на железных сваях; другой — устроить порт в 15 верстах южнее устьев Риона. Было еще третье предположение: обратить в гавань озеро Полеостом, прорыв отделяющий его от моря перешеек. Фантастические эти проекты, по поручению наместника, обсуждались нашими русскими инженерами, в числе которых был капитан Шавров, только что возвратившийся из-за границы, куда был он командирован специально для изучения портовых сооружений в устьях больших рек, сходных по своим естественным свойствам

* Письмо от 15 ноября 1858 года[248].

с Рионом. Все они с генералом Кеслером во главе совершенно забраковали все три проекта иностранных специалистов, и тогда решено было наместником устранить их, поручив разработку проекта Потийского порта капитану Шаврову на представленных им основаниях. Однако же и затем дело это затянулось надолго.

Другое предприятие, от которого ожидалась большая польза для Прикубанского края — учреждение пароходства по Кубани, — окончилось совсем неудачно. Дело это, как уже сказано, поручено было вести генералу Филипсону, который принялся за него очень ретиво, распорядился приобретением английского парохода для испытания плавания по реке. Покупка парохода была отнесена на счет запасного капитала Черноморского казачьего войска заимообразно. Испытание было произведено уже в следующем 1859 году. Пароход поднялся от устья реки до станции Тифлисской на протяжении более 300 верст, но плавание это было сопряжено с такими трудностями, что уже не повторялось; сделано еще несколько рейсов только от устья до Екатеринодара. Результатом этих испытаний было признание генералом Филипсоном полной непригодности приобретенного парохода для Кубани. Некоторое время пароход простоял в Темрюке, а затем продан за бесценок. Таким образом, испытание не было доведено до конца, если пароход оказался несоответствующим свойствам реки, как донес генерал Филипсон, то все еще осталось не выясненным, пригодна ли сама река вообще для пароходства. К сожалению, сколько мне известно, опыты не были возобновлены, и дело осталось в забвении.

Также не имели успеха и задуманные князем Барятинским предположения относительно Каспийского моря и Средней Азии. Устройство Бакинского порта было приостановлено за невозможностью ассигнования потребных на то денежных средств. Образование компании для торговли с Персией (барона Торнау) шло туго и впоследствии совсем рушилось[249]. Предпринятые в 1859 г. и руководимые прямо из Петербурга «ученые» экспедиции Ханыкова и флигель-адъютанта Игнатьева остались без всяких полезных последствий*[250].

---

* Тем не менее Игнатьев награжден чином генерал-майора на 9 году всей его службы, а вслед затем получил важную миссию — в Китай[251].

* * *

Коснувшись неудач, встреченных князем Барятинским в задуманных им с самого приезда его на Кавказ обширных замыслах относительно нашего положения на морях Черном и Каспийском, воспользуюсь этим случаем, чтобы дополнить сказанное уже прежде об отношениях наместника кавказского к великому князю генерал-адмиралу. Хотя между ними и продолжался обмен писем, но уже гораздо реже прежнего и совсем в другом тоне. В сентябре 1858 г. перед отъездом своим за границу Его Высочество просил князя Барятинского продолжать переписку. Но последний отвечал (31 октября) церемонным письмом, в котором жаловался на частое свое нездоровье, много препятствующее деятельности его[252]. Со своей стороны А.В. Головнин часто писал и князю Барятинскому и мне; старался поддержать дружеские отношения между великим князем и наместником, высказывал свое убеждение в том, что они оба могут служить друг другу поддержкою в борьбе с многочисленными противниками предпринятых Государем благодетельных реформ. Отъезд Его Высочества из Петербурга на продолжительное время крайне озабочивал не только близких к нему лиц, но и всех сторонников предпринятых преобразований. Более же всех встревожился Головнин, он придумывал всевозможные средства, чтобы отклонить великого князя от слишком продолжительного отсутствия из Петербурга. Еще до выезда Его Высочества Головнин писал князю Барятинскому и мне, настоятельно прося нас обоих написать великому князю и убедить его в совершенной необходимости пребывания его в Петербурге в то критическое время.

Я отвечал Головнину (28 сентября)[253], что князь Барятинский лежит больной и не может писать, но прибавил, что если б он и поправился, то едва ли решился бы вмешаться в дело, касающееся лично такой особы, как великий князь, и давать советы, которых у него не спрашивают. После того нужно ли прибавлять, что мне уже и совсем было бы неуместно поднимать голос. Однако ж Головнин не отказывался от своих настояний; в письме от 9 октября он снова писал мне: «Еще раз обращаюсь к Вам с просьбой написать великому князю о его обязанностях по отношению к императору и России. Он Вас искренно любит и уважает более, чем кого-либо из государственных людей ... Великий князь крайне смущен и разбит всем, что творится здесь

(т. е. в Петербурге) против него; не хочет более заниматься общими государственными делами, хочет ограничить свою деятельность одною морскою частью, быть морским министром и ничего более»[254].

Головнин сокрушался о таком устранении великого князя от общих дел в настоящий момент, скорбел, что и князь Барятинский удален от центра государственного управления, умолял его, чтобы он, по крайней мере, содействовал подъему духа великого князя.

В письме ко мне от 11 октября Головнин опровергал высказанные мною доводы против вмешательства князя Барятинского и моего в дело, лично касавшееся великого князя, а по поводу выраженных мною сетований на недоброжелательство в петербургских высших сферах относительно князя Барятинского заметил, что не мы одни в таком положении: точно то же испытывают и великий князь Константин Николаевич, и граф Муравьёв-Амурский, и другие передовые деятели, но что недоброжелательство это не должно останавливать нашу деятельность. «Напротив того, — писал Головнин, — оно должно усиливать желание побороть его. Поверьте, что в Петербурге всего более боятся Вашего возвращения и готовы дать Вам все, чтобы сидели себе на Кавказе. Здесь боятся, чтобы Вы с князем не переселились в Петербург, не заняли и кресла в Совете министров: князь — место председателя Государственного совета, а Вы — должность военного министра и не завели бы здесь свои порядки в ущерб тем господам, которые теперь так удачно размежевали между собою власть и деньги». Далее Головнин повторял уверение в истинно дружеских чувствах великого князя к князю Барятинскому и лестном его ко мне расположении.

В ответе своем (31 октября) на письмо Головнина я воспользовался случаем, чтобы откровенно высказать ему, какие поводы имеет князь Барятинский сетовать на Морское министерство, со стороны которого уже не замечается прежнего дружественного сочувствия и содействия кавказскому делу:

«На Черном море мы не можем добиться никакого улучшения в положении морских судов, предоставленных для службы при кавказских берегах. Когда князь Александр Иванович ездил в августе месяце вдоль берега, он был поражен жалким нашим положением на море; нам становится стыдно нашего бессилия и перед Турцией и перед горцами. Мы не требуем ничего более,

кроме того, что определено самим Министерством морским в Высочайше утвержденном Положении[255], но Положение это остается мертвою буквой, и мы не только не имеем положенного числа судов для блокады берега и для укрощения горцев, но часто не можем даже послать парохода с извещением или приказанием от одного пункта берега к другому. На всякий случай прилагаю при сем, для вашего сведения, копию с отношения, которое я недавно отправил к контр-адмиралу Бутакову. Это не первый протест наш в этом роде, но мы уверены вперед, что и на сей раз останемся без ответа. А между тем без морских сил мы как бы без рук на западной половине Кавказа; вместо успехов в крае, мы окончательно уроним здесь наше владычество.

На Каспийском море положение наше не лучше. При самых дружественных отношениях наших к астраханскому начальству мы совершенно отчуждены от Каспийской флотилии, а между тем наместник Кавказский с давних времен носит титул начальника этой флотилии. Для сущности дела нужен не титул, не почет, не удовлетворение пустого тщеславия, а нужно действительное единство распоряжений на суше и на море. Наместник кавказский не знает даже, какие виды имеет ныне Морское министерство относительно Каспийской флотилии, на какую силу можем мы рассчитывать в случае необходимости показать на деле наше влияние в Персии или укротить дерзость полудиких туркмен. Кавказ есть перешеек между двумя морями, внутри перешейка горы кишат воинственным, враждебным нам народом, извне — с обоих морей — также враждебное и беспрерывно возрастающее влияние. Положение кавказского начальства и без того трудно, а вдобавок не хотят признавать за ним и права показываться на море»[256].

В дополнение к этим главным и существенным поводам к неудовольствию наместника кавказского на образ действий Морского министерства указывались и некоторые частные факты, в которых князь Барятинский видел признаки охлаждения к нему Его Высочества генерал-адмирала, как например, отказ в производстве в следующий чин лейтенанта Обезьянинова, службою которого князь Барятинский был чрезвычайно доволен: вместо просимого чина, Обезьянинов получил... «подарок»!

Головнин в письме от 3 (15) декабря (уже из-за границы) повторял уверения, что великий князь вполне сохраняет прежнее

свое расположение к князю Барятинскому и Кавказу; оправдывал распоряжения морского начальства скудостью бюджета (сокращение которого, однако же, ставилось в заслугу великому князю) и в подтверждение прежнего своего мнения о невыгодах продолжительного путешествия Его Высочества, приводил, что «некоторые лица» (?), не следуя примеру князя Барятинского и моему, выразили в письмах «весьма сильно полное неодобрение» этого путешествия, и что они «через это выиграли в мнении великого князя, который призадумался, и теперь в нем уже начинает меняться взгляд на продолжительное отсутствие из России»[257].

Ровно месяцем позже после приведенного письма, 3 (15) января 1859 г., Головнин писал из Палермо князю Барятинскому совсем уже в другом смысле, чем прежде, относительно продолжительного отсутствия великого князя Константина Николаевича из Петербурга. По словам его, Государь продолжает твердо идти по предначертанному пути; все поняли, что напрасно обвиняли великого князя в подстрекательстве к предпринятым преобразованиям. «Теперь, — пишет Головнин, — можно смотреть спокойно и на отсутствие Его Высочества, и на то положение, которое ожидает его там по возвращении. Все должны сознаться, что нападки на него были напрасны»[258].

Чему приписать такой крутой поворот во взгляде моего друга — недоумеваю.

* * *

После обзора деятельности наместника кавказского по гражданской части в исходе 1858 г. перейду теперь к работам, продолжавшимся в то же время по военной части.

Не говоря об усиленной переписке с главными начальниками отделов края по случаю предпринятых тогда обширных военных действий (о чем будет речь в своем месте), упомяну здесь только о продолжавшейся разработке некоторых крупных вопросов.

На первом плане стояло преобразование кавказских казачьих войск, разделявшихся на Линейное и Черноморское[259]. Разделение это не соответствовало уже введенному князем Барятинским новому разграничению Северного Кавказа на военные отделы. Линейное казачье войско, имевшее своего атамана и свое управ-

Линейные казаки.
Рис. Т. Горшельта

ление, входило одною частью в район Правого крыла, другою — в район Левого. Каждая из двух частей подчинялась в известном отношении командующему войсками в отделе. Отсюда происходила двойственность начальства, усложнение отношений и даже иногда столкновения властей. Предположено было согласовать разделение казачьих войск с делением края на два отдела и для того одну часть (западную) Линейного войска, входящую в район Правого крыла, слить с войском Черноморским, образовав одно казачье войско — «Кубанское»; другая же часть того же Линейного войска (восточная), в пределах Левого крыла, составила бы особое казачье войско — «Терское». Каждое из двух новых казачьих войск полагалось подчинить вполне командующему войсками, с предоставлением последнему и звания атама-

на. Имелось в виду пойти далее: выделив Ставропольскую губернию из ведения военных начальников, образовать две области: Кубанскую и Терскую, соединив в лице начальника области все управление — и гражданское и военное. Такое преобразование, очевидно, представляло работу довольно сложную, но главным камнем преткновения было слияние двух, столь разнообразных элементов, каковы казаки линейные и казаки черноморские: это были почти как два разные народа, не похожие между собою и в смысле этнографическом, и в организации военной и, что всего важнее — в духе и нравах. Черноморцы всегда отличались хохлацким упорством и консерватизмом, им претила всякая перемена в их своеобразном быту. Но все эти затруднения не пугали наместника, который, напротив того, видел в слиянии черноморцев с линейцами именно ту важную пользу, что объединение их могло постепенно в течение времени расшевелить присущую черноморцам косность и придать им более воинского духа.

Другое крупное дело — преобразование интендантства — вызывалось, так же как и первое, необходимостью ближайшего приспособления организации этой части военного управления к новому военно-административному делению края, а вместе с тем потребностью упрощения сложного механизма интендантских операций и сокращения, по возможности, огромного личного состава. Установившийся с давних пор на Кавказе порядок провиантских заготовлений (частью из внутренних губерний России, частью из местного производства), перевозки и хранения запасов и т. д. представлял столько неудобств, что несмотря на громадный свой состав, интендантство не было в силах справляться с делом; счетоводство было запутано, контрольная отчетность отставала на десятки лет, ежегодно возникало множество дел о неисправности поставки, начеты, взыскания, переплаты, — и в конце концов, накоплялась масса старых, нерешенных дел. Особенно умножились эти запущенные и запутанные дела вследствие последней войны. Генерал Колосовский старался, сколько мог, исправлять старые грехи: для очистки запущенных счетов и решения старых дел учреждались временные отделения, особые комиссии, но работа их подвигалась медленно. Притом, очищая зады, надобно было принять меры, чтобы впредь дело шло иначе, чем прежде; нужно было, очевидно, изменить самый порядок интендантского довольствия войск. Во-

прос этот обсуждался много раз в совещаниях моих с Колосовским, с участием некоторых опытных чиновников интендантства. Сам Колосовский был во всех отношениях превосходный интендант; с ним вести дело было легко и приятно. Еще вспоминаю с благодарностью чиновника интендантства Чаплина — человека способного и развитого, начальника отделения Главного штаба капитана Телесницкого и др. Однако ж совещания наши не привели к желанному мною результату, т. е. к коренному изменению самой системы заготовления и снабжения. В этом отношении мои личные мысли и предположения были, может быть, слишком радикальны: мне казалось возможным и желательным все дело довольствия войск провиантом поставить на коммерческое основание, предоставив заготовление провианта частным торговцам или компании на известных условиях, со сдачею его прямо в войска, оставив за интендантством лишь наблюдение за исправным ходом поставки, счетоводство и отчетность. Несомненно, что этим способом достиглось бы огромное сокращение личного состава интендантства. Мысли эти изложил я в записке (помеченной 20 декабря 1858 г.)[260], которую давал прочесть Колосовскому и другим нашим сотрудникам, но мысль моя встретила мало сочувствия, как, впрочем, можно было ожидать. Спорить и настаивать не счел я возможным. Специалисты вообще склонны придерживаться усвоенной рутины, немногие из них легко поддаются на коренные преобразования по своей части. Неосторожно было бы и домогаться от них слишком значительного изменения существующих порядков. Записке своей не дал я хода и оставил ее под спудом. Результат наших совещаний и прений ограничился скромными предположениями о некоторых частных изменениях и исправлениях в существовавшем устройстве кавказского интендантства.

Как всегда в исходе года немало труда и времени уделено было составлению интендантской сметы на 1859 год. Несмотря на все старания удовлетворить постоянные напоминания военного министра о сокращении расходов, не обошлось и на сей раз без некоторого возрастания кавказской сметы. Князь Барятинский в одном из писем к генералу Сухозанету (22 ноября 1858 г.) выразился, что «трудно урезывать там, где уже нет ничего лишнего и где напротив того ощущается во многом скудость»[261]. В начале октября смета отправлена в Петербург. Военный министр, уведомляя князя Барятинского (письмом от

26 октября)[262] о получении кавказской сметы, сообщил по приказанию Государя некоторые сведения относительно тогдашнего нашего финансового положения. Оказывалось, что на 1859 г. предвидится опять дефицит до 12 миллионов; министр финансов признавал решительно невозможным допустить какие-либо новые расходы. Поэтому на ходатайство князя Барятинского о внесении в смету 156 тыс. рублей на усиление содержания офицеров на линии для уравнения окладов их с закавказскими последовал решительный отказ, хотя и не отрицалась основательность этого ходатайства: давно уже признавалось явною несправедливостью, даже несообразностью, что войска на северной стороне Кавказского хребта, несущие наиболее тяжелую боевую службу, получали меньшее содержание, чем войска закавказские. Генерал Сухозанет в приведенном письме от 26 октября писал, что и сам он имел в виду уравнять означенные оклады при предположенном общем усилении жалованья офицеров во всей армии, но что предположение это пришлось отложить до более благоприятных обстоятельств.

Кавказская смета по рассмотрении в Военном министерстве за всеми сделанными в ней урезками все еще признавалась слишком обременительною для Государственного казначейства, и потому предложено было в счет расходов 1859 г. зачесть хотя половину накопившихся от прежних лет остатков в запасном капитале кавказского интендантства, свыше 9 миллионов рублей. На те же остатки отнесено было и покрытие некоторых передержек в 1858 г. (268 тыс. рублей). Извещая об этом главнокомандующего (в письме от 14 декабря 1858 г.), военный министр писал: «Не сетуйте за это, почтенный князь Александр Иванович, я не мог никак обойтиться, не отнимая у Вас излишнего запаса, ибо здесь не достает денег на удовлетворение даже в обрезе рассчитанных расходов. Сделайте одолжение, не ожидая преобразования Вашего интендантства, на что требуется продолжительное время, учредите особую комиссию распутать прежние дела Вашего интендантства и прикажите привести в положительную ясность все остающиеся у него денежные и вещевые запасы, ибо необходимо нам выйти из неопределенного положения»[263].

Князь Барятинский ответил (4 января 1859 г.)[264], что на зачет в сметные ассигнования части запасного капитала кавказского интендантства жаловаться не может, но при этом объяснил, что было бы прискорбно, если бы оказалось необходимым

затронуть и те 1 $^1/_2$ миллиона рублей, которые с Высочайшего соизволения были уже отчислены из означенного капитала и вложены в кредитные учреждения с целью выдавать из процентов пособия нуждающимся офицерам и семействам их. Об этих пособиях было уже объявлено всей армии, как о милости Монаршей. Что касается до приведения в известность размера накопившегося запасного капитала, то наместник предварил военного министра, что комиссия, которая будет назначена по его указанию, может достигнуть лишь приблизительного решения вопроса; точную же цифру накопившихся запасных сумм возможно определить не иначе, как по окончании постепенно составляемых за все прошлые годы контрольных отчетов. Главнокомандующий подтвердил при этом свое мнение о необходимости преобразования самой организации интендантства.

Отношения между главнокомандующим и военным министром в это время заметно смягчились и даже приняли оттенок обоюдного благорасположения. На письмо, присланное Сухозанетом из Варшавы на возвратном его пути из-за границы князь Барятинский отвечал: «Истинным удовольствием было для меня получить письмо Ваше из Варшавы от 18 сентября и узнать от фельдъегеря, что Вы возвратились из-за границы с восстановленным зрением. Желаю от глубины сердца, чтобы здоровье Ваше, укрепленное отдыхом, дало Вам силы на вновь предстоящие труды»[265]. (Мимоходом замечу, что сведение о восстановлении зрения министра оказалось не совсем верным.) Хотя в то же время пришлось князю Барятинскому отклонить рекомендацию Сухозанета о генерале Хрулёве, а затем получить неприятный отказ на представление о полковнике Кузмине, однако ж и в этой переписке уже не заметно со стороны князя Барятинского той раздражительности, ни той щекотливости, которыми отличалась предшествовавшая переписка.

Такому благодушному настроению князя Барятинского наиболее способствовало последовавшее в то время благоприятное решение вопроса, крайне тревожившего его, относительно временно находившихся на Кавказе 13-й и 18-й пехотных дивизий. Дивизии эти, как сказано, были оставлены в распоряжении главнокомандующего лишь до осени 1858 г., но возможно ли было вывести их с Кавказа именно в то время, когда военные действия приняли такой решительный характер, когда мы готовились нанести противнику окончательный удар? Князь Баря-

тинский не раз высказывал в письмах к самому Государю, что ослабление войск на Кавказе в такой момент было бы ошибкой непоправимой. Военное министерство продолжало настаивать на возвращении дивизий в предназначенный им район расположения во внутренних губерниях, и чтобы обезоружить кавказского главнокомандующего, предлагало временно посылать на Кавказ то стрелковые батальоны, то целые пехотные бригады «для участия в военных действиях». В августе 1858 г. прислана была на заключение главнокомандующего записка генерал-майора Скалона (вице-директора департамента Генерального штаба), предлагавшего командировать ежегодно на Кавказ по одной бригаде 6-го корпуса (расположенного в ближайших к Кавказу внутренних губерниях). Князь Барятинский не мог, конечно, одобрить такое предположение и в письме к Государю (от 9 августа)[266] снова умолял оставить еще на некоторое время войска кавказские в усиленном составе. Ввиду начатых с таким успехом решительных действий на Левом крыле, поняли, наконец, и в Военном министерстве несвоевременность уменьшения сил на Кавказе. Составлено новое предположение: вывести с Кавказа одну 13-ю дивизию в кадровом составе, весь излишек людей обратить на укомплектование прочих войск армии и на сформирование вновь в полках 18-й дивизии четвертых батальонов; в Кавказской резервной дивизии все 16 батальонов привести в полный боевой состав с добавлением пятых (стрелковых) рот. С приведением в исполнение всех этих мер в совокупности численность Кавказской армии не уменьшилась бы, а напротив того, даже несколько усиливалась, но усиление это полагалось считать лишь временным, сроком *до осени 1861 года.*

Извещение военного министра (от 25 октября) о предположенных мерах совершенно успокоило князя Барятинского, который в письме от 22 ноября выразил генералу Сухозанету свою радость, что он «*теперь* убедился, как необходимо при настоящем положении дел в здешнем крае действовать энергически и настойчиво». Далее писал он: «Последующие факты, как я надеюсь, еще очевиднее подтвердят мои слова и покажут, что пожертвования, которые мы делаем ныне, выкупятся с избытком важными результатами». Обещанные подкрепления, по словам князя Барятинского, важны потому, что в «последние годы войска кавказские выносят труды, почти превышающие силы человеческие. Крайне необходимо дать им хотя сколько-нибудь перевести дух, а до-

стигнуть этого можно не иначе, как прибавкою числа их, так чтобы они могли иметь некоторую очередь в работе»[267].

14 декабря военный министр уведомил главнокомандующего о Высочайшем утверждении предположенных мер, прибавив, что «все посылаемые на Кавказ войска будут отправлены в возможной скорости и исправности». Одна фраза в письме генерала Сухозанета чуть не подняла новой полемики: «Дай Бог, чтобы с сим новым усилением осуществились надежды Ваши *окончить дело Кавказа через два года.* Этим Вы окажете величайшую заслугу Государю и России, положение коей не может выдерживать огромных расходов в людях и деньгах, Кавказом поглощаемых»[268]. Князь Барятинский в ответном письме от 4 января 1859 г. возразил, что усиление Кавказской армии до осени 1861 г. последовало по решению самого Государя, а не вследствие какого-либо со стороны князя Барятинского обещания окончить войну к означенному сроку. «Прошу Ваше Высокопревосходительство избавить меня в мыслях Ваших от подобного обязательства, которое я никогда не принимал и не приму на себя; я могу только обещать, что употреблю все усилия и способности, чтобы подвинуть до 1861 г. военный успех нашего дела на Кавказе до той степени, до которой это только будет возможно, предоставляя тогда на Ваше обсуждение оценить меру этого труда и успеха»[269].

Генерал Сухозанет ответил (20 января 1859 г.): «Под выражением моим "Дай Бог, чтобы с сим новым усилением и т. д." я никак не разумел, чтобы Вы через два года успели бы обратить Кавказ в мирную и покорную провинцию империи, вполне понимая невозможность такого осуществления в самой отдаленной будущности. Мысль моя заключалась в том, что успехами военными и в особенности административными Вы найдете через два года возможность ограничиться теми средствами денежными и личного состава войск, кои для сего требовались в недавнее еще время. Против сей статьи письма Вашего Государю императору благоугодно было повелеть сообщить Вам следующие Его Величества слова: "Но во всяком случае, если до того не будет азиатской войны, 18-я и Резервная кавказская дивизии должны быть возвращены на свои постоянные квартиры"»[270].

Таким образом, возникшее недоразумение закончилось подтверждением Высочайшей воли о подкреплении Кавказской армии только на двухлетний срок.

В это же время возобновились прежние, крайне неприятные для князя Барятинского нападки на генерала Евдокимова. Блестящие успехи, одержанные в истекшее лето на Левом крыле, казалось, должны бы зажать рот злоязычникам, напротив того, эти самые успехи дали новый толчок враждебным Евдокимову наветам. В письме самого Государя (14 декабря) сообщались доходившие до Его Величества невыгодные слухи о положении войск Левого крыла, о происходящих там злоупотреблениях, доведенных будто бы до того, что надобно опасаться там восстания всего новопокорившегося населения, «как во времена Пулло»[271]. Государь выразил уверенность, что князь Барятинский примет надлежащие меры, если действительно дела идут так дурно, хотя бы пришлось устранить Евдокимова от должности, невзирая на оказанные им военные заслуги.

О том же писал и военный министр в письме от 14 же декабря. «Действительно, войска Левого крыла сделали неимоверные, свыше сил человеческих усилия, но, к прискорбию, известно, что они в крайне изнуренном от болезней состоянии и что это, как доходят сюда слухи, происходит отчасти от недостаточной генерал-лейтенанта Евдокимова об них попечительности. Общее мнение, отдавая полную справедливость отличнейшим его военным достоинствам, обвиняет сего генерала в крайне корыстолюбивом управлении, что число покорившихся переселенцев будто бы многократно преувеличивается с целью потребования на содержание их значительных сумм, что многостоющая туземная милиция существует большею частью только на бумаге и что все административные места поручены родственникам или приверженцам Евдокимова, администрациею, пристрастием и несправедливостью которого все вообще в высшей степени недовольны, и что поэтому покоренных горцев, заселенных по базису его действий, опасно считать безусловно нам преданными. Хотя я не верю этим слухам и признаю замечательные военные заслуги генерал-лейтенанта Евдокимова, но считаю священною обязанностью обо всем вышепрописанном довести до Вашего сведения: Вы на месте ближе можете знать, в какой степени это заслуживает вероятия и какие, в случае действительно существующего зла, к отвращению оного необходимо принять меры...» и т. д.

На эти обвинения князь Барятинский ответил (4 января 1859 г.) как военному министру, так и самому Государю горячею

защитою Евдокимова от всех взводимых на него нареканий, которые назвал он прямо клеветой и интригой. «Успехи наши на Левом крыле так очевидны и так решительны, что отрицать их могут только люди недобросовестные, руководимые личною ненавистью или привычкою к проискам». По словам князя Барятинского, на Левом крыле есть много недовольных, «чему доказательством служат и те приезжие, которые бессовестно рассевают в Петербурге ложные слухи и превратные толкования». Что войска Левого крыла несут очень тяжелую службу, не имея отдыха ни летом, ни зимой, — это известно ему, главнокомандующему, лучше, чем кому-либо, но разве эти чрезвычайные труды можно ставить в вину начальнику, когда труды эти необходимы на войне для достижения великих результатов?[272]

Однако ж и после таких категорических заявлений главнокомандующего все-таки неприятная для него переписка не прекратилась. В письме от 20 января генерал Сухозанет еще раз высказал, что, отдавая полную справедливость военным заслугам Евдокимова, не перестает желать, чтобы «оные сопровождались беспристрастием, справедливостью и бескорыстием всех подчиненных ему инстанций». Это писалось в то время, когда Евдокимов подготовлял новый важный успех, затмивший все предшествовавшие.

Об этом новом успехе нашего оружия на Левом крыле в зимний период 1858/1859 гг. и следует мне теперь рассказать, но прежде чем перейти к военным действиям, упомяну еще о происходившей в исходе 1858 г. переписке по одному из тех вопросов, которые не переставали озабочивать наместника кавказского. Это — вопрос о Черноморском береге.

Как ни слабо было наше крейсерство вдоль этого берега, случалось, однако ж, по временам нашим плохим пароходам или гребным судам накрывать контрабандистов и эмиссаров, смело поддерживавших сношения с прибрежными горцами. Каждый такой случай захвата какой-нибудь турецкой кочермы подавал повод к придиркам со стороны Лондонского кабинета, оспаривавшего наше право на блокирование Кавказского берега. По этому предмету наш посланник в Лондоне барон Бруннов имел в октябре 1858 г. горячее объяснение с британским министром иностранных дел, отрицавшим наше право стеснять свободу сношений с прибрежными племенами Кавказа. Наш министр иностранных дел, сообщая об этом князю Барятинскому в

письме от 8 ноября[273], высказывал при этом мнение, что всего убедительнее можно поддержать наши права на означенный берег занятием на протяжении его нескольких пунктов укреплениями, как было до последней войны*. Князь Барятинский в ответе от 7 декабря[275] напомнил князю Горчакову те чрезвычайные невыгоды и затруднения, которые представляла прежняя наша Черноморская береговая линия и которые заставили нас отказаться от восстановления этой Линии. В настоящее время при нашем бессилии на Черном море мы встретили бы еще гораздо большие трудности. Если даже ограничиться, как некоторые предлагали, занятием только одного или двух пунктов на всем протяжении берега между Новороссийском и Гаграми с открытием сухопутного с этими пунктами сообщения от Кубани, — то осуществление такого предприятия потребовало бы новых и весьма крупных средств, а между тем все-таки не устранило бы предлогов к новым придиркам и враждебным попыткам со стороны наших отъявленных противников. По справедливому объяснению князя Барятинского, отвратить возможность столкновений наших крейсеров с иностранными судами едва ли возможно какими-либо новыми стеснительными для крейсеров инструкциями. Уже и при настоящих стеснениях крейсерство наше обратилось почти в фикцию. Совсем же отменить его и открыть горцам свободное сообщение с иностранцами — значило бы признать формально их независимость, отказаться даже от надежды когда-либо подчинить их русской власти. В заключение князь Барятинский заметил, что все высказанное им в письме, пригодится барону Бруннову на случай новых препирательств с английскими министрами.

Несмотря на все старания кавказского начальства разъяснить вопрос о крейсерстве и вообще о восточном береге Черного моря, переписка и споры по этому предмету не прекращались и позже[276]. Приведу здесь странное мнение, высказанное впоследствии великим князем Константином Николаевичем в письме к князю Барятинскому от 31 мая из Константинополя, где он

---

* Еще в августе, во время пребывания в Боржоме по поводу одной депеши князя Горчакова по тому же предмету князь Барятинский писал мне: «По-видимому, ведут к тому, чтобы заставить нас предложить восстановление Черноморской береговой линии. Этим, по крайней мере, разрешится вопрос, который неопределенностью своею поведет нас к совершенному отчуждению восточного берега» (письмо от 9 августа 1858 г.)[274].

встретился с командированным туда по делам армянским генералом Лорис-Меликовым. Сообщая о своих беседах с ним, Его Высочество писал наместнику, что по вопросу о черноморском крейсерстве, пришел к одинаковому с Лорис-Меликовым заключению, что «Парижский трактат и данные нашим Министерством иностранных дел инструкции крейсерам, парализуют все, что Морское ведомство могло бы сделать для действительного крейсерства, и что потому было бы всего полезнее объявить торговлю на восточном берегу совершенно свободною и нам самим стараться получить большее в ней участие посредством нашего пароходного общества»[277]. Такое неожиданное мнение, резко противоречащее всем нашим видам и целям как в прошлом, так и в будущем, совершенно озадачило наместника кавказского. Что подобное убеждение могло родиться в мыслях молодого царевича при поверхностном суждении о малознакомом деле — в том ничего нет удивительного, но считаю невероятным, чтобы того же мнения был и Лорис-Меликов — основательно знакомый с кавказскими делами и вполне понимающий, что открыть враждебному нам прибрежному населению свободу сношений под предлогом торговли, значит отречься навсегда от заветной цели — закрепить этот берег за русскою державой, значит передать его добровольно в руки наших внешних врагов, которые в случае новой войны нашли бы тут готовый базис для действий, чтобы поднять все горское население Кавказа против русского владычества.

ЗИМНИЕ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ 1858/1859 ГОДОВ. ВЗЯТИЕ ВЕДЕНЯ

После успешного решения первой задачи — занятия пресловутого Аргунского ущелья и долин обоих Аргунов — представился новый вопрос: в чем должно заключаться дальнейшее исполнение задуманного главнокомандующим общего плана действий на Левом крыле. Вопрос этот обсуждался еще летом между генералом Евдокимовым и бароном Врангелем. Первою, ближайшею задачей было, конечно, нанести Шамилю решительный удар в Нагорной Чечне; с этою целью было предпринято и самое занятие Аргунской котловины. Как уже прежде сказано, имелось в виду занятием этой котловины обойти с фланга лесистую полосу «Черных» гор, доставлявшую Шамилю сильное прикрытие с се-

вера, в его неуязвимом убежище — Ведене. Выжить Шамиля из этого гнезда и перенести действия на открытые, безлесные террасы Андийского хребта, — вот в чем должны были состоять действия войск Левого крыла в зимний период 1858/1859 годов. Подробности исполнения предоставлялись ближайшему усмотрению генерала Евдокимова.

Таким образом, и на предстоящий зимний период военных действий главная роль оставалась за Евдокимовым; на войска же Прикаспийского края, как и прежде, возлагалось только помогать главному предприятию демонстрациями со стороны Салатавии. Предположение же, заявленное самим бароном Врангелем на 1859 г. о наступательном движении в Нагорный Дагестан со стороны Кара-Койсу, было устранено как несоответствовавшее общему плану.

По заведенному порядку представленный еще в августе месяце в Петербурге общий план действий на 1859 г.[278] был изложен в самых неопределенных чертах. В нем заявлялась относительно Левого крыла весьма скромная задача: в зимнее время произвести «рекогносцировку» в нагорную часть Большой Чечни с проложением просек через хребет Черных гор к открытым местам, лежащим у подошвы Андийского хребта; в случае надобности устроить временное укрепление при подошве Черных гор или в одном из ущелий. В течение же будущего лета продолжать рекогносцировку безлесного нагорного пространства между Черными горами и Андийским хребтом, дабы положительно определить пункты, какие необходимо будет занять, чтобы упрочить наше положение по сю сторону этих гор. Предполагаемой со стороны Чечни рекогносцировке будут содействовать войска Прикаспийского края наступательным движением от Буртуная.

План этот, составленный слишком заблаговременно, ничего не предрешал и оставлял широкий простор местным руководителям военных действий. После уже отправления этого плана в Петербург совершился полный оборот в положении дел: занятие нами всей котловины обоих Аргунов, добровольное принесение нам покорности ее населением, которое само прогнало наибов шамилевых с их мюридами, получаемые из гор сведения о явных признаках упадка авторитета имама, — все это открыло перед нами новый горизонт, расширило наши планы и укрепило наши надежды. В августе месяце, когда командированный главнокомандующим на Левое крыло капитан Фадеев возвратился в

Н.И. Евдокимов

Боржом с донесением Евдокимова о последних событиях в долинах Аргунских, князь Барятинский выразил желание знать личные соображения командующего войсками Левого крыла относительно дальнейшего ведения действий. Вследствие этого Евдокимов изложил свои предположения в собственноручном секретном письме от 28 сентября. Достаточно заметить попадающиеся в этом письме орфографические ошибки, чтобы удостовериться в том, что оно написано самим Николаем Ивановичем, без чьей-либо помощи[279]. Оно составляет такой важный для истории покорения Кавказа документ, что, по моему мнению, стоит быть приведенным здесь in extenso*. Вот оно дословно**:

---

* полностью (*лат.*).

** Считаю излишним педантизмом списывать с орфографическими ошибками.

«Ваше Сиятельство

князь Александр Иванович!

Ваше Сиятельство, выслушивая доклад посланного мною с последним донесением о действиях войск на Левом крыле капитана Фадеева, изволили выразить желание знать мысли мои о продолжении войны в смысле покорения восточной части Кавказа.

Спешу исполнить волю Вашу в полной уверенности, что Ваше Сиятельство великодушно простите мою безграмотность или ошибку в выражениях, свойственную простому человеку.

Могущество Шамиля потрясено в самом основании. Влияние его утратило прежнюю силу, и имя Шамиля перестало быть страшным в понятиях самих горцев. Если правительство наше желало покорить когда-либо Кавказ, то лучшего момента для этой цели до сей поры не было, да едва ли и будет в скором времени, если мы не воспользуемся настоящим. Но для этого необходимы средства сильные с единством власти: три главные отдела, обнимающие теперь Восточный Кавказ, должны составить на время военных действий один и исполнять одну волю. Личное присутствие Ваше при войсках необходимо: оно устранит многие непредвидимые препятствия, возбудит энергию в войсках и частных начальниках, направит их силы к одной общей цели и произведет сильное влияние на умы горцев.

Ваше Сиятельство изволите знать сами, что течение Андийского Койсу составляет теперь ключ к нанесению окончательного удара мюридизму. Занятие его передаст в наше распоряжение все пространство между им, Шаро-Аргуном и Лезгинскою линиею, отнимет силу и уверенность в возможности сопротивления у племен, обитающих от Аварского Койсу до Андийского, лишит Шамиля средств собирать прежние полчища для нападения на покорные нам племена, и в уделе его должна остаться скитальческая жизнь разбойника, и то ненадолго.

Не знаю, к каким результатам приведут нас успехи предстоящих зимних действий; полагаю, однако же, что при настоящем положении дел бедное народонаселение остатка Большой Чечнии Ичкерии не может стеснять предприятий наших в горах. Мы имеем довольно конницы для охранения плоскостей — войска, которого в горах много не нужно. Поэтому, опираясь на Буртунай, мы можем, кажется, не сомневаться в успехе вторжения нашего в Андию, Технуцал и Карату. Овладев берегами

Андийского Койсу на этом пространстве, дело будет уже решенным и для Аварии, хотя она и оставалась бы во власти Шамиля, — это будет только временно. Я остаюсь в полном убеждении, что горцы сами облегчат нам покорение гор, как скоро увидят, что русские пришли не для набега, что они водворяются прочно и ведут войну не против народонаселения, а против власти, их же угнетающей. Нам останется упрочить влияние наше на них постройкою разной величины двух или трех крепостей в Андийской долине и проложением дорог к Буртунаю, Аргуну и Большой Чечне. Дело в главных основаниях будет кончено, и пространство между Аварским и Андийским Койсу должно будет впоследствии покориться без значительного сопротивления. Что же касается до Ичкерии, Чечни и других племен между Шаро-Аргуном и Андийским Койсу, то судьба их решится от частных действий отдельных отрядов, которые можно направить для этой цели после исполнения главной операции.

Не столько для боя, как для работ, настоит необходимость иметь значительные силы. Разработка дорог есть главное условие к достижению предполагаемой цели. Она должна идти почти вместе с движением войск, а потому, чем больше их, тем скорее и вернее цель эта достигнется. О необходимости заготовления значительного количества дорожного и прочего инструмента, а также об опытных офицерах военных инженеров и путей сообщения указывает само дело. В одно и то же время надо строить и укрепления, и башни, и мосты, работать дороги и обеспечивать сообщения между отрядами. Итак, осмеливаюсь повторить: чем больше будет войск и средств, тем вернее и успешнее исполнится предприятие, скорее и легче упрочится положение наше в горах.

Военные действия со стороны Лезгинской линии не поведут к решительным результатам. Топографическое положение страны не допустит к тому, какие бы ни были употреблены усилия со стороны войск и предоставлены им средства. Поэтому достаточно, кажется, ограничиться в той стране небольшими отрядами регулярной пехоты, но при значительном числе милиции. Избегая действия во вред народонаселению, отряды эти могут достигнуть больших результатов по занятии главными силами долины Андийского Койсу. На этих соображениях я полагаю возможным обратить большую часть тамошних сил для экспедиции на Андийское Койсу. Туда же, кроме свободных войск При-

каспийского края, может быть обращено 3 батальона Кабардинского полка с тем, чтобы занять их место двумя от войск, действующих в Аргунском ущелье. Но здесь нужны также сильные средства: чтобы почесть положение наше вполне упроченным, надо кончить крепость в Шатоевской долине (в Хакко), надо выстроить укрепление на две роты в Итум-Кале, надо проложить дорогу, по крайней мере до Шатиля, построить несколько мостов и башень. Следовательно, если бы была возможность, то взамен трех батальонов Кабардинского полка полезно было бы прислать из закавказских войск, если не столько же, то, по крайней мере, два, обязав Лезгинскую линию прокладывать одним из наблюдательных ее отрядов дорогу от Шатиля к Итум-Кале.

Направляя главный удар в долину Андийского Койсу, я полагаю условием успеха величайшую тайну предприятия. В Буртунае можно незаметно подготовлять от настоящего времени до половины или конца июня запасы провианта и фуража, в то же время делать заготовление в укреплении Аргунском и в Хакко*. Сосредоточение у Буртуная 7 или 6 сильных батальонов не возбудит большого опасения Шамиля, которому грознее кажутся войска со стороны Аргуна. В Кишене и во Внезапной приготовить три батальона кабардинцев; в Чир-Юрте или Евгениевском также некоторые части пехоты и конницы, а в Шуре перевозочные средства. Взяв на 12 дней продовольствия, войска быстро двинутся через Буртунай в Андию, между тем как Шамиль будет озабочен защитою Дарген-Дука со стороны Аргуна, где нужно показывать к этому намерение. Таким образом, мы займем важнейшие пункты прежде, чем может приготовить он средства к обороне. Задние части войск последовательно станут прибывать в главный отряд, приводя с собою разные запасы, и в самом непродолжительном времени доставят возможность отделить колонну в направлении к Аргуну и восстановить сообщение с укреплениями Аргунским и Хакко. Разумеется, что с этим вместе не замедлится падение власти Шамиля и в Ичкерии, и в Чабурлоевском обществе; пример их увлечет другие, и судьба края будет решена.

Вот в главных чертах мысли мои относительно покорения Восточного Кавказа. Смею повергнуть их опытному суду Вашего

* Хакко или Гаккой — бывший аул близ того места, где строилось укрепление Шатоевское.

Сиятельства и буду весьма счастлив, если они, хотя отчасти, заслужат Ваше одобрение. Но смею повторить, что момент для решительных предприятий настал именно теперь; не должно жалеть средств, ибо они положат конец войне, столько лет истощавшей государство и стоившей ему сотни тысяч жертв и сотни миллионов денег. Пусть оно поможет Кавказу в настоящее время и без сомнения не будем в том раскаиваться.

Имею честь...» и т. д.
28 сентября 1858 года
Хасав-Юрт.

Таким образом, в приведенном письме заключались первые наброски плана кампании, предпринятой в 1859 г. и приведшей к самым блестящим результатам. За Евдокимовым остается великая заслуга, что он первый положительно заявил о наступившем критическом моменте для нанесения решительного удара нашему врагу, что он первый указал и самый способ нанесения этого удара: направлением сосредоточенно наибольших сил с разных сторон в долину Андийского Койсу под общим предводительством самого главнокомандующего.

Соображения Евдокимова нашли вполне сочувственный отголосок в князе Барятинском, который переслал мне (из Боржома) полученное письмо с тем, чтобы подробнее сообразить высказанные Евдокимовым предположения и подготовлять заблаговременно требуемые для исполнения их силы и средства. При этом признавалось необходимым держать эти предположения в самой строгой тайне. Вот почему письмо Евдокимова не было даже передано в Штаб и осталось в моих бумагах[280].

Между тем главнокомандующий торопил Евдокимова закончить дела в Малой Чечне, то есть водворение выселенных горцев на новых местах крупными аулами, устройство над туземным населением хорошей администрации и проложение удобных сообщений как с равнин в горы к верховьям рек, так и вдоль хребта, от запада к востоку, с Военно-Грузинской дороги до Аргуна. Для ускорения всех этих работ решено было подкрепить войска Левого крыла еще 6 батальонами из Закавказья (гренадерской и 18-й пехотной дивизий). Батальоны эти начали прибывать постепенно во Владикавказ, начиная с 19 октября.

Работы в горах Малой Чечни и в Аргунских долинах производились во всю осень без перерыва. Шамиль после последнего

Генеральная карта Кавказского края. Издана при Военном сборнике. 1858 г. Фрагмент

неудачного набега к стороне Владикавказа в продолжение некоторого времени ничего не предпринимал. Он должен был спешить в Карату оплакивать только что умершего сына Джамалэддина — того самого, который был выдан нам Шамилем в заложники в Ахульго (1839 г.)[281]. С тех пор он оставался у нас, получил русское воспитание в одном из кадетских корпусов и вполне обрусел. Он был возвращен отцу в 1855 г. для выручки из плена увезенной горцами с Лезгинской линии (селение Цинондалы) семьи князя Чавчавадзе. Бедный юноша, свыкшийся с европейской жизнью, не вынес суровой обстановки дикого быта горцев, начал хворать, чахнуть, и несмотря на помощь русского врача (Пиотровского, полкового лекаря Кабардинского полка), ездившего в Карату в июне месяце вследствие просьбы Шамиля, больной кончил жизнь как раз в то время, когда его отец и брат пытали счастья под Владикавказом. Похоронив сына, Шамиль возвратился в Ведень и снова начал принимать обычные меры к поддержанию колеблющейся власти своей: рассылал воззвания, забирал заложников от селений, в верности которых сомневался. Партии мюридов рыскали по аулам, чтобы не допустить их передаваться на нашу сторону. Среди горцев распускались самые нелепые толки о помощи султана, о возобновлении войны у нас с Европой и т. д. В ноябре же объявлен Шамилем общий сбор для какого-то нового предприятия: зная, что Евдокимов в то время был занят в горах Малой Чечни, имам в начале декабря появился с главным скопищем в предгорьях Большой Чечни (около Маюртупа) и часть сил под предводительством нескольких наибов направил в долину Аргунскую, чтобы внезапно прорваться между нашими новыми укреплениями: Шатоевским и Евдокимовским (еще не достроенным, у Итум-Кале) и овладеть этим последним.

Однако ж и на этот раз попытка Шамиля оказалась безуспешною. Евдокимов, вовремя предваренный о намерениях противника, успел усилить посты на Аргуне и, оставив в Малой Чечне только небольшие отряды, расположил войска так, что мог быстро сосредоточить их на любом пункте Большой Чечни. В то же время предписано полковнику князю Святополк-Мирскому двинуться в Аух для отвлечения внимания неприятеля. Шамиль не решился что-либо предпринять, а вторгнувшиеся в Аргунскую долину наибы, встретив везде отпор не только наших войск, но и самого населения, поспешили убраться. Князь Мир-

ский в продолжение пяти дней рубил лес и исправлял дороги, не встречая нигде сопротивления, но сильные холода и метели заставили его прекратить работу и расположить отряд у Кишень-Ауха.

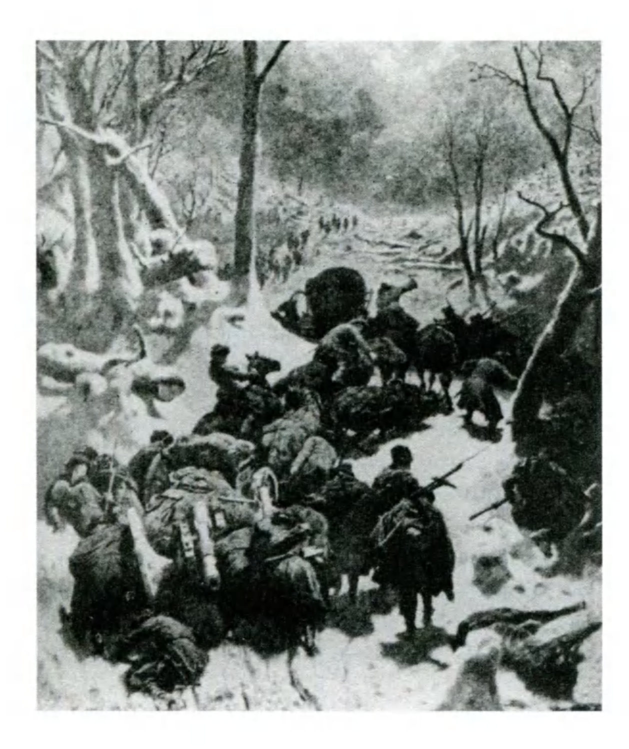
К половине декабря разработка дороги от Владикавказа по Аки-Юртовской долине в верховья Ассы и далее вдоль горных хребтов до самых верховьев Аргуна была окончена; на всем протяжении между этою долиной и Военно-Грузинской дорогой не оставалось более ни одного непокорного общества. Тогда Евдокимов признал, что наступила пора нанести Шамилю давно задуманный удар в самом Ведене. Путь наступления к этому пункту был избран по ущелью р. Басса, но выбор этот хранился в строгой тайне. К 20 декабря войска главного отряда стянулись к Воздвиженскому и Бердыкелю, частью к Аргунскому укреплению. Князю Мирскому предписано перейти из Ауха на Мичик, чтобы угрожать лучшему пути в глубь Ичкерии по Гудермесу и тылу шамилевых скопищ, собранных у Маюртупа.

21 декабря все колонны двинулись по данным направлениям: генерал Кемпферт (6 батальонов, 2 эскадрона драгун, 11 сотен казаков, 3 сотни милиции при 18 орудиях) — от Бердыкеля, а полковник Чертков (6 батальонов, 4 сотни казаков при 10 орудиях) — от Воздвиженского к Шали; полковник Баженов (4 $^{1}/_{2}$ батальона, 6 горных орудий и милиция) — от укрепления Аргунского, горами, прямо в верховья Басса, в обход ущелья Черных гор. Чертков, подойдя первый к ущелью Басса, атаковал неприятельскую позицию при Басын-Берды; защищавшая ущелье партия горцев под начальством Казы-Магома недолго держалась в своих завалах: угрожаемый с тылу колонной Баженова, Казы-Магома отступил. Чертков и Кемпферт заняли вход в ущелье и приступили к рубке леса. Неприятель пытался мешать работам выстрелами с правого берега реки, но направленная туда колонна Черткова очистила обе стороны долины. 24 числа подошли к отряду новые подкрепления из войск, находившихся на работе в Аки-Юртовской и Галашевской долинах (5 батальонов, 2 сотни, 2 орудия). 31 декабря Евдокимов вступил в глубь ущелья, левым берегом, с боковою колонною Черткова по правому. Баженов, также подкрепленный двумя батальонами, продолжал движение к аулу Алистанжи. Князю Мирскому послано приказание присоединиться к главному отряду в ущелье Басса.

По принятой Евдокимовым системе, войска подвигались понемногу, с остановками, по мере вырубки леса. Неприятель был выбит из укреплений, устроенных в самом ущелье; аул Агашты предан огню. Чеченцы дрались неохотно, только под глазами тавлинцев (т. е. дагестанских мюридов); при первой же возможности очищали все позиции. Обитатели аулов высылали навстречу войскам депутации с изъявлением покорности, и в несколько дней выселилось на равнину до 800 семейств. Таким образом, к 1 января 1859 г. ущелье Басса было в наших руках и досталось нам почти без потерь, благодаря обдуманному образу действий Евдокимова. Несмотря на все старания Шамиля преградить укреплениями все доступы в его резиденцию, нам удалось открыть путь к Веденю. 3 января с присоединением князя Мирского (5 $1/2$ батальона, 6 сотен казаков при 8 орудиях) весь отряд сосредоточился у селения Агашты, деятельно занимаясь рубкой леса вдоль всего ущелья.

Со своей стороны и Шамиль не терял времени; столь же деятельно укреплял он новую позицию на пути к Веденю, у Таузена. Скопище его усиливалось призывом вооруженных людей из отдаленных горских племен и, как говорили, достигало уже 12 тыс. человек.

В половине января рубка просек и подвоз запасов были доведены до такого положения, что Евдокимов счел возможным двинуться вперед и атаковать неприятельскую позицию у Таузена. Избегая атаки с фронта, он приказал Баженову по-прежнему двигаться горами с правой стороны в обход левого фланга противника. Движение началось в ночь с 14 на 15 число. Оно весьма замедлялось погодою и местностью, в особенности колонне Баженова приходилось пробираться вовсе без дороги, по глубокому снегу, вдоль лесистых скатов гор, изрезанных глубокими оврагами. Горцы пробовали упорно защищать свои завалы, нагроможденные в несколько рядов, но с появлением Баженова в тылу их позиции, покинули свои укрепления и бежали в полном смятении. Следуя по их пятам, войска наши заняли Таузен и опять остановились, чтобы рубить лес назад и вперед. До Веденя оставалось всего 14 верст, но путь был трудный, на каждом шагу можно было встретить препятствия местные и сопротивление неприятеля. Действуя всегда осторожно, систематично, Евдокимов нашел нужным устроить у Таузеня опорный пункт и дать время для подвоза запасов. 27 числа генерал Кемпферт выдви-



Движение войск отряда Н.И. Евдокимова к аулу Ведено. Рис. Т. Горшельта

нулся несколько вперед к Алистанжи. Горцы, занимавшие еще этот укрепленный пункт, покинули его, не выжидая атаки, и сами зажгли селение.

7 февраля Евдокимов двинулся к Веденю; Баженов с обходною колонной (из 5 1/2 батальона) опять пробирался справа, горами, по глубокому снегу, и в 8 часов утра уже вышел к аулу Хорочай, лежащему у истоков реки Хулхулау, выше Веденя, на пути отступления неприятеля. Жители Хорочая встретили войска радостно, как избавителей. Между тем главная колонна двигалась чрезвычайно медленно по трудному пути, в снегу по колена. На каждом шагу дорога была завалена срубленными деревьями и засеками, так что голова колонны, выступив с места в 5 часов утра, вышла только к вечеру на открытую высоту, с которой открывается вид на Ведень; хвост же подтянулся лишь к утру следующего дня. На этом переходе неприятель мог бы произвести в растянувшейся колонне страшный переполох, но он и не помышлял о сопротивлении: явный признак полного упадка духа в стане Шамиля.

Сам Евдокимов, ехавший впереди с конницею авангарда, провел тяжелую ночь на занятой высоте. По свидетельству окружавших его лиц, никогда еще не видели его в таком нервном состоянии. Уверяли даже, что у него в эту ночь разом поседели волосы на голове*. Он имел полное основание тревожиться за свою колонну, растянувшуюся ночью по узкой тропе среди леса на протяжении 10 верст. Беспокоился он и за Баженова, брошенного в тыл неприятельского скопища, в ту сторону, откуда Шамиль ожидал новых подкреплений. Несколько гонцов послано было с приказанием Баженову отойти назад с занятой им опасной позиции.

Когда, наконец, стянулся весь отряд близ бывшего аула Джантемир-Юрта, утром 8 февраля приступлено было к устройству лагеря, огражденного засекой. Для обеспечения же его от выстрелов неприятельских с гребня высот, составляющих правый берег реки Хулхулау, генералу Кемпферту приказано было переправиться через эту реку и сбить неприятеля с высот. Поручение это было исполнено успешно, хотя и не без потерь (выбыло из строя 3 офицера и 36 нижних чинов). Вслед за тем приступлено к вырубке леса на пройденном пути и к расчистке дороги, по которой предстояло подвозить к отряду массу запасов, продовольственных и боевых. Работы крайне затруднялись погодой, попеременно сменявшимися морозами и оттепелями, снегом и дождем. Войска бодро переносили все эти тяжелые испытания, однако ж немало было больных. Надобно было выдержать все невзгоды довольно продолжительное время, пока исполнялись необходимые приготовления к предстоявшей атаке сильно укрепленного неприятельского селения.

Еще 20 января генерал Евдокимов писал мне, что «занятие Таузеня и рекогносцировка, произведенная к Алистанжи, *дали ему новую мысль* относительно *предполагаемой летом экспедиции в Андию* ... Если, как я надеюсь, удастся мне покорить и выселить народонаселение Чечни между Бассом и Хулхулау, мы получим тогда кратчайшую и безопасную колесную дорогу до Веденя, где могли бы образовать второй складочный пункт, с тем, чтобы направить войска в Андию не по одной дороге, через Буртунай, а по двум — и через Ведень. Движение это, отделив чеченцев и ичкеринцев от гор, вынудит покориться окончатель-

* Показание генерал-майора Белика. «Русская старина». 1889. Июль.

но и тех, кои не принесут покорности зимою». Далее писал Евдокимов: «Вероятно, что г. главнокомандующий предпочтет присутствовать при войсках Левого крыла. Тогда со стороны Буртуная за глаза довольно 9 батальонов, а здесь можно собрать 12 или 13»[282]. Евдокимов желал получить заблаговременно решение главнокомандующего относительно предлагаемого нового плана, дабы неотлагательно приступить к предварительным хозяйственным распоряжениям по заготовлению запасов и прочего.

Князь Барятинский горячо благодарил Евдокимова в письме от 26 января и вместе с тем указывал на предстоящие впереди задачи: «Вы не перестаете радовать меня на каждом шагу, почтеннейший Николай Иванович. Занятие Таузеня и, вероятно уже, Алистанжи открыло Вам непреложные соображения, с которыми я не только вполне соглашаюсь, но которым я с радостью сочувствую и вижу в них самые положительные залоги к осуществлению нашей надежды. Нет сомнения, что все вновь предположенное Вами может только осуществиться с занятием Веденя и с устройством от нашей линии туда хорошего сообщения. Вот задача, которую следует решить до начала апреля нынешнего года, покуда леса не оденутся листом». Главнокомандующий выражал готовность предоставить Евдокимову все средства, какие только сочтет он нужными для достижения этой задачи. «Настала та минута для Вас, почтеннейший и многоуважаемый Николай Иванович, когда одним ударом Вы дорешите великий вопрос к совершенному умиротворению Чечни и с тем вместе положите начало к покорению Дагестана. Возвышая Ваше имя, Вы вместе с тем дадите мне утешительный для моего сердца случай — утвердить в мыслях великого Государя нашего то высокое понятие, которое я имею о Вас». Закончив письмо выражением самого дружеского и сердечного расположения своего к генералу Евдокимову, князь Барятинский послал в его распоряжение 50 солдатских крестов.

Евдокимов в ответе главнокомандующему (31 января) писал: «Алистанжи в наших руках. Дремучий лес, отделявший его от Таузеня, неприятель отдал почти без выстрела, и в средине его стоят теперь главные наши силы. Дня через три или четыре лес исчезнет, и я, с Божьею помощью, двинусь к Веденю, куда отступил Шамиль и тотчас же начал отправлять все свои пожитки в Карату. Сборы его велики, но, видимо, потеряли бодрость, и

едва ли Шамиль успеет восстановить упавший дух, чтобы отстаивать резиденцию имама».

Когда Евдокимов подступил к Веденю, оказалось, что Шамиль отправил в Карату не только свои пожитки, но и свою семью, а 10 февраля и сам ушел из Веденя с большею частью конницы, предоставив защиту Веденя своему сыну Казы-Магома. Имам скрывался в окрестных лесах, в аулах Гуни и Эрсеной, заботясь об удержании в своей власти остатков чеченского населения и для того насильственно выселял их в Дагестан. По всем сведениям о неприятеле можно было надеяться, что наши войска не встретят в Ведене слишком упорного сопротивления, тем не менее, Евдокимов не хотел рисковать, избегая напрасной потери в людях: он готовился к осаде. Приготовления эти при тогдашней распутице и состоянии путей сообщения, конечно, требовали немало времени. Первоначально по прибытии к Веденю, Евдокимов рассчитывал приступить к осаде дней через десять, о чем и донес главнокомандующему, который писал 13 февраля: «Опять спешу благодарить Вас, почтеннейший Николай Иванович, за Ваши успешные действия. Да благословит вас Господь в славном предприятии Вашем. День и ночь буду ждать известий и мысленно, постоянно, во сне и наяву, нахожусь с Вами. Посылаю еще 100 солдатских крестов».

Чтобы облегчить Евдокимову предстоявшую ему задачу, предписано было барону Врангелю, немедленно собрав в Салатавии отряд, произвести движение в Аух и тем отвлечь непокорное население этого края, равно как и часть сил Шамиля от Веденя[283]. Начальнику артиллерии армии приказано со всею поспешностью доставить в отряд под Веденем две мортиры 2-пудовые с необходимыми запасами. Уведомляя об этих распоряжениях генерала Евдокимова в письме от 13 же февраля, я писал ему: «Великая минута настала для Левого крыла и для всего Кавказа. На Вас устремлено теперь всеобщее внимание. Если нужна еще в чем-либо помощь, напишите скорее, и все будет исполнено без замедления».

Приготовления к осаде затянулись долее, чем рассчитывал Евдокимов. 19 февраля он писал мне: «По прибытии к Веденю, я писал главнокомандующему, что дней через десять можно будет приступить к осаде. Я ошибся в этом: бездорожное пространство, изрытое балками и покрытое лесом, потребовало больше времени. До сей поры мы успели прорубить только лес и

сделать половину дороги. Необходима, по крайней мере, еще неделя, чтобы положительно упрочить наше сообщение, лежащее до времени тяжелым грузом на моем сердце». К этому Евдокимов присовокупил: «Впрочем, по моему мнению, нам нет и нужды особенно торопиться. Мы заняли пункт, где должны утвердиться во что бы ни стало, а неприятель делает большую ошибку, что, удерживая силы свои на защиту бесполезного уже ему места, отнимает у себя же средства устроить сильные преграды для дальнейших наших наступлений, при которых ему придется бежать отсюда неизбежно».

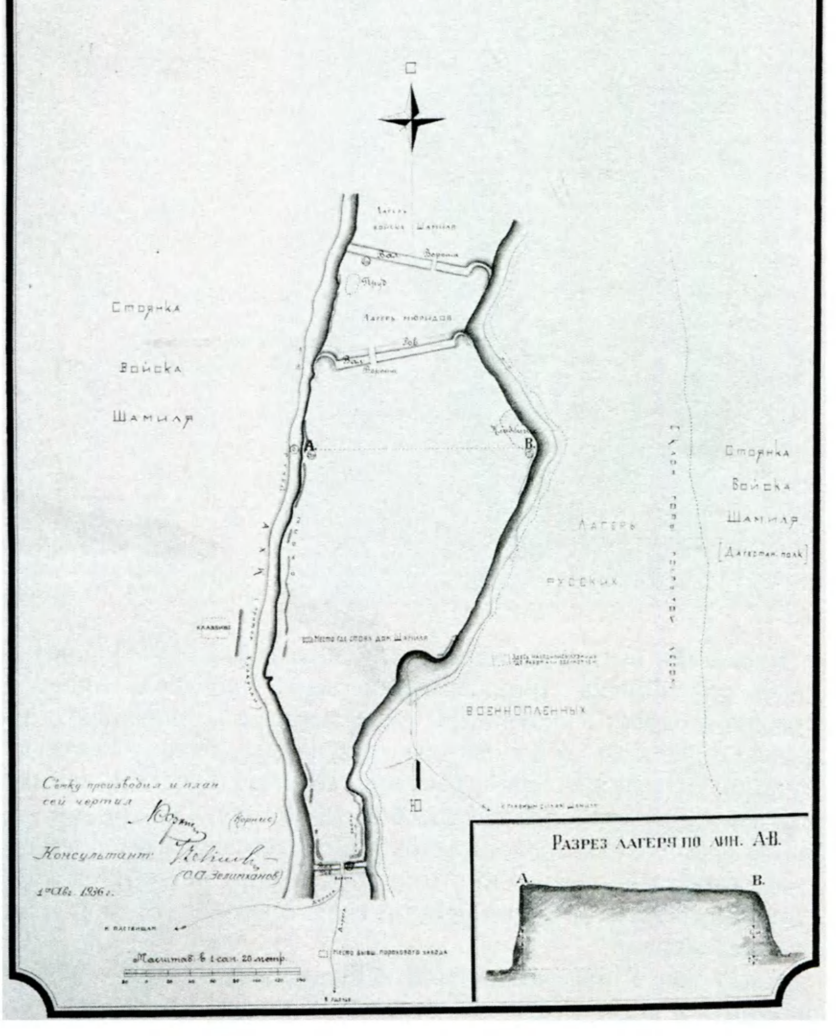
В том же письме упоминалось, что «в народной молве горцев (т. е. в Дагестане) появились толки: принять ли Шамиля, если он не удержится в Чечне? Более всего говорят об этом в Аварии, что без сомнения и вынуждает Шамиля держаться здесь до последней крайности».

Главнокомандующий, ожидая с понятным нетерпением взятия Веденя, одобрял, однако же, осторожность и сдержанность Евдокимова. В письме к Государю от 20 февраля князь Барятинский предварял, что овладение этим крепким пунктом потребует немало времени, зато доставит нам весьма важный результат. При этом высказано было, что «благодаря доверию Государя» к нему, князю Барятинскому, Евдокимов «окажет такие услуги, каких ни один из генералов еще не оказывал». Постепенный, методический, верно рассчитанный образ действий Евдокимова противопоставлялся прежним предприятиям генералов Граббе, Головина, Нейдгарта, князя Воронцова, походившим на военные прогулки, иногда весьма дорого стоившие и не достигавшие никакого положительного результата. «Когда я закончу дело, порученное мне Вашим Величеством, я должен буду откровенно признать, что большею частью успеха я обязан этому генералу, за которого имел я смелость всегда ручаться перед Вашим Величеством»[284].

Пока наш Fabius Cunctator томил защитников Веденя ожиданием нападения, барон Врангель, в исполнение данного ему предписания, выступил 2 марта из Буртуная с отрядом из 6 батальонов, 2 эскадронов драгун, 6 сотен милиции и 6 орудий к Зандаку, выгнал неприятеля из занятого им редута, истребил зандакские хутора, перешел далее к Кишень-Ауху, а 8 числа направился к аулу Балансу, близ которого скрывались в лесах жители разоренных аулов ауховских и ичкеринских. Несколько сот

ПЛАН
ЛАГЕРЯ ШАМИЛЯ

ПРИ АУЛЕ Дышне-Ведено
[Веденск. района Чеч. Инг. Авт. Республики]



Охотник кабардинского полка. Рис. Т. Горшельта

семейств были выселены на равнину, другие уведены мюридами в глубь гор. Войска Прикаспийского края прорубали просеки, истребляли окрестные аулы. 14 числа произошло довольно жаркое дело с шайкою мюридов, а 21-го явились к барону Врангелю депутации от аулов: Алерой, Саясань, Шамхал-Берды и других с изъявлением покорности и просьбою не разорять их. Во все остальное время, пока продолжалась рубка леса, окрестное население держало себя совершенно мирно. Колонны наши проходили беспрепятственно по таким местам, где в прежнее время каждый шаг стоил жертв[285].

Между тем с половины марта и Евдокимов счел возможным приступить к осаде Веденя. К счастью, и погода в это время из-

Н.С. Ганецкий

менилась к лучшему, наступили теплые, ясные дни; прежняя невылазная грязь начала подсыхать. 13 числа произведена усиленная рекогносцировка. Селение Ведень было расположено на узком гребне между двумя рукавами Хулхулау, ограждавшими его своими обрывистыми берегами с востока и запада. В продолжение многих лет Шамиль заботился об укреплении своего убежища: кроме прочной ограды кругом самого селения, возведено было несколько передовых валов и редутов; самый сильный форт находился к северу от селения и составлял ключ всей позиции: он был обороняем самыми надежными бойцами из Дагестана и назывался потому «Андийским». Численность всех защитников Веденя, по имевшимся сведениям, простиралась от 7 до 10 тыс. человек. У Евдокимова в отряде было 14 батальонов.

В ночь с 16 на 17 марта майором Гейманом произведен осмотр оврага левого рукава Хулхулау, а вслед за тем полковником Баженовым заложен редут близ левого берега реки в 450 сажен к северу от Андийского редута. 18 числа войска выдвинуты для обложения укрепленного селения с трех сторон: полковник Чертков — с западной, генерал-майор Розен — с северной, генерал-майор Ганецкий — с восточной. Первая и вторая колонны в ту же ночь открыли траншейные работы: Чертков повел подступы к оврагу, ограждавшему Ведень с западной стороны; Розен — к Андийскому редуту; с обеих сторон возводились батареи. Ганецкий же, заняв позицию на лесистых крутизнах правого берега долины Хулхулау, отрезал сообщение Веденя с Ичкерией. К 31 марта осадные работы были приведены к окончанию, на самое близкое расстояние от неприятельских укреплений; батареи вооружены 23 орудиями (15 полевыми батарейными и 8 мортирами). В ночь с 30 на 31 марта охотники Кабардинского полка с поручиком Коленко во главе подползли к самому редуту Андийскому, спустились в его рвы и измерили их.

Оставалось покончить дело приступом. 1 апреля с раннего утра открыт со всех батарей сильнейший огонь по Андийскому редуту; к часу дня пробита в нем брешь, но батареи продолжали громить редут до 6 часов вечера, когда Баженов с двумя батальонами двинулся на штурм и почти мгновенно ворвался в укрепление; защитники его все легли среди груды развалин. Тогда батареи обратили огонь на самое селение, среди которого в нескольких местах вспыхнули пожары. Полковнику Черткову приказано было с одним батальоном и двумя горными орудиями произвести демонстрацию по глубокому оврагу левого рукава Хулхулау. Движение этой небольшой колонны ускорило бегство неприятеля из селения: боясь лишиться последнего пути к спасению, защитники Веденя опрометью бросились бежать в лесистые горы к югу. К 10 часам вечера Ведень со всеми его укреплениями был в наших руках. Взятие его стоило нам всего 2 убитых рядовых, одного офицера (флигель-адъютанта барона Корфа) и 23 нижних чинов раненых.

Таков был блистательный, почти бескровный результат обдуманных, осторожных, методических действий генерала Евдокимова. Донесение его об этом важном успехе привезено в Тифлис 7 апреля поручиком графом Ферзеном (Нижегородского драгунского полка), который немедленно же отправлен в Петербург[286].

Г.Д. Коленко

Известие это доставило князю Барятинскому невыразимую радость, оно было возвещено жителям Тифлиса 101 пушечным выстрелом с Метехского замка; в Сионском соборе отслужено благодарственное молебствие, потом на разводе войска провозгласили «ура» генералу Евдокимову и чеченскому отряду. На другой день главнокомандующий писал победителю: «Дайте обнять и крепко прижать Вас к моему сердцу, почтенный Николай Иванович. Тифлис наполнен радостными восклицаниями; пушки второй день гремят, и Ваше имя в устах каждого. Великий день был для меня вчерашний, когда граф Ферзен объявил мне о взятии Веденя». Адъютант главнокомандующего полковник Тромповский послан в чеченский отряд с приказом войскам Левого крыла:

«Господь Бог за великие труды и подвиги ваши наградил вас победой: неодолимые доселе преграды пали, Ведень взят, и за-

воеванная Чечня повергнута к стопам Великого Государя. Слава генералу Евдокимову! Спасибо храбрым сподвижникам его!».

С Тромповским послано в распоряжение Евдокимова еще две сотни солдатских крестов.

В Петербург граф Ферзен приехал очень удачно — как раз утром 17 апреля — в день рождения Государя*. Перед обычным «выходом» во дворец Его Величество, собрав свою военную Свиту, объявил радостную новость, прибавив, что генералу Евдокимову за его важную заслугу пожалованы орден Св. Георгия 3 степени и графское достоинство**. На первую из этих наград Евдокимов приобрел бесспорное право в силу статута; последняя же, то есть графский титул, произвела общее изумление, особенно после ходивших так недавно нареканий на счет нового графа. А.П. Карцов в письме ко мне по поводу одержанного важного успеха упоминал, что «оказались завистники, находившие, что Евдокимов не заслужил такой высокой награды»[287]. Зато какое удовольствие доставила эта награда князю Барятинскому***. 29 апреля, отправляя к Евдокимову фельдъегеря, прибывшего из Петербурга с рескриптом и орденскими знаками, главнокомандующий писал: «Как радостно для меня, любезнейший граф Николай Иванович, называть Вас титулом, Всемилостивейше пожалованным милостью царскою за Ваши заслуги». В то же время отправил он своего племянника, одного из двух братьев-близнецов графов Орловых-Давыдовых, с личным поздравлением и следующим приказом:

«Кавказские войска!

Возвещаю вам новую радость. Государь император во Всемилостивейшем рескрипте ко мне благодарит вас за взятие Веденя. Передаю вам собственные выражения Его Величества: Скажи моим кавказским молодцам, что они лучшего подарка не могли мне сделать на день моего рождения, что я ими горжусь за новый подвиг, которым они себя ознаменовали в самых недрах наших врагов. Примите, храбрые войска, сердечное мое поздравление»[288].

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Привезенное им известие было для него самым приятным поздравлением» (*примеч. публ.*).

** О пожаловании этих наград просил князь Барятинский еще до взятия Веденя в письме к Государю от 20 февраля.

*** Надобно заметить, что Евдокимов только что получил несколько наград в течение одного года: золотую шашку с брильянтами, ордена Белого орла и Александра Невского и четыре раза Высочайшее благоволение.

Сам главнокомандующий награжден орденом Св. Владимира I-й степени с мечами.

С падением Веденя Шамиль удалился в Дагестан, но сын его Казы-Магома оставался еще некоторое время в Ичкерии с шайкою тавлинцев, пытался остановить общее движение всего населения к изъявлению нам покорности. В продолжение целой недели войска чеченского отряда занимались разрушением остатков селения, служившего 14 лет резиденциею имама. Настроенные им укрепления сносились, а верстах в двух севернее Веденя заложена новая штаб-квартира Куринского пехотного полка, названная «Новым Веденом». Этому пункту придавалось важное значение и на будущее время: отсюда пролагает лучшая дорога к Андийскому Койсу; самое селение Анди лежит всего в 25 верстах. Евдокимов имел полное основание указать на этот пункт, как на главное направление для предположенного в предстоящее лето наступательного движения в глубь Дагестана. По занятии Веденя он выдвинул опять небольшой передовой отряд к селению Хорочай, и сам предполагал продлить действия для окончательного очищения Ичкерии и всей Нагорной Чечни от остававшихся еще враждебных нам аулов, поддерживаемых шайками Казы-Магома. Но крайняя затруднительность подвоза продовольствия и недостаток подножного корма побудили его отложить это намерение. Оставив в Новом Ведене полковника Черткова с 5 $^1/_2$ батальона и 4 орудиями для устройства штаб-квартиры, Евдокимов отвел остальные войска на равнину, поручив генералу Кемпферту прикрывать переселение вновь покорившихся аулов, рубить новые просеки (от Хоби-Шавдона к Веденю), расчищать прежние, а сам уехал в Грозную, больной, утомленный, чтобы несколько отдохнуть и собраться с новыми силами для готовившихся больших предприятий. Болезнь помешала ему даже приехать в Тифлис, куда главнокомандующий приглашал его для совещаний с командующими войсками Прикаспийского края и Лезгинской линии относительно будущей большой экспедиции.

Барон Врангель, получив только 9 апреля извещение Евдокимова о взятии Веденя, отвел свой отряд из долины Яман-Су и распустил войска по квартирам*[289].

* В это время (12 апреля) последовало назначение полковника князя Святополк-Мирского начальником штаба Прикаспийского края с производством в генерал-майоры. Полковник Радецкий принял Дагестанский пехотный полк, а командиром Кабардинского назначен полковник Клинген.

Ф.Ф. Радецкий

Ближайшим последствием падения Веденя было принесение покорности не только всеми аулами Ауха и Ичкерии, но и другими отдаленными племенами. Уже 5 апреля явилась к полковнику Кауфману в Аргунское ущелье депутация от чарбилей с просьбою о присылке войск, чтобы помочь им выгнать мюридов из долины Шаро-Аргуна. 7 апреля Кауфман двинулся с небольшой колонной на правую сторону этой реки, прогнал партию тавлинцев, разрушил настроенные ими укрепления и прорубил просеки. В Ичкерии оставался непокорным один только аул Беной, сделавшийся гнездом абреков и всякого сброда отчаянных голов. Жители некоторых селений присылали депутации к генералу Кемпферту просить его защиты от этих разбойников и от шаек Казы-Магома. Только в половине мая удалось Кемпферту выгнать эти шайки и установить окончательно спокойствие во всей Нагорной Чечне.

Успехи наши на Левом крыле отозвались далеко в горах, даже в соседстве Лезгинской линии. К князю Меликову явилась депутация от горных обществ: анцух, бохнадал, джурмут и других — с изъявлением покорности и с одним лишь условием, чтобы не заставляли их выселяться из родных трущоб.

* * *

На Правом крыле военные действия в зимний период 1858/1859 гг. носили прежний характер разрозненных движений нескольких отдельных отрядов с разорением страны, истреблением аулов, угоном скота и т. п. Майкопский отряд генерал-майора Рудановского и Лабинский генерал-майора Войтицкого занимались в октябре и ноябре рубкою просек для открытия сообщений между Белой и Лабой, а в январе предприняли движение навстречу друг другу, в предположении сойтиться в верховьях р. Фарса. Майкопский отряд прошел довольно далеко в верховья р. Белой, почти до Каменного моста и потом двинулся было по боковой долине р. Фюнтф (притока Белой); Лабинский же отряд вышел от Псебая на р. Губс. На пути своем оба отряда выдержали упорное сопротивление со стороны горцев, которым, однако ж, нанесли большие потери, но сойтиться, как предполагалось, им не удалось по недостатку продовольствия и фуража; горцы истребляли сами все запасы сена и хлеба. По значительности расстояния между Белой и Лабой признавалось необходимым для установления связи между обеими линиями устроить промежуточный укрепленный пункт; место для него выбрано на урочище Хамкеты. Лабинский отряд, возвратившись к укреплению Псебайскому, вновь предпринял в феврале движение вверх по р. Ходз в землю бесленеевцев для наказания их за беспрестанные их враждебные действия и набеги на наши линии. Племя это, потерпев жестокое разорение, было вынуждено изъявить покорность и выдать аманатов. Таким же образом в течение весны Лабинский отряд заставил принести покорность и другие мелкие племена в верхних долинах между Лабой и Урупом: кызилбеков, башильбаев, там. Покорность эта, конечно, ничем не обеспечивалась, кроме, разве, постоянного опасения горцев повторения подобных же погромов[290].

Со стороны Черномории к осени 1858 г. закончено устройство Адагумской линии, но возведенное на месте прежнего Новороссийска укрепление Константиновское подвергалось несколь-

ко раз нападениям натухайцев, подстрекаемых иностранными авантюристами. Несмотря на подмогу им европейцев и слабость гарнизона, все попытки горцев были отражены. В ноябре Адагумский отряд предпринял наступательное движение из укрепления Крымского для наказания натухайцев. Экспедиция эта продолжалась ровно месяц (с 9 ноября по 9 декабря); страна была разорена, много аулов истреблено, но все-таки положительного результата не достигнуто. Натухайцы изъявляли готовность покориться, или, вернее говоря, *мириться* на таких условиях, которых с нашей стороны допустить было невозможно; от них требовалась безусловная покорность и выселение из прибрежного треугольного пространства, отрезанного новою линиею Адагумскою, на что, конечно, они не соглашались.

В начале 1859 г. генерал Филипсон предпринял экспедицию против бжедухов — многочисленного племени, занимавшего лесистую равнину за Кубанью, прямо против Екатеринодара, между двумя другими сильнейшими и наиболее нам враждебными закубанскими племенами: шапсугами и абадзехами. Собранный на Кубани отряд сначала прорубал просеки через лесистые полосы, прикрывавшие бжедуховские поселения, а затем беспощадно разорял эти последние. Большое число аулов было истреблено; значительная часть племени осталась без крова и имущества.

Для довершения устройства Адагумской линии признавалось нужным возвести еще в долине Неберджая промежуточное укрепление (между Крымским и Константиновским). Адагумский отряд, приступив к работе в апреле месяце, был атакован многочисленным сборищем натухайцев, убыхов и шапсугов (как полагали, до 15 тыс. человек), под предводительством Сефер-бея. Несмотря на свое значительное превосходство в силах, горцы были отражены с большим уроном; скопище рассеялось, не достигнув цели — помешать постройке Небержайского укрепления.

ПОЕЗДКА КНЯЗЯ БАРЯТИНСКОГО В ПЕТЕРБУРГ* (МАЙ — ИЮНЬ 1859 ГОДА)

Тотчас по взятии Веденя главнокомандующий намеревался собрать в Тифлисе командующих войсками Левого крыла, При-

* В автографе первоначальный вариант заголовка: «Приготовления к большой экспедиции в Дагестане. Поездка князя Барятинского в Петербург (май — июнь 1859 года)» (*примеч. публ.*).

каспийского края и Лезгинской линии для совещания о предстоящей летом большой экспедиции в горы совокупными силами всех трех названных отделов. Совещание это не состоялось, как уже сказано, за расстройством здоровья Евдокимова, которому необходимо было отдохнуть и оправиться от чрезмерного напряжения сил, физических и нравственных, в беспрерывно продолжавшихся военных действиях. В исходе апреля новый граф приехал в Тифлис; к тому же времени вызван был и командующий войсками Лезгинской линии князь Меликов. Таким образом, совещание состоялось без участия только барона Врангеля, за дальностью его местопребывания и краткостью времени, остававшегося до предположенного отъезда князя Барятинского в Петербург.

Первая мысль о предстоящей большой экспедиции под личным предводительством самого главнокомандующего, как уже сказано, принадлежала Евдокимову. Против первоначального его предположения, заявленного еще в сентябре прошлого года, сделано было, по его же позднейшим указаниям*, существенное изменение: вместо того, чтобы главные силы, предназначавшиеся для наступательного движения в долину Андийского Койсу, стянуть в Салатавии, положено направить их от Веденя через Андийский хребет. На этом основании и выработан в Главном штабе армии следующий общий план действий:

Чеченский отряд под начальством графа Евдокимова в составе 15 батальонов, 2 эскадрон драгун, 15 сотен милиции при 20 орудиях, стягивается к Веденю и оттуда наступает через Хорочай к Анди; боковая колонна под начальством полковника Кауфмана из долины Шаро-Аргуна направляется через Чарбили в Технуцал.

Дагестанский отряд под начальством генерал-адъютанта барона Врангеля в составе 11 батальонов, 4 эскадрон драгун, 9 сотен милиции при 12 орудиях, сосредоточивается у Буртуная и наступает в Гумбет.

Лезгинский отряд под начальством генерал-майора князя Меликова в составе $11^1/_2$ батальона, 1 эскадрона драгун, 15 сотен милиции при 12 орудиях, перевалив через Главный хребет в

* Письма генерала Евдокимова от 20 января 1859 г. из Таузеня и 26 февраля из-под Веденя.

Дидо и Тушетии, спускается к верховьям Андийского Койсу в Ункратль.

Все три отряда должны начать движение одновременно в исходе июня и войти в связь между собою в долине Андийского Койсу.

В общей сложности силы всех трех отрядов составляли: 40 батальонов, 7 эскадронов драгун, 39 сотен милиции при 44 орудиях.

Сверх того признавалось необходимым расположить достаточные силы в средней и южной части Прикаспийского края как для прикрытия его от каких-либо покушений неприятеля, так и для того, чтобы в случае благоприятного для нас оборота дел, как например, восстания против Шамиля в Койсубу, Андаляле, Аварии, — немедленно занять важнейшие пункты в долинах Аварского и Кара-Койсу*.

Составленный в Главном штабе армии план по обсуждении с графом Евдокимовым и князем Меликовым окончательно утвержден главнокомандующим и препровожден ко всем трем командующим войсками при секретных предписаниях от 6 мая.

Едва отправлены были эти предписания, как получил я от барона Врангеля письмо от 2 мая, в котором он предлагал собрать отряд в долине Кара-Койсу, чтобы овладеть крепостью Улу-Кала, возведенною Шамилем в долине этой реки (при слиянии ее с Казикумухским Койсу, насупротив Гергебиля). Предложение это шло вразрез с общим планом кампании и, конечно, было отвергнуто князем Барятинским, по поручению которого я должен был разъяснить барону Врангелю виды главнокомандующего. В письме от 16 мая я писал ему:

«Вашему Превосходительству известно, что главнокомандующий, следуя неотступно и твердо принятому систематическому плану войны, предположил в нынешнее лето главные действия направить в долину Андийского Койсу и что цель этих действий заключается не в нанесении только временного удара неприяте-

---

* Всего состояло в то время на Кавказе пехоты:

На Левом крыле	37 батальонов
В Прикаспийском крае	30 батальонов
На Лезгинской линии	18 батальонов
В трех отделах	85 батальонов
На Правом крыле	34 батальона
В Закавказском крае	26 батальонов
Итого:	145 батальонов

лю, а в окончательном и прочном утверждении нашем в том крае, посредством занятия в оном важнейших стратегических пунктов, проложения хороших и благонадежных путей сообщения и открытия дальнейших доступов для будущих наших действий. Для полного достижения этого важного результата необходимо, даже и после тех огромных успехов, которые одержаны со стороны Левого крыла, употребить в долине Андийского Койсу сколь можно большую массу сил и средств, не развлекаясь другими второстепенными предприятиями».

Вследствие этого соображения и устранялось предположение относительно Улу-Калы: «Главнокомандующий выражал желание овладеть этим пунктом единственно в той надежде, что успех этот может быть достигнут каким-либо случайным средством или внезапным нападением, но если нельзя исполнить это предположение иначе, как открытою атакой, сосредоточив для сего большой отряд, то главнокомандующий считает означенную цель недостаточно важною, чтобы для подобного результата предпринять целую экспедицию, подвергать войска случайностям приступа или же терять время на постепенную и, может быть, продолжительную осаду, которая отвлекла бы все подвижные силы Прикаспийского края от других, более важных целей».

В том же письме моем высказывались соображения относительно характера предстоящих военных действий: «Большие силы требуются *не только в предвидении упорного со стороны неприятеля сопротивления, сколько по огромности предстоящих работ* и транспортировки при краткости летнего времени, удобного для действий в том крае. Чем более *рук* будет употреблено разом на работы, тем результаты будут полнее и положительнее ... Войска всех трех отделов должны одновременно вступить с разных сторон в долину Андийского Койсу и сколь возможно скорее войти в связь между собою. При таком совокупном направлении всей массы сил *можно надеяться, что со стороны неприятеля упорного сопротивления не встретим*, а в таком случае будем иметь полную возможность без потери времени *употребить все наши силы и средства на те работы*, кои окажутся необходимыми для предположенного *утверждения нашего в крае.* В этом отношении главнокомандующий намеревается *дать личные указания на месте*»[291].

Из приведенных строк видно, что, готовясь к большой экспедиции в глубь Дагестана, мы предвидели, что упорного сопро-

Чеченские наибы. Рис. Т. Горшельта

тивления со стороны неприятеля не встретим, и заботились преимущественно о мерах к упрочению нашего будущего положения в завоеванном крае*. К этому взгляду давало нам право тогдашнее положение дел в горах. Уже с прошлого года сделалось ясным, что власть Шамиля и обаяние имени его поколебались не только в Чечне, но и в Дагестане. По взятии же Веденя, можно сказать, раскрылась совсем завеса, застилавшая от нас истинное положение дел. Этому разоблачению способствовали и тайные переговоры, в которые вступил с Евдокимовым Даниель-бек, бывший султан Элисуйский, променявший несколько лет назад чин русского генерала на звание шамилева наиба (в Ирибе, в верховьях Кара-Койсу). Предусматривая теперь близкий конец владычеству имама, Даниель-бек задумал загладить прежнюю свою измену русскому правительству новым предательством и приготовить себе обратный переход под русскую державу. Он вызывался поднять в Дагестане восстание против Шамиля; сулил даже склонить к содействию этому делу своего зятя, сына шамилева, Казы-Магома, женатого на дочери Даниель-бека.

* Напираю на это ввиду некоторых появившихся в печати вымыслов, о которых прилагаю отдельную заметку (под литерой «А»).

Впрочем, из прежнего моего рассказа видно, что и многие из ярых приверженцев мюридизма, считавшихся преданнейшими имаму наибами, уже изменили ему. По мере успехов нашего оружия, горское население переходило под русскую власть, иногда вместе со своими наибами. В половине мая получено известие об изъявлении покорности одним из влиятельнейших наибов Талгиком с последними остававшимися еще непокорными аулами Ичкерии. Все указывало на близкий конец господства мюридизма в горах Кавказских.

Не признавали этого только в Петербурге. Еще 4 марта 1859 г. А.П. Карцов писал мне, что в Военном министерстве и в публике есть много противников Кавказа, что всякое действие князя Барятинского или осмеивается, или вызывает упреки, что Кавказ разоряет Россию. По выражению Карцова, «нужен блестящий успех, чтобы зажать рты». Однако ж и такие блестящие успехи, каковы одержанные Евдокимовым в Аргунских долинах и затем взятие шамилева гнезда, не вполне успокоили враждебные толки. Карцов в указанном письме просил меня доставить в редакцию «Военного сборника» статью, которая «разъяснила бы ход дел на Кавказе»[292]. Взятие Веденя, как уже сказано, произвело в Петербурге впечатление, но вместе с тем привело Государя к заключению совсем неожиданному. В собственноручном письме Его Величества к князю Барятинскому высказана была такая мысль: не следует ли воспользоваться одержанным важным успехом, чтобы войти в переговоры с Шамилем и склонить его к изъявлению покорности обещанием ему прощения всех прошлых прегрешений и обеспечения независимого его существования вне пределов Кавказа[293]. Можно представить себе, как озадачило князя Барятинского подобное предложение. Возможно ли помышлять о переговорах с заклятым врагом, когда рука, так сказать, занесена уже для решительного его поражения? Не значит ли это добровольно отказаться от приобретенного дорогою ценой выгодного положения, и вместо окончательного водворения русской власти в горах Кавказа, удовольствоваться сомнительным, непрочным перемирием? Но всего важнее было в глазах князя Барятинского то, что в указании Государя проглядывало сомнение в действительной близости окончательного успеха нашего над Шамилем, недоверие к верности взгляда наместника на тогдашнее положение дел. Поэтому князь Барятинский в ответном письме от 4 мая, объяснив Государю, несбы-

точность предположения, вместе с тем просил Высочайшее соизволение на приезд в Петербург для личного доклада Его Величеству о своих видах и соображениях, о которых не считал еще удобным заявлять письменно[294].

За неимением телеграфного сообщения Кавказа с Петербургом князь Барятинский просил, чтобы Высочайшее разрешение было передано по телеграфу в Симферополь и оттуда переслано с нарочным в Ставрополь, куда он предположил выехать в половине мая, даже не дожидаясь ответа Его Величества, так как оставалось очень мало времени до срока, назначенного для начатия предположенных военных действий.

Нежданный отъезд главнокомандующего пришелся очень не вовремя: за месяц до начатия военных действий, которыми он намеревался лично предводительствовать, и когда делались последние приготовления к ним. Правда, что план действий был вполне обсужден и установлен, но на последних порах всегда возникает множество вопросов и недоразумений в подробностях, особенно когда нужно согласовать движения трех отдельных отрядов, направленных с разных сторон концентрически к одному общему объекту, отчасти по новым, неведомым путям. Требовались разные меры хозяйственные, выходившие из заведенного, привычного обихода, нужны были громадные перевозочные средства, чтобы подвозить в иных частях края не только предметы продовольствия, в том числе капусту, фураж, госпитальные потребности, но даже топливо. Придумывались разные способы для облегчения небывалого еще сосредоточения столь значительных сил в безлесных, бесплодных, каменистых горах, куда еще не ступала нога русского солдата. Между прочим, предполагалось употребить для перевозок верблюдов; для временного помещения войск во вновь занимаемых местностях — калмыцкие кибитки или юрты; особенное внимание обращено на снабжение отрядов большим количеством рабочего инструмента и т. д.

Обширные приготовления к экспедиции усложнялись чрезвычайно тем, что делались в самой строгой тайне. О предстоящей экспедиции под личным начальством главнокомандующего долго не знали даже близкие к нему лица. Распоряжения по хозяйственной части прикрывались какими-нибудь мнимыми целями. Относительно же действительных предположений вся переписка велась мною лично с графом Евдокимовым, бароном Врангелем и князем Меликовым собственноручными «секрет-

ными» письмами. Но пословица говорит: «Шила в мешке не утаишь». Даже и для немногих лиц, посвященных в тайну, трудно было избегнуть какого-нибудь неосторожного слова, которое могло подать повод к догадкам или предположениям. По этому поводу я должен был сделать упрек полковнику Зотову за его неосторожный разговор с кем-то из проезжих через Владикавказ о предстоящем приезде главнокомандующего на Левое крыло. В ответном письме Зотов оправдывался тем, что слухи об этом довольно распространены в публике; относительно же каких-либо военных предположений у него не было ни с кем речи. Тем не менее, бедный Зотов встревожился не на шутку моим замечанием, что неосторожное нарушение тайны может, пожалуй, заставить изменить самый план экспедиции. «Если моя ребяческая неосторожность, — писал он, — должна быть причиною изменения общего плана, то прошу, как милости, дать мне возможность отъездом в Россию избавиться от срама, не показываясь на глаза князя Барятинского»[295]. Я поспешил успокоить Зотова, и поднявшаяся тревога осталась без последствий.

В течение апреля и мая постепенно прибывали назначенные на пополнение и усиление Кавказской армии маршевые батальоны. По примеру прошлогоднему, батальоны, назначенные на Левое крыло и в Прикаспийский край, сплавлялись по Волге и Каспийскому морю так же медленно, как и тогда. Батальоны Кавказской резервной дивизии приводились в полный военный состав и замещали выступавшие с Кавказа в кадровом составе полки 13-й пехотной дивизии, отчасти занимали места некоторых частей, назначенных в состав действующих отрядов.

* * *

14 мая главнокомандующий выехал из Тифлиса, взяв с собою подполковника Лимановского, Кузнецова и одного из адъютантов. На всем пути до Владикавказа провожал его проливной дождь; на Душетскую гору пришлось впрячь в экипаж волов. На Пасанаурской станции князя Барятинского встретили граф Евдокимов и капитан путей сообщения Статковский. В сопровождении их главнокомандующий проехал верхом через перевал до Коби, чтобы осмотреть начатые работы Военно-Грузинской дороги. Переночевав во Владикавказе, на другой день князь продолжал путь. В станице Прохладной встретил его курьер из Симферополя с извещением от военного министра о

том, что Государь разрешает князю приехать теперь же в Петербург, если только он сам не предпочтет отложить свидание до октября в Одессе, причем генерал Сухозанет предварил об отправлении дополнительного письма. В ожидании этого письма, князь Барятинский из Георгиевска свернул в Пятигорск, где провел три дня. В течение этого пребывания в Пятигорске имел он совещания с графом Евдокимовым и с генералом Филипсоном по разным общим для обоих отделов вопросам и между прочим касательно разграничения между предполагаемыми казачьими войсками, Кубанским и Терским. Здесь же представился наместнику приехавший из Петербурга военный инженер капитан Фалькенгаген с проектом постройки гавани в Петровске (на Каспийском море). Князь Барятинский принял это предложение весьма сочувственно и направил Фалькенгагена ко мне с поручением рассмотреть проект вместе с генералом Кеслером.

20 мая главнокомандующий прибыл в Ставрополь. В ту же ночь адъютант его штаб-ротмистр князь Львов привез письмо от Государя[296]; Его Величество предлагал князю Барятинскому не откладывать приезда в Петербург в том соображении, что предполагавшаяся осенью поездка Государя на Юг России могла и не состояться. На этом основании 22 мая утром главнокомандующий выехал из Ставрополя, подписав приказ о временном вступлении в командование армией князя Григ[ория] Дм[итриевича] Орбельяни.

28 числа вечером князь Барятинский прибыл в Москву, а на другой день продолжал путь по железной дороге до Колпина, откуда на лошадях в Царское Село и тот же час представился Государю. Прием был самый радушный и почетный. Помещение для наместника и свиты его отведено во дворцах Царскосельском, Петергофском и Зимнем. Наследник Цесаревич, великие князья и министры сделали ему первые визиты. 4 и 5 июня князь Барятинский имел продолжительные доклады у Государя. Обстоятельное разъяснение Его Величеству истинного положения дел на Кавказе, видов и надежд главнокомандующего было тем необходимее, что в это время вопросы нашей внешней политики могли расстроить все наши планы и соображения. Надобно вспомнить, что наше правительство вошло тогда в соглашение с Наполеоном III по поводу его вмешательства в дела Италии, обязавшись выставить на границе с Австрией четыре корпуса[297]. В Петербурге были очень озабочены опасением, что

мы могли быть втянуты в войну. Отсюда возникли опять толки о необходимости усилить войска на западной нашей границе, а для этого вывести с Кавказа часть находившихся там сил, простиравшихся до 300 тыс. человек. Князю Барятинскому удалось отговорить Государя от такой меры, которая отодвинула бы назад, на весьма долгое время, окончание войны Кавказской.

Своими беседами с Государем и вообще ходом дел князь Барятинский был вполне доволен. Но суетливая и беспокойная придворная жизнь с беспрерывными переездами между Царским Селом, Петербургом и Петергофом скоро дала себя почувствовать. Опять открылась у него подагра, продержавшая его несколько дней в постели. 13 числа, получив облегчение, переехал он из Петербурга опять в Царское Село и затем имел еще два доклада у Государя: 15 числа в Царском и 16 — на пароходе при переезде из Петербурга в Петергоф. Этот доклад был последний, надобно было торопиться возвращением на Кавказ. В письме от того же 16 числа князь Барятинский писал мне, что пребывание его в Петербурге затянулось долее, чем он предполагал, за неимением достаточного времени для докладов, за беспрерывными переездами Царской фамилии, маневрами и проч., но что последние доклады были вполне удачны и что, вообще, он доволен результатом свой поездки в Петербург. «Успех полный, — писал он, — поездка эта оказалась совершенно необходимою»[298]. В дополнение к этому письму подполковник Лимановский сообщил мне, что по всем представлениям главнокомандующего последовало Высочайшее соизволение, за исключением лишь двух: об увеличении окладов так называемых категорических (т. е. приварочных) денег и другого — о назначении флигель-адъютанта полковника князя Шаховского инспектором стрелковых частей на Кавказе. К вопросу о Кавказской железной дороге Государь отнесся с полным одобрением; касательно же ассигнования суммы на предположенные в Закавказском крае фортификационные постройки положительного решения пока не состоялось.

В бытность свою в Петербурге князь Барятинский возобновил прежнее предложение генералу Карцову перейти на службу на Кавказ и притом с такою настойчивостью, что без положительного с его стороны согласия на перемену службы уже испросил на то предварительное соизволение Государя; даже затребовал уже официально справки о получаемом Карцовым содержании. Такой образ действий князя показался Карцову до-

вольно странным; он опасался, что перевод его на Кавказ без определенного назначения поставит его в ложное и невыгодное положение сравнительно с тем, какое занимал он в Гвардейском корпусе. К тому же семейные обстоятельства его, в особенности болезнь престарелой матери, затруднили бы в то время его перемещение. Карцов просил меня остановить, пока еще не поздно, всякое о нем представление и откровенно признавался, что торопливость и настойчивость князя Барятинского очень охладили желание служить под его начальством. Впрочем, со стороны главнокомандующего не было пока дано хода задуманному относительно Карцова предположению. Впоследствии выяснилось, что вопрос о переводе его на Кавказ был в тесной связи с видами князя Барятинского, лично меня касавшимися.

Выезд его из Петербурга отлагался несколько раз и назначен был окончательно на 19 июня. Обратный путь был избран на Таганрог, Ейск и далее через Ставрополь в Грозную, куда главнокомандующий рассчитывал прибыть 3—5 июля. К тому времени должны были собраться в Ведене все лица, назначенные на предстоящую экспедицию в состав походного штаба и свиты главнокомандующего.

* * *

В отсутствие наместника жизнь в Тифлисе текла тихо и однообразно. Князь Гр[игорий] Дм[итриевич] Орбельяни, временно исправлявший должности наместника и главнокомандующего, принимал, можно сказать, только формальное участие в делах. При мягкости его характера, обходительности, деликатности мои отношения к нему были самые приятные. Я не чувствовал ни малейшего стеснения в своих занятиях и продолжал руководить приготовлениями к предстоящей большой экспедиции.

В конце мая получено прискорбное известие о бедствии, постигшем Шемаху и ее окрестности: 30 числа в 5 часу пополудни весь город разрушен землетрясением, которое распространилось на весьма обширное пространство, охватив большую часть Закавказья, Армении и Малой Азии. В Турции пострадали Эрзерум и Эрзиньян. В Тифлисе чувствовалось лишь слабое сотрясение; в окрестностях же Шемахи колебания почвы повторялись несколько дней. Живший в то время в Тифлисе ученый геолог Абих поспешил отправиться в Шемаху для исследований в пункте наибольшего напряжения землетрясения.

14 июня приехал в Тифлис новый патриарх Армянский (католикос) Матеос, избранный на место скончавшегося в прошлом году Нерсеса. Ему оказана была подобающая почетная встреча; немедленно по вступлении его в Армянское подворье князь Гр[игорий] Дм[итриевич] Орбельяни, А.Ф. Крузенштерн, К.Ф. Лелли и я сделали патриарху визит. На другой день назначен торжественный прием его во дворце наместника. Князь Гр[игорий] Дм[итриевич] Орбельяни вручил ему с установленною церемонией Высочайшую грамоту об утверждении его избрания и вместе с тем знаки ордена Св. Александра Невского с алмазами. Патриарх принял и грамоту и орденские знаки с большою почтительностью и произнес краткую речь, которую переводил генерал-майор Лорис-Меликов. 22 июня в честь патриарха дан торжественный обед также во дворце наместника. Пробыв еще несколько дней в Тифлисе, патриарх 29 числа возвратился в Эчмиадзин, где должен был совершиться обряд посвящения его в новый сан. Перед отъездом он объявил, что приедет опять в Тифлис, чтобы представиться самому наместнику. О новом патриархе все знавшие его отзывались с самой лучшей стороны.

С половины июня, по обыкновению, Тифлис начал пустеть. Для моей семьи опять нанята была в Коджорах прошлогодняя дача Мирзоева. Кроме штабных лиц, проводящих лето в Коджорах, поселились там и многие из хороших наших знакомых: Капгер, Минквиц и др. 17 числа переместился Институт. Переселение же моей семьи отлагалось до предстоявшего отъезда моего в экспедицию. На этот раз большим утешением для моей жены был приезд сестры ее Дарьи Михайловны Понсэ на все лето. Брат же ее Евгений Михайлович уехал в бессарабскую свою деревню.

С приближением времени ожидаемого возвращения князя Барятинского постепенно отправлялись из Тифлиса лица, назначенные в состав походного штаба и свиты главнокомандующего: одни — в Грозную, другие — прямо в Ведень. Походный обоз Главной квартиры и конвой главнокомандующего отправлены заранее. Со дня на день ожидал я положительного извещения от князя Барятинского, чтобы самому отправиться в Грозную с двумя адъютантами: князем Гагариным и Фогелем. Первый из них принял на себя хлопоты по моему походному хозяйству; второй — надзор за лошадьми и прислугой. Всю материальную часть: палатку, походную мебель во избежание дальней перевоз-

ки взялся заготовить Мих[аил] Ив[анович] Чертков в мастерских Куринского полка; лошади верховые и вьючные были приготовлены во Владикавказе по дружескому распоряжению П.Д. Зотова.

Наконец, пришло известие о приезде главнокомандующего в Ейск, откуда он писал мне 27 июня, что едет через Кисловодск, Пятигорск и Екатериноград, рассчитывает прибыть в Грозную 3 или 4 июля, и намерен прежде отправления в Чеченский отряд (в Ведень) заглянуть в Аргунское ущелье и объехать некоторые другие вновь занятые части Чечни[299]. Письмо это получил я уже в дороге, выехав из Тифлиса 29 июня. На пути во Владикавказ осматривал я (верхом) работы Военно-Грузинской дороги. Графа Евдокимова я уже не застал во Владикавказе: он выехал еще 20 числа в Ведень, откуда произвел рекогносцировку по дороге на перевал через Андийский хребет. Передовой отряд полковника Баженова выдвинут на самый перевал, к озеру Япи-Ам, часть войск расположилась у аула Хорочай и приступила к разработке дороги, остальные части Чеченского отряда стягивались к Веденю. По словам Зотова, Евдокимову доставило большое удовольствие полученное от князя Барятинского письмо (от 19 июня), в котором было сказано, что «Государь весьма милостиво расположен к нему, графу Евдокимову, и вполне ценит его достоинства и службу».

Переночевав во Владикавказе, выехал я оттуда рано утром 1 июля верхом для осмотра вновь водворенных в горах близ Владикавказа казачьих станиц Сунженского полка. Провожал меня командир этого полка полковник Уедлинский — завзятый шутник, забулдыга, славившийся своими остротами. Поездка эта доставила мне случай испытать приготовленных для меня верховых лошадей, которыми остался я вполне доволен. Переночевал у Иедлинского в станице Слепцовской и на другой день, 2 числа, к обеденному времени прибыл в Грозную. И здесь не застал уже графа Евдокимова: он выехал накануне навстречу главнокомандующему. 3 числа провел я спокойно в Грозной, за письменной работой. Это был день первого испытания моего походного хозяйства: к обеду и ужину стол накрывался на 7 приборов для лиц немногочисленного моего походного штаба и адъютантов. Любезный наш хозяин князь Н.В. Гагарин вышел из этого испытания с полным успехом. В числе гостей был и капитан Кравченко, только что приехавший в тот день из Тифлиса. Он привез мне известие о переезде моей семьи в Коджоры 30 числа.

4 июля приехал и главнокомандующий. Ему приготовлена была торжественная встреча, с пушечной пальбой, музыкой, криками «ура», а вечером — иллюминация. Он объявил, что пробудет в Грозной дня четыре, чтобы ознакомиться с положением дел и дать решение по множеству вопросов и по военной части, и по гражданской. Несмотря на ежедневные мои доклады, длившиеся по нескольку часов, с трудом успевал я справиться с массою накопившихся дел. Большая часть времени проходила в разговорах: князь Барятинский был неистощим в рассказах о своем пребывании в Петербурге и вынесенных оттуда впечатлениях. Много наслышался я интересного и нового: кроме дел кавказских, которые, конечно, наиболее заботили нас обоих, речь касалась и вопросов государственных, и политики, и Двора, и разных лиц петербургского официального мира.

Князю Барятинскому приятно было найти в Грозной собравшихся туда некоторых наибов шамилевых, так недавно еще бывших отчаянными нашими врагами, а теперь явившихся на поклон наместнику. Имена некоторых из них пользовались даже у нас громкою известностью: Мичиковский — Эски, Ичкеринский — Умалат, Большой Чечни — Талгик, Малой Чечни — Дуба и другие.

* * *

В рассказах князя Барятинского крайне озадачил меня один из переданных им разговоров его с Государем. Речь зашла о неудовлетворительном ходе дел в Военном министерстве и о необходимости замены генерала Сухозанета другим лицом. Имевшийся для этого в виду товарищ министра князь Васильчиков оказался не в силах занять такой тяжелый пост, а потому возник вопрос о кандидате на должность министра. Князь Барятинский решился рекомендовать меня, и сколько мог заметить, рекомендация его была принята Государем весьма благосклонно, — о чем он и счел нужным предварить меня, так как я могу ожидать в более или менее близком будущем перемены служебного положения.

Конфиденциальное это заявление повергло меня в тяжелое раздумье. Расстройство Военного министерства было мне вполне известно. Дряхлый, полуслепой министр был в руках дежурного генерала Герстенцвейга и директора Канцелярии Лихачёва, которые ворочали всем военным управлением. А.П. Карцов писал мне (13 января): «Что делается в Военном министерстве —

уму непостижимо...» «Военное министерство решительно разлагается. Из всех задуманных преобразований вышло только одно — уничтожение прежнего, хотя какого-нибудь порядка» (письмо от 30 января). «Никто не хочет принимать комиссариатских комиссий, в складах которых остается только брак»[300]. Все это было естественным последствием господствовавшего несколько лет сряду в высших правительственных сферах чрезмерного стремления к сокращению расходов и самоотверженной податливости военного министра перед настойчивыми требованиями Финансовой комиссии. После бедственной Крымской войны не только ничего не было сделано для того, чтобы наши расстроенные военные силы вновь оправились и устроились, но напротив того, единственною заботой высшего управления было — сокращать, упразднять, расформировывать. Можно было думать, что с заключением Парижского мира военные силы сделались уже ненужными на будущее время. Но вдруг Высочайшее повеление: выставить на границе Австрии армию из четырех корпусов! Оказывается, конечно, полная неподготовленность, полное расстройство всего хозяйства; потребовались многие месяцы, чтобы поставить означенные четыре корпуса на военное положение, а через то Россия навлекла на себя укор в неисполнении принятого на себя обязательства, и политические цели не были достигнуты. Общее негодование обрушилось на Военное министерство, но можно ли было ожидать чего-либо другого от той системы, которой правительство следовало в последние годы?

Кроме того, из писем А.П. Карцова можно заключить об упадке авторитета Военного министерства: оно поставило себя в какое-то соперничество с начальством Гвардейского корпуса, которое присвоило себе инициативу нововведений и преобразований в устройстве и обучении войск. Предложения Комиссии, состоявшей под председательством генерал-адъютанта Плаутина, встречали противодействие в министерстве. С другой стороны, кричали против них старые рутинисты, свыкшиеся с укоренившимися с давнего времени в войсках злоупотреблениями и безобразиями. Все неблаговидные случаи в войсках, в особенности распущенность дисциплины, сваливали на нововведения и обвиняли в них «Комиссию об улучшениях по военной части», т. е. председателя ее генерал-адъютанта Плаутина и начальника штаба Гвардейского корпуса графа Э.Т. Баранова. «Военный министр, — как писал А.П. Карцов 3 мая, — и в особенности

всемогущий в министерстве Герстенцвейг, делают все, чтобы повредить Плаутину и Баранову и, кажется, успели в этом». Распускаемые умышленно толки об упадке дисциплины в гвардии тревожили Государя и внушали ему сомнение в полезности мер, проводимых «Комиссиею об улучшениях»[301].

При таком положении дел в высшем военном управлении преемнику генерала Сухозанета предстояла нелегкая и незавидная доля. Вот почему пугала меня возможность задуманной князем Барятинским перемены в моем служебном назначении. С недоумением спрашивал я себя: буду ли в силах вынести на своих плечах такую обузу? В состоянии ли вести борьбу с неизбежными интригами, с бесчисленными врагами, явными и скрытыми, которых вызовет мое назначение? Наконец, не буду ли чувствовать неловкое свое положение на таком высоком посту, на котором привыкли видеть или титулованных сановников, или старых, заслуженных генералов? Притом я был так доволен своим положением на Кавказе, что всякая перемена пугала меня. Петербургская же жизнь мне положительно антипатична; придворные и светские отношения военного министра (которые имел я случай близко наблюдать) совсем не по моим наклонностям и характеру.

Однако ж раздумье мое по поводу неожиданного известия продолжалось недолго: успокаивала меня мысль, что, быть может, опасения мои окажутся совсем напрасными. Возможно ли предположить, — думал я, — что несколько слов, высказанных в разговоре в мою пользу, решат выбор Государя? Предложенная князем Барятинским кандидатура может остаться без последствий, а если и осуществится в дальнем будущем, то успею еще надуматься. Притом, не было у меня тогда и досуга для размышлений о своем будущем: я был слишком озабочен вопросами настоящего и завален работой штабной, которую необходимо было покончить в немногие дни пребывания в Грозной, а потом среди перипетий походной жизни и позабыл об испугавшем меня призраке.

Заметка «А»

Биограф князя А.И. Барятинского А.И. Зиссерман, желая выставить рельефнее, с какою уверенностью герой его повествования предусматривал не только близкий конец борьбы с Шамилем, но даже плен этого последнего, прибавляет: «Даже близ-

кие к нему действующие лица относились к подобным предположениям с нескрываемыми опасениями и сомнениями. Д.А. Милютин из Тифлиса, вслед за выездом князя в Петербург, писал ему, убеждая не предпринимать кампании 1859 г., как не обещающей успеха»*.

Почему же составитель биографии не привел этого письма, тогда как в его книге помещены целиком все мои письма к князю Барятинскому, не исключая и таких, которые не имеют никакого значения для жизнеописания князя Александра Ивановича? Причина уважительная — потому что такого письма не было и не могло быть. Сам составитель биографии мог бы сообразить: правдоподобно ли, что ближайший помощник главнокомандующего, ведущий лично в продолжение более полугода переписку по предположенным на лето 1859 г. военным действиям, руководящий всеми приготовлениями к этим действиям, выжидает отъезда главнокомандующего, чтобы вдогонку ему послать письмо, в котором отговаривает от предприятия, давно решенного и зрело обдуманного? И как не бросилось в глаза г. Зиссерману, что заявление его находится в полном противоречии с помещенным им в книге письмом моим к барону Врангелю от 16 мая, писанном через день *после* отъезда князя Барятинского, — письмом, в котором я разъяснял подробно виды и соображения главнокомандующего, можно сказать, весь план предстоящей экспедиции. Изложенные в этом письме разъяснения прямо опровергают приписываемые мне г. Зиссерманом «нескрываемые опасения и сомнения» на счет успешности предстоящей экспедиции. Да и возможны ли были с моей стороны такие опасения и сомнения?

На другой же день по отъезде главнокомандующего получено было в Тифлисе известие об изъявлении покорности наибом Талгиком вместе с последними аулами ичкеринскими, остававшимися еще непокорными. Уж не это ли известие так встревожило меня, что заставило писать князю Барятинскому *об отмене экспедиции*?

Впрочем, не одно только приведенное место в книге г. Зиссермана вызывает опровержение.

---

* Фельдмаршал князь А.И. Барятинский. Т. II. С. 209.

НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГЛУБЬ ДАГЕСТАНА. ИЮЛЬ — АВГУСТ 1859 ГОДА

6 июля отправлен из Грозной к барону Врангелю капитан Фадеев с предписанием главнокомандующего и словесными поручениями. В предписании князь Барятинский извещал, что предполагает прибыть 12 числа в Чеченский отряд, а 14-го — спуститься с перевала Андийского хребта к Анди. Барону Врангелю предлагалось в тот же день двинуться с отрядом, собранным у Буртуная, «в Гумбет, спуститься к Чиркату и сколь можно скорее *занять переправы Чиркатскую и Сагритлохскую, откуда стараться войти в связь с войсками Чеченского отряда*, имеющими спуститься к Конхидатлю». В том же предписании указывалось: по занятии Чирката произвести рекогносцировку местности до Сулака, «чтобы выбрать выгоднейшее место для устройства моста в недальнем расстоянии от слияния двух Койсу и для проложения дороги от этой переправы к Ишкартам». К этому добавлено, «чтобы барон Врангель представил соображение о лучшем устройстве по означенному направлению сообщения с Шурой». Указание это вполне согласовалось с предшествовавшей перепиской, в которой не раз высказывалось соображение о том, что по занятии долины Андийского Койсу следует приступить к обширным *работам для прочного нашего утверждения в крае*. То же указание на устройство сообщения от переправы на нижнем течении Андийского Койсу к Ишкартам повторено и в позднейшем *письме* главнокомандующего к барону Врангелю от 20 июля (с позиции у озера Ретло).

Упоминаю об этих подробностях потому, что ниже придется мне ссылаться на них в возражениях на фантастические показания биографа князя Барятинского*.

Относительно командировки капитана Фадеева в том же предписании от 6 июля сказано: «Для получения более подробных сведений о положении дел в Дагестанском отряде, о намерениях и распоряжениях Ваших я посылаю к Вашему Превосходительству состоящего при мне капитана Фадеева, которому поручено также передать Вам словесно и все те сведения, в коих Вы можете иметь надобность относительно моих планов и предполагаемого направления действий обоих отрядов. Капитану

---

* Отдельная заметка под литерой «Б».

Фадееву приказано по получении от Вас ожидаемых мною сведений возвратиться в отряд (Чеченский) ближайшим путем, какой по обстоятельствам Вы ему укажете»[302].

Только что подписано было это предписание, в самый день отправления Фадеева приехал в Грозную капитан Генерального штаба Ружицкий с письмом ко мне от барона Врангеля (от 3 июля). Он извещал, что передовой его отряд под начальством генерал-майора Ракусы двинулся на Мичикал (истоки р. Акташа) и просил указаний о предстоящем Дагестанскому отряду движении, при этом высказывал мнение, что лучше избегать атаки неприятельских укрепленных позиций или осад укрепленных аулов. В ответном письме барону Врангелю от 7 числа я сообщил ему, что главнокомандующий по прочтении его письма не нашел нужным что-либо изменить в указаниях, отправленных с капитаном Фадеевым, что вполне разделяет мнение относительно атаки или осады укрепленных пунктов неприятельских и «вообще желает, чтобы вступление наших войск в страну, за Андийским хребтом лежащую, имело характер занятия края покорившегося, а не вторжения насильственного, чтобы без особенной надобности не наносить вреда жителям, не вызывать их на сопротивление оружием и *стараться быстрым занятием переправ на Андийском Койсу обойти с тыла все неприятельские позиции*, а жителей поставить в необходимость беспрекословно покориться»[303].

С этим письмом и другими текущими бумагами отправлен обратно к барону Врангелю капитан Ружицкий. 8 июля закончены последние распоряжения, и 9 числа главнокомандующий выехал из Грозной в сопровождении графа Евдокимова и меня; большая же часть свиты и походный штаб отправлены прямо в Ведень. Погода стояла очень жаркая. До Воздвиженской крепости ехали мы в экипажах с небольшим конвоем, наполовину из казаков и наполовину из туземцев, в числе которых были многие из недавних наших упорных врагов, бывших наибов Шамиля.

Переночевав в Воздвиженской, на другой день, 10 числа, продолжали путь в самое ущелье Аргунское до укрепления Шатоевского. Переезд этот произвел на нас глубокое впечатление: ехали мы в экипажах с небольшим конвоем (можно сказать, почетным) по грозному ущелью, которое так долго было для нас совсем недоступно. Оно поражает своею дикостью и грандиозностью: с обеих сторон высятся крутые бока гор, большею час-

тью поросших вековым лесом, в глубокой трещине мчится горный поток с пеною и ревом. На каждом шагу страшные, непреодолимые преграды для наступающего и сильные позиции для обороняющегося. Надобно видеть своими глазами эту теснину, чтобы вполне оценить искусство, с которым Евдокимов сумел проложить себе путь сквозь нее с самыми незначительными потерями. С почтением вспомнишь и солдата кавказского, видя на всем пути следы его гигантских работ: превосходно разработанную дорогу, по сторонам ее громадные пни срубленных деревьев, мосты, укрепления.

При слиянии двух Аргунов ущелье расширяется. Здесь мы остановились на короткое время для осмотра укрепления Аргунского. С приближением же к укреплению Шатоевскому открывается уже довольно широкое пространство между лесистыми, более отлогими скатами гор. Штаб-квартира Навагинского пехотного полка, несмотря на свое недавнее существование, уже несколько обстроилась, а укрепления представляли внушительный вид. Здесь мы переночевали. На другое утро проехали верхом несколько далее по долине и в тот же день возвратились в Грозную.

12 июля снова выехали из Грозной в экипажах до Шали, а далее верхом по ущелью Басса, через Таузень до Веденя. И на этом пути мы были изумлены произведенными работами для очищения пути сквозь лесистое ущелье Басса и через дебри, отделявшие Таузень от Веденя. Теперь от этих вековых дебрей оставались только пни, торчавшие по сторонам дороги. От бывшей резиденции Шамиля остались только жалкие развалины; Новый Ведень, т. е. штаб-квартира Куринского полка, только что начинала обстраиваться.

На другой день, 13 числа, главнокомандующий предпринял поездку в Дарго — пункт, столь памятный ему и многим из наличных участников бедственной экспедиции князя Воронцова в 1845 году[304]. Но какая с тех пор совершилась изумительная перемена! Там, где едва не погиб многочисленный отряд князя Воронцова, теперь новый главнокомандующий проезжал как в мирной стране, с конвоем из двух сотен казаков и 150 туземных милиционеров! Прежнее враждебное, озлобленное население, теперь встречает нас радостными криками, как желанных избавителей; женщины и дети толпятся около русского «сардаря» и его свиты. Князь Барятинский расположился для отдыха и за-

втрака на том самом месте, где в 1845 г. стояла ставка князя Воронцова. К вечеру возвратились мы в Ведень.

Вот как сам главнокомандующий отозвался в письме к военному министру от 17 июля о своей поездке в новопокоренный край: «Проезжая везде с одним только почетным конвоем и большею частью в экипаже по разработанным новым дорогам, я мог собственными глазами убедиться в огромных успехах, сделанных в последние месяцы в этом крае, и в исполинских трудах, понесенных войсками для упрочения в нем нашего владычества. По всему ущелью Аргуна до укрепления Евдокимовского высечены в скалах дороги с прочными мостами и предмостными башнями; в Ичкерии проложенные широкие просеки переменили, можно сказать, самый характер страны; прежние недоступные леса Ичкерии уже не составляют более преграды движениям нашим, и везде, где я проезжал на протяжении от Грозной, через Шали, Таузень, Ведень, Эрсеной в Дарго, жители, столь недавно еще считавшиеся нашими непримиримыми врагами, выбегали ко мне навстречу; женщины и дети приветствовали криками радости, заставлявшими в ту минуту забывать крайнюю нищету, в которую это население повергнуто продолжительным над ним владычеством Шамиля»[305].

В том же отзыве от 17 июля князь Барятинский просил военного министра довести до Высочайшего сведения, что «при личном осмотре войск Левого крыла находил их везде в отличном виде: бодрые, здоровые лица солдат, исправное снаряжение всех частей к походу, умеренное и даже слабое число больных заставляют позабыть тяжкие труды и лишения, вынесенные этими истинно боевыми войсками в течение предшествующих двух лет. Считаю за счастье засвидетельствовать перед Его Императорским Величеством, что принесенные в это время жертвы людьми и деньгами с избытком вознаграждены такими счастливыми результатами, которые превзошли, можно сказать, самые смелые ожидания».

Строки эти, очевидно, имели целью подтвердить то, что князь Барятинский и писал, и лично докладывал Государю в защиту графа Евдокимова по поводу распускаемых в Петербурге преувеличенных толков о мнимом изнурении и расстройстве войск Левого крыла. Главнокомандующий отозвался также с похвалою о состоянии прибывших на Кавказ батальонов Кавказ-

ской резервной дивизии. На отзыве князя Барятинского сделана Государем надпись: «Читал с особенным удовольствием».

В день нашей поездки в Дарго 13 числа, главные силы Чеченского отряда перешли на вершину Андийского хребта, к маленькому горному озерцу Япи-Ам на высоте около 7 тыс. футов над уровнем моря. 14 числа проехал туда же и сам главнокомандующий со свитой по разработанной, хотя довольно крутой дороге. С приближением к лагерю Чеченского отряда князь Барятинский был встречен расставленными вдоль дороги войсками, с восторженными криками «ура» и салютационной пальбой. Главнокомандующий приветствовал их теплыми словами, которые вызвали снова крики «ура» и «рады стараться». Лагерь отряда был разбросан живописно по скатам безлесных гор кругом озера. На высшей точке местности разбита ставка главнокомандующего, позади ее — палатки свиты и штаба.

15 числа выдвинут вперед верст на 12 к озеру Ретло (или Эзен-Ам) авангард под начальством генерал-майора барона Николаи. С этим передовым отрядом выехал и сам главнокомандующий со свитой, чтобы произвести рекогносцировку к Анди. Большое это селение было хорошо видно с горы, в долине, влево от нашего пути. Вправо открывался вид на Технуцал и долину Андийского Койсу. Лагерь у озера Ретло был еще живописнее прежнего. Озеро своею прозрачною, зеленоватою водой напоминает прелестные озера швейцарские. Сюда передвинулись 17 числа и главные силы отряда; здесь же присоединилась и колонна полковника Кауфмана, прошедшая благополучно по неведомому доселе пути из Аргунского ущелья через Чарбили.

Шесть дней простояли мы в лагере у озера Ретло, пока войска разрабатывали дорогу и в тыл и вперед, на спуске в долину Андийского Койсу. Между тем подвозились запасы, и устраивался на берегу озера склад, для обеспечения которого возводились три редута. Жизнь в палатках была чрезвычайно приятна на чистом горном воздухе и в чудную погоду. Каждый день главнокомандующий выезжал на рекогносцировки к стороне Технуцаля. С одной из вершин гор открывался поразительный вид на значительное протяжение Андийского Койсу, от аула Ортоколо вверх на дальнее расстояние. Ясно можно было разглядеть ряд завалов неприятельских вдоль правого берега реки.

Неприятельские скопища пока не показывались, но везде, с приближением нашего отряда, местные жители уводились в

глубь Дагестана, а селения предавались огню. Жаль было видеть такое варварское и бесцельное опустошение страны, особенно гибель великолепных фруктовых садов, окружавших аулы. По сведениям из гор, Шамиль приготовил оборону вдоль правого берега Андийского Койсу, сильно укрепил так называемые «Андийские ворота» (Буцрах) — проход через горный хребет, отделяющий Андию от Гумбета, а также селение Ичичали на Килитлинской горе, на восточной стороне того же хребта, в самом Гумбете.

Атака с фронта неприятельской оборонительной линии и переправа через Койсу под выстрелами укреплений правого берега представили бы значительное затруднение и стоили бы немалых жертв, а потому чрезвычайно было желательно, чтобы удалось барону Врангелю быстрым наступлением захватить переправы в низовьях Андийского Койсу, пока внимание неприятеля привлечено Чеченским отрядом, которому Шамиль, разумеется, должен был придавать главное значение, зная, что при этом отряде находится сам главнокомандующий. На этом основан был весь план экспедиции: успешная переправа Дагестанского отряда в котором-либо из указанных пунктов (Чиркате или Сагритло) должна была заставить Шамиля покинуть все нагороженные им укрепления как вдоль берега реки, так и на границе Андии с Гумбетом.

Понятно, с каким нетерпением ожидал главнокомандующий известий от барона Врангеля. Через туземцев доходили слухи, что войска наши заняли Аргуани (в Гумбете) и разрабатывали дорогу к Сагритлохской переправе. 20 июля отправлено главнокомандующим письмо, о котором уже упомянуто: сообщая сведения о тогдашнем положении дел в Чеченском отряде, об осмотре долины Андийского Койсу и прочем, князь Барятинский, согласно прежним своим предписаниям, предлагал барону Врангелю, по занятии переправы, двинуться вверх к Игали, где полагалось открыть связь между обоими отрядами. На другой же день после отправления этого письма, 21 июля, пришло донесение барона Врангеля об успешном исполнении Дагестанским отрядом возложенной на него задачи.

Вот что узнали мы о действиях этого отряда.

Авангард его под начальством генерал-майора Ракусы (3 батальона, 5 сотен конно-иррегулярного полка при 6 орудиях), выдвинутый еще 3 июля к Мичикалу, занял этот пункт беспрепятственно и приступил к устройству тут склада. 9 числа стянул-

ся туда же и весь отряд (11 батальонов, 2 эскадрона драгун, конно-иррегулярный полк при 10 орудиях). Оставив 2 батальона с 2 орудиями для охранения склада и пути сообщения с Буртунаем, барон Врангель с остальными силами двинулся 14 числа по западному скату горы Анчимеер к гумбетовскому аулу Аргуани — памятному нам по кровопролитному штурму в кампанию генерала Граббе в 1839 году[306]. На этот раз неприятель не приготовил здесь обороны в том предположении, что Дагестанский отряд направится к Анди на соединение с Чеченским. Поэтому все внимание и силы Шамиля были обращены на защиту «Андийских ворот» и переправ в верхней части течения Андийского Койсу; нижнее же течение реки оставлено было только под наблюдением незначительных партий. Заняв Аргуани без сопротивления, барон Врангель спешил захватить Сагритлохскую переправу. В этом месте горный поток до того стеснен скалами, что с одного берега на другой перекинуто несколько бревен, образующих мост. Выдвинутый из Аргуани авангард генерала Ракусы, сделав очень быстрый и крайне утомительный для войск переход, в тот же день к вечеру подступил к переправе, но мост оказался снятым и спуск к нему — срытым почти вертикально. Приготовленный нашими саперами легкий переносный мостик оказался слишком коротким. Генерал Ракуса, не видя возможности устроить тут переправу, начал было уже отводить свой авангард, но подъехавший в то время барон Врангель остановил его и приказал осмотреть места вверх и вниз по течению реки, где было бы удобнее переправиться. Такое место найдено несколько ниже Сагритлохского моста, в расстоянии около версты. Здесь река менее стеснена скалами, так что ширина потока достигает 15 сажень, зато в этом месте высоты правого берега не господствуют над левым и никаких укреплений не было тут устроено неприятелем. Только небольшой караул из 20 горцев встретил ружейными выстрелами первых, показавшихся на берегу наших охотников.

В течение ночи (с 15 на 16) спущенные к берегу рабочие команды успели наскоро устроить ложементы для стрелков и батарею на 3 орудия, так что к рассвету противоположный берег был уже под сильным нашим огнем, ружейным и артиллерийским. Неприятельский караул был вынужден укрыться в пещеру и за каменья. Подоспевшие к утру на защиту Сагритлохской переправы толпы горцев уже не осмелились приблизиться под наши

выстрелы и скоро скрылись из виду. Оставался вопрос: какими средствами устроить переправу через бешеный поток, никаких для этого материалов не было под рукой. Чтобы приступить к делу, необходимо было прежде всего перекинуть через реку канат. Пришла мысль предложить укрывшимся в пещере мюридам свободный выход с тем условием, чтобы они взялись прикрепить конец каната к каменьям правого берега. После непродолжительных переговоров последовало соглашение, наступило как бы перемирие; горцы вышли из пещеры, но все старания перебросить конец каната на другую сторону реки остались без успеха. Тогда прибегли к другому средству: вызваны были охотники, чтобы попытаться переплыть через реку. Сейчас же вызвались два юнкера Дагестанского полка и 6 нижних чинов, частью того же полка, частью 21-го стрелкового батальона. Смельчаки эти немедленно скинули с себя одежду и пустились в борьбу с бешеным потоком на глазах стоявших на другом берегу удивленных горцев. Борьба действительно оказалась непосильною. Только двоим из пловцов посчастливилось быть выброшенными волною на противоположный берег: Дагестанского полка юнкеру Шпейеру и одному унтер-офицеру; прочие были выброшены обратно на наш берег, а двое совсем унесены течением и погибли. Выплывшие на правый берег двое счастливцев удачно перетащили за собой конец каната и прикрепили его к каменьям. Удача их вызвала восторженные крики радости на нашем берегу; противоположное впечатление произвела она на других свидетелей: смотревшие с злорадством на отчаянную борьбу наших смельчаков с потоком мюриды не выдержали своей досады и, сделав несколько выстрелов по нашим пловцам, мгновенно скрылись опять в пещеру. В ту минуту генерал Ракуса и все распоряжавшиеся на переправе были озабочены изысканием средств, чтобы скорее подать помощь двум нашим героям, заброшенным на противоположный берег реки без одежды, без оружия и без продовольствия. Придумано было устроить род корзины или люльки, в которой можно было бы, пользуясь натянутым канатом, перетаскивать людей поодиночке. Счастливая мысль была немедленно приведена в исполнение; опять вызваны охотники, которые один за другим были переправлены по канату на другую сторону реки. Так собралось там в короткое время до 40 человек с двумя офицерами. Небольшая эта команда должна была прежде всего обеспечить себя от неприятного

соседства и выжить скрывавшихся в пещере мюридов. Задача эта была исполнена с полным успехом: обойдя пещеру сверху, наши храбрецы разом вторглись в нее и перебили всех горцев, кроме одного, бросившего оружие и просившего пощады. С нашей стороны ранены трое.

Во весь остальной день (16 июля) продолжалась переправа людей по канату для скорейшего подкрепления заброшенной на правый берег команды, но переправа такого рода шла крайне медленно, а между тем на высотах правого берега собирались толпы неприятельские, строились завалы, даже появились пушки, из которых сделано несколько выстрелов на таком дальнем расстоянии, что снаряды не долетали до нашего берега. Надобно было придумать что-нибудь новое. Подполковником Девелем (дежурным штаб-офицером штаба войск Прикаспийского края) предложен проект — перекинуть через реку веревочный мост. Проект принят, и 17 числа приступлено к плетению моста из всяких веревок и ремней, какие только можно было собрать в войсках. Работа закипела и к 2 часам пополудни была окончена. К тому же времени на обоих берегах устроены из бревен устои, к которым прикреплены оба конца висячего моста. И по этому импровизированному зыбкому мосту переправа производилась не без затруднений; люди перебирались поодиночке, как акробаты. Тем не менее, к рассвету 18 числа на правом берегу у пещеры собралось уже до 8 рот Дагестанского полка, с которыми генерал Ракуса и решился неотлагательно сбить неприятельские толпы с занятых ими на высотах укрепленных позиций. Горцы не выждали атаки и бежали из своих завалов. Таким образом, правый берег Койсу был уже в наших руках, и тогда приступлено к восстановлению Сагритлохского моста, по которому потом переправились остальные войска Дагестанского отряда.

Во все продолжение описанных действий этого отряда потеря наша ограничилась 2 убитыми, 2 утонувшими и 48 ранеными нижними чинами.

Между тем два небольшие отряда генерал-майора Манюкина и генерал-майора Тархан-Моуравова 14 же июля спустились с равнин Северного Дагестана в долину Аварского Койсу к бывшему нашему укреплению Бурундук-Кале, а 15 числа двинулись к Ирганаю, овладели неприятельскою башней, преграждавшею путь в самом узком месте ущелья, и, расположившись между Ирганаем и Зырани, приступили к разработке дороги для вос-

Ф.Д. Девель

становления существовавшего в прежнее время (до 1843 г.) сообщения Северного Дагестана с Аварией.

Описанная переправа Дагестанского отряда может занять место в военной истории в числе замечательных примеров настойчивости и отваги, с которыми приходится войскам преодолевать встречаемые трудности для успешного достижения заданной цели. Переправа эта решила одним ударом исход всей кампании и, следовательно, судьбу Восточного Кавказа. Обрадованный таким известием главнокомандующий поспешил выразить благодарность Дагестанскому отряду приказом 21 июля:

«Войска Дагестанского отряда! Вы храбро заняли переправу на Койсу и тем блистательно исполнили мое желание. Благодарю вас от всего сердца за ваш подвиг»[307].

На другой же день, 22 числа, Чеченский отряд перешел с прежнего лагерного места верст на 10 вперед и расположился на одной из возвышенных террас Андийского хребта, близ третьего горного озерца Аржи-ам, над крутым спуском к аулу Тандо. Ставка главнокомандующего была поставлена над самым обрывом, а за нею разбиты в несколько рядов палатки штаба и свиты. Отсюда открылся великолепный вид на значительную часть долины Андийского Койсу: весь Технуцал с аулами Ансальта, Ботлых, Конхидатль и другими расстилался у наших ног, а за рекой виден был весь Киалял (или Карата). Вдали белелся гребень Снегового хребта. Перед ставкой главнокомандующего установлена зрительная труба, в которую по временам князь Барятинский обозревал страну, куда предстояло нам двинуться, лишь только будут достаточно разработаны спуски к Койсу. С высоты можно было видеть, что неприятельское скопище покинуло сооруженные в долине многочисленные укрепления и совсем очистило страну. С сожалением смотрели мы на пылавшие аулы, из которых жители были выселены насильственно Шамилем. Получено было сведение, что немедленно по переправе Дагестанского отряда через Койсу имам с остававшимися еще верными ему мюридами покинул свою крепость Ичичала, оставив там 11 орудий и значительные запасы всякого рода. Скопище его большею частью разбежалось; местные жители бросились грабить оставленные без защиты склады и личное имущество Шамиля.

В самый день перехода Чеченского отряда на новую позицию авангард наш (3 батальона Кабардинского полка) под начальством генерал-майора барона Николаи спустился к аулу Тандо, покинутому жителями и еще дымившемуся. Я выехал с авангардом для осмотра дороги, по которой предстояло отряду двигаться вперед. Спуск оказался очень крутым и каменистым. Нужно было еще несколько дней для разработки дороги и подвоза продовольствия. Лагерь наш находился на такой значительной высоте, что в самую середину лета мы пользовались свежим, здоровым воздухом; санитарное состояние отряда было превосходное. Зато в некоторые дни, с переменою погоды, приходилось нам зябнуть и терпеть от сильного ветра, доходившего два раза до степени настоящего урагана; немало сорвано было палаток, складной мой столик опрокидывался, и бумаги были залиты чернилами.

Главнокомандующий в своем невольном бездействии поджидал с нервным нетерпением известий о действиях Дагестанского отряда, а также о движении Лезгинского отряда, о котором не было еще никаких сведений. По временам князь Барятинский страдал от подагры, но показывал замечательную силу воли, скрывая свои страдания от окружавших. В промежутки болезненных приступов садился он перед своею ставкою и смотрел вдаль в зрительную трубу. Подагрические его страдания бывали чаще по ночам; случалось не раз, что терпение его не выдерживало слишком уже бесцеремонного разгула веселого кружка праздной молодежи, собиравшегося обыкновенно по вечерам в одной из палаток свиты: больной посылал ординарца угомонить расходившихся ночных гуляк.

Зато какое утешение доставляли главнокомандующему приходившие ежедневно новые благоприятные известия из-за Андийского Койсу. Появление наших войск на правом берегу реки произвело полный переворот во всем Дагестане. Все население этого края, составлявшее доселе самую надежную силу Шамиля, теперь вдруг обратилось против него, спешило сбросить тяготевшее над ним иго. Большая часть прежних скопищ уже отказывалась вступать в бой с русскими, бросала оружие и расходилась по домам. Сам имам в день переправы Дагестанского отряда, прибыв поспешно к Сагритлохскому мосту, совершенно растерялся, увидев русские войска уже на правом берегу; он, по-видимому, недоумевал, на что решиться. Оставшиеся еще в сборе около тысячи мюридов заняли было позицию на Ах-Кентской горе, господствующей над долиною Койсу. Но барон Врангель немедленно после переправы (21 июля) выдвинул авангард генерал-майора Ракусы (4 батальона и 4 сотни конницы), чтобы сбить неприятеля с Ах-Кентской горы. Колонна должна была взбираться под неприятельскими выстрелами на крутизны горных уступов и молодецки достигла подошвы последнего, почти отвесного обрыва самой верхней площадки. Избегая напрасной потери, генерал-майор Ракуса свернул войско вправо в обход занятой горцами позиции. С неимоверными усилиями пехота наша вскарабкалась на крутой обрыв, цепляясь за камни, кусты и, взобравшись на вершину, с криком «ура» кинулась в тыл неприятелю. Горцы не выждали атаки, покинули завалы и разбежались. Молодецкое это дело стоило нам всего 9 ушибленных камнями нижних чинов.

Таким образом, Ах-Кентское плоскогорье было в наших руках. Отсюда открылся нам свободный путь в Аварию и в другие части внутреннего Дагестана. 22 июля Дагестанский отряд расположился лагерем у Ах-Кента; передовые части выдвинуты на высоты Арактау и заняли аул Цатаных, где в прежнее время (до 1843 г.) находилось наше укрепление. Занятие Ах-Кентского и Бетлетского плоскогорий, как будто волшебным жезлом, произвело решительный переворот в населении Дагестана: Авария и Койсубу немедленно покорились. С 23 числа начали ежедневно являться в лагерь Дагестанского отряда депутации от разных аулов. Жители встречали везде русские войска с выражениями радости как избавителей от тяжелого гнета мюридов. Генералы Манюкин и князь Тархан-Моуравов со своими отрядами беспрепятственно заняли главные аулы в долинах Аварского и Кара-Койсу и вошли в непосредственную связь с Дагестанским отрядом. Даже пресловутая крепость Улу-Кала сдалась добровольно и занята нашими войсками.

Барон Врангель, расположив главные свои силы в новопокоренном крае между Андийским и Аварским Койсу, отделил части для охранения своих сообщений: в одну сторону — с Буртунаем, через Сагритлохский мост, Аргуани и вновь устроенный вагенбург на том самом месте, где в 1839 г. было устроено с тою же целью временное укрепление «Удачное»; в другую сторону — с Темир-Хан-Шурой через Зырани и Ишкарты. Новопокорившееся население (не исключая и гумбетовцев, наиболее нам враждебных) охотно помогало доставлением перевозочных средств. Полковнику Лазареву поручено было устроить новое народное управление в Койсубу; относительно же Аварии барон Врангель просил указаний главнокомандующего.

Между тем и в лагерь Чеченского отряда с 23 же числа начали являться разные депутации. Насильственно переселенные Шамилем на правую сторону Андийского Койсу чарбили, андийцы, технуцельцы, желавшие возвратиться на свои родимые места, просили помощи русских войск против угрожавших переселенцам шаек Шамиля. Просьбы эти удовлетворялись по мере возможности. Два дня сряду (25 и 26 июля) генерал Кемпферт с несколькими батальонами и милицией, спустившись к самому руслу Койсу, прикрывал движение целой вереницы горских переселенцев с их семьями, с домашним скарбом и скотом. Угрожавшие им шайки Казы-Магома, завидев издали русские

Всадник Дагестанского конного полка

войска, удалились в глубь страны. 29 июля явилась и депутация гумбетовцев, а 31 — от Ункратля. Покорилась и Карата, резиденция Казы-Магома, один из главных притонов мюридизма: жители его почти выгнали от себя Шамиля. С трудом верилось такому быстрому перевороту: в стране, бывшей еще за несколько дней главною опорой владычества Шамиля, население теперь прибегает к нашей помощи для избавления от гнета имама; там, куда еще недавно не проникали даже сильные отряды, теперь свободно проезжают русские офицеры в одиночку или с несколькими казаками. Из лагеря под Тандо посылаются нарочные в Дагестанский отряд через Карату. Лагери наши кишат горскими выходцами; семьи, скрывавшиеся в горных пещерах, покидают свои временные убежища и с полным доверием поступают под покровительство наших войск. В несколько дней русская власть водворилась во всей стране между Андийским и Аварским Койсу; везде восстановляется подавленное мюридиз-

мом народное самоуправление. Успех превзошел самые оптимистические ожидания.

27 июля с высоты нашего лагеря увидели мы вдали за Андийским Койсу пеструю колонну всадников, спускавшуюся с гор к реке. Главнокомандующий с любопытством следил за этою загадочной колонной в зрительную трубу; нетерпеливо ждали мы разъяснения нашего недоумения. Оказалось, что это Дагестанский конно-иррегулярный полк, присланный бароном Врангелем для открытия сообщения между обоими отрядами через Танус, Сивох и Карату. С этим полком прибыла довольно многочисленная депутация из почетных аварцев. Главнокомандующий принял их благосклонно, выслушал их уверения в искреннем раскаянии за все прошлое и объявил им, что с Высочайшего соизволения восстановляется ханство Аварское с назначением ханом ближайшего родственника прежнего Аварского ханского дома — Ибрагим-хана Мехтулинского[308]; на прощание же даны аварским депутатам подобающие наставления.

В тот же день 27 июля подписан главнокомандующим следующий приказ по армии:

«Сегодня доношу я Государю императору о покорении Его державе Аварии, Койсубу, Гумбета, Салатавии, Андии, Технуцала, Чаберлая и других верхних обществ.

Благодарю войска Дагестанского и Чеченского отрядов, всех, от генерала до солдата, за столь радостную весть для сердца возлюбленного Монарха.

Особенную мою признательность объявляю генерал-адъютанту барону Врангелю и генерал-лейтенанту графу Евдокимову».

В предписании от того же 27 числа на имя барона Врангеля главнокомандующий, высказав одобрение всех его действий и распоряжений, писал:

«Необыкновенно быстрое и решительное исполнение Вашим Превосходительством предначертанного мною общего плана действий превзошло самые смелые ожидания, и я поспешаю вместе с сим довести до Высочайшего сведения Государя императора о блистательных действиях Дагестанского отряда в полной уверенности, что заслуги Ваши и достойных Ваших сподвижников обратят на себя милостивое внимание Его Величества».

В том же предписании барону Врангелю сообщено решение вопроса о будущем устройстве управления в Аварии: «На осно-

вании предварительно и лично испрошенного мною в бытность мою в Петербурге Высочайшего соизволения, разрешаю вам объявить восстановление в Аварии ханства с назначением ханом Аварским флигель-адъютанта Ибрагим-хана Мехтулинского». Относительно же ханства Мехтулинского решение отложено до получения некоторых сведений и соображений от барона Врангеля. Вопрос этот вскоре потом решился назначением ханом Мехтулинским Решид-хана, младшего брата Ибрагим-хана[309].

Замечу, что в этом распоряжении князь Барятинский отступил от своего собственного принципа, не раз им высказанного, относительно постепенного, по мере возможности, упразднения ханских управлений и других туземных властителей с заменою их русскою администрацией. Припомню, что такой взгляд был выражен князем Барятинским в 1857 г. в письме к Евдокимову относительно Кумыкского владения (по случаю смерти старшего князя Кумыкского); на том же основании в следующем 1858 г. прекращено существование ханства Казыкумухского (по смерти Агалар-хана); под влиянием той же идеи введено русское управление в Мингрелии и Абхазии с удалением прежних владетелей: Дадианов и Шервашидзе. Какими соображениями руководствовался князь Барятинский, восстановляя ханство Аварское — затрудняюсь дать положительное объяснение. Прошло уже 16 лет с тех пор, как прежнее ханство Аварское было низвергнуто Шамилем; народ почти уже позабыл о ханском режиме и не сожалел о нем. Несомненно, что аварцы, так же как и другие покорившиеся племена, избавившись от тяжелого ига имама, были бы более довольны переходом под русское управление, чем возвращением под суровую ханскую власть. Последствия не замедлили доставить тому фактическое подтверждение[310].

По первому известию о занятии Дагестанским отрядом Аварского плоскогорья главнокомандующий предписал было барону Врангелю двинуться с большею частью его сил на соединение с Чеченским отрядом через Танус, Сивох и Карату, тем же самым путем, которым прошел 27 числа Дагестанский конно-иррегулярный полк, но с быстрою переменою обстоятельств распоряжение это было отменено, и в упомянутом предписании от 27 числа барону Врангелю сообщено, чтобы он «оставив в Аварии и Койсубу лишь такую часть войск, какую признает там необходимою для упрочения нового порядка и спокойствия, с главною частью отряда *возвратился к Андийскому Койсу, чтобы*

приступить неотлагательно к тем строительным и дорожным работам, которые предположены для прочного устройства новой линии по названной реке, именно: для постройки укрепления около Чирката и открытия прямой колесной дороги как из этого пункта вниз к Ишкартам, так и вверх по Койсу к тому укреплению, которое будет возведено войсками Чеченского отряда около Конхидатля. В заключение сказано: «Я убежден, что с открытием этих работ непокорившееся народонаселение, особенно же гумбетовцы и койсубулинцы*, увидят положительное доказательство твердого намерения нашего прочно и навсегда занять этот край, а через это облегчится и важное дело установления в нем нового порядка управления».

Таким образом, даже и в это время (27 июля) главнокомандующий еще не считал дело конченным: не было еще сведений о самом Шамиле, где он и что предпримет, не знали ничего о движении Лезгинского отряда**. Князь Барятинский ожидал с нетерпением свидания с бароном Врангелем, который отправился в лагерь Чеченского отряда с небольшим конвоем казаков и сборищем всадников из вновь покорившихся племен***.

30 июля с самого утра главнокомандующий поджидал приезда барона Врангеля и чаще обыкновенного подходил к своей зрительной трубе, в которую можно было отлично видеть с высоты лагеря всякого ехавшего по долине всадника за несколько часов до прибытия его в лагерь. Готовясь к свиданию с начальником победоносного Дагестанского отряда, князь Барятинский, видимо, обдумывал предстоящую встречу. О симпатичной личности барона я говорил уже не раз: прекрасная наружность, изящные формы, рыцарское благородство, испытанная личная храбрость, — все располагало в его пользу. Конечно, и князь Барятинский не мог иначе относиться к барону, как с полным уважением и сочувствием, что доказывалось и самым приглашением его на службу на Кавказ, и назначением на один из самых видных постов в крае. При всем этом, однако же, замечалась в

* Об изъявлении ими покорности сведение еще не дошло в то время (27 июля) до главнокомандующего.

** Прилагается особая заметка под литерой «В».

*** В биографии князя А.И. Барятинского сказано, будто бы он был удивлен и даже недоволен приездом барона Врангеля и что «в приеме его заметна была холодность со стороны некоторых высших лиц». Кто же эти «высшие лица»? Ничего подобного я не заметил; приезд барона вовсе не был неожиданностью.

Барон А.Е. Врангель

их взаимных отношениях некоторая натянутость. Князь Барятинский, говоря о бароне Врангеле (конечно, в интимном разговоре), называл его «гвардейским генералом», подтрунивал над его «петербургскими замашками» и потешался ходившими на счет барона россказнями. Говорили, между прочим, что он не выносит жара, который причиняет ему головные боли и нервное раздражение; что поэтому в походе, в жаркое время, он ездит верхом под зонтиком, в оригинальном костюме: в белом бурнусе и красных с галуном генеральских панталонах. «А что если барон в таком костюме явится ко мне? — говорил князь, обсуждая со мною предстоявшую встречу. — Как должен я в таком случае поступить? Ведь нельзя же командующего отрядом, после одержанного успеха, встретить как прапорщика замечанием на счет формы одежды». Я возразил, что подобного предположения нельзя и допустить. Но слова мои не успокоили князя. На беду

погода была в тот день жаркая, даже у нас на высотах; какое же пекло должно быть на дне долины! Уже в середине дня, когда я спокойно занимался в своей палатке, прибегает ординарец с приглашением к главнокомандующему. Застаю его опять у зрительной трубы; еще издали встречает он меня словами: «Посмотрите, посмотрите, Дм[итрий] Ал[ексеевич], ведь опасения мои были не напрасны!» Прикладываю глаз к трубе — и действительно вижу вдали, по дороге со стороны Конхидатля, приближается пестрая колонна всадников со значком или знаменем впереди и в голове ее — сам барон под зонтиком, в том самом фантастическом костюме, о котором ходили слухи: белый бурнус и красные панталоны бросались в глаза с дальнего расстояния. Князь начал еще более волноваться; ходил взад и вперед перед своею ставкой в раздумье. Между тем приближавшаяся колонна с бароном Врангелем во главе скрылась из вида, подойдя к подошве горы, на которой раскинут наш лагерь. Чтобы подняться затем на гору по крутой извилистой дороге нужно было несколько часов, но прошло гораздо более времени, чем было действительно нужно, — а барон все еще не появлялся. Князь Барятинский, потеряв терпение, посылает адъютанта узнать, что задержало гостя. Адъютант возвращается с докладом, что командующий войсками остановился на пути у одной пещеры, чтобы там переодеться. У князя отлегло от сердца; волнения его оказались напрасными. Вскоре появился и сам барон, в парадной генеральской форме, совершенно en règle*.

Главнокомандующий принял приехавшего гостя в присутствии графа Евдокимова, меня и части свиты. Встреча была вполне дружественная. Обменявшись несколькими приветствиями, князь Барятинский предложил барону зайти в приготовленную для него палатку, чтобы сбросить с себя парадную форму. Барон Врангель провел большую часть остававшегося дня у главнокомандующего, глаз на глаз, переночевал в своей палатке, а на другой день рано утром уехал обратно к своему отряду.

После того простояли мы еще три дня в том же лагере у Тандо в ожидании окончания разработки дороги. 3 августа главнокомандующий сделал поездку в долину Койсу в сопровождении графа Евдокимова, меня и многочисленной свиты. Возвратились в лагерь уже поздно, порядочно утомленные. Князь Ба-

* по правилам (*фр.*).

И.Д. Тархан-Моуравов

рятинский, так недавно еще страдавший подагрой, удивлял нас своею выносливостью. В этот день получены наконец положительные сведения о Шамиле: после появления своего в Карате он убедился, что во всей стране между Андийским и Аварским Койсу ему нельзя не только рассчитывать на поддержку населения, но даже найти безопасное убежище. Он решился покинуть этот край и броситься в Андалял, где у него оставалось еще приготовленное заранее надежное убежище — на Гунибе. Эта гора возвышается над левым берегом Кара-Койсу в виде острова, замкнутого со всех сторон почти отвесными окраинами, и считалась между горцами совершенно недоступною твердыней. Здесь Шамиль решился запереться со своею семьей и немногими остававшимися верными ему приверженцами в надежде удержаться здесь хотя до зимы. Шамиль все еще не упал духом:

полагаясь на недоступность своего убежища, он рассчитывал, что войскам нашим не будет возможно оставаться в горах в зимнее время, а с удалением их ему удастся, быть может, повернуть все дело, снова подняв горское население против русских.

Однако ж надежды старого имама оказались напрасными. И в Андаляле у подошв Гуниба население изменило ему, оно ожидало с нетерпением прибытия наших войск. Один из первоначальных ревнителей мюридизма — Кибит-Магома, кадий Тилитлийский, пользовавшийся большим влиянием в крае, враждуя давно с Шамилем, первый поднял восстание против него в той части гор. Он уговорил тилитлийцев и другие соседние аулы андалялские отправить депутацию к барону Врангелю. По данному этим последним приказанию, генерал-майор князь Тархан-Моуравов с Турчидагским отрядом немедленно двинулся в Андалял. В одном из главных аулов — Чохе, сильно укрепленном, жители выгнали мюридов и открыли ворота русским войскам. Шамилю едва удалось с небольшим числом мюридов пробраться в Гуниб. На пути в двух местах жители напали на его обоз и разграбили часть его имущества.

В то же время и Даниель-бек решился наконец выступить открыто на сцену и выполнить то, о чем так давно уже вел втайне переговоры, т. е. передаться на нашу сторону. Главнокомандующий получил от него письмо, в котором он оправдывался в прежней своей измене, будто бы вызванной несправедливостью к нему бывших в то время начальников, и просил великодушного прощения. Ему дано было знать от имени главнокомандующего, что он может вполне положиться на великодушие русского императора и что наместник давно уже ожидает принесения им покорности. 30 июля в лагерь Турчидагского отряда князя Тархан-Моуравова явился сын Даниель-бека Мирза-бек с несколькими почетными лицами. Они были присланы Даниель-беком с изъявлением покорности и просьбою придвинуть наши войска к Дусреку, чтобы принять находившиеся там и в Ирибе шамилевы орудия и запасы. 1 августа князь Тархан-Моуравов с 2 батальонами, 4 сотнями милиции и 2 орудиями выступил к Дусреку. На пути встретил его сам Даниель-бек. Лично заявил он князю Тархан-Моуравову, что приносит покорность русскому Государю, передает русским властям укрепления и все военное имущество и едет к главнокомандующему. 2 августа Даниель-бек сдал и самую крепость Ириб капитану Ширванского

Князь Л.И. Меликов

полка Абазову. В Ирибе и Дусреке принято 7 орудий, несколько нарезных ружей, порядочное количество пороха, зарядов и других военных запасов.

Только теперь, по получении этих важных сведений, а также известий от князя Меликова о приближении Лезгинского отряда с верховий Андийского Койсу, решен был план дальнейшего движения: положено Чеченскому отряду приступить к постройке укрепления близ Конхидатля с обеспеченною переправой через Андийское Койсу; Дагестанскому же отряду, подкрепленному несколькими батальонами Кавказской гренадерской дивизии из состава Чеченского отряда быстро двинуться в Андалял и обложить Гуниб, чтобы не выпустить Шамиля из последнего его убежища. Сам главнокомандующий решил переехать к Дагестанскому отряду, чтобы лично доконать врага и завершить кампанию. Графу Евдокимову предложено было князем Барятинским

сопровождать его в предстоявшем пути и быть свидетелем окончательного результата подвигов, совершенных войсками Левого крыла в последние годы войны. Начальство же Чеченским отрядом в отсутствие графа Евдокимова должен был принять генерал Кемпферт.

4 августа лагерь Чеченского отряда перенесен с высот в долину Койсу, близ разоренного аула Ботлых; туда же спустился и сам главнокомандующий. Часть войск переведена на правый берег Койсу, повыше аула Конхидатль, где было выбрано место для постройки укрепления и моста. 5 августа был день знаменательный: командующий Лезгинским отрядом генерал князь Меликов, опередив свою колонну, с одною конницей прибыл в наш лагерь. С большою радостью принял его главнокомандующий; и как не радоваться? — все три отряда, направленные с разных сторон в глубь Дагестана, вошли теперь в непосредственную связь между собою, сошлись в назначенном пункте с такою точностью, на какую нельзя было рассчитывать. Надобно сознаться, что план этого концентрического движения был довольно рискованный: сколько случайностей и неожиданных затруднений могло замедлить или совсем остановить которую-либо из трех колонн. В особенности можно было опасаться за Лезгинский отряд, который должен был пройти через страну почти неведомую, дикую, суровую, куда никогда еще не ступала русская нога; путь пролегал по страшным ущельям, сквозь два снеговые хребта. Это движение было одно из самых замечательных в истории Кавказской войны.

Князь Меликов стянул свой отряд в первых числах июля на перевале Пахалис-Тави (впереди Кварели). У него было 6 батальонов, 18 стрелковых рот, $1^1/_2$ сотни донских казаков и 14 сотен пешей и конной милиции при 8 орудиях. В составе милиции были не только грузины и осетины, но даже дидойцы и анцухо-капучинцы из числа выселенных в последние два года из гор на равнины Кахетии. Отдельный отряд генерал-майора Челокаева из 2 батальонов, 5 сотен милиции с 4 горными орудиями, собран в Тушетии и направлен от аула Дикло в долину Тушинской, или Дагестанской, Алазани к селению Хушети, изъявившему покорность незадолго перед тем. Предполагалось, что колонна Челокаева при содействии хушетского населения движением своим по означенной долине к Сотлю на Андийском Койсу откроет главным силам Лезгинского отряда путь через

*Аул.
Лезгинская линия.
Рис. Т. Горшельта*

трудное ущелье, которым эта река прорывается сквозь Богозский снеговой хребет. С другой стороны из крепости Новые Закаталы направлена колонна полковника князя Шаликова (3 батальона, 6 рот стрелков, 2 сотни милиции при 4 орудиях) через Месельдигер в верховья Аварского Койсу, чтобы отвлечь от содействия дидойцам верхние общества анкрательские и капучинские.

5 июля князь Меликов перевалил через Главный (Водораздельный) хребет и пустился в Дидо. Это, как уже сказано, горная котловина, в которой находятся истоки Андийского Койсу. Устроив склад запасов на горе Барштави и разработав дорогу, 16 числа двинулся вдоль хребта Мичитль к верховьям долины Иланхеви, в которой гнездились самые непокорные аулы. Некоторые из дидойских селений (Цибаро, Ицирахо, Ретло, Кемеши, Чалиахо — в северо-западной части котловины) прислали депутации с изъявлением покорности. Население же Иланхеви и другой соседней долины Рехюк-Ор приготовилось к обороне

Князь А.Г. Туманов

своих аулов, отправив свои семьи и имущество в неприступное ущелье за селением Шаури.

Заняв вершину горы Бешо, разделяющей две названные долины, князь Меликов спустился 20 июля несколькими колоннами в долину Иланхеви, прямо к аулу Китури — тому самому, при штурме которого в прошлом году убит барон Вревский. На этот раз горцы не защищали селения, а приготовили оборону в других, соседних. Но князь Меликов, предав Китури совершенному разорению, не пошел далее, а стянул свои колонны обратно на гору Бешо, чтобы разгромить аулы другой долины, где горцы не ожидали его. Войска наши вместе с милицией прошли беспрепятственно по всей долине и 22 числа подступили к аулу Шаури. Нападение было так неожиданно для горцев, что они едва успели перебежать из занятых ими селений иланхевских к угрожаемому пункту, который прикрывал вход в ущелье, где ук-

рывались семейства с имуществом и скотом. Войска наши быстро ворвались в аул Шаури и выбили горцев из завалов, устроенных на высотах, позади селения.

В ту же ночь партия горцев произвела нападение на вагенбург, оставленный на горе Бешо, под начальством полковника князя Туманова, нападение было успешно отражено. Между тем обе долины осветились заревом пожаров: все аулы и хлеба на полях были истреблены.

Что же касается колонны князя Челокаева, направленной из Тушетии к селению Хушети, то движение ее в этом направлении оказалось совсем невозможным: князь Челокаев донес, что разработка дороги для прохода войск с орудиями и вьюками потребовала бы слишком больших средств и много времени. Князь Меликов вынужден был отказаться от предполагавшегося движения со стороны Тушетии и приказал Челокаеву перейти в Дидо, на соединение с главным отрядом. Проходя долиною Сабекенис-Хеви, Челокаев разорил все лежавшие по пути непокорные аулы и к 27 июля присоединился к главному отряду.

Таким образом, в течение одной недели почти все дидойские аулы, за исключением пяти или шести, изъявивших покорность, были истреблены с находившимися в них запасами и хлебами на полях. Князь Меликов довершил в этом злополучном крае то, чего не успел закончить в два предшествовавшие года покойный барон Вревский. Беспощадный этот разгром дидойцев стоил нам всего 7 раненых и контуженых нижних чинов. Цель была достигнута: дидойцы наконец покорились. 25 июля явился к князю Меликову сам наиб Дидойский Лабазан с депутацией от нескольких аулов. Судьба, постигшая дидойцев, послужила уроком для соседних с ними обществ верхнего Дагестана. 26 числа явились также с покорностью депутации от Кварши и Богоса (или Тиндаля), обитающих по северному скату Богосского снегового хребта.

Движение колонны полковника князя Шаликова к истокам Аварского Койсу также имело полный успех. Партия лезгин, приготовившаяся к обороне завалов на Месельдигере, обойденная и взятая в тыл, отступила без боя. Почти все общества Анкратля, по примеру соседей, и не помышляли о сопротивлении, а ждали прибытия русских войск, чтобы встретить их изъявлением покорности. Лишь только Шаликов, перевалив 28 числа через Водораздельный хребет, спустился в долину речки Джуршут-Чай

Генеральная карта Кавказского края.
Издана при Военном сборнике. 1858 г.
Фрагмент.

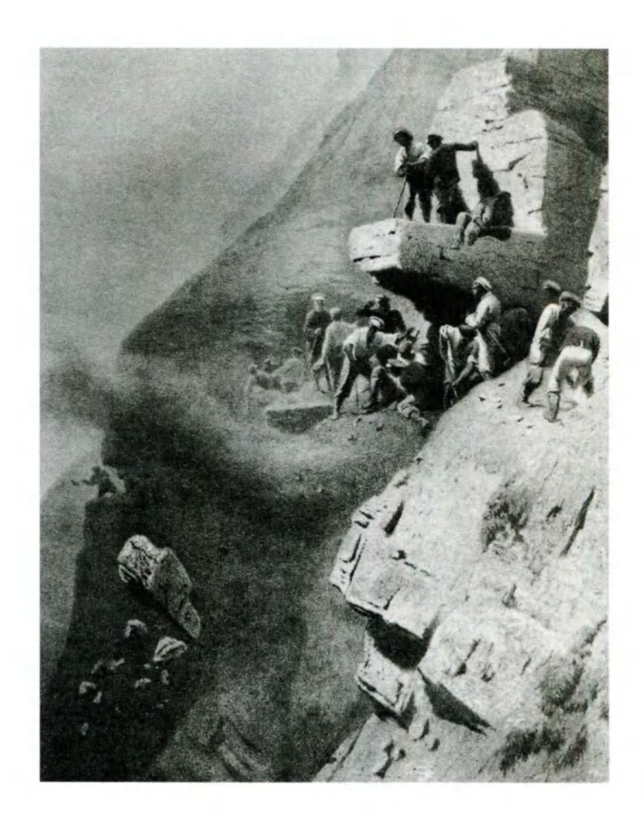
(один из истоков Аварского Койсу), начали являться к нему депутации с наибами во главе. По требованию князя Шаликова выдавались ему заложники, русские пленные и беглые, орудия и военные запасы, какие в этом крае имелись.

Покорность верхних обществ открыла князю Меликову возможность предпринять дальнейшее движение по долине Андийского Койсу. Но для этого предстояло следовать по стране, совершенно неизвестной, остававшейся на картах в виде обшир-

А.В. Комаров

ного пробела. Известно было только из показаний туземцев, что ущелье, которым Койсу прорывается через Богосский хребет, чрезвычайно суровое, стесненное почти отвесными скалами, тянется верст на 50 до самого Технуцала, что вдоль этого ущелья существующая тропа переходит несколько раз с одной стороны реки на другую по зыбким, висячим мостикам, перекинутым со скалы на скалу, часто на огромной высоте над потоком. Князь Меликов счел слишком рискованным вести по такому пути отряд с артиллерией и вьючным обозом, он предпочел обойти ущелье, поднявшись на перевал через Богосский хребет по тропе, ведущей от верховий Иланхеви в Кварши. Путь этот также чрезвычайно трудный, но менее рискованный и поддающийся некоторой разработке.

1 августа произведена рекогносцировка части этого пути подполковником Комаровым (исправлявшим должность отрядного



Устройство военных дорог в Дагестане. Рис. Т. Горшельта

обер-квартирмейстера), и приступлено к разработке дороги. Для этого выдвинут 2 числа передовой эшелон под начальством генерал-майора Корганова. Сам же князь Меликов решился выехать вперед с одной конницей (1 эскадрон драгун и 8 сотен милиции). На подъеме из долины Иланхеви на Богосский хребет встретили его наибы Тиндальский и Кваршинский с почетными лицами и заложниками. Князю Меликову пришлось проложить себе путь по чрезвычайно трудной и небезопасной тропе. Были места, где нельзя было иначе провести лошадей в поводу, как сняв с них седла, которые переносились людьми на руках. Разработка же дороги для прохода отряда продолжалась несколько дней; нужно было рвать скалы порохом, а на самом перевале разгребать снег.

Появление князя Меликова 5 августа в лагере под Ботлыхом, как уже сказано, было истинным торжеством. Конвой его проходил перед главнокомандующим с восторженными криками

«ура», с такими же криками встречали прибывших гостей войска Чеченского отряда; вечер прошел в шумных ликованиях. На другой день 6 августа отдан главнокомандующим следующий приказ:

«В бессмертном подвиге покорения Восточного Кавказа самая тяжелая доля трудов предстояла вам, неутомимые войска Лезгинского отряда. Вы совершили с самоотвержением предначертания мои и превзошли мои ожидания. Примите, братцы, мое душевное спасибо. Благодарю искренне достойного предводителя вашего, генерал-майора князя Меликова, всех генералов и офицеров».

В тот же день, 6 августа, происходила с торжеством закладка нового укрепления на правом берегу Койсу; ему дано наименование «Преображенское». 7 числа прибыл в лагерь Даниель-бек: бывший султан Элисуйский представился наместнику в самой скромной одежде (в черной чухе), с видом смущенным, с поникшею головой и повинился в своей безрассудной измене. Князь Барятинский, именем Государя, объявил Даниель-беку прощение, выразив уверенность, что он постарается отныне своею преданностью загладить прошлое; обещано было и обеспечение в средствах жизни. Даниель-бек вышел из палатки князя Барятинского глубоко тронутый великодушием Монарха и наместника. Побывал он у графа Евдокимова и у меня и выражал нам свои чувства признательности.

Заметка «Б»

Как ни желал бы я избегнуть полемики с биографом князя А.И. Барятинского г. Зиссерманом, я вынужден, однако же, опровергнуть еще одно место его книги.

Он рассказывает пространно (Т. II. С. 223—229), как прислан был главнокомандующим к барону Врангелю капитан Фадеев с словесным приказанием относительно пункта переправы Дагестанского отряда через Андийское Койсу и дальнейших действий его, в противоположном смысле тому, что указывалось письменно в официальном предписании и даже в собственноручном письме князя Барятинского, как барон Врангель был поставлен в затруднение этим противоречием и колебался в своем решении, как Фадеев с помощью начальника штаба генерал-майора князя Святополк-Мирского наконец убедил командующего войсками последовать привезенному словесному при-

казанию, т. е. переправиться во что бы ни стало у Сагрытло и подняться прямо на Ах-Кентскую (или Бетлетскую) гору, вместо того чтобы, согласно предписаниям, обратиться к Чиркату и заняться устройством дороги к Ишкартам. Для объяснения такого странного образа действий князя Барятинского, отменяющего свое же предписание словесным приказанием через ординарца*, автор прибегает к толкованию совсем уже неправдоподобному: будто бы главнокомандующий счел нужным сделать свое распоряжение секретно от графа Евдокимова и от меня потому, что мы оба не разделяли взгляда князя Барятинского и настаивали на том, чтобы в кампанию 1859 г. ограничиться занятием лишь левой стороны Андийского Койсу, отложив дальнейшее наступление в глубь Дагестана до следующего года.

Хотя г. Зиссерман в рассказе об этом эпизоде ссылается на самого барона Врангеля и на князя Мирского, однако ж я должен положительно заявить, что тут очень мало правды и очень много фантазии. Весьма быть может, что в критическую минуту, когда мягкий и осторожный барон Врангель колебался, увидев чрезвычайные затруднения для устройства переправы у Сагрытло, капитан Фадеев, зная из полученных лично от главнокомандующего наставлений, как важно было скорейшее исполнение Дагестанским отрядом возложенной на него задачи, успел с поддержкою начальника штаба повлиять на барона Врангеля, убедив его в неотложной необходимости переправы и занятия правого берега реки, чем и оказал, конечно, услугу, засвидетельствованную самим бароном Врангелем в его донесении, наряду с отличиями, оказанными другими лицами, как, например, подполковником Девелем, изобретателем висячего моста. В этом факте не заключается ничего, что давало бы повод к предположению о каком-то секретном приказании, будто бы противоположном официальным предписаниям и письмам. Хотя в общем плане экспедиции, так же как и в позднейших предписаниях, указывались два пункта переправы: Чиркат и Сагрытло, хотя и говорилось о предстоящих *работах* для утверждения нашего в долине Андийского Койсу и, между прочим, об открытии сообщения с Ишкартам и Темир-Хан-Шурой, однако же ближайшею, первою задачей Дагестанского отряда ставились все-таки

* Капитан Фадеев не был даже адъютантом главнокомандующего, как называет его автор книги.

переправа через Койсу и немедленное открытие связи с Чеченским отрядом, для чего необходимо было, как само собою подразумевалось, очищение от неприятеля высот правого берега реки. Какая же была надобность главнокомандующему прибегать к передаче через ординарца других словесных, секретных приказаний? Стараясь мотивировать приписываемый князю Барятинскому образ действий, автор биографии не замечает, что своим толкованием унижает его. Как допустить, что такой самостоятельный, полномочный и притом благородный характером главнокомандующий, даже и решившись поступить наперекор мнению своих ближайших помощников, стал бы действовать тайком от них, втихомолку подписывать официальные бумаги и письма в одном смысле, а негласно посылать противоположные приказания? Опытный военачальник знает, какие беды могут последовать от подобных двойственных распоряжений. Затем, возможно ли, чтобы князь Барятинский решился, так сказать, морочить графа Евдокимова, который был главным вожаком всей кампании, и начальника Главного штаба, в руках которого сосредоточивались все распоряжения по довольствию отрядов и взаимной связи их действий? Правдоподобно ли, что оба они не ведали настоящего положения дел и оставались при первоначальном предположении ограничить кампанию на этот год занятием только левого берега Койсу? Ведь все сведения из гор шли через руки графа Евдокимова; им лично велись тайные сношения с Даниель-беком, никто ближе его не следил за переворотом, совершившимся в умах горского населения со времени занятия Аргунского ущелья и разгрома Веденя.

Неправдоподобность и тенденциозность приведенного рассказа — очевидны.

Заметка «В»

Биограф князя А.И. Барятинского указывает и на предписание, данное барону Врангелю 27 июля, как на доказательство, что, даже спустя неделю после переправы Дагестанского отряда через Койсу, главнокомандующий все еще продолжал скрывать от своего начальника штаба «сущность своих распоряжений, не желая, без сомнения (?), затронуть его самолюбие».

Какое нелепое предположение! Что главнокомандующий в течение нескольких недель разыгрывал комедию перед своим начальником штаба, *подписывая* ежедневно бумаги, заведомо

противоречащие действительным его намерениям! Это было бы что-то вроде тех легких театральных пьес, в которых действие с начала до конца вертится на каком-нибудь секрете или случайном недоразумении. Приведенный документ не только не подтверждает фантастической гипотезы г. Зиссермана, но, напротив того, доказывает, что даже 27 июля сам главнокомандующий не мог предвидеть, как быстро пойдет дело покорения края. Ход событий опережал самые смелые расчеты. С трудом верилось тому, что действительно совершалось, — и в этом отношении князь Барятинский не составлял исключения. Смешно приписывать ему сверх всех действительных, замечательных его свойств и дарований еще какой-то сверхъестественный дар предвидения, какой предполагает в нем автор биографии, рассказывая простодушно, например, как в бытность свою в Петербурге в мае месяце князь Барятинский испросил у Государя разрешение прислать в Петербург пленного Шамиля, притом с адъютантом Тромповским, дабы дать случай этому последнему быть произведенным в генерал-майоры. Этого мало: рассказывается, что проездом через Москву князь Барятинский будто бы заказал там нарочно карету (дормез) для путешествия будущего пленника. Что за нелепые сказки?*

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРОЕЗД ПО ДАГЕСТАНУ (АВГУСТ 1859 ГОДА)**

Положение дел в центре Дагестана приняло такой оборот, что почти не оставалось более непокорного населения, кроме немногих отдельных притонов отчаянных фанатиков и качагов (разбойников), с которыми уже нетрудно было справиться мест-

---

* Далее в автографе сохранилось начало «заметки "Г"»:
«Еще должен я сделать возражения автору биографии князя А.И. Барятинского. По его показанию, «окружавшие» главнокомандующего, опасаясь продолжительной осады, убеждали его уехать из отряда, не ожидая развязки. При этом приводится подробный рассказ князя Дм[итрия] Ив[ановича] Святополк-Мирского о том, как он на вопрос князя Барятинского отсоветовал ему уехать из отряда. Быть может, и происходил в самом деле подобный разговор между князем Барятинским и князем Мирским, но кто именно из окружавших главнокомандующего подразумевается в рассказе — мне неизвестно» (*примеч. публ.*).

** В автографе другой вариант заголовка: «Торжественный проезд главнокомандующего по Дагестану (8—18 августа 1859 г.)» (*примеч. публ.*).

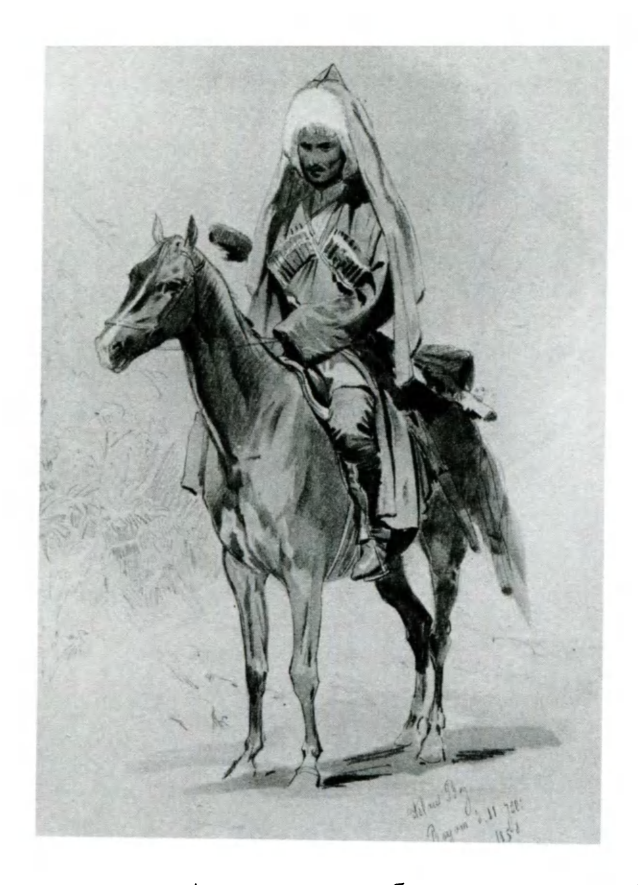
ными средствами, с помощью туземных милиций. Поэтому решено было: князю Меликову с Лезгинским отрядом возвратиться в верховья Андийского Койсу, откуда перейти в верховья Аварского Койсу для окончательного утверждения порядка и введения управления в обществах Анкратля и Капучи. Главнокомандующего озабочивало только одно опасение, чтобы Шамиль не скрылся где-нибудь в горах по примеру 1839 г., по взятии нами Ахульго[311], или не бежал за границу. Обещана была награда в 10 тыс. рублей тому, что поймает бывшего имама и приведет его живым. Князь Барятинский уже помышлял о скором возвращении в Тифлис. Предполагая прибыть туда к 30 августа, он сделал уже распоряжение относительно торжественной его встречи*.

8 августа главнокомандующий предпринял поездку в Карату, отстоящую около 22 верст от лагеря при Конхидатле. Распростившись с командующим войсками Лезгинской линии, князь Барятинский отправился в путь верхом, с многочисленною свитой и конным конвоем. Со дна долины Койсу дорога поднимается все в гору; возвышенность местности умеряла дневной жар. Только за пять дней назад каратинцы, прогнав Шамиля и мюридов, изъявили покорность, выдали аманатов и покинутые здесь Шамилем 5 пушек; теперь же они встречают русского главнокомандующего с выражениями радости, криками «ура»; бегут за ним толпой, машут папахами; с плоских крыш саклей приветствуют его женщины. Князь Барятинский ласково обошелся со старшинами и почетными стариками, осмотрел часть аула, посетил могилу Джемалэддина, и в тот же день к вечеру возвратились мы в лагерь.

Следующий день, 9 число, прошел в приготовлениях к отъезду из Чеченского отряда; заканчивались распоряжения, отправлялись курьеры, а 10 августа поднялись мы рано утром в путь, конечно, верхом, с одним вьючным обозом. Конвой состоял из дивизиона нижегородских драгун, сотни казаков и конной милиции, состоявшей из аварцев и койсубулинцев, только что покорившихся. Как уже сказано, главнокомандующего сопровождал и граф Евдокимов. Путь нам предстоял по долине Андийского Койсу, стесненной на большей части своего протяжения

* Вот еще подтверждение сказанного мною в опровержение басни о мнимом предвидении пленения Шамиля.

крутыми, обрывистыми берегами и скалами. Местами при впадении боковых долин на каждом сколько-нибудь доступном уступе гор открываются живописные аулы, окруженные прекрасными фруктовыми садами и виноградниками. В первый день проехали мы мимо аулов Конхидатля, Моны, Ортоколо до Тлоха, где назначен был ночлег. Так же как в Карате, население Тлоха высыпало навстречу главнокомандующему, приветствовало его криками и знаками радости. На следующий день, 11 числа, продолжали путь все по течению Койсу, по весьма трудной тропе, мимо аула Инху к Игали. Здесь главнокомандующего встретил начальник штаба Прикаспийского края князь Святополк-Мирский с отрядом из одного батальона и дивизиона драгун. И здесь жители сочувственно приветствовали князя Барятинского. От Игали долина Койсу становится несколько открытее, но до самой реки горы спускаются с обеих сторон крутыми уступами. Отдохнув в Игали, проехали далее к Сагрытлохскому мосту, который осматривали с большим любопытством. По мере приближения к местам, знакомым мне по экспедиции 1839 г., все возрастали во мне любопытство и живые впечатления. С невольным трепетом всматривался я в ту местность, на которой отряд генерала Граббе простоял около 11 недель под выстрелами из Ахульго. Здесь каждый овраг, каждая скала напоминала мне кровавые эпизоды этой экспедиции. Уже под вечер, проехав в виду Чирката и поднявшись на высоты правого берега Койсу, достигли мы Ашильты, где и расположились на ночлег, почти на том же месте, где двадцать лет назад стояли палатки генерала Граббе и его штаба. Прежде чем сойти с седла, князь Барятинский остановился на возвышении, с которого можно было окинуть взглядом оба недоступные утеса Ахульго («старого» и «нового»), с выдающимся на вершине крутой горы передовым укреплением — «Сурхаевой башней». В числе сопровождавших главнокомандующего оказался я единственным участником достопамятной, хотя и бесплодной, осады; один я мог объяснить на месте все перипетии продолжительной борьбы и нескольких дорого нам стоивших штурмов. Князь Барятинский и окружавшие его лица слушали мои объяснения с большим любопытством, всматриваясь в причудливые очертания этой исковерканной горной местности. Для меня лично интересно было видеть, насколько эта местность изменилась в протекшее двадцатилетие. В памяти моей оставался печальный вид разрушенного больше-



Аслан-бек, казак конвоя наместника. Рис. Т. Горшельта

го селения Ашильты, вырубленных до корней окружавших его обширных фруктовых садов, уничтоженных виноградников, а впереди, к стороне неприятельского притона, помнились мне места наших батарей и траншей. Теперь увидел я с удовольствием на прежних оголенных террасах нашего бывшего лагеря разросшиеся снова роскошные сады; самое селение, хотя опустошенное, покинутое жителями, видимо, восстановлено. Мне было приятно думать, что могущественная сила времени и труда человеческого сглаживает печальные следы войны.

Темная южная ночь застигла нас в садах ашильтинских. В ожидании наших вьюков пришлось расположиться кое-как биваком. Вьючный наш обоз растянулся по всему пройденному трудному пути; несколько вьюков оборвалось в кручи; хвост доплелся до Ашильты только к рассвету. Главнокомандую-

щий признал необходимым остаться 12 числа на дневке в Ашильте.

13 числа* продолжали мы нашу мирную поездку в самое средоточие общества Койсубу — в Унцукуль и Гимры. В продолжение осады Ахульго в 1839 г. случалось мне не раз проезжать этим путем, первоначально для рекогносцировки его, а потом для разработки дороги, по которой отряд генерала Граббе по взятии Ахульго выбрался из гор на Тарковскую равнину. Унцукуль и Гимры — обширные селения, расположенные амфитеатром на крутых, каменистых берегах Аварского Койсу; роскошные сады их спускаются террасами до самой реки. Путь от Унцукуля по левому берегу до моста близ Гимров остался такой же трудный, как и 20 лет назад; в иных местах узкая дорога прерывается отвесными скалами, вдоль которых устроен на брусьях деревянный непрочный помост, висящий над бешеным потоком. В обоих названных селениях толпы жителей в тесных улицах встретили главнокомандующего шумными приветствиями.

Конвоировавший нас дивизион нижегородских драгун отправлен из Гимров по кратчайшей дороге на Шамхальскую плоскость в штаб-квартиру полка Чир-Юрт. В дальнейшем пути конвой главнокомандующего состоял уже исключительно из туземной милиции. Нам, помнившим Нагорный Дагестан в старое время, не верилось такой метаморфозе. Там, где еще так недавно властвовал Шамиль, куда могли проникать только сильные отряды, теперь главнокомандующий со свитою своей спокойно разъезжает под охраною кого же? Тех же койсубулинцев и аварцев, которые были до сих пор заклятыми нашими врагами!

Отдохнув в Гимрах, в сакле старшины, мы возвратились тем же путем, через Унцукуль и поднялись на Бетлетскую гору к Ахкенту, а 14 числа продолжали путь через Цатаных на высоты Арактау и далее до Тануса. Проезжая по всему этому краю, князь Барятинский и все мы, за ним следовавшие, только дивились и радовались чудесному превращению; все, происходившее на глазах наших, казалось нам как будто сновидением, чародейством: по всему пути торжественные встречи, приветственные крики, выражения радости! Наместник шествовал, как триумфатор; ехавший за ним чиновник Булатов (исполнявший обязанности походного казначея) вынимал из своей кожаной сумки

* В автографе: «августа» (*примеч. публ.*).

Солдаты Кавказской армии. Нижегородский драгунский полк.

пригоршни монет, серебряных и золотых, рассыпал их направо и налево; дети и женщины бросались подбирать их*. Женщины не прятались и с открытыми лицами смело подходили к нам. Погода во все время благоприятствовала; зной умерялся на высоких плоскогорьях Аварии; все мы чувствовали себя здоровыми, бодрыми, веселыми — за исключением самого князя Барятинского, которого во все время продолжала мучить подагра. Только сильные приемы ядовитого colchicum придавали ему силы, чтобы выдерживать по целым дням езду верхом и чтобы не обнаружить ни одним невольным движением одолевающих его страданий.

* Золотая монета была неизвестна у горцев; поэтому случалось, что подобравший червонец или полуимпериал с досадою бросал монету, придавая большую цену рублевой или мелкой серебряной монете.

В лагере под Танусом представились главнокомандующему еще некоторые из бывших наибов шамилевых, а также из бывших знаменитых вожаков хищнических набегов. Все они теперь повергали свою судьбу великодушию падишаха; им объявлялось прощение и давались подобающие наставления на будущее время. В это время уже положительно выяснилось, что Шамиль укрылся в Гунибе с намерением защищаться там до последней крайности. Такому решению его могли мы только радоваться: Шамиль, прикованный к Гунибу, сам отдавался в наши руки; зато с другой стороны, ставилась нам непременная задача: во что бы ни стало не выпустить его оттуда, так или иначе овладеть Гунибом, а какие для того потребуются меры и сколько времени — предсказать заранее было невозможно. Во всяком случае несбыточность предположения князя Барятинского о возвращении в Тифлис к 30 августа стала очевидна, и сам он уже на это не рассчитывал. Однако ж все еще не хотелось ему признаться в ошибочности его расчета, и потому данные им приказания относительно торжественной встречи оставались некоторое время без отмены.

15 августа спустились мы с высоты Тануса к Хунзаху, столице ханов Аварских. И здесь все население вышло навстречу главнокомандующему с изъявлениями радости, с криками «ура». Старшины поднесли адрес, в котором выражали с восточным многоречием свою признательность Монарху за восстановление ханства Аварского в лице сына прежнего «достославного» Ахмет-хана, много лет державшего твердою рукой бразды правления в Хунзахе. Искренни ли были эти заявления — в этом можно сильно усомниться.

16 числа двинулись мы далее: спустились в долину Аварского Койсу, к Холотлю. В этот день князь Барятинский едва сидел верхом от подагрических болей, и несмотря на то, выдержал свою роль безукоризненно, ласково кивая головой встречавшим его с восторженными криками толпам народа, отвечая благосклонно на приветствия старшин. В Холотле было многолюдное стечение жителей многих окрестных селений, оживленная встреча, шумные приветствия. Князь Барятинский сошел с коня и расположился отдохнуть под развесистым деревом. Тут представился ему знаменитый кадий Тилитлийский Кибит-Магома — бодрый еще старик, пользовавшийся во всей стране большим почетом. Давно уже враждовал он с Шамилем. Припомнил я, что ровно 20 лет назад (также в августе 1839 г.) он предлагал

Гуниб-Даг. Рис. В. Тимма

генералу Граббе свои услуги — посредничество в переговорах с Шамилем в Ахульго. Приехал он теперь навстречу главнокомандующему верхом из Тилитля с несколькими почетными стариками и конным конвоем. Князь Барятинский приветливо принял старика и вместе с ним выехал из Холотля. Переехав через Койсу по зыбкому горскому мосту, главнокомандующий был встречен салютационной пальбой выстроившихся перед мостом всадников Тилитлийского конвоя Кибит-Магомы. Дав залп, эти всадники быстро проскакали вперед по дороге и составили авангард нашей колонны.

После довольно продолжительного подъема на гору прибыли мы в Тилитль. Здесь встреча была еще шумнее и, по-видимому, радушнее, чем где-либо: толпы народа и в улицах и на крышах кричали, махали шапками. Кибит-Магома, пригласив главнокомандующего в свою саклю, приготовил обильное угощение фруктами и разными национальными яствами. После довольно продолжительного отдыха, выехали мы из селения за несколько верст, где приготовлен был ночлег в палатках. Кибит-Магома опять проводил главнокомандующего до места ночлега.

На другой день, 17 числа, проехали мы вдоль гребня горного кряжа к Ругдже. На всем пути нашем, с левой стороны, высился

Гуниб с его известковыми, почти отвесными краями. Гора своими очертаниями резко выделяется из общего рельефа местности и по своей форме прозвана «чемодан-гора». Аул Ругджа лежит почти у самого подножья горы с южной стороны. Здесь встреча такая же, как и в других больших аулах. У самого селения нашли мы роту Самурского полка, входившую в состав войск, блокировавших Гуниб.

Переночевав в Ругдже, на следующий день, 18 числа, спустились мы оттуда в долину Кара-Койсу, переправились по мосту и вдоль южного ската Турчи-Дача поднялись к Чоху — пункту, довольно известному в хронике Кавказской войны[312]. Как уже упомянуто мною, Чох был сдан самими жителями с его укреплениями, вооружением и запасами. Главнокомандующий въехал в укрепленный аул при салюте нашей артиллерии. И здесь была сочувственная встреча. К вечеру того же дня доехали мы до лагеря Дагестанского отряда, расположенного на Кегерских высотах, в виду Гуниба, с восточной стороны. Таким образом, в последние три дня мы обогнули шамилево убежище с трех сторон: с запада, юга и востока. Этим и завершилось наше девятидневное триумфальное шествие по Нагорному Дагестану.

В лагере на Кегерских высотах главнокомандующий был встречен войсками с восторженными криками «ура». Остановившись перед серединою фронта, он объявил Дагестанскому отряду царское «спасибо», затем войска прошли перед главнокомандующим, конечно, не тем парадным шагом, которому присвоено специальное название «церемониального», а своим привычным кавказским войскам молодцеватым, развязным, боевым шагом. Любо было смотреть на загорелые солдатские лица, на которых как бы отражались общее торжество и радость. Никогда еще не замечался даже в кавказских войсках такой подъем духа.

ГУНИБ. ПЛЕНЕНИЕ ШАМИЛЯ*. АВГУСТ 1859 ГОДА

Гора Гуниб, как я уже сказал, выделяется наподобие приподнятого острова из окружающей его гористой местности. В верхней части горы края ее со всех сторон совсем обрывисты и ка-

* Далее в автографе: «(9—28 августа 1859 г.)» (*примеч. публ.*).

жутся издали недоступными; ниже скаты становятся постепенно отложе, так что подошвы горы расстилаются верст на 50 в окружности. Вершина, вытянутая от запада к востоку верст на 8, значительно суживается и понижается к востоку, т. е. к течению Койсу. Западная же, более возвышенная и широкая сторона, имеет до 5 верст протяжения и возвышается до 7400 футов над уровнем моря. Вершина горы образует продольную ложбину, по которой протекает речка. Прорвавшись сквозь скалы, замыкающие горную котловину, эта речка низвергается несколькими водопадами в Койсу. В долине зеленеют рощи (в том числе редкостная на Кавказе березовая роща), есть луга, небольшие пашни, и на дне, почти в центральном положении, — маленькое селение, где и поселился Шамиль со своею семьей и небольшим числом преданных мюридов. В числе защитников Гуниба были и отчаянные абреки (качаги), и русские беглые солдаты, всего же набралось до 400 вооруженных при 4 орудиях: сила небольшая, но достаточная для обороны такого сильно защищенного природой убежища. Единственный доступ на вершину Гуниба составляла крутая тропа, взвивавшаяся от берега Койсу на восточную оконечность горы, вдоль русла низвергающейся с нее речки. К преграждению этого доступа, конечно, были приняты Шамилем все меры: устроены завалы и башня, подкопаны и обрыты все места, сколько-нибудь доступные ноге человеческой, а при самом выходе тропинки на верхнюю площадку поставлена пушка. Со всех прочих сторон Гуниб признавался недоступным. В тех немногих точках окраины верхней площадки, где замечалась малейшая впадина или трещина, выставлены были караулы.

Обложение Гуниба началось уже с 9 августа. По распоряжению барона Врангеля войска, по мере прибытия, занимали позиции у подошвы горы, и постепенно смыкалось кольцо блокады. Выстрелы неприятельских орудий с Гуниба по дальности не достигали до расположения войск. К 18 числу по присоединении к блокирующим войскам некоторых частей, прикрывавших следование нашего обоза, сосредоточилось под Гунибом всего до 16 $^{1}/_{4}$ батальона, полк драгун (Северский), 13 сотен казаков и милиции при 18 орудиях. Главные силы или резерв (6 батальонов, в том числе 2 батальона лейб-гренадерского Эриванского полка и 4 батальона Ширванского, рота сапер и драгунский полк), расположились на Кегерских высотах, т. е. с восточной стороны; 1 батальон (Самурского полка) и 5 сотен Дагестанско-

го конно-иррегулярного полка под начальством полковника Кононовича спущены в самое ущелье Койсу, чтобы стеречь единственный выход с Гуниба; справа от него, на северо-восточном и северном фронте у подошвы горы расположены под начальством генерал-майора князя Тархан-Моуравова 2 батальона (Грузинского гренадерского и Самурского полков); слева, с южной стороны горы, — 4 батальона (2 апшеронских, 1 самурский и 1 стрелковый 21-й) под начальством полковника Тергукасова; наконец, с западной стороны — 3 батальона (2-го Дагестанского полка и 18-й стрелковый) под начальством полковника Радецкого.

Еще до прибытия главнокомандующего барон Врангель пробовал склонить Шамиля к сдаче. Первые сношения начались 15 августа через полковника милиции Али-хана. 16 числа Шамиль дал знать, что согласен вести переговоры при посредстве Даниель-бека. К удовлетворению этой странной прихоти имама не встретилось препятствия, так как Даниель-бек прибыл 18 числа в свите главнокомандующего. Сам князь Барятинский находил желательным покончить с Шамилем мирным соглашением, хотя бы на самых льготных для него условиях. Добровольная сдача Гуниба была бы счастливым завершением всей экспедиции; сбылись бы вполне расчеты князя; предполагавшийся торжественный въезд в Тифлис совершился бы как раз 30 августа, и какой «эффект» произвело бы в Петербурге, если б к этому торжественному дню пришло туда донесение о сдаче Шамиля и окончательном умиротворении всей восточной половины Кавказа!

О переговорах с Шамилем опять поднят был вопрос и в Петербурге, но совершенно невпопад. Еще 23 июля посол наш в Константинополе князь Лобанов-Ростовский телеграфировал князю Горчакову, что какой-то поверенный Шамиля, присланный просить помощи у султана, обратился к послу с вопросом: не будет ли согласно наше правительство *на примирение* с имамом и на каких условиях? Что означенный горец желает получить пропускной вид через Тифлис для доставления Шамилю ответа. На эту телеграмму из Петербурга дан ответ князю Лобанову по Высочайшему повелению, что он может выдать шамилеву агенту пропуск в Тифлис и что наместник кавказский облечен достаточными полномочиями, чтобы прямо вступить в переговоры с Шамилем. Обо всем этом сообщено наместнику не только князем Горчаковым и Сухозанетом (от 26 и 29 июля), но и в собственноручном письме самого Государя (от 28 числа),

причем высказывалось, что «*примирение* с Шамилем было бы самым блестящим завершением оказанных уже князем Барятинским великих заслуг». В письме канцлера указывалось и на тогдашние политические обстоятельства: по выражению князя Горчакова, восстановление мира на Кавказе, без пролития крови и без траты денег удесятерило бы вес России в европейской политике[313]. Письма эти очень озадачили князя Барятинского, хотя не в первый раз приходилось ему убеждаться в том, как мало понимали в Петербурге дела кавказские. Что посол в Константинополе принял серьезно нахальное заявление шамилева посланца, — это еще извинительно, но непонятно, как министры и сам Государь могли придать значение *примирению* с имамом в то время, когда он, покинутый почти всеми своими приверженцами, укрылся в последнем своем притоне, и когда вся страна, прежде подвластная ему, встречала главнокомандующего с радостными приветствиями, как избавителя. Роль имама была уже сыграна, оставалось ему одно из двух: или положить оружие добровольно, или предоставить решение своей участи последнему, кровавому бою. Единственным предметом переговоров могли быть теперь условия *сдачи* Гуниба. В таком смысле и ответил князь Барятинский Государю и канцлеру[314]. В письме к князю Горчакову (от 24 августа) он благодарил его, с оттенком иронии, за извещение о предложениях шамилева агента, но прибавил, что если даже ему удастся добраться до Кавказа, то это будет уже поздно.

По приказанию главнокомандующего на другой же день по приезде его на Кегерские высоты, Даниель-бек отправился вместе с полковником Лазаревым на передовой наш пост на берегу Койсу, близ разоренного аула Кудали и послал в Гуниб записку, в которой предлагалось Шамилю выслать его сына Казы-Магома для ведения переговоров. После обмена несколькими записками съехались в условленном месте Даниель-бек и Лазарев с Казы-Магома. В первых объяснениях уполномоченный имама выказывал сговорчивость; шла речь только о безопасном выпуске из Гуниба всех засевших в этом притоне, но Шамиль не торопился давать ответы. 20 числа утром послано ему решительное объявление от имени самого главнокомандующего. Этот ультиматум начинался такими строками: «Вся Чечня и Дагестан ныне покорились державе российского императора, и только один Шамиль лично упорствует в сопротивлении великому Го-

И.Д. Лазарев

сударю. Чтобы избежать нового пролития крови, для окончательного водворения в целом крае спокойствия и благоденствия, я требую, чтобы Шамиль неотлагательно положил оружие». Далее обещалось, именем Государя, полное прощение всем, находившимся в Гунибе, дозволение самому Шамилю с его семьей ехать в Мекку, обеспечение ему средств как на путешествие, так и на содержание. Срок для решительного ответа назначен до вечера того же дня, если же Шамиль до того времени «не воспользуется великодушным решением императора Всероссийского, то все бедственные последствия его личного упорства падут на его голову и лишат его навсегда объявленных ему милостей».

Даниель-бек отправил этот ультиматум при своем письме, в котором убеждал Шамиля неотлагательно принять объявленные ему великодушные условия с полным доверием к слову наместника. Но великодушие к врагу не укладывается в понятиях азиатца. Шамиль, в ответ главнокомандующему, счел нужным просить разрешения на присылку доверенных лиц для дополнительных переговоров относительно обеспечения обещанного пропус-

ка в Мекку. И на это князь Барятинский изъявил согласие. 21 числа явился в наш лагерь один из самых близких к имаму мюридов, вполне ему преданный — Юнус, худощавый старичок, с резкими чертами лица, живыми бегающими глазами, вообще весьма типичный. Сопровождало его несколько других доверенных мюридов в виде ассистентов. Князь Барятинский, лично приняв этих горских дипломатов, подтвердил им прежнее свое обещание. Они возвратились в Гуниб, но затем прошел весь день без всякого ответа от Шамиля. По-видимому, он колебался в своем решении; привычное недоверие взяло верх, вероятно, под влиянием окружавших его фанатиков и наиболее ожесточенных злодеев, не смевших верить обещанному прощению. 22 числа утром по приказанию главнокомандующего отправлено с полковником Али-ханом письмо от меня на арабском языке: в нем категорически подтверждалось требование «сардаря», чтобы дан был без промедления решительный ответ и назначен крайний срок.

Сверх всякого ожидания, ответ получен чрезвычайно дерзкий, в таком смысле: «Мы не просим у вас мира и никогда с вами не помиримся, мы просили только свободного пропуска на заявленных нами условиях, если последует на это согласие, то хорошо, если же нет, то возлагаем надежды на всемогущество Бога. Меч отточен, и рука готова!»

Таким образом, переговоры оказались бесплодными; надежды наши на мирную развязку исчезли; расчеты князя Барятинского на скорое возвращение в Тифлис не сбылись. Приходилось прибегнуть к осаде. Несмотря на малочисленность обороняющихся, открытый штурм мог бы стоить дорого. Немедленно же начались приготовления к осаде: заготовлялись туры, фашины, лестницы; вытребованы мортиры, послано в Дербент за некоторыми другими принадлежностями. Ведение осады поручено генерал-майору Кеслеру, который в тот же день приступил к подробному осмотру местности, указал места для батарей (против восточной стороны Гуниба), дал лично наставления начальствующим отделами блокадной линии. Им приказано стеснять сколько возможно кольцо обложения, постепенно подаваясь вперед к подошве верхнего, обрывистого пояса горы; высматривать внимательно места, где окажется какая-либо возможность взбираться на крутизны, прикрываясь скалами, камнями и складками местности. С этого времени начали раздаваться с обеих сторон ружейные и артиллерийские выстрелы.

С.А. Шереметев

Пока еще велись переговоры с Шамилем, прибыл в Кегерский наш лагерь курьер из Петербурга с рескриптом Государя от 10 августа и с приятными известиями о новых царских милостях. Это был ответ на донесение главнокомандующего от 27 июля[315], отправленное с адъютантом князя Барятинского Шереметевым, который застал Государя на маневрах в Ропше 6 августа. Известие о переправе Дагестанского отряда через Койсу, о занятии Аварии, об изъявлении покорности большею частью Дагестана доставило Государю большое удовольствие, и в тот же день пожалованы награды: самому князю Барятинскому — орден Св. Георгия 2-й степени, барону Врангелю — тот же орден 3-й степени, графу Евдокимову и мне — звание генерал-адъютанта. Награждены и другие лица, имена которых упомянуты были в донесении главнокомандующего. Присланный с означенным донесением адъютант Шереметев назначен флигель-адъютантом, так же как и штабс-ротмистр Собственного Его Ве-

личества конвоя князь Челокаев. Куринскому и Кабардинскому полкам пожалованы Георгиевские знамена с новыми надписями. В собственноручном письме Государь писал: «Скажи вновь от меня кавказским молодцам искреннее спасибо и что они мне опять доказали, что для них невозможного нет»[316].

Царские эти выражения были объявлены кавказской армии в приказе от 22 августа. Того же числа отдан главнокомандующим следующий приказ:

«Войска Кавказа! В день моего приезда в край я призвал вас к стяжанию великой славы Государю нашему, и вы исполнили надежду мою. В три года вы покорили Кавказ от моря Каспийского до Военно-Грузинской дороги. Да раздастся и пройдет громкое мое спасибо по побежденным горам Кавказа и да проникнет оно со всею силою душевного моего выражения до сердец ваших»[317].

Нужно ли прибавлять, что редакция этого приказа, так же как и других подобных, принадлежит перу самого князя Барятинского.

Из всех пожалованных наград наиболее удовольствия доставило самому главнокомандующему — назначение графа Евдокимова генерал-адъютантом. Такая награда казалась почти несбыточною после тех обидных нареканий, которые еще так недавно взводились на достойного начальника Левого крыла. Аксельбант на плече Евдокимова имел особенное значение: это было окончательное очищение его запятнанной репутации.

Также приятно было князю Барятинскому и мое генерал-адъютантство. Первым движением его было — своеручно прицепить мне свой собственный аксельбант. Первое, искренне сочувственное поздравление с этою наградой получил я от А.П. Карцова, который в письме своем, упомянув о приезде Шереметева 6 августа в Ропшу, писал мне: «В тот же день мы все узнали о назначении Вашем генерал-адъютантом, и скажу Вам, что, начиная от стариков генерал-адъютантов до самых молодых офицеров, бывших в Ропше и знавших Вас только по имени, все этому обрадовались, обрадовались непритворно и передавали эту весть друг другу с таким же удовольствием, как и известие об одержанном успехе»[318].

Князь Барятинский крайне досадовал на то, что из-за безрассудного упрямства Шамиля приходилось отказаться от заветной мечты — поднести Государю к торжественному дню 30 ав-

густа[319] радостную весть об окончательной развязке войны в восточной половине Кавказа. День этот уже близок, а предстоящая осада Гуниба может затянуться надолго. Поэтому князь Барятинский решился 22 августа отправить с поручиком князем Витгенштейном (Фердинандом) на Симферопольскую телеграфную станцию поздравительную телеграмму Государю такого содержания:

«Имею счастье поздравить Ваше Императорское Величество с Августейшим тезоименитством. От моря Каспийского до Военно-Грузинской дороги Кавказ покорен державе Вашей. Сорок восемь пушек, все крепости и укрепления неприятельские в руках наших. Я лично был в Карате, Тлохке, Игали, Ахульго, Гимрах, Унцукуле, Цатаных, Хунзахе, Тилитли, Ругдже и Чохе. Теперь осаждаю Гуниб, где заперся Шамиль с 400 мюридами»[320].

От того же числа в отзыве к военному министру князь Барятинский писал: «Итак, полувековая кровавая борьба в этой половине Кавказа кончилась; неприступные теснины, укрепленные природой и искусством аулы, крепости замечательной постройки, взятие которых потребовало бы огромных пожертвований, 48 орудий, огромное число снарядов, значков и разного оружия, — сданы нам в течение нескольких дней, без выстрела, силою нравственного поражения. Все это последствие действий предыдущих лет и предпринятого теперь наступательного движения с трех сторон».

Очертив далее всю свою торжественную поездку от укрепления Преображенского до высот Кегерских, князь Барятинский прибавил: «Теперь, когда все эти горы, ущелья и долины, огражденные природой и искусством, — в наших руках, когда воинственное, фанатическое население их, так долго не выпускавшее из рук оружия, вдруг нам покорилось, — теперь настала пора бесчисленных забот и усиленной деятельности для проложения путей сообщения, для учреждения правильной, сообразной с духом народа администрации, для избрания и занятия стратегических пунктов, — одним словом, для приобретения такого положения, которое избавило бы нас в будущем от всех случайностей и вторичной кровавой борьбы. С помощью Бога, с содействием моих отличных помощников, с теми несравненными войсками и средствами, которые Государь император предоставил в мое распоряжение до исхода 1861 г., я могу надеяться достигнуть и этой цели, для славы возлюбленного Монарха»[321].

Счастливый переворот, совершившийся так быстро, почти внезапно, во всей восточной половине Кавказа, превзошел все наши ожидания, но вместе с тем на местную администрацию выпадали отныне новые серьезные заботы о будущем устройстве новопокоренного края, об упрочении в нем нашей власти так, чтобы сделать невозможными какие-либо попытки нарушения только что установившегося мирного положения. Князь Барятинский счел нужным, не теряя времени, обменяться мыслями по этому предмету с тремя главными начальниками сопредельных отделов края; необходимо было обсудить, по крайней мере, некоторые главные вопросы, требовавшие соглашения на первых же порах. Граф Евдокимов и барон Врангель были налицо, оставалось вызвать третьего — князя Меликова, который в то время находился не в дальнем расстоянии от Гуниба.

Князь Меликов, как было прежде сказано, еще 8 августа, распростившись с главнокомандующим в лагере при Конхидатле, в тот же день уехал с прежним конным конвоем обратно в Тиндо, где ожидал его отряд генерал-майора Корганова. Следуя далее с этим отрядом в Кварши и установив управление в новопокорившихся обществах Ункратля, князь Меликов возвратился прежним трудным путем в лагерь, оставленный им на горе Бешо, а 10 числа весь Лезгинский отряд стянулся на горе Мичитль. Между тем подполковник Генерального штаба Комаров и майор князь Ратиев произвели подробную рекогносцировку совершенно неизвестных дотоле путей по долине Андийского Койсу до дидойского селения Шаури и к селению Хушети, пограничному с Тушетией. Получив благоприятные известия от князя Шаликова о положении дел в Анкратле, князь Меликов не счел нужным держать долее все свои силы в горах: часть войск и тяжести спустил он на равнину, а с остальным отрядом (6 батальонов, 3 роты стрелков, 1 сотня казаков, 4 сотни милиции при 4 горных орудиях) двинулся 13 августа в верховья Аварского Койсу, к Черельскому мосту (у селения Тларата). Здесь, в лагере князя Шаликова, назначено было сборное место наибов, старшин и почетных представителей новопокорившихся обществ верхних долин Аварского Койсу и его притоков. Во всех этих обществах установлено новое управление, назначены наибы; всем ранее выселившимся на равнину горцам разрешено возвратиться в прежние аулы. Затем князь Меликов с 3 батальонами, сотней казаков и 2 горными орудиями двинулся в

верхнюю долину Кара-Койсу, в общество Кейсерух (или Тлесерух) и прибыл 19 августа в Ириб.

Получив здесь от главнокомандующего приглашение прибыть в лагерь на Кегерские высоты, князь Меликов отправился туда 21 числа с конвоем из 2 сотен конной милиции. Оставленные в Ирибе войска под начальством генерал-майора Корганова приступили к разрушению нагроможденных в Ирибе Даниель-беком укреплений, к вывозу находившихся там орудий и военных запасов. Князь Меликов после совещаний у главнокомандующего возвратился 24 числа в Ириб.

Начатые с 23 августа осадные работы против Гуниба велись генералом Кеслером энергично: устраивались батареи, ложементы для пехоты, подступы (где было возможно). В распределении блокирующих войск сделаны некоторые изменения. Из расположенного на Кегерских высотах резерва выдвинуты вперед все четыре батальона Ширванского полка; два из них заняли позицию против восточной оконечности Гуниба, в самой долине Койсу под начальством командира этого полка полковника Кононовича, другие два, а также бывший прежде у Кононовича Самурский батальон и 5 сотен Дагестанского конно-иррегулярного полка поступили на северный фронт блокады под начальство генерал-майора князя Тархан-Моуравова. По указанию генерала Кеслера, в ночь с 22 на 23 число полковник Кононович выдвинул передовые свои части на самый скат восточной оконечности Гуниба, по которому вела единственная тропа на верхнюю площадку горы. Траншейные работы велись здесь непосредственно инженер-капитаном Фалькенгагеном. Передовые посты, прикрываясь камнями и скалами, отстреливались против живого огня с неприятельских завалов. По временам раздавался выстрел с неприятельского орудия, поставленного на скале, над тропинкой. Поблизости этой неприятельской батареи виднелась палатка: как потом оказалось, это был наблюдательный пункт самого Шамиля. По всему было заметно, что с этой именно стороны неприятель ожидал нападения, сюда обращены были все внимание и силы обороняющегося.

Со всех остальных сторон Гуниб казался совсем недоступным. При расположении наших войск кругом горы первоначально имелось в виду только стеречь Шамиля, чтобы не дать ему уйти и в этот раз подобно тому, как удалось ему вышмыгнуть из Ахульго, однако ж блокирующие войска, как уже сказа-

Капитан Скворцов

но, получили приказание высматривать местность и по возможности выдвигаться вперед, все ближе к обрывистой крутизне горы. На всякий случай припасены были лестницы, веревки с крючьями. Солдаты вместо сапог обуты были в поршни или постолы, чтобы вернее карабкаться по скалам и каменьям. Команды «охотников» мало-помалу взбирались все выше и выше и залегали между камнями на едва заметных издали уступах крутизны.

Так прошло два дня, 23 и 24 августа. В лагере нашем начинали свыкаться с мыслью о продолжительной стоянке. Главнокомандующий был в озабоченном расположении духа. По временам подходил он к поставленному перед его ставкой телескопу на пригорке, с которого открывался вид на верхнюю поверхность Гуниба. Перестрелка не прекращалась и ночью. Каждый раз, когда неприятельские караулы замечали движение наших передовых частей или когда чья-либо голова высовывалась из-за камней, возобновлялась трескотня.

На рассвете 25 августа послышалась более обыкновенного усиленная стрельба. Часов в 6 утра состоявший неотлучно при главнокомандующем урядник из туземцев Казбей (обыкновенно ездивший за князем Барятинским с его значком) случайно подошел к зрительной трубе и к удивлению своему увидел на вершине Гуниба в нескольких местах белые шапки наших солдат. Казбей бросился к палатке главнокомандующего, чтобы возвестить ему свое изумительное открытие, и мгновенно весь лагерь всполошился. Кучки любопытных высыпали на переднюю площадку, откуда виден Гуниб; не менее других был изумлен и сам главнокомандующий. Какая радостная для него неожиданность! С нетерпением ожидали мы известий от генерала Кеслера. Недоумение наше длилось довольно долго по трудности сообщения между нашим лагерем и передовыми войсками, раскинутыми кругом Гуниба. Наконец появился желанный вестник: мы узнали, что действительно удалось нашим передовым войскам взобраться на вершины горы как с южной стороны, так и с северной, что полковник Кононович с ширванцами двинулся также на приступ с восточной стороны, что вслед за ними и генерал Кеслер поехал на Гуниб. Немедленно же решился отправиться туда и сам князь Барятинский.

Подробности дела выяснились только позже. Оказалось, что еще с вечера 24 числа, по распоряжению генерала Кеслера, была произведена фальшивая тревога: передовые наши войска со всех сторон открыли сильный ружейный огонь, забили барабаны, раздались крики «ура», потом все утихло, и защитники Гуниба успокоились, но передовые наши посты воспользовались произведенной суматохой, чтобы взобраться сколь возможно ближе к вершине горы, а перед самым рассветом охотники расположенного с южной стороны Гуниба Апшеронского полка в числе 130 человек с двумя храбрыми офицерами (капитаном Скворцовым и прапорщиком Кушнерёвым) умудрились, подсаживая друг друга, с помощью лестниц, веревок, пользуясь всякими уступами и трещинами в скалах, взобраться под самый верхний обрыв горы. По следам их полезли и роты одна за другой, а правее также охотники и роты 21-го стрелкового батальона. Стоявший на вершине неприятельский караул заметил угрожавшую опасность и открыл огонь по нашим смельчакам тогда только, когда им оставалось взобраться на последний уступ скал. Не обращая внимания на выстрелы, апшеронские охотники быстро очутились на верхней площадке горы, так что неприятельский пост

Прапорщик Кушнерёв

был охвачен в завалах: 7 человек легли на месте (в том числе оказались три вооруженные женщины), а 10 взяты в плен. Произошло это около 6 часов утра, а немного спустя, когда на верхней площадке подтянулось несколько рот, сам полковник Тергукасов повел их вперед к селению Гунибскому. Остальные роты Апшеронского полка и 21-й стрелковый батальон двинулись в том же направлении.

В это время и с северной стороны также полезли на крутизны Гуниба охотники Грузинского гренадерского и Дагестанского конно-иррегулярного полков. Взобравшись на вершину, они овладели неприятельским завалом; мюриды бежали. Князь Тархан-Моуравов, дав подтянуться стрелковой роте Грузинского гренадерского полка и сотне конно-иррегулярного, двинул их в тыл другим завалам, защищавшим Гуниб с северо-восточной стороны. Все это совершилось так быстро и неожиданно, что Шамиль и ближайшие его наперсники совсем

А.А. Тергукасов

потеряли голову и, боясь быть отрезанными от селения, поспешно бежали туда. Около сотни мюридов, абреков и беглых солдат засели за камни и завалы, защищавшие Гуниб с восточной стороны. В то время двинулись уже на приступ и Ширванские батальоны полковника Кононовича. Они были встречены сильным огнем, который однако ж не остановил их. Им удалось даже втащить на один из уступов горы 4 горные орудия. Мюриды, окруженные со всех сторон, бились отчаянно; расстреляв все заряды, бросились в шашки и кинжалы и почти все легли на месте. Однако ж эта встреча и нам не обошлась без потерь*.

* Вся потеря наша при взятии Гуниба, по официальным сведениям, была следующая: убитых — 19 нижних чинов и 2 милиционера, раненых — 7 офицеров, 114 нижних чинов и 7 милиционеров, контуженых — 2 офицера и 19 нижних чинов.

Нукер со значком наместника. Рис. Т. Горшельта

Последними взобрались на Гуниб с западной стороны батальоны Дагестанского полка полковника Радецкого, когда на поле битвы прибыл уже и генерал Кеслер, а вскоре потом и барон Врангель. Со всех сторон войска стремились к селению, рвались вперед, чтобы разгромить последний притон Шамиля. Но барон Врангель, имея в виду желание главнокомандующего взять Шамиля живым, остановил наступление и послал к имаму парламентера с предложением сдаться, дабы избегнуть напрасного кровопролития и не подвергать неминуемой гибели себя, свою семью, женщин и детей.

Между тем главнокомандующий со штабом и свитою в сопровождении графа Евдокимова уже поднимался на Гуниб. Мы ехали по следам Ширванских батальонов, по сторонам крутой тропы валялись обезображенные трупы мюридов, на камнях, по

берегам речки — лужи крови. Попадались нам навстречу раненые солдаты, некоторым из них князь Барятинский навешивал Георгиевские кресты. Не доезжая с версту до селения Гунибского, главнокомандующий остановился на опушке прелестной березовой рощи, сошел с коня и сел на лежавший близ дороги камень. Было около 2 часов пополудни. Подъехавшие к князю Барятинскому барон Врангель и генерал Кеслер доложили о положении дела: бой приостановлен, все тихо; 14 батальонов грозно стоят вокруг аула, ружья у ноги, ждут ответа Шамиля. Но имам медлит, колеблется. Отправляется новый парламентер от имени самого наместника царского с требованием, чтобы Шамиль сдался немедленно и с угрозою: в противном случае разгромить аул. Барон Врангель с князем Мирским, полковником Лазаревым, Даниель-беком и несколькими другими лицами выезжают вперед к самому входу в аул. Шамиль высылает знакомого уже нам Юнуса для переговоров об условиях. Ему объявляют, что ни о каких условиях теперь не может быть речи, что Шамиль должен немедленно выйти к главнокомандующему, предоставив его великодушию участь свою и семьи. Несколько спустя опять является Юнус с просьбою о дозволении ему предварительно представиться сардарю. Просьба эта удовлетворена. Его ведут к князю Барятинскому, который подтверждает настойчиво требование с обещанием полной безопасности Шамилю и его семье. Но и после того Шамиль под гнетом страха, сомнения, недоверия продолжает колебаться; еще несколько раз появляется Юнус с разными новыми заявлениями: то предлагает Шамиль вместо себя выдать младшего сына, то просит отвести несколько подальше войска, когда Шамиль будет выходить. Неуместные эти требования отвергнуты наотрез; имаму отвечают угрозою неотлагательного штурма. Так проходит более двух часов; князь Барятинский начинает терять терпение, притом день уже на склоне. По желанию главнокомандующего, отправляюсь и я ко входу в аул, чтобы положить конец крайне невыгодной для нас проволочке переговоров. Необходимо было так или иначе порешить дело до заката солнца.

Когда подъехал я к площадке перед селением, где находился барон Врангель с окружавшими его лицами, в ауле была заметна большая суета. Еще раз появился Юнус с последнею убедительною просьбой — отдалить назад, по крайней мере, милицию, дабы мусульмане не были свидетелями унижения имама. Просьбу

Шамиль перед князем А.И. Барятинским. Рис. Т. Горшельта

эту признали мы возможным уважить; всем милиционерам приказано отойти за линию пехоты, и вслед за тем увидели мы выдвигавшуюся из аула толпу чалмоносцев. Между ними выдавался сам Шамиль на коне. Появление его из-за крайних саклей аула вызвало невольный возглас «ура» по всему фронту стоявших поблизости войск. Восторженный этот взрыв испугал было Шамиля и окружавшую его толпу; на мгновение движение приостановилось. Между тем я возвратился к главнокомандующему, чтобы предварить его о желанной развязке. По приказанию его следовавшая за Шамилем кучка вооруженных мюридов (числом от 40 до 50 человек) была остановлена в некотором расстоянии от того места, где находился главнокомандующий; при Шамиле остались только трое из самых преданных ему клевретов и в числе их Юнус. Оружие было оставлено одному Шамилю. Князь Барятинский принял пленного имама, сидя на камне, окруженный всеми наличными генералами, многочисленною свитой, ординарцами, конвойными казаками и даже милиционерами. Всякому хотелось быть свидетелем достопамятного исторического

события. Шамиль, сойдя с коня, подошел к наместнику почтительно, но с достоинством. На бледном его лице выражались и крайнее смущение, и страх, и горе. Стоявшие позади его мюриды были совсем растеряны, удручены, а более всех Юнус, который был в таком волнении, что не мог даже сохранить приличную позу: во все время нервно засучивал он рукава своей чухи, как будто готовясь к кулачному бою. Князь Барятинский, приняв строгий вид, обратился к пленнику с укором в том, что он упорствовал в отказе на благосклонные условия, которые прежде предлагались ему, и предпочел подвергнуть судьбу свою и семьи решению оружия; теперь ни о каких подобных условиях и речи быть не может, решение его участи будет вполне зависеть от милосердия царя, одно только оставляется в силе — обещание безопасности для жизни его и семьи. Шамиль произнес несколько нескладных фраз в оправдание своего недоверия к прежним русским предложениям, о своем пресыщении многолетнею борьбой и желании закончить жизнь в мире и молитве. Все высказанное им было как-то бессвязно и некстати, так, по крайней мере, выходило в передаче слов Шамиля нашим официальным переводчиком. Объяснение было очень непродолжительно: минуты две, много три. Наместник объявил Шамилю, что он должен ехать в Петербург и там ожидать Высочайшего решения. С этими словами князь Барятинский встал, обратившись к графу Евдокимову, поручил ему принять на себя все распоряжения относительно препровождения Шамиля в лагерь на Кегерские высоты, а барону Врангелю приказал назначить часть войск для конвоирования пленника и сделать все нужные распоряжения для поддержания порядка на Гунибе, для охраны остававшихся в ауле семейств, имущества и для препровождения на другой день пленных, которых набралось более сотни. Затем князь Барятинский сел верхом и со всею свитой отправился в свой лагерь.

Солнце было уже довольно низко, когда мы спускались с Гуниба по крутой тропинке к переправе на Койсу. Нужно ли говорить, что должен был чувствовать в то время сам победитель и каково было настроение духа каждого из нас, его сопровождавших. Ехал я рядом с главнокомандующим, и оба мы несколько минут молчали от избытка сильных ощущений, от теснившихся в голове мыслей. Трудно было сразу отдать себе полный отчет в историческом значении события, только что совершившегося на

глазах наших, при нашем участии. Более тридцати лет должны мы были вести кровавую борьбу с мюридизмом. Сколько жизней и миллионов рублей поглощала эта борьба! На сколько она убавляла наш вес в политике внешней и ослабляла нас в тяжелые годины войны! И вот сегодня — конец этой войне; последний предсмертный вздох мюридизма. С нынешнего дня уже нет имама, нет мюридов; вся восточная половина Кавказа — умиротворена, и тем подготовлено умиротворение остальной, западной половины! Вспомнил я, что ровно двадцать лет назад, почти день в день, посчастливилось Шамилю, можно сказать, чудесным образом, выскользнуть из наших рук*. Князь Барятинский также вспомнил, что сегодня годовщина назначения его наместником и главнокомандующим. Ровно через три года удалось ему достигнуть такого полного успеха, такого блестящего результата, о каком только можно было мечтать.

Приведу одну забавную анекдотическую подробность, характеризующую князя Барятинского. На пути нашем, еще на Гунибе, после первого обмена мыслей и впечатлений, вдруг обращается он ко мне: «Знаете ли Дм[итрий] Ал[ексеевич], о чем думал я теперь? Я вообразил себе, как со временем, лет через 50, через 100, будет представляться то, что произошло сегодня, какой это богатый сюжет для исторического романа, для драмы, даже для оперы! Нас всех выведут на сцену в блестящих костюмах; я буду, конечно, главным героем пьесы — первый тенор в латах, в золотой каске с красным плюмажем; Вы будете моим наперсником, вторым тенором; Шамиль — basso profundo**; позади его неотлучно три верные мюрида — баритоны, а Юнус... это будет buffo cantante»***... и т. д. Шутка эта развеселила нас обоих; серьезное настроение, навеянное потрясающими перипетиями этого дня, видом трупов и крови, вдруг уступило место более светлому расположению духа, чувству удовольствия. Заговорили мы о предстоящих распоряжениях относительно Шамиля и его семьи, об устройстве его на ночь, об отправлении в Петербург и т. д. Впрочем, все было уже заранее обдумано князем: в лагере

* Он спустился с Ахульго к руслу Койсу в ночь с 22 на 23 августа, но бегство его сделалось нам известно только 25 числа. Очищение Ахульго от державшихся еще в пещерах и траншеях фанатиков закончилось не ранее 26 августа.

** глубокий бас (*итал.*).

*** оперный шут (*итал.*).

разбита палатка для пленника с возможным комфортом: адъютанту Тромповскому обещано было давно полушутя, полусерьезно поручить ему препровождение Шамиля в Петербург; из Тифлиса вытребована карета дорожная, ожидавшая в Темир-Хан-Шуре.

Добрались мы до своего лагеря, когда уже смерклось, а пленного имама привезли гораздо позже, уже в совершенную темноту. К пленнику приставлен был в качестве переводчика один из служащих туземцев — подполковник Алибек Пензулаев. По прибытии в лагерь Шамиль был в таком нервном состоянии, что дрожал как в лихорадке, конечно, не столько от свежего вечернего воздуха на значительной высоте нашего лагеря, сколько от душевного волнения. Он все еще не доверял положительному обещанию наместника и ожидал неминуемого возмездия за все зло, которое он на своем веку причинил русским. Тщетно Алибек старался успокоить его убеждениями в ненарушимости слова сардаря, в великодушии русского Государя. Крайне удивило пленника, когда подан был ему чай в роскошном сервизе главнокомандующего, когда прислана была ему собственная дорогая шуба князя Барятинского, чтобы старик мог согреться. Все было сделано для успокоения пленника; ему объявлено, что оставшаяся в Гунибе семья его прибудет завтра в лагерь, даже предложено ему написать к семейству записку, дабы оно не тревожилось на его счет. Между тем на Гунибе приняты были бароном Врангелем все меры к охранению порядка и спокойствия в течение ночи, а на другой день, ранним утром, уже отправлены с Гуниба под конвоем как пленные, так и семейства.

На 26 августа, день коронации, назначено на Кегерских высотах благодарственное молебствие и смотр войскам. За исключением нескольких батальонов, оставленных на Гунибе, и необходимого караула при пленных, остальные войска Дагестанского отряда стянулись на небольшой площадке позади лагеря, ближе к аулу Кегер. Выстроенные покоем по трем сторонам аналоя войска приветствовали главнокомандующего с неподдельным восторгом; со своей стороны князь Барятинский поблагодарил войска в нескольких теплых словах, которые снова вызвали восторженные «ура». После молебствия и окропления освященною водой войска по команде барона Врангеля прошли «церемониальным маршем» мимо главнокомандующего. Но что это был за «церемониальный марш»! Думаю, что находившихся при этом

Спуск мюридов с Гуниба. Рис. Т. Горшельта

гвардейцев он должен был сильно поразить. Большая часть солдат в поршнях (постолах); обмундировка пестрая в лохмотьях, даже на большей части офицеров, некоторые части войск при всем желании не могли попасть в ногу. Но зато какое выражение загорелых, почерневших лиц! Какая самоуверенность и твердость поступи! Какое одушевление в глазах! Таким войскам действительно «нет ничего невозможного», как выразился о них сам Государь в одном из писем к князю Барятинскому. Каждый солдат чувствовал себя участником совершенных геройских подвигов!

В тот же день 26 августа отдан следующий лаконический приказ по армии:

«Шамиль взят. Поздравляю Кавказскую армию!»

Столь же лаконическая телеграмма на имя Государя отправлена на Симферопольскую станцию с подполковником Граббе:

«Гуниб взят, Шамиль в плену и отправлен в Петербург».

В дополнение к этой краткой телеграмме, князь Барятинский писал в отзыве к военному министру от 27 августа: «Итак, мюридизму нанесен последний удар. Судьба Восточного Кавказа решена окончательно. После 50 лет кровавой борьбы настал в этой стране день мира». Описав затем в сжатом объеме взятие Гуниба и пленение Шамиля, главнокомандующий закончил свою реляцию следующими строками:

«Геройский подвиг овладения Гунибом блистательно закончил ряд беспримерных подвигов, совершенных в последнее время славными войсками Его Императорского Величества, которыми я имею счастие командовать. Я не нахожу достаточно слов, чтобы достойно оценить заслуги всех чинов, от генерала до солдата. Они все исполняли свой долг с мужеством и самоотвержением, ставящими их выше всякой похвалы.

Теперь еще раз могу повторить: полувековая война на Восточном Кавказе окончена; народы, населяющие страну от моря Каспийского до Военно-Грузинской дороги, пали к стопам Его Императорского Величества.

Я сделал распоряжение о немедленном устройстве во всех новопокоренных обществах нашего управления и 28 числа возвращаюсь в Тифлис.

С сердечным счастием поспешаю сообщить обо всем этом Вашему Высокопревосходительству для всеподданнейшего доклада Его Императорскому Величеству»[322].

27 августа Шамиль и семейство его отправлены из лагеря под конвоем одного батальона пехоты и дивизиона драгун в сопровождении полковника Тромповского и переводчика Али-бека Пензулаева через Ходжал-Махи, Кутиши, Дженгутай в Темир-Хан-Шуру, откуда он должен был ехать далее в карете со старшим сыном Казы-Магома. Остальная семья осталась в Темир-Хан-Шуре впредь до нового распоряжения. В продолжение того же дня, 27 числа, заканчивались наши сборы в дорогу, происходили последние совещания с графом Евдокимовым и бароном Врангелем, отдавались окончательные приказания относительно устройства вновь покоренного края. На другой же день, 28 числа, главнокомандующий оставил лагерь. Вместе с ним выехал и я, а также небольшая часть свиты и походного штаба.

В тот же день выехал из лагеря и граф Евдокимов на Левое крыло. Чеченский отряд, оставленный на Андийском Койсу при укреплении Преображенском под начальством генерал-майора

Кемпферта, продолжал еще до 6 сентября постройку укрепления и разработку дорог на сообщении с Веденем.

Князь Меликов после своего отъезда с Кегерских высот 24 числа пробыл в лагере у Ириба четыре дня и, установив там управление, отпраздновав день 26 августа, также уехал 28 числа в Закаталы, взяв с собой и семейство Даниель-бека.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТИФЛИС ПОБЕДОНОСНОГО НАМЕСТНИКА

Путешествие наше от Гуниба до Тифлиса длилось ровно неделю. Первый переезд был до Кутиши через бывший аул Салты и укрепление Ходжал-Махи. В Кутишах переночевали у полковника Лазарева. На другой день, 29 числа, переехали в Дешлагар, бывшую штаб-квартиру Дагестанского пехотного полка и затем уже по почтовой дороге через Дербент, Кубу и Шемаху. Останавливались каждую ночь. На всем пути, разумеется, происходили торжественные встречи с восторженными криками «ура», высокопарными речами, адресами. В Дербенте, Кубе и еще где-то местные поэты подносили свои стихотворения. На ночлегах чествовали иллюминациями, национальной музыкой, а на одной станции в Нухинском уезде — даже пляскою наряженных по-женски мальчиков.

В Шемахе главнокомандующий остановился на несколько часов, чтобы взглянуть на страшные следы недавнего землетрясения. Мы прошлись по нескольким улицам опустелого города среди развалин. Не оставалось ни одного цельного дома. Небольшая часть жителей ютилась во временных пристанищах.

Наконец 5 сентября утром прибыли мы в Тифлис. Въезд был в полном смысле триумфальный. На Авлабаре сооружена эффектная арка, у которой собрались местные власти, представители города, блестящая публика. Победитель въехал верхом, сопровождаемый многочисленной свитой, при громе пушек с Метехского замка, колокольном звоне, музыке и восторженных криках «ура». Городской голова приветствовал речью и поднес великолепный адрес от города; девицы в белых платьях усыпали путь цветами. На улицах, по которым следовало шествие, теснилась пестрая толпа, выражавшая неподдельный восторг неумолкаемыми криками, маханием шапками, папахами, платками. Во всех домах окна, балконы, галереи разукрашены коврами, гир-

ляндами цветов; плоские крыши переполнены народом. Приближаемся к Сионскому собору: на паперти экзарх Исидор с многочисленным духовенством встречает с крестом и приветственною речью, затем отслужено благодарственное молебствие, и снова шествие ко дворцу наместника. Все это исполнено блестящим образом при великолепной погоде и ярком южном солнце.

Вечером город и даже окружающие горы осветились бесчисленными огоньками. Несмотря на усталость от путешествия и утреннего торжества, мы должны были присутствовать на парадном представлении в театре. Наместник при входе в ложу был приветствован публикою с горячим энтузиазмом; на сцене появилось аллегорическое изображение его славы. По окончании представления опять раздались восторженные «ура».

Больших усилий над собою стоило князю Барятинскому, чтобы во все время этих торжеств скрывать не покидавшие его подагрические страдания. Но ему приходилось еще и на другой день выдержать бал, данный в честь его грузинским дворянством в городском саду, известном под названием сада «Муштаида». Бал на воздухе, среди иллюминованного сада, при стечении многочисленного нарядного общества был в полном смысле блестящий и достойно завершил торжество. Но после того князь Барятинский уже совсем слег в постель на целые два месяца.

По случаю возвращения наместника все общество тифлисское должно было в этом году съехаться ранее обыкновенного. Так как первоначально торжество готовилось на 30 августа, то и моя семья к этому дню уже собралась было покинуть Коджоры, но окончательно переселилась 2 сентября. В это лето жена моя вместе со своею сестрой и сыном ездила два раза в Манглис и на Белый ключ навестить любезных соседок: Людмилу Николаевну Фохт и графиню Елену Сергеевну Сумарокову-Эльстон. Мужья их только в начале года вступили в командование гренадерскими полками: Эриванским и Грузинским*.

* Полковник Фохт (Конст[антин] Густ[авович]) находился в отряде. Назначенный вместо него начальником Кавказской стрелковой школы подполковник Михаил Александрович Иолшин, товарищ Фохта по Царскосельской офицерской стрелковой школе и также рекомендованный мне А.П. Карцовым, прибыл в Тифлис только летом, в мое отсутствие, так что я познакомился с ним уже по возвращении из экспедиции.

* * *

Отправленная князем Барятинским 22 августа через Симферополь поздравительная телеграмма Государю получена была в Петербурге как раз утром 30 августа в Александро-Невской лавре. А.П. Карцов в письме от 11 сентября писал мне: «Слова депеши, что «Кавказ от Каспийского моря до Военно-Грузинской дороги покорен», многие считали фразой, и только добавление, что Шамиль осажден в Гунибе, придало этой фразе печать чего-то существенного ... Георгий 2-й степени, пожалованный Государем наместнику, считали наградою слишком высокою. Действительно, нам непонятны были ваши успехи или лучше сказать, мы представляли их не тем, чем они были в действительности. Письмо Ваше, присланное из Ахульго, убедило меня в действительности всего напечатанного. Вслед за тем телеграфическая депеша о взятии Шамиля произвела всеобщую и полную радость во всех. Это было таким очевидным доказательством справедливости всего, о чем в последние три года писали, что все сомнения исчезли, и даже те, которые громко говорили о слишком щедрой награде, полученной князем Барятинским, теперь сознают, что он заслужил эту награду»[323].

После первого известия по телеграфу о взятии Гуниба и пленении Шамиля пришло в Петербург и письменное донесение ко дню рождения Наследника Цесаревича 8 сентября. Подробности совершившегося важного события передавались друг другу в петербургском обществе со слов подполковника Граббе. Теперь только перестали глумиться над донесениями с Кавказа и поверили важности одержанных в три года успехов. Пленение Шамиля было фактом слишком осязательным. 8 сентября пожалованы награды: самому князю Барятинскому — орден Св. Андрея Первозванного с мечами; в числе ближайших его сотрудников я получил орден Св. Владимира 2-й степени. Всем поголовно объявлено Высочайшее благоволение, нижним чинам Чеченского и Дагестанского отрядов — по 1 рублю, а участвовавшим во взятии Гуниба — по 2 рубля. По мысли князя Барятинского, учреждена особая медаль в память покорения Восточного Кавказа.

В приказе главнокомандующего от 20 сентября объявлено Кавказской армии:

«Вследствие всеподданнейшего донесения моего Государю императору о штурме Гуниба и взятии в плен Шамиля, Его Им-

ператорское Величество в собственноручном рескрипте ко мне от 11 сентября соизволил начертать: «Слава Тебе Господи! И честь и слава тебе и всем нашим кавказским молодцам». Спешу передать эти слова и вместе с тем поздравить войска Кавказской армии»[324].

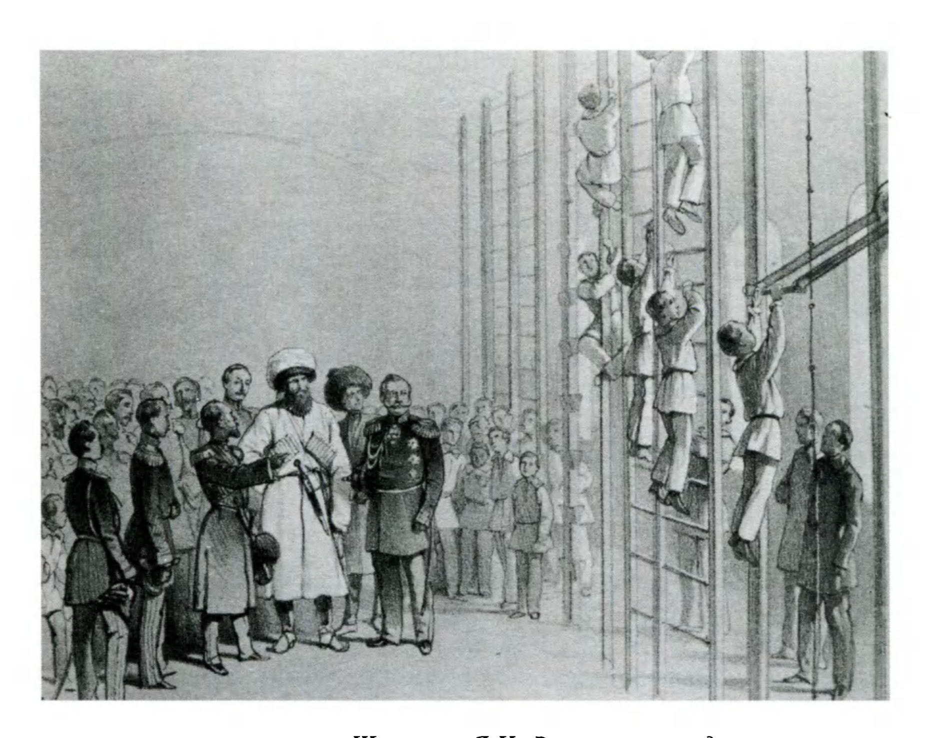
Вскоре после 8 сентября Государь предпринял путешествие на Юг России для смотров войск. Во время пребывания Его Величества в Чугуеве привезли туда нашего знаменитого пленника.

Как уже было сказано, Шамиль со всею своею семьей ехал от Кегерского лагеря до Темир-Хан-Шуры верхом, под конвоем целого батальона и дивизиона драгун. По донесению полковника Тромповского, с первых же дней путешествия пленник заметно ободрился, видя в обхождении с ним всех окружавших знаки внимания и уважения. Встречавшимся на пути туземцам-мусульманам не препятствовали приближаться к бывшему имаму, некоторые из них почтительно целовали его руки. В Кутишахе Шамиль ночевал в доме полковника Лазарева. В Кумтер-Кале встретило его целое общество дам, приехавших из Петровска, чтобы взглянуть на интересного пленника. Как здесь, так и в Шуре ему оказывали всякие любезности, чествовали его, угощали. В Темир-Хан-Шуре надобно было остановиться на несколько дней, чтобы изготовиться к предстоявшему дальнему путешествию, чтобы одеть и обуть как самого Шамиля, так и сопровождавшего его старшего сына Казы-Магома. Остальная семья была временно водворена в Шуре.

Шамиль, никогда еще не видавший европейского экипажа, нашел путешествие в карете весьма комфортабельным. Его поразили, конечно, обширность наших равнин и дальность расстояний. В Чугуеве попал он в самый развал* царского смотра: многочисленная военная свита, блестящая обстановка, суета, масса войск — все это произвело на горца подавляющее впечатление. По свидетельству очевидцев, Шамиль опять упал духом, готовясь со страхом предстать перед падишахом. При самом представлении Государю Шамиль был бледен и дрожал, как в первую ночь после сдачи в плен. Он пал ниц перед Его Величеством. Но Государь снова ободрил старика милостивым приемом, объявил ему свою волю, чтобы он побывал в Петербурге,

---

* *Развал* (прост. устар.) — пора наиболее полного развития, оживления чего-либо; разгар (***примеч. ред.***).



Шамиль и Я.И. Ростовцев в кадетском корпусе.

а затем назначил местом постоянного пребывания Калугу, куда обещано перевезти и всю его семью.

В Петербурге Шамиль был принят так милостиво Государем, императрицей, всеми членами царского семейства, так обласкан всеми сановниками, что он окончательно успокоился; все прежние сомнения его исчезли. Его должны были поразить чуждое горцу великодушие императора и благодушие русского народа, от которого, по его понятиям, мог ожидать только мести и злобы, а не ласк и любезностей. Любезности эти доходили даже до излишества. Не только наша «публика», но и люди «власть имущие» обыкновенно во всем хватают через край, пересолят, особенно же наш прекрасный пол. Так и с Шамилем везде, от Дагестана до Петербурга, нянчились с ним крайне бестактно: возили его по балам, публиковали в газетах, где будет он в такие-то дни и часы, спрашивали у него мнение о наших войсках и т. д.

Прибыв потом в Калугу, где Шамиль был водворен со всеми удобствами, он написал (11 октября) благодарственное письмо к

Шамиль в театре

князю Барятинскому: «Я понимаю и чувствую, — писал он, — что только благодаря тебе я был принят так милостиво Государем. Он совершенно успокоил меня, сказав, что я не буду раскаиваться в том, что покорился России. Государыня, все царское семейство и все главные начальники также оказали мне большое внимание, — и всем этим я обязан тебе. Государь назначил мне местом жительства Калугу, и в этом городе мне приготовлено удобное, прекрасное помещение. Братья твои, которых я видел в Петербурге, очень были со мною ласковы; я был у них в ложе в театре и получил в подарок бинокль»... и т. д.

С трудом вериться, что письмо это писано человеком, который за два месяца перед тем был главою мюридизма и злейшим нашим врагом. Письмо Шамиля привез его сын Казы-Магома,

присланный на Кавказ за семейством, которое вслед за тем и было перевезено из Шуры в Калугу.

Приведенное первое письмо Шамиля было написано по-русски, вероятно, со слов его полковником Руновским, назначенным «приставом» при нашем пленнике. Руновский служил на Кавказе, знал восточные языки и знаком был с духом и нравами кавказских горцев. Князь Барятинский ответил Шамилю ласковым письмом, в котором выразил желание, чтобы впредь он писал письма сам на арабском языке. «При мне есть довольно людей, знающих основательно этот язык, — писал наместник, — они верно передадут мне содержание твоих писем, которые таким образом будут для меня ценнее, ибо останутся у меня, как память о тебе и прямое выражение неискаженных чувств твоих ко мне». Последующие письма Шамиля к князю Барятинскому были уже собственноручные на арабском языке[325].

Князь Барятинский получал отовсюду бесчисленные поздравления с блестящим его успехом. Великий князь Константин Николаевич, только что возвратившийся из Англии*, писал: «Позволь от души обнять тебя, любезнейший Александр Иванович, после ряда подвигов, исполненных тобою в течение этого лета, не только славных сами по себе, но главное — по тем огромным и прочным последствиям, которые они будут иметь и которые ты сумеешь из них вывести. Ты уже составил тем твоему имени такое место в нашей истории, которое ничто у тебя не отнимет»**.

Военный министр в своем поздравительном письме (от 11 сентября)[327] сумел все-таки вклеить замечания, неприятные для князя Барятинского, о чем скажу в своем месте. Зато письмо В.П. Буткова (от 24 сентября) было похоже на хвалебный гимн. «Нам русским, — писал он, — надобно гордиться, что между нами в настоящую эпоху есть лицо, подобное Вам, князь, умевшее глубокими соображениями, по плану, тщательно обду-

---

* Великий князь из большого своего путешествия возвратился в Петербург еще в июне и, поселившись в Стрельне, снова принял деятельное участие в поднятых тогда важнейших делах государственных, в особенности занялся усердно в Финансовой комиссии. Но едва прошли три недели, врачи признали необходимым снова отправить его за границу, на остров Уайт. Великий князь отправился туда 14 июля на фрегате «Светлана» и оставался там около шести недель. Купания и благотворный воздух принесли Его Высочеству заметную пользу.

** Письмо от 22 сентября[326].

манному, совершить в течение трех лет то, что думали сделать и не сделали в продолжение полустолетия. Вам, князь, и слава, и честь. Слава и честь Государю, Вас выбравшему. Без лести и с полною искренностью скажу Вам, что при теперешнем положении дел Ваше Сиятельство едва ли не единственное лицо в целой России, которое вполне соответствует своему высокому назначению и доказало на деле свою глубокую предусмотрительность, свой великий ум и свои отличные государственные и военные способности. Право, князь, хвалить Вас невозможно: перед Вами можно только поклоняться и благоговеть»[328] и т. д.

Со своей стороны, А.В. Головнин* в письме от 21 сентября выразился так: «От всего сердца поздравляю Вас; позвольте выразить Вам, что все истинные патриоты, с которыми я говорил о Ваших успехах, глубоко Вам благодарны за Россию. Вы начертали Ваше имя в истории крупными буквами и прибавили блестящую страницу к истории царствования императора»[329].

Несколько позже (7 декабря) Головнин писал мне: «Только Кавказ и доставляет Государю радостные вести и утешения во многих огорчениях, которые ему приходится терпеть». В другом письме (от 20 января 1860 г.) говорил он: «После того, что сделано на Кавказе, и при тех мирных преобразованиях и устройствах, которые вами предполагаются, Петербург не может более смотреть на Кавказ, как на бочку Данаид, поглощающую деньги, собираемые с России с большим трудом. Кавказ представляется нам как плодородная почва, в которую должно сеять, в уверенности получить богатую жатву, но для этого нужны деньги»[330].

Читая эти строки, с трудом веришь, что они писаны тем же пером, которое еще так недавно систематически ратовало против излишества расходов на Кавказе, против расточительности и славолюбия его наместника. Вообще в Петербурге — и в публике, и в правительственных сферах заговорили о Кавказе совсем иначе, чем прежде.

Очень польстило князю Барятинскому письмо, полученное им несколько позже от нашего посла в Париже графа П.Д. Киселёва, который, благодаря за доставленную ему через князя Горчакова карту Кавказа, вместе с тем поздравлял с одержанным успехом: «Я давно предугадывал подобный результат,

* 8 сентября А.В. Головнин получил звание статс-секретаря.

которого Ваша неуклонная твердость во всех отношениях заслужила. ... Мне остается только прибавить, что во Франции следили с живым интересом за победами Кавказской армии, и полагаю с большим сочувствием, чем соседи их по другую сторону Ла-Манша»[331].

Действительно, неожиданный оборот дел на Кавказе произвел сильное впечатление и в Европе. А.П. Карцов, в приведенном выше письме (от 11 сентября)[332], писал: «Особенно будут злиться и ругаться англичане. По странному стечению обстоятельств, телеграфические депеши о плене Шамиля были напечатаны в газетах рядом с известием о том, что китайцы побили англичан в устье Пейхо[333]. Это последнее событие перетолковано англичанами как интрига русских, и даже сделан формальный вопрос нашему министерству: каким образом русские солдаты были на китайских батареях? Англичане серьезно уверяют, что видели на батареях серые шинели и слышали слова: "давай мне пороху"».

К этому Карцов добавляет: «Посмеялся я от души, читая рескрипт Государя военному министру, где он благодарит в особенности за средства, доставленные Кавказской армии!»

Не без основания удивлялся Карцов, что в наших газетах не была опубликована реляция о последних наших военных действиях, в особенности о штурме Гуниба, и сетовал, что составленная Щебальским для издания Краевского статья о значении одержанных на Кавказе успехов не была допущена к напечатанию Кавказским комитетом. Карцов видел в этом умысел ослабить то благоприятное впечатление, которое успехи наши произвели в публике*; прибавлю от себя — и в Европе.

Блеск, озаривший нашего главнокомандующего, отразился в некоторой мере и на его начальнике штаба. Получал и я на свою долю поздравления. Между прочим А.В. Головнин сделал мне такой лестный комплимент: «Прежде вы *писали* историю, теперь — vous faites de l'histoire**. Я понимаю, что Вы предпочли последнее и сознаюсь, как я был неправ, когда при отъезде Вашем из Петербурга горевал, что Россия лишается лучшего своего военного историка»***.

---

* Письмо от 19 сентября[334].

** вы делаете историю (*фр.*).

*** Письмо от 7 декабря 1859 года[335].

В числе полученных поздравлений удивило меня письмо от *Ивана* Онуфриевича Сухозанета (от 12 сентября), привезенное поручиком Бутурлиным (переведенным из гвардии в армию за какой-то проступок). Бывший мой начальник по Военной академии писал мне: «Je pense, mon cher général, que vous ne doutez pas de ma sincère affection, ainsi que de l'intèrêt constant et vrai que je vous porte. Recevez donc mes félicitations quoique tardives, mais très amicales*. Блистательное завоевание Восточного Кавказа будет причислено к знаменитейшим военным событиям. Ваш главнокомандующий покрыл себя славою и стяжав высокую признательность царя, вместе с тем и всеобщее уважение, особенно тех, которые без зависти будут оценивать его действия. Пятидесятилетняя рана залечится, и Россия не будет разоряться. Слепой и больной, живу воспоминаниями. Брал из Военной академии карту Кавказа и над нею проводил несколько дней приятных и вспоминал, что Вы по предчувствию над нею трудились»[336].

* * *

В первые два месяца по возвращении в Тифлис князь Барятинский пролежал в постели. Осилив с изумительным самообладанием свой подагрический недуг в продолжение похода, он должен был, разумеется, вынести потом и неизбежные последствия чрезмерного напряжения сил, физических и нравственных, а еще более — губительного действия ядовитого средства, к которому он обыкновенно прибегал, чтобы временно заглушать страдания.

В то же время и мне суждено было выдержать тяжкую и продолжительную болезнь. В один очень теплый сентябрьский вечер после представления в театре, возвратившись домой пешком в сильной испарине, попал я на сквозняк и схватил простуду, последствием которой был брюшной тиф. Некоторое время пролежал я совсем в бессознательном состоянии.

Совпадение моей болезни с продолжительным недугом самого главнокомандующего причинило, разумеется, некоторый перерыв в ходе дел. Между тем Государь, предприняв снова поездку на Юг России, пригласил на свидание с ним князя Баря-

* «Я думаю, дорогой генерал, что Вы не сомневаетесь в моей искренней любви, так же как и в постоянном и истинном интересе, который я к Вам испытываю. Поэтому примите мои хоть и запоздалые, но самые дружественные поздравления» (*фр.*).

тинского в Николаеве к 28 сентября[337]. Последний должен был ответить, что уже 10 дней не покидает постели, лишенный употребления обеих ног и правой руки, так что не может даже писать собственноручно, а потому, к величайшему своему огорчению, лишен возможности воспользоваться милостивым приглашением Его Величества и вынужден отложить до другого случая личный доклад по многим вопросам, крайне важным для дальнейшего хода дел на Кавказе[338].

На это письмо Государь ответил выражением сердечного своего соболезнования и предложил князю Барятинскому приехать в Петербург, когда он оправится от болезни[339]. Предложение это было принято больным с радостью: он чувствовал сердечную потребность лично выразить Государю свою признательность за все оказанные милости и между прочим по семейным делам, именно: относительно передачи майоратного имения младшему брату — князю Владимиру Ивановичу Барятинскому. «Этим решением, — писал князь Александр Иванович, — Ваше Величество снимаете с моего сердца тяжелый камень»[340]. В том же письме (2 ноября) высказал он надежду, что, получив облегчение, будет в состоянии предпринять дальнее путешествие недель через пять или шесть и, следовательно, прибыть в Петербург в исходе декабря.

Выше было упомянуто, что в числе множества полученных князем Барятинским поздравительных писем было довольно странное письмо военного министра (от 11 сентября), который нашел уместным добавить к своему поздравлению некоторые замечания, заведомо неприятные для князя Барятинского и вызвавшие с его стороны возражения. Повод к этим новым пререканиям заключался в следующем: в одном из прежних отзывов к военному министру, излагая свои соображения о предстоящих действиях, князь Барятинский упомянул, что войска, временно находившиеся на Кавказе, будут удержаны *до исхода 1861 года.* Фраза эта в подлинном отзыве главнокомандующего была Государем подчеркнута, а генерал Сухозанет, почему-то вообразив себе, что князь Барятинский нарушает свое обещание и задерживает означенные войска долее назначенного срока, заметил это в своем письме от 11 сентября, употребив при этом французскую фразу: «Soyez donc esclave de votre parole»*. Князь Баря-

* «Итак, извольте быть хозяином своего слова» (*фр.*).

тинский нашел обидным для себя такое напоминание и в ответе своем (от 9 октября) указал генералу Сухозанету неосновательность его упрека, так как в его же собственном уведомлении от 25 октября 1858 г. было положительно сообщено Высочайшее соизволение на удержание тех войск на Кавказе *до осени 1861 года*[341].

Другое, еще более странное недоразумение произошло из того, что генерал Сухозанет понял превратно выраженное князем Барятинским в отзыве от 4 августа 1859 г. соображение относительно возрождения христианства в горах Кавказских. Испрашивая в этом отзыве Высочайшее разрешение объявить прощение всем взятым в плен беглым русским солдатам, которых число простиралось до 500 человек, высказал по этому поводу мысль, что многие из этих беглых, прожившие долго между горцами, переженившиеся на мусульманках, прижившие с ними детей, «придя к раскаянию, захотят вернуться в лоно православной церкви и таким образом составят как бы первое зерно русского христианского населения в этом иноплеменном мусульманском крае»[342]. Мысль эту Сухозанет понял так, как будто князь Барятинский предполагает «переженить на мусульманках до 500 выбранных нижних чинов, дабы сим восстановить в крае христианство», — и счел нужным указать опасность такой меры. Князь Барятинский в ответном письме (9 октября), конечно, возразил, что никогда ни на словах, ни на письме не выражал подобной несбыточной мысли (можно бы прямо сказать: нелепой).

* * *

Когда в состоянии здоровья князя Барятинского наступило некоторое облегчение и я также оправился от болезни, надобно было приняться за работу с усиленною деятельностью, дабы наверстать невольный перерыв занятий. Некоторые крупные и сложные работы, предпринятые еще с прошлого года, как то: преобразование Кавказского интендантства, госпитальной и медицинской части, также проект фортификационных работ в Тифлисе и в других пунктах Закавказья, — необходимо было привести к окончанию до предстоявшей поездки главнокомандующего в Петербург, дабы воспользоваться личным его влиянием для скорейшего и успешного разрешения

этих дел*. Между тем выступила на очередь важнейшая, можно сказать, насущная в то время задача — переустройство местной администрации туземным населением края — задача, вызванная последними событиями в восточной половине Кавказа.

Прежде всего необходимо было установить новое военно-административное деление этой части края: Лезгинскую линию признано возможным упразднить, передав в ведение дагестанского начальства население нагорных котловин между Водораздельным хребтом и северным Снеговым (Дидо, Капуча, Анкратль, Джурмут). Зато положено выделить из Дагестана и передать начальству Левого крыла Салатавию и весь южный склон Андийского хребта (Гумбет, Андию, Технуцал, Чамалаль, Ункратль). Положено изменить и самые наименования главных отделов края: взамен Правого крыла, Левого крыла, Прикаспийского края образовать *области*: Кубанскую, Терскую и Дагестанскую; в каждой из них слить в одних руках все части управления: военное, казачье, гражданское, горское (военно-народное). С упразднением Лезгинской линии все войска в Закавказском крае (за исключением Кутаисского генерал-губернаторства) положено подчинить начальнику Кавказской гренадерской дивизии. В каждой из областей установлялось новое деление на округа сообразно удобствам управления и группировке разноплеменного населения. За исключением прежних ханств, Аварского и Мехтулинского, где восстановлено ханское управление в лице Ибрагим-хана и Решид-хана, да ханства Кюринского, где доживал еще Юсуф-бек (генерал-майор Свиты Е.В.)[343], во всех остальных горских округах вводилось управление «военно-народное»: во главе его ставились русские офицеры (между ними много грузин и армян), которым подчинены низшие должностные лица из туземцев, под привычными народу наименованиями наибов, кадиев, старшин и проч. На эти должности назнача-

* Далее в оригинале зачеркнуто: «Затем выступала на очередь важнейшая задача — переустройство местного военно-народного управления (*неразб.*) наиболее сложных дел, предпринятых еще с прошлого года, как то: преобразования Кавказского интендантства, госпитальной, медицинской части, также проект фортификационных работ в Тифлисе и в других пунктах Закавказья, проект изменений в военно-административном устройстве Кавказа и другие. К разработке первых трех проектов было приступлено еще в предшествовавшем году, изменения же в военно-административном устройстве края вызывались последними событиями — коренным оборотом в положении восточной половины Кавказа» (*примеч. публ.*).

Юсуф-бек-Таир-бек-оглы, хан Кюринский

лись те из влиятельных в народе лиц, которые внушали более доверия русской власти. В число их попали некоторые из прежних шамилевых наибов. Такая форма управления, обеспечивая интересы русской власти, вместе с тем приходилась по душе и самому населению, так что впоследствии пришлось распространить ее и на те части края, где на первое время князь Барятинский счел нужным восстановить ханское управление, вопреки его же собственным принципам. При таком устройстве управления те личности из туземцев, которые почему-либо имели влияние в среде населения, обращались в орудие русской власти под надзором русских офицеров. С тою же целью из туземного населения формировались местные милиции или стражи, которые, исполняя полицейскую службу, давали возможность без помощи войск укрощать в самом зародыше всякие попытки беспокой-

ных голов возбуждать в народе волнения или даже восстания. Милиции служили пристанищем для тех бездомных людей, которые, привыкнув к неурядице и тревожной жизни, теперь, с наступлением мира и спокойствия, оставались без средств существования и от безделья были бы готовы на всякое злодейство.

В новом устройстве администрации и суда имелось в виду согласовать по возможности виды русской власти с обычаями и нравами туземного населения, устраняя притом систематически влияние мусульманского духовенства, в руках которого доселе сосредоточивалась враждебная нам власть над горским населением. Власть эта сделалась наконец невыносимою и для самого населения, доведенного суровым гнетом мюридизма, частыми переселениями с места на место, непрерывною войной до полного разорения. В некоторых частях края все селения были в развалинах; масса людей оставалась без крова и средств существования. Поэтому первою нашею задачею было — дать новопокорившемуся населению возможность поправиться в хозяйственном быту. Большинство горцев было радо успокоиться наконец от тревог и бедствий непрерывной войны и принялось охотно за мирную работу. В особенности требовалось от русской власти озаботиться устройством чеченского населения, перемещенного на новые места; следовало наделить аулы земельными участками и определить права поземельной собственности. Для этого учреждались местные поземельные комиссии, но, к сожалению, приведение в действие их распоряжений тормозилось скудостью межевых средств.

Князь Барятинский понимал важность административных мер, клонящихся к улучшению экономического благосостояния края. На первый план ставил он проложение удобных путей сообщения, содействие торговле, промышленности и т. д. В отзыве к военному министру от 13 ноября, сообщая ему предположения о военных действиях на 1860 г., главнокомандующий писал: «Я на сей раз могу с душевною радостью довести до сведения Вашего Высокопревосходительства, что, за исключением лишь Правого крыла, на всем остальном протяжении вверенного мне края военных действий нигде не предвидится. Ныне, с покорением всей восточной половины Кавказа, нам открывается здесь обширное поле мирной деятельности: уже не силою оружия, но мерами административными и работами должно отныне укрепляться и упрочиваться достигнутое нами после полувековой

борьбы господство над воинственными племенами Чечни и Дагестана»[344].

Что касается западной половины Кавказа, где отныне должны исключительно сосредоточиваться военные действия, то главнокомандующим было предположено усилить войска в том крае передвижением некоторых частей из других отделов, а именно: всех 4 стрелковых батальонов, 12 сводных стрелковых батальонов, составленных из стрелковых рот всех полков гренадерской, 20-й и 21-й пехотных дивизий и трех драгунских полков. Частям этим назначено двинуться на Правое крыло раннею весной, после необходимого отдыха. Общий план будущих действий в том крае, в сущности, заключался в том, чтобы заставить все горское население выселиться на Закубанскую равнину или же совсем покинуть Кавказ; казачье же население выдвинуть вперед, заняв станицами всю полосу вдоль подошв гор и в предгорьях. В той же полосе расположить и штаб-квартиры всех четырех полков 19-й пехотной дивизии. Из них два полка уже были водворены: в Майкопе (на р. Белой) и в Крымском (на р. Адагуме), третий перемещался в Псебай, оставалось выбрать пункт для четвертого полка в промежутке между Белой и Адагумом.

Мысль о поголовном выселении из гор всего туземного населения и занятие всей предгорной полосы сплошь казачьими станицами — вообще не одобрялась в Петербурге и вызвала сильные возражения: в отношении казаков — предположенное массовое переселение считалось мерою крайне тягостною, разорительною, особенно протестовал атаман Донского казачьего войска, из которого предполагалось взять до 25 тыс. душ; в отношении горцев говорили, что предположенная слишком жестокая мера доведет их до озлобления и отчаянного сопротивления. Нельзя, конечно, отрицать вполне основательность этих возражений; действительно, меры предполагались крутые и тягостные как для горцев, так и для казаков. Но это было единственное и неизбежное средство для разрешения задачи — прочного умиротворения западной половины Кавказа. Князь Барятинский не настаивал на переселении донских казаков и признал возможным всю тягость предстоящей меры возложить на кавказские казачьи войска, относительно же горцев — решился открыть им, как предохранительный клапан, беспрепятственный путь в Турцию.

* * *

Успехи наши в восточной половине Кавказа не могли не отразиться и на западной его половине. Мелкие племена в горных долинах между верховьями Белой и Кубани присмирели; бжедухи, доведенные до крайности испытанным ими в прошлую зиму погромом, лишенные с вырубкою леса главной своей защиты, вынуждены были переселяться крупными селениями на указанные начальством места по левому берегу Кубани. Взятие же Гуниба и пленение Шамиля произвели такое впечатление на закубанские племена, что самое сильное из них, абадзехи, начали склоняться к покорности.

В октябре генерал Филипсон, стянув отряд у Каладжинского укрепления (на Большой Лабе, при выходе ее из гор), двинулся к урочищу Хамкеты, где предполагалось устроить новое укрепление, почти на середине расстояния между Лабой и Белой. Расположившись тут лагерем, приступил он к вырубке окрестного леса и приготовлению места под укрепление. В начале ноября явилась в лагерь депутация от абадзехов с предложением условий *примирения*. Им объявлено, что требуется не примирение, а покорность, причем назначен срок для окончательного решения. К этому сроку неожиданно явился в Хамкетинский лагерь сам Магомет-Эминь в сопровождении большого числа абадзехских старшин с конвоем из 2 тыс. всадников. После непродолжительных переговоров 20 ноября абадзехские старшины с Магомет-Эмином во главе принесли присягу покорности русскому царю с оговоркою, что народ абадзехский сохранит неприкосновенно веру, обычаи, земли и будет навсегда освобожден от податей и воинской службы.

Покорность на таких условиях, конечно, была далеко не полная и притом ничем не обеспеченная. Важнее была для нас личная присяга Магомет-Эминя, который считался наместником Шамиля среди закубанских племен и составлял главное между ними звено в борьбе с русскими. Добровольное его отречение от этой роли было, несомненно, последствием падения самого Шамиля. Вместе с тем оно служило явным признаком ослабления в закубанском горском населении прежней воинственной энергии и прежнего самообольщения: горцы поняли, что продолжать еще долго борьбу с русскими им не под силу, что независимости их близок конец. Между приморским населением уже началось

Магомет-Эмин

стремление к выселению в Турцию. В декабре изъявили наконец покорность и натухайцы (до 25 тыс. человек).

Донесение генерала Филипсона о принесении покорности абадзехами и самим Мегмет-Эмином прислано было в Тифлис с находившимся при отряде полковником Свечиным, который с тем же донесением был отправлен в Петербург. При этом главнокомандующий в письме к Государю от 28 ноября выразил мнение, что покорность Мегмет-Эминя и абадзехов должна повлиять на остальные племена Западного Кавказа. Князь Барятинский предварил Государя о своем намерении предложить Мегмет-Эмину отправиться в Петербург и по этому поводу заметил: «Хотя он и не пользуется такою общею известностью, как Шамиль, однако ж и наши западные соседи хорошо знакомы с этим внушительным именем». Главнокомандующий просил Государя наградить Филипсона орденом Св. Александра Невского и выразить Высочайшее внимание войскам Правого

А.А. Свечин

крыла, заслуги которого «не по их вине оставались доселе безвестными»[345].

Полковник Свечин поспел в Петербург к торжественному дню 6 декабря[346]. Привезенное им известие произвело большой эффект: ему придали большую важность, чем оно действительно представляло; в нем видели уже начало умиротворения всей западной половины Кавказа. В тот же день князю Барятинскому пожалована новая высокая награда — чин генерал-фельдмаршала, а Кабардинскому полку повелено именоваться «Кабардинским пехотным фельдмаршала князя Барятинского» полком. Генералу Филипсону пожалован, согласно ходатайству главнокомандующего, орден Св. Александра Невского, а полковник Свечин зачислен в Лейб-гусарский полк, в котором начал он службу.

Для вручения князю Барятинскому фельдмаршальского жезла и Высочайшего рескрипта послан флигель-адъютант Дурново, который встретил нового фельдмаршала уже в пути.

ПОЕЗДКА НОВОГО ФЕЛЬДМАРШАЛА В ПЕТЕРБУРГ*

Князь Барятинский выехал из Тифлиса 12 декабря. С ним ехали по-прежнему Лимановский, Кузнецов и один из адъютантов. Я проводил его до станицы Прохладной, где встретил его генерал Филипсон. Из Прохладной возвратился я во Владикавказ и провел здесь два дня для совещаний с графом Евдокимовым по некоторым делам, в особенности же по вопросу о выселении горцев в Турцию. Это был один из важнейших вопросов, по которым главнокомандующему предстояло объясняться с министром иностранных дел и докладывать Государю. Кроме того, нужно было мне сговориться с графом Евдокимовым насчет предстоявшего передвижения войск с Левого крыла на Правое, предположенного формирования свободных батальонов и полков из стрелковых рот, а также некоторых вопросов по устройству администрации во вновь покоренном крае и т. д.

Из Владикавказа предпринял я поездку в долину Ардона, по которой предложено было разработать новую дорогу, названную «Военно-Осетинскою», для кратчайшего сообщения Северного Кавказа с Рионскою долиной. По кратчайшему пути проехал я в станицу Алагирскую, расположенную при самом выходе р. Ардона из Горной долины и оттуда в Алагирский горный завод, где остановился переночевать. Завод этот, устроенный в недавнее время (с 1859 г.) при Садонском свинцово-серебряном руднике, произвел на меня очень хорошее впечатление своим благоустройством и внушительными размерами; производительность его, возраставшая с каждым годом, достигала уже (в 1859 г.) $31^1/_2$ пуда серебра и 9 630 пудов свинца. С любопытством осмотрел я завод и рудник, выслушивая объяснения водивших меня офицеров Корпуса горных инженеров. На другой день отправился я верхом вверх по долине Ардонской, в сопровождении офицеров Корпуса путей сообщения. В то время вдоль Ардона пролегала только вьючная тропа, которая по мере углубления в горы становилась все круче и труднее. Река Ардон, прорываясь сквозь северный Снеговой хребет (между двумя высокими

---

* В автографе первоначальный вариант заголовка следующий: «Поездка фельдмаршала князя Барятинского в Петербург (декабрь 1859 — февраль 1860 г.)» (*примеч. публ.*).

вершинами до 15 550 футов над уровнем моря), образует ущелье «Зилинг-Дуар» (что значит «Кривые ворота»), не уступающее Дарьяльскому ущелью своею дикою грандиозностью. Далее, между северным Снеговым хребтом и южным Водораздельным образуется довольно обширная возвышенная котловина, заключающая в себе истоки Ардона; по ней пролегают тропы к разным перевалам через Водораздельный хребет, вершины которого достигают 13 тыс. футов. Перевалы Зикорский и Рокский ведут в бассейн р. Лиахвы к Гори; перевалы Чанчахи и Мамисонский — в бассейн Риона, в Рачу и далее через Они — к Кутаису. Вся долина Ардона заселена осетинами, народом христианским, крайне бедным, разбросанным мелкими деревушками по скатам гор до высоты 5,5 тыс. футов над уровнем моря. Из названных четырех перевалов через Главный хребет избран был Мамисонский для разработки дороги в направлении к Кутаису. По этому направлению проехал и я. Вся поездка моя, чрезвычайно занимательная и приятная, совершилась вполне удачно, при самой благоприятной погоде.

Возвратился я в Тифлис за два дня до праздников Рождества, когда в городе уже ходил слух о производстве князя Барятинского в генерал-фельдмаршалы. Слух этот подтвердился письмом, полученным мною от Лимановского из Ставрополя (от 15 числа)[347], где главнокомандующий узнал первоначально о новой, совершенно неожиданной награде из поздравительной телеграммы полковника Свечина. Вслед за тем прибыл в Тифлис фельдъегерь, присланный от нового фельдмаршала со станции Меркуловской (Донского войска), где 17 числа встретил его флигель-адъютант Дурново. С фельдъегерем присланы были следующие два приказа, написанные князем Барятинским тотчас по получении рескрипта на станции Меркуловской:

Приказ Кавказской армии

«Государь император, в Августейшем внимании к трудам и подвигам вашим, Всемилостивейше соизволил пожаловать меня генерал-фельдмаршалом и Высочайше повелел Кабардинскому пехотному полку впредь именоваться Кабардинским имени моего полком.

Благодарю вас, храбрые товарищи Кавказской армии, за высокую Монаршую милость, мною полученную».

Приказ Кабардинскому пехотному полку

«Храбрые кабардинцы! Вместе с назначением меня генерал-фельдмаршалом, Государю императору угодно было связать мое имя с вами. Каждому из вас понятно мое счастье».

Новые царские милости были приняты в Тифлисе с общим сочувствием. Приказы главнокомандующего были отпечатаны в самый день получения их и разосланы по всей армии, по всему Кавказскому краю. Новый фельдмаршал был осыпан массою поздравительных писем. Путешествие его на север, в зимнее время, было утомительно и замедлялось дурными дорогами и поломками в экипажах, так что прибыл он в Петербург только 27 декабря, двумя днями позже предположенного. На пути везде встречали его с подобающими почестями; в Москве приготовлено было для него помещение в Кремлевском дворце. В Петербурге для встречи фельдмаршала съехалось на железнодорожный вокзал множество военных и, конечно, все кавказцы.

Это был день воскресный. Прямо со станции фельдмаршал проехал в Зимний дворец, где отведено было для него помещение, и сейчас же представился Государю. Встреча была самая задушевная. Немедленно приехали представиться фельдмаршалу Наследник Цесаревич, все великие князья, многие из старших генералов, а потом сам Государь зашел к нему и повез его с собой в Михайловский манеж на развод. Остановившись перед фронтом войск, Государь скомандовал: «на караул» и возгласил: «Ура новому фельдмаршалу». Само собою разумеется, что это «ура» было дружно подхвачено и войском и всеми присутствовавшими. Князь Барятинский, тронутый до глубины сердца, снял папаху и поцеловал руку Государя, что, по словам Лимановского*, «очень понравилось всей петербургской публике».

Князь Барятинский, конечно, был очень польщен полученными высокими наградами и оказанным почетом, но смущала его мысль, что он обязан ими не существенным заслугам своим, а случайному событию, которому сам не придавал особенной важности. Как бы предугадывая это, я в поздравительном письме своем (от 25 декабря) высказал: «В лице Вашем награждена целая армия Кавказская за все, что исполнено ею в течение последних трех лет»[349]. В ответе своем (от 9 января) князь Барятин-

* Письмо его ко мне от 28 декабря[348].

Унтер-офицер Кабардинского полка. Рис. Т. Горшельта

ский писал: «Ваше любезное письмо от 25 декабря, которое я получил вчера, весьма меня обрадовало. Благодарю за сердечное Ваше выражение при поздравлении меня с чином, которого я, как Вы сами знаете, никак не ожидал. Три дня оставался я совершенно обремененным от этой высокой милости, и чин этот, который обыкновенно так радует, опечалил меня выше всякого выражения. Вы согласитесь со мною, что награда эта за Гуниб или за всю нынешнюю кампанию не произвела бы такого действия, но покорность абадзехов, по мнению моему, еще слишком шатка, чтобы удостоиться такого высокого звания. Впрочем, Ваше письмо в этом отношении меня немного успокоило»[350].

Впоследствии сам князь Барятинский рассказывал, что он при первом же представлении своем Государю, принося свою

глубокую признательность за высокую награду, прямо спросил, за что именно она пожалована ему. «Если за покорность абадзехов, — сказал он, — то я должен с огорчением доложить, что в таком случае она незаслуженная». На это Его Величество отвечал: «Нет, я находил, что ты недостаточно был награжден за покорение Восточного Кавказа, и воспользовался первым случаем, чтобы поправить дело».

В Тифлисе ожидали с нетерпением первых известий о приезде фельдмаршала в Петербург, но в то время сообщение было крайне медленное: даже курьеры приезжали только на 9-й или 10-й день. Между тем наступил новый 1860 год. Общество тифлисское встретило его, по обычному порядку, на бале во дворце наместника. За отсутствием настоящего хозяина гостей принимал князь Григорий Дмитриевич Орбельяни со свойственным ему радушием. Бал прошел оживленно и весело.

Но начало 1860 г. было омрачено трагическим происшествием в Манглисе, штаб-квартире лейб-гренадерского Эриванского полка. Командир этого полка полковник Фохт предательски убит выстрелом через окно в ночное время, когда он собирался ложиться спать. Подлое это преступление совершено офицером того же полка Макеевым, который пытался бежать за границу, но был пойман и предан суду. Известие об этом происшествии произвело в Тифлисе тяжелое впечатление, оно очень огорчило меня и мою семью, так как мы были в дружеских отношениях с Константином Густавовичем и Людмилой Николаевной. Жена моя на другой же день происшествия поехала в Манглис к бедной вдове, пораженной горем. Мною сделаны немедленно надлежащие распоряжения: полковник князь Туманов послан в Манглис для производства строгого следствия, а помощник начальника Кавказской гренадерской дивизии генерал-майор князь Реваз Ив[анович] Андроников поспешил туда для приведения в известность хозяйственного состояния полка и передачи его во временное командование старшего в полку штаб-офицера. В полку найдено все в примерном порядке и благоустройстве. Следственная комиссия не открыла ничего, что могло бы вызвать совершившееся тяжкое преступление, кроме того пустого повода, который признавал сам убийца, оправдывавший свой гнусный поступок мщением за то, что он был исключен из числа офицеров, приглашаемых на вечера у полкового командира. Самоуверенность и равнодушие, с которыми преступник от-

носился к своему преступлению, возбуждали негодование и в обществе и в полку. Князь Барятинский по получении донесения о происшествии в Манглисе был крайне возмущен и приказал судить Макеева по законам военного времени («полевым судом») с предоставлением князю Гр[игорию] Дм[итриевичу] Орбельяни конфирмовать приговор, дабы покончить это грустное дело до возвращения фельдмаршала в Тифлис. Так и было исполнено: Макеев был приговорен к расстрелянию, и приговор приведен неотлагательно в исполнение. Вдове Фохт исходатайствована пожизненная пенсия в 1500 рублей. Командиром Эриванского полка, по выбору самого Государя, назначен флигель-адъютант полковник князь Голицын (Борис Фёдорович).

О пребывании князя Барятинского в Петербурге имел я частые известия через полковника Лимановского, а по временам получал письма от самого фельдмаршала. Первые дни по приезде его прошли в непрерывных приемах, визитах, званых обедах, балах, так что едва оставалось время для занятий делами. В честь фельдмаршала дан был Государем парадный обед; другой большой обед по подписке дан в Английском клубе; было два бала в Зимнем дворце и несколько балов у великих князей. Князь Барятинский не мог долго выдерживать такой образ жизни: как и следовало ожидать, не прошло и трех недель, как снова возвратились приступы подагры. На зимнем параде войск Петербургского гарнизона он почувствовал себя так дурно, что его сняли с лошади и пришлось ему некоторое время пролежать в постели. В половине января князь Барятинский писал мне: «Трудно словами выразить петербургскую хлопотливую жизнь, но так как этот город Вам хорошо знаком, то Вам легко будет, давши полную волю воображению, представить себе каторжную мою жизнь с 9 часов утра до 3 часов пополуночи. Я до того занемог, что даже не в силах продиктовать Вам порядочного письма. Поручаю Лимановскому передать Вам все подробности по всеподданнейшим моим докладам. Я имел несколько раз удовольствие видеться с Николаем Алексеевичем*. 26 числа, если здоровье немного поправится, надеюсь отправиться вспять и быть в Тифлисе к 12 или 13 февраля».

О результатах двух первых докладов Государю фельдмаршал сам сообщил мне в письме от 9 января, к которому дополнени-

* братом моим.

ем служило письмо Лимановского от 6 числа и последующие его письма. По всем важнейшим делам последовало Высочайшее соизволение, как то: на новое военно-административное деление края с упразднением Лезгинской линии и образованием областей Кубанской, Терской и Дагестанской, также на открытие свободного выхода горцам, желающим выселиться в Турцию, на предположенные фортификационные постройки в Закавказском крае, с тем, однако ж, чтобы отпуск на это денежных средств начался только с будущего года и с предоставлением фельдмаршалу обращать на эти работы заимообразно суммы, какие имеются в его распоряжении. Государь изъявил также согласие на учреждение должности вторых помощников командующих войсками в главных отделах края и, в виде временной меры, на производство полковых командиров (не более одного на дивизию) в генерал-майоры с оставлением в должности. Не последовало согласия Государя только на предполагавшееся формирование на Правом крыле (Кубанской области) временных сводных полков из направленных туда стрелковых рот, а потому сделанные уже по этому предмету распоряжения пришлось отменить, ограничившись формированием только сводных стрелковых батальонов.

Не перечисляю всех других дел, которые в бытность князя Барятинского в Петербурге обсуждались и решались в разных министерствах, комитетах, совещаниях. Личное присутствие фельдмаршала, несомненно, содействовало ходу этих дел. Также помогал и Лимановский своими личными хлопотами и разъяснениями; он был всегда усердным и умелым исполнителем моих поручений*. Кроме того, по случаю рассмотрения в Военном министерстве проекта преобразования Кавказского интендантства, командирован был специалист по этому сложному делу — Чаплин, с подробною инструкцией, составленною по соглашению моему с генералом-интендантом Колосовским. Доводя до сведения фельдмаршала об отправлении Чаплина, я писал (от 20 января): «Весьма желал бы, чтобы эти наставления дошли в Петербург еще в бытность там Вашего Сиятельства, ибо я крайне опасаюсь, что после Вашего отъезда дело это будет совсем замято»[351].

* Между прочим ему поручена была в Петербурге закупка книг для библиотеки Кавказского Главного штаба.

В.А. Лимановский

Во время пребывания князя Барятинского в Петербурге, по его же мысли, последовало Высочайшее повеление: в память покорения Восточного Кавказа установить во всем Кавказском крае ежегодное празднование 25 августа — годовщины взятия Гуниба. Об учреждении по тому же случаю медали упомянуто уже прежде. Затем в присутствии фельдмаршала решился целый ряд вопросов личных и разных ходатайств: осуществилась прежняя его мыль об учреждении должности тифлисского генерал-губернатора с назначением князя Гр[игория] Дм[итриевича] Орбельяни, а генерала Капгера — сенатором. Другою важной переменой в личном составе управления было замещение барона Врангеля в должности командующего войсками в Дагестанской области князем Меликовым. Начальником Кавказской гренадерской дивизии и прочих войск в Закавказье назначен барон Николаи с производством в генерал-лейтенанты. Кроме его в этот же чин произведены Линевич, Манюкин, князь Андроников, князь Григорий Дадиан и новый сенатор Капгер. Генерал-

майор Тихоцкий назначен командующим вновь учрежденною сводною драгунскою дивизией. Всем произведенным «по манифесту» кавказским генерал-майорам отдано старшинство в чине. Вице-адмирал Васильев и несколько других назначены в число состоящих при главнокомандующем. Некоторым генералам пожалованы аренды, в том числе и мне (по 3 тыс. рублей на 12 лет). В числе произведенных в полковники были Лимановский и Фадеев и т. д.

По делу, которое князь Барятинский принимал живо к сердцу — учреждению Общества, или Братства, восстановления православия на Кавказе, назначено было у Государя совещание на 26 января. Фельдмаршал все еще чувствовал себя нехорошо, но чтобы не откладывать дела, снова решился прибегнуть к своему обычному средству борьбы с подагрой — пагубному colchicum. Совещание состоялось и имело вполне успешный результат; оставалось провести его через обычные канцелярские формальности*.

Наконец, отъезд князя Барятинского из Петербурга назначен на 2 февраля. Накануне этого дня имел он последний личный доклад у Государя. В письме от 31 января писал он мне: «Во вторник полагаю выехать в Москву, где пробуду два дня. Я принужден принять обед и бал. Vous savez comme cela me convient**. Хомутов также готовит торжество в Аксае, потом предстоит весь Кавказ, который в первый раз встретит меня фельдмаршалом. Я не могу жаловаться на свое пребывание здесь, хотя в некоторых денежных представлениях и получил отказ, как-то: интендантские штаты, комендантские управления и т. п. Одним словом, живут в Петербурге все sous une terreur financière difficile à dénier*** и всем и все отказывают; зато чины и кресты дают целыми корзинами». В заключение письма князь прибавил: «Надеюсь с Вами увидеться во Владикавказе. Не могу Вам сказать, как я этого жду с нетерпением»[352].

Полковник Лимановский в письме от того же числа писал, что, по приблизительному расчету, возвращение фельдмаршала в Тифлис может быть между 18 и 22 февраля.

Вместо 2 февраля, выехал он 3 числа. Два дня, проведенные им в Москве, были непрерывным рядом почестей, приемов, ви-

* Окончательно утвержден устав 9 июня 1860 года.
** Вы знаете, как мне это подходит (*фр.*).
*** отрицая тяжелый финансовый страх (*фр.*).

зитов. 5 числа (в пятницу) дан был в честь фельдмаршала большой парадный обед в зале Дворянского собрания. Колоссальная эта зала не могла вместить всех желавших участвовать в этом торжестве. За обедом маститый наш поэт князь Петр Андреевич Вяземский прочел сочиненное им на этот случай стихотворение, которое было отпечатано золотыми буквами и поднесено виновнику торжества.

В Москве князь Барятинский виделся с Шамилем, вызванным для того из Калуги. По отзыву самого фельдмаршала (в письме к Государю от 24 марта): «Шамиль был рад увидеться с нами и весьма доволен всем»[353]. Однако ж, узнав от полковника Богуславского*, что бывший имам, при своем многочисленном семействе, несколько стеснен в денежных средствах, князь Барятинский просил Государя об увеличении содержания, назначенного Шамилю, отпуском ему на руки в личное его распоряжение добавочных 5 тыс. рублей. Ходатайство это было удовлетворено**.

Обратное путешествие фельдмаршала от Москвы до Тифлиса было не менее продолжительно и тяжело, чем проезд из Тифлиса в Москву. Во Владикавказ прибыл он 17 февраля под вечер. По желанию князя я выехал навстречу ему и прибыл во Владикавказ только несколькими часами ранее его. Здесь провели мы два дня (18 и 19) для совещаний с графом Евдокимовым, здесь же главнокомандующий хотел ближе войти в положение дел за время его отсутствия. Тогда начиналось уже передвижение войск, назначенных на усиление Правого крыла, а именно: трех драгунских полков, 4 стрелковых батальонов и 12 сводных из стрелковых рот.

20 февраля выехали мы из Владикавказа и на другой день, в воскресение, прибыли к обеду в Тифлис. По желанию фельдмаршала, не было парадной встречи; он выехал в город в дорожном экипаже и дорожном костюме. Тем не менее, толпы народа, собравшись в улицах и даже за городом, приветствовали фельд-

---

* Богуславский, адъютант дежурного генерала, знакомый с восточными языками, заменил подполковника Руновского в звании пристава при Шамиле.

** Генерал Герстенцвейг в письме ко мне от 1 марта, признавая действительную необходимость увеличения содержания Шамиля и его многочисленной семьи, прибавил: «Для спокойствия этой колонии было бы необходимо удалить некоторых членов семейства, а то кончится тем, что они от скуки подерутся. Вообще о молодежи надобно подумать»[354].

маршала восторженными кликами, так же как и войска гарнизона, выстроенные вдоль улицы, без оружия. У подъезда дворца выставлен был почетный караул и при нем, по заведенному порядку, военное начальство. В залах дворца собравшаяся масса служащих и лиц городского общества приветствовала наместника с энтузиазмом. Один из старых грузинских князей — Мамука Орбельяни (полковник, состоявший при Кавказской армии), взяв фельдмаршальский жезл и подняв его над головой, возгласил с пафосом: «Господа, вот награда всему Кавказу».

После двухмесячного отсутствия князь Барятинский возвратился в отличном расположении духа, под живыми впечатлениями оказанных ему бесконечных оваций как в Петербурге, так и на всем пути. Он казался довольным результатами своей поездки. Мне довелось слышать от него немало интересных рассказов. Впрочем, нерасположение его к Петербургу не изменилось; по-прежнему глумился он над пошлостью его бюрократических ничтожеств и придворной челяди. Между прочим осуждал он незнание приличий и бестактность многих из его старых сослуживцев и приятелей, которые в сношениях с фельдмаршалом даже перед посторонними свидетелями принимали фамильярный тон.

Наоборот, князь Барятинский, судя по доходившим из Петербурга сведениям, оставил там вообще благоприятное впечатление. Вот что писали мне о нем:

Генерал Герстенцвейг в письме от 10 января: «Вы можете себе вообразить, до какой степени все за ним здесь ухаживают ... Хотя в прежнее время мы не были в частых и близких сношениях, однако ж немногие случаи наших сношений оставили во мне весьма приятные воспоминания, а потому мне будет очень жаль, ежели во все время пребывания князя Александра Ивановича в Петербурге мои с ним встречи ограничатся одними поклонами. Положение его теперь так высоко, что ему легче снизойти ко мне, чем мне подняться до него»*[355].

А.В. Головнин в письме от 20 января: «Я вышел от князя Барятинского с приятным чувством, особенно потому, что видел, как он Вас ценит, любит и уважает. Он сказал мне прямо что

* Можно полагать, что князь Барятинский умышленно сторонился от Герстенцвейга, не забывая, что в большей части случаев поводы к неудовольствию на Военное министерство исходили из Инспекторского департамента.

имеет в Вас драгоценнейшего помощника и что обязан Вам половиною всех своих успехов. Подобного отзыва о своих сотрудниках вы здесь ни от кого не услышите, ибо все только себе приписывают то малое хорошее, которое удается сделать через других»[356].

А.П. Карцов в письме от 3 февраля: «Что сказать Вам о пребывании здесь фельдмаршала? Вы так много узнаете об этом от лиц его свиты, что мне нечего и приниматься за это. Скажу только одно — что все остались здесь им очень довольны. В самом деле, нельзя не удивляться такту и достоинству, с которыми он вел себя. Он был так скромен, так любезен и короток с теми, которых знал прежде, что все удивлялись этому, а в то же время столько было в нем (т. е. в его поведении) достоинства и уверенности, что как будто он десять лет носит на себе настоящее звание. Я не скажу, что *все* без исключения были довольные его производством, хотя сам он, кажется, это думает и даже сказал мне это при первом свидании. Мне показалось странным это заблуждение человека, так хорошо знающего свет, странным тем более, что за минуту перед тем я слышал разговор, как князь Орлов выражал свое негодование на это производство даже в Государственном совете в присутствии многих лиц. Вообще гг. пиковые и трефовые тузы очень были недовольны, когда им пришлось надевать красные штаны и ехать во дворец для представления. Но масса публики осталась на стороне фельдмаршала. К сожалению, впечатление, произведенное его личностью, было в последнее время ослаблено расточительностью производства разных военных генералов. Все знают, что Капгер не сделал ровно ничего для такой награды, какую ему дали; все знают, что барон Николаи немного делал, я уже не говорю о других господах азиатцах ... Этою расточительностью наград князь повредил в общем мнении не только себе, но даже и Государю, а это крайне жаль. В настоящее время рады разные господа всякому случаю. Вообще у фельдмаршала врагов немало. Они теперь молчат, но первая неудача — и тогда заговорят сильно. Об этом можно судить по той быстроте, с какой распространился здесь слух о мнимой измене абадзехов и Мегмета-Эмина. Многие здесь не хотят видеть важности заслуг фельдмаршала, а много и еще более таких, которые не оценивают их потому, что мы здесь не знаем подробностей обо всем, что у вас делается. До сих пор мы не имеем ни одной картинки, ни даже подробно-

го плана Гуниба, тогда как во всех окнах эстампных магазинов торчат подвиги французов в Италии»[357] и т. д.

Из приведенных выписок видно, что князь Барятинский со свойственным ему тактом сумел в своем обращении примирить подобающее высокому его званию достоинство с привлекательною простотою и приветливостью. Ему ставили в похвалу, что он, поднявшись вдруг почти неожиданно и сравнительно в молодые лета на высшую ступень военной иерархии, не «зазнался», не «поднял носа». Эта мысль выражена и в упомянутом выше стихотворении князя П.А. Вяземского:

Хоть вы и взяли в плен Шамиля,
Успех вас не ошеломил.
Ни блеск фельдмаршальского сана,
Ни гром побед, ни гул молвы,
Как обаяниями дурмана,
Вам не вскружили головы.
Простосердечно и спокойно
Вы свыклись с вашим торжеством,
В сознанье, что оно достойно
Далось вам с боя и трудом[358].

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ 1860 ГОДА

По возвращении наместника из Петербурга жизнь в Тифлисе приняла обычное свое течение, но тяжелое путешествие в зимнее время и самое пребывание в северной столице не могли не отозваться на здоровье князя Барятинского. Снова приходилось ему бороться по временам с приступами подагры, хотя он и не прерывал своих служебных занятий, мечтая об отдыхе в летнее время в Боржоме.

Выдающимся событием в Тифлисе в марте месяце был приезд Магомет-Эмина и старшин абадзехских. Наместник принял их благосклонно и по прошествии нескольких дней отправил их в Петербург в сопровождении адъютанта князя Львова. В письме от 24 марта фельдмаршал писал Государю: «Моя цель в настоящее время — усыпить абадзехов, чтобы только удержать их на текущий год от враждебных против нас действий и воспользоваться этим временем для энергического продолжения наших действий против шапсугов. Для этого и сосредоточиваю против этих последних много самых лучших войск, и если силою ору-

Дом Шамиля в Калуге

жия достигну полной власти над шапсугами, то и абадзехи лишатся возможности восстать. Вот что побуждает меня отправить к Вам Магомет-Эмина с абадзехскими депутатами; по возвращении своем на родину они поразят своих соплеменников чудесными рассказами о величии, блеске и благосклонности Вашей Августейшей особы»[359].

В том же письме князь Барятинский писал Государю, что Магомет-Эмин — человек в высшей степени корыстный и тщеславный, что в будущем он не будет иметь на горцев такого влияния, как некоторые другие из участвовавших в депутации старшин абадзехских, но Магомет-Эмин, положив оружие, оказал нам большую услугу, за которую надобно щедро наградить его. Полагалось назначить ему пожизненную пенсию в 5 тыс. рублей и единовременно такую же сумму; старшинам же — только единовременно по 2 тыс. рублей.

Магомет-Эмин и депутация абадзехская были представлены Государю 18 апреля; все они остались весьма довольны милостивым приемом, наградами, угощениями. В течение двух недель возили их по городу и тешили всякими петербургскими диковинами. 28 апреля отправили их обратно на Кавказ опять в сопровождении князя Львова, получившего по этому случаю звание флигель-адъютанта. Магомет-Эминю дозволено было на обратном пути заехать в Калугу для свидания с Шамилем.

Извещая меня о приеме и отправлении абадзехской депутации, генерал Герстенцвейг в письме от 23 апреля писал о постоянной неурядице в семье Шамиля и снова указывал на необходимость удаления из этой беспокойной колонии некоторых членов, в особенности главного виновника дрязг — старшего из шамилевых зятьев, что и было вскоре исполнено. Некоторые из членов семьи сами пожелали возвратиться на родину. Новая царская милость была оказана старику определением на службу младшего его сына Мухамеда-Шефи в Собственный конвой Государя, прямо офицерским чином.

* * *

В своем месте было упомянуто, как был я озадачен, когда князь Барятинский по возвращении из первой своей поездки в Петербург в начале июля 1859 г. в Грозную объявил мне, что он в разговоре с Государем указал на меня как на кандидата на должность военного министра в случае увольнения генерала Сухозанета. Тогда я не придал этому разговору слишком серьезного значения, а в продолжение нашего блистательного похода и не помышлял о возможности близкой перемены в моем служебном положении. По возвращении из похода в Тифлис узнал я с удивлением, что там уже ходили слухи о предстоящем мне новом назначении. По-видимому, они были занесены приезжими из отряда, неведомо как пронюхавшими сказанное мне князем Барятинским «по секрету». На вопросы любителей новостей об этом слухе я отнекивался и сам себя успокаивал надеждою, что это пустая болтовня. Однако ж в ноябре, когда князь Васильчиков был уволен по болезни в продолжительный отпуск, заговорили и в Петербурге о моем назначении на его место, то есть товарищем военного министра. Об этом писал мне А.П. Карцов (23 ноября) и другие. Толки петербургские встрево-

А.П. Карцов

жили меня гораздо более тифлисских; я опасался, что предстоявшая новая поездка князя Барятинского в Петербург может снова дать толчок задуманной им комбинации. Поэтому в письме от 25 декабря я писал, что желаю ему полного успеха во всех его предположениях, «за исключением только намерения его удалить меня из здешнего чудного климата». Я просил фельдмаршала, чтобы перемещение мое в Петербурге, в случае, если оно окажется неизбежным, было, по крайней мере, отсрочено насколько возможно. На это князь Барятинский ответил: «Дела Ваши я устроил по Вашему желанию и согласно моим патриотическим видам»*. Темную эту фразу понял я в том смысле, что предположение о моем перемещении в Петербург не устранено, а только отсрочено. Догадка моя подтвердилась личным объяснением фельдмаршала по возвращении его из Петербурга. Хорошо было и то, что нежелательная перемена, по крайней мере,

* Письмо от 31 января 1860 года[360]

отодвинулась вдаль. Еще успокоительнее было известие, сообщенное мне А.П. Карцовым от 11 февраля: «Как прежде все говорили, что Вы приедете сюда к Святой неделе, так теперь начинают говорить, что Вы останетесь, а в мае возвращается сюда Васильчиков»[361].

Однако ж этот слух не оправдался: напротив того, приказом 16 февраля князь Васильчиков по совершенному расстройству здоровья совсем уволен от должности товарища министра, и тогда снова заговорили в Петербурге о моем назначении на его место. Сам князь Барятинский, опасаясь, чтобы увольнение князя Васильчикова не ускорило моего назначения, писал Государю (24 марта), что, вследствие плохого своего здоровья, рассчитывает провести предстоящее лето в полном отдохновении и поселиться в Боржоме, передав на то время должности свои князю Гр[игорию] Дм[итриевичу] Орбельяни, а потому убедительно просил Государя не торопиться моим назначением. «В случае назначения нового начальника штаба, — писал фельдмаршал, — я буду вынужден летом заниматься делами, чтобы направлять их, согласно моим видам». При этом высказал он такое соображение: что если б даже и состоялось теперь же мое назначение, то и в таком случае я мог бы передать дела преемнику моему и прибыть к новому месту службы не ранее августа или сентября, и если до того времени должность товарища военного министра будет оставаться незамещенною, то особенного неудобства от этого не будет.

В ответе своем Государь писал: «Pour Milutine vous pouvez être tranquille; je ne vous l'enleverai pas avant le 30 août et la retraite de Wassiltchikoff n'a été ameneé que par l'etât déplorable de sa santé, qui l'oblige de prolonger encore son séjour à l'étranger»*[362].

Строки эти положили конец недоумению: предоставлялось мне и моей семье пользоваться еще одним летом под чудным небом Кавказа, готовясь исподволь к неизбежному переселению на север.

Между тем решался и вопрос о моем заместителе. Князь Барятинский имел в виду на мое место генерала Карцова. О переходе его на Кавказ, как уже было не раз говорено, переговоры и

* «Вы можете быть спокойны за Милютина; я не сорву его с места до 30 августа, и отставка Васильчикова произошла лишь из-за плачевного состояния его здоровья, которое обязывает его продолжать пребывание за границей» (*фр.*).

переписка велись уже давно, но Карцов, при большой семье, не решался покинуть верное, вполне обеспеченное положение служебное, не имея взамен его на Кавказе ничего определенного. Он не соблазнился приглашениями князя Барятинского даже и тогда, когда я сообщил Карцову в ноябре 1859 г., предположение о назначении его на мое место в случае моего перемещения в Петербург. После того имел он личное объяснение с фельдмаршалом в Петербурге: тут князь Барятинский сам объявил ему, что имеет его *в виду* на мое место, но прибавил, что назначение его не может состояться, пока старшие его в чине генералы Карлгоф и Ольшевский не заменены другими лицами, к тому же считалось нужным, чтобы Карцов предварительно ознакомился с краем и делами, а потому полагалось, на первое время после оставления мною должности начальника Главного штаба Кавказской армии, возложить эту должность на генерала Филипсона. Заявление это опять смутило моего друга; ему показалось, что князь Барятинский изменил свои намерения. В письме от 3 февраля Карцов писал мне, что, несмотря на все любезные слова фельдмаршала, считает предположение о переходе своем на Кавказ несостоявшимся. «Странно, — прибавил он, — что в городе заговорили о моем назначении именно в то время, когда решено противное, и до сих пор еще продолжают болтать, а Вас ждут сюда чуть не завтра»[363].

По возвращении фельдмаршала в Тифлис я поспешил разъяснить возникшее странное недоразумение и, по поручению его, сообщил Карцову, что князь Барятинский нисколько не изменил своих видов на его счет, что высказал ему свои соображения совершенно чистосердечно и что исполнение всех предположенных назначений есть только вопрос времени. Сомнения Карцова, как кажется, рассеялись; он стал спокойно выжидать исполнения задуманных фельдмаршалом перемещений.

Письма Герстенцвейга и Карцова все более подтверждали те неутешительные сведения, которые уже прежде доходили до меня о положении дел в Военном министерстве. И тот и другой предваряли меня откровенно о том, какую «кашу придется мне расхлебывать». В особенности указывали они, в какое затруднение поставлено министерство вследствие продолжающихся настойчивых требований сокращения расходов. Приведу здесь некоторые выписки:

Из письма Герстенцвейга от 1 марта: «Вы уже знаете предположение Государя об убавке в полках на Кавказе по одному батальону*. Будет ли на это Ваше согласие? Вы не можете себе вообразить, до чего нам докучает Финансовая комиссия, требуя убавки сметы — шутка сказать — на 12 миллионов!!! Это просто невозможно. Впрочем, *когда Вы будете в Петербурге и ознакомитесь ближе с положением наших дел, Вы увидите*, что действительно финансовый вопрос находится в положении более чем затруднительном. Вопрос в том: что убавлять? Где сократить расходы? В этом большое разногласие. Впрочем, вероятно, *со временем успеем об этом много переговорить*»**[364].

Из другого письма его же, Герстенцвейга, от 23 апреля: «Каждый день являются новые предположения об уменьшении войск; по каждому нужно составлять соображения и расчет сбережений; работа каждый раз огромная, а между тем кончается только ее рассмотрением. Я решительно становлюсь в тупик тем более, что по крайнему моему разумению, не могу согласиться со многими предположенными мерами. В настоящее время окончательно решено: упразднение сводной кирасирской дивизии; приведение 4-й, 6-й и 7-й кавалерийских дивизий в кадреный состав с их артиллерией, упразднение Учебного Саперного батальона, приведение в уменьшенный состав учебных стрелковых батальонов, с переименованием их в резервные, приведение Образцового пехотного полка в состав батальона, Кавалерийского — в состав дивизиона. Все вместе составляет просто ничтожное сбережение в сравнении с дефицитом, который по росписи заявлен на 1860 г. в цифре 19 миллионов»[365].

Из письма генерала Карцова от 22 марта: «В Военном министерстве ломают себе голову, как сократить бюджет на 10 миллионов по требованию Финансовой комиссии. В Инспекторском департаменте составлен доклад о самых крайних мерах к сокращению войск (приведение пехотных полков в двухбатальонный состав, гвардейских — в один батальон, кавалерийских — в двухэскадронные, упразднение вовсе армейских кира-

---

* т. е. о расформировании пятых батальонов.

** Не в первый раз уже Герстенцвейг в своих письмах делал подобные намеки на предполагавшееся новое назначение мое. На просьбу мою пояснить мне смысл подчеркнутых фраз, он ответил мне (от 23 апреля), что не может это сделать: «Я вполне уверен, что Вы оцените мое вынужденное молчание».

сир, образцовых войск и проч.), но все эти крайние меры дают все-таки не более 3 $^1/_2$ миллиона сбережения в бюджет. Государь не соглашается: «Расформировать легко, но создать вновь — очень трудно». Впрочем, в Военном министерстве и расформирование идет нелегко. До сих пор не могли привести корпуса 1-й армии в мирный состав»[366].

Кроме того, А.П. Карцов писал мне уже не в первый раз о неурядице и разладе в Военном министерстве. «Там идет теперь междоусобная война: директор Канцелярии (генерал-майор Лихачёв) воюет против Булгакова (генерал-провиантмейстера), и уже не знаю почему, министр ругает Герстенцвейга, называя его интриганом. Всего лучше, что он это рассказывает каждому».

Все это было крайне неодобрительно для того, кому предназначалось сделаться вскоре товарищем генерала Сухозанета, а потом, быть может, и приемником его.

* * *

Чрезмерные требования от Военного министерства сокращения расходов мотивировались печальным положением наших финансов. Вот уже несколько лет принимались самые крутые меры к урезке смет по всем ведомствам, а улучшения в финансах все-таки не замечалось. Государственная роспись на 1860 г. опять заключена с дефицитом до 20 миллионов рублей. Ежегодные крупные дефициты сделались у нас явлением нормальным; сумма их за 12-летний период (1846—1858) достигла свыше миллиарда рублей. Такой громадный недочет в государственных ресурсах покрывался частью займами внешними и внутренними, частью же — и преимущественно — выпуском бумажных знаков, что, разумеется, должно было подорвать наш кредит и повредить успеху наших последних займов. Замечательно, однако же, что, несмотря на то, курс наших бумажных денег в то время (после Крымской войны) поддерживался еще довольно твердо; кредитный рубль стоял на 92 копейки металлических.

Вопрос финансовый занимал по-прежнему главное место в письмах, получаемых мною от А.В. Головнина. Впрочем он сообщал сведения о ходе и других важнейших государственных дел, занимавших в то время наше высшее правительство. Особенно любопытно длинное письмо от 7 декабря 1859 г., в кото-

ром он дал себе труд сделать общий обзор тогдашнего положения дел в Петербурге. Приведу из этого письма несколько строк:

«Преобладающее явление в администрации и в образованной части народа есть — *жизнь,* которая заменила прежнее долгое усыпление и застой. Она является и в целом ряде правительственных распоряжений, и в литературе, и в акционерных обществах, и в громадных предприятиях, как, например: железные дороги, пароходные общества и т. п. Весьма естественно, что эта жизнь является в стремлении к улучшениям, к преобразованиям, к большей свободе действий, и весьма естественно, что следствием этого мы видим борьбу представителей старого поколения, прежних администраторов, и поколения нового, их будущих преемников. Первые слишком упорно отстаивают прежний порядок и недоброжелательствуют всему новому; вторые, может быть, слишком горячо требуют скорых перемен. Но в действиях и тех и других и в правительственных распоряжениях, и в деятельности литературы, в действиях цензуры, акционерных компаний, врагов их и защитников — замечаются беспрерывно грубые ошибки, упущения, и очевидным становится, что эти ошибки происходят от общего всем недостатка — полуобразованности. Эта полуобразованность есть следствие всей системы воспитания последнего времени и постоянного 30-летнего гнета всякой умственной деятельности».

Сделав затем очерк положения финансов, крестьянского дела и вопроса о воспитании молодого поколения, Головнин заканчивал свой обзор следующими строками:

«Чтобы дополнить картину нашего теперешнего положения, представьте себе Государя, искренне желающего добра, умного, доброго, религиозного, доступного, выслушивающего внимательно, любящего Россию и окруженного старыми и молодыми, в которых он видит или эгоизм и корыстолюбие, неблагонамеренность, апатию, привычку к беззаконию, или неопытность, непрактичность, неловкое усердие, излишнюю пылкость. Весьма естественно, что он должен чувствовать недоверчивость ко всем и презрение к весьма многим»[367].

При всей важности вопроса финансового общее внимание в то время было занято гораздо более делом крестьянским, которое слишком близко затрагивало личные интересы всех почти сословий, особенно же высшего, дворянского. С учреждения (17 февраля 1859 г.) «Редакционных комиссий» разработка этого

Я.И. Ростовцев

великого и сложного дела приняла характер более гласный[368]. По каждому частному вопросу происходили в заседаниях Комиссий горячие прения, которые имели часто отголосок в публике и поднимали бурю в борьбе между противными партиями. Страсти разгорались как в среде крепостников, отстаивавших свои эгоистические интересы, так и в группе ревнителей реформы, одушевленных гуманными и либеральными стремлениями. Трудное это дело, как было слышно, велось генералом Ростовцевым основательно, энергично и в хорошем направлении, что несколько удивляло меня. В былое время Яков Иванович был ярым противником освобождения крестьян из крепостного состояния; я слышал своими ушами, как в одном заседании Учебного комитета, когда по какому-то случаю коснулась речь запретной мечты об отмене крепостного состояния, Я.И. Ростовцев с

горячностью высказал, что если когда-нибудь осуществится подобный бред, то «Россия умрет с голода». И вот теперь этот человек руководит делом освобождения с таким сочувствием к нему, что все ревнители этого великого дела встревожились не на шутку, когда осенью 1859 г. Я.И. Ростовцев серьезно заболел. Тогда писали из Петербурга, что болезнь его угрожает размягчением мозга. Опасение это не оправдалось: Я.И. Ростовцев сохранял ясное сознание до самой кончины, последовавшей 6 февраля 1860 года. Даже в этот последний день он еще был в силах выслушать чтение составленного по его указаниям всеподданнейшего доклада, в котором излагалось как бы предсмертное завещание его по крестьянскому делу[369].

Я не буду здесь высказывать своего мнения о личности Я.И. Ростовцева, о котором мне приходилось уже довольно говорить в воспоминаниях за время моей службы под его начальством[370]. Скажу только, что при всех его недостатках и слабых сторонах все-таки это был человек, выдающийся из общего уровня большинства наших государственных людей. Преждевременную смерть его можно считать событием прискорбным для крестьянского дела. Хотя оно получило при нем такое удачное направление, что и по смерти его было доведено успешно до конца, благодаря твердой воле Государя, однако ж, по моему убеждению, результаты благой реформы были бы полнее, если бы Положение 19 февраля приводилось в действие при жизни Якова Ивановича. Раз что он провел бы это Положение и смотрел бы на него, как на свое детище, он не дал бы вырвать его из своих рук* и не допустил бы, чтобы введение его в действие было вверено людям противоположного, враждебного лагеря. Но зачем забегать вперед? Останавливаясь пока на зимних месяцах 1859/1860 гг., закончу воспоминания свои об этом времени заметками о некоторых близких мне лицах.

Начну с брата Николая, который именно в это время принимал самое деятельное участие и в вопросе финансовом, и в деле крестьянском: в первом — как член Финансовой комиссии, во втором — и по своим обязанностям в Министерстве внутренних дел, и в качестве члена Редакционных комиссий. Участие в Финансовой комиссии и деятельность по крестьянскому делу сблизили брата с великим князем Константином Николаевичем,

* Далее в автографе зачеркнуто: не дал бы исказить его» (*примеч. публ.*).

также принимавшим близко к сердцу оба эти вопроса. В Редакционных комиссиях брат мой стал одним из самых ревностных и влиятельных деятелей; голос его в прениях имел большое значение, он был избран в председатели Хозяйственного отдела Комиссии. Я.И. Ростовцев, имевший первоначально предубеждение против моего брата, потом оценил его и оказывал ему полное уважение. О деятельности брата в Комиссиях вот как отзывался А.В. Головнин:

«В последнее время я часто виделся с Николаем Алексеевичем. По мере того, как круг его административной деятельности расширяется, необыкновенный ум его выказывается в большем и большем блеске. Самарин говорил мне, что во время споров и рассуждений о подробностях сельского хозяйства, которые Николаю Алексеевичу не могли быть знакомы, он, однако же, не сделал ни одной ошибки, ни одного промаха»*[371].

Кроме участия в Редакционных комиссиях, брат сделался правою рукой министра внутренних дел по делам, касавшимся крестьянского вопроса. Бывший товарищ министра Алексей Ираклиевич Левшин, недовольный тем, что дело крестьянское выскользало из его рук, не пожелал оставаться в своей должности; на место его навязывали Серг[ею] Ст[епановичу] Ланскому несколько кандидатов, в том числе Петра Александровича Валуева, занимавшего должность директора Департамента в Министерстве государственных имуществ. Ланской предпочел иметь товарищем моего брата как отличного дельца, человека с твердыми убеждениями и горячо сочувствующего крестьянскому делу. Кандидатуру эту поддерживали великий князь Константин Николаевич и еще более великая княгиня Елена Павловна. Но против брата велась сильная интрига со стороны крепостников и ретроградов, в руках которых было страшное оружие: им стоило только каждого противника своего ославить кличкою «красного». Такою репутациею наделили они и брата моего. Два раза С.С. Ланской просил Государя о назначении брата товарищем министра — и оба раза получал решительные отказы в очень резкой форме. Однако ж он выказал редкое в наших государственных сановниках мужество, возобновив свою просьбу в третий раз, — и, наконец, Государь уступил, но с тем, чтобы брату было присвоено звание: «временно исправляющего должность

* Письмо А.В. Головнина от 20 января 1860 года.

товарища». Такая приставка к титулу, конечно, была обидна для самолюбия брата, однако ж он подавил в себе чувство оскорбленного достоинства и принял должность единственно из преданности делу, которому надеялся еще послужить.

Не он один испытал на себе, что значит навлечь злобу и ненависть крепостников-ретроградов. Репутация «красного» была для многих непреодолимою преградою на служебном пути. К числу таких принадлежал и наш домашний друг И.П. Арапетов: он надеялся получить место директора канцелярии Министерства двора, но горько был разочарован. Министр граф Вл[адимир] Фёд[орович] Адлерберг, благоволивший Арапетову, прямо дал ему понять, что не может представить на означенную должность чиновника, слывущего «красным».

Сколько других людей, дельных, даровитых, было таким же образом потеряно для службы.

* * *

В заключение моих воспоминаний о начале 1860 г. упомяну об оказанной мне совершенно неожиданной почести Харьковским университетом, который удостоил меня звания своего почетного члена. Получив об этом уведомление ректора Рославского-Петровского от 12 апреля, я был очень тронут, но вместе с тем удивлен, — и до сих пор недоумеваю, чему или кому обязан я такою лестною и незаслуженною честью.

МОЯ ПОЕЗДКА НА КУБАНЬ И НА ЧЕРНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ. ЛЕТО 1860 ГОДА В БОРЖОМЕ И КОДЖОРАХ

Не прошло еще и года с тех пор, когда племена Чечни и Дагестана встречали русские войска, как желанных освободителей от тяжкого ига Шамиля и тирании мюридов его, — и вот уже в разных местах новопокорившегося края начинают проявляться признаки неудовольствия, враждебные нам замыслы, желание горцев покинуть родину, искать убежища под покровительством султана, калифа правоверных. Впрочем, и могло ли быть иначе? Можно ли было ожидать, что полудикие племена, искони гнездившиеся в недоступных горах, а еще более легкомысленные, шаткие чеченцы перейдут вдруг, как бы по манове-

Лезгин.
Рис. Т. Горшельта

нию волшебного жезла, из-под сурового гнета главы мюридизма под кроткое, но часто неумелое правление какого-нибудь неопытного русского офицера? Что, привыкнув в течение многих десятков лет к тревогам войны, смутам и насилиям, они сразу обратятся к спокойной, мирной деятельности, земледельческой и промышленной, чтобы оправиться от полного разорения?

Для водворения порядка среди новопокорившегося населения, для облегчения за ним административного надзора признано было необходимым принять некоторые крутые меры, вразрез вековым привычкам и нравам горцев, как, например, переселение на равнины большими селениями. Обитатели верхних нагорных долин не могли равнодушно смотреть на истребление их старого жилья, прилепленных к скалам каменных саклей и башен с бойницами; не могли охотно переходить на открытую, плоскую местность и селиться по образцу русских слободок или

казачьих станиц. Между новыми поселенцами, конечно, было немало беспокойных голов, прежних абреков или качагов, которые не могли переродиться. С другой стороны, прежние сподвижники Шамиля, упорные фанатики, не могли отречься от всего прошлого и остались непримиримыми врагами властвующих гяуров. Те и другие волновали массу населения, распуская разные вымышленные слухи о мнимых посягательствах русских на мусульманскую веру, о намерениях их обратить все население в казачество или брать рекрут и т. д. Мудрено ли, что среди легкомысленного народа зародились разные безрассудные замыслы, как-то: прогнать русских, завладеть их укреплениями, забрать в плен начальников и т. п. Более рассудительные, понимавшие нелепость таких замыслов, заговорили о выселении в Турцию.

Граф Евдокимов не только не считал нужным противиться такому намерению туземцев, но даже с удовольствием готов был способствовать выселению, чтобы избавиться от неисправимо беспокойного и строптивого населения. Но массовое выселение туземцев было бы сопряжено с большими затруднениями материальными и встретило бы сопротивление со стороны Порты. Желательно было ограничить движение, регулировать его таким образом, чтобы избавить Кавказ от наиболее неудобных в населении элементов, не вытесняя всей массы. Так смотрел и сам главнокомандующий. В этом смысле даны были инструкции генерал-майору Лорис-Меликову, командированному в апреле месяце в Константинополь, чтобы уладить дело с нашим тамошним посольством. В таком же смысле князь Барятинский изложил свои виды по вопросу о выселении горцев в письме к Государю от 11 мая[372].

Тревожные сведения из Терской области побудили князя Барятинского поручить мне съездить во Владикавказ, чтобы переговорить с графом Евдокимовым по вопросу о выселении горцев и выяснить причины возникших в новопокорившемся населении неудовольствий, а затем объехать Кубанскую область и восточный берег Черного моря, чтобы взглянуть поближе на тамошнее положение дел. 5 мая, едва оправившись от болезни, выехал я из Тифлиса с адъютантом Фогелем и доехал в тот день до Пасанаура. На другой же день попутно осматривал я работы Военно-Грузинской дороги и к вечеру прибыл во Владикавказ. Графа Евдокимова нашел я в мрачном настроении, он жаловался на свое нездоровье, высказывал необходимость продолжи-

тельного отпуска для отдохновения от вынесенных им в течение нескольких последних лет непрерывных, крайне напряженных трудов; он даже намекал на увольнение от службы. Но при тогдашнем положении дел в крае немыслимо было удаление Евдокимова даже на короткое время. Пробыв во Владикавказе два дня, я отправил оттуда к фельдмаршалу записку, в которой изложил результаты моих бесед с графом Евдокимовым и другими лицами.

Из Владикавказа проехал я безостановочно на почтовых до Пятигорска, где переночевал, и на другой день продолжал путь уже проселочными дорогами на казачьих лошадях. В первый день проехал через станицы Есентуцкую, Суворовскую, Баталпашинскую, до поста Николаевского на верхней Кубани, при выходе реки из Карачаевской котловины. Далее мой путь пролегал через новые казачьи станицы: Карданыкскую, Зеленчугскую, Сторожевую, расположенные вдоль подошв Главного хребта Кавказского, за передовым кряжем Черных (т. е. лесистых) гор. Приходилось проезжать в иных местах вовсе без дорог, по кустарнику или по лесу, пересекая вброд много речек — верхних притоков обоих Зеленчуков: Аксаут, Марух, Кефир. Переночевав в лагере небольшого отряда на Урупе, на следующий день проехал я через пресловутый Пселинский лес, переправился через Большую Лабу и прибыл в укрепление Псебай — новую штаб-квартиру Севастопольского пехотного полка, затем через укрепление Шедок опять выехал на Лабу в укрепление Каладжинское, где и ночевал. На пути своем везде производил я смотры расположенным частям войск. 11 мая к вечеру достиг я лагеря Лабинского отряда на урочище Хамкеты — на значительной высоте Водораздельного кряжа, между верхними долинами Ходзя и Белой. Место это было избрано для постройки нового укрепления.

Почти во все время переезда моего до этого места преследовала меня дождливая погода. Но еще более одолевали меня в каждом пункте на моем пути почетные встречи и угощения: завтраки и обеды с тостами и речами. Таков уже исконный обычай на Кавказе. Проезд всякого значительного лица есть непрерывный ряд обильных угощений, которые выдержит не каждый желудок. Ехал я в сопровождении конвоя, хотя в тех местах население и считалось мирным. Большею частью приходилось ехать шагом, а потому ежедневный переезд от поста Николаев-

Вид Майкопа

ского до Хамкетов составлял не более, как от 50 до 60 верст. Удивительно еще, как выдержал эту езду мой дряхлый тарантас.

В лагере Лабинского отряда съехался я с генералом Филипсоном. 12 числа происходила закладка нового укрепления, и мне была предоставлена честь положить первый камень. В этот день погода наконец прояснилась. В первый раз с выезда из Тифлиса удалось мне отсюда отправить коротенькое письмо к жене. 13 числа проехал я вместе с Григорием Ивановичем Филипсоном в Майкоп, штаб-квартиру Кубанского пехотного полка. Здесь мы переночевали. В следующий день переехали в станицу Усть-Лабинскую (на Кубани), а 15 числа, следуя правым берегом Кубани с небольшою остановкой в Екатеринодаре, переправились опять на левую сторону реки у поста Великолагерного и*, про-

* Далее в автографе зачеркнуто: «на том самом месте, где предположено было устроить новое укрепление, получившее потом наименование "Ильского"...

В Екатеринодаре нашел я письма из Тифлиса, привезенные состоявшим лично при мне штабным писарем Максимовым. В отряде Шапсугском встретил я некоторых тифлисских знакомых, в том числе живописца Горшельда. Лагерь был расположен на открытой поляне ... Позади нового укрепления простиралась равнина с роскошными лугами и частию лесистая» (*примеч. публ.*).

ехав верст 30 по открытой равнине, прибыли в лагерь Шапсугского отряда, расположенного на р. Иль, не в дальнем расстоянии от подошв Черных гор.

Отряд Шапсугский, или Ильский, под начальством генерал-майора Рудановского, состоявший из 20 батальонов, 2 драгунских полков и массы казаков, назначен был для возведения нескольких укреплений за Кубанью и для нанесения удара шапсугам. Переправившись за Кубань в двадцатых числах апреля, отряд выбил 27 числа горцев из аула Кабаниц, разрушил его, а 5 мая двинулся на место, избранное для постройки укрепления, получившего потом название Ильского. 9 числа было предпринято движение в ущелье Ильское и заняты господствующие над ним высоты. Накануне же моего приезда 14 мая произведена закладка укрепления. Между тем шла рубка леса во все стороны: назад к Кубани, к западу — к Адагуму и к востоку — к Убину и Афипсу, по направлению так называемой «купеческой дороги».

В Шапсугском отряде пробыл я пять дней (16—21), принимал участие в движениях и действиях колонн, ежедневно высылаемых из лагеря на рубку леса и на истребление окрестных аулов шапсугских. Горцы оказывали сопротивление везде, где закрытая местность доставляла им прикрытие; ежедневно бывали перестрелки. Более значительное дело в моем присутствии происходило 18 мая на р. Убине (на том самом месте, где впоследствии водворена станица «Северная»). Потери наши в этих перестрелках бывали обыкновенно незначительные.

Погода стояла жаркая, но после дневного зноя вдруг наступал свежий вечер с чувствительною сыростью. При таких условиях вполне естественно лихорадочное свойство Закубанской равнины. На другой же день по приезде в отряд захворал Фогель, а 19 числа вечером и я почувствовал приступ лихорадки, очевидно, вследствие собственной моей вины: я имел неосторожность, после движения с колонною в жаркое время дня, возвратившись в лагерь в сильной испарине, раздеться и лечь в своей палатке, приподняв ее полы. Крупный прием хинина прервал развитие болезни после второго пароксизма, так что 22 числа я был уже в состоянии подняться в дальнейший путь. Фогель также оправился и продолжал со мною путешествие. Генерал Филипсон остался в Шапсугском отряде и впоследствии, в первых числах июня, перешел с отря-

Урядники Ставропольского и Хоперского казачьих полков

дом на р. Шебс, на которой было предположено построить еще два укрепления (названные в честь Филипсона и меня — Григорьевским и Дмитриевским). Одно из этих укреплений предназначалось для штаб-квартиры Ставропольского пехотного полка. 7 июня при переходе отряда через р. Шебс произошло жаркое дело, стоившее нам убитыми и ранеными до 5 офицеров и 34 нижних чинов.

22 мая прибыл я в Адагумский отряд, расположенный в Неберджайской долине, на месте строившегося нового укрепления, которым должно было завершиться устройство Адагумской линии. Часть отряда была выдвинута на р. Абин, чтобы тревожить шапсугов и с этой стороны. На Адагумской же линии в это время было спокойно; натухайцы держали себя мирно. Переночевав в лагере Адагумского отряда, на другой день, 23 мая, продолжал я путь к укреплению Константиновскому (на северном

берегу Цемесской, или Новороссийской, бухты). Дорога от укрепления Крымского до Константиновского пролегает сперва по живописной долине, поднимается отлого на перевал через хребет Мархотх, высотою около 1200 футов, и затем спускается зигзагами по крутому скату к морю. С перевала открывается вдруг чудесный вид на беспредельную морскую гладь — вид, который можно сравнить с тем, которым любуются туристы в Крыму с Байдарских ворот. Как самый перевал, так и дорога и укрепление на Цемесской бухте наименованы «Константиновскими», в честь великого князя Константина Николаевича. Укрепление Константиновское было в то время очень скромное, при нем слободка из нескольких разбросанных построек была первым зачатком будущего города Новороссийска.

Общее впечатление, вынесенное мною из объезда Кубанской области, из разговоров с генералом Филипсоном и другими начальствующими там лицами привело меня к тому заключению, что несмотря на усиление боевых сил в этой части Кавказа, нельзя было ожидать в текущем году каких-либо осязательных успехов для прочного умиротворения края. Образ действий здесь не изменился в сущности против того, с которым уже свыклись и генерал Филипсон и другие военные начальники. Тут не замечалось пока ничего похожего на те обдуманные с дальновидною предусмотрительностью стратегические соображения, которыми отличались в последние годы планы действий графа Евдокимова на Левом крыле. Конечно, местные условия в Закубанском крае так отличны от присущих Чечне и Дагестану, что и способ действий в обоих отделах края не мог быть одинаков, но можно было надеяться, что Евдокимов сумеет и к Закубанью применить свой военный взгляд, свою методу действий. Притом он был уже хорошо знаком и с западною половиной Кавказа, быв начальником Правого фланга в течение шести лет (1850—1856) до назначения командующим войсками Левого крыла. Нельзя не одобрить вполне предположенного князем Барятинским перемещения графа Евдокимова в Кубанскую область. К сожалению, возникшие в Чечне беспокойства замедлили это перемещение.

24 мая переехал я на пароходе из укрепления Константиновского в Керчь и с любопытством обошел произведенные уже и производившиеся работы новой крепости. Проект этих сооружений, составленный первоначально начальником штаба генерал-

инспектора по инженерной части генерал-майором Кауфманом (Конст[антином] Петр[овичем]) был развит потом в широких размерах генералом Тотлебеном, занявшим в 1859 г. место директора Инженерного департамента. Тотлебен применил к укреплению этого важного пункта все усовершенствования современной фортификации. Производитель работ инженер-полковник Нат водил меня по всем закоулкам обширного пространства, охваченного крепостными верками, с подробным объяснением плана сооружений.

25 мая отправился я из Керчи на военной шхуне вдоль Кавказского берега в Сухум, где встретил меня генерал-майор Карганов, заместивший генерал-майора Лорис-Меликова*. В это время войска Кутаисского генерал-губернаторства, усиленные двумя батальонами, были распределены несколькими мелкими отрядами: одни двинуты в верхние долины Сванетии и Цебельды для водворения там спокойствия, нарушенного междоусобиями между местными княжескими родами, другие заняты дорожными работами на сообщениях Кутаиса с Сухумом, в ущелье Ингура и по другим путям, наконец, назначен был отряд для изысканий и предварительных работ по дороге к истокам Бзыби (через перевал Доу) и далее через Главный хребет (перевал Ахбырц) к верховьям Большой Лабы — по тому самому направлению, по которому давно уже было задумано открыть сообщение Абхазии с северной стороной Кавказского хребта. Предполагалось на первый раз разработать хотя бы только вьючную тропу. Но дорога эта пролегала через неудободоступные ущелья, обитаемые полудикими племенами псху, с которыми в прошлую осень удалось было Лорис-Меликову вступить в дружественные переговоры. Теперь же, когда двинулся отряд для разработки дороги, это горское племя, подстрекаемое соседними, в особенности убыхами, отказалось выдать заложников и воспротивилось работам. Отряд был слишком малочислен, чтобы силою оружия принудить горцев к исполнению условий, и потому должен был вернуться, не достигнув никакого результата. Также остались безуспешными и переговоры, затеянные князем Эристовым с убыхами. Несколько времени после моего проезда довольно

* Лорис-Меликов возвратился 17 мая из Константинополя и вскоре получил новое назначение: военным начальником Южного Дагестана и Дербентским градоначальником.

многочисленная шайка убыхов и джигитов произвела дерзкое нападение на команду, высланную из Гагр для рубки дров.

Закончил я свое морское плавание 27 числа в Поти. Здесь получил письма из Тифлиса, в том числе от жены, которая описывала с восхищением свою поездку в Кахетию. Выехав из Тифлиса 12 мая с сестрою своей и сыном, она направилась через Мухровань и Гомборы в Телав, оттуда верхом через Шильды, Кварели, Лагодехи, Сигнах обратно в Телав, далее в Тионеты и вернулась верхом в Тифлис вечером 20 числа. Путешественницы остались очень довольны радушным гостеприимством, которое находили они везде, где останавливались на своем пути. Семидневная поездка по этой прелестной стране в превосходную погоду оставила в их воспоминаниях самые приятные впечатления.

По возвращении жены в Тифлис князь Барятинский сделал ей прощальный визит перед своим переездом в Боржом, где он и водворился с 28 мая. В этот день я поднялся по Риону на пароходе до Марани. 29 числа в Кутаисе встретил меня курьер с приглашением от фельдмаршала заехать к нему в Боржом. 30 числа приехал я туда и прямо с дороги был принят князем. Согласно своему предположению, заранее заявленному в письме к Государю, фельдмаршал, поселившись в Боржоме для отдыха и лечения, передал исправление должности своей князю Гр[игорию] Дм[итриевичу] Орбельяни, однако ж оставил за собой главное направление дел. Так же, как и в прежние годы, при нем находились в качестве домашних секретарей: полковник Лимановский по военной части и действительный статский советник Булатов — по гражданской. Для восстановления своего здоровья князь Барятинский решился прибегнуть к геройскому средству — лечению Шрота, которое до сих пор рекомендовал он другим больным как всеобщую панацею и даже испытывал на некоторых несчастных пациентах, как, например, на полковнике Донского казачьего войска Ягодине, который, однако же, отправился на тот свет, не дождавшись благих результатов пресловутой системы лечения.

В Боржоме фельдмаршал удержал меня два дня, в которые успели мы наговориться вдоволь. Как бывало обыкновенно, он не столько интересовался моим отчетом об исполнении возложенного на меня поручения, сколько рассказывал сам о происходившем в продолжение недолгого моего отсутствия из Тифлиса, а еще более о своих видах и соображениях. Между прочим,

А.П. Николаи

сообщил он мне, какое удовольствие доставил ему новый знак Царского внимания — зачисление в Лейб-гусарский полк (объявленное в приказе 4 мая). Принося признательность Государю (в письме от 11 мая), он выразился, что ему приятно будет носить мундир, «напоминающий счастливейшие дни жизни, когда он, еще в молодые лета, сопровождал Его Величество в путешествии, в числе его приближенных»[373].

Другою новостью было предстоящее перемещение барона Александра Павловича Николаи на должность начальника управления сельского хозяйства на Кавказе и упразднение Кавказского учебного округа. Представление по этому предмету пошло в Петербург за несколько дней перед тем. Полагалось учебные заведения на Кавказе подчинить местному начальству областей и губерний. Признаюсь, мне показалось странным такое предположение: учебная часть более всякой другой требует специального надзора и направления; дело это совершенно чуждо местному начальнику, озабоченному многоразличными прямы-

ми своими обязанностями. Желание князя Барятинского слить все части администрации в лице местного начальника (области, губернии) доводилось им до крайности. Вообще взгляды его по многим вопросам администрации отличались односторонностью и своеобразностью и, к сожалению, не было при нем по гражданской части никого, кто мог бы иногда, своим самостоятельным и разумным убеждением воздержать наместника от увлечения. В Петербурге же все представления его (кроме, разве, по вопросам денежным) проходили через Кавказский комитет беспрепятственно, благодаря стараниям Буткова угождать князю Барятинскому и опасению навлечь его неудовольствие. Так прошла и неудачная мысль упразднения Кавказского учебного округа: утверждение этого представления последовало в августе того же года.

Во время моего проезда через Боржом главною заботою фельдмаршала было, конечно, тревожное положение дел в Терской области. В течение мая получены были весьма неприятные известия об открытом мятеже в Беное — в том самом ичкеринском ауле, который долее всех оставался непокорным в прошлую осень. Хотя этот притон абреков и был наконец истреблен, а жители его расселены по разным аулам, однако ж с наступлением весны они снова собрались в окрестных лесах, выбрали себе главою известного разбойника Байсунгура, дали клятву не покоряться русским и принялись за прежние злодейства: рыская отдельными шайками, нападали на одиночных солдат, казаков, на обозы, табуны, стада, даже на покорные нам аулы. Необходимо было принять решительные меры, чтобы не дать разгореться первой вспышке мятежа. В этом отношении, казалось, можно было вполне положиться на распорядительность графа Евдокимова, тем не менее, уезжая из Боржома, я оставил фельдмаршала в озабоченном настроении.

* * *

Семья моя с нетерпением ожидала моего возвращения в Тифлис, чтобы покинуть душный город: вскоре и перекочевали мы на чистый воздух в Коджоры, на прежнюю дачу Мирзоева. Как после каждого отсутствия из Тифлиса, я должен был усиленно работать, чтобы справиться с массою накопившихся дел, а тут совсем некстати опять посетила меня неотвязчивая лихорадка. Однако ж служебные занятия мои не прерывались ни на

один день. Почти ежедневно был я в сношениях с фельдмаршалом, прямых или через посредство Лимановского.

Только по возвращении из путешествия узнал я о романических приключениях моего адъютанта Старосельского, наделавших много шума в городе. Этот скромный, симпатичный молодой человек давно уже искал руки любимой девушки — княжны Гурамовой, жившей с детства у тетки своей княгини Севарсамидзе, которая почему-то упорно противилась браку племянницы с Старосельским. После разных драматических эпизодов мой влюбленный адъютант решился прибегнуть к крайней мере — похищению. Предприятие удалось с полным успехом; влюбленные обвенчались, но свирепая тетка подняла страшный гвалт, подала формальную жалобу наместнику, и затем немало стоило хлопот, чтобы уладить дело миролюбиво. Тифлисское общество отнеслось к этому приключению весьма сочувственно; моя семья приняла молодую чету с сердечным участием к крайнему неудовольствию раздраженной тетушки. Брак этот оказался впоследствии вполне счастливым.

Жизнь наша в Коджорах в это лето ничем не отличалась от прежних годов. В половине июня возвратился в Тифлис из отпуска брат моей жены Евгений Михайлович Понсэ. В дороге схватил он воспаление глаз и потому остался лечиться в Тифлисе и довольно долго не приезжал в Коджоры. Из Петербурга получили в конце июля прискорбное известие о несчастном случае с братом Николаем: ехал он в карете, почти у подъезда Ал[ександра] Аг[еевича] Абазы (на Фонтанке, близ Аничковского моста) лошади чего-то испугались, понесли, опрокинули экипаж и брат, выброшенный на тумбу тротуара, переломил себе левую руку. Пролежав с неделю, он долго потом должен был носить руку на повязке.

В начале июля кончил жизнь в Тифлисе бывший мой подчиненный, добрый старик Илья Кузмич Кузмин, занимавший в последнее время должность жандармского штаб-офицера в Тифлисе.

В течение лета появлялись в Тифлисе и Коджорах некоторые приезжие по разным случаям. В числе их — живописец Виллевальд, которому поручено было Государем написать картины из последней нашей кампании, между прочим, изобразить сдачу Шамиля на Гунибе. Получив от меня нужные данные, он отправился в Боржом за личными указаниями фельдмаршала. Затем явился некто Водов, которого я знавал в Петербурге по участию

его вместе с полковником Писаревским в устройстве фотографического павильона в Военно-топографическом депо. Это был один из тех прожектеров и аферистов, которые в ту эпоху спекулировали на возродившееся общее стремление к нововведениям и улучшениям. Водов приехал на Кавказ с предложением устроить при штабе фотографическое заведение как для картографических работ, так и для съемки видов, портретов и т. д. Проект его был задуман в широких размерах, с расчетом на крупную субсидию от казны. Ему предложено было мною значительно умерить предположение, и, по желанию князя Барятинского, Водов отправился в Боржом. В то время фотографическое искусство находилось в Тифлисе на весьма низкой степени; занимались им только двое любителей: горный инженер Иваницкий и бывший командир Нижегородского драгунского полка (только что сдавший его полковнику Граббе) — граф Ностиц. Этот последний был тогда совсем новичком в искусстве фотографии, и по его первым опытам еще нельзя было предвидеть, что со временем из него выйдет замечательный фотограф. С Водовым велись переговоры об устройстве только скромного фотографического павильона при штабе. Осуществилось это предположение уже после меня; в какой мере принял в этом деле участие Водов — мне неизвестно.

* * *

В течение лета известия из Терской области становились все тревожнее. Мятежное движение в Ичкерии не было подавлено решительными мерами в самом зародыше, а потому некоторые соседние с Беноем аулы (Дарго, Эрсеной, Белгатой, Тезень-Кала), видя наше бездействие, начали помогать мятежникам, хотя и не решались еще присоединиться к ним явно. Вслед за тем возникло также мятежное движение там, где наименее ожидали его — в верховьях Аргунской долины, в том именно населении, которое из первых сбросило с себя иго Шамиля и обратилось к помощи русских войск, чтобы прогнать мюридов. Прежнему наибу Умадую и бывшему кадию Атабаю удалось взволновать несколько селений и собрать небольшую шайку, с которою начали они нападать на транспорты, на табуны наши и даже на части войск, занимавшиеся дорожными работами. Волнение перешло и в верхние долины Малой Чечни. В окрестнос-

тях самого Владикавказа уже нельзя было иначе ездить, как с конвоем.

Крайне прискорбно было наше разочарование: приходилось снова приниматься за усмирение мятежа, оторвав войска от работ. Граф Евдокимов в своих донесениях старался успокаивать фельдмаршала, не придавая важности происходившим беспорядкам; однако ж решился, наконец, собрать отряд и двинуть его в Ичкерию; намеревался даже возвести новое укрепление вблизи Беноя, на что фельдмаршал изъявил согласие, разрешив вместе с тем графу Евдокимову войти в соглашение с князем Меликовым о передвижении в Ичкерию ближайших войск из Дагестана. Главнокомандующим было приказано судить полевым судом тех зачинщиков мятежа, которые попадут в наши руки, и карать их самым строгим образом.

При таком положении дел фельдмаршал признал необходимым отсрочить предположенное перемещение графа Евдокимова в Кубанскую область. По этому поводу я писал князю Барятинскому (23 июня), что, конечно, никто лучше графа Евдокимова не справится с мятежом, но при этом высказал мысль, которая преследовала меня: «Восстание народа, особенно такого, какое в Аргунской долине, не может произойти внезапно, только от какого-нибудь внешнего подстрекательства, как выставляет граф Евдокимов. Нет ли тут более существенной причины, кроющейся в нашей администрации? Если такая причина есть, то надобно было бы истребить ее в самом корне, но, к сожалению, я весьма сомневаюсь, чтобы граф Евдокимов решился доискиваться этого корня, особенно когда дело идет об Аргунском округе»[374]. Здесь был прямой намек на то, что начальником этого округа был близкий родственник Евдокимова — капитан Добровольский. При всех достоинствах своих, граф Николай Иванович был не чужд непотизма и смотрел иногда сквозь пальцы на грехи своих подчиненных. Вообще, мы не могли похвалиться разумною, искусною и строго бескорыстною администрацией. Надобно признать, что в то время управлять новопокорившимся горским населением было дело нелегкое, тем менее можно было ожидать хороших результатов от администраторов, выбираемых большею частью из строевых офицеров, вовсе к делу не подготовленных.

Князь Барятинский соглашался с моим мнением насчет нашей администрации и находил часто неудачными выборы

графа Евдокимова на должности по военно-народному управлению. Так, представление его о назначении начальниками Кумыкского и Ичкеринского округов полковников Белина и Васильева без предоставления им начальствования войсками в этих округах не было одобрено фельдмаршалом, который признавал необходимым при тогдашних обстоятельствах, чтобы начальник округа имел в своих руках и военную силу. Составленный мною список кандидатов, соответствующих такому условию, был препровожден к графу Евдокимову с предоставлением ему выбрать из числа их начальников означенных двух округов. Выбраны были Евдокимовым и утверждены фельдмаршалом полковники Радецкий и Баженов. На должность начальника Чеченского округа представлен был полковник Кундухов, родом осетин; выбор этот был утвержден князем Барятинским, хотя и неохотно; в начальники же Осетинского округа выбран самим фельдмаршалом и вопреки моему мнению полковник Иедлинский. Оба последние назначения оказались впоследствии неудачными.

В исходе июня князь Барятинский донес Государю о неблагоприятном обороте дел в Терской области и отправил письмо свое[375] с капитаном Бюнтингом, для устного доклада Его Величеству подробностей последних происшествий. Фельдмаршал задумал было просить об оставлении на Кавказе 18-й и Резервной дивизий еще на три года и предварительно спросил мое мнение по этому предмету, имея в виду, что я, по его выражению, «стою одной ногой на Кавказе, а другой — в Петербурге». Предвидя, что подобное ходатайство произвело бы в Петербурге весьма невыгодное впечатление и соображая, что, быть может, оно и не вызывается настоятельною надобностью, я предложил другой способ для устранения опасений князя ослабить войска наши на Кавказе именно в то время, когда угрожало нам новое восстание в крае. Мысль моя состояла в том, чтобы предназначенные к возвращению во внутрь России дивизии не удерживать на Кавказе долее назначенного срока, но привести Высочайшую волю в исполнение не вдруг, а с известною постепенностью, так чтобы одновременно с выступлением каждой части в кадренном составе, все излишнее число людей удерживалось на укомплектование остающихся в крае войск. Составленное в этом смысле предположение было одобрено фельдмаршалом, но окончательное решение этого вопроса отложено до того времени, когда, по его соображениям, я буду во главе Военного министерства.

Между тем в исходе июля двинуты наконец достаточные силы против ичкеринских мятежников. Генерал Кемпферт стянул отряд из 6 батальонов и 2 сотен казаков, двинулся к Беною и овладел с боя этим гнездом разбойников. Мятежники разбежались по лесам, продолжая тревожить наши команды на работах. Мелкие нападения и перестрелки продолжались до самой зимы, когда уже стало легче нашим летучим отрядам гоняться за шайками и уничтожать притоны их в лесных трущобах.

То же происходило и в Аргунской долине. Шайки Умадуя и Атабая так усилились, что командир Навагинского пехотного полка полковник князь Туманов не счел себя в силах преследовать их, особенно после того, что собранная им местная милиция (из шатоевцев) изменила нам и предательски напала на сопровождаемый ею батальон. И здесь подавление мятежа пришлось отложить до зимы.

В начале августа граф Евдокимов в своих донесениях должен был уже признать положение дел в Терской области весьма серьезным и просить о подкреплении войсками для подавления мятежа в предстоящую зиму. Фельдмаршал уважил это требование и приказал возвратить в Терскую область, из числа перемещенных за Кубань, 20-й стрелковый батальон и драгунский полк, кроме того, направить туда же из Закавказья два донские казачьи полка, предоставить в распоряжение графа Евдокимова и резервные батальоны, находившиеся на дорожных работах. Вместе с тем приостановлено формирование туземных иррегулярных полков и постоянных милиций, ввиду выказанной некоторыми из них неблагонадежности. На представление графа Евдокимова о переселении возмутившихся ичкеринских аулов на Терек, частью на Кумыкскую плоскость последовало разрешение.

Печальный оборот дел в Терской области произвел удручающее впечатление на самого графа Евдокимова. Еще в начале мая, в проезд мой через Владикавказ, я нашел в нем заметный упадок духа и нервное расстройство. Ранее того, когда фельдмаршал возвращался из Петербурга, граф Евдокимов заявлял ему намерение проситься в отпуск для отдыха и восстановления здоровья. Тогда князь Барятинский предложил ему самому выбрать удобнейшее для того время. К удивлению, выбрал он момент наименее удобный, когда присутствие его было всего необходимее. В письме от 5 августа он писал фельдмаршалу: «Я никогда не осмелился бы рапортовать себя больным, если бы не

чувствовал полного упадка сил, требующего довольно продолжительного лечения и отдохновения, вдали от причин, начавших разрушительно действовать на ослабленный уже организм ... В том душевном и телесном расстройстве, в каком я ныне нахожусь, дальнейшее пребывание мое на занимаемом мною месте не может быть полезно. Мне нужен отпуск по крайней мере на 6 или 4 месяца».

В письме ко мне от того же числа Евдокимов в оправдание своего несвоевременного намерения покинуть край приводил странное соображение: «Не знаю, как будет дальше, теперь же во всей Чечне очень довольны назначением Кундухова, и в Большой, которую он объезжает, его принимают с восторгом. На Белика никто не жалуется, а между тем все рады*, и *это навело меня на мысль*: не произведет ли хорошего впечатления, если бы и я, хотя на время, выехал в отпуск?** Чеченцев занимает всякая новизна. Это народ совсем не похожий на другие племена Кавказа. Между тем для меня это было бы большое благо, ибо я чувствую, что если мне не будет времени отдохнуть, то я потеряю безвозвратно сильно уже расстроившееся свое здоровье»[376].

Несвоевременное намерение графа Евдокимова удалиться из края, при тогдашних трудных обстоятельствах, озабочивало фельдмаршала как признак упадка духа и ослабления энергии в человеке, на которого возлагались еще большие надежды в будущем. Это душевное расстройство высказывалось в письмах самого Евдокимова и подтверждалось приезжими из Владикавказа. Поэтому князь Барятинский в ответном письме от 9 августа не счел возможным прямо удерживать графа Николая Ивановича, но предварительно спросил его мнение о том, кому полагает он на время своего отсутствия поручить начальство в Терской области, прибавив, что было бы еще лучше, если бы он сам приехал в Боржом, где фельдмаршал полагал пробыть до 23 августа.

Как поступил граф Евдокимов и принял ли он приглашение князя Барятинского — об этом не сохранилось никаких данных ни в моих бумагах, ни в моей памяти. Верно только то, что Евдокимов отказался от задуманного несвоевременного отпуска и, по выражению фельдмаршала, остался «расхлебывать кашу».

---

* Предшественник Кундухова, полковник Белик, держал чеченцев в ежовых рукавицах и действовал иногда слишком круто.

** В одном из донесений графа Евдокимова, в исходе июня, упоминалось о заговоре лично против него.

МОЕ ПРОЩАНИЕ С КАВКАЗОМ*

Князь Барятинский, в письме от 21 июня из Боржома, писал мне: «L'Empereur vous attend avec impatience. Voici ce qu'il m'écrit dans une letter que j'ai reçue hier: "Quant au remplacement de Philipson par Евдокимов — cela dépend complétement de vous et je ne vous ai laissé Милютин jusdu'au mois d'août que parce que vous me l'avez demandé. Si vous pouvez vous en passer, ecrivez moi et envoyez-le-moi plutôt; je serai toujours content de l'avoir ici"»**.

Князь Барятинский спрашивал меня, в каком смысле ответить Государю, прибавив, что со своей стороны остается при прежнем желании удержать меня до 30 августа, чтобы до того времени спокойно отдыхать в Боржоме; «притом, — писал он, — и предположенное перемещение Евдокимова в Кубанскую область было бы теперь неудобно при том тревожном положении, в котором, по его донесениям, находятся дела в Терской области. Пусть же он и расхлебывает кашу»[377].

Вот что ответил я фельдмаршалу (23 июня):

«Вопрос Ваш ставит меня в немалое затруднение. Уже много раз и вполне чистосердечно выражал я, с какою грустью и даже боязнью помышляю о необходимости перемены в моем служебном положении. Каждый раз, когда возобновляется речь о переезде в Петербург, сердце мое сжимается как будто от какого-то тяжкого, зловещего предчувствия. Если бы зависело от моей воли, то, конечно, я пожелал бы только одного — не расставаться никогда со здешним краем и здешнею службой. Чувство это Ваше Сиятельство вполне поймете и признаете естественным. Скажу более, во всей семье моей я ожидаю горьких слез в тот день, когда придется мне объявить о предстоящем перемещении в Петербург. Но при всем этом вижу, что дело зашло уже слишком далеко, что напрасно я льстил себя надеждами на какие-нибудь непредвидимые обстоятельства, которые могли бы расстро-

---

* В автографе далее зачеркнуто: (по 9 октября 1860 г.) (*примеч. публ.*).

** «Император ожидает Вас с нетерпением. Вот что он мне пишет в письме, полученном вчера: "Что до замещения Филипсона Евдокимовым, это полностью зависит от Вас, и я отпущу к Вам Милютина до августа, только если Вы этого попросите. Если Вы можете без этого обойтись, напишите мне и пришлите его ко мне немедля; я всегда буду рад видеть его здесь"» (*фр.*).

ить предположение о новом моем назначении. Теперь я должен покориться судьбе и, следуя всегдашнему своему правилу, помимо всех моих личных расчетов, предоставить Вашему решению направить мою службу туда, куда польза службы указывает. Повторяю, что я устраняю всякие эгоистические соображения, беспрекословно, с благоговением повергаю свою участь воле Государя и не имею другого желания, как только сохранить еще довольно сил, чтобы сколько-нибудь быть полезным. Одно преследует меня серьезное опасение — не оправдать Вашего слишком благосклонного мнения обо мне и милостивых ожиданий Государя»[378].

Затем прошло более месяца. Полагаю, что князь Барятинский в своем ответе Государю повторил прежнее желание свое, чтобы назначение мое состоялось не ранее 30 августа. Между тем 1 числа этого месяца фельдъегерь привез прямо в Боржом новое письмо Государя к фельдмаршалу от 23 июля и целую груду наград, пожалованных по его последним ходатайствам. С некоторым удивлением узнал я, что был испрошен и мне за последний мой объезд Кубанской области орден Белого орла и даже с мечами, присоединенными потому только, что мне случилось провести несколько дней в Шапсугском лагере. В письме от 4 августа я благодарил фельдмаршала за этот новый знак внимания, но при этом выразил, что «чувствую смущение при виде новой, так мало заслуженной награды, в особенности этих мечей, которые достались мне слишком легко»[379]. Впрочем, было ясно, что награда эта была испрошена и пожалована вовсе не в виде возмездия за оказанные заслуги, а, собственно, по поводу предназначавшегося мне повышения на такой пост, на котором не привыкли видеть молодых генералов, украшенных лишь Аннинской лентой.

В полученном от Государя письме было сказано:

«Comme vous me dites que vers la fin d'août vous espèrez pouvoir remplacer Philipson par le c-te Евдокимов, c'est le 30 août que je compte nommer Milutine Adjoint du Ministre de la guerre, et non pas Ministre d'amblée; j'ai pour cela plus d'une raison»*[380].

* «Поскольку вы говорите, что к концу августа вы надеетесь сменить Филипсона графом Евдокимовым, именно 30 августа я рассчитываю назначить Милютина товарищем военного министра, а не министром; у меня для этого достаточно оснований» (*фр.*).

Князь Барятинский, препровождая мне для прочтения письмо Государя, писал: «Вы из него увидите непреклонное, по-видимому, намерение Государя вести Вас по битому пути, как Долгорукова. В последнем моем письме к Его Величеству я очень обстоятельно и положительным образом выражал свое мнение о необходимости назначения Вас прямо военным министром; я ссылался на разговор мой с Государем в Петербурге. Должно быть, смена назначена Сухозанету 1 января, и потому воля непреклонная, иначе я не могу себе истолковать такую настойчивость не изменять примеру прежнего товарища. Во всяком случае пребывание Ваше здесь, дорога, l'installation*, прием должности и т. п. сократят время неопределенного Вашего положения. Но не могу не сознаться, что я весьма огорчен решением Государя, которого я всеми силами старался убедить в несоответственном для Вас таком временном назначении. При нашем свидании в Тифлисе мы более поговорим об этом предмете»[381].

На это ответил я, что решение Государя нисколько меня не удивило: «Я предвидел, что иначе и не будет. И кто знает — не к лучшему ли все делается на свете? Быть может, с первого же шага на новый скользкий путь выкажется недостаточность моих сил, — и тогда лучше сойти с дороги заблаговременно»[382]. К этому прибавил я, что приехал бы в Боржом для личного объяснения, если бы не знал желания князя воспользоваться своим уединением в последние дни своего летнего отдыха. Фельдмаршал дал мне знать через Лимановского, что с удовольствием ожидает моего приезда. Вследствие этого приглашения отправился я 12 августа в Боржом, где провел полтора дня в непрерывных разговорах с фельдмаршалом. Главными предметами наших бесед, разумеется, были предстоящее мне новое назначение, вызываемые им другие перемены в личном составе управления на Кавказе, положение дел в Терской области и наиболее заботивший князя щекотливый вопрос об отсрочке выступления с Кавказа 18-й и Резервной дивизий. Предполагая, что выезд мой последует в исходе сентября, фельдмаршал решил, чтобы к тому времени генерал Филипсон сдал свою должность графу Евдокимову и занял мое место, но чтобы ввиду тревожного положения дел в Терской области, последний сохранил за собою и

* обустройство (*фр.*).

Д.А Милютин с сыном и дочерью

главное начальство в этой части края, действуя там через своего помощника генерала Кемпферта. Подробности этих перемещений и сопряженные с ними вопросы предполагалось обсудить в совещании во Владикавказе, перед самым отъездом моим.

Князь Барятинский переехал из Боржома в Тифлис за два дня до 30 августа. Годовщина взятия Гуниба 25 августа была отпразднована на этот раз скромным образом, благодарственным молебствием в церквах и церковными парадами во всех частях войск.

Ко времени возвращения фельдмаршала переехал и я из Коджор в Тифлис; семья же моя оставалась еще в Коджорах. В городе было невыносимо душно, и не хотелось нам так рано лишить детей свежего, чистого воздуха на горах. Жена моя намеревалась приехать в Тифлис только на празднество 30 августа, но и то не состоялось по причине ее болезни глаз. Странно, что одновременно с нею случилось и у меня воспаление одного глаза, что, впрочем, не помешало мне участвовать в праздцнова-

нии 30 августа, продолжавшемся почти целый день: утром торжественная обедня в Сионском соборе с молебствием и «церковным парадом», потом съезд во дворце наместника для принесения ему поздравления, а вечером гуляние в его саду с иллюминацией и фейерверком.

Пребывание моей семьи в Коджорах не могло продлиться слишком долго: с переселением оттуда Института и большей части должностных лиц Коджоры обыкновенно лишались всяких средств к удовлетворению насущных потребностей жизни. Поэтому моя семья должна была перебраться в город 3 сентября. К тому же нельзя было откладывать приготовлений к отъезду. То, что прежде пугало мою семью как отдаленный призрак, теперь стало вопросом, решенным бесповоротно. Ровно четыре года провели мы счастливо и приятно в благодатном климате; освоились с тихою, привольною жизнью тифлисскою и расставались с нею с глубоким сожалением. Особенно грустили дети; чуть не со слезами прощались они с Коджорами, с тифлисским уютным садиком, с маленькими своими подругами. Как четыре года назад, снова приходилось ликвидировать все домашнее обзаведение и снаряжаться в дальний путь.

7 сентября фельдмаршал выехал из Тифлиса во Владикавказ, куда вызван был и генерал Филипсон. Переезд по Военно-Грузинской дороге был затруднен прорывом так называемой «бешеной балки» и несколькими каменными выносами, причиненными бывшими перед тем ливнями. Однако ж князь Барятинский проехал не останавливаясь и прибыл во Владикавказ в тот же день поздно ночью. Сопровождали его те же лица, которые находились при нем и в прежние поездки. Первые совещания фельдмаршала с графом Евдокимовым и генералом Филипсоном имели целью решение только личных вопросов о предположенных для них новых назначениях. Оба они жаловались на расстройство здоровья и утомление, а Филипсон даже заявил желание совсем покинуть Кавказ, чтобы заняться собственными делами. Однако ж князь Барятинский убедил и того и другого отложить личные о себе заботы ради высших интересов службы и края. Филипсон согласился вступить *временно* в должность начальника Главного штаба армии, а фельдмаршал обещал ему, по истечении 6 месяцев, исходатайствовать отпуск и назначение на соответствующее его чину место вне Кавказа, с намеком на сенаторство. Граф Евдокимов также не встретил затруднения

переместиться в Кубанскую область, сохранив за собою и высшее управление Терскою областью через посредство помощника своего, генерала Кемпферта. Помощником же по Кубанской области предположено назначить князя Святополк-Мирского, взамен генерал-майора Рудановского, которому полагалось исходатайствовать производство в генерал-лейтенанты с назначением начальником дивизии вне Кавказа. Уладив таким образом вопросы личные, фельдмаршал отложил обсуждение всех других, стоявших на очереди вопросов, военных и административных, до проезда моего через Владикавказ на пути в Петербург, что должно было, по расчету князя, состояться в последних числах сентября. До того же времени он намеревался предпринять поездку в Алагир, а генералу Филипсону разрешил съездить в Ставрополь, для необходимых распоряжений как служебных, по сдаче должности, так и домашних, по перемещению в Тифлис.

12 сентября получен во Владикавказе номер «Инвалида», в котором объявлены состоявшиеся 30 августа награды и назначения. В числе последних оказалось и мое назначение. Официальное уведомление с приказом и указом Сенату получено дня два после газетного известия. Полковник Лимановский поспешил прислать мне номер «Инвалида» при письме от 12 числа, в котором выразился: «Нахожусь в нерешительности, поздравлять ли с этим назначением»[383]. Вместе с этим письмом доставлены и приказы по армии, подписанные главнокомандующим тем же 12 числом:

I

«Расставаясь с генерал-адъютантом Милютиным, хочу засвидетельствовать перед всею армией о чувствах душевной признательности, внушенных мне его службою. Во время четырехлетнего управления Главным штабом он был для меня помощником и другом, которого никогда не забуду».

II

«По случаю назначения генерал-адъютанта Милютина товарищем военного министра временно исправление должности начальника Главного штаба армии поручено генерал-лейтенанту Филипсону, а командование войсками в Кубанской области — генерал-адъютанту графу Евдокимову, с исполнением при том и

настоящих его обязанностей по званию командующего войсками Терской области».

13 сентября писал я князю Барятинскому:

«Полученный сейчас приказ Вашего Сиятельства относительно моего нового назначения глубоко тронул меня. Не нахожу довольно сильных слов, чтобы выразить Вам, сколько мне грустно расставаться с таким начальником, который удостаивает меня названием *друга*, и с такою службой, которая доставляла мне одни только утешения. Не в розовом цвете представляется мне лежащий впереди путь, но какая бы ни ожидала меня будущность, всегда и везде воспоминание о четырехлетней службе моей под Вашим начальством будет оставаться для меня светлою, успокоительною звездой.

Согласно с полученными лично приказаниями Вашего Сиятельства, я перестаю с завтрашнего дня подписывать и скреплять бумаги, но буду продолжать негласно исправлять главные, более важные дела до тех пор, пока не получу новых приказаний от Вашего Сиятельства»[384].

На другой день, 14 сентября, подписаны мною следующие два приказа по Главному штабу армии:

I

«В приказе по армии от 12 числа за № 401 объявлено, что Государю императору благоугодно было Высочайше возложить на меня новую должность; временное же исправление должности начальника Главного штаба поручено командующему войсками Кубанской области генерал-лейтенанту Филипсону.

Объявляя об этом по Главному штабу, и согласно с приказаниями, полученными мною от главнокомандующего, предлагаю гг. дежурному генералу, генерал-квартирмейстеру и управляющему канцелярией начальника Главного штаба впредь до прибытия генерала Филипсона управлять вверенными им частями тем порядком, какой обыкновенно соблюдался в отсутствие начальника Главного штаба».

II

«Оставляя должность начальника Главного штаба Кавказской армии, я не могу расстаться без глубокого сожаления с достойными сослуживцами, с которыми в продолжение четырех лет

делил все труды и заботы. Их неусыпной и добросовестной деятельности обязан я и тою лестною благодарностью, которую угодно было главнокомандующему ныне выразить перед лицом целой армии. Смело могу сказать, что начальствование Главным штабом Кавказской армии останется навсегда самым утешительным для меня воспоминанием. Я буду всегда гордиться тем, что стоял во главе такого управления. Прошу же вас всех и каждого, достойные сослуживцы, принять искреннюю полную мою благодарность.

Особенно ставлю себе долгом выразить душевную признательность главным и ближайшим моим помощникам: дежурному генералу генерал-майору Ольшевскому, генерал-квартирмейстеру генерал-майору Карлгофу и управляющему канцелярией начальника Главного штаба полковнику Лимановскому».

Вслед за тем получил я от фельдмаршала письмо (от 17 числа), в котором он отозвался в следующих строках о предстоящей нам разлуке:

«Я не пишу Вам о чувствах моих при расставании с Вами, потому что Вы их сами знаете, и всякое описание слабо выразит мою душевную признательность к Вам. Я пожертвовал собою для пользы государственной и лично Государя; Вы это хорошо знаете. Я отдал ему свое лучшее украшение (?!). Я написал вчера Карцову, просил его приехать тотчас же в мое распоряжение, с тем, чтобы принять участие в военных делах, объехать весь край и прибыть в Тифлис раннею весной. В мае полагаю представить его с повышением в чине в начальники Главного штаба, а Филипсона в сенаторы, с отпуском за границу и с денежным обеспечением»[385].

Признавая нужным, чтобы до моего выезда из Тифлиса полковник Лимановский возвратился к своей прямой должности (управляющего канцелярией начальника Главного штаба), главнокомандующий приказал на смену ему прислать во Владикавказ полковника Давыдова, и чтобы испытать его способность к кабинетной работе, поручить ему для личного доклада фельдмаршалу несколько серьезных дел, преимущественно по части провиантской, так как Давыдов метил получить со временем место генерал-интенданта.

17-го же числа князь Барятинский выехал в Алагир.

По поводу моего назначения получил я несколько писем из Петербурга. А.П. Карцов писал, что не поздравляет меня, зная,

как это назначение мне не по душе, но прибавил: «Можно поздравить Вас с тем, как назначение Ваше принято общим мнением. Все без малейшего исключения этому радуются, даже те, которые имеют причины думать противное, показывают вид довольных. Многие жалеют Кавказ, а те, которые Вас любят, жалеют Вас, предвидя предстоящие Вам труды и опасаясь за Ваше здоровье. Поговаривают, что в Военном министерстве, т. е. в верхних его слоях, крепко Вас побаиваются и что в Комиссариатском департаменте спешат закончить многие дела»[386].

Вообще назначение мое почему-то обратило на себя внимание в Петербурге, о нем появились статьи в газетах, даже иностранных*.

Сам военный министр в письме от 13 сентября, извещая меня о последовавшем назначении моем, спрашивал, как скоро может он ожидать моего прибытия в Петербург. Я ответил 23 числа, что полагаю выехать из Тифлиса 28 сентября, но так как я должен еще проститься с фельдмаршалом и пробыть несколько дней во Владикавказе, то, по всем вероятиям, прибуду в Петербург между 18 и 25 октября[387].

Сборы в дорогу были в полном ходу; нежелательно было медлить и в собственных наших интересах, дабы не пришлось опять, как четыре года назад, тащиться с большою семьей в позднее осеннее время, в самую распутицу. Не менее было желательно и для Филипсона перебраться в Тифлис в благоприятное время года. В письме от 21 сентября он уведомил меня о предположенном выезде его семьи из Ставрополя не позже 28 сентября, причем прибавил, что приезд ее в Тифлис, в случае даже, если бы случился и ранее выезда оттуда моей семьи, не должен ни в каком случае стеснять моих планов.

В том же письме генерал Филипсон, с обычною своей чрезмерной скромностью, выражал сомнение в том, что может «заменить меня не по одному только официальному титулу», и заключил такими любезными строками: «С нетерпением ожидаю Вашего приезда (т. е. во Владикавказ), надеясь, может быть, в последний раз воспользоваться Вашими советами и указаниями, и выразить Вам душевное желание здоровья и успеха в трудах для общей пользы на новом поприще»[388].

---

* Довольно обширная статья помещена в Аугсбургской «Allgemeine Zeitung». Beilage gu № 284. 10 october. 1860 г.

Последняя неделя перед выездом из Тифлиса была крайне хлопотлива и утомительна. Приходилось в одно и то же время заканчивать и дела служебные, и мелочные распоряжения домашние, отвечать на массу получаемых писем, поздравительных и прощальных, делать прощальные визиты и сверх всего — пройти через целый ряд прощальных обедов и разных оваций.

Если, с одной стороны, грустно было расставаться с Кавказом, то с другой, — истинную отраду доставляли получаемые со всех сторон сочувственные изъявления, не только от прежних подчиненных и сослуживцев, но и от лиц, не имевших со мною никаких отношений служебных. Как в письмах, так и на словах высказывалось мне и семье моей непритворное сожаление о нашем отъезде с Кавказа. Из числа заочных приветствий первое было 16 сентября из Кутаиса от тамошнего губернатора генерал-майора Николая Агаповича Иванова по телеграфу, только что перед тем открытому. Весьма любезные письма получил я от тамошнего же генерал-губернатора князя Георгия Романовича Эристова, от князя Левана Ивановича Меликова, от барона Леонтия Павловича Николаи, от Мих[аила] Тар[иэловича] Лорис-Меликова и многих других. Некоторые из прежних моих подчиненных (Лимановский, Кравченко, Фогель) отнеслись с трогательными чувствами благодарности и преданности. Замечательны лаконическое письмо почтенного старожила тифлисского, старика князя Георгия Евсеевича Эристова, и два письма на арабском языке бывшего султана Элисуйского Даниель-бека[389]. Некоторые из этих писем уже не застали меня в Тифлисе, и отвечал я на них из Петербурга.

В продолжение четырех дней разъезжал я по городу с прощальными визитами; сверх того было официальное прощание в помещении штаба с прежними подчиненными. 22 числа в залах Тифлисского клуба дан был прощальный обед от всего военного ведомства. Несмотря на многочисленность собравшейся военной публики и на изысканную обстановку, торжество это отличалось искреннею задушевностью. Целый ряд тостов сопровождался самыми лестными для меня речами генералов Ольшевского, Карлгофа, Альбрандта, Опочинина и других. На хорах присутствовала моя семья и некоторые зрительницы. Другой, не менее многолюдный, роскошный и оживленный обед был дан 26 сентября в том же помещении клуба от всего тифлисского общества. Тут принимали участие и дамы. Приветственные речи

были произнесены городским головой Таировым, директорами клуба Е.И. Быковым и Ник[олаем] Петр[овичем] Колюбакиным, несколькими еще другими лицами. Речь А.А. Харитонова была почти деловая, посвященная преимущественно финансовым соображениям. Зато после нее Вас[илий] Ант[онович] Инсарский оживил и развеселил общество шутливою речью от имени прекрасного пола.

Оба обеда описаны в местной газете «Кавказ» (№ 76, сентября 29). Но кроме этих почти официальных чествований, собирались небольшие кружки близких лиц, с которыми прощания носили характер более домашний, интимный. Особенным добродушием отличался обед в одном из загородных садов Ортачальских, к которому приглашена была вся моя семья, не исключая детей, гувернантки и гувернера. Главными участниками этого пикника были милые адъютанты мои: князь Гагарин, Фогель, Старосельский, «тулумбашем» был добродушный Юлий Фёдорович Минквиц, который на этот случай охотно сбросил с себя генеральскую важность начальника Жандармского округа и высвободился из-под ферулы своей чопорной супруги: он оживлял наше маленькое общество неистощимым запасом шуток, прибауток, песенок, подливал обильно во все стаканы кахетинского и довел до того, что к концу обеда все были более или менее навеселе.

Настал наконец день выезда — 28 сентября. Утром, пока наши пожитки укладывались в экипажи, вошел ко мне в кабинет наш полевой почтмейстер Константин Петрович Ермолаев, чтоб окончательно проститься со мной и моею семьей. Этот добродушный оригинал явился в праздничном своем жилете, вместе с обоими сыновьями гимназистами; все трое стали рядом и пропели какую-то странную песню, по мнению их, тирольскую и подходящую к настоящему случаю, а затем старик продекламировал сочиненное им ad hoc* стихотворение. Только при самом выезде нашем оказалось, что нас сопровождает целая вереница экипажей, часть же провожавшего нас общества выехала вперед на первую станцию. Мцхет, где под самою стеной монастырской еще приготовлен был завтрак. Тут опять тосты, спичи, излияния чувств и возлияния кахетинского, так что мы с непривычки выехали из Мцхета с несколько отуманенным сознанием.

---

* здесь: по этому поводу (*лат.*).

Но и эта неожиданная для нас любезность тифлисского общества была не последним прощальным чествованием. Подъезжая к Душету (32 версты от Мцхета), еще издали увидели мы развевавшиеся флаги над нарядным павильоном, выстроенным у самого шоссе (в полуторе версте от города, расположенного на значительной высоте). Павильон был разукрашен гирляндами, цветами; кругом посажены деревья, над аркой изображен мой вензель, раздавалась музыка. У входа в павильон встретило нас многочисленное и блестящее общество; звуки музыки вдруг умолкли, и выступил вперед почтенный старик Иосельяни (действительный статский советник) с красноречивою речью, на которую, конечно, я должен был ответить несколькими не совсем складными словами. Потом угощали нас разными сластями и задержали, таким образом, часа на полтора. Уже впотьмах доехали мы до Ананура, где был приготовлен ночлег.

На другой день, 29 сентября, проехали мы без всяких затруднений до Владикавказа. Здесь семейство мое остановилось на один день, чтобы проститься с князем Барятинским; я же полагал пробыть несколько долее, пока фельдмаршал найдет нужным мое участие в предположенных совещаниях. Он возвратился из Алагира во Владикавказ за два дня до моего приезда; Филипсон прибыл за неделю.

Князь Барятинский принял меня чрезвычайно любезно; с графом Евдокимовым и Филипсоном встретились мы дружески. Во Владикавказе находились кроме князя Святополк-Мирского начальники штабов обоих казачьих полков: Линейного — генерал-майор Попандопуло и Черноморского — генерал-майор Кусаков, вызванные для участия в совещаниях собственно по вопросу о новом разделении Кубанского и Терского казачьих войск.

Главным предметом совещаний был план военных действий в Закубанском крае. В этом вопросе существенно различались взгляды генерал-лейтенанта Филипсона и графа Евдокимова. Первый отстаивал мнения, изложенные в прежней его записке; основная мысль его заключалась в том, что горское население западной половины Кавказа совершенно отлично от населения восточной, что к нему вовсе неприменим тот образ действий, который привел к таким успешным результатам в Чечне и Дагестане, что крутые меры против шапсугов и убыхов только доведут эти многочисленные племена до ожесточения и даже, быть

может, вызовут вмешательство европейских держав, особенно Англии, которая не признает прав России на восточный берег Черного моря. По мнению Филипсона, следовало мерами кроткими при содействии Магомет-Эмина достигнуть во всем Западном Кавказе такой же степени покорности, какая уже достигнута относительно абадзехов и натухайцев, стараясь упрочить нашу власть в этом крае только занятием некоторых укрепленных пунктов, проложением дорог, рубкою просек, введением управления сообразно быту и нравам туземных племен в духе гуманном, не препятствуя торговым сношениям прибрежных горцев с Турцией и т. д.

Нельзя было не подивиться такому оптимизму и иллюзиям Григория Ивановича Филипсона, тридцать лет прослужившего на Кавказе (именно в западной его части) и, стало быть, имевшего довольно времени, чтобы ознакомиться с духом и нравами горского населения, чтобы убедиться, как смотрят горцы на гуманность и кротость и как мало можно полагаться на их изъявления покорности. Указание же на враждебное отношение Европы и в особенности Англии, казалось, должно было бы вести к заключению диаметрально противоположному выводу генерала Филипсона: эта именно враждебность и побуждала нас к самым решительным мерам, чтобы оградить себя без потери времени от посягательств иностранцев, поддерживающих намеренно брожение и враждебность среди горского населения Кавказа.

После Филипсона высказал свое мнение граф Евдокимов. Ему не стоило большого труда победоносно опровергнуть иллюзии бывшего начальника Кубанской области. С обычными ясностью, отчетливостью, простотой изложил граф Николай Иванович свой план действий, основанный на прежних предположениях, поддерживаемых самим главнокомандующим и состоявших в том, чтобы решительно вытеснить из гор туземное население и заставить его или переселиться на открытые равнины позади казачьих станиц, или уходить в Турцию. По мнению Евдокимова, следовало прежде всего направить наши силы против шапсугов, очистить широкую полосу вдоль подножий гор и затем утвердиться за хребтом Черных гор, начиная от верховий Лабы и Белой к западу, и таким образом тесня горское население, принудить его подчиниться нашим требованиям. Граф Евдокимов с уверенностью брался привести этот план в исполне-

ние, с имевшимися в то время силами в течение двух или трех лет.

Само собою разумеется, что мнение графа Евдокимова взяло верх*, и предметом обсуждения оставались только способы исполнения его плана. Важнейший вопрос заключался в том, откуда взять ту массу казачьего населения, которым предполагалось занять всю полосу предгорий? Ввиду сопротивления атамана Донского войска, приходилось остановиться на переселении кавказских же казаков. Сам генерал Филипсон, бывший атаман Черноморского казачьего войска, подал мысль о переселении задних или внутренних полков целыми станицами. Однако ж вопрос этот не получил в наших совещаниях окончательного решения, что повело впоследствии к прискорбным недоразумениям[391].

Шесть дней провел я во Владикавказе в совещаниях и разговорах. 3 октября фельдмаршал дал прощальный обед, к которому были приглашены все съехавшиеся генералы и многие из местных служащих. В исходе обеда князь Александр Иванович (с которым я сидел рядом), подняв бокал, произнес весьма любезную прощальную речь, которую приведу здесь в том виде, в каком была она пропечатана в газете «Кавказ» (№ 79):

«Сегодня я прощаюсь с Дмитрием Алексеевичем. Говорить о моем огорчении, расставаясь с ним, я нахожу излишним. Выражение чувств в армии и, могу сказать, в целом крае само собою достаточно ручается за правильность его душевного настроения при моей разлуке с ним. Итак, в ознаменование этого общего нам сочувствия к достоинствам вполне уважаемого нами человека, предлагаю вам сердечное "ура" за здоровье Дмитрия Алексеевича Милютина». Раздались обычные «ура»; князь Барятинский обнял меня, многие из присутствующих подошли чокаться со мной. Растроганный и взволнованный я высказал, как сумел, свои чувства благодарности и закончил такими словами: «Счастье и благоденствие Кавказа зависят вполне от здоровья генерал-фельдмаршала; выпьем же за сохранение этого драгоценно-

* В биографии князя А.И. Барятинского, г. Зиссерман, ссылаясь на слова князя Д.И. Святополк-Мирского, упоминает, будто я поддерживал мнение генерала Филипсона и только после опровержения его графом Евдокимовым «сдался под конец» на сторону последнего. Это опять несправедливо. Правдоподобно ли, что я поддерживал мнение, диаметрально противоположное тому плану, который давно уже проводился князем Барятинским относительно Западного Кавказа?[390]

го здоровья». Раздались новые возгласы «ура». Все присутствовавшие выказали мне самое радушное внимание.

5 октября окончательно распростился я с князем Барятинским, Евдокимовым, Филипсоном и другими лицами, а 6 числа рано утром выехал из Владикавказа, вдвоем с сыном в своем тарантасе. В то же время генерал Филипсон отправился в Тифлис; сам же фельдмаршал выехал днем позже и прибыл в Тифлис 8 числа. Вслед за тем и граф Евдокимов отправился в Ставрополь.

В станице Прохладной встретил я фельдъегеря, ехавшего из Петербурга в Тифлис; он вручил мне конверт от военного министра со вложением 6 тыс. рублей, пожалованных мне в пособие на покрытие расходов по перемещению на новое место, а также письмо А.П. Карцова, который извещал меня, что, решившись принять приглашение князя Барятинского, ожидает только моего приезда в Петербург, чтобы затем подняться в путь на Кавказ. Там же, в Прохладной, нагнал меня другой фельдъегерь, присланный из Владикавказа, по приказанию главнокомандующего, для сопровождения меня в пути. Не имея надобности в его услугах и заботясь более о своей семье, ехавшей медленно в тяжелой карете с ночевками и дневками, я отправил этого фельдъегеря вперед, в помощь семье, а сам продолжал путь скромно с сыном, без всякой свиты. По тяжелой дороге дотащился я до Ставрополя только поздно вечером 7 числа, и тут произошло комическое недоразумение: для меня приготовлено было помещение в доме богатого купца, великолепно освещенное a giorno*, но полусонная прислуга, видя мой скромный экипаж, не признала меня за ожидаемое важное лицо и только после настойчивых моих требований согласилась потушить огни и дать мне спокойно уснуть.

В Ставрополе пробыл я целый день 8 числа, по случаю полученного мною заранее приглашения на прощальный обед от военнослужащих Кубанской области. Утро прошло в приеме представляющихся и визитах; обед в помещении городского клуба сопровождался, конечно, тостами, речами, криками «ура»; этим и закончился длинный ряд чествований, сопровождавших мою разлуку с Кавказом. На другой день, 9 числа, рано утром, выехал я из Ставрополя, спеша нагнать мою семью**, ехавшую с

---

* как днем (*итал.*), имеется в виду искусственное освещение (*примеч. публ.*).

** Далее в автографе зачеркнуто: «в Харькове» (*примеч. публ.*).

ночлегами и дневками. От Белгорода ехали мы далее уже почти совместно.

Итак, ровно через четыре года после моего переезда из Петербурга на Кавказ возвращаюсь я по той же самой дороге опять на север. Но какая разница в настроении духа тогда и теперь! Как было радостно тогда оставить позади себя угрюмый петровский «парадиз» чиновничества с его мертвящим формализмом, фальшью и серым небом, имея перед собой очаровательный край, где ожидала меня жизнь, полная разнообразных интересов, деятельность плодотворная, обстановка симпатичная. Теперь же — наоборот: все, что было мне так по душе, отошло в прошлое, осталось лишь светлым воспоминанием, а впереди — мрак и неизвестность. Что ожидает меня в Петербурге? Удастся ли мне стать твердо на предстоящем новом пути, приобрести необходимый авторитет, поладить со множеством лиц, с которыми придется сталкиваться? Пугали меня всего более присущие чиновничьей и дворской сферам интриги. Бороться с этим скрытым врагом чувствовал я себя вовсе не способным, а потому ехал в Петербург с предвзятой мыслью, что недолго удержусь на предназначенном мне высоком посту.

Комментарии и указатели

КОММЕНТАРИИ

1 Сразу после назначения кн. А.И. Барятинского и. д. кавказского наместника, по его просьбе, была восстановлена должность начальника Главного штаба Отдельного Кавказского корпуса. В архиве Д.А. Милютина хранятся документы, относящиеся к назначению его на эту должность: переписка Барятинского с военным министром от 10 сентября 1856 г., приказ военного министра от 17 сентября 1856 г., отношение его же к Милютину от 11 сентября 1856 г. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 19. Ед. хр. 10). Об этом также см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843—1856. М., 2000. С. 458—464.

2 Подразумеваются 1816—1827 гг., когда А.П. Ермолов был командующим Отдельным Кавказским корпусом и главноуправляющим в Грузии. См.: *Клычников Ю.Ю.* Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816—1827) // Сборник Русского исторического общества. М., 2000. № 2 (150). С. 72—83.

3 Имеется в виду проект нового военно-административного разделения Кавказского края, представленный А.И. Барятинским Александру II весной 1856 г. К осени того же года некоторые из предложенных мер были утверждены. Так, приказом 16 августа было объявлено о новом разделении края на четыре главные отдела, с упразднением управления Кавказской линии и Черномории. См.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 31. Отд. 2-е. № 30850.

4 Речь идет о нападении лезгин в 1848 г. на укрепление Ахты в Южном Дагестане.

5 Имеется в виду Н.Н. Муравьёв (Карский), который был кавказским наместником в 1854—1856 гг.

6 Т. е. в 1829—1834 гг., когда П.Д. Киселёв был полномочным председателем диванов княжеств Молдавии и Валахии.

7 Учреждения и воинские соединения Отдельного корпуса жандармов были исполнительными органами III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. С 1827 г. при организации Отдельного корпуса жандармов было создано 5 жандармских округов. VI округ образован на Кавказе в 1837 г. В 1837—1867 гг. в Тифлисе действовало Управление VI округа Корпуса жандармов, в 1867—1870 гг. — Управление Кавказского жандармского округа.

8 См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816—1843. М., 1997. С. 275—276 (записи о пребывании в Тифлисе в сентябре 1839 г.).

9 Подразумевается наместничество на Кавказе М.С. Воронцова в 1844—1854 гг.

10 Кавказский комитет (1833—1882) — орган высшего управления и надзора за местной администрацией, нередко выполнял законосовещательные функции для законопроектов по управлению Кавказом. Состав Комитета в 1857 г.: председатель — председатель Государственного совета и Комитета министров князь А.Ф. Орлов, члены: управляющий Морским министерством великий князь Константин Николаевич, председатель Департамента законов Государственного совета граф

Д.Н. Блудов, министр иностранных дел князь А.М. Горчаков, министр внутренних дел С.С. Ланской, военный — Н.О. Сухозанет, юстиции — граф В.Н. Панин, начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии князь В.А. Долгоруков, министр финансов П.Ф. Брок, министр государственных имуществ В.А. Шереметев (после его смерти — М.Н. Муравьёв), управляющий делами В.П. Бутков.

[11] Женское благотворительное Общество св. Нины учреждено в Тифлисе в 1846 г. по инициативе Е.К. Воронцовой и находилось под покровительством императрицы Александры Фёдоровны. Общество ставило своей целью «воспитание и образование дочерей недостаточных родителей, преимущественно из туземных дворян». К началу 1860-х гг. Общество имело учебные заведения пансионного типа в Тифлисе, Кутаисе, Шемахе, Эривани, Баку. В 1860 г. под руководством А.И. Барятинского разработан новый устав Общества, утвержденный Александром II (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 35. Отд. 2-е. № 36385).

[12] По-видимому, речь идет о двух записках, написанных Милютиным в мае 1856 г.: «О средствах к устранению существующих неудобств в начальствовании войсками на Кавказе», «О некоторых административных мерах в отношении к покорным племенам Кавказа» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 19. Ед. хр. 8, 9).

[13] Речь идет о заметках Милютина, датируемых сентябрем 1856 г. и озаглавленных «Важнейшие дела и предположения, на которые надо обратить особенное внимание» (Там же. Ед. хр. 11).

[14] Подлинник письма А.П. Карцова Д.А. Милютину от 7 апреля 1857 г. в ф. 169 не обнаружен.

[15] См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843—1856. С. 452, 466—467.

В октябре 1839 г., находясь на Кавказе, Милютин представил своему начальнику Е.А. Головину программу исследования, названного «История русского владычества на Кавказе». С этого времени он занимался сбором исторических, географических, этнографических и др. материалов по Кавказу, подключив к работе Д.Х. Бушена. Собранные Милютиным материалы хранятся в его архиве (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 81. Ед. хр. 3—36). Материалы, собранные Бушеном в начале 1850-х гг., хранятся в РГВИА. Ф. 482 (Коллекция «Кавказские войны»). Оп. 1. Д. 140—159.

[16] См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843—1856. С. 438—445.

[17] Военные округа были созданы в 1862—1867 гг. в рамках проводившихся в России военных реформ. Военно-окружное деление охватывало всю территорию страны (за исключением области Войска Донского). Образование округов было одним из первых начинаний Д.А. Милютина в должности военного министра (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860—1862 гг. М., 1999. С. 458—462). Суть реформы состояла в передаче командованию военных округов большой части функций по управлению войсками, военными учреждениями и заведениями, по материальному обеспечению войск и их боевой подготовке; за военным министерством оставались только общее руководство и контроль за деятельностью военно-окружных управлений. При угрозе войны на их основе создавались полевые управления армий, а командующие приграничными округами вступали в командование армиями. С учетом новой военно-административной системы в 1868 г. было принято «Положение о полевом управлении войск в военное время». В написанном по поручению Александра II отзыве на этот документ А.И. Барятинский критиковал чрезмерное умаление полно-

мочий главнокомандующего. Особенно резко против военно-окружной реформы, видя в ней ослабление общего стратегического руководства войсками, выступал военный историк и публицист генерал-майор Р.А. Фадеев. Его работы «Вооруженные силы России» (1867—1868 гг.) и «Наш военный вопрос» (1873 г.), вызвали оживленную полемику, о которой упоминает Милютин. См.: *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860—1870 годов в России. М., 1952.

[18] Во время Крымской войны высадившийся в сентябре 1855 г. в районе Сухума турецкий корпус Омер-паши вынудил русские войска оставить Абхазию и Мингрелию.

[19] По условиям Парижского мирного договора 1856 г. Россия и Турция лишились права иметь военный флот на Черном море. Однако международные соглашения о режиме Черноморских проливов не запрещали Турции, если она окажется в состоянии войны, проводить через проливы свои военные корабли из Средиземноморья, равно как и флот своих союзников. Таким образом, в случае новой русско-турецкой войны все русское судоходство на Черном море осталось бы без защиты и было бы парализовано.

[20] Главное общество российских железных дорог было основано 28 января 1857 г. для строительства в течение 10 лет сети железных дорог протяженностью около 4 тыс. верст, которые соединили бы хлебородные районы страны с Петербургом, Москвой, Варшавой, а также с побережьем Балтийского и Черного морей. Среди учредителей общества были иностранные банкиры: парижские — братья Перейра и Гёттингер, лондонские — старые кредиторы российского правительства братья Беринг, голландский — Гопе, берлинский — Мендельсон.

[21] Об истории возникновения Общества см. в кн.: *Иловайский С.И.* Исторический очерк пятидесятилетия Русского общества пароходства и торговли. Одесса, 1907.

[22] Все укрепления береговой Черноморской линии на кавказском побережье от Анапы до Поти были частью эвакуированы, частью захвачены силами антирусской коалиции во время Крымской войны. 25 мая 1856 г. А.И. Барятинский направил Александру II записку с обоснованием неотложной необходимости восстановить укрепления на восточном берегу Черного моря. 12 июня 1856 г. эти предложения были одобрены императором. См.: АКАК. Тифлис, 1904. Т. 12. С. 693—696.

[23] После поражения в Крымской войне 1853—1856 гг. по Парижскому трактату 1856 г. Россия теряла право строить на Черноморском побережье береговые укрепления и иметь военный флот. Воспользовавшись этим, Турция при поддержке британского посла лорда Редклифа стала снаряжать экспедицию к берегам Черного моря для нелегального снабжения горцев оружием. В политических кругах России искали возможность, не нарушая условий Парижского трактата, воспрепятствовать контрабанде оружия и укрепить позиции на восточном берегу Черного моря. Так возникла идея крейсерства — вооружения частных судов, плавающих под торговым флагом. В секретной записке о положении Черноморского управления контр-адмирал Г.И. Бутаков писал в 1858 г. о необходимости воссоздания военного флота под видом транспортов (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 192. Л. 62об.—63). Сторонниками этой идеи выступали князь А.И. Барятинский, Д.А. Милютин, великий князь Константин Николаевич. Большие опасения в связи с возможным введением крейсерства высказывал министр иностранных дел А.М. Горчаков. Главная опасность, по мнению Министерства иностранных дел, со-

стояла в возможности столкновения российских крейсеров с кораблями, плавающими под британским флагом. Вопрос о крейсерстве обсуждался в переписке между Барятинским, Милютиным, Горчаковым и великим князем Константином Николаевичем. В письме от 31 мая 1859 г. великий князь Константин Николаевич писал Барятинскому: «Относительно наших черноморских крейсеров мы пришли к убеждению, что Парижский трактат и инструкция, данная министром иностранных дел, совершенно парализуют все, что Морское ведомство могло бы сделать для действительности крейсерства и что поэтому при нынешних обстоятельствах было бы всего полезнее объявить торговлю на восточном берегу совершенно свободную и нам самим стараться получить в ней большее участие посредством пароходного общества, оставляя нынешнее крейсерство только с целью препятствовать хотя сколько-нибудь военной контрабанде. Таким образом, мы стали бы с морской стороны действовать более мирными путями просвещения и торговли в то самое время, когда на сухом пути твои блестящие военные подвиги внушают племенам кавказским уважение к нашему оружию» (Там же. Д. 440. Л. 57об.). По поводу разработанной в российском Министерстве иностранных дел инструкции крейсерам Барятинский писал, что она предписывает крейсерам столько благоразумия и осторожности и настолько ограничивает их действия, что «крейсерство является на самом деле не более как фикцией... Мы не ищем контрабандистов и подозрительных судов нигде более как вдоль самых берегов, и их схватывают и сжигают в самих гаванях, куда они входят...» (РА. 1889. Кн. 1. С. 357). Через 20 лет в годы русско-турецкой войны в российских правительственных кругах снова будет обсуждаться вопрос «об особом виде каперства посредством частных судов русских с некоторыми только атрибутами военными под названием «морского ополчения», и снова при обсуждении этого вопроса в Государственном совете возникнут опасения, «чтобы наши добровольные крейсеры не были признаны простыми каперами или даже пиратами» (см.: Дневник Д.А. Милютина. 1878—1880. М., 1950. Т. 3. С. 38, 43, 51, 81).

[24] Очевидно, имеется в виду работа Международной комиссии, созданной во исполнение 20-й статьи Парижского трактата для обсуждения вопроса о границе между Россией и Турцией. В подписанном 25 декабря 1856 г. протоколе Парижской конференции относительно разграничения указывается, что уполномоченные Австрии, Великобритании, Пруссии, России, Франции, Сардинии и Турции «условились считать крайним сроком окончания разграничения и передачи земель Молдавии 30-е будущего марта, а потому австрийские войска имеют очистить княжества Валахии и Молдавии, а английская эскадра оставить Черное море и Босфор не позже того срока» (*Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными государствами. СПб., 1909. Т. XV. № 528. С. 335).

[25] Остров Мальта являлся главной морской базой для британского флота в Средиземном море; управлялся британским губернатором.

[26] Рассчитывая укрепить свое влияние на Среднем Востоке, Великобритания вмешалась в 1856 г. в конфликт Персии с Гератским ханством и Афганистаном на стороне двух последних государств.

[27] Министерство иностранных дел и министр иностранных дел князь А.М. Горчаков были сторонниками открытия на восточном берегу Черного моря пунктов для иностранной торговли; по этому поводу велись переговоры с Великобританией. 2 сен-

тября 1857 г. русские войска разрушили возведенную около Туапсе черкесами, турками и несколькими европейскими торговцами постройку для склада запрещенных товаров. Это вызвало протест англичан и послужило поводом к переписке между кавказским наместником и Горчаковым (РА. 1889. Кн. 1. С. 358).

[28] *«Independance Belge»* — бельгийская газета, издавалась на французском языке в Брюсселе, имела широкое распространение в Европе.

[29] В феврале 1857 г. на кавказском побережье высадился только Т. Лапинский; Я. Бания прибыл позже, в мае. Подробно об экспедиции Лапинского — Бания см.: *Дегоев В.В.* Кавказский вопрос в международных отношениях 30—60-х гг. XIX века. Владикавказ, 1992. С. 177—212.

[30] Подробно об этом см. в материалах дела «О высадке в устье р. Туапсе турецкого десанта под начальством Ислам-паши, враждебных отношениях между сторонниками Магомет-Амина и Сефир-бея и принятых мерах по обороне Кавказа и Керченского пролива», 25 января — 3 мая 1857 г. (РГВИА. Ф. 38. Департамент Главного штаба. Оп. 7. Д. 329).

[31] Подлинник письма А.И. Барятинского к великому князю Константину Николаевичу от 25 октября 1856 г. см.: ГАРФ. Ф. 722 (Мраморный дворец). Оп. 1. Д. 440. Л. 2—4об.

[32] Подлинник этого письма (как и других писем Барятинского к Александру II) см.: ГАРФ. Ф. 728 (Рукописное отделение библиотеки Зимнего дворца). Оп. 1. Д. 2500. Л. 5—11об. Письмо опубл. в кн.: *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь А.И. Барятинский. М., 1890. Т. 2. С. 49—51.

[33] О пребывании великого князя Константина Николаевича за границей в 1857—1858 гг. см.: Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. 1857—1861. М., 1994.

[34] Подлинник цитируемого письма А.В. Головнина к Д.А. Милютину от 20 января (1 февраля) из Альтенбурга см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 25. Л. 27—28; упомянутое письмо Милютина к Головнину от 28 ноября 1856 г. в ф. 169 не обнаружено. Письмо Головнина к А.И. Барятинскому от 7 (19) января 1857 г. из Ганновера опубл. А.Л. Зиссерманом (наряду с другими письмами из личного архива Барятинского) в журнале «Русский архив» (1889. Кн. 1. С. 134).

[35] Письмо А.И. Барятинского к великому князю Константину Николаевичу опубл. там же. С. 130. Предполагавшееся путешествие великого князя на Кавказ не состоялось.

[36] В 1856—1857 гг. русские войска вели к западу от Аральского моря борьбу с отрядами казахов (киргизов — по терминологии российского делопроизводства XVIII — начала XX в.) под предводительством Исета Кутебарова. Волнения местного населения в конце 1856 г. происходили также на Сырдарьинской линии.

[37] Письмо Н.О. Сухозанета к А.И. Барятинскому от 27 февраля 1858 г. опубл.: РА. 1889. Кн. 1. С. 347—348.

[38] В 1880 г. началось сооружение железной дороги от Михайловского залива на западном побережье Каспийского моря в глубь Средней Азии. Оно происходило одновременно с продвижением русских войск в Туркмению. После завершения присоединения Туркмении в 1885 г. железная дорога была направлена через Мерв (Мары) и Чарджуй (Чарджоу) к Бухаре, Самарканду и Ташкенту. Строительство было закончено в 1899 г.

[39] См. письмо А.В. Головнина к А.И. Барятинскому от 24 марта (6 ап-

реля) 1857 г. (РА. 1889. Кн. 1. С. 135—136).

40 Подробно о мерах великого князя по сокращению расходов Морского министерства см. в «Материалах для жизнеописания великого князя Константина Николаевича с сентября 1856 по сентябрь 1857 гг., собранных А.В. Головниным» (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 935).

41 Опубл.: РА. 1889. Кн. 1. С. 472—473.

42 Подлинник письма Д.П. Хрущёва к Д.А. Милютину от 25 марта 1857 г. см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 77. Ед. хр. 25.

43 Упоминаемый Милютиным план военных действий Кавказской армии был изложен А.И. Барятинским в отношениях военному министру от 4 и 6 декабря 1856 г. и 12 января 1857 г., а также в записке, озаглавленной «Предположения о занятиях и действиях войск Отдельного Кавказского корпуса на зиму с 1856 по 1857 г. и в течение 1857 г.» (опубл.: АКАК. Т. 12. С. 615—625).

44 Местонахождение упоминаемых писем А.И. Барятинского от 30 декабря 1856 г. и Н.И. Евдокимова от 4 января 1857 г. не установлено.

45 Во время Крымской войны Турция и другие участники антирусской коалиции поддерживали контакты с Шамилем. В 1853—1854 гг. он дважды предпринимал безуспешные попытки прорыва в Закавказье навстречу турецкой армии. Шамиль был согласен, при определенных условиях, на установление турецкого протектората над своим государством, но переговоры об этом провалились не в последнюю очередь потому, что турецкие власти требовали от горцев безоговорочного подчинения.

46 Письма Д.А. Милютина к Н.И. Евдокимову от 5 и 8 января 1857 г. в ОР РГБ (ф. 169) и в РГВИА не обнаружены.

47 Письмо Н.И. Евдокимова к Д.А. Милютину от 15 января 1857 г. в ф. 169 не обнаружено.

48 Подробно о действиях чеченского отряда в январе — марте 1857 г. сообщалось в особых журналах, отправляемых Н.И. Евдокимовым военному министру (опубл.: АКАК. Т. 12. С. 1030—1035).

49 Письма А.И. Барятинского от 23 марта 1857 г. и Н.И. Евдокимова от 28 марта в фондах РГВИА не обнаружены.

50 См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843—1856. С. 42—49.

51 Т. е. до реорганизации военного управления А.И. Барятинским в 1856 г.

52 Опубл.: РА. 1889. Кн. 1. С.473—475.

53 В 1855 г. А.И. Барятинский оставил должность начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса и покинул Кавказ из-за разногласий с наместником Н.Н. Муравьёвым. В 1856 г. Барятинский дал отрицательный отзыв на предложения Муравьёва по поводу дальнейших действий на Кавказе, что способствовало отставке Муравьёва и назначению Барятинского. См.: *Зиссерман А.Л.* Указ. соч. С. 11.

54 Секретный комитет по крестьянскому делу был создан 3 января 1857 г. для подготовки отмены крепостного права. Александр II учредил Комитет «в непосредственном своем ведении» и сам наметил его состав. В отсутствие царя председательствовал в Комитете председатель Государственного совета и Комитета министров А.Ф. Орлов. Члены Секретного комитета: председатель Департамента законов Государственного совета Д.Н. Блудов, П.П. Гагарин, М.А. Корф, генерал-адъютанты Я.И. Ростовцев и К.В. Чевкин, шеф жандармов и начальник III отделения Собственной Е. И. В.

канцелярии В.А. Долгоруков, министр Императорского двора В.Ф. Адлерберг, министр внутренних дел С.С. Ланской, министр финансов П.Ф. Брок (в марте его сменил А.М. Княжевич). Впоследствии в состав комитета введены: 22 апреля 1857 г. — министр государственных имуществ М.Н. Муравьёв, 31 июля 1857 г. — вел. кн. Константин Николаевич, 17 января 1858 г. — министр юстиции В.Н. Панин. Управление делами комитета возлагалось на государственного секретаря В.П. Буткова, в помощь ему назначался и. д. статс-секретаря Государственного совета С.М. Жуковский (см.: *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856—1861. М., 1984. С. 54—71).

55 Опубл.: РА. 1889. Кн. 1. С. 131—132.

56 Вопросу о положении Черноморского управления была посвящена секретная записка контр-адмирала Г.И. Бутакова, представленная великому князю Константину Николаевичу в 1857 г. (подлинник — ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 192. Л. 60—97). В качестве меры по ликвидации злоупотреблений было решено отделить гражданское управление от управления военной и морской частью. В 1858 г. в Астрахань были назначены военный губернатор и управляющий губернией по гражданской части, подчиненный министру внутренних дел. (Там же. Д. 935. Л. 22). О злоупотреблениях в Астраханском провиантском комитете Д.А. Милютин подробно писал А.И. Барятинскому из Петербурга 31 октября 1857 г. (письмо опубл.: РА. 1889. Кн. 1. С. 307).

57 Письмо В.П. Буткова к А.И. Барятинскому от 29 июля 1857 г. опубл.: РА. 1889. Кн. 1. С. 477—479.

58 Там же. С. 475—476.

59 Закаспийское торговое товарищество с уставным капиталом 2 млн руб. было учреждено В.А. Кокоревым, Н.Е. Торнау и Н.А. Новосельским 7 июня 1857 г. (АКАК. Т. 12. С. 588—591). Вело торговлю с Персией и туркменскими племенами на восточном берегу Каспия. Подробно см.: *Рожкова М.К.* Экономические связи России со Средней Азией в 40—60-е годы XIX в. М., 1963. С. 178—184, 218—219.

60 См. коммент. 55.

61 Подлинник письма хранится в ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 440. Л. 21—32об.

62 Подразумевается мирный договор, завершивший англо-персидскую войну 1856—1857 гг. Договор обязывал шаха вывести персидские войска из Герата и признать независимость Герата и Афганистана.

63 В 1856—1860 гг. Великобритания и Франция вели войну против Китая с целью его дальнейшего закабаления. В 1857 г. началось восстание в Индии против британского владычества. Главной ударной силой восставших были «сипаи» — солдаты наемных колониальных войск из местного населения.

64 Целью миссии Н.П. Игнатьева было изучение внутреннего положения Хивы и Бухары и переговоры с правителями, научные наблюдения, укрепление торгового и политического влияния России в ханствах. Аналогичные задачи стояли перед экспедицией Н.В. Ханыкова, хотя она в большей степени имела научный характер. Кроме Персии Ханыков должен был посетить Гератское ханство и Афганистан. Экспедиция Игнатьева состоялась в 1858 г., Ханыкова — в 1858—1859 гг. Об экспедиции Игнатьева см.: *Игнатьев Н.П.* Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. СПб., 1897. Научные материалы своей экспедиции Н.В. Ханыков опубликовал на французском языке в Париже в 1861—1862 гг. (рус-

ский перевод: *Ханыков Н.В.* Экспедиция в Хорасан. М., 1873).

[65] Имеется в виду письмо А.В. Головнина Барятинскому (РА. 1889. Кн. 1. С. 137—138).

[66] Комитет финансов — высший совещательный орган по вопросам финансовой политики, бюджета и кредита. Образован в 1806 г.; до 1822 г. функционировал с перерывами, с 1822—1917 гг. регулярно. В 1822—1906 гг. деятельность К. ф. носила негласный характер. Как председатель, так и члены назначались императором. В 1848—1862 гг. председателем К. ф. был граф К.В. Нессельроде, с марта 1862 г. по 1881 г. — великий князь Константин Николаевич (подробно о К. ф. см. в кн.: Высшие и центральные государственные учреждения России. М., 1998. Т. 1. С. 69—71).

Секретный комитет по делам о раскольниках под председательством митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, в ведение которого постановлением 17 апреля 1855 г. были переданы все дела по расколу в связи с закрытием Особого секретного комитета, действовавшего с 18 февраля 1853 г. (см.: Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1858. С. 628—630). Членами Комитета в описываемое время также были: статс-секретарь граф Д.Н. Блудов, министр внутренних дел С.С. Ланской, министр юстиции граф В.Н. Панин, шеф жандармов князь В.А. Долгоруков, министр государственных имуществ М.Н. Муравьёв, министр иностранных дел князь А.М. Горчаков, обер-прокурор Св. Синода граф А.П. Толстой и духовник императорской семьи священник В.Б. Бажанов. Материалы деятельности Секретного комитета по делам раскольников и участия в нем великого князя Константина Николаевича в 1857—1858 гг. хранятся в ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 542.

[67] Письма Н.О. Сухозанета от 29 июня 1857 г. и А.И. Барятинского от 31 июля опубл.: АКАК. Т. 12. С. 628—630.

[68] Опубл.: *Зиссерман А.Л.* Указ. соч. Т. 2. С. 72—74.

[69] Там же. С. 61—62.

[70] Там же. С. 74—75.

[71] Там же. С. 75—76.

[72] Там же. С. 63—65.

[73] Там же. С. 76.

[74] Там же. С. 76—77.

[75] Там же. С. 65—68.

[76] Имеется в виду письмо Александра II к Барятинскому от 20 мая 1857 г. (подлинник хранится в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1970. Л. 27—29об., полностью опубл. в кн.: *Rieber A.Y.* (ed). The politics of Autocracy Letters of Alexander II to Prince A.I. Bariatinskii. 1857—1864. Paris, 1966. P. 104—106).

[77] Письмо Барятинского к Александру II от 4 июня 1857 г. см. в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2500. Л. 43—46об.; его письмо к Н.О. Сухозанету от того же числа опубл.: *Зиссерман А.Л.* Указ. соч. Т. 2. С. 77—80.

[78] Там же. С. 68—70.

[79] Там же. С. 70—72.

[80] А.И. Чернышев был военным министром в 1832—1852 гг.

[81] *«Русский инвалид»* — военная, политическая и литературная газета, издававшаяся в Петербурге в 1813—1917 гг.; с 1869 г. — орган Военного министерства.

[82] *«Le Nord»* — газета на французском языке, издававшаяся с перерывами в Брюсселе и Париже в 1855—1907 гг. Газета была создана при активном участии российской дипломатии и получала субсидию от российского Министерства иностранных дел. Созданию газеты также содействовало и Министерство внутренних дел, в лице С.С. Ланского. Целью издания была

пропаганда положительного образа России и ее правительства в общественном мнении Западной Европы.

[83] Д.А. Милютин не совсем прав, когда пишет о том, что сведения о военных действиях на Кавказе не публиковались до 1857 г. Перерыв был вызван только Крымской войной. В отношении военного министра Н.О. Сухозанета к Д.А. Милютину от 1 апреля 1857 г. говорилось: «Для напечатания известий с Кавказа руководствоваться правилами, существовавшими при кн. Воронцове. Вашему сиятельству небезызвестно, что кн. Воронцов в 1845 г. всеподданнейше испрашивал разрешения представлять по временам некоторые сведения о военных действиях и подвигах кавказских войск, для напечатания их в газетах, в предупреждение ложных известий и толков, распространяемых как за границею, так и в России, иногда с вредными намерениями, и что по воспоследовании на то Высочайшего соизволения с 1845 по 1854 г. кн. Воронцовым были от времени до времени присылаемы известия с Кавказа, которые с разрешения Государя Императора печатались в "Русском инвалиде" и "Journal de Saint-Petersbourg"» (АКАК. Тифлис, 1904. Т. 12. С. 8). Другое дело, что с 1857 г. возросло количество и расширилась тематика публикаций. Любопытно, что сам А.И. Барятинский был не в восторге от этого. В письме к великому князю Константину Николаевичу от 18 июня 1857 г. он призывал к осторожности: «По военному положению Кавказа необходима строгая осмотрительность в обнародовании сведений об этом крае». Требование военной тайны, продолжал Барятинский, часто вынуждают ограничиваться только «подробностями или частностями, не имеющими большого значения» (Там же. С. 12).

[84] Письмо барона В.К. Ливена к Д.А. Милютину от 16 апреля 1857 г. см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 67. Ед. хр. 53. Л. 11—12.

[85] См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816—1843. М., 1997. С. 217, 260, 268.

[86] О событиях конца августа в Прикаспийском крае подробнее см.: «Журнал военных происшествий в Прикаспийском крае с 25 августа по 1 сентября 1857 года» (подлинник — РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 2. Д. 6658. Ч. 3. Л. 101—102об.; опубл. в кн.: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х гг. XIX в.: Сб. док. Махачкала, 1959. С. 666).

[87] Подлинники донесений о военных действиях на Лезгинской линии в 1857 г. хранятся в РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 2. Д. 6665.

[88] Донесения командующего войсками Правого крыла о военных происшествиях в 1857 г. см.: Там же. Д. 6664.

[89] См. коммент. 79.

[90] По донесениям русских агентов в Великобритании эта организация именовалась «Общество защитников независимости Черкессии» и поддерживала связи с правительственными кругами (см.: *Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 290).

[91] На этот раз турецкие власти не рискнули проигнорировать требования России. По прибытии в Константинополь корабль был арестован турецкой таможней, а груз конфискован в присутствии российского представителя.

[92] Полностью письмо А.И. Барятинского к А.М. Горчакову от 24 января 1858 г. опубл.: РА. 1889. Кн. 1. С. 355.

[93] Подразумевается высадка в Абхазии турецкого корпуса Омер-паши в 1855 г.

[94] О деятельности указанной Комиссии см. в подборке архивных документов под названием «О мерах по

прекращению княжеских распрей в Сванетии. 28 августа 1857 г. — 16 июля 1863 г.» (РГВИА. Ф. 38. Департамент Генерального штаба. Оп. 7 (Кавказские дела). Д. 345).

[95] Имеется в виду коронация императора Александра II 26 августа 1856 г.

[96] Записка А.И. Барятинского по делам Мингрелии опубл.: *Зиссерман А.Л.* Указ. соч. Т. 3. С. 30—34.

[97] М.П. Колюбакин управлял Мингрелией до апреля 1861 г. Прозвище «мирный» он заслужил в сравнении со своим старшим братом Николаем, обладавшим вспыльчивым характером.

[98] Письмо Барятинского к Александру II от 18 августа 1857 г. см. в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2500. Л. 47—52об.

[99] Свидание Александра II с Наполеоном III состоялось в Штутгарте 13—25 сентября 1857 г. Императоры условились не присоединяться к коалициям, направленным против Франции или России, и предварительно консультироваться по проблемам европейской политики. Александр II обещал Наполеону III не помогать Австрии в случае австро-французской войны в Италии, но конкретные обязательства сторон не обсуждались. Свидание в Штутгарте стало отправной точкой переговоров, которые привели в конечном итоге к заключению русско-французского союзного договора 19 февраля 1859 г. Подробно см.: *Рыжова Р.И.* Сближение России и Франции после Крымской войны и русско-французский договор 3 марта 1859 г. // Уч. записки Московского гор. пед. ин-та. М., 1957. Т. 78. Вып. 4. С. 129—213. См. также коммент. 297.

[100] Имеется в виду Положение об управлении Мингрелией от 24 сентября 1857 г. (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 32. Отд. 1-е. № 32323).

[101] Речь идет о письме Александра II к Барятинскому от 28 сентября (10 октября) 1857 г. (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1970. Л. 31—32об.; опубл.: *Rieber.* Op. cit. С. 106—108).

[102] Письмо Барятинского к Н.О. Сухозанету от 18 августа 1857 г. опубл.: *Зиссерман А.Л.* Указ. соч. Т. 2. С. 81—83; письмо М.И. Черткова от 7 (19) сентября 1857 г. в ф. 169 не обнаружено.

[103] Н.А. Милютин занимал в описываемое время пост директора Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, где с 1856 г. активно занимался вопросом освобождения крестьян. См. также коммент. 229. Подробнее об этом в кн.: *Захарова Л.Г.* Указ. соч. С. 44—52, 78—79.

[104] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 10. Л. 7—10.

[105] Там же. Л. 11—14.

[106] Е.М. Понсе служил на Кавказе при наместнике М.С. Воронцове с 1847 по 1854 гг. (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843—1856. С. 218).

[107] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 25. Л. 25.

[108] См.: Карманная справочная книжка для русских офицеров. Составлена трудами полк. Карцова, Платова, Руттенберга и др. под общ. ред. ген.-майора Милютина. Изд. 2-е. СПб., 1857.

[109] П.Д. Киселёв возглавлял Министерство государственных имуществ в 1837—1856 гг. Под его руководством министерство провело реформу управления государственными крестьянами и разработало программу реформ применительно к помещичьим крестьянам. В отличие от Киселёва, М.Н. Муравьёв был активным противником крестьянской реформы и защитником неприкосновенности дворянского землевладения. Уходя с поста министра, Киселёв просил не назначать себе в преемники Му-

равьёва (см.: *Захарова Л.Г.* Указ. соч. С. 39—40).

[110] Русское географическое общество было учреждено 6 августа 1845 г. Д.А. и Н.А. Милютины стали членами Общества в декабре 1846 г. 16 января 1849 г. Д.А. Милютин был избран в члены совета Общества, а в начале 1850 г. его вице-председателем, при активной поддержке Д.А. Милютина, был избран М.Н. Муравьёв. Подробно о деятельности Русского географического общества в 1846—1851 гг., о происходившей в нем борьбе двух течений («партий») и участии в ней Д.А. Милютина см. в его Воспоминаниях 1854—1856 гг. (С. 138—140, 145—146, 159, 168—169, 175).

[111] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 37. Л. 7—12.

[112] Помимо сипаев, в восстании 1857—1859 гг. против англичан в Индии участвовало немало представителей индийской феодальной знати, недовольных потерей своих привилегий и земель в результате действий колониальных властей.

[113] Имеется в виду англо-персидская война 1856—1857 гг.

[114] На Венском конгрессе (сентябрь 1814 — июнь 1815 г.) был признан протекторат Великобритании над Ионическими островами. Острова оставались республикой, президентом которой фактически являлся британский лорд-комиссар. На островах и в Греции существовало стремление к объединению. Во время Крымской войны 1853—1856 гг. Великобритания признала за островами право на нейтралитет. Посланный на острова чрезвычайный лорд-комиссар Гладстон передал 27 января 1859 г. королеве Великобритании резолюцию местного парламента об объединении с Греческим королевством. Британское правительство ответило отказом; в свою очередь парламент островов отказался обсуждать предложенную ему реформу внутреннего управления, за что был распущен лорд-комиссаром. Великобритания согласилась на присоединение Ионических островов к Греции только в 1864 г. в качестве «платы» за избрание на греческий престол удовлетворявшего Лондон кандидата — датского принца Георга.

[115] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 52. Ед. хр. 101. Л. 1—3.

[116] Там же. Карт. 65. Ед. хр. 2. Л. 11—15.

[117] Там же. Карт. 64. Ед. хр. 60. Л. 1—10.

[118] Подразумевается Главный комитет по крестьянскому делу, созданный на основе Секретного комитета в феврале 1858 г.

[119] Работа над проектами крестьянской реформы проходила втайне, но сам факт обсуждения в правительственных сферах крестьянского вопроса был известен обществу. Подготовка реформы стала гласной после обнародования 20 ноября 1857 г. рескрипта императора Александра II виленскому генерал-губернатору В.И. Назимову с указанием создавать губернские дворянские комитеты для разработки проектов освобождения крестьян и после преобразования Секретного комитета в Главный.

[120] Цитируется уже упоминавшееся письмо Н.А. Милютина от 14 сентября 1858 г. См. отсылку в коммент. 105.

[121] С окончанием Крымской войны, вследствие распространившихся в обществе различных слухов о злоупотреблениях, допущенных по интендантской части, деятельность интендантства Дунайской армии подверглась всеобщему порицанию. В июне 1856 г., по указанию Александра II, была учреждена первая следственная комиссия, которая закончила работу к началу 1857 г. и председателем которой был упомянутый В.И. Васильчи-

ков. В 1858 г. дело поступило в учрежденный в Москве специальный Генеральный военный суд, который признал многих интендантских чиновников виновными в должностных преступлениях. В их числе оказался и генерал-интендант Крымской и Южной армий Ф.К. Затлер (РГВИА. Ф. 1. Канцелярия Военного министерства. Оп. 1. Т. 8. Д. 23784: «По рапорту генерал-адъютанта князя В.И. Васильчикова о злоупотреблениях и незаконных действиях чиновников интендантства. 1857»). См. также: *Затлер Ф.К.* Суд над полевым интендантством в 1856—1859 гг. (Материалы для истории Крымской войны). Лейпциг, 1877; Русская старина. 1877. Кн. 9. С. 139—143 (биографический очерк о Ф.К. Затлере).

[122] Цитируется отрывок из письма А.И. Барятинского к Александру II от 9 октября 1857 г. (подлинник письма см. в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1970. Л. 53—60об.).

[123] Здесь и далее автор цитирует отрывки из 11 своих писем к А.И. Барятинскому за период с 22 октября по 16 декабря 1857 г. Подлинники всех писем хранятся в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 50. Ед. хр. 54. Все письма были полностью опубл. А.Л. Зиссерманом. (РА. 1889. Кн. 1. С. 297—324; письмо от 22 октября см. на с. 297—300).

[124] Предложения разрешить поселение колонистов по договоренности с помещиками на владельческих землях в Закавказье из-за недостатка для этих целей земель казенных выдвигал еще в 1850 г. М.С. Воронцов. Но этот проект был утвержден Николаем I только в отношении немецких колонистов. После настоятельных просьб А.И. Барятинского Кавказский комитет и Александр II в апреле 1858 г. согласились снять сословные и конфессиональные ограничения в деле колонизации Закавказья. Положение об устройстве колонистов предлагалось разработать наместнику «сообразно с местными требованиями и условиями» (АКАК. Т. 12. С. 12—13, 16).

[125] Высылка и добровольное переселение на Кавказ раскольников и сектантов из центральных губерний России начались в 1830-е гг. В 1850 г. ссылка этих лиц на Кавказ формально была прекращена, но фактически продолжалась. К концу 1850-х гг. в Закавказье находилось почти 3,5 тыс. семейств и свыше 22 тыс. душ обоего пола молокан, духоборов, старообрядцев. Чтобы расширить русскую колонизацию Кавказа, А.И. Барятинский ратовал за снятие ограничений по переселению этих лиц, предлагая одновременно усилить деятельность по обращению переселенцев в православие. В целом эти предложения были одобрены Кавказским комитетом в 1858—1859 гг. (АКАК. Т. 12. С. 16, 552—562).

[126] Подразумевается Общество восстановления православия на Кавказе, инициатором создания которого был А.И. Барятинский. Подробно об этом см.: *Зиссерман А.Л.* Указ. соч. Т. 3. С. 99—113, 116—143. Общество было учреждено в июне 1860 г.

[127] Проект учреждения первого высшего учебного заведения в Закавказье — лицея — был разработан попечителем Кавказского учебного округа бароном А.П. Николаи, по поручению А.И. Барятинского, в мае 1857 г. Предполагалось создать два самостоятельных отделения — губернскую гимназию с дворянским пансионом при ней и собственно лицей также с пансионом. Право поступления предоставлялось любому лицу из свободных сословий. Лицей должен был состоять из 2 факультетов, готовящих соответственно к гражданской или военной службе (АКАК. Т. 12. С. 178—181). Этот проект не был реализован.

[128] Подлинник письма см. в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1970. Л. 34—35; опубл.: *Rieber*. Op. cit. P. 108—109.

[129] Речь идет о Российском обществе пароходства и торговли (РОПИТ).

[130] Опубл.: РА. 1889. Кн. 1. С. 300—302.

[131] Записка А.И. Барятинского о железной дороге за Кавказом опубл. в кн.: *Зиссерман А.Л.* Указ. соч. Т. 3. С. 150—160.

[132] Очевидно, имеется в виду реформа в Кавказской армии, заключавшаяся в соединении полевой артиллерии под одним начальством с гарнизонными артиллерийскими округами. В письме от 25 октября 1857 г. Д.А. Милютин сообщал А.И. Барятинскому о согласии военного министра на проект; разногласия с Н.О. Сухозанетом возникли по вопросу финансирования реформы (опубл.: РА. 1889. Кн. 1. С. 303).

[133] Опубл.: РА. 1889. Кн. 1. С. 305. Проект управления морской частью на Кавказе, штат морских чинов, состоящих при Управлении главнокомандующего Кавказской армией, и штат морских чинов в береговых пунктах восточного берега Черного моря см. в РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 316. Л. 180—193.

[134] Указ от 29 ноября 1857 г. см. в ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 32. Отд. 1-е. № 32029.

[135] См. коммент. 30.

[136] РА. 1889. Кн. 1. С. 305—306.

[137] Там же. С. 343—345, 351—352.

[138] ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2500. Л. 63—68об. (письмо А.И. Барятинского к Александру II от 24 октября 1857 г.).

[139] Письмо А.И. Барятинского к Д.А. Милютину от 24 октября 1857 г. см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 57. Ед. хр. 33. Л. 7—11.

[140] Автор приводит цитату из рапорта Н.И. Евдокимова военному министру от 17 декабря 1857 г., к которому прилагался журнал военных действий Левого крыла с 13 по 17 декабря (АКАК. Т. 12. С. 1060—1065).

[141] См. коммент. 94.

[142] Имеется в виду письмо Барятинского от 24 октября 1857 г.

[143] РА. 1889. Кн. 1. С. 307—310.

[144] ОР РГБ. Ф. 169. Кар. 57. Ед. хр. 33. Л. 13—14. Указанная записка А.И. Барятинского опубл. в кн.: *Зиссерман А.Л.* Указ. соч. Т. 3. С. 102—109.

[145] Н.П. Игнатьев считал обстановку на Среднем Востоке весьма неблагоприятной для переговоров, которые могли бы быть поручены Н.В. Ханыкову в Хорасане, Герате и Афганистане. Поэтому Игнатьев настаивал на отсрочке экспедиции Ханыкова и придании ей исключительно научного характера. Однако А.М. Горчаков с мнением Игнатьева не согласился, что очевидно усилило негативный настрой последнего в отношении миссии Ханыкова. См.: *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984. С. 259—260.

[146] Об упомянутой записке Н.П. Игнатьева подробнее см. в кн.: *Зиссерман А.Л.* Указ. соч. Т. 2. С. 154—155.

[147] РА. 1889. Кн. 1. С. 310—312.

[148] Там же. С. 313—314.

[149] В Царстве Польском в описываемое время контрольные функции осуществляли Высшая счетная палата и счетные части Управлений на основе постановления об учреждении Палаты от 25 сентября 1835 г. и Правил счетоводства и делопроизводства для финансовых отделений губернских правлений от 18 ноября 1823 г. (см.: Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство

финансов. Т. XVI. Варшава, 1868. С. 2—88, 300—324).

[150] РА. 1889. Кн. 1. С. 314.

[151] Цитируется письмо Д.А. Милютина к А.И. Барятинскому от 13 ноября 1857 г. (Там же. С. 314—315).

[152] Письмо от 16 ноября 1859 г. — Там же. С. 315—317.

[153] Указанный рескрипт В.И. Назимову и последовавшие за ним рескрипты другим начальникам губерний гласно провозгласили первую официально признанную правительственную программу решения крестьянского вопроса. О значении рескрипта Назимову в истории крестьянской реформы 1861 г. подробно см.: *Захарова Л.Г.* Указ. соч. С. 71—81.

[154] РА. 1889. Кн. 1. С. 317—318.

[155] Имеется в виду учреждение в Москве Славянского благотворительного комитета в 1858 г. (см.: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России. М., 1960. С. 44—45).

[156] Подлинник письма см. в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1970. Л. 35—36об.; опубл.: *Rieber.* Op. cit. P. 111.

[157] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 57. Ед. хр. 33. Л. 21—22.

[158] Там же. Л. 15—16.

[159] Материалы о покушении Константина Дадешкелиани на кутаисского генерал-губернатора А.И. Гагарина были помещены в газете «Кавказ», № 87 за 1857 г. и в специальном приложении к газете МИД «Journal de Saint-Petersbourg» за 18/30 декабря 1857 г.

[160] Имеется в виду записка Д.А. Милютина «Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и о средствах к устранению оных» от 26 марта 1856 г. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 22. Ед. хр. 29). Основное содержание записки и история ее написания изложены в кн.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843—1856. С. 431—433.

[161] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 57. Ед. хр. 33. Л. 17—20.

[162] Там же. Л. 21—22.

[163] Письмо Д.А. Милютина к А.И. Барятинскому от 6 декабря 1857 г. опубл.: РА. 1889. Кн. 1. С. 324.

[164] Письмо А.И.Барятинского к Д.А.Милютину от 13 декабря 1857 г. см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 57. Ед. хр. 33. Л. 23—24.

[165] РА. 1889. Кн. 1. С. 343.

[166] Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьёв вел в то время сложные переговоры с китайцами о разграничении земель в Приамурье и отстаивал в правительстве идею присоединения к России левого берега р. Амур и Приморья. Вопреки мнению А.В. Головнина, Муравьёву удалось получить поддержку в Петербурге и добиться успеха на переговорах. 16 мая 1858 г. им был заключен Айгунский трактат, установивший русско-китайскую границу по Амуру до впадения в него р. Уссури. Территория к востоку от р. Уссури до моря была окончательно признана владением России по Пекинскому договору 1860 г., подписанному Н.П. Игнатьевым (см.: *Барсуков И.П.* Граф Н.Н. Муравьёв-Амурский. СПб., 1891. Кн. 2. С. 104—108; *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. Новосибирск, 1998. С. 169—174).

[167] Об этом см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843—1856. С. 345—349. Письмо Н.Н. Муравьёва (Карского) к генералу А.П. Ермолову из крепости Грозной от 28 февраля 1855 г. и отзыв князя Д.И. Святополк-Мирского на это письмо хранятся в ГАРФ. Ф. 647 (Великая княгиня Елена Павловна). Оп. 1. Д. 45.

[168] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 67. Ед. хр. 53. Л. 13—14.

[169] РА. 1889. Кн. 1. С. 345—346.

[170] Цитируется письмо великого князя Константина Николаевича от 10 декабря 1857 г. (Там же. С. 132).

[171] После взятия Лакхнау (в тексте — Лукнов) отдельные очаги сопротивления англичанам сохранялись вплоть до весны 1859 г. Выгодный для Великобритании нейтралитет Афганистана во время восстания в Индии объяснялся не только сравнительно быстрыми успехами англичан в борьбе с повстанцами, но и тем, что афганский эмир был заинтересован в британской помощи против посягательств на его владения со стороны Персии. Соответствующий англо-афганский договор был заключен в январе 1857 г., во время англо-персидской войны 1856—1857 гг.

[172] РА. 1889. Кн. 1. С. 133.

[173] При реализации этого проекта было решено объединить вновь создаваемую компанию с уже существовавшем на Волге частным речным пароходством «Меркурий». В результате в 1858 г. было учреждено одно из крупнейших частных акционерных речных и морских пароходств России — «Кавказ и Меркурий», получившее от правительства значительные привилегии по перевозке грузов, в том числе военных, по Каспийскому морю (см.: Краткий очерк деятельности пароходного общества «Кавказ и Меркурий». 1858—1908. СПб., 1909).

[174] Письмо А.В. Головнина к Д.А. Милютину см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 25. Л. 31—31об.

[175] РА. 1889. Кн. 1. С. 334—335.

[176] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 25. Л. 32—33.

[177] РА. 1889. Кн. 1. С. 481—482.

[178] Указанный проект и материалы его обсуждения в Государственном совете хранятся в ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 936. Л. 200об.—207, 313—313об.; Д. 192. Л. 29—32об.; Д. 174. Л. 108—115об. (Материалы деятельности великого князя Константина Николаевича по Морскому ведомству со времени вступления в управление им по январь 1858 г.).

[179] РА. 1889. Кн. 1. С. 483.

[180] Имеется в виду письмо князя А.М. Горчакова к А.И. Барятинскому от 15 января 1858 г. (Там же. С. 358). Письмо было написано в связи с принятием Барятинским решения подготовить черноморскую гавань Поти к приему иностранных грузов. О таком послаблении иностранным судам Горчаков ходатайствовал перед Барятинским в середине декабря 1857 г., получив поддержку Кавказского комитета (см.: *Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 193—194).

[181] РА. 1889. Кн. 1. С. 344.

[182] РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 340 (Отношение А.И. Барятинского военному министру о мерах по усилению обороны западных районов Закавказского края и перенесения порта в устье р. Рион).

[183] РА. 1889. Кн. 1. С. 352.

[184] План военной кампании на Кавказе в 1858 г., представленный А.И. Барятинским военному министру, см. в РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 2. Д. 6669.

[185] РА. 1889. Кн. 1. С. 344.

«Кавказ» — политическая и литературная газета, выходившая в Тифлисе в 1846—1918 гг. До 1864 г. издавалась при канцелярии кавказского наместника, имела официальный характер.

[186] РА. 1889. Кн. 1. С. 345—346.

[187] Летом 1856 г., еще до назначения А.И. Барятинского наместником, его предшественником на этом посту

Н.Н. Муравьёвым (Карским) намечалось переселение нескольких «мирных» аулов Сунженской линии в степи Ставропольской губернии. Однако слухи об этом вызвали серьезное недовольство горцев, и Александр II распорядился отменить все приготовления (АКАК. Т. 12. С. 772—773). Тем не менее, планы переселения горцев продолжали владеть умами кавказской администрации и царского правительства. Дело в том, что в условиях массового прекращения горцами борьбы и возвращения к мирному труду встала необходимость решать вопрос о земле, отобранной в свое время у горцев и переданной казакам. С другой стороны, было очевидно, что Кавказская армия не сможет осуществить военную колонизацию всей земли. Поэтому возникла идея расселять горцев большими аулами на тех местах, которые им будут указаны, в том числе предусматривалось переселение их в другие места и даже в глубь России. В ноябре 1857 г. А.И. Барятинский и Д.А. Милютин предложили проект переселения закубанских горцев за Дон, под «присмотр» донского казачества. Этот проект обсуждался в Кавказском комитете и был отклонен (АКАК. Т. 12. С. 757—783).

188 Речь идет о докладной записке Д.А. Милютина «О средствах к развитию русского казачьего населения на Кавказе и к переселению части туземных племен» и отзывах на нее (см. в РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 351. Л. 4—29, 30—74).

189 РА. 1889. Кн. 1. С. 345—346, 488—489.

190 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 67. Ед. хр. 53. Л. 14.

191 РА. 1889. Кн. 1. С. 344.

192 Письмо Д.А. Милютина к Н.И. Евдокимову от 19 января 1858 г. в ф. 169 и РГВИА не обнаружено.

193 Письмо А.И. Барятинского к Н.И. Евдокимову от 26 января 1858 г. в фондах РГВИА не обнаружено.

194 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 64. Ед. хр. 23. Л. 3—4.

195 РА. 1889. Кн. 1. С. 344.

196 Подлинник письма см. в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1970. Л. 38—39; опубл.: *Rieber*. Op. cit. P. 113—114.

197 Подлинник письма см.: Там же. Д. 2500. Л. 93—93об.; опубл.: *Зиссерман А.Л.* Указ. соч. Т. 2. С. 212—213.

198 См. письмо Александра II к А.И. Барятинскому от 9 февраля 1858 г. (подлинник — ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1970. Л. 39—40; опубл.: *Rieber*. Op. cit. P. 114—115).

199 Письмо Н.И. Евдокимова к Д.А. Милютину от 14 марта 1858 г. и ответное письмо Милютина от 22 марта в ф. 169 и РГВИА не обнаружены.

200 См. рапорт Н.И. Евдокимова военному министру от 19 апреля 1858 г. (АКАК. Т. 12. С. 1076—1078).

201 См. коммент. 180, 182.

202 Об обстановке, сложившейся в Черкессии к 1858 г., подробно см.: *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. М., 1994. С. 553—562.

203 Указанная комиссия была образована на основании ст. 20 Парижского мирного договора 1856 г.

204 Самостоятельность Гурийского княжества была упразднена в 1828 г., после бегства в Турцию правительницы княгини Софьи с сыном — малолетним князем Давидом. В 1832 г. Давид возвратился в Россию, служил в русской армии и погиб при осаде аула Ахульго в 1839 г.

205 Под Ахалцихом 26 ноября 1853 г. (в тексте ошибочно указан 1854 г.) турецкие войска потерпели поражение от отряда генерал-лейтенанта И.М. Андронникова.

[206] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 53. Ед. хр. 47. Л. 8—9.

[207] Речь идет о письме Александра II к А.И. Барятинскому от 7 июля 1858 г. (в тексте ошибочно указано, что оно без числа; подлинник см. в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1970. Л. 47—48; опубл.: *Rieber*. Op. cit. P. 120).

[208] РА. 1889. Кн. 1. С. 481—482.

[209] Там же. С. 352.

[210] Там же. С. 348.

[211] Об усмирении беспорядков в назрановском обществе подробно см.: РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 2. Д. 6672.

[212] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 64. Ед. хр. 23. Л. 7—8.

[213] Имеется в виду письмо Александра II к А.И. Барятинскому от 7 июля 1858 г. (см. коммент. 207).

[214] Донесения Н.И. Евдокимова к А.И. Барятинскому от 4 и 8 июля 1858 г. в фондах РГВИА не обнаружены.

[215] См. коммент. 199.

[216] См. Рапорты Н.И. Евдокимова военному министру от 3 и 11 августа 1858 г. с приложением журналов военных действий с 15 июля по 9 августа в Аргунском ущелье (опубл.: АКАК. Т. 12. С. 1094—1097).

[217] РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 2. Д. 6670.

[218] *Аманат* (араб.) — заложник.

[219] *Кадий* (араб.) — судья, возглавлявший шариатский суд.

[220] Цитата из письма П.Д. Зотова к Д.А. Милютину от 9 августа 1858 г. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 64. Ед. хр. 23. Л. 17).

[221] См. письмо Д.А. Милютина от 4 августа 1858 г. (Там же. Карт. 52. Ед. хр. 69. Л. 3—6).

[222] Подробно о военных действиях в Прикаспийском крае летом 1858 г. см. в донесениях А.Е. Врангеля военному министру (РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 2. Д. 6670). Упомянутая переписка Врангеля с А.И. Барятинским по поводу генерала З.С. Манюкина в фондах РГВИА не обнаружена.

[223] Имеется в виду экспедиция, которую возглавил наместник Кавказа и командующий Отдельным Кавказским корпусом М.С. Воронцов в июле 1845 г. с целью захвата резиденции Шамиля — аула Дарго. Отряд Воронцова занял покинутый горцами Дарго, а затем попал в окружение и вырвался из него с самыми крупными за все время Кавказской войны потерями. Подробно о даргинской экспедиции см.: Даргинская трагедия 1845 г. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2001.

[224] Указанное письмо Александра II к А.И. Барятинскому датируется 19 мая 1858 г. (подлинник см. в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1970. Л. 46—47; опубл.: *Rieber*. Op. cit. P. 118—119).

[225] Подробно о военных действиях в 1858 г. на лезгинской линии см.: Донесения И.А. Вревского военному министру (РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 2. Д. 6670); отношение А.И. Барятинского ему же «О принесении покорности дидатскими деревнями, хушетским обществом и тебулойцами» от 22 сентября 1858 г. (Там же. Ф. 38. Оп. 7. Д. 356. Л. 13—15).

[226] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 57. Ед. хр. 35. Л. 5—6об.

[227] РА. 1889. Кн. 1. С. 348—349.

[228] Письмо вел. кн. Константина Николаевича от 23 октября 1858 г. из Ганновера опубл. в РА. 1889. Кн. 1. С. 328; письма А.П. Карцова см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 3. Л. 14—15.

[229] В 1856 г. великая княгиня Елена Павловна выступила с инициативой освобождения крестьян в своем имении Карловка. По ее просьбе

Н.А. Милютин со своими единомышленниками составил записку «Предварительные мысли об устройстве отношений между помещиками и их крестьянами» (19 октября 1856 г.). Александр II понял цель записки — дать модель общегосударственной реформы, и отклонил ее. Однако не запретил Елене Павловне обсуждать этот вопрос с полтавскими помещиками. Работа над запиской продолжалась при участии К.Д. Кавелина, В.А. Черкасского, землевладельцев Киевской и Полтавской губерний и др. Через два года был составлен проект «Об устройстве Карловского имения», который обсуждался в Главном комитете по крестьянскому делу, а 1 февраля 1859 г. был подписан Александром II. Главная идея проекта — освобождение крестьян с выкупом полевой надельной земли в собственность. Этот проект стал моделью реформы 1861 г. (см.: *Захарова Л.Г.* Указ. соч. С. 47—51, 133—134).

230 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 10. Л. 15—18.

231 Автор приводит выдержку из письма И.П. Арапетова от 6 июля 1859 г. (Там же. Карт 56. Ед. хр. 56. Л. 12—13; всего в ф. 169 хранится 7 писем Арапетова за 1858—1859 гг.).

232 Указанный Комитет был учрежден 12 января 1858 г. Для содействия работе Комитета были созданы подготовительные комиссии в Министерстве государственных имуществ, Департаменте уделов и Министерстве финансов, в управлении которых находились перечисленные в тексте группы крестьян. Деятельность Комитета свелась в основном к сбору подготовительных материалов, которые в дальнейшем были использованы при осуществлении реформ удельных крестьян — в 1863 г. и государственных — в 1866 г.

233 Преобразование Секретного комитета в Главный комитет по крестьянскому делу состоялось в феврале 1858 г. И Секретный и Главный комитеты были учреждены под личным председательством императора. Князь А.Ф. Орлов, а позднее (с октября 1860 г.) великий князь Константин Николаевич председательствовали в комитетах только в отсутствие императора Александра II.

234 Под «здешним комитетом» Н.А. Милютин подразумевает Петербургский дворянский губернский комитет. Он также намекает на приезд М.П. Позена в Петербург в феврале 1858 г., чтобы повлиять на подготовку программы крестьянской реформы для губернских дворянских комитетов. Скорее всего, он был специально приглашен консервативным крылом Главного комитета. Позен много писал по крестьянскому вопросу и являлся одним из главных вдохновителей тех, кто выступал против либеральных проектов реформы.

235 *Робер Макер* — герой одноименной пьесы Б. Антье и Ф. Леметра, пользовавшейся успехом в середине 19 в. Благодаря блестящей игре Ф. Леметра имя Робера Макера стало нарицательным, обозначая мошенника-проходимца и мелодраматического убийцу. См.: Laffont-Bompiani Dictionaire des Personages lettérares et dramatique de tout le temps et de tous le pays. Poésie — Théâtre — Roman — Musique. Paris, 1984. P. 618.

Особое недовольство Н.А. Милютина А.М. Княжевичем, который был назначен министром финансов в 1858 г., объяснялось нерешительностью и непоследовательностью последнего в вопросе оздоровления государственных финансов.

236 Работа К.Д. Кавелина была опубликована без подписи в № 4 журнала «Современник» за 1858 г. в качестве продолжения напечатанной в № 2 того же журнала статьи Н.Г. Чернышевского «О новых условиях сельско-

го быта». Кавелин настаивал на обязательном освобождении крестьян с землей за выкуп и отвергал другие варианты реформы, что шло вразрез с преобладавшими на тот момент в правительственных кругах настроениями. Сразу после этой публикации Министерство народного просвещения издало несколько циркуляров о цензуре, серьезно ограничивших обсуждение в печати крестьянского вопроса. Кавелин был уволен с должности преподавателя Наследника престола. Подробно см.: *Герасимова Ю.И.* Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х — начале 1860-х гг. М., 1974. С. 51—56.

237 Очевидно, Н.А. Милютин имел в виду назначение в апреле 1858 г. министром народного просвещения Е.П. Ковалевского вместо А.С. Норова. В этом случае опасения Милютина не подтвердились: Ковалевский начал восстанавливать университетскую автономию, выступал за смягчение цензуры.

238 17 апреля — день рождения Александра II, и в обществе, как всегда в этот день, ожидали каких-нибудь перемен.

239 Указанная Комиссия была учреждена под председательством графа Ф.В. Ридигера в августе 1855 г. Членами Комиссии сначала были генералы: П.А. Данненберг (он же и вице-председатель), В.Н. Максимович, князь А.И. Барятинский, С.В. Мерхелевич, граф Э.Т. Баранов. В феврале 1856 г. состав Комиссии был усилен несколькими новыми членами, в число которых входил и Д.А. Милютин. Комиссия работала интенсивно, поднимая ряд вопросов, касавшихся благоустройства и образования войск (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843—1856. С. 430).

240 16 июня 1856 г. Д.А. Милютин подал генералу А.А. Катенину записку с программой нового журнала «Военный сборник» (см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 15). «Военный сборник» начал издаваться в 1858 г. и выходил до 1917 г. в Петербурге. С 1862 г. журнал стал органом Военного министерства. Известие о разрешении на издание «Военного сборника» А.П. Карцов сообщил Милютину в письме от 7 января 1858 г. (Там же. Карт. 65. Ед. хр. 3. Л. 1—2об.).

241 Доклад военного цензора полковника Штюрмера имел характерное название «О вредном направлении всей русской литературы вообще и «Военного сборника» в особенности». Новейшие исследования подтверждают мнение А.П. Карцова и Д.А. Милютина о том, что замену редакторов «Военного сборника» следует связывать не только с участием в журнале Н.Г. Чернышевского, но и с противоборством в армии сторонников и противников военных реформ. Особое негодование последних вызвали статьи «Военного сборника» с резкой критикой положения дел в Южной армии во время Крымской войны, к командованию которой имели отношение многие представители «старого» консервативного генералитета, включая и военного министра Н.О. Сухозанета (см.: *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830—1904). СПб., 1998. С. 58—70). Упомянутое письмо А.П. Карцова от 30 января 1859 г. см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 4. Л. 1—4об.

242 Весной 1858 г. И.С. Аксаков возглавил редакцию «Русской беседы» и получил разрешение на издание еженедельной газеты «Парус». Газета начала выходить в январе 1859 г., но была запрещена после выхода второго номера за статью М.П. Погодина «Прошедший год в русской истории» (подробно об этом см.: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1902. Кн. 16. С. 311—337).

[243] Речь идет о письме А.П. Карцова от 8 ноября 1858 г. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 3. Л. 16—17).

[244] РА. 1889. Кн. 1. С. 483—486.

[245] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 34. Отд. 1-е. № 34127.

[246] РА. 1889. Кн. 1. С. 330.

[247] 11 июля 1858 г. А.И. Барятинский получил императорский рескрипт об учреждении Ставропольского губернского комитета для разработки проекта крестьянской реформы (см.: АКАК. Т. 12. С. 192—196). Тогда же Барятинский затребовал сведения о численности и состоянии помещиков и крестьян в Тифлисской и Кутаисской губерниях. Официальное обсуждение вопроса об отмене крепостного права в Закавказье началось только в 1861 г., когда был создан Закавказский комитет по устройству помещичьих крестьян и местные дворянские комитеты (см.: Там же. С. 192—220).

[248] РА. 1889. Кн. 1. С. 483—486.

[249] Из-за возникших трудностей в работе Закаспийского торгового товарищества Н.Е. Тронау и Н.А. Новосельский вскоре уступили свои места в правлении другим лицам. Фактически, а с конца 1860-х гг. и юридически, единоличным руководителем кампании являлся В.А. Кокорев.

[250] Историки не разделяют столь категорических оценок экспедиции Н.П. Игнатьева и Н.В. Ханыкова. Действительно, непосредственных серьезных политических результатов они не принесли, о чем, кстати, прямо говорилось в отчетном донесении Н.В. Ханыкова в Азиатский департамент Министерства иностранных дел от 21 ноября 1859 г. (см.: *Ханыков Н.В.* Экспедиция в Хорасан. М., 1973. С. 189—192). Тем не менее был собран огромный материал, который активно использовался при разработке дальнейших планов России в Средней Азии и на Среднем Востоке (см.: *Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф.* Н.В. Ханыков — востоковед и дипломат. М., 1977. С. 147—153; *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 261—262, 266—267).

[251] Н.П. Игнатьев был российским уполномоченным в Китае в 1859—1860 гг.

[252] Опубл.: РА. 1889. Кн. 1. С. 324—326; подлинник в ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 440. Л. 34—39об.

[253] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 51. Ед. хр. 87. Л. 6—7.

[254] Автор не точен в дате: цитируемое письмо датируется 11 октября 1858 г. (Там же. Карт. 61. Ед. хр. 25. Л. 40—43).

[255] Д.А. Милютин подразумевает здесь Положение об устройстве морских средств на восточном берегу Черного моря от 2 декабря 1857 г. (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 32. Отд. 1-е. № 32508). По Положению, все паровые суда, принадлежавшие Кавказскому корпусу решено передать в состав Черноморского флота и все вообще морские суда, находившиеся в подчинении кавказского начальства для службы при кавказских берегах Черного моря, подчинить морскому начальству в Николаеве. Этим Положением определялся круг деятельности Черноморской флотилии. Она вооружалась ежегодно для содержания военного крейсерства у восточных берегов Черного моря, для гидрографических работ, для доставления портам разных грузов и для перевозки сухопутных войск.

[256] Подлинник письма Д.А. Милютина к А.В. Головнину от 31 октября 1858 г. см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 51. Ед. хр. 87. Л. 8—12.

[257] Там же. Карт. 61. Ед. хр. 25. Л. 44—45.

[258] Автор не точен в дате: указанное письмо А.В. Головнина к А.И. Барятинскому из Палермо датировано

(8)20 января, а не 3(15) января (опубл.: РА. 1889. Кн. 1. С. 338—339).

259 Черноморское казачье войско было создано в 1787 г. из бывших запорожских казаков. В 1792—1793 гг. черноморские казаки были переселены на Кубань и к середине XIX в. занимали укрепленную линию по правому берегу Кубани от устья до р. Лабы. Кавказское линейное казачье войско было образовано из местных казачьих полков в 1832 г. К середине XIX в. оно занимало территорию от устья Терека до р. Лабы. В 1860 г., в соответствии с планом А.И. Барятинского, из части линейных казаков было сформировано Терское казачье войско, другая часть вместе с Черноморским казачеством вошла в состав нового Кубанского казачьего войска.

260 Имеется в виду записка «Основные мысли, на коих может быть устроено провиантское довольствие Кавказской армии» (подлинник записки с пометками И.Г. Колосовского и его же заключение по записке от 4 января 1859 г. см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 19. Ед. хр. 14. Л. 1—16).

261 Опубл.: РА. 1889. Кн. 1. С. 350—351.

262 Там же. С. 352—353.

263 Там же. С. 353—354.

264 Там же. С. 491—493.

265 Письмо А.И. Барятинского к Н.О. Сухозанету от 7 октября 1858 г. см. там же. С. 348—349.

266 Указанное письмо в фондах ГАРФ не обнаружено.

267 РА. 1889. Кн. 1. С. 350—351.

268 Там же. С. 353—354.

269 Там же. С. 491—493.

270 Там же. С. 493—494.

271 Подлинник письма см. в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1970. Л. 55—56об.; опубл.: *Rieber*. Op. cit. P. 125—126.

272 РА. 1889. Кн. 1. С. 491—493; ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2500. Л. 145—148об.

273 Копия указанного письма на фр. яз. хранится в ГАРФ. Ф. 828 (А.М. Горчаков). Оп. 1. Д. 1413. С. 372—373.

274 Подлинник см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 57. Ед. хр. 35. Л. 3—4.

275 РА. 1889. Кн. 1. С. 355—358.

276 Переписка об укреплении Черноморской береговой линии велась до марта 1859 г. См. об этом подробнее: РГВИА. Ф. 14719 (Главный штаб Кавказской армии). Оп. 2. Д. 433.

277 РА. 1889. Кн. 1. С. 332—333.

278 Речь идет о представленных А.И. Барятинским военному министру предположениях о действиях войск Кавказской армии с осени 1858 г. по осень 1859 г. (РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 2. Д. 6674).

279 Сын солдата и казачки, Н.И. Евдокимов не имел возможности получить хорошее образование.

280 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 63. Ед. хр. 36. Л. 1—7.

281 Об обстоятельствах выдачи в заложники сына Шамиля Джемалэддина в ауле Ахульго в 1839 г. см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816—1843. С. 261.

282 Здесь и далее в тексте воспоминаний приводятся выдержки из переписки (по-видимому, секретной) Н.И. Евдокимова с А.И. Барятинским и Д.А. Милютиным за январь — апрель 1859 г. (всего 8 писем); указанные документы в фондах РГВИА не обнаружены.

283 См.: Письма Д.А. Милютина к А.Е. Врангелю от 29 января и 7 февраля 1859 г. (АКАК. Т. 12. С. 1125).

284 Подлинник см. в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2500. Л. 149—156об.; опубл.: РА. 1889. Кн. 1. С. 458—459.

[285] Подробнее об этих событиях см.: «Краткое извлечение из журнала военных действий войск Прикаспийского края с 15 по 22 марта 1859 г.», от 22 марта 1859 г. (опубл. в кн.: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... С. 668—669; подлинник — РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 2. Д. 6676. Л. 35—37).

[286] Рапорт Н.И. Евдокимова военному министру с приложением журнала военных действий Левого крыла Кавказской армии с 20 марта по 1 апреля 1859 г. опубл.: АКАК. Т. 12. С. 1136—1137.

[287] Имеется в виду письмо А.П. Карцова от 3 мая 1859 г. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 4. Л. 9—13).

[288] Цитируемый приказ (по-видимому, от 29 апреля 1859 г.) А.И. Барятинского по Кавказской армии см. в РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 230. Л. 206.

[289] О действиях войск Прикаспийского края с 29 марта по 6 апреля подробно изложено в соответствующем журнале военных действий от 26 апреля 1859 г. (подлинник см. в РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 2. Д. 6676. Л. 48—50; опубл.: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... С. 670—671).

[290] О положении дел на Правом фланге подробнее см. в журнале военных действий на Кавказе от 9 апреля 1859 г. (подлинник см.: Там же. Л. 38—42; опубл.: Там же. С. 669—670).

[291] РА. 1889. Кн. 1. С. 497—499.

[292] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 4. Л. 5—8.

[293] Речь идет о письме Александра II от 20 апреля 1859 г. (подлинник см. в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1970. Л. 61—62; опубл.: *Rieber*. Op. cit. P. 129—130).

[294] Подлинник письма А.И. Барятинского от 4 мая 1859 г. см.: Там же. Д. 2500. Л. 159—162об.

[295] Цитируемое письмо П.Д. Зотова к Д.А. Милютину в ф. 169 не обнаружено.

[296] Речь идет о письме от 15 мая 1859 г.; подлинник — ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1970. Л. 64; опубл.: *Rieber*. Op. cit. P. 130.

[297] Русско-французское сближение, начало которому было положено во время встречи императоров Александра II и Наполеона III в Штутгарте в 1857 г., привело к подписанию русско-французского секретного договора 19 февраля (3 марта) 1859 г. В случае войны Франции с Австрией Россия приняла обязательство соблюдать благожелательный к Франции нейтралитет и не препятствовать ограниченным территориальным изменениям на Апеннинском полуострове в пользу расширения Сардинского королевства. Кроме того, Россия должна была способствовать сохранению нейтралитета других великих держав, прежде всего Пруссии. Устно Александр II обещал Наполеону придвинуть войска к границам Австрии. Наполеон III в общей форме обещал оказать России поддержку в случае возможного пересмотра отдельных положений Парижского мира 1856 г. Расплывчатость французских обязательств привела к тому, что российская сторона не включила в договор никаких конкретных условий по численности русских войск, которые должны были быть стянуты к границе, чтобы приковать к себе часть сил австрийской армии. Текст договора 3 марта 1859 г. и сопутствующие ему дипломатические документы опубл. в журнале «Красный архив» (1938. Т. 3; также см.: Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917. М., 1952. С. 69—70).

[298] Письмо А.И. Барятинского от 16 июня 1859 г. см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 57. Ед. хр. 35. Л. 7—8.

[299] Там же. Л. 9—10.

[300] Там же. Карт. 65. Ед. хр. 4. Л. 1—4.

[301] Там же. Л. 9—13.

[302] РА. 1889. Кн. 1. С. 501.

[303] Письмо А.Е. Врангеля от 3 июля 1859 г. в ф. 169 и РГВИА не обнаружено; письмо Д.А. Милютина от 7 июля 1859 г. опубл. там же. С. 500.

[304] См. коммент. 223.

[305] РА. 1889. Кн. 1. С. 502—504.

[306] Об этом подробно см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816—1843. С. 222—224.

[307] Цитируемый приказ см. в РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 230. Л. 333.

[308] С 1841 г. Аварское ханство входило в состав имамата, превратившись из самостоятельного феодального образования в административную единицу шамилевского государства. 19 августа 1859 г. А.И. Барятинский направил в Кавказский комитет отношение о восстановлении Аварского ханства (полностью опубл. в кн.: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа... С. 676—677).

[309] Опубл.: РА. 1889. Кн. 1. С. 501—502. Цитируемый выше приказ от 27 июля 1859 г. см. в РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 230. Л. 337.

[310] Недовольство населения восстановленной в Аварии ханской властью подтолкнуло российскую администрацию к упразднению Аварского ханства в 1864 г.; его территория составила Аварский округ Дагестанской области.

[311] Описание осады аула Ахульго см.· *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816—1843. С. 230—264.

[312] Во время Кавказской войны на протяжении 1844—1849 гг. трижды, в 1847, 1848 и 1849 гг., у аула Чох Шамиль был вынужден вести с русскими войсками затяжные «позиционные» бои.

[313] Подлинник письма Александра II см. в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1970. Л. 65—66; опубл.: *Rieber.* Op. cit. P. 130—131. Письма А.М. Горчакова и Н.О. Сухозанета опубл.: РА. 1889. Кн. 1. С. 609—610.

[314] Ответное письмо А.И. Барятинского к А.М. Горчакову см. там же. Письмо его же к Александру II от 24 августа 1859 г. см. в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2500. Л. 175—183об.

[315] Имеется в виду отношение А.И. Барятинского к военному министру от 27 июня 1859 г. (опубл.: АКАК. Т. 12. С. 1161—1162).

[316] Автор приводит выдержку из письма Александра II к А.И. Барятинскому от 10 августа 1859 г. (подлинник см. в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1970. Л. 67—68; опубл.: *Rieber.* Op. cit. P. 131—132).

[317] Приказ А.И. Барятинского по Кавказской армии № 381 от 22 августа 1859 г. опубл.: АКАК. Т. 12. С. 1172—1172об.

[318] Автор приводит выдержку из письма А.П. Карцова от 11 сентября 1859 г. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 4. Л. 18).

[319] 30 августа — тезоименитство Александра II.

[320] Опубл.: РА. 1889. Кн. 1. С. 617.

[321] Донесения А.И. Барятинского Н.О. Сухозанету № 379 от 22 августа 1859 г. опубл.: Там же. С. 620—623.

[322] Отношение А.И. Барятинского Н.О. Сухозанету № 465 от 27 августа 1859 г. с приложением приказа по Кавказской армии от 26 августа опубл.: Там же. С. 642—645.

[323] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 4. Л. 18—25.

[324] Приказ по Кавказской армии от 20 сентября 1859 г. в фондах РГВИА не обнаружен.

325 Переписка Шамиля с А.И. Барятинским продолжалась с сентября 1859 г. до смерти Шамиля в 1871 г. Всего за этот период ими написано 9 писем. Они опубликованы в журнале «Русская старина». 1880. Т. 27. С. 805—812 (письма Шамиля — в переводе на русский язык). Цитируемое Милютиным письмо Шамиля относится к 11 сентября (а не октября) 1859 г. (с. 805); ответное письмо Барятинского см. там же.

326 РА. 1889. Кн. 1. С. 646.

327 Там же. С. 495—496.

328 Там же. С. 486—487.

329 Там же. С. 648—649.

330 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 26. Л. 15—19.

331 Имеется в виду письмо П.Д. Киселёва от 9 ноября (28 октября) 1859 г.; опубл. в переводе на русский язык: РА. 1889. Кн. 1. С. 649.

332 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 4. Л. 18—25.

333 В июне 1859 г. китайцы отказались пропустить в Тяньцзинь англо-французскую эскадру, которая сопровождала британских и французских дипломатов, направлявшихся в Пекин. Тогда английские и французские корабли (первые преобладали, поэтому Милютин пишет только об англичанах) предприняли безуспешную попытку прорыва через китайские укрепления в устье реки Байхэ (Пейхо). Это привело к возобновлению англо-франко-китайской войны, завершившейся в 1860 г. поражением Китая.

334 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 4. Л. 26—29.

335 Там же. Карт. 61. Ед. хр. 26. Л. 15—17.

336 Там же. Карт. 75. Ед. хр. 83. Л. 1—2.

337 Об этом — письмо Александра II к А.И. Барятинскому от 11 сентября 1859 г. (подлинник см.: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1970. Л. 68—68об.; опубл.: *Rieber*. Op. cit. P. 132—133).

338 См. письмо А.И. Барятинского к Александру II от 21 сентября 1859 г. (подлинник — Там же. Д. 2500. Л. 193—194об.).

339 См. ответное письмо Александра II от 29 сентября 1859 г. из Одессы. (подлинник — Там же. Д. 1970. Л. 69—70об.; опубл.: *Rieber*. Op. cit. P. 133).

340 Подлинник — Там же. Д. 2500. Л. 195—196; опубл.: РА. 1889. Кн. 2. С. 111—112.

341 Там же. Кн. 1. С. 496—497.

342 Речь идет об отношении А.И. Барятинского к Н.О. Сухозанету от 4 августа 1859 г. (опубл.: АКАК. Т. 12. С. 1167—1168).

343 Подробно об этом см.: РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 375. В середине 1860-х гг. все эти ханства были упразднены и преобразованы в округа Дагестанской области с военно-народным управлением.

344 АКАК. Т. 12. С. 652—656.

345 Подлинник см. в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2500. Л. 197—199; опубл.: РА. 1889. Кн. 2. С. 113.

346 6 декабря — тезоименитство великих князей Николая Александровича и Николая Константиновича.

347 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 67. Ед. хр. 61. Л. 14—14об.

348 Там же. Л. 15—16.

349 Там же. Карт. 50. Ед. хр. 56. Л. 1—3.

350 Там же. Карт. 57. Ед. хр. 35. Л. 11—12; опубл.: РА. 1889. Кн. 2. С. 114.

351 Там же. Карт. 50. Ед. хр. 56. Л. 4—7.

352 Там же. Карт. 57. Ед. хр. 35. Л. 15—16.

353 Подлинник см. в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2500. Л. 201—205об.; опубл.: РА. 1889. Кн. 2. С. 115.

354 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 60. Ед. хр. 69. Л. 15—16.

355 Там же. Л. 13—14.

356 Там же. Карт. 61. Ед. хр. 26. Л. 18—19.

357 Там же. Карт. 65. Ед. хр. 4. Л. 35—37. Карцов подразумевает победы французских войск в ходе австро-франко-итальянской войны 1859 г.

358 Полностью стихотворение см. в кн.: *Зиссерман А.Л.* Указ. соч. Т. 2. С. 332—334.

359 См. коммент. 353.

360 См. коммент. 349 и 352.

361 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 4. Л. 38—39.

362 Цитируется выдержка из письма Александра II от 24 апреля 1860 г. (подлинник — ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1970. Л. 73—74об.; опубл.: *Rieber.* Op. cit. P. 135—136).

363 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 4. Л. 37.

364 Там же. Карт. 60. Ед. хр. 69. Л. 15—16.

365 Там же. Л. 9—12.

366 Там же. Карт. 65. Ед. хр. 4. Л. 42—47.

367 Там же. Карт. 61. Ед. хр. 26. Л. 15—17.

368 В Редакционных комиссиях вплоть до их роспуска 10 октября 1860 г. (т. е. в течение более чем полутора лет) была сосредоточена вся работа по составлению законодательства об отмене крепостного права. Редакционные комиссии создавались для систематизации (редактирования) проектов губернских дворянских комитетов при Главном комитете по крестьнскому делу. Однако фактически они превратились в учреждение новое, нетрадиционное для государственного строя самодержавной монархии. 21 член Редакционных комиссий из общего их состава (39) представлял общественные силы страны (ученых, публицистов, помещиков, среди которых: Ю.Ф. Самарин, П.П. Семёнов-Тян-Шанский, В.А. Черкасский и др.), призванные властью к участию в «великом деле». Только 17 членов представляли бюрократию, но не высшую. Председателем Комиссий Александр II назначил своего близкого друга, которому полностью доверял — генерала Я.И. Ростовцева. Фактически Редакционные комиссии не подчинялись ни одному из высших институтов государственной власти, а непосредственно через своего председателя самому императору. Ядро комиссий (более половины их членов) составляли убежденные сторонники освобождения крестьян с полевыми наделами за выкуп, сосуществования в конечном итоге реформы крупного помещичьего и мелкого крестьянского хозяйств. Общепризнанным лидером Редакционных комиссий был Н.А. Милютин. Для Редакционных комиссий характерны стремительные темпы работы (более 400 заседаний), гласность — их протоколы издавались в количестве 3000 экземпляров. Подробнее см.: *Захарова Л.Г.* Указ. соч. С. 136—231.

369 Записка Я.И. Ростовцева от 6 февраля 1860 г. опубл. в кн.: *Семёнов Н.П.* Освобождение крестьян в царствование Александра II: Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу. СПб., 1890. Т. II. Приложение 10. С. 968—993.

370 Речь идет о службе Д.А. Милютина в штабе Военно-учебных заведений в 1845—1848 гг. (см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843—1856. С. 116—120, 132—136).

371 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 61. Ед. хр. 26. Л. 18—19.

[372] РА. 1889. Кн. 2. С. 240—242.

[373] Имеется в виду путешествие Александра II в Европу в 1838—1839 гг., когда он был еще Наследником престола, а А.И. Барятинский находился в составе его Свиты.

[374] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 50. Ед. хр. 56. Л. 8—10.

[375] Очевидно, речь идет о письме А.И. Барятинского к Александру II от 30 июня 1860 г. (подлинник в ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2500. Л. 215—220об.).

[376] Письма Н.И. Евдокимова к Д.А. Милютину и А.И. Барятинскому от 5 августа 1860 г. в ф. 169 и РГВИА не обнаружены. Подробнее о происшествиях в Терской области см.: РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 2. Д. 6681.

[377] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 57. Ед. хр. 35. Л. 17—20.

[378] Там же. Карт. 50. Ед. хр. 56. Л. 8—10.

[379] Там же. Л. 13—14.

[380] Письмо Александра II от 23 июля 1860 г., опубл.: *Rieber*. Op. cit. P. 138—139.

[381] Автор приводит выдержку из письма А.И. Барятинского от 2 августа 1860 г. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 57. Ед. хр. 35. Л. 23—24).

[382] Цитата из письма Д.А. Милютина от 4 августа 1860 г. (Там же. Карт. 50. Ед. хр. 56. Л. 13—14).

[383] Там же. Карт. 67. Ед. хр. 63. Л. 9.

[384] Там же. Карт. 50. Ед. хр. 56. Л. 15—16.

[385] Там же. Карт. 57. Ед. хр. 35. Л. 25—26.

[386] Там же. Карт. 65. Ед. хр. 4. Л. 48—48об. (письмо от 31 августа 1860 г.).

[387] Там же. Карт. 75. Ед. хр. 84.

[388] Там же. Карт. 76. Ед. хр. 79. Л. 1—2.

[389] Приветственные письма Д.А. Милютину от всех перечисленных выше лиц см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 64. Ед. хр. 34 (от Н.А. Иванова); Карт. 63. Ед. хр. 2 (от Даниель-бека); Карт. 68. Ед. хр. 6 (от М.Т. Лорис-Меликова); Карт. 68. Ед. хр. 56 (от Л.И. Меликова); Карт. 71. Ед. хр. 38 (от Л.П. Николаи); Карт. 78. Ед. хр. 14 (от Г.Е. Эристова); Карт. 78. Ед. хр. 15 (от Г.Р. Эристова).

[390] В упоминаемой биографии А.И. Барятинского о позиции Милютина на совещании по поводу плана военных действий в Закубанском крае сказано буквально следующее: «В последовавшем затем совещании генерал Филипсон, человек образованный и умный, проводил свои взгляды, и был поддержан Д.А. Милютиным; но граф Евдокимов <...> разбил в прах все предположения и аргументы Филипсона, так что и Д.А. Милютин, под конец, сдался на его сторону, и все было решено согласно мнению сего последнего» (РА. 1889. Кн. 2. С. 249).

[391] Попытка принудительно переселять кубанских казаков за Кубань целыми станицами вызвала среди них серьезные волнения. В результате, в 1861 г. было решено переселять только «охотников» и казаков, назначаемых от каждой станицы по жребию (АКАК. Т. 12. С. 869—917). Переселение шло с большим трудом, поэтому пришлось привлечь к нему не только кубанское казачество. Из общего числа переселенцев 25,3% принадлежало к другим казачьим войскам, 15,8% — к государственным крестьянам и иным сословиям (см.: *Фелицын Е.Д., Щербина Ф.А.* Кубанское казачье войско 1696—1888. Воронеж, 1888. Репринт — Краснодар, 1996. С. 227).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

В.А. Лимановский.

Дом Шамиля в Калуге.

А.П. Карцов.

Я.И. Ростовцев.

Лезгин. Рис. Т. Горшельта.

Вид Майкопа.

Урядники Ставропольского и Хоперского казачьих полков.

А.П. Николаи.

Д.А. Милютин с сыном и дочерью.

СПИСОК КАРТ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК	— Акты, собранные Кавказской археографической комиссией
ВУА	— Военно-ученый архив
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ОР РГБ	— Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи
РА	— «Русский архив»
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Алексеевич
Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ
1856–1860

Редактор *И. Ряховская*
Художественное оформление *А. Сорокин*
Технический редактор *В. Юрченко*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 21.06.2004
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 35,0. Уч.-изд. л. 35,8. Тираж 1000 экз.
Заказ № 3183

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция)
Тел/факс 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

270 г

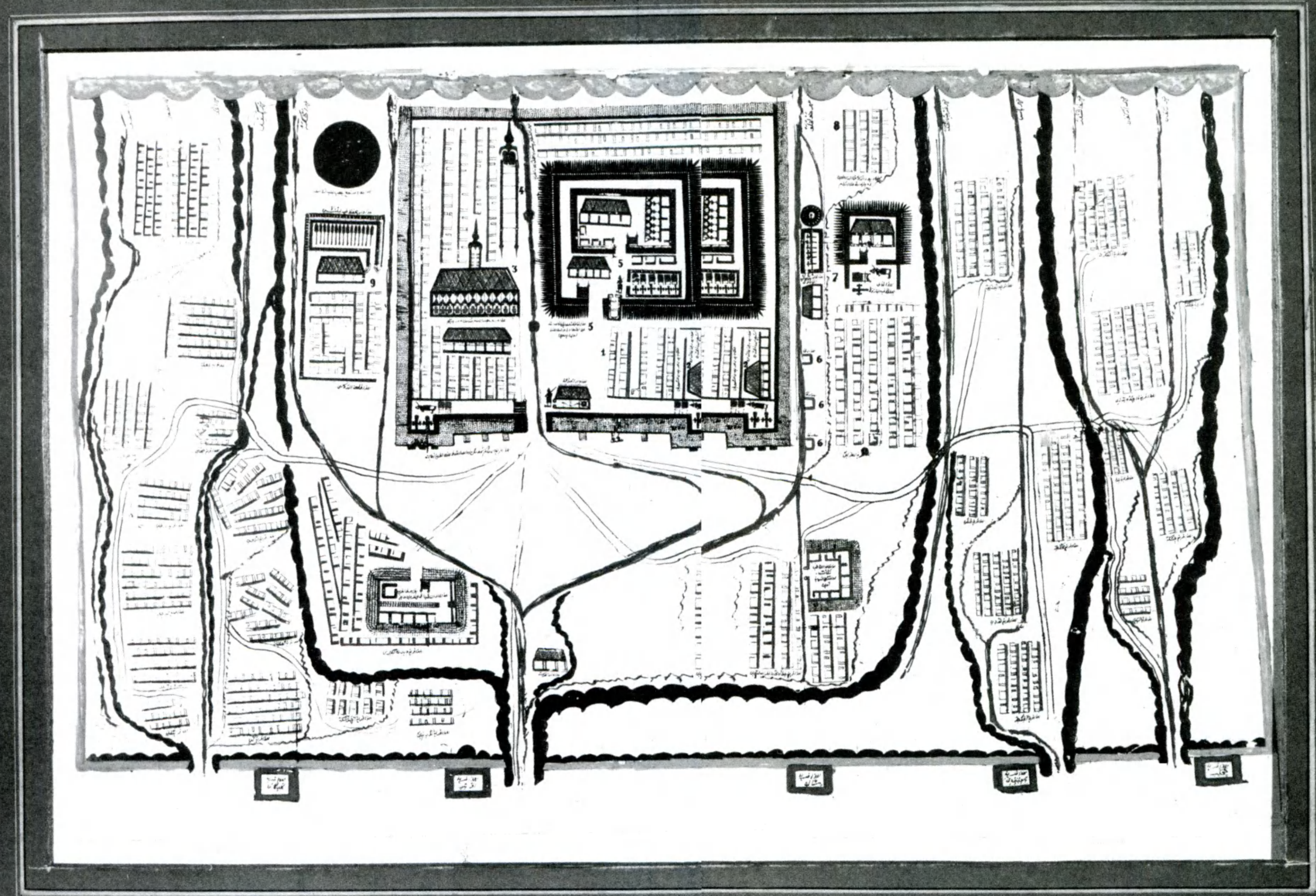
АРАБСКАЯ КАРТА ЧЕЧНИ ЧНИ ЭПОХИ ШАМИЛЯ

Фото. (Подлинник в Акад. в Акад. наук СССР)

СОСТАВЛЕНА (ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО) ГАДЖИ ЮС АДЖИ ЮСУФОМ САФАРОВЫМ в конце 1840-х гг.

Масштаб не соблюден: лагерь Шамиля да амиля дан более крупным планом.

Карта ориентирована: юг-наверху наверху; север-внизу; запад-справа; восток - слеток - слева.



Условные обозначезначения

- Горные хребты
- Реки и ручьи
- Дороги
- Селения и дома
- Часовые
- Пушки
- Вал и стены, окружающие резиденцию Шамиля

1. Дома мюридов Шамилов Шамиля.
2. Дом Джемал Эддина, Эддина, тестя Шамиля.
3. Мечеть Шамиля и миля и его мюридов.
4. Минарет
5. Дом Шамиля, укрепл. укрепленный частоколом.
6. Мельница.
7. Помещения, где изгоде изготовляется и хранится порох.
8. Поселение беглых беглых или пленных русских солдат.
9. Поселение беглых беглых или пленных русских солдат и кузница (?).

1856

Д.А. Милютин ВОСПОМИНАНИЯ

1860